

П. А. ЗАЙОНЧОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ
1860—1870 ГОДОВ
В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1952

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

*Ответственный редактор
И. А. ФЕДОСОВ*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение буржуазных реформ 60—70-х гг. имеет важное значение для понимания эволюции феодальной политической надстройки по пути приспособления ее к новому капиталистическому базису.

В 1861 году царское правительство вынуждено было отменить крепостное право. Непосредственной причиной крестьянской реформы явилась революционная ситуация, заставившая царизм пойти на этот шаг ради сохранения своего господства.

«...действительным двигателем истории, — говорил В. И. Ленин, — является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притушить эту борьбу и т. д.»¹.

Отмена крепостного права знаменовала собой утверждение в России капитализма как господствующей формации. Новый капиталистический базис развивался в условиях сохранения феодально-крепостнических пережитков. Важнейшим из них было сохранение старой феодальной политической надстройки — самодержавно-дворянского государства, сделавшего в результате отмены крепостного права лишь «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»².

Все последующие буржуазные преобразования того времени явились также прямым результатом революционного натиска, заставившего царизм пойти на некоторые изменения политической надстройки, сохранявшей, однако, в основном попрежнему свою феодальную сущность.

«Надстройка, — говорит И. В. Сталин, — не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо...»³.

Сохранение же феодально-крепостнических пережитков внутри нового базиса определяло собой живучесть старой феодальной политической надстройки.

Настоящее исследование ставит своей задачей изучение военных реформ, являвшихся составной частью буржуазных преобразований того времени.

Изучение этих реформ, коснувшихся всех отраслей организации армии и управления войсками, представляет огромный интерес для пони-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 54.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

³ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1951 стр. 10—11.

мания эволюции самодержавно-дворянского государства по пути превращения его в буржуазную монархию. Исследование этой проблемы вместе с тем важно и для изучения дальнейшей истории русской армии в эпоху империализма.

Дворянско-буржуазная историческая наука в силу своей классовой ограниченности и методологической порочности не способна была научно разработать военную историю России, не могла правильно осветить роль в ней классов и народных масс. Вследствие этого она освещала военное прошлое нашей родины идеалистически, в отрыве от конкретной исторической обстановки, игнорируя развитие военной техники и вопросы организации армии. Между тем для понимания военной истории в целом изучение этих проблем имеет исключительное значение.

«Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, — писал В. И. Ленин, — знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»¹.

Дворянско-буржуазные историки не только игнорировали изучение этих важнейших вопросов, но, низкопоклонствуя перед иностранцами, принижали героическое военное прошлое нашей страны и роль русского народа в развитии военного дела.

Военные преобразования обуславливались стремлением царизма укрепить армию, являвшуюся одним из основных орудий государственной власти.

«Орудия власти государства, — говорит И. В. Сталин, — сосредоточивались, главным образом, в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»².

Следовательно, армия является одной из составных частей политической надстройки, призванной выполнять обе основные государственные функции.

«Армия, — указывает И. В. Сталин, — есть замкнутая организация, строящаяся сверху. Существо армии предполагает, что во главе армии стоит штаб, назначенный сверху и формирующий армию на началах принудительности»³.

Эта специфическая особенность армии накладывает на нее определенный отпечаток.

Другая особенность армии заключается в том, что, будучи одним из основных орудий государственной власти, она вместе с тем является и своеобразной школой политического воспитания масс.

«Истории всех революций, — указывает И. В. Сталин, — говорят, что армия — это единственный сборный пункт, где рабочие и крестьяне разных губерний, оторванные друг от друга, сходятся и, сходясь, вырабатывают свои политические взгляды. Не случайно, что большие мобили-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 528.

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 375.

лизации и серьезные войны всегда вызывают тот или иной социальный конфликт, то или иное массовое революционное движение. Это происходит потому, что в армии крестьяне и рабочие самых отдаленных углов впервые встречаются друг с другом... Армия является школой, сборным пунктом рабочих и крестьян...»¹.

Руководствуясь именно этой особенностью армии, В. И. Ленин писал: «Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции?»².

Военные преобразования русской армии могут быть поняты лишь в неразрывной связи с экономическим положением страны. «Ничто так не зависит от экономических условий, — писал Энгельс, — как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средства сообщения»³.

Важнейшее значение для правильного методологического понимания темы исследования имеет установление критерия оценки реформ. «Революционеры, — писал В. И. Ленин, — никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, *если* эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу. ... Они никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «движения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок»⁴.

Следовательно, оценка характера той или иной буржуазной реформы может быть правильной лишь тогда, когда она определяется с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата.

Наконец, серьезное значение для правильного понимания темы имеет также вопрос об отношении различных классов к осуществлявшимся преобразованиям.

Подготовка и осуществление военных реформ проводились господствующими классами, внутри которых шла борьба между либералами и крепостниками, по-разному представлявшими себе пути укрепления одного из основных орудий самодержавно-дворянского государства — армии.

Революционные демократы, отражавшие интересы широких народных масс, не могли быть, естественно, заинтересованы в военных реформах, направленных на усиление царизма. Их отношение к армии определялось стремлением превратить ее из послушного орудия царизма в силу, призванную защищать интересы народа.

«Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»⁵.

* * *

Военные реформы являлись прямым результатом тех социально-экономических сдвигов, которые происходили в России в пореформенную эпоху.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 204—205.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 390.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1950, стр. 156.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 59—60.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

Обострение классовых противоречий в стране, нашедшее свое дальнейшее развитие в революционной ситуации 1859—1861 гг., являлось одной из основных причин, вызвавших преобразования военной организации. Рост крестьянского движения, распространение революционных настроений среди разночинной интеллигентской молодежи и в том числе среди части офицерства — все это обуславливало стремление царизма укрепить армию, сделав ее надежной опорой своей власти.

Наряду с этим внешнеполитическая обстановка, сложившаяся после заключения Парижского мира, также определяла стремление царского правительства реформировать армию, организация которой обнаружила в период Крымской войны свою полную несостоятельность. Необходимость укрепления армии настоятельно диктовалась и напряженной международной обстановкой — захватническими планами английской буржуазии на Ближнем и Среднем Востоке, а также стремлением прусского юнкерства создать у западных границ России мощное милитаристическое государство. Наконец, необходимость укрепления армии представлялась особенно очевидной в обстановке быстрого роста вооружений главнейших европейских стран, а также развития военной техники как в России, так и за границей.

Настоящее исследование ставит своей целью осветить важнейшие вопросы военных преобразований: комплектование армии, ее организацию, перевооружение, боевую подготовку войск, а также реформу военно-учебных заведений.

Одной из важнейших проблем исследования является перевооружение армии, которое могло быть осуществлено лишь на основе развития русской военно-технической мысли.

Исследование этой проблемы дает нам основание утверждать, что русские ученые и инженеры значительно опередили зарубежную науку в области военной техники, установив приоритет в ряде ее отраслей.

Хронологические рамки исследования определяются в основном 1862—1874 гг. 1862 г. — начальная дата реформ, осуществлявшихся на основе плана военных преобразований, представленного Военным министерством 15 января 1862 года; 1 января 1874 г. — дата проведения в жизнь последней реформы, всесословной воинской повинности.

Исследование основано на изучении широкого круга источников, преимущественно архивных: фондов Военного министерства и его главных управлений, отдельных военных округов и военно-учебных заведений, Государственного совета, Совета министров и многочисленных частных фондов — военного министра Д. А. Милютина, М. Н. Каткова, ген. Р. А. Фадеева, Александра II, Александра III, вел. кн. Константина Николаевича и ряда других лиц¹.

---

¹ Следует отметить, что настоящая работа не освещает ряда вопросов организации и устройства армии: интендантства, состояния крепостей, инженерных сооружений, военно-санитарной части, военно-судебного ведомства, состояния иррегулярных войск. Все это должно явиться предметом дальнейшей работы автора.

Глава I

РУССКАЯ АРМИЯ НАКАНУНЕ РЕФОРМ

Состояние дореформенной армии определялось социально-экономической обстановкой, сложившейся в России на рубеже XVIII—XIX вв.

Первая половина XIX столетия характеризовалась все усиливавшимся кризисом феодально-крепостнической системы, происходившим под влиянием вызревания в недрах феодальной формации новых капиталистических отношений. «...возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений, — говорит И. В. Сталин, — происходит не отдельно от старого строя... а в недрах старого строя...»¹.

Этот процесс капиталистического развития можно проследить во всех отраслях предреформенной экономики.

Товарно-денежные отношения все шире охватывали все отрасли хозяйственной жизни страны, что означало «отделение все большей и большей части населения от земледелия, т. е. рост промышленного населения на счет земледельческого»².

Если процент городского населения в 1796 г. составлял 4,1, то к 1856 г. он уже равнялся 7,8. Вместе с увеличением коренного населения городов возрастало также и число сезонных рабочих. Несмотря на наличие крепостного права, чрезвычайно тормозившего этот процесс, несмотря на насильственное прикрепление к земле основной массы населения — крестьянства, общее количество рабочих, занятых в промышленности, непрерывно увеличивалось, составляя в 1804 году 224.882 чел., а в 1860 г. — 859.950³.

Наряду с ростом промышленного населения усиливалась и специализация отдельных хозяйственных районов страны: развитие промышленности в центральных губерниях, зернового хозяйства и скотоводства на юге, технических культур в северо-западных губерниях.

Все это обуславливало значительный рост обмена, т. е. развитие внутреннего рынка.

Одним из показателей роста внутреннего товарооборота являются данные о ярмарочной торговле. Обороты крупнейшей ярмарки — Нижегородской — характеризовались следующими цифрами: в 1825 году он составлял 12.660.000 рублей, а в 1857 году — уже 57.600.000 рублей.

---

¹ «История ВКП (б). Краткий курс», 1952, стр. 123.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 18.

³ М. Злотников. От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории» № 11—12, 1946, стр. 39.

Помимо Нижегородской ярмарки, большое значение приобретают украинские — Киевская-Контрактовая, Роменская, Харьковская, Курская-Коренная. И. С. Аксаков в своем исследовании определяет общий оборот 11 крупнейших украинских ярмарок в 1854 году в 80.750.000 рублей¹.

По данным известного статистика Арсеньева², обороты внутренней торговли уже в 1818 году составляли 900 миллионов рублей. Наряду с внутренней торговлей росли обороты и внешней.

В предреформенный период эти обороты представляли собой следующую картину (в среднем за год в тысячах рублей золотом)³:

Годы	Вывоз	Ввоз	Общий оборот
1801—1805	75.108	52.765	127.873
1806—1808	43.169	31.819	74.988
1812—1815	61.986	39.106	101.092
1816—1820	91.712	70.049	161.761
1821—1825	81.372	72.250	153.622
1826—1830	85.715	79.687	165.402
1831—1835	94.319	80.999	175.318
1836—1840	118.435	101.096	219.531
1841—1845	132.323	119.864	252.187
1846—1850	151.757	131.522	283.279
1851—1855	133.173	129.962	263.135
1856—1860	225.594	205.866	431.460

Следовательно, оборот внешней торговли увеличивается более чем в три раза, причем большой удельный вес в экспорте приобретает хлеб. Если в начале века ежегодный вывоз хлеба составлял 19.873.000 пудов (1801 — 1805 гг.), то в конце пятидесятых годов он равнялся 69.254.000⁴.

Таким образом, рост внутренней и внешней торговли определял все усиливавшееся развитие товарно-денежных отношений, подрывавшее основы натурального хозяйства.

Усиление обмена как на внутреннем, так и на внешнем рынке вызвало необходимость создания путей сообщения. Некоторые результаты в этом отношении были достигнуты лишь в области водных сообщений (строительство ряда каналов, соединивших важнейшие водные артерии, развитие парохозяйства). Состояние же сухопутных путей сообщения на протяжении всей первой половины XIX века не претерпело существенных изменений. Почти полное отсутствие железных и шоссейных дорог чрезвычайно тормозило развитие обмена и создавало большое несоответствие в ценах.

Так, например, в 1826 году цена ржаной муки составляла: в Екатеринославе — 2 р. 40 к. за куль, в Харькове — 5 р. 40 к., в Москве —

¹ И. С. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПб., 1858, стр. 47.

² К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, СПб., 1818.

³ „Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли“ под редакцией В. Покровского, 1902, стр. XXXIV.

⁴ И. Кулишер. Очерк истории русской торговли, Петербург, 1923, стр. 275.

9 руб., в С.-Петербурге — 15 р.¹. О таком же расхождении в ценах рассказывает Т. Г. Шевченко в середине 40-х годов в своем «Дневнике». Подобное положение наглядно иллюстрировало недостаточное развитие внутреннего рынка, что обуславливалось наличием феодально-крепостнического строя. Существующие в стране условия определяли превращение товарного производства в капиталистическое. «Товарное производство, — говорит И. В. Сталин, — приводит к капитализму лишь в том случае, **если** существует частная собственность на средства производства, **если** рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, **если**, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами»².

В сельском хозяйстве — ведущей отрасли дореформенной экономики — процесс развития новых производительных сил находил свое конкретное выражение в увеличении размеров помещичьей запашки в целях все большего сбыта продукции на рынок, что, естественно, подрывало устои феодального хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, — писал В. И. Ленин, — было уже предвестником распада старого режима»³.

Увеличение размеров помещичьего хозяйства достигалось путем уменьшения крестьянской запашки, порой и в результате полного обезземеливания крестьян — перевода их на месячину, а также увеличения и интенсификации барщины. Однако ни обезземеливание крестьян, ни увеличение и интенсификация барщины не приносили помещикам каких-либо ощутительных результатов.

«Если в чужих краях, — писал в сороковых годах известный агроном Вилькинс, — успешный ход сельского хозяйства преимущественно зависит от употребления наличного капитала... то у нас в России хозяйство помещика вполне и непосредственно зависит от частного хозяйства крестьян его»⁴.

Действительно, вследствие того что в условиях крепостного права крестьяне обрабатывали помещичью землю собственным инвентарем, собственной тягловой силой, качество этой обработки целиком зависело от состояния крестьянского хозяйства. Следовательно, чем больше помещик увеличивал и интенсифицировал барщину, чем больше он обезземеливал своего крепостного, тем хуже последний обрабатывал барскую землю. В результате этого помещики, вовлеченные в орбиту товарно-денежных отношений, поневоле начинают искать выход в переходе к вольнонаемному труду.

«Прежде нанять чужого беглого крестьянина, — писал Ю. Ф. Самарин, — почиталось делом бесчестным, теперь же все делают это по необходимости, и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, заывают баб из соседних деревень. Они приходят тысячами и договариваются о цене... Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих сил к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкли»⁵.

---

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 86, 1826.

² И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

⁴ Д. Вилькинс. Мысли и наблюдения о положении сельскохозяйственной промышленности, 1843, стр. 25.

⁵ Ю. Самарин. Сочинения, т. II, стр. 5.

Однако широкое применение вольнонаемного труда в условиях сохранения крепостного права, естественно, не могло иметь места. Стремление же помещиков рационализировать свое хозяйство в рамках феодально-крепостнических отношений также было обречено на неудачу.

Таким образом, крепостное право являлось непреодолимым препятствием, тормозившим развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

В области промышленности процесс разложения феодально-крепостнической экономики характеризовался постепенным упадком вотчинной и посессионной мануфактур и развитием купеческой, основанной на вольнонаемном труде. Купеческая же мануфактура в свою очередь перерастала в капиталистическую фабрику.

По данным, приводимым Злотниковым, рост числа вольнонаемных рабочих характеризовался следующими цифрами ¹:

Годы	Число вольнонаемных рабочих	% от общего количества рабочих
1804	61.600	27,5
1825	114.115	33,0
1860	528.650	61,4

Если в первой четверти века получает значительное развитие капиталистическая мануфактура, то вторая четверть характеризуется процессом перерастания этой мануфактуры в капиталистическую фабрику. Тридцатые годы XIX века можно считать началом промышленного переворота в России. Однако в условиях господства феодально-крепостнической экономики этот процесс протекал чрезвычайно медленно, продолжаясь несколько десятилетий.

Отсутствие свободной рабочей силы, монопольное господство крепостников в ряде ведущих отраслей промышленности, наконец, вся система феодального правопорядка — все это задерживало процесс промышленного развития.

Вторая четверть XIX века характеризовалась значительным ростом производительности труда, что, несомненно, являлось результатом внедрения машинного производства. Так, по данным академика Струмилина, годовая выработка одного рабочего составляла в 1804 году 156 руб., в 1825 году — 195 руб., в 1845 году — 269 руб. и в 1863 году — 764 руб. ². Если в первой четверти века производительность труда возрастает на 25%, то с 1825 года до начала 60-х годов рост производительности труда достигает почти 400%.

За период с 30-х до конца 50-х годов, по неполным данным, мощность паровых двигателей увеличивается более чем в семь раз (с 2.200 л. с. в 1831 году до 15.423 л. с. к концу пятидесятых годов) ³.

Процесс промышленного развития протекал далеко не равномерно во всех отраслях дореформенной экономики. Если вновь возникавшие отрасли промышленности были основаны преимущественно на вольно-

¹ М. Злотников. От мануфактуры к фабрике, „Вопросы истории“ № 11—12, 1946, стр. 39.

² С. Струмилин. Промышленный переворот в России, 1944, стр. 44.

³ М. Злотников. От мануфактуры к фабрике, стр. 46, 48.

наемном труде, то в ряде отраслей ее попрежнему безраздельно продолжал господствовать крепостной труд, что, естественно, вызывало быстрое развитие первых и отставание вторых.

Эту неравномерность развития можно проиллюстрировать на примере двух отраслей промышленности — хлопчатобумажной и металлургической.

Как указывал В. И. Ленин, «капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»¹, что в свою очередь и обуславливало бурный рост продукции этой отрасли производства. Приводим таблицу².

Годы	Продукция	
	в тыс. руб.	в %
1822	8,4	100
1831	28,0	332
1845	38,0	452
1850	44,9	534
1860	71,1	846

Если принять во внимание существенное удешевление пряжи, а также и готовой продукции, происходившее на протяжении рассматриваемого периода, то фактическое увеличение производства будет значительно большим.

Металлургическая же промышленность в рассматриваемый период развивалась крайне медленно. Так, в 1822—1824 гг. годовая продукция черной металлургии составляла 8,96 миллиона пудов чугуна и 6,1 миллиона пудов железа, а через двадцать лет, к концу 40-х годов, выплавка чугуна равнялась 11,85 миллиона пудов, а железа — 8,37 миллиона пудов. Только к концу пятидесятих годов выплавка увеличилась, составив по чугуну 17,63 млн. пудов и 12,2 млн. пудов по железу³.

Следовательно, производство чугуна и железа почти за сорок лет едва ли удвоилось, в то время как в Англии примерно за этот же период оно увеличилось более чем в двадцать раз.

Добыча цветных металлов на Урале и в Сибири составляла ничтожные цифры: в пятидесятих годах ежегодная добыча золота равнялась 1.569 пудам, серебра — 1.034 пудам и меди — 375 тыс. пудов⁴.

«...крепостное право, — писал В. И. Ленин, — служило основой высшего процветания Урала... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма... Главной причиной застоя Урала, — продолжал В. И. Ленин, — было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 473.

² С. Струмилин. Промышленный переворот в России, стр. 36.

³ С. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР, М. — Л., 1935, стр. 200—201.

⁴ П. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1, 1947, стр. 527.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424—425.

Действительно, металлургическая промышленность находилась в исключительном положении. Таможенные тарифы предотвращали возможность ввоза чугуна и железа, исключая тем самым конкуренцию. По тарифу 1822 года пошлины составляли 250% стоимости железа и 600% стоимости чугуна.

Вместе с тем частные горные заводы получали огромные правительственные ссуды, составившие в общей сложности, по вычислениям Безобразова, около 15 миллионов рублей.

Однако все это не только не способствовало развитию промышленности, а, наоборот, обуславливало технический застой.

Состояние металлургии — ведущей отрасли промышленности — достаточно убедительно характеризовало общее экономическое положение дореформенной России. Подобное состояние металлургической промышленности, вполне понятно, определяло собой и уровень технической оснащённости дореформенной армии.

Наряду с ростом зарегистрированной промышленности, особенно во второй четверти XIX века, получает развитие мелкое кустарное производство. Целые районы специализировались на тех или иных промыслах (изготовление ситцевых и шелковых тканей, игрушек, мебели, сапожное, металлическое производство и т. д.).

По мере развития этой промышленности непосредственный производитель — кустарь закабалялся скупщиком и превращался в рабочего, выполняющего на дому заказы владельца рассеянной мануфактуры. Однако и в этой области промышленного производства крепостное право задерживало процесс экономического развития. Производственные отношения феодального общества превратились в непреодолимую преграду, мешавшую дальнейшему развитию производительных сил.

* * *

Кризис феодально-крепостнической системы до крайности обострил социальные противоречия, вызвав значительное усиление классовой борьбы. Из года в год росло массовое крестьянское движение, достигая в отдельные периоды огромных размеров.

В первой четверти века подъем крестьянского движения наблюдается после Отечественной войны 1812 года, получив особенно большое развитие на Дону в 1818—1820 гг.

Во второй четверти, по мере дальнейшего углубления кризиса феодально-крепостнической системы, происходит и дальнейший рост классовой борьбы в деревне.

По далеко не полным данным, в царствование Николая I с 1825 по 1854 год произошло 674 крестьянских волнения, причем количество их возросло с каждым годом. Если в первые годы царствования в среднем происходило 16 волнений в год, то в последнее десятилетие ежегодная цифра их составила 38.

В 30-х годах на правобережной Украине происходит крупное движение крестьян под руководством Кармелюка, в начале 40-х годов волнения охватили 14 губерний, преимущественно центральных, и нашли свое выражение в так называемом «переселенческом» движении. «...мысль о свободе крестьян тлеет между ними непрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее... Семена беспокойства брошены в умы, и идея свободы и возможности переселения кружится в народе, чему видели мы примеры в Лифляндской, Могилевской, Витебской, Саратовской, Пермской губер-

ниях»¹, — говорилось в нравственно-политическом отчете III отд. с. е. и. в. канцелярии за 1841 год.

Подобные же события происходят в 1847 г. в Белоруссии, когда тысячи крестьян, бросив работу на помещиков, отправились в Петербург для принесения жалобы царю. Особенно большие размеры приняло крестьянское движение в годы Крымской войны в 1854—1856 гг. в связи с призывом в ополчение, охватив собой большинство губерний Европейской России. Таким образом, стихийное крестьянское движение усиливалось с каждым годом, расшатывало устои феодально-крепостнического государства, представляя огромную опасность для его существования «Вообще крепостное состояние, — писал шеф жандармов Бенкендорф, — есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же...»².

Действительно, состояние армии, являвшейся одним из основных орудий государственной власти, внушало серьезные опасения царизму.

В целях изоляции армии от народа, создания военной касты потомственных солдат Александр I после Отечественной войны 1812 года организовал военные поселения.

Военный министр Николая I кн. Чернышев следующим образом формулировал необходимость их создания: «Благодетельная цель... при учреждении военного поселения заключалась главнейше в том, чтобы сближением военного состояния с земледельческим отвратить по возможности рекрутские наборы, доставить войскам прочную оседлость, избежать содержания в сборе многочисленной армии... и, наконец, уменьшить государственные расходы изысканием способа продовольствования войск собственными средствами военных поселений»³.

Таким образом, основная задача организации военных поселений состояла в стремлении избежать рекрутских наборов. Однако недовольство военных поселян, вызвавшее восстание 1831 года, привело к фактической ликвидации военных поселений.

Массовое движение в армии находило свое проявление и в возмущении в Семеновском полку в 1820 году, в событиях 1825 года, в Севастопольском восстании 1830 года. За 25 лет царствования Николая I было отдано под суд 229.741 человек⁴, причем обвинения «в дерзости против начальства» занимали большое место.

Характеризуя настроения гвардии, Бенкендорф во «всеподданейшем» отчете за 1840 год писал: «...Ропоту не слышать и в войске этом господствует с некоторого времени какая-то тишина. Нельзя скрыть, — продолжал он, — что тишина сия происходит не от удовольствия, напротив, кроется вообще какое-то глухое чувство, заставляющее употребить скрытность и осторожность в самых выражениях, и вообще в молодых офицерах веселость, очевидно, уменьшилась»⁵.

Наряду с крестьянским движением, движением в армии, увеличивается, особенно во второй четверти века, и движение крепостных рабочих.

Развитие капитализма в недрах феодально-крепостнической системы

¹ „Крестьянское движение 1827—1869 годов“ под ред. Мороховца, вып. 1, М., 1931, стр. 44.

² Там же, стр. 31.

³ „Историческое обозрение военно-сухопутного управления, 1825—1850“, СПб., 1850, стр. 155—156.

⁴ Там же, стр. 152.

⁵ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. III отделения с. е. и. в. канцелярии, „Всеподданнейший отчет за 1840 год“, стр. 145.

порождает формирование новой идеологии, буржуазной по своему объективному значению, носителями которой выступают дворянские революционеры — декабристы.

Декабристы впервые выступали на борьбу против феодально-крепостнического строя с определенной политической программой.

«В 1825 году Россия, — писал В. И. Ленин, — впервые видела революционное движение против царизма...»¹.

Революционная идеология декабристов нашла во второй четверти века своих продолжателей в лице революционных демократов Белинского и Герцена, знаменовавших собой наступление нового этапа в русском освободительном движении.

Этот новый этап освободительного движения был неразрывно связан с борьбой широких народных масс против царизма.

«Или, может быть, — писал В. И. Ленин, — ...настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»².

Разложение феодально-крепостнической системы приводило к росту массового движения, а также к развитию революционной идеологии, омысливавшей стихийную борьбу народных масс.

Этот процесс обусловил и оформление либеральной идеологии.

«Либералы, — писал В. И. Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»³.

Таким образом, в период кризиса феодально-крепостнического строя идеология господствующих классов была представлена крепостниками, стремившимися к сохранению существующего порядка вещей, и либералами, являвшимися сторонниками половинчатых реформ, сторонниками соглашения с царизмом.

Интересы широких народных масс выражали революционные демократы, стремившиеся к уничтожению феодально-крепостнического режима революционным путем.

* * *

Политика царизма в первой половине XIX века определялась стремлением сохранить незыблемым феодально-крепостнический правопорядок, предотвратить возможность революционных потрясений, усиливавшихся по мере развития капиталистических отношений.

Подобная задача определяла основное направление внутренней политики и обусловила непрерывное нарастание реакционного курса.

Выражением этого явилось создание III отделения с. е. и. в. канцелярии, безжалостно расправлявшегося с проявлением малейшего недовольства существующим государственным порядком и пытавшегося подчинить своему влиянию всю культуру и науку.

«В нашей России, — писал управляющий III отделением Дубельт, — должны ученые поступать как аптекари... и отпускать ученость только

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 108.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96—97.

по рецепту правительства»¹. Эта точка зрения нашла свое выражение в реакционной политике правительства в области просвещения, культуры и науки, характеризовавшейся гонением всего передового.

Идеологическим обоснованием правомерности существования разлагающегося феодально-крепостнического режима являлась теория «официальной народности», призванная подчинить себе всю идейную жизнь русского общества. Таким образом, стремление сохранить в неизменном виде свое господство — таково было основное содержание политики, проводимой царизмом.

Однако боязнь революционного взрыва и стремление упорядочить разлагавшийся государственный аппарат вызывали необходимость осуществления отдельных незначительных уступок, рассчитанных на сохранение основ феодально-крепостнического строя.

Эти соображения обуславливали реформаторскую деятельность первых лет царствования Александра I, деятельность Комитета 6 декабря 1826 года и секретных комитетов по крестьянскому вопросу в период царствования Николая I, проведение реформы государственных крестьян и ряд других мер, направленных на сохранение существующего порядка вещей. Однако эти незначительные уступки не могли упрочить в какой-либо степени разлагающийся феодально-крепостнический строй, не могли ослабить нарастание классовых противоречий в стране.

В условиях загнивания всего государственного аппарата (массовое казнокрадство, произвол, лихоимство) те или иные реформы не только не приносили каких-либо ощутимых результатов, но превращались в свою противоположность. Примером этого может служить реформа государственных крестьян, не улучшившая, а наоборот, ухудшившая их положение.

«Теперь остается решить, — писал шеф жандармов Бенкендорф, — улучшилось ли их положение с учреждением над ними (государственными крестьянами. — П. З.) нового управления. Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойство, возникшее в прошедшем году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской, Московской губерниях, имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая, если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух-трех заседателей, а нынче на счет крестьян живут десятки чиновников»².

Тяжелое финансовое положение царского правительства, непрерывный рост дефицита государственного бюджета, достигшего в 1848 году 49.863 тыс. рублей³, приводили к тому, что правительство в интересах увеличения своих доходов принуждено было оказывать известную поддержку торговле и промышленности, т. е., иными словами, способствовать развитию капиталистических отношений. Однако это ни в какой мере не меняло общего направления политики царизма, характеризовавшейся стремлением сохранить в неизменном виде господство феодально-крепостнического строя.

В области внешней политики царизм выступает откровенно в роли всеевропейского жандарма, ставя своей задачей сохранение феодально-

¹ „Голос минувшего“ № 3, 1913, стр. 133.

² „Крестьянское движение 1827—1869 гг.“, под ред. Мороховца, вып. 1, М., 1931, стр. 53.

³ И. Б л и о х. Финансы России XIX столетия, т. 1, СПб., 1882, стр. 276, 278.

крепостнических порядков и в Западной Европе. Эта политика находит свое наиболее яркое выражение в событиях 1848—1849 гг.

В силу всего этого задачи дореформенной армии сводились в основном к борьбе с революционным движением не только внутри, но и вне империи.

* * *

Отсталость дореформенной экономики, загнивание всей системы самодержавно-дворянского государства под влиянием кризиса феодально-крепостнической системы определяли состояние русской армии в середине XIX в.

К началу 50-х годов, накануне войны 1853—1856 гг., военно-сухопутные силы России состояли из регулярных и иррегулярных войск. Регулярная армия подразделялась на действующие войска, резервные и запасные. Действующие или полевые войска предназначались для боевых действий, резервные и запасные — для пополнения убыли действующих войск во время войны, а также формирования новых частей.

Помимо этого, существовали еще местные и вспомогательные войска, назначением которых являлось несение внутренней службы. К этой же категории причислялись и крепостные войска.

Вся пехота действующих войск состояла к началу 50-х годов из 110 полков (в том числе гвардейские и гренадерские) и 93 отдельных батальонов (9 стрелковых и 84 линейных)¹.

Состав пехотного полка определялся, как правило, четырьмя батальонами, состоявшими в свою очередь из четырех рот. В каждом батальоне первая рота именовалась гренадерской, а остальные три — мушкетерскими. Это деление являлось архаичным, так как не имело никаких оснований: все роты были одинаково вооружены и проходили одинаковую подготовку.

4 пехотных полка составляли дивизию, подразделявшуюся на две бригады. Линейные батальоны, расположенные на окраинах, либо сводились в бригады, либо входили непосредственно в состав тех или иных дивизий. Стрелковые батальоны придавались непосредственно корпусам.

Полевая артиллерия состояла из 106 пеших и 29 конно-артиллерийских батарей, составлявших в свою очередь 28 пеших и 7 конно-артиллерийских бригад. Таким образом, на один пехотный полк в среднем приходилась одна пешая батарея и одна конная — на 2 кавалерийских полка.

Количество орудий во всей полевой артиллерии составляло в мирное время 1 134, а в военное 1 446.

В мирное время пешие и конные батареи состояли из 8 орудий, в военное время большинство пеших батарей получало 12-орудийный состав. Три пеших артиллерийских бригады и одна конная составляли артиллерийскую дивизию (за исключением гвардейской артиллерии). Общее количество артиллерийских дивизий равнялось десяти.

Для снабжения войск боеприпасами имелось 4 легких и 19 подвижных артиллерийских парков.

Кавалерия составляла 59 полков — кирасирских, драгунских, гусарских. В каждом кирасирском полку было по 6 эскадронов, в гусарском и уланском — по 8, в драгунском — по 10.

¹ Данные о составе армии заимствованы из кн. А. Зайончковского „Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой“, т. 1, СПб., 1908, стр. 454—469.

Кавалерийские полки соединялись в 15 кавалерийских дивизий.

Наконец, инженерные войска составляли 9 саперных батальонов 4-ротного состава и 2 конно-пионерных дивизиона, по 2 эскадрона в каждом.

Высшим тактическим соединением являлся корпус. Накануне Крымской войны армия состояла из 15 корпусов: гвардейского, гвардейского резервного кавалерийского, гренадерского, 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го армейских, 1-го и 2-го резервных кавалерийских, а также так называемых отдельных — Кавказского, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского, Оренбургского.

Состав корпусов был неодинаков. Гвардейский состоял из 3 пехотных дивизий, 3 артиллерийских бригад и ряда мелких подразделений. Гренадерский, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й армейские — из 3 пехотных дивизий, одной артиллерийской, одной кавалерийской, стрелкового и саперного батальона. Гвардейский кавалерийский корпус состоял из 3 кавалерийских дивизий и одного конно-пионерного дивизиона. Резервные кавалерийские корпуса: первый — из 3 кавалерийских дивизий и одной конно-артиллерийской бригады; второй и 2 кавалерийских дивизий и одной конно-артиллерийской и одного конно-пионерного дивизиона.

Организация так называемых отдельных корпусов была неоднородна. Эти корпуса представляли собой не только тактические соединения, но и органы военно-административного управления.

Резервные и запасные войска (в дореформенный период четкого разделения их функций не существовало) в мирное время имели крайне незначительные кадры, составляя в общем 440 офицеров и 13.270 солдат.

Резервные запасные части состояли из 16 пехотных батальонов, 25 эскадронов и 8 артиллерийских бригад, находившихся, за исключением кавалерии, в уменьшенном составе.

Местные и вспомогательные войска состояли из корпуса внутренней стражи, корпуса жандармов, а также местных и осадных артиллерийских парков, полевого инженерного парка, гарнизонных рот крепостной артиллерии и др. мелких подразделений. Общее количество регулярных войск составляло 938.731 человек, в том числе офицеров и генералов 27.581.

Иррегулярные части состояли из казачьих и так называемых «инородческих» частей. В начале 50-х годов в их состав входили: Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Дунайское, Азовское, Сибирское линейное, Забайкальское и Башкиро-Мещерское казачьи войска. Помимо этого, к иррегулярным войскам относились Закавказский конно-мусульманский полк, Дагестанский конно-иррегулярный полк и др. Общее количество иррегулярных войск составляло 245.850 чел., из которых в мирное время состояло на службе 89.168 чел.

Таким образом, численность всех войск, состоявших на действительной службе, равнялась 1.027.899 чел.

В заключение необходимо остановиться на военных поселениях. После восстания 1831 года военные поселения как воинская сила были уничтожены. Военные поселяне отбывали рекрутскую повинность на общих основаниях. Вместе с тем территория военных поселений попрежнему оставалась в ведении Военного министерства, которому было подчинено все проживающее там население. Военные поселяне освобождались от государственных податей и земских повинностей, взамен чего облагались сборами на военное ведомство, а также должны были выполнять различные работы по указанию последнего.

Так, в так называемых округах военной поселенной кавалерии жители обязаны были обеспечивать продовольствием и фуражом расположенные в этих районах кавалерийские части. Военные поселяне работали также на отдельных заводах военного ведомства. Общее количество военных поселян составляло в начале 50-х годов 730.032 чел.

Содержание миллионной армии в мирное время определялось политическими потребностями и задачами феодально-крепостнического государства.

В условиях крайнего обострения классовых противоречий в результате разложения феодально-крепостнической системы, с одной стороны, и осуществления царизмом функций жандарма Европы — с другой, необходимость содержания огромной армии была очевидна.

Особенность дореформенной армии заключалась в том, что численность ее почти не изменялась в военное время, т. е. армия не имела возможностей для развертывания во время войны, что объяснялось спецификой ее комплектования.

Комплектование армии рядовым составом производилось по рекрутскому уставу 1831 года. Военная служба являлась обязательной лишь для крестьян, мещан, солдатских детей и вообще для лиц податных сословий. Срок службы вскоре по окончании второй турецкой войны (в 1793 г.) был установлен в 25 лет вместо существовавшего ранее пожизненного. Призывной возраст — от 20 до 35 лет. Ежегодный контингент рекрутов с 1835 по 1854 г. составлял в среднем около 80.000 человек¹.

По данным А. Зайончковского, один рекрут приходился на 26 человек, подлежащих рекрутскому набору.

Рекрутская повинность являлась общинной, т. е. призыв проводился не индивидуально, а путем разверстки по отдельным группам населения. Вследствие этого в составе призываемых рекрут находилось не менее 10—12% наемников. Вся империя в отношении рекрутских наборов была разделена на две полосы — восточную и западную; набор рекрут в каждой полосе производился через год из расчета 5—7 человек на тысячу душ.

Увеличить контингент призываемых за счет сокращения сроков службы, дабы создать, таким образом, кадры запаса, необходимые для развертывания армии в случае войны, было невозможно, так как рекруты, зачисленные в армию, освобождались от крепостного права. Следовательно, в условиях существования феодально-крепостнического строя нельзя было увеличить количество призываемых и создать обученные кадры запаса.

Таким образом, обученного людского запаса не существовало. В случае же войны правительство прибегало к чрезвычайным мерам — неограниченному набору рекрут и призыву ополчения. Однако все это обеспечивало армию лишь совершенно необученными кадрами, подготовка которых во время войны была чрезвычайно трудна.

С 1834 г. начали приниматься некоторые меры к созданию обученного людского запаса. Солдаты, прослужившие в армии значительное количество лет, увольнялись в бессрочный отпуск до окончания общего срока службы (в гвардии — после 22 лет, в армии — после 15—20 лет). В результате этой меры в запас уходило ежегодно около 27.000 человек. К 1853 году на миллионную армию насчитывалось всего 212.433 чел.,

---

¹ А. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1, СПб., 1908, стр. 476.

находившихся в запасе¹. В действительности же запас этот был еще меньше, так как большинство увольняемых в бессрочный отпуск были людьми больными, к тому же и пожилого возраста, и значительный процент их уже не мог возвратиться в армию.

Стремление царизма в любой нужный момент подавить военной силой революционное движение в той или иной европейской стране, а также отсутствие путей сообщения внутри империи обуславливали необходимость содержания на западных границах и в условиях мирного времени действующей армии со всеми органами военно-полевого управления.

Таким образом, по окончании наполеоновских войн сохранялось деление части войск на армии. Так, до 1833 года существовали две армии, расположенные на западных границах, а после этого времени оставалась одна, носившая наименование «Первой» или «Действующей армии».

Первая армия состояла из четырех армейских корпусов, расположенных в Польше и западных губерниях.

Во главе ее стоял главнокомандующий, соединявший в своем лице и звание наместника Царства Польского.

Наряду с «Первой армией», подчинявшейся непосредственно императору, армейские корпуса, дислоцировавшиеся внутри России, были подчинены военному министру. Гвардейские же и гренадерский корпуса находились на особом положении, подчиняясь особому главнокомандующему, обычно назначаемому из лиц императорской фамилии. Эти корпуса также не подчинялись военному министру.

Наконец, расположенные на окраинах (Оренбург, Сибирь, Кавказ) армейские корпуса имели совершенно иное управление. Командир корпуса являлся вместе с тем военным и гражданским начальником местного края. Таким образом, эти корпуса представляли собой не только строевую единицу, но и военно-административную, являясь своеобразными военными округами.

Таково было крайне пестрое управление войсками в дореформенный период. Местных же органов Военного министерства, в строгом смысле этого слова, вовсе не существовало. Лишь некоторые департаменты, как комиссариатский, провиантский, артиллерийский и инженерный, имели свои представительства на местах, именуемые комиссиями либо округами. Собственно функции этих представительств заключались в снабжении войск, расположенных в определенных районах, теми или иными видами довольствия либо имущества. Районы этих округов не совпадали, и одна и та же часть войск, расположенная в определенном районе, для удовлетворения своих нужд вынуждена была обращаться в разные места: «...по части обмундирования — туда, где находилась ближайшая комиссариатская комиссия, по части продовольствия... — в Провиантскую комиссию... по части оружия — в другой пункт, где находился артиллерийский арсенал и т. д. Можно себе представить, какие происходили от этого неудобства, проволоочки, пререкания»², — писал Милютин в своей статье о военных реформах. Так, например, войска, расположенные в Харькове, должны были обращаться по вопросам провиантского довольствия в Кременчуг, по вопросам комиссариатского (вещевого) довольствия — в Воронеж, и, наконец, артиллерийское снабжение (вооружение, боеприпасы) шло из Киева. Ко всему этому надо еще сказать, что каждое из местных хозяйственных учреждений — комиссий или округ-

¹ А. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, стр. 468, 471.

² «Вестник Европы» № 1, 1882, стр. 25. Статья без подписи автора.

гов — обладало крайне незначительной властью, и все вопросы решались обычно в Военном министерстве.

Военное министерство того времени состояло из Главного штаба е.и.в., военного совета, генерал-аудиториата, канцелярии министерства, департаментов и управлений.

Главный штаб фактически не существовал в мирное время, будучи упраздненным еще в 1832 году, однако продолжал номинально сохраняться в составе Военного министерства. В него входили: военный министр, являвшийся начальником Главного штаба, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части и ряд должностных лиц, в том числе все генерал-адъютанты и флигель-адъютанты.

В составе Главного штаба числилась и императорская Главная квартира, командующим которой являлся министр двора.

Как Главный штаб, так и императорская Главная квартира существовали лишь формально, не оказывая никакого влияния на военное управление.

Военный совет являлся «высшим установлением» для дел военного законодательства и военного казначейства, в силу этого он коренным образом отличался от советов в других министерствах, имевших значение лишь совещательного органа при министре. По делам законодательным, не имевшим связи с гражданским управлением, решения военного совета представлялись непосредственно на «высочайшее» утверждение, минуя Государственный совет.

В «Учреждении» Военного министерства 1836 года указывалось, что военный совет непосредственно подчиняется верховной власти, и «никакое правительственное место или лицо Совету предписаний не дает и отчета от него требовать не может»¹. Председателем военного совета являлся военный министр.

В составе военного совета, помимо председателя, было шесть членов, назначаемых «по особым повелениям».

Во главе генерал-аудиториата стоял генерал-аудитор, являвшийся главным военным прокурором. Отношение его к военному министру было аналогично отношению Сената к министру юстиции.

Генерал-аудиториат состоял из шести членов, назначаемых также «по особым повелениям».

Генерал-аудитор являлся высшей инстанцией как судебной, так и надзора. Кроме того, на него возлагались обязанности разработки законоположений по военно-судной части.

Канцелярия Военного министерства ведала перепиской и производством дел военного совета.

Далее, Военное министерство состояло из восьми департаментов и двух главных управлений. К числу департаментов относились: инспекторский, ведавший комплектованием, личным составом и внутренним устройством войск; во главе его стояло лицо, именовавшееся дежурным генералом Главного штаба е. и. в.; департамент генерального штаба, кругу действий которого были подведомственны дела, относящиеся «к общему расположению, квартированию, передвижению и действию военно-сухопутных сил...»². Этот департамент ведал также военно-топографическим депо и всеми геодезическими работами.

Начальнику департамента генерального штаба было присвоено звание генерал-квартирмейстера главного штаба е. и. в.

---

¹ Свод военных постановлений, ч. I, кн. 1, 1859, стр. 239.

² Там же, стр. 13.

Провиантский департамент занимался заготовкой продовольствия и действовал лишь в районе внутреннего управления¹. Комиссариатский департамент ведал вопросами денежного и вещевого довольствия, а также и госпиталями на территории всей империи, включая и первую армию. Деятельность артиллерийского и инженерного департаментов ограничивалась кругом хозяйственно-технических вопросов; артиллерийский департамент ведал также и обеспечением вооружения для всех родов войск. Общее же руководство артиллерией сосредоточивалось в руках генерал-фельдцейхмейстера и его штаба.

Генерал-фельдцейхмейстер имел право непосредственного доклада царю и не подчинялся военному министру.

Таковыми же правами пользовался и генерал-инспектор по инженерной части со своим штабом, в подчинении которого находились все инженерные войска. Обе эти должности возглавлялись лицами императорской фамилии и, естественно, пользовались полной самостоятельностью.

Медицинский департамент ведал личным составом военно-медицинских чинов, заготовлением и снабжением войск и госпиталей предметами медицинского довольствия.

В ведении аудиториатского департамента находились все военносудные дела и личный состав аудиторского ведомства. Аудиториатский департамент подчинялся непосредственно генерал-аудиториату.

Главному управлению иррегулярных войск были подведомственны все иррегулярные войска, а главному управлению училищ военного ведомства — соответствующие училища, преобразованные в 1858 году из школ военных кантонистов.

Так называемые хозяйственные департаменты: артиллерийский, инженерный, провиантский, медицинский — и главное управление иррегулярных войск подчинялись непосредственно не военному министру, а военному совету.

Кроме того, артиллерийский и инженерный департаменты по ряду вопросов подчинялись: первый — генерал-фельдцейхмейстеру, второй — генерал-инспектору по инженерной части.

Главный штаб по военно-учебным заведениям также не подчинялся военному министру.

Помимо перечисленных выше департаментов и главных управлений, к Военному министерству в виде «особых установлений» причислялись: военно-походная канцелярия е. и. в., военно-ученый комитет, военно-медицинский комитет, комиссия для улучшений по военной части, комитет по улучшению штуцеров и ружей, Медико-хирургическая академия и редакция Российской военной хроники.

Главнейшими недостатками структуры центрального военного управления являлись крайняя сложность и нечеткость иерархического подчинения, отсутствие единоначалия, а также и крайняя централизация при фактическом отсутствии местных органов управления.

Вооружение армии определялось уровнем технико-экономического развития страны.

Как указывалось выше, металлургия являлась самой отстающей отраслью дореформенной экономики, что, естественно, и обуславливало состояние военного производства.

Производство вооружения осуществлялось арсеналами, а также за-

---

¹ Снабжение продовольствием 1-й и Кавказской армий, так же как и Оренбургского, Западносибирского и Восточносибирского корпусов, входило в обязанности местных провиантских органов.

водами как военного, так и горного ведомств. Стрелковое вооружение, а также холодное оружие изготовлялись на трех заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Производительность этих заводов в пятидесятые годы определялась ежегодным изготовлением 105—135 тысяч ружей и пистолетов, а также 25—30 тысяч холодного оружия. Тульский завод был рассчитан на ежегодный выпуск от 50 до 70 тысяч огнестрельного оружия и 20—25 тысяч холодного, Ижевский — 25 тысяч огнестрельного и 5 тысяч холодного, Сестрорецкий — 30—40 тысяч огнестрельного. Кроме того, холодное оружие изготовлялось еще на Златоустовской фабрике. Однако в действительности производительность этих заводов была значительно ниже. За 9 лет, с 1853 года по 1861 включительно, было изготовлено на всех заводах 809.469 ружей и пистолетов, что составляло 89.941 в год ¹.

Оборудование большинства заводов было примитивным: большая часть работ производилась вручную.

Процент брака достигал колоссальных размеров. Так, например, на Ижевском заводе только при нарезке стволов брак достигал 60%, при пороховой пробе — 13%, а при завертке — иногда до 100% ².

При всем этом на заводах имелись высококвалифицированные кадры оружейников, а на отдельных, как, например, на Сестрорецком, в конце 50-х годов и неплохое оборудование.

Основной причиной, определявшей низкую производительность на этих заводах, являлся подневольный крепостной труд. К каждому заводу прикреплялось определенное количество мастеровых-оружейников, а также и крестьян для выполнения тех или иных подсобных работ. Так, например, к Ижевскому заводу было прикреплено 22 тыс. душ обоого пола «собственно оружейного сословия» и до 14 тыс. крестьян. Надо сказать, что из этой массы народа непосредственно на заводе работало около 5.000 оружейников и 1.260 крестьян. Наличие огромного количества людей, фактически не работавших на заводе, значительно обременяло его, удорожало стоимость выделяемого оружия, так как военное ведомство обязано было в какой-то мере содержать всех приписанных к нему людей.

По данным главного артиллерийского управления, в середине 60-х годов, к моменту ликвидации обязательного труда, цена изготовления винтовки на Ижевском заводе равнялась 9 рублям, а принимая во внимание расходы на содержание приписного населения, — 19 р. 04 к. ³. Подобное положение наблюдалось и на других заводах.

Выделка белого (холодного) оружия производилась главным образом на Златоустовской фабрике, изготовлявшей ежегодно 8.000 тесаков, 10.500 сабель, около 1.000 шашек, 1.100 штыков и около 1.000 пик ⁴.

Производство пороха находилось не в лучшем состоянии. Пороховые заводы — Охтенский, Шостенский и Казанский — должны были ежегодно производить 108 тыс. пудов пороха, очищать до 125 тыс. пудов селитры и около 20 тыс. пудов серы ⁵. В среднем за 25 лет (с 1825 по

---

¹ Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880), т. 2, СПб., 1880, прилож. 28.

² „Оружейный сборник“, 1863, № 2, стр. 164.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. № 504, д. № 21, л. 127.

⁴ „Историческое обозрение военно-сухопутного управления, 1825—1850“, СПб., 1850, стр. 106.

⁵ Там же, стр. 107.

1850 г.) заводы изготовляли порох в количестве лишь 50% своей производственной мощности. Таким образом, ежегодно недодавалось около 54.000 пудов пороха, что составило за 25 лет 1.348.000 пудов¹.

Артиллерийские орудия и снаряды изготовлялись на казенных заводах горного ведомства, преимущественно на Урале (гороблагодатских, златоустовских, Выксенском, Нижне-Исетском, Каменском), а также Олонецком, Луганском и др. Производительность этих заводов была невелика, они, как правило, не выполняли нарядов военного ведомства. Так, в 1848 г. вместо 572 орудий было изготовлено всего лишь 161.

Однако в период Крымской войны производство большинства заводов значительно увеличилось, особенно в 1855 году. Так, на гороблагодатских и екатеринбургских заводах в 1854 году было изготовлено орудий и снарядов 68.181 пуд., а в 1855—431.610 пуд.² На Луганском заводе в 1854 году соответственно было изготовлено 64.480 пуд., а в 1855 году — 294.778 пуд.³ Однако это все же далеко не удовлетворяло потребностей армии.

Правительство не проявляло особой заботы о состоянии этих заводов. Накануне Крымской войны всем заводам горного ведомства, производившим вооружение, отпускалось ежегодно на строительные работы, капитальный ремонт и приобретение нового оборудования лишь около 100.000 рублей⁴.

Пушки, изготовлявшиеся на этих заводах, отличались большей частью низким качеством. В период войны 1853—1856 гг. наблюдались нередко случаи разрыва чугунных орудий, особенно крупного калибра.

Артиллерийское вооружение частично производилось и ремонтировалось также в так называемых местных арсеналах — С.-Петербургском, Брянском и Киевском. Состояние этих арсеналов было крайне убогим. Вся работа производилась вручную. Кроме того, существовали подвижные окружные арсеналы и особые арсенальные учреждения (типа отдельных мастерских), предназначавшиеся для ремонта артиллерийского вооружения. Отливки орудий производились в двух арсеналах: С.-Петербургском и Брянском.

В последние два года перед Крымской войной (1851 и 1852 гг.) в местных арсеналах было отлито и отделано 137 орудий, исправлено старых 262, сделано — зарядных ящиков 1.662 и исправлено старых 1.402. За годы войны (1853—1855) было отлито и отделано 588 орудий, исправлено старых 651 орудие⁵.

Такова была производительность артиллерийских арсеналов, также не обеспечивавшая потребностей армии.

Работа в этих арсеналах производилась частично солдатами артиллерийских гарнизонных бригад, частью же вольнонаемными мастерами.

К началу Крымской войны 1853—1856 гг. русская армия имела на вооружении почти исключительно гладкоствольные, заряжающиеся с дула, ружья, в то время как западноевропейские армии в значительной своей части были вооружены стрелковым нарезным оружием. Находив-

¹ «Историческое обозрение военно-сухопутного управления, 1825—1850», стр. 107.

² Ю. Азанчеев. Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства, СПб., 1900, стр. 14.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Цифры заимствованы из «Исторического очерка деятельности военного управления в России...», т. 2, стр. 211 и прилож. 30.

шиеся на вооружении семилинейные кремневые ружья — пехотное, саперные и драгунские — были образца 1828 г., казачье — образца 1837 года, и, наконец, кавалерийский карабин — образца 1833 года. Они отличались друг от друга лишь размерами и отдельными деталями конструкции и имели одинаковое устройство: огонь сообщался заряду с помощью искры, происходившей от удара курка с кремнем по огниву; эти искры и зажигали порох, находившийся на особой «полке». Диаметр пуль этих ружей составлял 6,25 линии.

Ударные, гладкоствольные ружья — пехотное образцов 1845 и 1852 гг., драгунское — 1847 года и казачье — 1846 г. — отличались от кремневых в основном лишь способом сообщения заряду огня, которое осуществлялось при помощи удара курка по капсюлю. Калибр этих ружей составлял 7,1 линии.

Дальность прямого выстрела из ударного ружья образца 1845 г. составляла 200 шагов. По данным, приводимым В. Г. Федоровым¹, при стрельбе отличных стрелков в мишень шириной 1 арш. 14 верш. и вышиной в 2 арш. 12 верш. процент попадания составлял: на 150 шагов — 60 %, 200 шагов — 50 %, 250 шагов — 40 %, 300 шагов — 20 %.

Таким образом, стрельба из ружей далее 300 шагов была мало действительна.

Примерно такими же качествами обладали и кремневые гладкоствольные ружья.

Скорость стрельбы из кремневых ружей в сухую погоду составляла около одного выстрела в минуту, в сырую же погоду скорость была еще меньшей, а иногда, вследствие влажности пороха «на полке», ружья вовсе отказывали в стрельбе.

Стрельба из ударных ружей производилась несколько скорее, нежели из кремневых.

Процесс заряжания ружей был крайне неудобен и состоял из 12 приемов. Заряжание могло производиться только стоя.

К тому же надо сказать, что оружие это находилось в безобразном состоянии. «Наша пехота, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» участник Крымской кампании Алабин, — снабжена гладкоствольными ружьями, винты которых большею частью нарочно расшатаны для лучшей отбивки темпов при ружейных приемах, а внутренность стволов попорчена бестолковой чисткой; от этого, — продолжает Алабин, — наши ружья к цельной стрельбе совершенно непригодны. . . »².

Нарезное оружие, находившееся на вооружении накануне Крымской войны, состояло из штуцеров литтихских и Гартунга. Литтихские штуцеры бельгийского производства были приняты на вооружение в 1840 г., Гартунга — отечественного производства — в 1848 г. Учитель стрельбы Гвардейского корпуса Гартунг предложил в 1845 г. новый вид штуцера, переделанный им из гладкоствольного драгунского ружья и имевший два нареза в 1½ оборота. Штуцер Гартунга по своим качествам не уступал литтихским, стоимость же его была в три раза меньше. Оба штуцера были ударными, калибр — 7,1 линии. В 1851 году был принят на вооружение штуцер Эрнста, переделанный из пехотного ружья образца 1845 года. Этот штуцер имел пять нарезов и специальный прицел, так называемый гессенский. Кроме того, на вооружении состоял и кавалерийский кремневый штуцер образца 1818 года. В конце 40-х годов для нарезного оружия вместо круглых пуль были введены остроконечные, обладавшие

¹ В. Федоров. Вооружение русской армии в XIX столетии, 1911, стр. 107.

² П. Алабин. Четыре войны. Походные записки, ч. II, М., 1890, стр. 1.

большей силой полета. Дальность стрельбы штуцеров составляла: для пехотных — 1120 шагов, для кавалерийских — 400 шагов. Литтихские штуцеры при стрельбе в мишень человеческого роста давали на 500 шагов 55 % попаданий, на 600 — 50 %, на 800 — 27 % ¹.

Количество нарезного оружия было невелико. К 1853 году штуцерами были вооружены отдельные стрелковые батальоны. В действующей же пехоте на батальон имелось лишь 24 штуцера, т. е. 96 на полк, которыми были вооружены так называемые застрельщики. Количество штуцеров в кавалерии было также незначительно. Не считая кремневых штуцеров, в каждом эскадроне драгунского полка имелось 15 штуцеров Гартунга; в уланских и гусарских полках лишь фланговые ряды во взводах были вооружены штуцерами. Таким образом, нарезным оружием была вооружена лишь незначительная часть войск, не более 4—5 % общего количества их ². Запасы оружия на 1/1 1853 года составляли следующее ³:

Вид оружия	Надлежало иметь	Было в наличии
Для полевых войск:		
Ружей пехотных	1.014.959	532.835
„ драгунских и ка- зачьих	71.038	20.849
Карабинов	69.199	21.167
Штуцеров	37.318	6.198
Пистолетов	43.248	7.704
Для гарнизонов:		
Ружей пехотных	49.000	9.907
„ драгунских	500	101

Количество огнестрельных припасов было явно недостаточно: на каждое ружье полагалось иметь комплект в 100 патронов, причем в действительности их было меньше.

Запасы холодного (белого) оружия были также невелики. Против положенного по штатам имелось в наличии тесаков — 21 %, сабель, палашей и шашек немногим более 50 %.

По данным штаба Крымской армии, летом 1855 года на вооружении частей, входивших в ее состав, находилось: штуцеров — 11.482, штуцеров кавалерийских — 1.934, гладкоствольных ружей — 88.234 ⁴.

На артиллерийских же складах в указанное время на юге России (Вознесенск, Перекоп, Симферополь) не имелось ни одного нарезного ружья.

Таково было состояние стрелкового вооружения.

К началу 50-х годов артиллерия была вооружена гладкостенными, заряжающимися с дула, орудиями, преимущественно медными. Состоявшие на вооружении орудия были различных систем: образца 1838 года,

¹ А. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1, СПб., 1908, стр. 493.

² В период Крымской войны 1/3 французской и 1/2 английской пехоты были вооружены нарезным оружием.

³ «Исторический очерк деятельности военного управления в России...», т. 2 стр. 215.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, № 5472, л. 28.

а также орудия «прежних конструкций», изготовленные ранее указанного года.

На вооружении полевой артиллерии находились 6- и 12-фунтовые медные пушки, а также $\frac{1}{4}$ - и $\frac{1}{2}$ -пудовые единороги, представлявшие собой укороченную пушку, предназначенную для навесной стрельбы разрывными снарядами, под небольшим углом возвышения. Калибры орудий полевой артиллерии в дюймах были следующие: конструкции 1838 г. — 6-фунтовые — 3,76, 12-фунтовые — 4,80; единороги $\frac{1}{4}$ -пудовые — 4,80 и $\frac{1}{2}$ -пудовые — 6,00. Калибры пушек «прежней конструкции» были почти те же, единорогов $\frac{1}{4}$ -пудовых — 4,83 и $\frac{1}{2}$ -пудовых — 6,09.

В составе каждой полевой артиллерийской бригады имелись легкие батареи, вооруженные пушками небольшого калибра, и батарейные батареи, вооруженные орудиями более крупного калибра.

На вооружении осадной артиллерии находились 18- и 24-фунтовые пушки, пудовые единороги и мортиры различных калибров: $\frac{1}{2}$ -пудовые, 2- и 5-пудовые как образца 1838 года, так и «прежних конструкций». Все эти орудия были бронзовыми, за исключением чугунных единорогов «прежних конструкций».

Осадные орудия имели следующие калибры:

Калибр в дюймах *	Прежней конструкции	Образца 1838 г.
18-фунтов. пушки	5,43	5,40
24-фунтов. „	5,97	6,00
1-пудов. единорог	7,69	7,70
$\frac{1}{2}$ пудовая мортира	—	6,00
2-пудовая мортира	9,69	9,65
5-пудовая „	13,15	13,15

* А. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. I, СПб., 1908. Приложения, стр. 481.

На вооружении крепостной артиллерии состояли все орудия как новых, так и старых образцов, находившиеся в полевой и осадной артиллерии, а также 30- и 36-фунтовые чугунные пушки калибром 6,42 и 6,83 дюйма, крепостные чугунные мотиры 2- и 5-пудовые калибром 9,67 и 13,12 дюйма, единороги — 3-пудовые бомбовые пушки калибром 10,75 дюйма. Кроме того, на вооружении крепостей состояли чугунные карронады: пушки для прицельной стрельбы на близком расстоянии — 12-, 18-, 24-, 36-, 68- и 96-фунтовые.

На вооружении крепостей состояли также и крепостные ружья калибром $8\frac{1}{2}$ линий, предназначавшиеся для борьбы с неприятелем, ведущим под крепостью саперные работы.

Стрельба из всех состоявших на вооружении орудий производилась следующими снарядами, имевшими сферическую форму: 1) ядрами¹, 2) гранатами (обыкновенными, картечными и с кусками зажигательного состава), 3) бомбами обыкновенными и картечными, 4) картечью и 5) брандтугелями, т. е. бомбами, начиненными вместо пороха кусками зажигательного состава.

¹ Помимо обыкновенных ядер, употреблялись калсные, которые при попадании в деревянные сооружения зажигали их.

Вероятность прицельной стрельбы из полевых орудий на различные дистанции определяется следующей таблицей ¹.

Калибры орудий	В большую мишень *			В малую мишень		
	(в саж.)			(в саж.)		
	300	400	500	300	400	500
6 фунтовая пушка . .	59 ⁰ / ₀	43 ⁰ / ₀	—	32 ⁰ / ₀	18 ⁰ / ₀	—
12-фунтовая " . .	64 ⁰ / ₀	56 ¹ / ₀	38 ⁰ / ₀	44 ⁰ / ₀	24 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀
1/2-пудовый единорог . .	58 ⁰ / ₀	40 ⁰ / ₀	22 ⁰ / ₀	30 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀
1/4-пудовый " . .	43 ⁰ / ₀	31 ⁰ / ₀	—	—	10 ⁰ / ₀	—

* Большая мишень длиной 8¹/₂ саж. и высотой 1²/₇ саж. Малая мишень длиной 2 саж. и высотой 1²/₇ саж.

Скорость стрельбы равнялась 1¹/₂—2 выстрелам в минуту из 6-фунтовых пушек и 1—1¹/₂ выстрелам из 12-фунтовых пушек и единорогов.

Для определения вероятности прицельной стрельбы из крепостных орудий могут служить следующие данные ²:

Калибры орудий	В большую мишень			В малую мишень		
	(в саж.)			(в саж.)		
	300	400	600	300	400	600
24-фунт. пушка	99 ⁰ / ₀	80 ⁰ / ₀	28 ⁰ / ₀	89 ⁰ / ₀	50 ⁰ / ₀	9 ⁰ / ₀
18-фунт. "	97 ⁰ / ₀	70 ⁰ / ₀	21 ⁰ / ₀	84 ⁰ / ₀	39 ⁰ / ₀	6 ⁰ / ₀
12-фунт. "	64 ⁰ / ₀	56 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀	44 ⁰ / ₀	24 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀
6-фунт. "	59 ⁰ / ₀	43 ⁰ / ₀	—	32 ⁰ / ₀	18 ⁰ / ₀	—
1-пуд. единорог	85 ⁰ / ₀	56 ⁰ / ₀	12 ⁰ / ₀	61 ⁰ / ₀	23 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀
1/2-пуд. "	58 ⁰ / ₀	40 ⁰ / ₀	9 ⁰ / ₀	30 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀

3-пудовая бомбовая пушка стреляла значительно дальше. Наибольшая досягаемость этой пушки равнялась 2.085 саж. Точность попадания при стрельбе ядрами в мишень длиною 6 саж., высотой 2 саж. составляла на 400 саж. 91%, на 500 саж. — 60%, на 600 саж. — 31%, на 1000 саж. — 15% ³.

Таковы данные стрельбы артиллерийских орудий, находившихся на вооружении армии в дореформенный период.

Одним из существенных недостатков дореформенного вооружения артиллерии являлась его многосистемность, что создавало большие затруднения в обеспечении снарядами. Кроме того, количество артиллерийского вооружения было недостаточно.

К началу войны запасы артиллерийского вооружения были незначительны — на 1 января 1853 года имелось всего лишь 1272 орудия.

К тому же надо сказать, что на вооружении находилось большое ко-

¹ Данные заимствованы из Карманной справочной книжки для артиллерийских офицеров, составленной Е. Шварцем и П. Крыжановским, ч. I, СПб., 1862, стр. 479.

² Карманная справочная книжка..., ч. I, СПб., 1862, стр. 480.

³ Там же, стр. 481.

личество пришедших в негодность орудий, главным образом крупного калибра. Сплошь и рядом для обороны тех или иных крепостей направлялись устаревшие, подчас заведомо негодные, орудия.

Анализируя состав артиллерийского вооружения, нельзя не отметить сравнительно невысокие достоинства его. Однако, при всех недостатках, присущих дореформенной артиллерии, качество орудий было значительно выше состояния стрелкового оружия.

К тому же и искусство стрельбы в артиллерии находилось на достаточно высоком уровне. Это объяснялось, во-первых, несколько иными условиями службы в артиллерии, чем в других родах войск. Система муштры, чему было подчинено все обучение в пехоте и кавалерии, занимала в артиллерии значительно меньшее место в силу специфических особенностей этого рода оружия. Во-вторых, состав офицеров в артиллерии по своему уровню был также неизмеримо выше. Все это и обуславливало относительно хорошее состояние дореформенной артиллерии.

«Артиллерия снабжается материалами неодинакового качества, — писал Энгельс, — но где имеются хорошие орудия, она выполняет свое дело хорошо»¹.

Это свидетельство Энгельса о качествах русской артиллерии находит свое подтверждение и у ряда участников Севастопольской обороны.

В период Крымской войны вооружение армии не претерпело существенных изменений. На вооружении пехоты несколько увеличилось количество нарезных ружей. За время войны 1853—1856 гг. было изготовлено на отечественных заводах 91.273 нарезных ружья и переделано из гладкоствольных 6.755, т. е. всего поступило на вооружение армии 98.028 ружей². Кроме того, в течение этого времени было получено из-за границы (в счет выполнения довоенного заказа) 37.332 нарезных ружья. Таким образом, армия в годы войны получила 135.360 нарезных ружей, что крайне незначительно увеличило процент нарезного оружия.

Для гладкоствольного оружия в 1855 году была принята «цилиндровальная» пуля (взамен круглой), значительно увеличившая дальность стрельбы. Прицельная дальность ружья увеличивалась до 600 шагов, причем на этом расстоянии в малую мишень попадало в среднем 16% выпущенных пуль. Сила удара с указанной выше дистанции была довольно значительна — пуля пробивала дюймовую доску. При стрельбе на расстоянии 300 шагов в ту же малую мишень процент попадания достигал 32.

Вооружение артиллерии претерпело еще меньшие изменения, коснувшись лишь отчасти полевой. Легкие батареи полевой артиллерии с 1854 года начали снабжаться новыми облегченными 12-фунтовыми пушками, обладавшими большей дальностью полета снаряда, а также большим их весом и силой. К концу войны этими облегченными орудиями были вооружены 24 батареи, что составляло незначительный процент к общему количеству артиллерийских частей. Такова характеристика вооружения дореформенной армии.

Состояние офицерского корпуса являлось одним из наиболее слабых мест дореформенной армии.

Комплектование дореформенной армии офицерами производилось главным образом за счет так называемых «недорослей из дворян», поступавших в армию юнкерами и вольноопределяющимися. Производство

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. 1, М., 1941, стр. 457.

² Цифры заимствованы из «Исторического очерка деятельности военного управления в России...», т. 2, прилож. 28.

в офицеры лиц этих категорий производилось в зависимости от сословной принадлежности и полученного образования. Так, поступавшие в армию «на правах студентов» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании от 3 до 6 месяцев; поступавшие в армию «на правах дворян» — «недоросли из дворян» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании 2—3 лет. Наконец, поступавшие в армию вольноопределяющимися делились для производства в офицеры на три разряда, в зависимости от «прав происхождения». К первому разряду относились сыновья личных дворян, имеющих право на потомственное почетное гражданство, дети священников, купцов I и II гильдий, имевших гильдейские свидетельства в течение 12 лет, врачей, аптекарей и т. д. Производство в офицеры этой категории производилось по выслуге в унтер-офицерском звании 4 лет.

Ко второму разряду принадлежали однодворцы, имевшие право на дворянское звание, дети почетных граждан, купцов I и II гильдий, не имевших гильдейского свидетельства в течение 12 лет. Срок пребывания в унтер-офицерском звании определялся для второго разряда в 6 лет.

Наконец, к третьему разряду относились сыновья купцов III гильдии, мещан, колонистов. Для этого разряда срок пребывания в унтер-офицерском звании определялся в 12 лет.

Кроме того, в офицеры производились и унтер-офицеры обязательных сроков службы, т. е. призванные по рекрутскому набору. Лица этой категории производились в офицеры, прослужив в унтер-офицерском звании также 12 лет, при условии, если за время пребывания на военной службе они не подвергались телесным наказаниям.

Лица всех этих категорий, за исключением поступавших на «правах студентов», количество которых было ничтожно, обладали крайне низким общеобразовательным уровнем и при производстве в офицеры не имели почти никаких военных знаний.

«Поступающие в военную службу недоросли из дворян и вольноопределяющиеся, — писал в 1857 году в Военное министерство начальник штаба 2-й гренадерской дивизии полковник Саблер, — экзаменуются в штабах по программе 6 мая 1844 года, в которой не помещено ни одной из военных наук. Молодые люди эти, прослужа узаконенный срок, производятся в офицеры, приобрев познания только в строевом уставе. . . »¹.

К тому же и эти экзамены, как правило, сводились к пустой формальности, и нередко производившиеся в офицеры едва умели писать и знали арифметику в лучшем случае в пределах четырех действий.

Таков был уровень знаний большинства дореформенного офицерства, так как лица этих категорий составляли значительную часть офицерского корпуса. Так, с 1825 по 1850 год из 59.091 офицера, вступивших в ряды армии, 36.152 человека были произведены из унтер-офицеров².

Из кадетских корпусов и специальных военных училищ (артиллерийского и инженерного) выпускалось незначительное количество офицеров. Так, из общего числа офицеров, поступивших в регулярные войска с 1825 по 1861 год, цифра выпускаемых из военно-учебных заведений составляла всего лишь 25—26%, причем ежегодное количество их не превышало 600 человек. Все военно-учебные заведения находились в ведении главного начальника военно-учебных заведений, обычно назначавшегося из лиц императорской фамилии и не подчинявшегося военному министру.

¹ ЦГВИА, ф. департамента Генерального штаба, 2 отделения, д. № 41, 1857, л. 2.

² Цифры заимствованы из «Исторического обозрения военно-сухопутного управления, 1825—1850», СПб., 1850.

Существовавшие к концу царствования Николая I военно-учебные заведения можно подразделить на три разряда: высшие, специальные и, наконец, кадетские корпуса, соединявшие в себе, как правило, и общее и специально военное образование.

К первым необходимо отнести Военную академию, подготовлявшую офицеров генерального штаба.

Ко вторым — Михайловское артиллерийское и Главное инженерное училище, созданные для подготовки офицеров специальных родов войск. Эти училища были рассчитаны на 4-летний срок обучения, причем наряду с военными дисциплинами там изучались также и общеобразовательные.

К этому разряду необходимо причислить и Дворянский полк, предназначенный для получения специального военного образования кадетами вновь открытых провинциальных губернских корпусов, в которых отсутствовали специальные классы.

Наконец, сюда же надо отнести и школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, подготовлявшую офицеров гвардии, с двухгодичным сроком обучения.

Последний разряд — кадетские корпуса — составляли наиболее многочисленную группу военно-учебных заведений. Общее количество их равнялось 16, не считая корпусов для малолетних, представлявших собой по существу сиротские дома.

Курс обучения в кадетских корпусах был рассчитан на 8—9 лет, из коих: 1 год — подготовительный, 5 лет — общих, т. е. общеобразовательных, и 2—3 года — специальных. Как упоминалось уже выше, специальные классы отсутствовали во вновь открытых в последние 10—15 лет губернских кадетских корпусах.

Все военно-учебные заведения носили сословный характер и были «учреждены с той целью, чтобы юному российскому дворянству дать приличное звание сему воспитание»¹.

Объем знаний общеобразовательных предметов, получаемых в кадетских корпусах, был очень невысок, а качество преподавания находилось на крайне низком уровне, что объяснялось общим состоянием просвещения в дореформенную эпоху и определенной направленностью его.

Преподавание тех или иных общеобразовательных предметов преследовало чисто утилитарные цели: воспитывать кадет в духе верности монарху. Так, например, преподавание отечественной истории начиналось с воцарения дома Романовых, как самого «блестящего» периода истории России.

Отношение к наукам, усвоенное в кадетских корпусах в период царствования Николая I, нашло довольно яркое выражение в программе воспитательской деятельности, изложенной главным директором Пажеского и кадетских корпусов Н. И. Демидовым. «Хорошая нравственность, — писал Демидов, — при некотором даже неуспевании в науках от недостатка способностей должна быть отличаема паче самих наук. Тех, кои от пылкости способностей, но замечены в непохвальных чертах нравственности, хотя и отлично успевающих в науках, отнюдь не поставлять на ряду достойнейших воспитанников, но с оными заблаговременно употреблять всевозможные начальнические меры к исправлению их нравственности»².

Таким образом, «умственное образование» отодвигалось на второй

---

¹ Свод военных постановлений, кн. 3, ч. I, 1859, стр. 162.

² Столетие Военного министерства. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк, т. X, ч. II, СПб., 1901, стр. 42.

план, уступая место «нравственности», необходимым атрибутом которой являлась верность монарху и религии, а также слепое выполнение воли начальства, причем способность к самостоятельному мышлению отнюдь не представлялась добродетелью.

Воспитание кадет находилось в руках невежественных и грубых строевых офицеров, лишенных какого бы то ни было педагогического опыта. В качестве примера, иллюстрирующего уровень развития воспитателей, можно привести упоминавшегося выше главного директора Пажеского и кадетских корпусов невежественного Н. И. Демидова. По словам историкографа Пажеского корпуса Д. М. Левшина, Демидов держал в своей спальне петуха «для отогнания домового»¹.

Объем военных знаний, полученных кадетами, был также крайне низок, включая в себя главным образом строевое обучение, причем, как утверждал в одной из своих записок Д. А. Милютин, кадеты имели крайне смутное представление о конкретных условиях армейской службы.

Несколько лучше было поставлено преподавание в специальных военных училищах — Главном инженерном и Михайловском артиллерийском, в особенности в последнем. В силу специфического характера специальных военных училищ они сохраняли некоторую самостоятельность в системе преподавания, причем муштра и плац-парадные традиции играли в них значительно меньшую роль. При этих училищах существовали специальные офицерские классы, представлявшие собой своеобразные военные академии, из которых вышло немало образованных офицеров.

В большей мере пороки существовавшей подготовки офицеров проявлялись в Военной академии, подготовлявшей офицеров генерального штаба. Ген. П. Меньков, окончивший академию в царствование Николая I, писал: «Из первоклассного военного заведения... ухитрились сделать заведение школьных. ...От офицера требовали не изучения предмета и обсуждения со всех сторон, а безусловное повторение слов импровизированного доморощенного профессора, выучившего свой предмет по коротенькой тетрадке выписок из науки...»². Действительно, за исключением отдельных профессоров, преподаватели академии стояли далеко от науки.

Число слушателей в Военной академии было ничтожно: по штатам, на курсе в конце 40-х годов значилось 25—27 слушателей, в действительности их было еще меньше.

Состояние преподавания и воспитания в военно-учебных заведениях вполне соответствовало политической линии Николая I, в свою очередь наиболее полно отражавшей процесс разложения всей системы феодально-крепостнического государства.

Однако, независимо от официальной программы, принятой в области подготовки будущих офицеров, в военно-учебных заведениях продолжали подспудно сохраняться боевые традиции Суворова и Кутузова. В результате из стен этих заведений выходили не только «герои» смотров и плац-парадов, но и подлинные герои — герои Севастополя.

Состояние боевой подготовки русских войск в середине 50-х годов отражало в себе все недостатки, присущие феодальным армиям периода разложения крепостнического строя. Однако полководческое искусство Суворова и Кутузова обусловило распространение в русской армии еще на рубеже XVIII—XIX веков новой тактики, так называемой «глубокой», пришедшей на смену линейной.

---

¹ Д. М. Левшин. Пажеский корпус за сто лет, СПб., 1902, стр. 376.

² Записки Петра Кононовича Менькова, т. II, СПб., 1898, стр. 21.

Если применение «глубокой» тактики обусловило собой для русских войск ряд победоносных кампаний, то все же эта новая тактика не могла стать господствующей и определять собой как систему обучения, так и действия армии, продолжавшей сохранять феодально-крепостнический характер.

Основой линейной тактики являлось пассивное начало. Механическое сплочение боевого порядка, как единого целого, сохранение чисто внешнего механического единства, автоматическое выполнение команд — таковы основные положения линейной тактики, нашедшие свое законченное выражение в прусской армии конца XVIII — начала XIX века.

Боевые порядки в условиях линейной тактики представляли собой сомкнутые построения в одну или несколько линий; при этом войска строились в одну линию, не эшелонируясь в глубину. В этих условиях требовалось лишь автоматическое выполнение команды, исключавшее какую-либо инициативу не только командиров частей отдельных подразделений, но и крупных воинских соединений.

Наоборот, «глубокая», или перпендикулярная, тактика основывалась на активном начале, требующем личной инициативы, начиная от командира и кончая простым солдатом. Вместо механически сплоченного боевого порядка армия подразделялась на отдельные звенья, органически друг с другом связанные общей идеей боя.

«Глубокая» тактика предусматривала такой боевой порядок, при котором каждое воинское соединение эшелонировалось в глубину, в результате чего оно обеспечивалось своим собственным резервом. Кроме того, создавался особый подвижной резерв, располагавшийся также в глубине. Различным видам боя соответствовали различные построения: огневому — рассыпной строй, атаке — колонна.

Таким образом, если линейная тактика предусматривала механическое сплочение боевого порядка, то «глубокая» расчленила его на отдельные органически связанные части, каждой из которых ставилась самостоятельная задача, подчиненная общей диспозиции. Бой расчленился на ряд отдельных эпизодов, внутренне связанных между собой.

Если в условиях линейной тактики требовалось лишь автоматическое выполнение команды, то в «глубокой» это заменялось приказом, требующим разумного выполнения.

Уставы русской армии 20-х — 50-х годов представляли собой своеобразную, заранее обреченную на неудачу попытку сочетания этих двух взаимно исключających друг друга тактик.

Сохранив формы «глубокой» тактики, русские военные уставы были проникнуты духом линейной.

Боевые порядки «глубокой» тактики подчинялись идее пассивного начала. Система тактической подготовки в этих условиях сводилась к установлению заранее определенных шаблонов, устраняющих необходимость личной инициативы в бою. Примером этого являлись «высочайше утвержденные» в 1825 году нормальные боевые порядки для совместных действий разных родов оружия. Эти пять боевых порядков, предусматривавших наиболее типичные случаи боя, были восприняты как определенные каноны, освобождающие командовавших от необходимости давать подробные приказания и вообще проявлять какую-либо инициативу, ограничиваясь вместо этого лишь указанием на номер боевого порядка, по которому необходимо действовать в сражении.

Система обучения войск не была подчинена задаче подготовки армии к действию в боевой обстановке, а, наоборот, все внимание сосредото-

валось на усвоении положений линейной тактики, рассчитанной на внешний эффект, необходимый на смотрах и парадах.

Умение четко маршировать, идеально выполнять ружейные приемы — к этому, собственно, сводилась подготовка одиночного бойца.

Огневой подготовке вовсе не уделялось никакого внимания, несмотря на то, что в «Уставе о строевой службе» 1831 года этому вопросу было отведено большое место.

Для «цельной» (прицельной) стрельбы обычно отводилось время, предназначавшееся для отдыха, вследствие чего многие солдаты, прослужив длительное количество лет в части, не умели вовсе стрелять. В воспоминаниях В. Давыдова «Самарин-ополченец» автор рассказывает интересный эпизод об одном унтер-офицере, прикомандированном к дружке для обучения ратников. «После нескольких уроков с унтер-офицером, — говорит автор, — мы с Самаринным полюбопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять и, к удивлению нашему, узнали, что он, до малейших подробностей знающий все искусство метания, ружьем никогда не стрелял, да и не приходилось пробовать, ибо зарядов не выдавали для приучения к стрельбе...»¹.

Подобные факты были отнюдь не единичны. Незначительное количество патронов, стпускавшихся для обучения стрельбе, обычно расходовалось командирами на охоту либо просто продавалось на сторону.

Высшее начальство, как правило, не интересовалось умением солдат вести прицельный огонь, и это, естественно, и определяло отношение в частях к этому роду боевой подготовки. «Солдат, — рассказывает автор «Записок севастопольца», — заботился только о том, что требовалось на смотру: чистота, выправка, темпы, но что-либо действительно необходимое для войны, как, напр., «стрельба в цель», представлялось ему не чем иным, как прихотью ближайшего начальства: ибо он знал очень хорошо, по опыту, что смотр... сходил с рук большей частью без всякой стрельбы. Мало того, — продолжает автор, — он считал стрельбу в цель как бы наказанием, потому что начальство, употребляя все время на изучение одного необходимого на смотрах, занимало солдат стрельбою в те часы, которые предоставлены были им для отдыха, и смотрело на это сквозь пальцы, т. е. ходи или не ходи иной солдат на такую стрельбу... Да если б, наконец, иной ближайший начальник и вздумал обратить серьезное внимание на стрельбу, он бы остался при одном желании, потому что число выдаваемых патронов было недостаточно для практики: 3 патрона круглым счетом на человека в год...»².

Эти свидетельства современников находят свое подтверждение и в официальных отчетах Военного министерства, в которых вопросу стрелковой подготовки уделялось недопустимо мало места.

Даже на подготовку так называемых штуцерных застрельщиков не обращалось должного внимания. Как рассказывает в своих воспоминаниях кн. Н. Имеретинский, в октябре 1848 года по полкам гвардейского корпуса был издан приказ начать подготовку вторых и третьих смеи штуцерных команд, дабы иметь резерв на случай убыли во время войны. «Однако, — писал Имеретинский, — даже через три года, именно в 1851 году, штуцерная команда выступила в лагерь в числе трех унтер-офицеров и 72 рядовых, т. е. в числе, нисколько не превышающем нормы

¹ В. Давыдов. Самарин-ополченец, „Русский архив“ № 5, 1877, стр. 46.

² „Из записок севастопольца“, „Русский архив“ № 12, 1867, стр. 1585. До 1853 г. ежегодно отпускалось по 10 патронов на человека, с 1853 г. — 15. Однако и это количество было совсем недостаточно, тем более что значительная часть их, как говорилось выше, расходовалась не по назначению.

устава. И далее, до 1854 года я не нашел никаких признаков умножения и усовершенствования штуцерных...»¹. Таким образом, в подготовке одиночного бойца обучение стрельбе не играло почти никакой роли.

Особое значение придавалось внешнему единству действий отдельных частей и соединений. Равнение как на месте, так и на марше, слаженное выполнение команд — таковы были основные требования, предъявлявшиеся к командирам отдельных частей в области обучения вверенных ему войск.

В ротном, батальонном и полковом учении основное внимание уделялось боевым порядкам, точнее — действиям в сомкнутом строю.

Общий характер обучения сводился к достижению единообразия в движениях, твердости шага, чистоты построений. «Точность выправки дошла до того, — рассказывает цитированный нами выше автор «Записок севастопольца», — что иные начальники говорили: «Поддай вперед корпус тела между 5-й и 6-й пуговицей... Но главный предел желаний это был церемониальный марш, эти *сколоченные* части, эти шеренги, как *три струны*, в момент, когда они равняются с начальником. Церемониальный марш породил великих артистов и поэтов этого дела... Церемониальный марш *полковыми колоннами* называли «зрелищем богов»... Нужно было время и невероятные усилия сколотить колонну в 2500 человек так, чтобы все это двигалось, как натянутые струны»...².

Действительно, в этом отношении дореформенная армия достигла совершенства.

Рассыпному строю, за исключением штуцерных застрельщиков, войска почти не обучались.

Таким образом, основное внимание было сосредоточено на обучении действию в сомкнутом строю, и общий характер обучения войск сводился исключительно к выработке из солдат и офицеров лишенных мысли мажоранов, стройно марширующих и выполняющих сложные экзерциции на смотрах и парадах, а отнюдь не на полях сражения.

Все это находило свое отражение как в уставах, так и в системе подготовки командного состава.

В уставах, огромных по объему, регламентировались всякие мелочи, абсолютно ненужные в боевых условиях. Так, например, в «Военном уставе о пехотной службе», в главе II «Построение колонн к атаке» точно указывалось, на сколько шагов должны выходить командиры взводов для перестроения своих подразделений к атаке, как должны производиться равнение колонн, построение и т. д.

В статье 4-й этой же главы в параграфе 263-м указывалось, что для построения колонны к атаке из густой взводной колонны подается две команды, причем «по 2-й команде к-р 1-го взвода ком[андует]: первый взвод направо, скорым шагом марш, и останавливает так, чтобы левый фланг был в трех шагах правее правого фланга колонны, чтобы очистить место для знам[енных] у[нтер] о[фицеров], а потом поворачивает взвод во фронт и становится на правый фланг...»³.

Вполне естественно, что все эти детали не имели никакого значения в боевой обстановке.

Ген. Глиноецкий в своей «Истории Николаевской академии Генерального штаба» по этому поводу писал: «...Усилению уставного элемента в

---

¹ Н. Имеретинский. Из записок старого преображенца, „Русский архив“ .. кн. 3, 1884, стр. 375.

² „Из записок севастопольца“, „Русский архив“, 1867, № 12, стр. 1585—1586.

³ Воинский устав о пехотной службе, кн. 1, ч. III, СПб., 1848, стр. 132—133.

курсе тактики к началу пятидесятых годов немало способствовало также и то, что в это время за безусловный образец тактического развития войск стали принимать не столько боевые примеры и теоретические из них выводы, сколько деятельность Красносельского лагеря, где при всех достоинствах производимых в нем занятий на первом плане стояли по преимуществу смотровые условия»¹. Надо сказать, что подобная убийственная характеристика состояния тактического обучения давалась все же слишком мягко. В действительности же «смотровые условия» не «преимущественно» стояли на первом плане, а определяли собой тактическую подготовку войск.

Подтверждением этому служит «Курс тактики» ген. Карцова, принятый как учебное пособие для подготовки офицеров.

Прежде всего надо сказать, что Карцов в основу своего курса положил принцип линейной тактики — принцип пассивного начала. Так, во введении, характеризуя значение знания уставов для командира, он писал: «...без этого он не будет знать, что войско может исполнить и чего не может, и не будет уметь свою мысль передать войскам, — скоординировать... потому что командные слова — единственный в строю понятный для войск язык...»². Таким образом, автоматическое выполнение команды, согласно пунктам устава, — таков единственный метод управления войсками. В учебнике Карцова мы не находим даже раздела «об управлении войсками в бою»; ничего не говорится им о диспозициях, приказах и т. д.

Следовательно, активное начало — проявление личной инициативы в бою, определявшее собой существо «глубокой» тактики, вовсе исключалось.

Взгляд Карцова на значение науки также целиком соответствовал рассмотренным выше положениям. Не отрицая, правда, значения теоретических познаний, Карцов все же указывает, что «ученость еще может быть вредна военному человеку»³.

Плац-парадный характер всей системы тактического обучения обнаруживается чрезвычайно наглядно при анализе содержания рассмотренного учебника. В главе IV, трактующей о боевых порядках пехоты, автор говорит: «При наступлении или отступлении боевого порядка необходимо соблюдать общее равнение батальонов в каждой линии и верно сохранять интервалы между батальонами. В этом случае уже недостаточно каждому батальону отдельно сохранять равнение; необходимо, чтобы шаг во всех батальонах был одинаков, чтобы все знаменные унтер-офицеры, идущие перед батальонами, равнялись между собою и шли параллельно одни другим по линиям, перпендикулярным к общему фронту... Подобное движение линии развернутых батальонов, — продолжает автор учебника, — сопряжено с величайшими затруднениями. Даже на ученье, при всей бдительности начальников, только отлично выученные войска могут исполнить его в порядке...»⁴.

Далее, говоря о наступлении и отступлении через батальон в шахматном порядке, автор опять-таки указывал, что «движение это по своей сложности едва ли может быть употреблено в действительном сражении; даже и на учениях оно представляет столько затрудне-

---

¹ Н. Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба, СПб., 1882, стр. 48.

² А. Карцов. Тактика, ч. I, СПб., 1850, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 164—166.

ний, что только отлично выученные войска в состоянии исполнить его без замешательства...»¹. Касаясь вопроса о месте артиллерии в боевых порядках, Карцов указывал, что батареи необходимо всегда располагать впереди первой линии пехоты, дабы «не мешать равнению² батальонов первой линии». Естественно, что подобная система тактического образования не имела ничего общего с подготовкой войск к действиям в боевых условиях.

Эти плац-парадные традиции были настолько сильны, что даже в 1854 году кн. Горчаков, сообщая о состоянии войск на Дунае, в первую очередь отмечал не их боевые качества, а умение держать равнение при церемониальном марше. В своем отчете Николаю I по поводу смотра прибывшей 2-й бригады 6-й пехотной дивизии он писал: «Равнение и стройность в сих войсках при церемониальном марше по-дивизионно и сомкнутыми колоннами были до того хороши и отчетливы, что люди казались приготовленными к параду...»³.

Стремление продемонстрировать силу и мощь армии, хотя бы в условиях маневров и смотров, целиком соответствовало стилю николаевской эпохи, прикрывавшей внешним блеском процесс внутреннего своего гниения.

Наряду с военной системой, господствовавшей в армии в период царствования Николая I, продолжали подспудно сохраняться боевые традиции Суворова и Кутузова. Носителем их в первую очередь был Кавказский отдельный корпус. Боевая обстановка, в которой непрерывно находился этот корпус, а также длительное командование Кавказским корпусом ген. А. П. Ермолова, ярого противника «плац-парадной муштры», — все это приводило к тому, что обучение и действия войск на Кавказе носили иной характер.

В конце 40-х и начале 50-х годов эти боевые традиции Суворова и Кутузова находили свое выражение и в произведениях передовых представителей военно-теоретической мысли, выступавших против существовавшей военной системы, против преклонения перед иностранной военной доктриной.

В 1856 году полковник Генерального штаба А. И. Астафьев опубликовал свое сочинение «О современном военном искусстве», посвященное «русской армии». В этом сочинении Астафьев, прослеживая развитие военного искусства, вопреки установившейся точке зрения, отмечал, что основные положения военной доктрины Наполеона развиты ранее его Суворовым. «...Образ действия, — указывал Астафьев, — которые приписывают Наполеону, и самые колонны введены у нас прежде в России великим полководцем Суворовым..., и самый образ ведения войны, в стратегическом отношении: сосредоточенное действие армии на решительном пункте, которое приписываем Наполеону, также введено Суворовым»⁴.

Анализируя развитие военного искусства в связи с изменениями в области вооружения, Астафьев говорит о необходимости «перестать подражать действиям Наполеона, несообразным с условиями нашего времени»⁵. «Ныне изобретение штуцера, — продолжал он, — и другие от-

¹ А. Карцов. Тактика, ч. I, стр. 168. Разрядка наша. — П. З.

² Разрядка наша. — П. З.

³ „Всеподданнейший отчет кн. Горчакова от 30 августа 1854 г.“, — цитирован по книге А. Зайончковского „Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой“, т. I, СПб., 1908, стр. 559.

⁴ А. И. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. I, СПб., 1856, стр. 34—35.

⁵ Там же, стр. 39.

крытия должны повлечь большую реформу в военном искусстве. Введение их потребует изменений не только организации армии, расположения, движения и действия войск в войне, но даже и того, что заключают в себе тактика, военная администрация, стратегия, и все военные науки»¹.

В 1849 году профессором военной академии Ф. И. Горемыкиным было издано «Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и в практическом ее применении». В этом произведении развивались передовые взгляды и на обучение войск в частности. «Пора отстать, — писал Горемыкин, — от тяжелых и странных форм, в которые ученость военная иногда облекалась. Неудобоприменимое умствование, теории, ни на какой практике не основанные, насильственно вталкивали военные науки в круг кабинетных умозрительных занятий, и тем удаляли от них массу военных людей...»².

Определяя предмет тактики, Горемыкин указывал, что она имеет в виду «исследование лучшего состава войск, их устройства, вооружения, строя, движений и действия в бою как в частях, так и в совокупности»³. Говоря о боевой готовности армии, автор придает огромное значение не только материальному фактору (вооружение, снаряжение), но и моральному «нравственной силе», являющейся, по его мнению, необходимым условием успешной подготовки войск. Большое внимание уделяет автор в своем курсе рассыпному строю и обучению стрельбе. Все эти мысли находились в полном противоречии с принципами прусско-гатчинских плац-парадных традиций, культивировавшихся Николаем I в русской армии.

Огромное значение в области развития передового русского военного искусства принадлежит выдающемуся теоретику русской фортификации А. З. Теляковскому. В своем курсе «Фортификация, ч. I, Полевая фортификация», изданном в 1839 году, Теляковский выступил против господствовавшей как в России, так и за границей концепции, рассматривавшей военно-инженерное дело как «чистую науку», в отрыве от военного искусства, в частности, от тактики и стратегии. Вследствие этого инженерные сооружения воздвигались обычно без учета тактических задач и местности: «Хотя фортификация, — писал автор, — есть наука самостоятельная, однакож она тесно связана с двумя другими военными науками — стратегией и тактикой. Тактика и стратегия назначают места для действия войск; дело фортификации посредством укреплений приспособить эти места к выгоднейшему действию войск»⁴.

В 1846 году в «Отечественных записках» была помещена рецензия на курс фортификации Теляковского в связи с выходом второй его части «Фортификация долговременная». В этой рецензии указывалось, что «курс его есть замечательное явление не только в кругу учебной литературы, но и в специальном значении сочинения об инженерной науке»⁵. Теоретические положения Теляковского позднее нашли свое применение в героической обороне Севастополя⁶.

Таким образом, несмотря на гнет николаевского режима, лучшие, боевые традиции русской армии продолжали существовать, находя свое

¹ А. И. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. I, стр. 40.

² Ф. Горемыкин. Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и в практическом ее применении, СПб., 1849, предисловие, стр. VIII.

³ Там же, Введение, стр. II.

⁴ А. Теляковский. Фортификация, ч. I. Полевая фортификация, 4-е изд., СПб., 1856, стр. 2.

⁵ «Отечественные записки» № 11, 1846, отд. 6, стр. 29.

⁶ О Теляковском см. статью В. Ястребова «Теоретик русской фортификации А. З. Теляковский», «Военно-инженерный журнал» № 3, 1950.

выражение и в произведениях передовых представителей русской военно-теоретической мысли.

В заключение характеристики дореформенной армии необходимо отметить, что система безудержного казнокрадства и самого дикого произвола, получившая права законности во времена Николая I, еще более ухудшала состояние армии и положение солдатских масс. Достаточно сказать, что за 25 лет царствования Николая I умерло в армии от болезней (не считая умиравших от ран) 1.028.650 человек¹.

Вся эта мрачная картина состояния дореформенной армии прикрывалась блестящими отчетами, создававшими впечатление о силе и могуществе вооруженных сил Российской империи.

«При изучении срочных отчетов, — писал ген.-ад. Глинка 2-й, — проявляется тот разительный факт, что все они суть не что иное, как хвалебные речи о беспримерном во всех отношениях благоустройстве и благосостоянии войск и управлений. Если в отчетах, поступающих от низших инстанций, — продолжал он, — и замечаются некоторые оттенки, то они сглаживаются и исчезают по мере восхождения, так что в отчетах, представленных высшими инстанциями, все подводится в уровень и облекается в какие-то общепринятые формулы, нисколько не поясняющие настоящего положения дел»².

Состояние дореформенной армии, как в зеркале, отражало всю отсталость крепостной России.

Крымская война, обнаружившая «гнилость и бессилие крепостной России»³, вскрыла вместе с тем и всю порочность организации и устройства армии.

«Готовы ли мы к войне? — писал в своих записках один из ее участников, — по совести говоря, нет, далеко не готовы... Во-первых, мы дурно вооружены. Наша пехота снабжена гладкоствольными ружьями, винты которых большею частью нарочно расшатаны для лучшей отбивки темпов... У нас очень мало людей, умеющих стрелять, так как этому искусству никогда не учили толком, систематически никогда не употребляя по назначению порох, отпускавшийся в ничтожном впрочем количестве для практической стрельбы, а раздаривая большую его часть знакомым помещикам... Вообще говоря, ни солдаты, ни офицеры не знают своего дела и ничему не выучены толком... У нас все помешались, что называется, исключительно на маршировке и правильном вытягивании носка»⁴. Эта характеристика целиком соответствовала истинному положению вещей. С первых месяцев войны обнаружилась полнейшая непригодность существовавших военных порядков.

Вооружение армии было совершенно негодным и далеко не соответствовало уровню развития военной техники. Запасы снарядов и патронов оказались недостаточными, причем военные заводы не в состоянии были обеспечить должное снабжение войск.

Вся система тактических принципов, изложенных в уставах, показала всю их непригодность к действиям в боевых условиях. Первые сражения при Ольteniце и Четати с достаточной убедительностью продемонстрировали это. Построение на основе так называемых «нормальных боевых порядков», оправдывавшее себя в условиях смотров и парадов, оказалось неприменимым на войне.

¹ „Историческое обозрение военно-сухопутного управления, 1825—1850“, СПб., 1850, стр. 99.

² «Столетие Военного министерства». Прилож. к I тому, СПб., 1901, стр. 53.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

⁴ Алабин. Четыре войны. Походные записки, ч. II, М., 1890, стр. 1—2.

Вполне естественно, что порочность тактических принципов обнаружила и полнейшую непригодность всей системы обучения войск. А это в свою очередь означало неспособность как командных кадров, так и солдат действовать в боевой обстановке.

Война обнаружила также всю несостоятельность организации армии. Отсутствие обученного людского запаса привело к массовым рекрутским наборам и созыву ополчения, что отнюдь не разрешало проблемы пополнения действующей армии, так как весь этот контингент не мог быть соответствующим образом подготовлен.

Отсутствие путей сообщения значительно отражалось как на пополнении армии, так и на снабжении ее. Маршевые части несли огромные потери в людях от различного рода болезней, что значительно сокращало численный состав пополнения действующей армии.

Наконец, вся система казнокрадства, лихоимства, всякого рода злоупотреблений, присущая государственному аппарату николаевской России, в период войны приобрела характер массового организованного мажордерства, что также значительно ухудшало положение войск.

Такое состояние армии являлось отнюдь не результатом отдельных недостатков и ошибок, а следствием разложения феодально-крепостнического строя в целом.

Только национальные качества русского воина — его храбрость, стойкость и выносливость — предотвратили дальнейший успех англо-французских интервентов.

Создавшееся в стране положение еще более обостряло классовые противоречия, вызвав значительный размах крестьянского движения, а также и известный рост революционно-демократических идей.

В результате войны «правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение»¹.

Все это привело к тому, что и господствующие классы начинают понимать невозможность сохранения в неизменном виде своего господства и выступают с критикой существующего порядка вещей.

«Государь, очарованный блестящими отчетами, — писал в 1854 г. М. П. Погодин, — не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосыгаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля»².

Обстановка, сложившаяся в стране после войны, означала нарастание революционной ситуации.

Характеризуя признаки революционной ситуации, В. И. Ленин указывал на три главных условия ее: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство. . . Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс. . .»³.

Действительно, все эти причины были налицо. Резкое ухудшение положения народных масс, вызванное войной, приведшее к значительному росту крестьянского движения, военный крах, обнаруживший всю экономическую отсталость России и несовершенство системы государ-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 206.

² М. Погодин. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, М., 1874, стр. 259—260.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

ственного управления, крайне тяжелое финансовое положение — все это вызывает необходимость реформ в целях предотвращения революционных потрясений.

Это и заставило царизм пойти на отмену крепостного права, о чем заявил в своей речи московскому дворянству Александр II 30 марта 1856 г. Если основная причина, заставившая царизм пойти на отмену крепостного права, определилась всем ходом экономического развития страны, то непосредственной причиной этого являлась боязнь революционного взрыва. Отмена крепостного права знаменовала собой начало новой буржуазной эпохи в историческом развитии России. Несмотря на сохранение в значительной степени пережитков крепостничества, реформа создала условия для развития капитализма. «После отмены крепостного права, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие это развитие»¹.

Крестьянская реформа, означавшая первый шаг по пути превращения России в капиталистическое государство, требовала изменения и отдельных сторон государственного устройства в духе буржуазного правопорядка. Рост крестьянского движения в результате грабительского Положения 19-го февраля, деятельность революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским — все это обусловило обстановку «общественного возбуждения и революционного натиска», что и заставило правительство пойти на осуществление дальнейших реформ.

Введение земств, новых судебных учреждений, цензурная реформа, изменение университетского устава и реформа средней школы и, наконец, введение городских органов самоуправления явились той уступкой, которую царизм принужден был сделать растущему движению народных масс. Осуществление всех этих преобразований в силу двойственной природы буржуазных реформ не могло быть последовательным. Царизму удалось путем отдельных уступок сохранить самодержавно-дворянский характер всей государственной системы.

Большую услугу в этом оказали царизму либералы. «Либералы, — писал В. И. Ленин, — хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени»².

Эволюция царизма по пути превращения его в буржуазную монархию требовала также и преобразования одного из основных орудий государственной власти — армии, что являлось неразрывной частью буржуазных реформ того периода.

---

¹ „История ВКП(б). Краткий курс“, стр. 6.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

Глава II

ПЛАН ВОЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Военное поражение в Крымской войне, представлявшее собой результат гнилости всей системы феодально-крепостнического государства, поставило на повестку дня вопрос о преобразовании русской армии.

Обстановка, сложившаяся в стране по окончании войны, означавшая нарастание революционной ситуации, вызывала стремление царизма укрепить одно из основных орудий своей власти — армию. Крестьянское движение, принявшее широкие размеры в период войны, продолжало расти и в послевоенные годы. Уже в 1858 году, по данным III отделения, крестьянским движением было охвачено 25 губерний¹.

Наряду с крестьянским движением во второй половине 50-х годов получает дальнейшее распространение среди разночинной интеллигенции революционно-демократическая идеология, следствием чего и явилось возникновение в начале 60-х годов революционной организации «Земля и Воля», находившейся под непосредственным влиянием Н. Г. Чернышевского.

Сильное беспокойство среди правительственных кругов вызывало распространение революционных настроений в армии. В июле 1861 года III отделение в особой записке сообщало исполнявшему должность военного министра Д. А. Милютину следующие данные о состоянии войск: «Получено достоверно сведение, что во всех войсках, расположенных в западных и юго-западных губерниях, замечается очень сильный упадок дисциплины, как между офицерами, так и между нижними чинами»². Шеф жандармов кн. Долгоруков во «всепоподданнейшем» отчете III отделения за 1862 год писал: «...крайне необходимо не только продолжить, но и усилить еще неусыпное наблюдение за происками революционеров, дабы отвратить пагубное их влияние на общее положение государства и на главный оплот его силы, на войско, в рядах которого также стали проявляться признаки сего влияния»³.

Как отмечал в своих «Воспоминаниях» Д. А. Милютин, только в 1862 г. «за политические преступления подверглись формальному следствию и суду до 130 офицеров»⁴.

Распространение революционных настроений в войсках вызывало большое беспокойство Военного министерства. В связи с этим в июле

---

¹ ЦГИА, ф. III Отд. № 109, опись 85-я, д. № 23, л. 127.

² Отдел рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7969, л. 8.

³ ЦГИА, ф. III Отд. № 109, опись 85-я, д. № 27, л. 307—308.

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7842, стр. 108.

1862 года Милютиным был разослан весьма секретный циркуляр всем командирам частей следующего содержания: «Вашему... вы известно, что в некоторых частях войск обнаружены преступные покушения молодых офицеров к сближению с нижними чинами, к внушению им противозаконных и ложных понятий, совращению их с пути долга и верности. Замечено также, что и люди посторонние стараются проникнуть в круг нижних чинов или привлечь их к себе, чтобы распространять между ними ложные толкования и подстрекать к преступным действиям. Тайная революционная партия истощает все способы, чтобы распространить свою пагубную пропаганду во всех частях России, и ныне обратила особенно напряженное внимание на военное сословие. Между молодыми офицерами, к сожалению, наметилось уже довольно много легкомысленных, поддавшихся коварным внушениям; между солдатами, слава богу, еще мало заметно это опасное влияние.

Тем не менее я считаю долгом обратить особенное внимание Вашего..... на опасное начало революционной пропаганды между нижними чинами. Закрывание воскресных школ было первою мерою, принятою мною с высочайшего соизволения для предохранения войск от угрожавшей опасности. Но за этою мерою должны следовать многие другие, зависящие уже от ближайших начальников...»¹. Далее указывались конкретные меры, направленные на предотвращение революционной пропаганды.

Материалы так называемой заграничной коллекции Герцена — Огарева подтверждают предположение о наличии революционной военной организации.

В записной книжке Огарева, содержащей вторую часть его «Исповеди», а также ряд стихотворений и записей, имеется обширный список офицеров различных частей войск, являвшихся руководителями отдельных революционных военных организаций².

Список этот, относящийся, как правильно датирует М. В. Нечкина, к 1862 году, содержит фамилии 61 офицера и трех военных врачей, служивших в полках 2-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й пехотных дивизий, в 4-м, 5-м, 6-м и 7-м стрелковых батальонах, 4-й и 6-й артиллерийских бригадах и 3-м саперном батальоне. О том, что этот документ является действительно списком руководящих членов военной организации, говорит ряд записей самого Огарева. Так, после перечислений фамилий трех офицеров 14-го пех. Олонцкого полка, следует пометка: «От них подробности военной организации всей 4-й дивизии»³. Та же запись встречается и после фамилий офицеров 17-го пех. Галицкого полка: «От них же подробности военной организации во всей 5-й пехотной дивизии»⁴. Далее аналогичную запись мы находим и после фамилий офицеров 21-го пех. Муромского полка: «От них подробности организации в 6-й дивизии»⁵. Наконец, после фамилий офицеров 7-го пех. Ревельского полка содержится следующая пометка: «Через них велась пропаганда 2-й пехотной

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7969, л. 63—64. Черновой автограф Милютина. Этот циркуляр полностью, с незначительными разночтениями, имеющими чисто стилистический характер, опубликован Герценом в „Колоколе“, л. 152, 15 ноября 1862 г. под заглавием „Военный министр Милютин, как министр просвещения“.

² Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ЦАОР, ф. № 5770, оп. 1-я, д. № 43-а.

³ Там же, л. 72.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

дивизии»¹. После фамилии офицера 6-й арт. бригады: «От него подробности организации артиллерии 2 корпуса»; вслед за фамилией офицера 3-го саперного батальона — «От него все саперы 2 корпуса»².

В другом документе Огарева, относящемся также к 1862 году и посвященном организации революционных сил³, содержится подробный анализ вооруженных сил страны, причем тут же дается характеристика настроений войск с точки зрения их готовности к участию в революционном движении. Так, 1-й, 2-й, 3-й и 5-й армейские корпуса Огарев определяет «лучшими по настроению», четвертый и шестой — «худшими по настроению»⁴.

Эти данные были почерпнуты Огаревым, повидимому, у А. А. Потехина, приезжавшего в Лондон в 1862 году. Потехин, как утверждает Огарев в «Надгробном слове», являлся одним из руководителей революционной организации в армии — Общества русских офицеров (или иначе «Комитета русских офицеров в Польше»), которая объединилась впоследствии с обществом «Земля и воля»⁵.

В «Колоколе» от 1 декабря 1862 года было помещено обращение этого комитета ко всем офицерам русской армии. В обращении говорилось:

«...Обстоятельства все ближе и ближе подводят к минуте, когда нам придется быть палачами Польши или пристать к ее восстанию. Мы не хотим быть палачами... Мы не опозорим русского имени продолжением грехов Петербургского императорства...»⁶. Выяснив свое отношение к национально-освободительному движению в Польше, комитет далее указывал на огромное значение армии в деле борьбы за свободу. «Кто же спасет Россию? — говорилось в обращении. — Войско! Войско должно отказаться держать Россию в осадном положении и быть палачом русского народа, так как мы — случаем поставленные в Польше — отказываемся быть палачами польского народа. Но одного отказа мало. Чтобы спасти Россию, войско должно быть другом народа и слугою его свободы. Товарищи! Где бы ни застал вас голос наш, примите его к сердцу!»⁷. В заключение обращение призывало русских офицеров создавать в войсках революционные комитеты.

О наличии революционных настроений среди офицеров Петербургского гарнизона рассказывает в своих «Воспоминаниях» М. П. Сажин. «В Петербурге в середине 60-х годов среди офицеров, по преимуществу артиллеристов, образовался кружок «чернышевцев», куда входил и я. Из членов этого кружка я сейчас припоминаю офицеров артиллеристов: Богданова, братьев Черновых, Альтфатера, Юдина, полковника Колесова и офицера Генерального штаба Гейнса»⁸.

Революционные идеи получили большое распространение в военно-учебных заведениях (кадетских корпусах и военных академиях)⁹.

Все это свидетельствовало о наличии в армии в начале 60-х годов широко разветвленной революционной организации. Недаром Н. Г. Чернышевский в своей прокламации «Барским крестьянам от их доброжелат-

¹ ЦАОР, ф. 5770, опись 1-я, д. 43-а, л. 72.

² Там же, л. 73.

³ Там же, д. № 27.

⁴ Там же, л. 10.

⁵ «Колокол», л. 162, 1 мая 1863 года.

⁶ «Колокол», л. 151.

⁷ Там же.

⁸ М. Сажин (Арман Росс). Воспоминания, М., 1925, стр. 25.

⁹ См. главу VI «Реформы военно-учебных заведений».

телей поклон» рекомендовал им обращать внимание на «добрых офицеров».

Если революционные настроения в армии распространялось главным образом среди передового офицерства, то их не были чужды и отдельные солдаты. Летом 1862 года в Киеве был арестован подполковник Александрийского гусарского полка Красовский за революционную пропаганду среди солдат. Узнав, что Житомирский резервный батальон направляется на подавление крестьянского движения, Красовский составил и начал распространять прокламацию с призывом к солдатам не принимать участия «в военных действиях против безоружных крестьян, своих же русских»¹.

Когда Красовский находился в крепости, ему в камеру было подброшено ответное письмо солдат, благодаривших его за любовь «к бедному солдату и его брату бедному мужику. . . Нас, — писали солдаты, — изволите сами видеть. . . нынче мало таких, что вас настояще разумеют; завтра будет больше половины, а там и все»².

Обострение классовых противоречий в стране, вызывавшее рост революционных идей и в войсках, обуславливало стремление царизма укрепить опору своей власти — армию.

Внешнеполитическое положение России после Крымской войны также требовало укрепления вооруженных сил государства. Война нанесла сильный удар престижу царизма в Европе. Если после Венского конгресса царизм играл первенствующую роль во внешнеполитических делах Европы, то поражение в Крымской войне привело к резкому изменению в соотношении сил. В результате поражения царизма внешнеполитическая обстановка складывалась для России крайне неблагоприятно. «. . . со времени Крымского поражения, — указывает товарищ Сталин, — . . . самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать»³.

Так называемая нейтрализация Черного моря и его побережья обуславливала полнейшую беззащитность южных границ России, что являлось особенно опасным в связи с захватническими происками Англии на Ближнем и Среднем Востоке.

Вместе с этим немалую опасность представляла собой и Пруссия, стремившаяся в тот период к созданию мощного милитаристического государства у западных границ России.

После Парижского мира Россия оказалась, несмотря на начавшееся сближение с Францией, фактически в состоянии полной политической изоляции. Наконец, необходимость преобразования армии и ее перевооружения вызывалась быстрым развитием военной техники, в частности, введением нарезного оружия.

* * *

На протяжении тридцати лет царствования Николая I состояние армии изображалось во всех официальных отчетах в чрезвычайно радужных красках. Боевая мощь Российской империи представлялась несокрушимой. Однако поражение в Крымской войне, явившееся исходным моментом нарастания революционной ситуации, вызвало со стороны господствующих классов критику всей системы феодально-крепостнического

¹ „Колокол“, л. 162.

² Там же.

³ И. В. Сталин. О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“. „Большевик“ № 9, 1941, стр. 4.

государства и в том числе армии. Эта критика являлась выражением «кризиса верхов», составлявшим один из компонентов революционной ситуации.

Первым официальным документом, подвергшим критике существовавшую военную систему, явилась записка главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами ген. гр. Ридигера, представленная им Александру II через военного министра 4 июня 1855 года.

В этой записке Ридигер указывал, что основные причины неудач русской армии заключаются в отсутствии способных людей как на важнейших командных должностях, так и в военном управлении.

Это обстоятельство, по мнению Ридигера, обуславливалось в свою очередь двумя причинами: излишней централизацией управления и забвением основных начал военного искусства.

«Злоупотребление властью центральной администрации в ущерб самостоятельности низших инстанций, — писал Ридигер — низвело последние к роли передатчиков донесений и приказов. . . Должности эти, — продолжал он, — естественно, занимались лицами посредственными; нет ничего более легкого, как быть слепыми исполнителями отданных приказаний. . . , но нельзя требовать от этих марионеток ни характера, ни долга, ни знания людей и обстоятельств. . . »¹.

Подобное положение, по мнению Ридигера, насаждало посредственность и изгоняло из армии людей способных и инициативных.

«Второй причиной, оказавшей не меньшее влияние на отсутствие способных людей на военной службе, — указывал Ридигер, — является вырождение людей, обладавших военным духом, знающих, что такое тактика и война, в людей, занимающихся лишь одними военными упражнениями, чей кругозор ограничен уставами и парадами»².

Таковы причины, обусловившие, по мнению Ридигера, неудачу военных действий.

В действительности указанные «причины» являлись лишь следствием существовавшей военной системы, полностью соответствовавшей состоянию николаевской империи в целом.

Через некоторое время, 23 июня того же года, Ридигер представил вторую записку, в которой подробно излагал мероприятия, необходимые для устранения имеющихся в армии недостатков. Предложения Ридигера сводились к пяти пунктам: во-первых, уничтожить чрезмерную централизацию; во-вторых, изменить весь характер обучения войск, при этом указывалось, что необходимо коренным образом переработать все воинские уставы, обратив особое внимание на одиночное обучение солдат; в-третьих, повысить уровень развития офицеров, увеличив число военно-учебных заведений; в-четвертых, принять серьезные меры для улучшения старшего командного состава путем установления аттестаций при назначении на должности командиров отдельных частей, предусматривая при этом увольнение со службы всех лиц, не удовлетворяющих необходимым требованиям; и, в-пятых, для обсуждения всех этих вопросов создать специальные комиссии.

Все эти предложения были одобрены Александром II, и 20 июля 1855 года была создана особая «Комиссия для улучшения по военной части» под председательством Ридигера. Вице-председателем этой комиссии был назначен ген. П. А. Данненберг, «герой» Ольтеницы и Инкер-

---

¹ «Столетие Военного министерства». Прилож. к I тому. Перевод с французского, СПб., 1901, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

мана, отличавшийся полнейшей бездарностью в военном деле. В состав комиссии входили: ген.-лейт. Максимович, Мерхелевич, генерал-ад. кн. Барятинский, гр. Баранов, генерал-майоры Баранцев, Глинка, Гечевич, Курдюмов, полк. Карцов и Лошкарев. В феврале 1856 года в состав этой комиссии был введен ген. Милютин. Программа занятий комиссии включала в себя более широкий круг вопросов, нежели записка Ридигера.

На комиссию были возложены следующие задачи: 1) изменить и упростить строевые уставы; 2) улучшить вооружение; 3) ввести в войсках занятия для физического развития солдат и офицеров; 4) составить новую программу обучения войск в мирное время; 5) изменить систему аттестации офицеров; 6) установить новые принципы включения офицеров в кандидатские списки для получения очередных повышений по службе.

Рассматривая состояние армии с дворянско-феодалных позиций, Ридигер, естественно, не был в состоянии вскрыть истинную причину несовершенства вооруженных сил, вследствие чего и сосредоточил свое внимание на отдельных частных недостатках. В действительности же состояние армии отражало лишь общий процесс загнивания всей системы феодально-крепостнического строя, что не могло быть доступно пониманию представителей господствующего класса.

Наряду с записками Ридигера с критикой существовавших военных порядков в этом же духе выступил в 1856 году ген.-ад. Глинка 2-й, представивший Александру II в конце этого года записку, озаглавленную «О возвышении в войсках личного достоинства начальствующих лиц и офицеров».

В этой записке ген.-ад. Глинка 2-й в более резкой форме, нежели гр. Ридигер, характеризовал всю систему военного управления, указывая на ряд вопиющих безобразий и злоупотреблений.

Доклады и отчеты о состоянии войск, по мнению генерал-адъютанта Глинки 2-го, не только не отражают действительного положения, а наоборот, призваны скрывать истинное положение вещей.

Далее автор записки, приводя конкретные факты различных злоупотреблений, принявших характер организованного грабежа солдат, писал: «... главная забота многих начальников частей состоит не в доведении нравственного и фронтового образования войск до желаемого совершенства, а в приискивании средств к успешному и притом выгодному для них выполнению поставок, им представленных... Полковые командиры стали большей частью какими-то поставщиками, сметливостью и оборотливостью своей не уступающими лицам торгового звания...»¹.

Меры, предлагаемые ген.-ад. Глинкой 2-м, сводились к необходимости «возвышения офицерского звания» путем освобождения командиров от хозяйственных функций, увеличения содержания им, назначения на высшие командные должности людей достойных и т. д.

Таким образом, записка ген.-ад. Глинки 2-го еще в большей мере, нежели записки Ридигера, касалась отдельных частных вопросов, не вскрывая основных недостатков всей военной системы в целом.

Однако самый факт появления этих записок, впервые за 25—30 лет критиковавших существующие военные порядки, свидетельствовал о невозможности сохранения данной военной системы.

Казалось бы, что все это должно было повлечь за собой ряд реше-

---

¹ «Столетие Военного министерства». Прилож. к I тому, стр. 63.

тельных мер со стороны Военного министерства по устранению обнаруженных недостатков. Однако всякого рода «новшества» встречали неодобрительное отношение со стороны военного министра кн. Долгорукова — сторонника существовавших николаевских военных порядков. В силу этого на протяжении 1855 и 1856 годов Военное министерство занималось лишь изменением формы обмундирования войск, страстным любителем чего являлся и сам Александр II.

Из 282 приказов, изданных военным министром за 1855 год, 62 посвящены именно этому вопросу. Новая форма имела «существенное» отличие от старой: так, генералам вместо султана из белого волоса на каску полагался султан из петушиных перьев, вместо летних панталон — шаровары, зимой из красного сукна¹. «И обновленная Россия одела красные штаны», — иронизировали по этому поводу современники. Е. Штакеншнейдер, дочь придворного архитектора, в своем дневнике писала: «Одно только приводит в недоумение, — это беспрестанные изменения форм военных. В Петербурге, кажется, нет двух офицеров одного и того же полка, одинаково одетых: один уже в новой форме, другой не успел ее себе сшить, третий — уже в самой новейшей»².

В апреле 1856 года на смену кн. Долгорукову был назначен военным министром ген. Н. О. Сухозанет. Типичный представитель николаевского генералитета, крайне невежественный и лишенный каких-либо административных способностей, Сухозанет был не в состоянии понять необходимость коренной реорганизации армии, а тем более возглавить ее.

При назначении Сухозанета Александр II поставил перед ним следующие задачи:

- 1) приведение армии в соответствие с условиями мирного времени, имея при этом в виду всемерное сокращение расходов;
- 2) преобразование военных сил, вооружения, устройства и управления ими на новых началах, «указанных временем и опытом войны».

Если осуществлению первой задачи Сухозанет по мере своих сил и способностей уделял большое внимание, то вторая задача, за исключением отдельных второстепенных мероприятий, осуществлена им не была.

Стремление к максимальному сокращению военных расходов осуществлялось Сухозанетом без всякого плана, без учета необходимости укрепления обороноспособности государства.

«Министерство военное решительно разлагается, — писал ген. Милютину служивший в министерстве в тот период полковник Карцов. — Из всех задуманных преобразований вышло только одно: уничтожение прежнего хоть какого-нибудь порядка»³.

Характеризуя деятельность Сухозанета, Милютин впоследствии писал: «...все меры, принятые генералом Сухозанетом, имели исключительной целью сокращение военных расходов: то одно, то другое отменялось, упразднялось, убавлялось... все сделанное в этот период времени носило на себе характер отрицательный. Продолжая идти таким путем, можно было довести государство до полного бессилия, в то время когда все другие державы европейские усиливали свои вооружения»⁴.

---

¹ Приказ военного министра № 60 от 15 марта 1855 г.

² Е. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886), 1934, стр. 103—104. Запись 31 декабря 1855 г.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7959. Письмо от 4 марта 1859 г.

⁴ Там же, М. 7841, стр. 109.

Наиболее крупными мероприятиями Сухозанета были упразднение военных поселений и ликвидация института военных кантонистов.

Военные поселения утратили после 1831 года значение вооруженной силы, и отличие военных поселян от прочего населения заключалось лишь в выполнении ими специальных повинностей для нужд армии.

В течение 1857—1859 годов военные поселения были переданы в ведение Министерства государственных имуществ. Департамент военных поселений был упразднен, и вместо него создан департамент иррегулярных войск¹.

В конце 1856 года военные кантонисты и солдатские дети были превращены в свободное податное сословие.

В связи с ликвидацией сословия кантонистов были реорганизованы училища военного ведомства, готовившие топографов, оружейных мастеров, писарей, музыкантов.

В 1857 году по инициативе Комиссии для улучшений по военной части в двух гвардейских полках — Измайловском и лейб-гвардии Конном — в виде опыта были созданы из офицеров хозяйственные комитеты, которым и было передано все хозяйственное управление. В 1858 году этот опыт был распространен на Семеновский, л.-гв. Гренадерский и л.-гв. Саперный батальон. Указанное мероприятие преследовало следующие цели:

«1) Освободить начальников отдельных частей от всех мелочных, иногда даже не соответствующих их званию, подробностей полкового хозяйства и тем доставить им более времени для занятий военным образованием подведомственных им чинов.

2) Отстранить их от всех денежных расчетов и коммерческих операций по снабжению вверенных им частей предметами довольствия и, сгладив их этим способом от всяких сомнений в правильности распределения и расходования поступающих от казны отпусков, возвысить их нравственное значение и самостоятельность, соответственно с присвоенным им званием.

3) Достигнуть того, чтобы солдат не только получал *исправно и сполна* все, что ему определено от Правительства, но чтобы все получаемое было *доброкачественно* — словом уничтожить всю ту систему злоупотреблений, которая вкоренилась во внутреннем управлении наших войск...»².

По настоянию Комиссии для улучшения по военной части были приняты меры для распространения грамотности в войсках, началось обучение гимнастике, в целях чего создавались специальные «учебно-фехтовально-гимнастические кадры» при отдельных частях войск.

Для подготовки инструкторов стрелкового дела были в 1858 году сформированы учебные батальоны, выпускавшие учителей «искусной стрельбы».

Таким образом, помимо воли Сухозанета, обучение войск начало крайне медленно перестраиваться на новый лад.

Комиссия для улучшения по военной части, однако, оказалась неспособной решить ни один существенный вопрос преобразования армии, ограничившись лишь незначительными изменениями в области обучения войск и организации полкового хозяйства.

---

¹ Ранее иррегулярные войска находились в ведении департамента военных поселений.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 26195, л. 9—10.

Вопросы же комплектования армии, вооружения ее, боевой подготовки войск, подготовки офицерского состава — все это осталось вне поля зрения комиссии.

Неспособность Сухозанета и необходимость его замены Александр II понял лишь в 1859 году, когда в связи с франко-австрийской войной потребовалось на основе соглашения с Наполеоном III выставить на границе с Австрией четыре армейских корпуса. Военное министерство не справилось с этим делом: для перевода четырех корпусов на военное положение потребовалось пять месяцев.

Это воочию продемонстрировало полнейшую неспособность военного министра навести порядок в военном управлении и обеспечить надлежащее состояние армии.

Летом 1859 года приезжавший с Кавказа фельдмаршал кн. Барятинский рекомендовал на должность военного министра своего начальника штаба ген. Д. А. Милютину.

В августе 1860 года Милютин был назначен товарищем военного министра. Сухозанет, видевший, повидимому, в лице Милютина своего преемника, упорно игнорировал его, не допуская товарища министра к руководству ни одной отраслью военного управления.

«Служебное мое положение было совершенно ненормальное, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях». — Почти устраненный от дел административных, я оставался лишь безучастным слушателем ежедневных докладов генерала Сухозанета государю»¹.

Взаимоотношения с Сухозанетом складывались так неблагоприятно, что весной 1861 года Милютин подал рапорт о предоставлении ему длительного отпуска «для морских купаний».

Однако вскоре после этого Сухозанет был назначен исполняющим обязанности наместника Царства Польского, и с мая 1861 года Милютин вступил в управление Военным министерством. 9 ноября того же 1861 года он был утвержден в должности военного министра. Будучи сторонником ограниченных буржуазных реформ, направленных на укрепление самодержавно-дворянского строя, Милютин являлся противником существовавших николаевских военных порядков, отстаивая передовые по тому времени взгляды на те или иные стороны военного искусства.

В 1839 году в «Отечественных записках» была опубликована статья Милютина «Суворов», в которой впервые делалась попытка научного анализа военного искусства великого полководца. Преклоняясь перед полководческим гением Суворова, Милютин писал: «Суворов в отношении к военному делу стоял выше своего века, и никто не мог тогда постигнуть, что он создал совершенно новый образ войны, прежде чем Наполеон дал Европе уроки новой стратегии и тактики»².

Подобная оценка полководческого искусства Суворова говорит о понимании Милютиным принципиального нового содержания тактики и стратегии великого русского полководца.

На протяжении всей статьи Милютин выступает поборником этих принципов и вытекавшей из них системы обучения войск.

«В военном искусстве, — писал Милютин, — есть две стороны: материальная и моральная. Войско не есть только физическая сила, масса, составляющая орудие военных действий, но вместе с тем соединение людей, одаренных умом и сердцем. Нравственная сила играет важную роль во всех соображениях и расчетах полководца и, следовательно, для

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7840, л. 108.

² „Отечественные записки“, т. III, разд. II, 1839, стр. 3.

последнего недостаточно только владеть армией как машиной, он должен уметь владеть человеком, привязать к себе войско и своею нравственною властью над ним укреплять власть условную»¹.

Подобная точка зрения была противоположна существовавшей системе обучения войск.

Система обучения, пропагандируемая Милютиным, была основана на иных тактических принципах «глубокой» тактики, предполагавшей развитие самостоятельной инициативы бойца, а также сознательное выполнение им боевой задачи.

Резкую оценку существовавшей системы подготовки офицерских кадров мы находим в путевом дневнике Милютин за 1840 год.

«Наши офицеры образуются совершенно как попугай, — писал он в своем дневнике, — до производства их они содержатся в клетке и беспрестанно толкуют им: *«Попка, налево кругом»*, — и попка повторяет: *«Налево кругом»*; *«попка, на караул»*, — и попка повторяет это; ...когда попка достигнет до того, что твердо заучит эти слова и притом будет уметь держаться на одной лапке... ему надевают эполеты, отворяют клетку, и он выступает из нее с радостью, с ненавистью к своей клетке и прежним своим наставникам»².

В 1856 году в связи с назначением Милютин членом Комиссии для улучшений по военной части он пишет обстоятельную записку, озаглавленную «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных», в которой подробно излагается его точка зрения на вопросы организации и управления армии. Основной порок существующей военной организации Милютин видит в необходимости содержать в мирное время огромную армию, вследствие отсутствия обученных кадров запаса для развертывания ее во время войны. Главную причину этого он видит в крепостном праве, которое «не позволяет у нас ни сократить сроки службы, ни увеличить число бессрочно отпускных, для уменьшения наличного числа войск»³.

В этой же записке Милютин проектирует и изменения в области управления войск, предлагая создать военные округа, значительно упрощающие управление, а также облегчающие перевод армии на военное положение.

Таким образом, Милютин являлся противником существовавшей военной системы, сторонником преобразований армии, объективный смысл которых отражал приспособление вооруженных сил страны к новым историческим условиям — условиям развивающегося капитализма.

Однако эти взгляды Милютин отнюдь не были оригинальны, являясь в значительной степени лишь выражением в наиболее синтезированной форме тех воззрений, которые еще в конце 40-х — начале 50-х годов XIX века получили свое распространение среди передовых представителей русской военно-теоретической мысли (Астафьев, Горемыкин, Теляковский и др.).

* * *

Перед Милютиным была поставлена задача — наметить план преобразования всех звеньев как армии, так и системы военного управления.

Вся сложность этой задачи определялась необходимостью руководствоваться при составлении плана преобразований, с одной стороны,

---

¹ „Отечественные записки“, т. III, разд. II, 1839, стр. 24.

² Отд. рук. ГьЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7913.

³ Там же, М. 7952, л. 7.

усилением боеспособности вооруженных сил и, с другой — стремлением максимально сократить смету Военного министерства.

Составление столь обширного плана реформ потребовало колоссальной работы, к которой было привлечено все министерство. Почти ежедневно Милютин устраивал различные совещания, на которых обсуждались те или иные вопросы. Для разрешения более серьезных задач создавались особые комиссии. Так, по вопросу организации армии была образована специальная комиссия под председательством начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала Баумгартена.

На руководящие посты в Военное министерство был привлечен ряд новых лиц, в том числе на должность дежурного генерала — гр. Ф. Л. Гейден, директора канцелярии министерства — К. П. Кауфман.

Ближайшими помощниками Милютина в составлении общей программы преобразований являлись редакторы «Свода военных постановлений» действ. стат. сов. Устрялов и профессор Николаевской академии по кафедре военной администрации полк. Аничков.

Эта обширная работа была выполнена менее чем в два месяца и представлена царю 15 января 1862 года в форме «всеподданнейшего доклада», состоявшего из десяти разделов, посвященных различным вопросам военного управления.

* * *

Во вступительной части доклада Милютин подчеркивал, что перед Военным министерством поставлена «весьма трудная задача — *согласовать по возможности две взаимно противоречащие цели*. С одной стороны, оно должно всемерно стараться облегчить то бремя, которое расходы военные составляют для государства, с другой же стороны — оно навлекло бы на себя тяжкий упрек, если бы заботилось безусловно только о сокращении сметы в ущерб благосостоянию и благоустройству армии»¹.

Действительно, на всем протяжении военных преобразований Военному министерству надо было сочетать эти две противоречившие друг другу задачи, что не только создавало огромные трудности, но и налагало определенный отпечаток на весь ход преобразований.

Переходя к основному разделу доклада — организации армии и ее комплектованию, — Милютин вначале рассматривает этот вопрос с точки зрения возможности сокращения количества войск «при современном положении России и при существующей организации самой армии». По этому поводу он писал:

«Ваше императорское величество, без сомнения, не изволите допустить и мысли, чтобы империя ваша могла бы отказаться от первостепенного значения политического, приобретенного ею тысячелетним существованием Русского государства. При настоящих же условиях положения европейских держав, когда каждая из них имеет весьма значительную постоянную армию и обеспеченные средства к развитию своих военных сил на случай войны, подобное политическое значение России может быть не иначе поддерживаемо, как соразмерною вооруженною силою с теми же основаниями, к правильному развитию ее в военное время, какие для сего приняты в других державах. Следовательно, — заключал

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, № 1. л. 2. Напечатано в «Столетии военного министерства». Приложения к историческому очерку военного управления в России, т. 1, СПб., 1902.

Милютин, — самые условия внешней политики указывают в известной мере те пределы, ниже которых нельзя допустить уменьшения военных сил империи...»¹.

Наряду с внешнеполитическими причинами невозможность сокращения численности армии, по мнению военного министра, определялась главным образом внутривнутриполитическими обстоятельствами.

Рост революционного движения начала 60-х годов обуславливал необходимость содержания внутри страны значительного количества войск, нужных для обеспечения «внутреннего спокойствия государства». Милютин прямо указывал, что «значительные сокращения могут оказаться возможными и внутри России, лишь только крестьяне ознакомятся со всеми благами даруемой им свободы»². Это откровенное до цинизма заявление военного министра достаточно убедительно говорит о массовом применении войск при подавлении крестьянского движения в связи с введением в действие Положения 19 февраля 1861 года. Наконец, сокращение численности армии затруднялось, по мнению военного министра, событиями в «Царстве Польском», т. е. ростом национально-освободительного движения в Польше.

Все это, по словам Милютина, исключало возможность «даже помышлять о сокращении армии».

В докладе далее указывалось, что единственная возможность сокращения военных расходов в мирное время и увеличения численности армии в случае войны заключается в правильной организации резервов. «Каждая держава, — говорилось в докладе, — для сбережения своих расходов старается содержать в мирное время возможно меньшую армию, но вместе с тем имеет наготове обеспеченные средства к развитию ее в военное время. Это есть основание всякой рациональной военной системы»³.

В докладе подробно рассматривался вопрос о возможностях развертывания армии в случае войны.

Если по штатам мирного времени численность регулярных войск составляла 765.532 чел., то во время войны она должна была увеличиться до 1.377.365 чел.

«...Однако же, — писал военный министр, — считаю долгом откровенно сказать, что приведенная грозная цифра есть сила мнимая, существующая только по штатным положениям; действительно же мы не имеем вовсе в готовности тех средств, которые необходимы для приведения армии в случае войны в означенный усиленный состав»⁴.

Увеличение армии могло быть осуществлено частью за счет призыва солдат, находившихся во временных отпусках, количество которых составляло 242 тыс.⁵, частью же за счет набора рекрутов, не проходивших вовсе военного обучения.

Следовательно, в случае войны армия почти не имела никаких возможностей для развертывания. На этот недостаток указывал еще и Энгельс, отмечая, что «русские резервы включают в себя такое ограниченное число людей и их так трудно собрать вместе из различных пунктов громадной империи, что уже спустя шесть месяцев после объ-

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 4—5.

² Там же, л. 9—10.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 7—8.

⁵ Милютин в своих «Воспоминаниях» говорит, что фактическая цифра была еще меньше, она составляла 210 тыс. человек.

явления войны... сразу же выявилась необходимость покончить с этой системой и приступить к формированию новых корпусов...»¹.

Касаясь этого вопроса, Милютин в докладе подчеркивал, что большинство армий западноевропейских государств, наоборот, имеет возможность значительно увеличивать свои силы. Так, например, прусская армия, обладая численностью по штатам мирного времени в 200 тыс. чел., в случае войны увеличится до 695 тыс., австрийская — с 280 тыс. до 625 тыс., французская — с 400 тыс. до 800 тыс., т. е. прусская армия может увеличиться в 3,4 раза, австрийская — в 2,2, французская — в два раза.

«Итак, из обзора нашей военной системы оказывается, — писал он, — что, содержа в мирное время более войск, нежели какая-либо из других первостепенных держав..., мы в действительности можем выставить во всей Европейской России² не более 769 тыс.»³.

Если из этого числа вычесть местные войска, не предназначенные для военных действий, то боевая сила русской армии была бы менее прусской, австрийской и французской, отдельно взятых.

Резюмируя все сказанное, военный министр еще раз подчеркивал, что при настоящем военном устройстве не только нет никаких возможностей для сокращения армии, но скорее надо опасаться недостатка вооруженных сил в случае возникновения войны.

«...главная задача должна... заключаться в том, — указывалось в докладе, — чтобы согласовать по возможности требуемое столь настоятельно сокращение наличных войск мирного времени с другим не менее важным условием — приготовления всех средств к наибольшему развитию сил в случае войны. Необходимо ныне же, — продолжал Милютин, — изыскать меры, чтобы подготовить исподволь военные силы империи, как по личному, так и по материальному составу, к правильной, возможно дешевой мобилизации и, установив вместе с тем путь к рациональным сбережениям в ежегодных военных расходах, обеспечить в то же время государству возможность без внезапных разрушительных потрясений вести войну соответственно политическому его достоинству. Вот цель, к достижению которой будет стремиться Военное министерство»⁴, — говорилось в докладе.

Для осуществления этого предлагалось провести ряд мероприятий. Во-первых, уменьшить, насколько это возможно, «нестроевой элемент в армии», т. е. максимально сократить либо расформировать вовсе те части войск, которые несли лишь службу мирного времени и не имели никакого применения в случае войны, как, например, корпус внутренней стражи, военно-рабочие и инвалидные роты.

Во-вторых, превратить резервные войска в «боевой резерв» в полном смысле этого слова. Милютин при этом указывал, что резервные войска в их настоящем положении в случае войны предназначены для выполнения двух различных целей: обучать призванных рекрут, с одной стороны, и увеличивать собой число боевых единиц действующей армии — с другой. «Чрез это двойственное назначение, — писал он, — резервные войска не могут удовлетворить, должным образом, ни одному из них. Обучение рекрут требует, чтобы резервы стояли на месте; уси-

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. 1, М., 1941, стр. 447.

² То есть за исключением войск Кавказской армии, Оренбургского и Сибирских отдельных корпусов.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 8.

⁴ Там же, л. 10.

ление же боевого состава армии требует, напротив, чтобы они двигались»¹. Вследствие этого рекруты, включенные в состав резервных войск, проходя обучение в условиях непрерывных передвижений, оставались недоученными, а резервные войска не обладали подвижностью, необходимой для боевого резерва. По мнению Милютина, необходимо освободить резервные войска от обязанностей обучения рекрут, обеспечив развертывание их в случае войны за счет призыва солдат, находящихся во временных отпусках.

В-третьих, для обучения рекрут во время войны и пополнения ими действующих и резервных войск создать особые запасные войска, причем в мирное время необходимо иметь сформированный кадровый состав их, общей численностью не более 15—16 тыс. человек. Запасные войска, помимо выполнения ими основной функции — обучения рекрут, должны также нести и караульную службу, заменяя собой корпус внутренней стражи.

В докладе указывалось на огромное значение создания запасных войск, как непрерывно действующего источника пополнения находящихся на театре войны воинских частей. Вследствие этого отпадала бы необходимость новых формирований.

Наконец, в-четвертых, необходимо создать условия для обеспечения развертывания армии во время войны, т. е. подготовить необходимый обученный людской запас, равный разности между численностью войск в военное и мирное время. Для этого Милютин считал нужным резко увеличить количество солдат, находившихся в бессрочных и временных отпусках, с тем, чтобы общее число их полностью покрывало потребность увеличения численности армии в случае войны.

Осуществление этого могло быть достигнуто путем увеличения контингента рекрутского набора — установлением нормы годового набора в 4 чел. с 1000 душ вместо 3 человек. Это дало бы возможность сократить фактический срок действительной службы, путем увольнения во временные отпуска солдат, прослуживших 11, 10, 9 и даже 8 лет.

Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, он предполагал идти даже дальше, а именно: в течение ближайших семи лет производить ежегодный набор не по 4, а по 5 человек с тысячи душ, т. е. довести ежегодный контингент призываемых до 125 тыс. чел. Увольняя во временные отпуска на 7—8 году службы, можно было бы в течение ближайших семи лет образовать обученный людской запас в 750 тыс. человек, вполне достаточный для перехода армии на штаты военного времени. Этим путем создавались бы реальные условия для увеличения армии вдвое по сравнению со штатами мирного времени.

По словам Милютина, он не решался поставить в докладе вопрос о значительном сокращении срока военной службы, «чтобы не поднять напрасно тревогу в нашей военной среде, предложение же мое увольнять нижних чинов во *временный* отпуск ранее выслуги срока никого не пугало...»².

Вместе с тем в докладе ставился вопрос о пересмотре рекрутского устава. В связи с этим указывалось на целесообразность привлечь «к отправлению рекрутской повинности по возможности наибольшего числа лиц, для чего необходим пересмотр всех допущенных рекрутским уставом изъятий из оной...» «...Считаю долгом, — говорилось далее, —

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, л. № 1, л. 12.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7814, л. 428.

еще упомянуть... о необходимости радикального и безотлагательного пересмотра нашего рекрутского устава для согласования его с современными обстоятельствами, с новыми условиями крестьянского быта...»¹.

Таким образом, в докладе лишь в крайне неопределенной форме ставился вопрос о пересмотре рекрутского устава. Тем самым предполагалось сохранение в несколько измененном виде феодального принципа комплектования войск. Это в свою очередь крайне затрудняло реализацию основной задачи, поставленной в области организации и комплектования армии — сокращения вооруженных сил в мирное время и создания условий для развертывания их во время войны путем подготовки обученного людского запаса.

* * *

Вопрос об обеспечении войск офицерскими кадрами являлся одним из решающих условий развертывания армии и, вполне понятно, занимал в преобразовательных планах Военного министерства большое место.

В докладе указывалось, что на случай войны армия далеко не обеспечена офицерским составом. Говоря о необходимости ликвидировать этот пробел, военный министр предлагал создать резерв из бессрочно-отпускных офицеров, получающих определенное обеспечение в мирное время. С этой целью он считал целесообразным производить в офицеры вахмистров, унтер-офицеров и вольноопределяющихся, последних в более короткий срок, нежели это предусматривалось существовавшим законодательством. Весь этот контингент мог бы во время развертывания армии обеспечить замещение должностей младших офицеров, в первую очередь в запасных войсках. Признавая совершенно неудовлетворительной систему подготовки офицерских кадров, военный министр считал необходимым существенным образом изменить ее.

В докладе Милютин очень кратко останавливался на реорганизации системы военного образования, указав лишь на необходимость расширения создаваемых при корпусных и дивизионных штабах юнкерских училищ для подготовки к офицерскому званию юнкеров и вольноопределяющихся. Кроме того, в докладе говорилось об изменении преподавания в кадетских корпусах в целях улучшения подготовки будущих офицеров.

Наиболее подробно освещен этот вопрос в особой записке Милютина «Мнение о военно-учебных заведениях», написанной им в начале февраля 1862 года на имя главного начальника военно-учебных заведений вел. кн. Михаила Николаевича. В этой обширной записке он подвергал серьезной критике всю систему подготовки офицеров в кадетских корпусах, говоря о необходимости коренной реорганизации их.

В ней указывалось, что подготовка офицеров в кадетских корпусах обходится государству очень дорого — около 10 тыс. рублей на одного воспитанника², в то же время количество выпускаемых офицеров настолько незначительно, что почти исключительно обеспечивает лишь гвардию и «специальные роды оружия» (артиллерию, инженерные войска). Касаясь качества подготовки выпускаемых из корпусов офицеров, Милютин отмечал, что они большей частью обнаруживают «совершенное неведение военного быта, дисциплины и обязанностей офицера...»³.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 19.

² Как указывал Милютин, на 8016 кадет общее количество педагогов, воспитателей и обслуживающего персонала составляло 8271 чел.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004, л. 14.

Анализируя причину столь неудовлетворительной подготовки, он приходил к выводу, что это является следствием порочности всей системы преподавания и воспитания вследствие смешения двух разнородных функций: с одной стороны, общего образования и, с другой, специального военного. По его мнению, «Воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно *военные* могут существовать только с одной целью — доставить *научное специальное образование* тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе...»¹.

Высказывая эту точку зрения, Милютин руководствовался следующими соображениями: во-первых, тем, что воспитание, основанное на строжайшей воинской дисциплине, дает свои плоды лишь в зрелом возрасте, «когда характер молодого человека успел самостоятельно развиться...»², военное же воспитание в детском возрасте «наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши»³ и, во-вторых, тем, что подобная система обрекает детей, независимо от их призвания, к военной службе. Это, по мнению военного министра, не могло не влиять на качество офицерских кадров.

Руководствуясь этим, Милютин считал необходимым вовсе уничтожить кадетские корпуса, оставив за военным ведомством лишь подготовку офицеров в специальных училищах из числа лиц, получивших общее образование в гражданских учебных заведениях.

Ставя вопрос о ликвидации кадетских корпусов, военный министр руководствовался не только высказанными выше соображениями. Большое значение в этом отношении имело то обстоятельство, что некоторое число офицеров, окончивших кадетские корпуса, приняли участие в революционном движении. Следовательно, система воспитания в кадетских корпусах, по мнению военного министра, не могла обеспечить воспитание верноподданных слуг царизма.

Мероприятия в области подготовки офицерского состава, намеченные как в докладе, так и в записке Милютина, далеко не решали этого вопроса.

Именно эта сторона преобразования армии оказалась менее всего разработанной. Ни в докладе, ни в записке военного министра не ставился конкретно вопрос о судьбе специальных классов кадетских корпусов. Лишь в общей форме говорилось о юнкерских училищах.

Наконец, вовсе не решался вопрос об обеспечении контингента приема в военно-учебные заведения при отсутствии общеобразовательных учебных заведений военного ведомства.

* * *

Важнейшей проблемой военных реформ, определявшей собой в конечном счете организацию войск и всю систему боевой подготовки, являлось перевооружение армии.

В докладе было уделено этому вопросу большое внимание: «При настоящем состоянии военного искусства артиллерийская техника получила чрезвычайную важность. Совершенство оружия дает ныне решительный перевес той армии, которая в этом отношении опередит другие. В этой истине мы убедились горьким опытом последней войны. Войска наши,

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004, л. 22.

² Там же, л. 18.

³ Там же.

воздно снабженные нарезными ружьями, наскоро переделанными из гладкоствольных, должны были тяжкими потерями и обычно своею стойкостью выкупать несовершенство своего вооружения»¹.

Далее указывалось, что быстрое развитие военно-технической мысли не дает возможности остановиться на каком-либо определенном типе как артиллерийского, так и стрелкового вооружения. Благодаря большому численному составу армии, с одной стороны, и слабо развитой военной промышленности — с другой, Военное министерство принуждено «в принятии нововведений действовать с крайней осторожностью»². В силу этого, писал Милютин, «мы должны и теперь откровенно признаться, что в материальном состоянии артиллерии и в вооружении войск мы отстали от других европейских государств»³.

Останавливаясь подробно на ходе перевооружения армии, он указывал, что половина пехоты еще не обеспечена принятыми на вооружение шестилинейными нарезными винтовками, не говоря уже об отсутствии необходимого неприкосновенного запаса. Еще хуже обстояло дело с артиллерийским вооружением. За исключением легких батарей, все остальные артиллерийские части не только не были вооружены нарезными орудиями, но еще не был решен вопрос и о калибре их. Так же обстояло дело и с крепостной и осадной артиллерией. Таким образом, вопрос о перевооружении артиллерии далеко не был решен и, как писал Милютин, — «находится еще в младенчестве».

Рассматривая вопрос о технической вооруженности армии, как одну из основных задач намечаемой программы преобразований, Милютин в первую очередь обращал внимание на развитие отечественной промышленности, производящей вооружение и боеприпасы.

Так, говоря о производстве снарядов, он писал, что необходимо «изыскать средства к удовлетворению потребности во всех материалах для выделки пороха из своих внутренних источников, не нуждаясь в заграничном привозе»⁴.

Характеризуя состояние военных заводов, Милютин считал, что основной причиной неудовлетворительной работы их является низкая производительность труда. «Исключая оружейных заводов, — писал он, — мастеровые комплектуются из незнающих мастерства рекрут, от обязательного труда которых, не вознаграждаемого задельною платою, нельзя требовать должного совершенства»⁵.

Намечая ряд мер для улучшения работы военных заводов, он в первую очередь считал необходимым отказаться от всяких форм подневольного труда и перейти к труду вольнонаемному, основанному на сдельной оплате.

Основной неотложной задачей артиллерийского ведомства Милютин считал приведение технической вооруженности русских войск в соответствие с уровнем состояния европейских армий. При этом он указывал, что это должно неизбежно повести за собой увеличение расходов, в противном случае, писал он, «другие европейские державы далеко оставят нас назади в деле военного устройства»⁶.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 1, л. 76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 83—84.

⁵ Там же, л. 86.

⁶ Там же.

Значительное место в докладе занимал вопрос боевой подготовки войск, а также их внутренней организации. Характеризуя основные принципы обучения войск, Милютин писал, что «совершенствование армии основано преимущественно на образовании единиц, ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных для достижения удовлетворительных результатов с меньшими материальными жертвами, меньшею тратой времени и труда...»¹.

В программе, намечаемой Милютиным, большое место занимала физическая подготовка солдата — занятия гимнастикой и фехтованием, «служащие наилучшим физическим подготовлением к боевой службе»².

В части боевой подготовки войск в докладе указывалось на целесообразность отмены так называемых нормальных боевых порядков и необходимость производить обучение войск в условиях, наиболее близких к боевой обстановке.

«С предоставлением распорядительности частных начальников возможно большей инициативы, — говорилось в докладе, — и с производством самих учений в условиях, наиболее отвечающих боевым требованиям, строевое совершенствование нашей армии должно упрочиться и вместо рутины, существовавшей до войны, в начальниках укоренится убеждение, что уставы составляют лишь основу для обучения войск, а не как ни полное обучение, которое именно и заключается в соответствии с обстоятельствами применения уставных правил...»³. Далее говорилось о необходимости отмены учения на ровной местности и целесообразности обучения «с применением к местности».

Наконец, большое значение придавалось также и распространению грамотности среди солдат, полагая, что это послужит «к сознательному исполнению ими воинских обязанностей, к искоренению в армии многих пороков и к уменьшению как количества, так и силы наказаний...»⁴.

Касаясь вопроса снаряжения и обмундирования, в докладе опять-таки подчеркивалась необходимость руководствоваться «исключительно боевыми практическими целями, упрощая формы, избегая в них всего парадного, не приносящего существенной пользы и ведущего только к излишним издержкам...»⁵.

Большое внимание уделялось во «всеподданнейшем докладе» также и повышению уровня военных знаний офицерского состава.

Наконец, в этом же разделе доклада Милютин останавливался на замещении командных должностей. «Благоустройство и достоинство армии, — писал он, — всего более зависят от хорошего выбора начальников... без этого существенного условия будут бесплодны все лучшие меры, принимаемые для усовершенствования войск и их управлений»⁶. В докладе критиковалась существующая система чиновничества, основанная исключительно на праве старшинства по службе, независимо от индивидуальных качеств. Необходимо установить такую систему производства, «чтобы дать ход людям способным»⁷, — указывал Милютин.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 24.

² Там же.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Там же, л. 31.

⁶ Там же, л. 35.

⁷ Там же, л. 36.

Таким образом, программа Военного министерства в области внутренней организации и обучения войск сводилась к стремлению подчинить все одной задаче — подготовке армии к войне.

* * *

Большое внимание в докладе уделялось необходимости реорганизации центрального военного управления, а также созданию местных органов управления — военных округов.

«Настоящей нашей организации военного управления, — говорилось в докладе, — в особенности можно поставить в упрек крайнюю централизацию, которая уничтожает всякую инициативу административных органов, стесняет их мелочною опекою высших властей и лишает сии последние возможности неупустительного надзора и фактического контроля за действиями подчиненных лиц и установлений. Та же централизация со всеми вредными ее последствиями развита у нас и в строевом управлении войск, где недостаток инициативы в частных воинских начальниках, в особенности в военное время, проявлялся уже не раз и приводил к самым печальным результатам»¹.

В целях упорядочения центрального военного управления предполагалось подчинить Военному министерству артиллерийские и инженерные войска, организовав в соответствии с этим два главных управления, реорганизовать провиантский и комиссариатский департаменты в единое главное интендантское управление. Для устранения же существовавшей излишней централизации Милютин считал необходимым создать территориальные органы военного управления — военные округа.

Военный министр подвергал критике существовавшую систему управления войск, при которой и в мирное время сохранялось деление на корпуса и армии. По его мнению, такой порядок вещей совершенно не оправдывался практикой. «... Весьма редко, — писал он, — ... чтобы не только армии, но даже и корпуса действовали на театре войны совокупно в нормальном своем составе мирного времени. Гораздо чаще, по разным стратегическим соображениям, на самом театре войны формируются отряды из войск разных корпусов, для которых тут же образуются и *отрядные штабы*»².

Следовательно, содержание в мирных условиях корпусов и армий, ставившее своей целью иметь на случай войны заранее сформированные и сколоченные воинские соединения и их штабы, по мнению Милютина, было бесцельно.

Территориальная система военного управления должна была выразиться в создании военных округов, «в лице начальников их, — говорилось в докладе, — сосредоточивается и командование войсками, в округе расположенными, и заведывание местными военными учреждениями, наблюдение за охранением спокойствия и порядка в районе округа и вообще управления всеми отраслями военной администрации. Таким образом, в этих лицах сливается значение наших корпусных командиров, генерал-губернаторов (по военной части) и окружных начальников внутренней стражи»³.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 20.

² Там же, л. 21.

³ Там же, л. 22.

При этом подчеркивалось, что военно-окружная система, являющаяся «выгоднейшей в экономическом отношении», вместе с тем будет служить верным средством к достижению двух важнейших целей.

Во-первых, ликвидирует излишнюю централизацию военного управления, освободив Военное министерство от ряда второстепенных функций. Военные округа, сосредоточив в своих руках командные и хозяйственные функции, будут обеспечивать как боевую подготовку войск, так и руководство всеми органами местного военного управления.

Во-вторых, военные округа, заменив собой намеченный к расформированию корпус внутренней стражи, будут способствовать упрочению «внутреннего спокойствия» государства. С созданием военных округов, по мысли Милютина, вся империя должна будет состоять из своеобразных генерал-губернаторств. Таким образом, помимо чисто военных соображений, создание военно-окружной системы должно было также обеспечивать упрочение «внутреннего спокойствия» империи, т. е. борьбу с революционным движением в стране.

Вместе с тем Милютин указывал также на большое значение военных округов и для военного времени в смысле формирования корпусов и отрядов, а также и организации тыла.

Серьезное внимание было уделено в докладе также и системе снабжения армии — провиантскому и комиссариатскому довольствию. Милютин ставил вопрос о необходимости реорганизовать всю эту систему, от полкового хозяйства до министерства включительно. Указывая на «прискорбную репутацию», утвердившуюся за комиссариатским и провиантским управлениями, он полагал, что едва ли все злоупотребления, совершаемые в этих ведомствах, можно отнести за счет «исключительно низкой степени нравственных правил служащих лиц, индивидуальной испорченности их и страсти к любостяжанию»¹.

По мнению Милютина, эти злоупотребления происходили не столько от этого, сколько от ряда других причин, и вместе с тем объяснялись отчасти «духом самого законодательства».

Действительно, весь порядок военного хозяйства зиждился на таких основаниях, что обычная практика расходилась с законом, и главной заботой являлось стремление соблюсти лишь видимость этого закона. В качестве мер, направленных к устранению указанных недостатков, Милютин считал необходимым осуществить следующее: реорганизовать хозяйственное управление полка так, чтобы был невозможен какой-либо произвол, причем лишить войсковые подразделения права заключать торговые сделки. Приобретение провиантского и вещевого довольствия производить не путем «хозяйственных заготовлений» чиновниками, а сдавать подряды на поставку с торгов. Наконец, для изжития злоупотреблений при сдаче подрядов создавать особые приемные и поверочные комиссии смешанного состава (из представителей снабженческих органов и войсковых частей).

Вместе с тем указывалось, что развитие децентрализации, упрощение делопроизводства, сокращение числа чиновников провиантского и комиссариатского ведомств и повышение их материального благосостояния также значительно улучшат положение дела.

Наряду с задачами реорганизации органов снабжения войск Милютин считал необходимым создание неприкосновенных запасов, обеспечивающих развертывание армии на случай войны.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 46.

В заключение доклада ставился вопрос о задачах инженерного ведомства. Эти задачи сводились, во-первых, к укреплению государственных границ и, во-вторых, к сооружению казарменных помещений.

Касаясь вопроса укрепления государственных границ, Милютин обращал главное внимание на запад, представляющий, по его мнению, наибольшее значение, указывая при этом, что все оборонительные сооружения Европейской России заключаются в 18 крепостях и укрепленных пунктах, в то время как количество их во Франции составляет 143, в Австрии — 94 и в Пруссии — 31.

Расположение большинства этих немногочисленных крепостей и укрепленных пунктов, по мнению Милютина, едва ли можно было признать удачным. «Крепости Царства Польского, — писал он, — построены под живым впечатлением событий польской революции 1830 года, но кажется, что при этом недостаточно приняты в соображение обстоятельства войны России против коалиции западных держав (подобно 1812 г.), когда наша армия должна отступать перед значительно превосходящими силами противника из Царства Польского к границам России, чтобы, по получении сильных подкреплений, иметь возможность принять решительный бой с вероятностью на успех»¹.

Таким образом, крепости на территории Польши благодаря их выдвинутому положению по отношению ко всей западной границе, не играли большой роли. По мнению военного министра, значение их могло бы существенно возрасти, если бы укрепления, вооружение и все средства обороны этих крепостей были бы столь достаточны, что смогли бы выдержать длительную осаду и тем самым значительно ослабить силы неприятельской армии.

Далее он останавливался на состоянии южной части западной границы, представлявшей большое стратегическое значение и не имевшей на протяжении 800 верст — от Брест-Литовска до берегов Черного моря — почти никаких укреплений, за исключением киевской крепости, удаленной от границы на 350 верст, а также крайне несовершенной крепости Бендеры, могущей служить лишь «мостовым прикрытием» на Нижнем Днестре.

Переходя к рассмотрению крепостей в фортификационном отношении, Милютин указывал на ряд преимуществ, которыми они обладали по сравнению с западноевропейскими. Эти преимущества заключались в том, что русские крепости, за исключением Киева, не включали в себя крупных городов, таких, как, например, Кенигсберг, Краков, Кельн и др. Во-вторых, наиболее крупные крепости: Ивангород, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Киев, имели более казематированных помещений, нежели какая-либо из европейских крепостей.

Вместе с тем в докладе говорилось, что, несмотря на все эти преимущества, «надобно откровенно сознаться, что наши крепости в своем теперешнем виде... далеко не представляют надежного ограждения для государства в случае войны и даже... внушают немалые опасения... нет ни одной, о которой можно бы сказать, что она вполне соответствует своему назначению и достаточно приготовлена для упорного и продолжительного сопротивления осаде сильного неприятеля»².

Намечая программу действий в области сооружения укреплений, Милютин считал необходимым в ближайшее время закончить оконча-

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 1, л. 92.

² Там же, л. 96.

тельное переоборудование крепостей, для чего требовалось израсходовать, по его расчетам, 48 млн. руб. серебром. Наибольшие затраты предполагалось произвести в следующих крепостях: Кронштадте, Свеаборге, Динабурге, Новогеоргиевске, Александровской цитадели (в Варшаве), Брест-Литовске, Ивангороде, Киеве и Керчь-Еникале.

Для укрепления южной части западной границы Милютин считал нужным, помимо окончания строительства Киевской крепости, возвести временные укрепления в районе Острога и Ямполья.

Наряду с этим указывалось на необходимость создать ряд укрепленных пунктов на турецкой границе, в Закавказье, а также на Дальнем Востоке — у устья Амура и Владивостока.

Второй задачей в области инженерного ведомства, говорилось в докладе, было строительство казарм для войск, что было чрезвычайно важно, особенно в связи с правильной постановкой боевой подготовки. Милютин указывал, что и в этом отношении русская армия значительно отстала от иностранных: в то время как во Франции казарменными помещениями было обеспечено $\frac{6}{8}$ мирного состава армии, в России имелось казарм лишь на 100 тыс. человек. Таким образом, только примерно $\frac{1}{8}$ часть войск была обеспечена казарменными помещениями.

Наконец, в докладе уделялось много места состоянию иррегулярных войск. Намечалась разработка новых положений об устройстве казачьих войск, а также и изменении их гражданского быта. В частности был поставлен вопрос о передаче башкирского войска в ведение гражданского управления.

Таково содержание плана военных преобразований, одобренного Александром II и положенного в основу деятельности Военного министерства.

* * *

План преобразований, намеченный Военным министерством, ставил своей задачей реорганизовать армию, приведя тем самым вооруженные силы страны в соответствие с нуждами и потребностями царизма, сделавшего «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»¹.

Именно в этом и заключался объективный смысл предложенной программы.

Однако эта программа страдала той же непоследовательностью, какая была присуща всем буржуазным преобразованиям, осуществлявшимся в условиях существования царизма. Ряд вопросов, поставленных в ней, не мог быть вовсе разрешен при наличии самодержавно-дворянского строя.

Рассматриваемый план далеко не обеспечивал должного развития вооруженных сил России. В области организации армии задача, поставленная Милютиным, заключалась в стремлении максимально уменьшить численный состав войск в мирное время, обеспечить значительное развертывание армии в случае войны. Однако предложения, изложенные в докладе, сводились к полумерам и не могли обеспечить удовлетворительного решения этой важной задачи.

Основной вопрос, от которого зависело увеличение армии во время войны — введение всеобщей воинской повинности, даже не был поставлен Милютиным. Комплектование армии попрежнему должно было проводиться путем рекрутского набора.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

Мероприятия же, намеченные в докладе, в лучшем случае могли обеспечить увеличение численного состава войск во время войны едва лишь в два раза, при полном отсутствии обученных резервов, необходимых для пополнения убыли этих войск.

Важнейшая задача преобразования армии — приведение ее вооружения в соответствие с уровнем развития военной техники, требовала ликвидации экономической отсталости страны в целом, что не могло осуществиться в тогдашних условиях.

К числу важных вопросов, поставленных в докладе, нужно отнести предложения в области улучшения качества командного состава, а также и изменения характера боевой подготовки войск.

Замещение командных должностей в зависимости от индивидуальных способностей того или иного офицера, как на это указывал Милютин, являлось абсолютно невозможным в условиях существования самодержавно-дворянского строя. Не говоря уже о гвардии, офицеры которой замещали обычно высшие должности в армии, начиная с командиров полков, вся система производства определялась преимущественно различного рода протекциями и привилегиями, что являлось неизбежным при самодержавном образе правления.

Так же невыполнимым являлось стремление существенным образом изменить боевую подготовку войск, подчинив ее исключительно тому, что необходимо на войне.

«... дух смотров и парадов — это проклятие старых армий»¹ не мог быть изжит в условиях царизма.

Таким образом, значительная часть плана военных преобразований по существу не могла быть выполнена.

* * *

Реализация плана военных преобразований в целом в значительной степени определялась финансовым положением государства.

По окончании Крымской войны финансовое положение страны оказалось исключительно тяжелым. За годы войны государственный бюджет сводился с огромнейшим дефицитом. Так:

В 1853 г. дефицит составлял	108.829	тыс. руб.
1854 г. " " "	146.932	" "
1855 г. " " "	282.635	" "
1856 г. " " "	258.374	" "

Всего . . . 796.770 тыс. руб.²

Этот огромный дефицит, достигавший почти миллиарда рублей, был покрыт, с одной стороны, внутренними и внешними займами и с другой — выпусками кредитных билетов. К 1 января 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов составляла 533.273.782 р.; к тому же в 1854 году было выпущено кредитных билетов на сумму 58.964.276 р. и в 1855 году — 215.101.501 р. К началу 1856 года находилось в обращении кредитных билетов на сумму 509.181.397 руб.³ Таким образом, государственный долг превышал один миллиард рублей.

Состояние финансового положения в стране в начале военных реформ достаточно ярко характеризуется резолюцией Александра II на

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, М., 1941, стр. 416.

² И. Блюх. Финансы в России XIX столетия, т. II, СПб., 1882, стр. 28.

³ Там же, стр. 21.

докладе, представленном ему в 1862 году министром финансов по вопросу о необходимости сокращения государственных расходов: «Картина представлена весьма грустная, и положение наше действительно критическое... — писал Александр II. — Необходимо в финансовой комиссии, — продолжал он, — зрело обсудить и придумать, какие можно принять меры, чтобы нам выйти из трудного нашего положения»¹. Несмотря на ряд мер, предпринятых правительством в начале 60-х годов и нашедших свое выражение в финансовых реформах, положение в этой области оставалось попрежнему тяжелым.

Причина этого заключалась в первую очередь в существовании самодержавно-дворянского строя, сохранившего в значительной мере феодально-крепостнические пережитки.

Вся налоговая политика царского правительства всей своей тяжестью ложилась на плечи эксплуатируемых классов и в первую очередь ограбленного реформой крестьянства.

Из 290.861 тыс. руб., составлявших доходную часть государственного бюджета в 1862 году (за исключением так называемых оборотных доходов), подати и оброки равнялись 52.852 тыс. руб., питейный доход — 129.800 тыс. руб., соляной — 9.201 тыс. руб., табачный и сахарный — 3.867 тыс. рублей².

Таким образом, 195.726 тыс. руб., т. е. около 70% всей доходной части бюджета, взимались непосредственно в форме прямых или косвенных налогов. За 12 лет этот вид налогов возрос более чем на 60%, составив в 1874 году 324.986 тыс. рублей, причем лишь один питейный доход достигал 40% всей доходной части бюджета, равнясь 201.584 тыс. руб.

Неоднократное повышение размеров подушного оклада, введение земских повинностей, всей своей тяжестью ложившееся на крестьянство, и, наконец, погашение выкупных платежей, — все это приводило к тому, что налоги, взимаемые с крестьянских хозяйств, в значительной мере превышали их доходность.

По данным известного статистика профессора Янсона, крестьянские платежи в Тверской губернии составляли 252% доходности, в Смоленской — 220%, Костромской — 240%, Владимирской — 276%³.

Следствием этого являлся систематический рост недоимок, составлявших огромную сумму.

Однако Александр II упорно отказывался ввести буржуазные принципы налогового обложения. Так, в ответ на ходатайство министра финансов Рейтерна, ставившего вопрос о введении всесословных податей, шеф жандармов гр. Шувалов сообщил последнему, что «его величество не желает налагать новых тягостей на дворянство, которое и без того понесло большие убытки от уничтожения крепостного права»⁴.

Таким образом, дальнейшее увеличение доходной части бюджета за счет роста налогового обложения было невозможно.

Рейтерн в своей записке, поданной на имя Александра II в 1873 году по поводу требований Военного министерства об увеличении бюджетных ассигнований, писал: «... Не говоря уже о том, что вообще увеличение налогов вызывает неудовольствие и тем приготавливает почву политическим и социальным тенденциям, что оно, возвышая цены на жизненные

¹ Цитировано по кн. М. Боголепова «Государственный долг», СПб., 1910, стр. 484.

² Министерство финансов (1802—1902), СПб., ч. I, 1902, стр. 632.

³ Ю. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и повинностях. СПб., 1881, стр. 36.

⁴ Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855—1878, т. II, Лейпциг, 1879, стр. 146.

потребности, порождает и усиливает бедность и пролетариат... Я не могу не выразить своего убеждения, — указывал он, — что у нас в России увеличение государственных доходов посредством новых тяжестей имеет пределы весьма тесные, за которыми повышение налогов не увеличивает, а, напротив, уменьшает государственный доход»¹.

Тяжелое финансовое положение в стране в значительной степени объяснялось огромной суммой непроизводительных расходов и массовым казнокрадством.

Расходы на содержание императорского двора, составлявшие в рассматриваемый период от 9 млн. руб. в 1862 году до 11.993 тыс. руб. в 1874 году², значительно превышали расходы на содержание любого Двора в Европе, особенно если принять во внимание, что доходы от личного имущества царской фамилии превышали по крайней мере вдвое смету Министерства императорского двора.

Значительную часть расходов составляло содержание государственного аппарата. Так, в 1874 году из 539.851.656 рублей расходной части бюджета на содержание государственного аппарата, включая и пенсии, отпущено 117.211.166 рублей³.

Для того чтобы характеризовать непомерную бесхозяйственность, следствием чего являлось беззастенчивое казнокрадство, достаточно привести следующий факт. Весь доход Закавказского края (включавшего в себя и значительную часть территории Кавказа) не покрывал собой даже расходов на его гражданское управление. Так, в 1871 году доходы Закавказского края составляли 5.241.702 руб., а расходы на гражданское управление его — 6.233.374 рубля⁴. Таким образом, богатейший Закавказский край приносил государству большой убыток.

Помимо этого, безнаказанный грабеж казны осуществлялся и в форме предоставления концессий на железные дороги с гарантированным правительством доходом. В этом грабеже принимала участие в первую очередь придворная камарилья во главе с членами императорской фамилии, не исключая и самого императора.

В дневнике Д. А. Милютина за 1874 год имеется следующая запись: «...остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время, как с одной стороны заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, ... раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям»⁵.

Следствием всего этого являлся непрерывный дефицит государственного бюджета. В течение периода с 1862 по 1874 г. государственная роспись доходов и расходов, за исключением 1871 и 1874 гг., сводилась

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 79057, записка министра финансов от 16 февраля 1873 года, л. 117.

² Министерство финансов (1802—1902), ч. I, СПб., 1902, стр. 636—638.

³ Данные заимствованы из Росписи государственных доходов и расходов, опубликованной в „Санкт-Петербургских сенатских ведомостях“.

⁴ „Всепоподаннейший отчет государственного контролера за 1872 г.“, СПб., 1875, стр. 108 и 111.

⁵ Дневник Д. А. Милютина, т. 1, М., 1947, стр. 162.

с дефицитом, общая сумма которого за указанный период достигла 241.180.329 рублей¹.

Тяжелое финансовое положение государства, вполне естественно, отражалось и на финансировании военного ведомства. В течение всего периода военных преобразований фактические расходы Военного министерства составляли:

Год	В тыс. руб.	% к расходной части госуд. бюджета
1862	114.209	29
1863	155.632	36
1864	155.131	35
1865	140.019	32
1866	129.687	31
1867	127.250	29
1868	136.701	30
1869	147.702	31
1870	145.211	30
1871	159.257	31
1872	165.925	31
1873	175.033	32
1874	172.480	31 ²

Таким образом, смета Военного министерства за рассматриваемый период, с 1862 по 1874 год, увеличилась на 51%, причем удельный вес ее в общем государственном бюджете остается почти без изменения.

Интересно отметить, что примерно за этот же период, с 1859 по 1874 год, рост военного бюджета главнейших европейских стран представлял собой следующую картину:

Германия	164%
Турция	73%
Россия	54%
Франция	46%
Австрия	19% ³

Остановимся на анализе бюджета Военного министерства. Значительная часть бюджета состояла из ассигнований на содержание войск (денежное и квартирное довольствие, провиант, обмундирование и фураж), а также на административные расходы (содержание центральной и местной администрации, награды, пособия, вычеты в эмиритальную кассу, разъезды чиновников, эстафеты и другие экстраординарные расходы). Так, в 1863 году на содержание войск было ассигновано по указанным выше статьям 79.743.056 руб., в 1867 году — 77.702.499 руб., в 1870 году — 87.083.481 руб., в 1874 году — 100.867.369 руб.⁴. На административные расходы за эти же годы ассигнования выражались в следующих суммах: в 1863 году — 10.952.144 руб., в 1867 году — 13.114.700 руб., в 1870 году — 16.568.824 руб., в 1874 году — 18.981.918 руб.

¹ И. Б л и о х. Финансы в России XIX столетия, т. II, СПб., 1882, стр. 281.

² Министерство финансов (1802—1902), ч. I, СПб., 1902, стр. 637—638.

³ И. Б л и о х. Финансы в России XIX столетия, т. II, СПб., 1882, стр. 200.

⁴ Все цифры заимствованы из Роспи и государственных доходов и расходов, опубликованных в „Санкт-Петербургских сенатских ведомостях“ за соответствующие годы.

На перевооружение же армии по графе «Приготовление артиллерии, оружия, пороха, огнестрельных припасов и опыта по артиллерийской части» отпускалось в 1863 году 4.032.660 руб., в 1867 году — 8.376.495 руб., в 1870 году — 13.845.095 руб. и в 1874 году — 17.458.404 руб. Таким образом, расходы на обеспечение армии артиллерийскими орудиями, ружьями и боеприпасами были меньше, нежели административные расходы. Интересно отметить, что ассигнования на содержание военных заводов (арсеналов), оружейных и пороховых заводов выражались в крайне ничтожных цифрах. Так, в 1863 году по этой статье было отпущено 325.748 руб., в 1867 году — 162.030 руб., в 1870 году — 844.567 руб.¹.

На расходы по укреплению пограничных районов (строительство крепостей), а также на строительство казарм отпускались крайне незначительные суммы. В 1863 году — 6.572.054 руб., в 1867 году — 12.302.761 руб., в 1870 году — 13.281.591 руб. и в 1874 году — 14.886.803 руб.

Таким образом, Военное министерство было ограничено в финансовых средствах, что создавало большие трудности в осуществлении преобразований армии.

Подобное финансовое положение, всячески ограничивавшее проведение военных реформ, являлось прямым следствием существования самодержавно-дворянского режима, культивировавшего сохранение феодально-крепостнических пережитков. Именно это обстоятельство обуславливало экономическую отсталость страны и нищенский уровень жизни непосредственных производителей.

---

¹ С 1871 года ассигнования по графе „Содержание арсеналов оружейных и пороховых заводов“ не фигурировали самостоятельно, а включались в графу „Приготовления артиллерии, оружия, пороха, огнестрельных припасов и опыта по артиллерийской части“.

Глава III

РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ, КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРМИИ И УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ В 60-е ГОДЫ

В соответствии с задачами, поставленными в докладе 15 января 1862 года, Военное министерство уже на протяжении 1862 года предпринимало различные меры к сокращению численного состава армии, главным образом за счет сокращения «небоевого» элемента, т. е. различных инвалидов и этапных команд, военно-рабочих рот и корпуса внутренней стражи, а также и частично войск Кавказской армии. В общем итоге сокращение выразилось в количестве 83 тыс. человек.

Однако эти меры рассматривались как мероприятия частного характера, основной же задачей, как указывалось в докладе по Военному министерству 1 января 1863 года, являлось преобразование всей военной системы, «обременяющей государство большой массой содержимой в мирное время вооруженной силы и не представляющей соразмерной силы с наступлением войны...»¹.

В этих целях Военным министерством была составлена записка, заключавшая в себе «предварительные соображения» с примерным расчетом состава и численности вооруженных сил как в мирное, так и в военное время.

Записка эта, озаглавленная «Основания для организации войск», являлась воспроизведением положений, развитых в докладе 15 января 1862 года, в котором подвергалась серьезной критике вся система военной организации.

«Содержа в мирное время на службе до 798.194 челов. регулярных войск, — говорилось в записке, — мы, по огромному пространству государства и невозможности ослаблять военное занятие Кавказа, Оренбургского Края и Сибири, а также при необходимости оставлять часть войск в других частях империи для местной службы, — далеко не можем располагать этою силою для боевых целей, к каким можем быть вынуждены войною.

В военное же время, хотя и рассчитываем на развитие войск до 1.410.027 челов., но в действительности такой цифры нет, и она существует только по штатным положениям, потому что на разность в 611 т. состоит в запасе отпускных готовых солдат только 242 т., а остальных 369 т. приходится брать в военное время свежими неготовыми рекрутами. Призыв же помянутого числа готовых солдат из отпусков, хотя

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10507/1, л. 8.

бы и должен был увеличить армию нашу всего, однако же на $\frac{1}{3}$, но в действительности не получится и этого приращения, так как часть боевой силы неминуемо отвлечется собственно для образования новобранцев.

С другой стороны, говорилось далее, самое устройство наших военных сил, подразделяющихся на действующие, резервные и запасные, далеко не находится в условиях выгоднейшего в военное время распределения и употребления войск»¹.

В целях создания более рациональной системы военной организации предполагалось реорганизовать армию на следующих основаниях:

1. Превратить резервные войска в полном смысле слова в боевой резерв, т. е. обеспечить пополнение ими состава действующих войск «освободив резервы от обязанности обучать в военное время рекрут».

2. Подготовку рекрут возложить на запасные войска, обеспечив их достаточными кадрами.

3. Всех «нижних чинов» резервных и запасных войск, которые будут превышать нужное по штатам мирного времени количество, считать в отпуску, чтобы, таким образом, иметь в случае войны полный комплект обученных кадров. Что касается рекрут, то ими пополнять лишь убыль в действующих войсках и никоим образом не формировать из них новых частей.

4. Сформировать для мирного времени кадры запасных войск, возложив на них гарнизонную службу, и вместе с тем расформировать батальоны внутренней стражи.

Таковы главные положения намечавшейся реорганизации военных сил, в основе которой лежали предположения, изложенные в докладе 15 января 1862 года. Далее в записке излагались соображения по организации отдельных родов войск.

В отношении организации пехотных частей указывалось на целесообразность вместо принятого деления батальона на 5 рот создать 4-ротные батальоны, причем каждый полк в свою очередь должен был бы состоять из 16 рот, т. е. 4 батальонов.

Дабы избежать новых формирований в случае войны, предполагалось, увеличив количество полков и дивизий, содержать их в мирное время в уменьшенном составе.

В этих целях указывалось на необходимость часть полков содержать в двухбатальонном составе (во внутренних губерниях); части же, находившиеся в пограничных западных округах, — в 4-батальонном, причем штаты и тех и других должны были быть значительно меньше, чем в военное время.

Резервные батальоны предполагалось уничтожить, сформировав из них полки двухбатальонного состава.

«Сими способами, — говорилось в записке, — все боевые силы пехоты, приведенные к одному, общему для всех, полковому устройству и с устранением подразделения на *действующие* и *резервные*, составили бы из себя одну однородную массу *действующих* войск, с тем только различием, что одна их часть при 4-батальонном устройстве будет всегда в таком же числе составных единиц (батальонов и рот), как и в военное время и, следовательно, в большей готовности к переходу в военное положение, а другая часть при 2-батальонном устройстве — в половинном числе единиц и, следовательно, в меньшей готовности. Число же административных и хозяйственных управлений (дивизий и полков)

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25455, л. 2.

оставалось бы всегда одинаковым и не требовало бы в военное время новых формирований — выгода весьма важная в устройстве войск...»¹.

Руководствуясь этим, предполагалось установить для пехоты три штатных состава: кадровый, нормальный по штатам мирного времени и третий — по штатам военного времени, так называемый военный. Кадровый состав равнялся половине военного. В этом составе в батальоне должно было находиться в строю 472 чел. рядовых и унтер-офицеров. Предполагалось в кадровом составе содержать все пехотные полки, расположенные внутри империи, причем состав этих полков должен был определяться двумя батальонами.

Следовательно, численность этих полков в случае войны должна была увеличиться в четыре раза.

Комплектная норма по мирному времени, представлявшая собою среднее между кадровым составом и штатами военного времени, определялась в 676 человек в батальоне. В этом составе, как уже указывалось выше, должны были находиться воинские части, расположенные в пограничных округах.

Таким образом, эти части находились бы в большей готовности для перехода на военное положение, для чего им необходимо было лишь увеличить свой строевой состав на 50%.

Наконец, комплектная норма по штатам военного времени предполагала наличие в батальоне 944 чел. строевых рядовых и унтер-офицеров при 4-батальонном составе полка.

Организация кавалерии мыслилась по тому же образцу, как и пехоты.

Предполагалось организовать мирный состав кавалерии таким образом, «чтобы в военное время новые формирования отнюдь не касались дивизий и полков, и что, напротив, если окажется возможность не формировать даже вовсе и новых эскадронов, а ограничить приведение кавалерии в военное положение одним только увеличением конных рядов...»², т. е., иными словами, путем увеличения численности эскадрона.

Правда, последнее предполагалось лишь для кавалерийских полков, расположенных в пограничных районах; для прочих же полков считалось возможным иметь в мирное время по 2 эскадрона, а в военное увеличивать состав их до четырех.

Артиллерийские части должны были быть организованы по следующему принципу: при каждой пехотной дивизии 4-батальонного состава иметь одну артиллерийскую бригаду, состоящую из 4 батарей при полном числе запряженных орудий, и при дивизиях 2-батальонного состава — артиллерийскую бригаду из 2 батарей с половинным против штатов военного времени количеством орудий. Личный состав в обоих случаях должен был быть менее, нежели по штатам военного времени.

Существующие резервные войска всех родов оружия предполагалось переименовать в действующие, а для обучения кавалерийских рекрут и выездки лошадей, а также и для подготовки артиллеристов создать особые местные резервные части, являвшиеся по существу разнovidностью запасных войск.

Инженерные части должны были быть организованы на тех же основаниях, как пехотные, артиллерийские и кавалерийские. Местные войска как в мирное, так и в военное время должны были нести караулы и

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25458, л. 3—4.

² Там же, л. 5.

вообще внутреннюю службу в пределах империи и, кроме того, в военное время обучать рекрут. Войска эти предполагалось наименовать резервными или местными. Общее количество их должно было составить 96 батальонов, в среднем по два на губернию. В каждом из этих батальонов по штатам военного времени полагалось иметь не менее 880 человек строевых рядовых и унтер-офицеров. В общей сложности численность резервных войск составила бы 84.480 человек.

По мнению составителей записки, половина этого количества обеспечила бы несение внутренней службы, а вторая — обучение рекрут.

В мирное время признавалось достаточным иметь по одному батальону на губернию в составе 472 строевых унтер-офицеров и рядовых, за исключением пограничных губерний, где состав резервных батальонов должен был соответствовать штатам военного времени.

К той же категории войск относились и резервные крепостные полки, которые предполагалось создать в больших крепостях для охраны их с тем, чтобы в военное время эти части являлись бы и гарнизоном этих крепостей. В мирное время полки эти должны были состоять из двух батальонов, а в военное — из четырех. В связи с созданием местных резервных войск ставился вопрос об уничтожении корпуса внутренней стражи.

Таково содержание записки об организации войск, предусматривавшей развертывание армии в случае войны, не прибегая к формированию новых тактических единиц. Записка эта была одобрена Александром II.

В сентябре 1862 года был организован специальный комитет «для рассмотрения предполагаемых изменений настоящей организации войск» в составе 31 члена, под председательством бездарного генерала Данненберга, назначенного на этот пост лично по указанию Александра II, по видимому, помимо желания Милютина. Предварительно записка об организации войск была разослана на отзыв 19 генералам — преимущественно командирам корпусов и дивизий.

Отзывы на проект новой организации войск были положительны. Все приславшие свои мнения сообщали о том, что план преобразований намечен верно.

Однако, наряду с общей положительной оценкой, было сделано немало частных замечаний, сводившихся главным образом к вопросу о составе полков. По мнению ряда лиц, нужно было избежать необходимости увеличивать в случае войны количество батальонов, батарей и эскадронов, а для этого предполагалось иметь как в мирное, так и в военное время одинаковое число их для всех родов войск.

Увеличение же количества войск по сравнению с мирным временем должно было достигаться лишь путем усиления личного состава существующих подразделений.

«Все полки без изъятия следовало бы содержать в 4-батальонном составе с соответственным уменьшением рядов (т. е. количества солдат в батальоне. — П. З.). . . , — писал Остен-Сакен. — Тогда не нужно будет для приведения их на военное положение никаких распоряжений, кроме призыва необходимого числа отпускных и утверждения в должностях начальствующих лиц»¹.

Ген.-ад. Н. Н. Муравьев возражал против создания 4-батальонных полков. «Четырехбатальонный состав для полка слишком велик, как со стороны административного, так и хозяйственного управления, — писал

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25456, л. 118.

он. — Для движения он менее удобен трехбатальонного и, кроме того, четырехбатальонный полк более подвержен раздроблению, чего надобно избегать... Во избежание сложностей и для сохранения однообразия в войсках, казалось бы, удобнее иметь все полки действующих войск, в том числе и боевого резерва, в трехбатальонном составе...»¹.

По получении отзывов «высочайше учрежденный Комитет для обсуждения вопроса об изменении организации войск» приступил к работе в конце декабря 1862 года. Для предварительного обсуждения вопросов были созданы три частных отдела — пехотный, кавалерийский, артиллерийский и, кроме того, «Комиссия для предварительной разработки общих вопросов». Окончательно же вопросы решались на заседаниях Общего присутствия комитета.

Однако работа комитета протекала вяло, и за девятимесячный период своей деятельности он, хотя и рассмотрел основные положения проекта, ряд вопросов так и остался нерешенным. Причина этого заключалась в значительной мере в самом председателе — ген. Данненберге, являвшемся противником намеченных преобразований.

В середине марта 1863 года Данненберг представил Милютину свой проект организации войск, развивавший точку зрения, диаметрально противоположную принятой Военным министерством, да к тому же чрезвычайно сумбурную.

Основные положения, развивавшиеся Данненбергом, заключались в следующем:

Во-первых, он указывал на необходимость создания «военных уделов», представлявших собой подобие прусских территориальных корпусов. «Пересылка людей, — писал он, — на службу и обратно с севера на юг и с юга на север ведет не только к потере времени, но и людей от тоски по родине... К отвращению столь важного неудобства самое простое и естественное средство состоит в разделении как пространства, так и народонаселения на несколько военных уделов, которые, соответствуя географическим и климатическим условиям империи, могли бы образовывать самостоятельное целое как в отношении боевого назначения расположенных в них войск, так и способов управления ими и их пополнения...»². «Во-вторых, Данненберг в своем проекте отнюдь не ставил задачу создать такую организацию военных сил, которая обеспечивала бы достаточное развертывание их в случае войны. По его расчетам, количество войск, необходимое в мирное время, определялось в 500, а в военное — 700 тысяч человек. Кроме того, Данненберг являлся противником и предполагаемой системы организации резервных войск. Основным пороком этого проекта являлось игнорирование автором его принципа развертывания армии в случае войны. К тому же организация вооруженных сил мыслилась Данненбергом по прусскому территориальному образцу, неприменимому в условиях России.

В своем письме от 13 мая 1863 года Милютин по этому поводу писал Данненбергу:

«Изучив внимательно проект новой организации наших военных сил, который Ваше превосходительство пожелало мне сообщить, я должен был убедиться, к моему большому сожалению, в расхождении наших взглядов на этот предмет. Расхождение слишком значительно, чтобы я мог войти в детальное обсуждение пунктов, которых оно касается. Это

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25456, л. 44.

² Там же, д. № 25455, л. 93.

обстоятельство не имело бы в конечном счете никакого значения, если бы все, что я мог узнать о прениях в Комитете, председательствуемом Вами, не доказывало бы слишком ясно, что большинство членов рассматривало эти вопросы с диаметрально противоположной Вам точки зрения.

Но, поскольку подобная изолированность внутри Комитета, работу которого Вы призваны направлять, заставляет Вас, напротив, следовать в направлении, противном Вашим убеждениям, я понимаю прекрасно, как затруднительно становится положение Вашего превосходительства и надеюсь оказать Вам услугу, предлагая передать этот вопрос на высочайшее решение его императорского величества, если Вы не предпочитаете проявить самостоятельную инициативу к ликвидации этого ненормального положения»¹.

На это письмо Данненберг прислал Милютину короткое письмо, в котором писал: «Ваше превосходительство оказало мне честь сообщить свои намерения относительно меня по вопросу, касающемуся Комитета, в котором я имел счастье председательствовать. Мне остается только подчиниться ему»².

Получив эту отписку, Милютин оказался в тяжелом положении. Данненберг не желал подавать рапорт об освобождении от должности, а военный министр не решался взять на себя эту инициативу, так как Данненберг был назначен по личному указанию царя. По поводу этого письма Милютин писал К. П. Кауфману, являющемуся управляющим делами комитета по организации войск:

«Эпигматический ответ генерала Данненберга на мое письмо ставит меня в новое затруднение. . . Не полагаете ли, Константин Петрович, написать ему второе письмо, в котором просить более категорического ответа: считает ли он необходимым отстранить себя от председательства и участия в Комитете? Могу ли я доложить государю императору, что генерал Данненберг просит об увольнении от возложенных на него обязанностей? Выразить искреннее желание мое уладить дело сколь можно мягче и благовиднее. . .»³.

В конце концов ген. Данненберг обратился с ходатайством о закрытии комитета, на что и было дано Александром II согласие.

Перед закрытием комитет, вопреки мнению председателя, в целом одобрил проект Военного министерства, однако внес в него ряд серьезных изменений.

Во-первых, большинство членов комитета сочло нецелесообразным изменить существующую тактическую организацию пехоты, сохранив трехбатальонные полки с 5-ротным составом. По мнению их, создание 4-батальонных полков повлекло бы за собой необходимость отказаться «от тех построений, которые составляют особенность русской армии и не только не уступают каким-либо строям, употребляемым в иностранных армиях, но положительно превосходят их. . .»⁴. Кроме того, трехбатальонный состав полков, по мнению членов комитета, наиболее был бы целесообразен в боевых условиях.

Во-вторых, большинство членов комитета склонялось к мысли о целесообразности избежать формирования в случае войны новых батальонов, полагая необходимым во всех полках иметь и в мирное время по три

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25455, л. 112. Перевод с французского.

² Там же, л. 113. Перевод с французского.

³ Там же, л. 114—115.

⁴ Там же, д. № 25457, л. 17.

батальона. Однако окончательное решение по этому поводу принято не было.

Наконец, в-третьих, комитет несколько изменил численность батальона, установив два штатных состава: комплектный военного времени — 800 чел. унтер-офицеров и рядовых и кадровый — в 340 человек.

Кроме того, указывалось на возможность установить и третий промежуточный состав по усмотрению Военного министерства. Военное министерство в свою очередь согласилось с этими решениями и приступило к реализации намеченного проекта.

Однако события 1863 года — восстание в Польше и угроза европейской войны — заставили Военное министерство, не ожидая окончания работ комитета, осуществить ряд мероприятий, предусматривавших рост вооруженных сил. Следствием этого явилось увеличение численности войск на 350 тыс. человек, достигнутое частично путем призыва из временных отпусков, а главным образом в результате проведенных рекрутских наборов.

Благодаря этому был усилен состав наличных тактических единиц, а также из резервных частей сформировано вновь 19 пехотных дивизий и ряд крепостных полков.

Подготовка к войне наглядно обнаружила все недостатки существовавшей военной системы, отмечавшиеся в докладе 15 января 1862 года.

Переформирование резервных частей в действующие дивизии совершалось наспех. Приведение их в боевую готовность не могло быть осуществлено в короткий срок, так как это было связано с обучением рекрут, составлявших основной контингент этих новых формирований.

Наконец, превращение резервных частей в действующие приводило к тому, что внутри страны не оставалось воинских частей, обеспечивающих обучение вновь призываемых рекрут.

«Если бы война застала нас в этом положении, — писал Милютин в докладе по Военному министерству 1 января 1864 года, — то, с одной стороны, войска, формировавшиеся вблизи границ, не были готовы к действию, а с другой — внутри империи мы не имели бы достаточно войск, предназначенных, собственно, для образования рекрут»¹.

Увеличение числа тактических единиц путем формирования новых 19 дивизий рассматривалось Милютиным как фактор, имевший положительное значение, так как в случае минования военной опасности он считал необходимым сохранить их, уменьшив лишь численный состав этих соединений.

Следовательно, в случае угрозы войны армия имела бы вместо 28—47 дивизий, и развертывание ее осуществлялось бы не путем формирования новых тактических единиц, что связано обычно с большими трудностями, а усилением существующих.

Лишь с 1864 года, когда основные очаги восстания в Польше были подавлены и также отпала угроза европейской войны, начата была планомерная реорганизация армии на новых началах; одновременно с этим проводилось и сокращение численного состава войск.

«При переходе армии на мирное положение, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях», — соблюдено было в точности положенное в основание новой организации начало, чтобы число боевых единиц оставалось без изменения в мирное и в военное время, дабы для постановки армии на военное положение не требовалось формировать новые части,

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 3, л. 13.

не имеющие в мирное время самостоятельного кадра...»¹. Действительно, при переводе действующих войск на мирные штаты был определен сокращенный состав их, причем все существующие части были сохранены.

По приказу военного министра от 2 августа 1864 года были установлены следующие штатные составы для пехотных полков и отдельных стрелковых батальонов: для военного времени в пехотном батальоне — 900 строевых рядовых, в стрелковом — 720, считая по 180 человек в роте.

«В мирное время, — говорилось в приказе, — сообразно с неодинаковыми потребностями иметь три различные состава: а) усиленный мирный при 680 строевых рядовых в батальоне... б) обыкновенный мирный — при 500 рядовых в батальоне... в) кадровый мирный при 320 рядовых в батальоне...»². Что касается командного состава, то сокращение его при переходе на штаты мирного времени было незначительным, составляя 15 обер-офицеров и одного-двух штаб-офицеров на полк.

Младший командный состав сокращался также незначительно: количество фельдфебелей и старших унтер-офицеров оставалось неизменным при всех составах как военного, так и мирного времени; сокращалось лишь число младших унтер-офицеров. Если по штатам военного времени их полагалось на роту 12, то по усиленному мирному — 10, обыкновенному — 8, а кадровому — 6. Количество войск, находившихся в том или ином мирном составе, определялось существующей политической обстановкой.

Вся пехота по новой организации состояла из 47 пехотных дивизий (40 армейских, 4 гренадерских и 3 гвардейских). Дивизия состояла из 4 полков, полк в свою очередь из 3 батальонов³, состоявших из 4 линейных и одной стрелковой роты.

Кроме того, к частям действующей пехоты относились 30 отдельных стрелковых батальонов и 48 линейных. Последние были расположены на Кавказе, в Сибири, Туркестане и Оренбургском крае.

Действующая артиллерия по новой организации делилась на пешую и конную.

Пешая артиллерия состояла из 47 артиллерийских бригад по числу пехотных дивизий⁴. Каждая бригада состояла из 3 батарей: батарейной, облегченной и нарезной, отличавшихся между собой по типу орудий. Деление артиллерии на дивизии уничтожалось. Согласно положению об организации пешей артиллерии⁵, устанавливалось для каждой батареи четыре штатных состава: военный — 8 орудий и расчет людей в составе 5 взводов, усиленный — 8 орудий и расчет в составе 4 взводов; обыкновенный — 4 орудия и расчет в составе 4 взводов и, наконец, кадровый с запряжкой — 2 орудия с уменьшенным количеством людского расчета.

Конная артиллерия состояла из 4 гвардейских конных батарей и 7 конно-артиллерийских бригад двухбатарейного состава. В военное время состав батарей определялся пятью взводами, а в мирное — четырьмя.

Артиллерийские парки, общее количество которых равнялось 37, соединялись, за исключением некоторых, в отдельные парковые бригады по 4 парка в каждой. Паркам устанавливалось также несколько составов:

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 309.

² Приказ военного министра № 219 от 2 августа 1864 г.

³ Состав 4 дивизий, находившихся на Кавказе (гренадерской, 19-й, 20-й и 21-й), был иной: каждый полк состоял из 4 батальонов.

⁴ Однако артиллерийские бригады не включались в состав пехотных дивизий.

⁵ Приказ военного министра № 367 от 4 ноября 1863 года.

военный, усиленный и обыкновенный, отличавшиеся друг от друга количеством людей и лошадей.

Наконец, следует упомянуть о двух осадных артиллерийских парках, предназначавшихся для снабжения армии орудиями и боеприпасами на случай осады крепостей. Эти парки находились при крепостях и имели в мирное время крайне ограниченный людской состав.

Кавалерия по новой организации состояла из 56 полков (4 кирасирских, 20 драгунских, 16 уланских и 16 гусарских), составлявших 10 кавалерийских дивизий. За исключением гвардейской и кавказской кавалерийских дивизий, состоявших из 4 полков, во всех прочих дивизиях было по 6 полков (по два гусарских, уланских и драгунских), соединявшихся в три бригады: гусарскую, уланскую и драгунскую.

Каждый полк в свою очередь состоял из 4 эскадронов. Для кавалерийских частей было принято два состава: военный и мирный, мало отличавшиеся друг от друга. Так, по военному составу штаты полка определялись в 777 строевых рядовых и унтер-офицеров, а по мирному — 689.

При этом вся кавалерия, расположенная в пограничных частях государства, оставалась в военном составе.

Инженерные войска по Положению 1864 года состояли из 11 саперных батальонов и 6 понтонных полубатальонов.

Саперный батальон составлял 4 роты, понтонный полубатальон — 2 роты.

По военному составу численность саперного батальона определялась в 900 человек, понтонного полубатальона — в 360. По мирному составу соответственно — 600 и 300. Все инженерные войска, за исключением саперных батальонов, расположенных на Кавказе, объединялись в 4 саперные бригады¹.

К числу действующих войск необходимо отнести сформированные окончательно в 1864 году крепостные полки и батальоны.

«Относительно организации местных войск, — писал Милютин, — преобразования клонились в особенности к тому, чтобы и в этом разряде вооруженных сил каждая часть не только удовлетворяла бы требованиям местной службы мирного времени, но и в военное время способствовала бы усилению боевых сил...»². В соответствии с этим и были созданы крепостные полки и батальоны, дабы не только нести караульную службу, но составлять гарнизон крепости во время войны. Крепостные полки создавались в двух- и трехбатальонном составе по 4 роты в каждом.

В крепостях, не имевших большого значения, создавались крепостные батальоны. Общее количество полков равнялось 8; батальонов — 3³.

Военный состав всех батальонов (как объединенных в полки, так и отдельных) составлял 900 рядовых и унтер-офицеров, мирный же — 256.

Помимо крепостных полков и батальонов, к крепостным войскам относились также 54 крепостных артиллерийских роты, часть которых имела неизменный состав, часть же — в мирное время уменьшенный вдвое против штатов военного времени. По штатам военного времени численность этих рот равнялась от 320 до 650 чел.; по штатам мирного времени — от 200 до 350.

Местные войска получили также новую организацию по Положению 6 августа 1864 года.

¹ Приказ военного министра № 265 от 26 августа 1864 г.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 310.

³ К концу 60-х годов было создано еще два крепостных батальона.

К местным войскам в собственном смысле относились как резервные, так и войска внутренней службы: губернские батальоны, уездные, местные, этапные и конвойные команды.

В каждом губернском городе создавался губернский батальон 4- или 2-ротного состава. Для всех губернских батальонов устанавливалось два штатных состава: кадровый и полный, рассчитанный на случай вывода полевых войск из губернии, вследствие чего вся караульная служба должна была бы возлагаться на местные войска. В губерниях, в которых полевые войска не были расположены вовсе, губернские батальоны находились постоянно в полном составе.

Что касается штатов уездных команд, то они определялись отдельно в каждом конкретном случае.

В связи с тем что в 1863 году почти все существовавшие резервные части, за исключением кавалерии, были преобразованы в действующие, из которых и было сформировано, как указывалось выше, 19 пехотных дивизий, возникла необходимость создать новый вид резервных войск. Вновь созданные резервные войска должны были по существу выполнять функции запасных войск, так как на них возлагалось лишь обучение рекрут, а отнюдь не увеличение собой числа боевых единиц действующей армии. «...это были кадры, — писал Милютин, — через которые должны были проходить в мирное время рекруты нового набора для первоначального их обучения, а в военное — все вообще нижние чины, требуемые для укомплектования армии и пополнения в ней убыли»¹.

Таким образом, резервные войска получали по существу значение рекрутских депо.

Согласно Положению о резервных войсках, утвержденному Александром II 6 августа 1864 года, создавались 80 резервных батальонов (70 пехотных и 10 стрелковых).

Каждый из этих батальонов состоял из 4 рот и имел два состава: постоянный и переменный.

Постоянный состав был очень невелик: помимо офицеров в пехотном батальоне — 92 строевых учителя (из фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых), в стрелковом — 108.

К переменному составу относились рекруты, число которых определялось в 1000 человек.

Таким образом, на каждые 10 человек рекрут полагался один обучающий.

«Постоянный состав резервных батальонов, — указывалось в приказе военного министра, — комплектуется строевыми нижними чинами... прослужившими беспорочно в... войсках не менее трех лет, умеющими твердо читать и писать и, в особенности, основательно знающими предметы воинского образования с той основательностью, какая необходима для передачи оных новобранцам»².

Резервные пехотные и стрелковые батальоны подчинялись непосредственно губернскому воинскому начальнику и через него командованию округа.

По такому же принципу, как и пехотные резервные части, были организованы и кавалерийские, артиллерийские и саперные, однако вместе с тем существовало и некоторое отличие.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ., ф. Д. А. Милютина, М. 7845, стр. 311.

² Приложение к приказу военного министра № 241 от 13 августа 1864 года. Положение о резервных батальонах. Требование „твердо читать и писать“ обуславливалось тем, что в программу обучения рекрут входило также и обучение их грамоте.

Резервная кавалерия была организована следующим образом: каждый кавалерийский полк имел один резервный эскадрон, носивший его наименование. Резервные эскадроны каждой кавалерийской дивизии образовывали резервную кавалерийскую бригаду. В гвардейской же кавалерии резервные эскадроны не были отделены от своих полков.

Резервная артиллерия состояла из 4 пеших артиллерийских бригад и 2 конно-артиллерийских: состав первых определялся тремя батареями, вторых — двумя.

Наконец, резервные саперные батальоны, количество которых равнялось трем, причислялись в мирное время непосредственно к саперным бригадам. Резервные саперные батальоны в мирное время не ведали обучением рекрут, поступавших непосредственно в действующие инженерные войска.

Новая организация войск позволяла развертывать армию в случае войны, не прибегая при этом к формированию новых тактических единиц. Однако масштабы этого развертывания были невелики.

* * *

Рассмотрим численный состав войск в связи с новой их организацией.

Как указывалось, в 1863 году численный состав армии по штатам мирного времени был не только не уменьшен, но в связи с восстанием в Польше и угрозой европейской войны значительно увеличен.

К весне 1864 года общее количество регулярных войск достигло цифры в 1.132.000 чел.

Ставя своей задачей сохранить все существующие тактические единицы, Военное министерство приступило к переводу их на штаты мирного времени.

Однако сокращение численности войск производилось постепенно.

В августе этого года из 47 пехотных дивизий 28 были переведены в усиленный мирный состав, а 12 — в обыкновенный мирный¹.

Кроме того, 7 пехотных дивизий, расположенных на Кавказе, в конце 1864 года были также приведены в соответствие со штатами мирного времени.

В численном составе кавалерии произошли еще меньшие изменения: только 4 дивизии были переведены на штаты мирного времени, мало отличавшиеся, как указывалось выше, от штатов военного времени.

Общее уменьшение численности армии в 1864 году составило всего лишь 264 тыс.

«Необходимость постепенности в сокращении армии, — писал Милютин, — обуславливалась не столько обстоятельствами политическими или требованиями службы, сколько самим составом войск в ту эпоху. Вследствие шестилетнего после Крымской войны перерыва рекрутских наборов, в войсках не было вовсе людей средних сроков службы. Для сокращения армии в большей соразмерности пришлось бы уволить всех нижних чинов, поступивших в рекруты до 1856 года, и оставить исключительно только молодых солдат последних трех наборов 1863 и 1864 годов, чего, конечно, нельзя было допустить»².

Это обстоятельство и обуславливало необходимость постепенного

---

¹ Приказ военного министра № 226 от 7 августа 1864 года.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 308.

сокращения численности войск и задерживало перевод их в кадровый состав.

В следующих 1865 и 1866 годах было произведено дальнейшее сокращение численности войск.

На 1 января 1867 года численность войск была доведена до 742 тысяч человек, «т. е. до такой цифры, до какой русская армия не доходила еще никогда в течение последних 25 лет»¹.

К началу 1869 года приведение войск в соответствие с новой организацией было закончено. Не лишены интереса данные, приводимые в докладе по Военному министерству 1 января 1869 года, характеризующие как старую, так и новую систему организации войск. «Общие результаты, — говорилось в докладе, — свершившихся в течение семи истекших лет преобразований в организации армии, сравнительно с 1860 годом, представляются в следующем виде:

Содержалось	В 1868 году как в мирное, так и в военное время	В 1860 году		
		в мирное время	в военное время	приходилось формировать вновь
Батальонов	850	619	962	343
Эскадронов	280	282	422	140
Батарей	186	155	241	86
Требовалось:				
Полевых орудий . . .	1400	1136	1636	500

Численность этих частей была	В 1868 г.	В 1860 г.
По штатам военного времени . . .	1.154.000	1.395.000
По штатам мирного времени	726.000	899.060
Разность: 428.000		496.000
На пополнение этой цифры имелось в запасе отпускных	500.000	242.000
За приведением армии на военное положение остается в запасе отпускных	72.000	Недоставало в запасе и должно было пополняться новобранцами: 257.000 ²

К 1870 году запас обученных кадров еще увеличился, достигнув 553 тыс. человек.

Новая организация войск дала возможность значительно сократить «небоевой элемент» армии за счет расформирования различных местных команд и уменьшения количества нестроевых. В результате всего этого небоевой элемент сократился на 25%, что составляло 50 тысяч человек.

С 1867 года Военное министерство начало предпринимать первые шаги по составлению мобилизационного расписания войск.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 7, л. 10.

² Там же, д. № 11, л. 25.

По данным Главного штаба, все войска округов Европейской России могли быть укомплектованы людьми по штатам военного времени в течение 30—40 дней ¹, в то время как в 1859 году для приведения в военный состав армейских корпусов потребовалось 6 месяцев.

Однако далеко не все вопросы, связанные с мобилизацией армии, были уже решены Военным министерством. Во-первых, армия не была полностью обеспечена неприкосновенным запасом оружия, снаряжения и обмундирования, необходимых для ее развертывания. Во-вторых, для перехода армии на военное положение не доставало необходимого количества офицеров. В-третьих, развертывание армии не было обеспечено и конским составом.

В связи с отсутствием военно-конской повинности лошадей необходимо было покупать, что, вполне естественно, затрудняло бы переход на военное положение как кавалерии, так и артиллерии. Главным же препятствием успешного развертывания армии являлось отсутствие в стране железных дорог.

Анализируя новую систему организации войск, а также и состав армии по этой новой системе, необходимо сделать ряд выводов.

Новая система организации войск являлась, бесспорно, шагом вперед по сравнению с предшествующей. Основное достоинство ее заключалось в возможности развертывания армии, не прибегая к формированиям новых тактических единиц. К тому же это развертывание являлось вполне реальным, благодаря накоплению некоторого количества обученного запаса. Однако эта новая система организации войск имела крайне ограниченные возможности. Увеличение численности армии в случае войны едва достигало 60% по сравнению со штатами мирного времени, в то время как Пруссия и Австрия увеличивали свои армии при развертывании более чем в три раза ².

После укомплектования действующих войск по штатам военного времени армия почти вовсе не располагала обученным людским запасом.

Таким образом, отсутствовал контингент, необходимый для пополнения убыли в действующих частях в первые месяцы войны, не говоря уже об отсутствии возможностей для дополнительных формирований.

Дальнейшее увеличение численности армии по штатам военного времени упиралось в необходимость изменения принципов комплектования ее.

Следовательно, новая система организации войск не обеспечивала должного развития вооруженных сил, соответствующего росту армий западноевропейских государств. Вместе с этим принятая организация войск содержала в себе ряд частных недостатков.

Во-первых, организация пехоты сохранила деление на линейные и стрелковые роты. Подобное деление при условии одинакового вооружения являлось совершенно ненужным, не соответствовавшим новым тактическим принципам ведения войны.

---

¹ При сопоставлении мобилизационного расписания 1867 года с мобилизацией прусских войск в 1866 году оказывается, что развертывание прусской армии осуществлялось по крайней мере в три раза быстрее. 7 мая 1866 года последовал приказ о мобилизации 4 армейских корпусов, а 19 мая, т. е. через 12 дней, эти корпуса выступили в поход в полном комплекте как людей, так и лошадей. (См. „Военно-статистический сборник на 1868 г.“, вып. I, СПб., 1867, стр. 247.)

² Пруссия и Австрия, располагавшие в мирное время армиями менее 500 тыс. человек, имели возможность развернуть их в случае войны до 1.500.000 человек. (См. „Военно-статистический сборник на 1868 год“, вып. I, СПб., 1867.)

Во-вторых, ошибочным было невключение артиллерийских бригад в состав соответствующих пехотных дивизий, что отрицательно влияло на взаимодействие пехоты и артиллерии.

В-третьих, неверным являлось деление кавалерийских дивизий на три бригады (гусарскую, уланскую и драгунскую), так как карабинами были вооружены только драгуны, две остальные бригады не имели почти вовсе огнестрельного оружия, в то время как вся кавалерия главнейших европейских стран имела на вооружении пистолеты.

Наконец, система комплектования действующих войск во время войны была разработана неудачно.

По положению, пополнение действующих частей должно было осуществляться исключительно через резервные части, независимо от того, являлось ли это пополнение рекрутами либо обученными, находившимися в запасе кадрами. Вполне естественно, что в последнем случае это не являлось целесообразным, усложняя лишь тем самым процесс пополнения действующих войск.

* * *

Система организации иррегулярных войск оставалась по существу старой.

Стремления Военного министерства реорганизовать устройство казачьих войск в духе буржуазных преобразований не привели к каким-либо существенным результатам.

В 1862 году Военным министерством была разработана программа «Главных оснований новых войсковых положений», сообщенная для руководства начальникам казачьих войск.

«Одна из существенных мыслей, указанных этою программой, — писал Милютин, — заключается в том, чтобы взамен поголовного обязательства к военной службе возложить оную преимущественно на людей «охочих», посвящающих себя боевой жизни, и через то предоставить некоторой части населения свободный выбор занятий и промысла. С тою же целью указывается, — продолжал он, — на возможность допущения свободного поступления в войсковое сословие и выхода из него, а также постепенного введения личной поземельной собственности, рядом с общественным владением землями юртовыми, как средством обеспечения всей массы служилого казачества. При устройстве войскового управления предложено иметь в виду разграничение гражданской части от военной, судебной от административной, а относительно судоустройства и судопроизводства принять формы и порядки, готовящиеся для всего государства»¹.

Однако эти программы не были реализованы из-за противодействия реакционных казачьих элементов, распространявших слухи о стремлении Военного министерства упразднить казачье сословие.

В начале 1866 года Милютин, характеризуя проект войскового положения, разработанный Донским войском, указывал, что оно, «определяя свое положение ложно понимаемым историческим правом, составило такой проект, в котором означенные реформы вовсе не приняты во внимание и удержаны все условия прежней замкнутой и отчужденной от других сословий организации войскового сословия»².

¹ Отд. рук. ГБЛ., ф. Д. А. Милютин, № 10507/1. Доклад по Военному министерству 1 января 1863 г., л. 98.

² ЦГВИА, Библиотека. Доклад по Военному министерству 1 января 1866 года, стр. 190—191.

Изменения, коснувшиеся иррегулярных войск, выразились, во-первых, в упразднении Новороссийского, Башкирского и Азовского войск и сформировании вновь из двух округов Сибирского войска — Семиреченского. Во-вторых, для Донского, Кубанского и Терского войск был несколько сокращен срок службы, составив 15 лет «внешней» и 7 лет «внутренней»; для других же казачьих войск общий срок службы сохранялся в 25 лет. Все это привело к некоторому сокращению численности иррегулярных войск. Если в 1862 году общее количество их, считая и находившихся на льготе, составляло 302.961 человека (не включая офицеров), то в 1869 году — 201.722 человека ¹.

* * *

Вопрос о комплектовании войск, вполне понятно, имел огромное значение, определяя собой возможность правильной их организации. В силу этого в докладе 15 января 1862 г. этому вопросу уделялось большое внимание, однако в первые годы добиться каких-либо серьезных изменений в этом вопросе ему не удалось.

В целях разработки нового рекрутского устава в 1862 году по инициативе Военного министерства была создана особая комиссия по пересмотру рекрутского устава под председательством члена Государственного совета Бахтина. В состав этой комиссии был включен ряд представителей Всенного министерства во главе с генералом гр. Гейденом.

Вся работа по составлению нового рекрутского устава, по справедливому замечанию Милютина, зависела от решения двух принципиальных вопросов: «... в какой мере могли быть ограничены существовавшие у нас многочисленные изъятия и льготы по отбыванию рекрутской повинности, освобождавшие от нее до 20 % населения, и, во-вторых, насколько возможно было с отменой крепостного состояния изменить гражданское положение отслужившего свой срок солдата, оторванного с поступлением на службу от первобытного своего состояния...» ².

Однако вполне естественно, что решение этих принципиальных вопросов выходило далеко за пределы компетенции комиссии, что и обусловило в дальнейшем бесплодность ее работы.

На первых же порах перед комиссией были поставлены задачи «указать те меры, которые могли бы быть приняты неотлагательно в отмену существовавших в старом порядке рекрутского набора варварских приемов, усугублявших в глазах народа тягость рекрутства и унижавших самое звание солдата» ³.

Необходимость этого обуславливалась тем, что в начале 1863 года предполагался рекрутский набор, впервые после окончания Крымской войны, т. е. после шестилетнего перерыва.

Комиссией был разработан ряд мероприятий, положенных в основу манифеста 1 сентября 1862 года, изданного по поводу объявления рекрутского набора. Наиболее существенные изменения заключались в следующем.

Во-первых, рекрутский набор объявлялся общим для всей империи, а не по полосам (западной и восточной), как это осуществлялось прежде.

Во-вторых, в целях облегчения сдачи рекрут рекрутские присутствия открывались в каждом уездном городе. В состав уездных рекрутских

---

¹ „Военно-статистический сборник“, вып. IV, Россия, отд. II, СПб., 1871, стр. 92.

² Отд. рук. ГбЛ, ф. Д. А. Милютина, М, 7842, стр. 266.

³ Там же, М. 7844, стр. 286.

присутствий вводились представители сословий: мировые посредники и городские головы.

Отменялось бритье лба рекрут и сопровождение их в воинские части в особой, похожей на арестантский халат, одежде.

На основании этих новых условий и было проведено два набора в 1863 году.

Однако впоследствии работа комиссии по существу зашла в тупик. «Работы Комиссии... по уставу, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1865 года, — останавливаются за неразрешением внесенного на рассмотрение Государственного Совета основного вопроса о том, какая часть населения должна быть привлечена к отправлению рекрутской повинности и какие лица и сословия могут подлежать изъятию от оной...»¹.

Одно из наиболее отрицательных явлений, связанных с существовавшей системой рекрутской повинности, представляло собой наемничество, т. е. право найма лицом, подлежащим рекрутской повинности, вместо себя другого. Естественно, что эта часть рекрут, поступавших по найму, являлась малоценным по качеству контингентом, вызывавшим постоянные нарекания со стороны военного ведомства.

«Прекратить разом прежнее право рекрута поставлять вместо себя другое, годное для службы, лицо казалось тогда мерою слишком стеснительною, — рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях», — а потому придумано было взамен частного найма ввести «заместителей»², т. е. таких нижних чинов из числа выслуживших обязательный срок, которые принимались на службу командирами частей на известных условиях и с определенным вознаграждением из особого фонда, образуемого из денежных взносов рекрут за освобождение от поступления на службу»³. Хотя этот закон и имел известное значение в смысле сокращения числа «охотников, поступавших по частному найму»⁴, однако какого-либо серьезного влияния на изменение принципов комплектования, естественно, оказать не мог.

Таким образом, принципы комплектования армии на протяжении 60-х годов оставались прежними и комиссия по пересмотру рекрутского устава никаких реальных результатов в этом отношении не достигла. Пополнение армии происходило путем рекрутских наборов: в 1863 году их было проведено 2, а в последующие годы — по одному. Если в 1863 году было взято по 15 рекрут с 1000 душ, то в дальнейшем ежегодный набор составлял 4 рекрута.

* * *

Основным преобразованием в области реорганизации военного управления явилась военно-окружная реформа.

Создание стройной системы местного управления войск являлось важнейшей задачей, стоявшей перед Военным министерством, без выполнения которой были невозможны дальнейшие преобразования армии.

В результате этого Военное министерство уже в начале 1862 года приступило к разработке проекта военно-окружной реформы.

Идея создания военных округов возникла у военного министра значительно ранее. «Мысль о территориальной системе военного управления

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), д. № 5, л. 16—17.

² Закон от 18 июня 1868 года.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7849, стр. 148.

⁴ По данным, приводимым в докладе по Военному министерству 1 января 1870 г., количество «охотников» уменьшилось с 8 051 чел. в 1868 г. до 2 893 чел. в 1869 году.

зародилась у меня еще за несколько лет ранее, — рассказывает он в своих «Воспоминаниях», — именно в начале 1856 года, и была изложена тогда в записке, составленной мною вследствие одного разговора с моим дядей гр. Павлом Дмитриевичем Киселевым о военном положении России. Мысль эта постепенно развивалась в продолжение моих работ по устройству военного управления на Кавказе, окончательно же выработалась в конце 1861 и в последующие годы»¹.

Действительно, в упоминавшейся нами выше записке, озаглавленной «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных», датированной 1856 годом, Милютин, разбирая подробно недостаток военной организации России, указывал на необходимость создания военных округов. «Империя, — писал он, — разделяется на военные округа, из коих одни *пограничные*, другие *внутренние*... Войска также разделяются на два разряда: *действующие* и *запасные*.

Действующие войска расположены исключительно в *пограничных* округах; в мирное время они имеют состав значительно сокращенный в наличном числе людей, но с сохранением, по возможности, большего числа частей, штабов, офицеров и состава специальных родов оружия. *Запасные* же войска, расположенные во внутренних округах, имеют назначение:

В мирное время: 1) образовывать рекрут и отправлять их ежегодно на укомплектование действующих войск; 2) нести местную службу, лежащую ныне на корпусе внутренней стражи.

В военное же время:

1) Пополнить действующие части для приведения их в полный состав по военному положению;

2) Выставить, сверх того, новые части для подкрепления действующих армий;

3) Образовать кадры *ополчения*;

4) Продолжать на месте обучать рекрут и нести внутреннюю службу.

Каждый военный округ, пограничный или внутренний, состоит под начальством окружного генерала, имеющего права на равных с нынешними командирами отдельных корпусов. Им подчинены все расположенные в округе войска, равно как и проживающие в оном отпускные нижние чины и офицеры; также склады запасов и все другие местные учреждения военного ведомства. При окружных генералах состоят штабы»².

Таков был первоначальный проект организации округов.

Находясь на Кавказе с 1857 года в должности начальника штаба Кавказской армии, Милютин принимал непосредственное участие в реорганизации местного военно-административного управления, стараясь приблизить его к типу проектированных им военных округов.

В 1858 году было преобразовано Кавказское военно-административное управление. Это преобразование коснулось как главного штаба Кавказской армии, получившего сравнительно четкую организацию, так и военно-административных отделов, на которые делилась территория Кавказа.

Последние были преобразованы в миниатюрные военные округа; в

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7841, стр. 148.

² Там же, М. 7952, л. 13—14.

руках начальника отдела сосредоточивалась как власть строевого начальника, так и военно-административная: все военные учреждения на территории отдела подчинялись ему.

Возглавляя Военное министерство, Милютин в качестве одной из первоочередных реформ наметил создание военных округов, о чем он и поставил вопрос в докладе 15 января 1862 года.

Уже в начале мая 1862 года Военным министерством была представлена Александру II записка под заглавием «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам», которая и была им в основных чертах одобрена.

В начале этой записки говорилось:

«При существующей у нас в настоящее время системе военного устройства административное разделение войск совпадает с тактическим их разделением на дивизии, корпуса и армии, причем управления или штабы всех частей войск от полка до армии содержатся постоянно не только в военное, но и в мирное время.

Опыт нескольких войн, — отмечалось далее, — указал..., что корпуса суть слишком крупные тактические единицы для постоянного употребления на театре войны в целом их составе, что почти всегда по разным стратегическим соображениям с наступлением военного времени приходится формировать *отряды* из войск разных корпусов и составлять наскоро особые *отрядные штабы*...

Таким образом, предполагаемые на стороне существующей у нас в настоящее время *строевой административной системы* выгоды оказываются большей частью мнимыми и расходы государства на содержание в мирное время такого множества чисто военных строевых управлений не могут быть оправданы существенною в них надобностью...»¹.

На основе этого указывалось на необходимость осуществления следующих преобразований:

1. Уничтожить деление в мирное время на армии и корпуса; высшей тактической единицей считать дивизию.

2. Разделить территорию всего государства на несколько военных округов.

3. Во главе округа поставить начальника, на которого возложить и высший надзор за действующими войсками и командование над местными частями войск, расположенными в пределах округа, а также поручить ему заведывание всеми местными военными учреждениями.

Вследствие этого предполагалось, что все существующие местные органы артиллерийского и инженерного ведомств, а также провиантские и комиссариатские комиссии должны будут войти в состав военноокружного управления.

«Важнейшая же выгода предполагаемого устройства, — говорилось в записке, — будет заключаться в том, что при нем только представится возможность устранить существенный недостаток нашего военного управления — крайнюю централизацию оного в министерстве.

С учреждением Главных окружных управлений между ними можно будет распределить большую часть обязанностей министерства с тем, дабы в последнем сосредоточилось только общее *направление* и *общий контроль* действий всех административных органов...»².

Далее указывалось, что именно в России военно-окружная система

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25447. л. 2.

² Там же.

вследствие обширности территории государства нужна более, чем где бы то ни было.

«Естественная необходимость децентрализации, — отмечалось в записке, — до некоторой степени выказалась у нас уже тем, что окраины Империи: Кавказ, Оренбургский край, Западная и Восточная Сибирь, образовали особые территории, как бы округа, с самостоятельными управлениями, до известной степени освобожденными от мелочной опеки министерства.

Но и в этих округах некоторые отрасли управления, как, например Комиссариатская часть, находятся вне влияния местных властей и до малейших мелочей руководствуются предписаниями центральной власти. Напротив того, другие отделы администрации, например, провиантская часть, находятся в положении слишком уже независимом от Министерства»¹.

В соответствии со всем этим указывалось на необходимость создания следующих 15 военных округов: 1) Финляндского, 2) С.-Петербургского, 3) Балтийского (Рига), 4) Северо-Западного (Вильно), 5) Царства Польского (Варшава), 6) Юго-Западного (Киев), 7) Южного (Одесса), 8) Московского, 9) Харьковского, 10) Верхневолжского (Казань), 11) Нижневолжского (Саратов), 12) Кавказского (Тифлис), 13) Оренбургского, 14) Западно-Сибирского (Омск), 15) Восточно-Сибирского (Иркутск).

Однако в записке говорилось, что: «...Разделение это, пока только примерное, должно быть соображено с разными условиями военными, статистическими, этнографическими, территориальными, административными и экономическими...»².

Структура главного окружного управления должна была заключать в себе следующие части: а) общее командное управление или штаб главного окружного начальника; б) административное управление: окружное интендантство, окружное артиллерийское управление, окружное инженерное управление и окружное врачебно-госпитальное управление.

«Во главе административных управлений, — указывалось в записке, — должен быть поставлен *Совет Главного Окружного Управления*, по цели учреждения своего и кругу деятельности воспроизводящий в округе военный Совет Министерства»³.

Председателем совета главного окружного управления или, в иной терминологии, военно-окружного совета, должен был являться начальник округа. Членами его: окружной интендант, начальники окружных артиллерийского, инженерного и врачебно-госпитального управлений, представитель государственного контроля, а также представитель Военного министерства.

Круг дел, вносимых на обсуждение военно-окружного совета, должен был определяться самим начальником округа, однако обязательным являлось обсуждение вопросов, связанных с производством торгов на поставку «всех предметов довольствия войск и госпиталей».

Как говорилось уже выше, права главного окружного начальника по отношению к расположенным на территории округа войскам предполагалось установить двоякого рода. По отношению действующих и резервных войск начальнику вверялся лишь «главный надзор за строевым

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25447, л. 3.

² Там же, л. 4.

³ Там же.

образованием... их службы, внутренним благоустройством и хозяйством...»¹. Непосредственное же командование этими частями войск возлагалось на начальников дивизий, которым в связи с намеченным упразднением корпусов предполагалось предоставить большие права и самостоятельность.

Местные войска должны были находиться в полном подчинении начальника округа. В каждой из входящих в округ губерний предполагалось создать должность губернского воинского начальника, который и ведал бы непосредственно местными войсками.

В целях обеспечения общего командного управления войсками создавался окружной штаб.

Вопрос же о функциях отдельных управлений не решался в окончательной форме. Так, например, обязанности артиллерийских и инженерных окружных управлений не только не были уточнены, но даже, больше того, в записке излагались два взаимно исключавшие друг друга варианта этих функций. По одному из них все артиллерийские и инженерные части, находящиеся на территории округа, должны были в командном отношении целиком подчиняться этим управлениям. Вместе с тем на них возлагались и хозяйственно-технические функции.

По другому варианту окружные управления ведали лишь вопросами артиллерийского, инженерного снабжения и различных сооружений, а также осуществляли командные функции только в отношении местных команд этих специальных родов войск.

Военное министерство не решало этих вопросов, предлагая их для обсуждения. Также оставался открытым вопрос об организации военно-судной части.

В записке предлагалось создать специальный штат генерал-инспекторов различных родов войск. Необходимость введения этих должностей мотивировалась тем, что при децентрализации военного управления по округам создается опасность нарушения должного единства в строевом образовании войск и «развитии в них технической части военного дела».

В заключение в записке рассматривались функции военных округов во время войны. Однако, за исключением общих фраз, из которых вытекало, что военные округа должны обеспечивать нужды действующей армии, а также пункта о подчинении гражданских властей окружному начальнику, в случае, если территория округа будет объявлена на военном положении, мы не находим ничего конкретного.

Таким образом, этот важный вопрос остался в проекте не разработанным. Первоначальные предположения Милютина, изложенные им в его записке 1856 года о создании двоякого рода военных округов — пограничных и внутренних, не нашли в этом проекте какого-либо отражения.

В середине мая 1862 года проект организации военных округов был разослан широкому кругу лиц для обсуждения.

В сопроводительном печатном письме к этой записке военный министр писал: «... Существенно важный недостаток нашей военной администрации заключается в крайнем сосредоточении управления в министерстве и недостаточности местного административного надзора.

Единственным средством к устранению этого недостатка представляется устройство *местных* военных управлений, наподобие уже существующих на Кавказе, в Оренбургском крае и Сибири, с тем, чтобы и

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25447, л. 4.

остальное пространство империи разделить на несколько *военных* округов, в управлениях которых вместе с лежащим ныне на главнокомандующих и корпусных командирах высшим командованием войсками соединить и высший местный надзор по разным отраслям военной администрации...»¹.

Указывая на то, что основные положения будущей военно-окружной реформы одобрены Александром II, Милютин просил выразить свое мнение по поводу прилагаемой записки-проекта, направив его в Военное министерство не позднее 1 августа.

Нетрудно обнаружить несколько отличную постановку вопроса о назначении военных округов, излагаемую, с одной стороны, в записке-проекте и в препроводительном письме, — с другой.

В первом случае ставился вопрос о передаче начальникам округов только функций «высшего надзора» над действующими и резервными войсками, а во втором — о сосредоточении в их руках командования войсками, «лежащего ныне на главнокомандующих и корпусных командирах». Эта новая трактовка вопроса о назначении округов не может быть отнесена к редакционным неточностям. Записка, излагавшая основные положения будущей реформы, была написана не позднее конца апреля, так как, по утверждению Милютина в его «Воспоминаниях», уже в начале мая он передал ее Александру II. Сопроводительное же письмо датируется 14 мая. Что же могло в столь короткий срок определить изменение взгляда на назначение военных округов? Нам представляется, что причиной этого явились события в Польше. Уже летом 1862 года, в связи с нарастанием национально-освободительного движения в Польше, задолго до выработки окончательного положения о военно-окружной реформе, были созданы первые военные округа: Варшавский, Виленский и Киевский, а в конце 1862 года — Одесский. В этих округах все войска, находившиеся на их территории, подчинялись командующему округом. Более чем вероятно, что именно это обстоятельство и является объяснением изменения взгляда на назначение военных округов.

* * *

Проект «Главных оснований» военно-окружной реформы был разослан на заключение 211 лицам, из которых большинство прислало в Военное министерство свои мнения по поводу предстоящей реформы. Подавляющее большинство лиц (117) высказалось за введение военных округов, причем некоторые из них не были согласны с проектом реформы в целом и сделали ряд частных замечаний.

Только 10 человек высказались против введения военно-окружной системы. Таким образом, целесообразность введения военных округов была признана преобладающим большинством генералитета.

Рассмотрим первоначально мнения лиц, выступавших противниками реформы в целом.

Командир Сводного кавалерийского корпуса генерал-от-кавалерии барон Оффенберг в своем отзыве указывал, что если в административно-хозяйственном отношении результаты реформы сомнительны, то «в военном же отношении предполагаемая реформа даже опасна, ибо при даровании самостоятельности дивизии мы при открытии военных действий будем иметь дивизии, но не армию. ... Основное, необходимое правило, — продолжал Оффенберг, — чтобы в мирное время войска поль-

¹ Отд. рук. Государственной публичной библиотек им. Салтыкова-Щедрина, ф. Корнилова, д. № 10. Письмо от 14 мая 1862 г.

зовались организацией, не требующей ни малейших улучшений или перемен при открытии военных действий. Неудобно формировать штабы перед самой кампанией, не говоря уже об обстоятельстве чрезмерной важности, что начальники и подчиненные друг друга знать не будут»¹.

Далее Оффенберг оспаривал утверждение о том, что корпуса, как правило, подвергаются переформированиям во время войны, относя это лишь к последней Крымской кампании.

По мнению Оффенберга, совершенно нет надобности заимствовать французскую окружную систему, а «без вреда можно достигнуть то же, что предполагается введением округов, придав корпусным командирам постоянные квартиры и, кроме того, другой штаб, собственно хозяйственный, как было одно время в военных поселениях. Тогда корпусный командир в случае войны мог бы идти со своим военным штабом, а начальник хозяйственного штаба оставался бы на месте...»².

Таким образом, Оффенберг предлагал превратить армейские корпуса в территориальные единицы по прусскому образцу, что лишало бы их возможности передвижений, а также рекомендовал возвратиться к тому разобщению командного и хозяйственного управления, которое существовало в России в начале царствования Николая I и было принято в прусской армии.

Петербургский генерал-губернатор кн. Суворов с присущей ему двуличностью в начале своих «Замечаний» писал:

«Предполагаемое и отчасти уже приведенное в исполнение устройство военного управления по округам есть одна из самых замечательных попыток к улучшению военной администрации и полнейшая из числа сделанных Военным министерством в пятидесятилетнее его существование...»³.

Выразив еще несколько комплиментов по поводу проекта военно-окружной реформы, составители которого, по словам Суворова, руководствовались и «доблестным чувством», и «светлой идеей», он вместе с тем указывал, что достигнуть децентрализации управления можно иным путем.

«По моему мнению, — писал он, — этой цели достигнуть можно было бы упрощением форм делопроизводства, в особенности же предоставлением низшим инстанциям всех отраслей военного управления права окончательно решать те дела, которые без всякого недоразумения подходят под положительный закон. Отсутствие этого права и служит главным источником той страшной переписки, которая поглощает всю деятельность Военного министерства... Устранение этого неудобства дало бы начальникам войска ту самостоятельность, которой они теперь не имеют, облегчило бы деятельность Военного министерства не менее учреждения 15 главных окружных управлений и в то же время не нарушило бы нисколько необходимости единства в управлении. Военное министерство, — продолжал он, — есть *естественный* центр военного управления, ...но в то же время министерство, по моему мнению, должно быть и *единственным* центром. В мирное время между ним и различными отраслями военного управления не должно быть никаких посредствующих центральных инстанций... Иначе можно опасаться утраты необходимого единства в исполнении распоряжений и возобновления тех неудобств,

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25447, л. 35—36.

² Там же, л. 37.

³ Там же, д. № 25449, л. 168.

какие рождаются вследствие смешения распорядительной и контрольной власти в особых центральных управлениях...»¹.

Таким образом, Суворов, выступая противником военно-окружной реформы, не противопоставлял ей чего-либо иного, предлагая сохранить существующий порядок вещей, несколько улучшенный частными исправлениями.

Противником реформы в целом выступил также и ген.-лейт. генерального штаба Баумгартен. В своих «Замечаниях» он писал:

«Приступая к разбору причин, которые заставляют ввести управление по округам, нельзя не сознаться в полной бесполезности корпусных штабов и главного штаба 1-й армии, как совершенно лишних инстанций в мирное время; но из этого еще никак нельзя заключить, что с упразднением их представляется непременно надобность ввести военно-окружные управления, тем более, что на случай войны они ничем не обеспечивают формирования главного штаба действующей армии и корпусных штабов...»².

По словам генерала Баумгартена, децентрализация военного управления, являющаяся, по его мнению, основной причиной введения военно-окружной реформы, может быть с успехом достигнута и другим путем. «Централизация военного управления, — указывал Баумгартен, — может быть смягчена и значительно ослаблена и без введения округов, — предоставлением большей власти и обширнейшего круга действий частным начальникам. Для этого стоит только начальникам дивизий предоставить все теперешние права корпусных командиров, а сих последних уничтожить как совершенно лишнюю инстанцию...»³.

Децентрализация хозяйственных учреждений могла быть достигнута, по его мнению, путем предоставления большей власти местным комиссиям и управлениям отдельных департаментов.

Таким образом, Баумгартен, предлагая уничтожить «действующую» армию и корпуса и отвергая вместе с тем военные округа, не противопоставлял им чего-либо другого.

Командир Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-от-кавалерии фон-дер-Лауниц, выступая противником введения военных округов, считал нецелесообразным упразднение армий и, особенно, корпусов. Соглашаясь с тем, что на основе опыта последних войн армейские корпуса оказались слишком крупными тактическими соединениями, фон-дер-Лауниц выдвигал в качестве основного аргумента целесообразности сохранения корпусов довольно странный довод. По его мнению, одним из решающих условий побед русской армии являлась популярность корпусного командира. «...Одно имя, одно присутствие... корпусного командира увлекали войска к чудесам храбрости и вели их к верной победе...»⁴.

Таким образом, фон-дер-Лауниц доказывал целесообразность сохранения прежней организации военного управления, считая возможным создать лишь окружные интендантства.

Член военного совета министерства, тайный советник Брискорн, наоборот, отрицал целесообразность децентрализации хозяйственных функций и считал возможным создать военно-окружные управления лишь в пределах «строевой администрации и инспекторских обязанностей».

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25449, л. 173—174.

² Там же, д. № 25448, л. 273.

³ Там же, л. 275—276.

⁴ Там же, д. № 25449, л. 42.

Остальные пять лиц, выступавших против создания военных округов, в том числе член военно-кодификационной комиссии генерал-лейтенант Политковский и вице-директор Инженерного департамента генерал-майор фон-Миллер, выражали сомнение в целесообразности военно-окружной реформы и предлагали расширить права низших инстанций по каждой отдельной отрасли управления и тем самым обеспечить известную децентрализацию.

Наконец, отрицательно отнесся к организации военных округов и виленский генерал-губернатор Муравьев, представивший в июне 1863 года Александру II особую записку «По поводу настоящего политического положения» (в связи с восстанием в Польше).

В этой записке Муравьев, ссылаясь на опыт прошлого, довольно невразумительно высказывался против военных округов, подчеркивая несвоевременность создания их, особенно «по нынешним военным обстоятельствам»¹.

Таковы все доводы противников военно-окружной реформы. Анализируя их, мы не находим ни одного более или менее серьезного аргумента, выдвинутого против создания военных округов. Большинство противников реформы выражало стремление сохранить старые николаевские порядки в армии, не давая себе даже труда в какой-то степени обосновать целесообразность этого.

Единственным серьезным аргументом, который был выдвинут противниками военных округов, являлся вопрос о целесообразности существования армейских корпусов, однако сохранение их не противоречило проведению военно-окружной реформы.

В заключение необходимо заметить, что главнокомандующий Кавказской армией кн. А. И. Барятинский, выступавший позднее главным противником военно-окружной реформы, не прислал никаких замечаний на посланный ему проект «Главных оснований».

* * *

Перейдем к рассмотрению частных замечаний, остановившись на наиболее важных и принципиальных из них.

Вопрос о строевом делении войск в мирное время подавляющим большинством лиц, приславших свои замечания, решался в духе проекта: высшей тактической единицей признавалась дивизия. Лишь несколько человек, и в том числе начальник 5-й кавалерийской дивизии ген-лейт. Козлянинов, начальник СПб крепостного артиллерийского округа ген.-лейт. Симбирский и редактор «Военного сборника» ген.-лейт. Меньков, выражали сомнение в целесообразности уничтожения армейских корпусов, учитывая большие трудности, связанные с поспешным формированием их в случае войны.

Наряду с этим ряд лиц, соглашаясь с целесообразностью уничтожения корпусов как слишком крупных тактических единиц, считал необходимым пересмотреть состав дивизий в сторону его увеличения и ставил под сомнение целесообразность уничтожения армии на западных границах России.

В этом отношении известный интерес представляют довольно обстоятельные замечания командующего войсками Терской области генерал-лейтенанта кн. Святополк-Мирского.

В начале своих «Замечаний» Святополк-Мирский писал: «Польза введения территориальной системы военного управления в России слиш-

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 77845, л. 17.

ком, по моему мнению, очевидна, чтобы ее нужно было доказывать»¹. Наряду с этим он подчеркивал, что создание военных округов должно быть подчинено одной цели — такой организации вооруженных сил, которая обеспечивала бы полную боевую готовность их в случае войны.

Касаясь вопроса сохранения армии в условиях мира, он писал:

«...Потребность содержания армии в мирное время в полном ее составе с главнокомандующим и главным штабом зависит от политических соображений, определяющих вероятную возможность и близость войны. Мне кажется, что Россия на западных границах своих нуждается в постоянной армии...»². Таким образом, не будучи принципиальным сторонником сохранения в условиях мирного времени армии, он считал, что при данных конкретных условиях это необходимо³.

Переходя к вопросу о строевом делении войск в мирное время, Святополк-Мирский писал: «...Если опыт последней войны доказал, что корпуса в настоящем их составе суть слишком крупные тактические единицы, то это не доказывает бесполезности всяких крупных тактических единиц во время мира и не доказывает тоже, чтобы дивизии в настоящем их составе были именно такие единицы, которые нужно... Всматриваясь внимательно и подробно в события последних европейских войн, я пришел к убеждению, — продолжал он, — что пехотные дивизии 13- или 17-батальонного состава в одном случае слишком слабые тактические единицы, а в других случаях слишком крупные и что кавалерийские дивизии обыкновенного состава положительно всегда слишком крупные. Пехотные дивизии слишком слабы для тех отдельных действий, которые всегда на них возлагаются, и слишком крупны в виде подкрепления... Что же касается до кавалерийских дивизий, то при свойстве местности в Европе, где увеличение народонаселения и народного богатства породило множество препятствий для действий кавалерии, можно положительно сказать, что такая огромная масса, как 24 эскадрона, почти никогда не найдет возможности действовать успешно на одном пункте...»⁴. Руководствуясь этим, Святополк-Мирский полагал, что средней тактической и административной единицей должна быть бригада.

Состав пехотной бригады, по его мнению, должен определяться двумя трехбатальонными полками, одним стрелковым батальоном и одной батареей. Кавалерийская же бригада должна была состоять из двух полков и конной батареи. В случае же войны кавалерийская бригада, по его мнению, могла быть усилена двумя полками иррегулярной конницы. Три пехотных бригады, одна кавалерийская и артиллерийская бригада составляли бы армейскую дивизию.

Мнение кн. Святополк-Мирского о создании своеобразных корпусов «малого состава» в той или иной системе было поддержано рядом лиц.

Однако преобладающее большинство лиц, как указывалось уже выше, считало необходимым уничтожить корпуса, не внося изменений в состав дивизий.

Многочисленные замечания поступили по вопросу о правах военных округов по отношению к действующим войскам.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25448, л. 13.

² Там же, л. 17.

³ Сторонниками сохранения армии в мирное время выступали также ген.-ад. Сухожанет и ген.-лейт. Коваленский.

⁴ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25448, л. 17—18.

Командир Оренбургского отдельного корпуса генерал-адъютант Безак в своих замечаниях по этому поводу писал следующее:

«...Вопрос об отношениях главных окружных начальников к подчиненным им войскам, без сомнения, есть один из самых важнейших и требующих особенно зрелого обсуждения, ибо решение его неизбежно будет иметь весьма серьезное влияние на благоустройство, боевые и нравственные качества войск.

Если власти главного окружного начальника по отношению к подвижным войскам придать характер не ответственный, а только наблюдательный и инспекторский, почти совершенно устраняющий его от всякой инициативы в деле хозяйственного благоустройства и боевого образования войск, то ...возрождаются опасения, что дивизионные начальники, наделенные полною ответственною властью командиров не отдельных корпусов, весьма естественно, будут стремиться к совершенной независимости от окружных начальников... Обстоятельства эти, — продолжал он, — могут иметь прямым своим следствием то, что Главные начальники округов, зная, что подвижные войска подчинены им только временно... и притом неответственно... не станут в благоустройстве и благосостоянии войск принимать такого горячего участия, какое могло бы повести к лучшим результатам»¹. В результате этого Безак настаивал на полном подчинении власти начальника округа всех войск, находящихся на его территории.

Аналогичные мнения выразили ген.-ад. гр. Муравьев-Амурский, ген.-лейт. Коллюбакин, Рейтерн и др.

Наряду с этим имелись и другие мнения, ставившие своей целью уменьшить права начальника округа, предоставив ему только право надзора не только по отношению к подвижным войскам, но и местным.

Многочисленные замечания поступали по вопросу о функциях артиллерийских и инженерных окружных управлений и в связи с этим об организации артиллерийских и инженерных частей войск. Преобладающее большинство лиц, высказавшихся по этому поводу, выразило мнение о целесообразности полного подчинения этих родов войск окружным управлениям. Если большинство вместе с тем настаивало на уничтожении артиллерийских дивизий, то в отношении саперных бригад преобладала точка зрения о необходимости их сохранения.

По вопросу о целесообразности создания военно-окружных советов лишь 12 человек высказались против, считая, что наличие их будет стеснять власть начальника округа и ослабит ответственность руководителей хозяйственных управлений. При этом часть этих лиц, не возражая в принципе против окружных советов, считала необходимым придать им совещательный характер.

Наконец, о политическом значении округов писал в своем отзыве Муравьев-Амурский, указывая, что создание их даст возможность в случае необходимости соединить на местах высшую военную и гражданскую власть, возложив ее на командующих войсками округов. Таким образом, по мнению Муравьева-Амурского, устранится неудобство, заключающееся в том, что генерал-губернатор — представитель верховной власти — не мог распоряжаться воинскими частями, находившимися на территории его генерал-губернаторства.

Таковы основные замечания на проект Положения о военных округах.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 25449, л. 485—486.

Анализируя их, мы можем сделать следующие выводы.

Проект реформы в целом нашел положительную оценку в широких военных кругах. Незначительное число лиц, выступивших принципиальными противниками военных округов, принадлежало к сторонникам до-реформенных николаевских порядков и никаких серьезных возражений привести не смогло. Подавляющее большинство, сделавших свои замечания на проект, высказалось за полное подчинение всех войск начальнику округа, а также положительно отнеслось к предполагаемому уничтожению армейских корпусов.

Подобное отношение большинства генералитета к судьбе армейских корпусов, сохранение которых представлялось бесспорно важным, объясняется, на наш взгляд, тем, что в последней кампании — Крымской войне 1853—1856 гг. — они не имели какого-либо самостоятельного значения.

* * *

В феврале 1863 года для разработки «Положения о военных округах» были образованы две редакционные комиссии: одна для разработки командной части Положения, другая — административно-хозяйственная. Первая комиссия состояла из главного редактора дежурного генерала гр. Гейдена и трех членов — редакторов: действ. ст. сов. Штанге и полковников Якимовича и Обручева. Главным редактором второй был назначен состоящий по Военному министерству тайн. сов. Устрялов, членами — редакторами: генерал-майор Поливанов, действ. ст. советник Пикторов и полковник Аничков. Наиболее активную роль в составлении Положения о военных округах играли гр. Гейден, тайн. сов. Устрялов, полковники Обручев, Якимович и Аничков. «Этим пяти лицам, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях», — считаю я себя наиболее обязанным удачным осуществлением давнишней моей мысли о военных округах»¹.

Составленные этими комиссиями основные положения были переданы в главное артиллерийское и инженерное управления, а также в военно-медицинский департамент для детальной разработки соответствующих разделов проектов.

Для проведения этой работы были созданы вновь три редакционных комиссии: артиллерийская, инженерная и военно-медицинская.

После составления окончательного проекта он был снова направлен на заключение широкому кругу лиц. Таким образом, проект реформы подвергался всестороннему обсуждению.

Разработка Положения о военно-окружной реформе значительно облегчалась наличием 4 организованных в 1862 году военных округов, практическая деятельность которых служила известным ориентиром при решении тех или иных вопросов.

* * *

В начале 1864 года проект реформы поступил в военно-кодификационный комитет, а в августе этого же года было издано «Положение о военных округах».

Главному начальнику округа, именуемому командующим войсками,

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М, 7844, стр. 294.

подчинились все расположенные в округе воинские части и военные учреждения.

Таким образом, в командном отношении он являлся единоличным начальником, а не «инспектором» действующих войск, как это определялось первоначальным проектом¹.

Местные войска округа подчинялись непосредственно начальнику местных войск, а «ближайшее управление» ими вверялось губернскому военному начальнику.

В пограничных округах, как правило, на командующего войсками возлагались обязанности генерал-губернатора; таким образом, в его лице сосредоточивалась вся высшая военная и гражданская власть.

Военно-окружное управление состояло из военно-окружного совета и шести следующих отделов: 1) окружного штаба, 2) окружного интендантского управления, 3) окружного артиллерийского управления, 4) окружного инженерного управления, 5) окружного военно-медицинского управления и 6) окружного инспектора военных госпиталей.

Обязанности последнего возлагались на начальника местных войск.

По хозяйственным управлениям: интендантскому, артиллерийскому, инженерному и военно-медицинскому, командующий войсками действовал как председатель военно-окружного совета. Таким образом, в хозяйственных вопросах он не обладал властью единоначальника. «Военно-окружной совет, — говорилось в Положении, — есть высшее учреждение в военном округе для дел военного хозяйства»².

По сравнению с проектом, состав окружного совета оставался тот же, за исключением представителя государственного контроля, который не был введен в совет.

Большое значение имело включение в состав военно-окружного совета члена, назначаемого «по особому выбору военного министра», в результате чего хозяйственная деятельность округов непосредственно контролировалась и направлялась Военным министерством.

Таким образом, военный округ сосредоточивал в своих руках все нити как командного, так и военно-административного управления, представляя собой как бы «своеобразное военное министерство» в миниатюре.

Все основные департаменты Военного министерства имели в лице тех или иных отделов военно-окружного управления свое представительство на местах, давая им общее направление в работе³.

Уже в 1864 году, помимо 4 военных округов, организованных в 1862 году, — Варшавского, Виленского, Киевского и Одесского, было создано еще шесть: Петербургский, Московский, Финляндский, Рижский, Харьковский и Казанский. В последующие годы были образованы: Кавказский, Туркестанский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа.

---

¹ Артиллерийские части подчинялись непосредственно начальнику артиллерии округа, инженерные же войска — командующему войсками округа.

² Свод военных постановлений изд. 1869 года, ч. 1, кн. 2, 1869, стр. 97.

³ Предоставление широких прав окружному совету и назначение в состав его представителя от Военного министерства, на первых порах в особенности, встретило недоброжелательное к себе отношение ряда командующих войсками.

Так, например, командированный для ознакомления с положением в Киевском военном округе генерал Баумгартен в своем письме Милютину от 2 декабря 1864 года писал: «... При бывших заседаниях военно-окружных советов, в которых председательствовал сам командующий войсками (генерал Анненков. — П. З.), он не допускал никого говорить и с самого же начала заседания высказывал по всем предметам

Таким образом, общее количество округов равнялось пятнадцати. Организация военных округов привела к значительному сокращению штата местных военных управлений. Так, во всех местных учреждениях, упраздненных в связи с введением военно-окружных систем, состояло 2.525 офицеров и военных чиновников, а во всех вновь организованных военно-окружных управлениях — 1.797¹.

Военно-окружная система привилась на местах довольно быстро. Даже вел. князь Михаил Николаевич, скептически относившийся к созданию военного округа на Кавказе и старавшийся всячески оттянуть проведение реформы, в конце 1865 года писал Милютину, что «новый порядок в Окружном Управлении, повидимому, прививается очень хорошо, и покуда никаких особых затруднений не встретилось»².

Командующий войсками Харьковского военного округа в своем отчете за 1865 год также указывал, что «деятельность отделов военно-окружного управления получила вполне правильное направление»³.

Наконец, об этом же говорит и Милютин в своих «Воспоминаниях», указывая, что он «не смел даже надеяться на то, что новый механизм управления с первого раза начнет действовать так успешно»⁴.

В целях наблюдения за осуществлением реформы на местах Военное министерство в первые годы периодически направляло в округа своих представителей, информировавших его о состоянии дел.

Кроме того, в 1865 году была создана при Военном министерстве «Особая комиссия для рассмотрения вопросов по применению Положения о военно-окружных управлениях» под руководством председателя военно-кодификационного комитета генерала Непокойчицкого.

В докладе по Военному министерству 1 января 1867 года Милютин, говоря о военно-окружной реформе, писал: «...Теперь уже прямо и смело можно сказать, что новые местные управления оправдали вполне все ожидания, которые возлагало на них министерство при самом их учреждении. Всякое распоряжение центральной власти приводится теперь в исполнение с такою энергией, которая возможна только при существовании прочно организованных по всем частям управлений местных.

Власть командующих войсками в округах и учреждение военно-окружных советов установили в действиях различных отраслей военной администрации необходимую связь и единство, а усиление местного контроля и новая организация управлений хозяйственных содействовали, с одной стороны, значительному уменьшению расходов по огромным заготовлениям военного ведомства, а с другой — улучшению качества предметов довольствия войск...»⁵.

свое собственное мнение, не принимая ничьих возражений и приказывая составлять журнал согласно им высказанных заключений...» (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 8009, л. 245). Об этом же сообщал Милютину и член окружного совета Варшавского военного округа Порель, доносивший, что командующий войсками гр. Берг на заседаниях совета прямо объявляет свое решение, не спрашивая чьего-либо мнения: «Член от Военного министерства для него белым на глазу», — писал Порель. (Там же, л. 238, письмо от 20 сентября 1864 г.).

¹ Военные реформы императора Александра II., «Вестник Европы» № 1, 1882, стр. 33.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 8019, письмо от 15 декабря 1865 г.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 27274 а, 1866 г., л. 68.

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 324.

⁵ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я д. № 7, стр. 15—16.

В результате организации военных округов создавалась относительно стройная система местного военного управления, устранявшая ту крайнюю централизацию, которой характеризовалась ранее деятельность Военного министерства. Функции последнего заключались с этого момента лишь в осуществлении общего руководства и наблюдения.

Военные округа обеспечивали быстрое развертывание армии на случай войны. Только при наличии их можно было приступить к составлению мобилизационного расписания.

Кроме того, военно-окружные управления в случае войны могли бы быть превращены в штабы армий, либо выделить из себя контингент, необходимый для их формирования.

Однако при всем этом военно-окружная реформа имела и слабые места.

Совершенно не разработанным остался вопрос о задачах военных округов в случае войны. Первоначальное предположение Милютин, высказанное им в 1856 году, о создании двух типов округов — пограничных и внутренних — учтено не было, и все военно-окружные управления имели одинаковое устройство.

Если уничтожение корпусов как высших тактических единиц и имело отрицательное значение, то упразднение их в период создания округов было, повидимому, необходимо. Хотя вопрос о существовании корпусов отнюдь не противоречил идее создания военных округов, однако, осуществление военно-окружной реформы при условии сохранения корпусов было бы крайне затруднено.

Сохранение корпусов давало бы повод сторонникам прусской системы военного управления ставить вопрос о превращении их в местные органы военного управления по немецкому образцу, а преодолеть это при условии горячих симпатий самого Александра II к «пруссачеству» было бы трудно. Кроме того, именно со стороны корпусных командиров деятельность новых органов местного военного управления встречала бы наиболее сильное сопротивление. Только уничтожив вовсе армейские корпуса как высшую тактическую единицу, можно было осуществить военно-окружную реформу. Серьезным недостатком военно-окружной системы, неизбежным в условиях существования самодержавно-дворянского государства, являлась прямая зависимость командующих войсками военных округов от царя. «Главный начальник военного округа, — говорилось в Положении 6 августа 1864 года, — назначается по непосредственному высочайшему усмотрению»¹. Таким образом, Военное министерство устранилось от подбора кандидатов на столь важный военно-административный пост.

Вследствие того, что «верховное начальствование» над всеми вооруженными силами принадлежало царю, командующие войсками округов чувствовали себя в некоторой степени независимыми от Военного министерства. Эта независимость особенно усиливалась, когда командующий войсками округа являлся одновременно с этим генерал-губернатором.

В заключение необходимо остановиться на сопоставлении военно-окружной системы с организацией местных органов военного управления главнейших европейских стран.

Хотя в проекте военно-окружной реформы Милютин, говоря о необходимости организации военных округов, и указывал на пример Франции, что впоследствии явилось поводом к обвинению его в заимсткова-

---

¹ Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. 2, § 4, стр. 89.

нии французской системы местного военного управления, однако в действительности это было не так.

«Для создания военных округов мы имели уже готовый образец не в иностранных государствах, — писал он, — но в устройстве наших же окраин, где с давнего времени существовала местная военная власть, достаточно самостоятельная не только для обычного в мирное время ведения дел, но и для распоряжений военного времени... власть, объединяющая в себе начальствование и над войсками, полевыми и местными, и над местными органами хозяйственными»¹.

Действительно, военная окружная система отнюдь не была заимствована в каком-либо из европейских государств, особенно во Франции.

Рассмотрим в общих чертах устройство местного военного управления главнейших европейских государств.

Органами местного военного управления во Франции являлась территориальная дивизия, командованию которой подчинялись все войска, расположенные в ее пределах, за исключением артиллерии и инженерных войск, имевших свои специальные округа, не совпадавшие с территориальными дивизиями.

Вся Франция вместе с Алжиром делилась на 25 территориальных дивизий. Дивизии, заключающие в себе несколько департаментов, были разделены на субдивизии, имевшиеся в каждом департаменте.

Высшим звеном местного военного управления являлись командные округа (*commendement du corps d'armée*), во главе которых стояли маршалы, либо старые заслуженные генералы.

Однако роль этих округов была крайне невелика: территориальные дивизии сносились по всем вопросам непосредственно с Военным министерством, командующий же округом ограничивался лишь общим наблюдением за благоустройством войск. По отношению к местным войскам права его были более обширны, нежели в территориальным дивизиям, которые подчинялись ему по строевой части.

Таким образом, «командные округа» представляли собой скорее своеобразные инспекции и совершенно не были похожи на военную окружную систему, введенную в России.

В Пруссии органами местного военного управления являлись территориальные корпусные штабы: командиру корпуса подчинялись все войска, расположенные в районе его дислокации. Однако командир корпуса не сосредоточивал в своих руках всех командных и военно-административных функций.

Корпусные интенданства подчинялись непосредственно Военному министерству и лишь сносились с командирами корпусов по делам, требующим их разрешения. Также независимо от корпусных штабов существовали артиллерийские и инженерные крепостные инспекции.

Австрия в военно-территориальном отношении была разделена на 9 военных округов, начальникам которых были подчинены как все войска, расположенные на территории округа, так и военные учреждения. Но вместе с тем необходимой стройностью эта система местного военного управления не обладала. Так, местные артиллерийские управления не совпадали с военными округами и подчинялись командующему округом лишь при случае, если были расположены на территории округа. Военно-хозяйственные учреждения, провиантские магазины, комиссариатские комиссии, а также госпитали, инвалидные дома и пр.

---

¹ Военные реформы императора Александра II, „Вестник Европы“ № 1, 1882., стр. 26.

подчинялись непосредственно не соответствующему управлению окружного штаба, а строевому начальнику — командиру пехотной бригады, подчинявшемуся в свою очередь командиру дивизии, а через него — командующему округом.

Таким образом, если недостатками французской и прусской территориальной системы являлось разобщение командных и военно-административных функций, то в австрийской, наоборот, наблюдалось смешение их. Вместо соединения этих двух функций в руках командующего округом австрийская территориальная система наделяла строевых командиров несвойственными им обязанностями интендантов, что, вполне понятно, лишало четкости всю систему военного управления.

Сопоставляя устройство местного военного управления различных европейских государств с военно-окружной реформой, мы имеем полное основание утверждать, что наиболее последовательной системой военного управления являлась русская.

Осуществление военно-окружной реформы преследовало не только чисто военные цели, но вместе с тем и политические.

Наряду с задачами децентрализации военного управления и создания условий для более быстрого развертывания армии в случае войны, на военные округа возлагались и задачи борьбы с революционным движением в стране. На командующих войсками военных округов возлагалась непосредственная задача «содействовать гражданским властям во всех тех случаях, когда необходимо участие войск для сохранения порядка и спокойствия в крае»¹.

Говоря о подавлении восстания в Польше в 1863 году, Милютин писал: «Едва ли подавление мятежа могло бы сопровождаться такими постоянными успехами над инсургентами, если бы мы оставались, с одной стороны, при прежней централизации распорядительной власти в Варшаве и Петербурге, а с другой — при прежней раздельности власти корпусных командиров и генерал-губернаторов»². Большинство генерал-губернаторств возглавлялось командующими войсками (из 11 генерал-губернаторов в 1871 г. 8 являлись командующими войсками).

* * *

Наряду с реформой местного военного управления на протяжении 60-х годов происходила и реорганизация Военного министерства, причем осуществление ее находилось в полной зависимости от проведения военно-окружной реформы. «Общая мысль этого преобразования, — писал Милютин, — ... состояла в том, чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным прежде всего слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались более или менее случайно, без общего плана»³. Действительно, необходимость этих преобразований была крайне ощутима, так как в Военном министерстве отсутствовало единство управления и одновременно с этим господствовала доведенная до абсурда централизация.

¹ Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. 2, стр. 93.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 77845, л. 17.

³ Военные реформы императора Александра II, «Вестник Европы» № 1, 1882, стр. 13.

На протяжении пяти лет — с 1862 по 1867 год происходила реорганизация Военного министерства. Разработка нового положения о Военном министерстве осуществлялась также путем широкого обсуждения проекта представителями высшей военной администрации.

Уже в 1862 году были созданы два главных управления: артиллерийское и инженерное, в результате чего соответствующие департаменты и штабы генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора по инженерной части были объединены. Таким образом, все артиллерийские и инженерные части были подчинены Военному министерству, однако эти главные управления попрежнему возглавлялись лицами императорской фамилии.

В начале 1863 года военно-учебные заведения были подчинены Военному министерству, в связи с чем в составе его было создано соответствующее главное управление.

В том же 1863 году была проведена реорганизация департамента генерального штаба. Департамент генерального штаба был объединен с военно-топографическим депо и Николаевской академией генерального штаба с наименованием его главным управлением.

Однако эта реорганизация оказалась недостаточной. Еще в ходе подготовки военно-окружной реформы выяснилась целесообразность объединения на местах функций генерального штаба и инспекторского департамента.

В специальной записке на имя Александра II военный министр указывал на необходимость «устранить слишком специальное одностороннее направление этого ведомства (Генерального штаба. — П. З.) и, сблизив его с войсками, дать офицерам генерального штаба более средств к ближайшему ознакомлению со службой войск, их бытом и потребностями, а с другой стороны, приобрести в них хорошо подготовленных деятелей по всем частям штабной администрации. Этой цели, — продолжал он, — невозможно достигнуть одною теоретической подготовкой офицеров, к ней можно прийти только соответственным устройством самих штабов посредством устранения той резкой раздельности частей квартирмейстерской и дежурства, которая заключает деятельность офицеров Генерального штаба в тесный круг настоящих их специальных обязанностей»¹.

Эта записка была одобрена Александром II, в соответствии с чем и организованы окружные штабы.

Вполне естественно, что в связи с этим неизбежно был поставлен вопрос о дальнейшей реорганизации генерального штаба.

С начала 1866 года главное управление генерального штаба и инспекторский департамент были объединены в одно управление под названием Главного штаба. «Учреждение это, — писал Милютин, — в составе Военного министерства получило значение, вполне соответствующее общему понятию о штабах — армий, округов, корпусов и т. д., т. е. о таких учреждениях, которые ведают все вообще дела по составу войск, устройству их и службе...»².

Действительно, все вопросы, связанные с управлением войсками, концентрировались в Главном штабе. В положении о Военном министерстве 1 января 1869 года указывалось, что в Главном штабе сосредотачиваются «1) полные сведения о войсках... 2) дела по личному со-

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 26120, л. 1.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7846, стр. 233.

ставу и комплектованию войск... 3) дела по устройству, службе, размещению, образованию и хозяйству войск...»¹.

Вместе с тем Главный штаб составлял дислокацию войск «сообразно стратегическим, хозяйственным и служебным видам»².

Кроме того, Главный штаб ведал всеми геодезическими работами военного ведомства, военно-статистическими описаниями, а также и сбором разведывательных данных.

Главный штаб состоял из шести отделений, а также азиатской и судной части. Азиатская часть представляла собой своеобразный азиатский департамент Военного министерства. В ней концентрировалась переписка по дипломатическим вопросам с Министерством иностранных дел, касающаяся азиатских стран, деятельности военных агентов и т. д. В судной части сосредоточивалась переписка по происшествиям, по различным денежным претензиям, по привлечению к судебной ответственности чинов Главного штаба и другим вопросам.

При Главном штабе находился военно-топографический отдел, заведовавший всеми астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами военного ведомства, а также военно-учебный комитет, назначение которого состояло «в направлении ученой деятельности генерального штаба и корпуса топографов по всем отраслям, составляющим их специальность, а равно в содействии развитию военного образования в армии и грамотности в войсках»³.

Наконец, Главному штабу была непосредственно подчинена и Николаевская академия генерального штаба.

В связи с созданием Главного штаба был упразднен Главный штаб е. и. в., а императорская главная квартира получила самостоятельное значение, сохранившись в составе Военного министерства, хотя попрежнему роль ее в военном управлении была равна нулю.

Императорская главная квартира представляла собой своеобразное придворное учреждение, функционировавшее во время различных поездок царя, а также и во время пребывания его на театре военных действий.

Объединение департаментов генерального штаба и инспекторского имело положительное значение: тем самым ликвидировалась разобщенность генерального штаба и войск и искусственное деление оперативных функций штабов на квартирмейстерства и дежурства.

Однако правильная в принципе мысль получила не совсем верное осуществление на практике. Анализируя структуру Главного штаба, нетрудно установить, что функции собственно генерального штаба занимали в нем очень небольшое место. Лишь одно из шести его отделений ведало крайне разнообразными вопросами, связанными с деятельностью генерального штаба.

В 1864 году были ликвидированы провиантский и комиссарский департаменты, а вместо них создано главное интендантское управление.

В 1868 году преобразование Военного министерства было закончено, и 1 января 1869 года издано новое Положение, подробно определявшее права и обязанности как министерства в целом, так и отдельных его управлений.

По новому Положению, Военное министерство состояло из следующих частей: императорской Главной квартиры, военного совета, глав-

---

¹ Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. 1, 1869, стр. 21.

² Там же.

³ Там же, стр. 25.

ного военного суда, канцелярии Военного министерства, Главного штаба и семи главных управлений.

Не останавливаясь на характеристике императорской Главной квартиры и Главного штаба, осветим вкратце функции перечисленных нами составных частей Военного министерства.

Права военного министра были значительно расширены. Если ранее, как говорилось уже выше, значительная часть войск непосредственно не подчинялась военному министру, то теперь он являлся главным начальником всех отраслей военно-сухопутного управления, однако, как и прежде, по ряду вопросов, находившихся в ведении военного совета, руководил не единолично, а лишь как его председатель.

Военный совет также претерпел некоторые изменения. Как состав, так и его функции были расширены. Помимо решения законодательных и хозяйственных вопросов, военному совету было подведомственно также и инспектирование войск, осуществлявшееся его членами. При военном совете состоял ряд комитетов: главный военно-кодификационный, ведавший подготовкой свода военных постановлений и предварительным рассмотрением законодательных проектов, рассматривавшихся в военном совете; главный комитет по устройству и образованию войск, занимавшийся вопросами внутреннего управления, снаряжения, вооружения войск, а также строевого обучения и «умственного развития» их; главный военно-учебный комитет, обсуждавший педагогические вопросы, связанные с деятельностью военно-учебных заведений; главный военно-госпитальный комитет, в котором сосредоточивалось обсуждение дел, относящихся к устройству и усовершенствованию военно-лечебных заведений и военно-врачебной администрации; и наконец, главный военно-тюремный комитет, в котором сосредоточивалось наблюдение за местами заключения военного ведомства.

Главному военному суду принадлежала власть верховного кассационного суда.

Функции канцелярии Военного министерства оставались те же, однако структура ее приобрела большую четкость.

Переходя к характеристике главных управлений, необходимо сказать, что по сравнению с директорами департаментов права начальников управлений были несколько расширены.

Еще в начальный период реорганизации Военного министерства, в 1864 году, начальник канцелярии ген. К. П. Кауфман, по указанию Милютина, разослал всем главным начальникам главных управлений и директорам департаментов циркулярное отношение, в котором, характеризуя многочисленные функции Военного министерства, просил в соответствии с предложениями министра представить свои соображения о расширении прав руководителей отдельных управлений.

Сообщая об этом, Кауфман писал: «... При таком составе министерства и при необходимости увеличения прав каждого из начальников сих управлений назначение товарища военного министра становится уже невозможным.

Между тем Военное министерство по разнообразию и важности лежащих на нем обязанностей, по обширности всего личного состава, по той напряженной деятельности, которая постоянно требуется от него, ...не может быть сравнимо с другими министерствами.

Что касается военного министра, то всегда обширные его занятия еще более усложнились со времени присоединения к министерству штабов генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектора по инженерной части, а в особенности военно-учебных заведений. Военный министр

имеет много таких обязанностей, которые не лежат на других министрах.

Следовательно, если признано нужным иметь товарищей при других министрах, то подавно нельзя отказать военному министру в средствах облегчения и сокращения его занятий. Это средство исключительно в предоставлении его главным помощникам тех же прав, которые в других министерствах предоставлены товарищам, иначе говоря, у военного министра должен быть не один товарищ, а столько товарищей, сколько составных частей министерства»¹.

Действительно, по новому Положению, должности товарища министра не было предусмотрено. Нам представляется, однако, что отсутствие должности товарища министра не обуславливалось только увеличением прав начальников управлений. Более вероятно, что причина этого заключалась в личных качествах военного министра, отличавшегося большим властолюбием и не желавшего иметь товарища, который в какой-то мере являлся бы его заместителем. Эта черта военного министра являлась причиной того, что ближайшими его помощниками были большей частью бесцветные личности. Люди же способные, как, например, Обручев — фактический помощник министра, занимали крайне скромное официальное положение.

Перейдем к характеристике основных функций главных управлений. Главное интендантское управление ведало обеспечением войск и военных учреждений всеми видами денежного, вещевого и провиантского довольствия.

При главном интендантском управлении находились Технический комитет и «Музеум».

Технический комитет занимался как вопросами разработки правил приема и хранения вещей и продовольствия, так и технической оценкой и экспертизой их качества.

В «Музеуме» были сосредоточены все образцы обмундирования и снаряжения как русской армии (современного и существовавшего ранее), так и принятых в иностранных войсках.

В главных артиллерийском и инженерном управлениях сосредоточивались «инспекторская, техническая, ученая, учебная и хозяйственная части»².

Если ранее артиллерийские и инженерные части подчинялись лишь генерал-фельдцеймстеру и генерал-инспектору по инженерной части, то по новому Положению они, так же как и все войска, были подведомственны военному министру. Личным составом артиллерийских и инженерных частей, а также их размещением и подготовкой ведал непосредственно Главный штаб.

Этим главным управлениям подчинялись непосредственно специальные военно-учебные заведения: артиллерийская и инженерная академии и соответствующие военные училища.

При главном артиллерийском управлении состоял артиллерийский комитет, который ведал обсуждением вопросов, касавшихся теории, техники и практики артиллерии и ручного оружия, новых изобретений в этой области, а также распространением научных знаний среди офицеров артиллерии.

---

¹ Ленинградский филиал ЦГВИА, ф. главного управления военно-учебных заведений, д. № 16 за 1864 г. Циркулярное отношение начальника канцелярии Военного министерства от 30 января 1864 г. № 1026.

² Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. 1, стр. 31.

Инженерный комитет, находившийся при главном инженерном управлении, обладал аналогичными артиллерийскому комитету функциями.

Начальниками главных артиллерийского и инженерного управлений являлись: первого — генерал-фельдцейхмейстер, а второго — генерал-инспектор по инженерной части. Генерал-фельдцейхмейстером числился наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич, генерал-инспектором по инженерной части — вел. кн. Николай Николаевич, командовавший войсками Петербургского военного округа.

Фактически возглавляли указанные главные управления так называемые товарищи ген.-фельдцейхмейстера и ген.-инспектора по инженерной части, избравшиеся своими шефами по согласованию с военным министром.

Главное военно-медицинское управление ведало вопросами санитарного обслуживания во всех частях военного ведомства, обеспечением госпиталей медикаментами, а также личным составом медицинского, ветеринарного персонала и фармацевтов. Несмотря на то, что госпитали были изъяты из подчинения комиссариатского департамента, они не были подчинены в административно-хозяйственном отношении военно-медицинскому ведомству. «...я, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях», — не разделял того мнения, будто бы управление госпиталем и ведение в нем хозяйства составляют прямую задачу медицинской специальности. Мне казалось, что, напротив того, самые знаменитые врачи бывают плохими администраторами и что диплом лекарский или докторский не есть еще гарантия исправной и добросовестной служебной деятельности. Не раз высказывал я самим врачам, — продолжал он, — что устранение их от прямого заведывания хозяйственной частью госпиталей и лазаретов желательно в их собственных интересах: через это облагораживается личное значение врача в глазах прочих служащих и самих больных»¹.

В соответствии с этим главному управлению была вверена лишь медицинская часть, в административно-хозяйственном отношении госпитали находились в ведении окружного начальника госпиталей, подчинявшегося непосредственно командующему войсками.

Едва ли подобная мера была правильна, так как вручение административной власти в госпиталях лицам, не имевшим никакого отношения к медицине, отнюдь не способствовало правильной постановке дела в лечебных заведениях.

Главному военно-медицинскому управлению подчинялась Медико-хирургическая академия. При нем также состоял Военно-медицинский ученый комитет, являвшийся высшим совещательным учреждением «для обсуждения и окончательного заключения по всем важнейшим делам, относящимся к военно-медицинской части, в врачебно-ученом, медико-полицейском и судебно-медицинском отношениях»².

В ведении главного управления военно-учебных заведений находились все военно-учебные заведения, за исключением специальных.

В отношении юнкерских училищ главное управление руководило лишь в учебном отношении, непосредственное руководство ими возлагалось на командующих военными округами.

Педагогический комитет, состоявший при главном управлении, занимался всеми учебно-методическими и педагогическими вопросами.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 333—334.

² Свод военных постановлений изд. 1869 г., ч. 1, кн. 1, стр. 41.

В главном управлении иррегулярных войск были сосредоточены все дела, касавшиеся военного и гражданского устройства казачьих войск и обеспечения их оружием, а также и предметами интендантского довольствия.

Таким образом, по своему характеру главное управление иррегулярных войск значительно отличалось от прочих главных управлений, сосредоточивая в себе как военные, так и гражданские функции, относившиеся ко всему населению казачьих областей. При главном управлении состоял комитет иррегулярных войск, занимавшийся рассмотрением всех законодательных и хозяйственных вопросов, касавшихся «военного и гражданского быта казачьих войск».

Главное военно-судное управление ведало всем делопроизводством главного военного суда, вопросами военно-судного законодательства, личным составом военно-судебного ведомства и, наконец, военно-юридическими учебными заведениями. Начальником военно-судного управления являлся главный военный прокурор, подчинявшийся военному министру.

Помимо перечисленных основных частей Военного министерства, к нему принадлежали: управления генерал-инспектора кавалерии и инспектора стрелковых батальонов, а также комитет о раненых.

Созданием этих двух управлений имелось в виду обеспечить единообразие боевой подготовки кавалерии и стрелковых батальонов (инспектирование артиллерийских и инженерных частей, как говорилось выше, возлагалось на соответствующие главные управления).

Однако назначение на эти должности лиц императорской фамилии отнюдь не обеспечивало задач, стоящих перед генерал-инспекторами, а, наоборот, осложняло лишь работу Военного министерства. Назначенный на должность генерал-инспектора кавалерии великий князь Николай Николаевич принес немало хлопот военному министру, стремясь осуществлять не инспектирование, а командование кавалерийскими частями.

«... Великий князь, — писал Милютин, — по своему характеру и привычкам не держался строго в рамках Положения и вместо роли инспектора стал действовать как начальник: отдавал «приказы» по кавалерии, забрал в свои руки все назначения, часто распоряжался даже помимо прямого, т. е. военно-окружного начальства. Сдерживать генерал-инспектора в пределах, указанных Положением, было делом весьма щекотливым»¹.

Инспектор стрелковых батальонов герцог Мекленбург-Стрелицкий, женатый на дочери великого князя Михаила Павловича, не только не выполнял возложенной на него задачи, а, наоборот, всячески мешал Военному министерству. Являясь убежденным сторонником прусских военных порядков, он, вопреки здравому смыслу, пытался заменить русские штыки прусскими тесаками и на этом сосредоточивал всю свою энергию. По словам Милютина, он не мог «допустить, чтобы у нас что-либо было лучше, чем в прусской армии»².

Таким образом, обе эти должности, занимавшиеся лицами императорской фамилии, не приносили не только никакой пользы, а, наоборот, доставляли Военному министерству много хлопот.

Такова была структура Военного министерства по новому Положению, окончательно утвержденному 1 января 1869 года. Осуществленная

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7845, стр. 323—324.

² Дневник Д. А. Милютина, т. 1. М., 1947, стр. 147.

реформа, сосредоточив в руках Военного министерства все нити военного управления, значительно упорядочила и упростила его.

Создание в военных округах военно-окружных управлений, соответствующих главным управлениям Военного министерства, дало возможность ликвидировать чрезмерную централизацию отдельных отраслей управления, сосредоточив в министерстве лишь общее руководство.

По новым штатам, введенным в действие еще в 1867 году, состав Военного министерства был значительно сокращен. Так, по этим штатам количество офицеров в составе министерства уменьшилось на 327 человек, а солдат — на 607 человек.

По данным, приводимым Милютиным, значительно сократился и объем переписки: если в 1863 году количество входящих бумаг равнялось 446.044, а исходящих — 332.796, то в 1872 году соответственно 260.179 и 203.034. В 1875 году переписка еще сократилась: входящих бумаг — 244.291, исходящих — 186.882¹.

Все это, бесспорно, указывало на упрощение аппарата, а также предоставление большей инициативы местным органам, вследствие чего целый ряд вопросов решался непосредственно в военно-окружных управлениях.

По сравнению с дореформенным устройством в области централизации военного управления был сделан значительный шаг вперед: военный министр сосредоточивал в своих руках все нити военного управления, однако войска не находились в полном его подчинении, так как начальники военных округов зависели непосредственно от царя, который и возглавлял верховное командование вооруженными силами.

Хотя все представления начальников военных округов царю должны были направляться через Военное министерство, повседневно мелочное вмешательство самодержавной власти в дела военного управления отнюдь не устранялось.

К тому же наличие должностей генерал-фельдцейхмейстеров и генерал-инспекторов по инженерной части, замещавшихся лицами императорской фамилии и пользовавшихся относительной самостоятельностью, также в существенной степени ограничивало централизацию управления.

Наряду с этими общими недостатками, организация центрального военного управления содержала в себе и ряд других слабых сторон.

Во-первых, структура Главного штаба была разработана таким образом, что функциям собственно генерального штаба отводилось немного места, что, естественно, не могло не оказывать влияния на разработку ряда специальных вопросов. Во-вторых, подчинение главного военного суда и главного военного прокурора военному министру означало подчинение судебных органов представителю исполнительной власти, что являлось шагом назад даже по сравнению с дореформенным устройством. В-третьих, как указывалось уже выше, подчинение лечебных заведений не главному военно-медицинскому управлению, а отдельным строевым командирам, каковыми являлись начальники местных войск, отрицательно влияло на постановку лечебного дела в армии.

В заключение сопоставим организацию Военного министерства в России с устройством центрального военного управления в главнейших европейских странах.

---

¹ Военные реформы императора Александра II, „Вестник Европы“ № 1, 1882, стр. 18.

В Пруссии верховное командование армией принадлежало королю. Высшее военное управление сосредоточивалось в трех инстанциях: военном министерстве, главном генеральном штабе (Grosser Generalstab) и военном кабинете короля.

Военное министерство по существу ведало лишь хозяйственными функциями, организацией армии, комплектованием и в известной степени личным составом офицерских кадров, назначения и перемещения которых производились королем через военный кабинет.

Главный генеральный штаб, не зависевший от военного министерства, ведал всеми вопросами, связанными с подготовкой к военным действиям (планы мобилизации и сосредоточения армии, изучение вероятных театров войны, собирание разведывательных данных и т. д.).

Начальник генерального штаба предназначался в военное время на должность начальника штаба армии.

Разделение функций военного управления между военным министром и начальником генерального штаба объяснялось, по словам одного из немецких военных деятелей Бронсар-фон-Шелленсдорфа, автора исследования о немецком генеральном штабе, тем, что «только в редчайших случаях можно найти человека, сочетающего в себе необходимые качества военного министра и начальника генерального штаба и в одинаковой степени обладающего способностями военного организатора и полководца»¹.

Военный кабинет короля ведал офицерским корпусом, зависимость которого от военного министра была крайне слабой².

Наконец, непосредственно королю подчинялся институт генерал-инспектора различных родов войск. Таким образом, высшее военное управление в Пруссии не было централизовано.

В Австрии верховное командование армией принадлежало императору, а управление ею — трем соперничавшим инстанциям: генерал-адъютантуре (военный кабинет), главнокомандующему и военному министру. Функции между этими инстанциями были слабо разграничены. Наибольшей властью пользовался главнокомандующий, функции которого выполнял эрцгерцог. Военное министерство сосредоточивало в своих руках в основном хозяйственные обязанности.

Императору принадлежало право назначения генералов, штаб-офицеров и шефов полков (Inhaber), пользовавшихся огромной властью по отношению к своим подшефным частям в пехоте и кавалерии и нарушавшим принципы воинского единоначалия. Шефы полков, назначавшиеся из числа старших генералов, имели право принимать командование подшефной частью, а в пехоте и кавалерии производить самостоятельно в чины до капитана включительно.

Наконец, генерал-адъютантура, являвшаяся военным кабинетом императора, во главе которой стоял первый генерал-адъютант, обладала относительно большими правами. Через генерал-адъютантуру объявлялись императорские повеления относительно армии, а также сосредоточивались все сведения, касавшиеся состояния войск.

Наибольшей централизацией отличалось высшее военное управление во Франции. Несмотря на то, что верховное командование войсками принадлежало императору, все функции по военному управлению и командованию войсками сосредоточивались в военном министерстве.

---

¹ Bronsart von Schellensdorff. Dienst des Generalstabes, Berlin, 1875, s. 24.

² Позднее, с 1883 года, Военное министерство было вовсе отстранено от руководства офицерским корпусом.

Таким образом, сопоставляя систему высшего военного управления в главнейших европейских странах, необходимо сказать, что за исключением Франции, наибольшая централизация, возможная в условиях монархического образа правления, была в России.

Новая система высшего военного управления, при всех ее недостатках, все же являлась шагом вперед, особенно при сопоставлении ее с центральным военным управлением в Пруссии и Австрии.

* * *

Не ставя своей задачей всестороннее исследование военно-судебной реформы, осветим лишь основные положения ее. Организация военного суда по уставу 1839 года устраняла по существу судебные органы от управления основных судебных функций, передавая их целиком в руки военного начальства. Возбуждение следствия, предание суду, а также и утверждение приговоров являлось по закону компетенцией военного начальства. Если учесть отсутствие права обжалования приговоров как в апелляционном, так и в кассационном порядке, а также и отсутствие сторон в процессе, т. е. обвинения и защиты, то без преувеличения можно сказать, что решение судебных дел по существу производилось административным порядком.

Кроме того, надо сказать, что все пороки дореформенного гражданского суда с его теорией формальных доказательств, безграмотностью судей, волокитой, произволом и беззастенчивым взяточничеством были присущи и военному суду.

В докладе 15 января 1862 года указывалось на необходимость реорганизации военного суда и изменения принципов судопроизводства. Эти изменения должны были, как говорилось в докладе, предоставить военным судам «полную самостоятельность, изъяв приговоры их от влияния воинских начальников»¹, установить состязательность процесса, «сократить письменное производство следствий, заменив оное гласным и публичным производством в присутствии суда»².

Меры, намечавшиеся в докладе, соответствовали основным положениям подготовлявшейся реформы гражданского суда.

Преобразования военного суда определялись стремлением царизма приспособить органы военной юстиции к новым историческим условиям, характеризовавшимся обострением классовой борьбы.

«Начавшиеся в 1862 году, — писал Милютин, — прискорбные проявления превратных политических идей между молодыми офицерами, некоторые случаи вредной пропаганды между нижними чинами, а затем вспыхнувший польский мятеж вызвали аудиторiatское ведомство на новое, мало ему знакомое поле деятельности — разбор дел политических»³.

Именно это обстоятельство — стремление приспособить военные суды к разбору дел, связанных с революционным движением в армии, — явилось основной причиной, обусловившей военно-судебную реформу.

Комиссия для подготовки военно-судебной реформы была создана в конце 1862 года из представителей военного и морского ведомства, под председательством ген.-ад. Крыжановского.

Этой комиссии было предложено «основные положения будущего

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 1, л. 43.

² Там же, л. 43—44.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7844, стр. 313—314.

военно-уголовного судопроизводства по возможности согласовать с высочайше утвержденными 29 сентября 1862 года основными положениями преобразования судебной части в России, допуская отступление от них только в тех случаях, где они оправдываются необходимостью или пользою военной или морской службы»¹.

Наряду с подготовкой военно-судебной реформы, в 1863 году в связи с законом 17 апреля были отменены в армии наказания шпицрутенами и прогнание через строй. Наказания розгами были уменьшены и сохранены в качестве временной меры, якобы «впредь до устройства в военном ведомстве мест заключения»².

В конце 1863 года проект основных положений преобразования военно-судной части совместно с поступившими на него замечаниями был рассмотрен в особом совещании под председательством генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича, при участии военного министра, министра юстиции и управляющего Морским министерством.

После рассмотрения «основных положений» проекта он был утвержден Александром II в ноябре 1865 года. В течение полутора лет — до мая 1867 года — производилось составление подробного проекта устава военно-уголовного судопроизводства и судопроизводства, а также и обсуждение его в особом комитете под председательством вел. кн. Константина Николаевича.

Комитет этот состоял из следующих членов: председателя департамента законов Гос. совета барона Корфа, военного министра Милютина, министра юстиции Замятина, управ. морским министерством ген.-ад. Краббе, члена морского генерал-аудиториата Глебова и генерал-аудитора Философова. Вскоре состав комитета был пополнен новыми членами: вел. кн. Николаем Николаевичем и ген.-ад. кн. Суворовым, кн. Долгоруковым, ген. Гринвальдом и гр. Адлербергом 2-ым; последние трое членов резко выступали против ряда основных положений проекта.

Так, кн. Долгоруков и ген. Гринвальд выступали решительно против включения полковых судов в общую систему военно-судебной организации. По мнению кн. Долгорукова, «полковой суд есть не что иное, как совещательный при полковом командире комитет»³, так как иначе это будет умалять значение командира. Гр. Адлерберг выступал против предоставления права обжалования в кассационном порядке приговоров военно-окружных судов. Весь смысл этих возражений заключался в стремлении незыблемо сохранить феодальные порядки в армии.

15 мая 1867 года проект военно-судебного устава был утвержден царем и получил силу закона.

Военно-судебный устав устанавливал три рода военно-судебных инстанций: полковые суды, военно-окружные суды и главный военный суд в Петербурге.

Полковые суды учреждались в каждом полку, а также других частях войск, начальники которых пользовались властью полковых командиров.

Полковой суд состоял из трех человек: председателя — штаб-офицера и двух членов — обер-офицеров.

Состав полкового суда назначался командиром полка.

«Ведомству полковых судов, — указывалось в военно-судном

---

¹ Военно-судебная реформа, „Военный сборник“, кн. 8, 1867, стр. 226.

² Эта „временная“ мера просуществовала свыше 40 лет, и телесные наказания были отменены в армии лишь в 1904 г.

³ «Столетие Военного министерства», т. XII, кн. I, ч. II, СПб., 1914, стр. 303.

уставе, — подлежат дела о нижних чинах как пользующихся, так и не пользующихся особыми правами по происхождению, воспитанию или службою приобретенными, в случае содеяния ими преступлений или проступков, за которые по закону определяются только исправительные наказания, не влекущие за собою: для первых — лишения или ограничения особых прав и преимуществ, а для последних — отдачи в военно-исправительные роты и других, более тяжких наказаний»¹.

Следовательно, полковые суды рассматривали дела, аналогичные мировому суду.

Дела в полковом суде слушались лишь по приказу командира полка.

Приговор полкового суда утверждался командиром полка, который имел право в пределах представленной ему дисциплинарной власти усилить или смягчить наказание. В случае же несогласия его с приговором суда последний направлялся им на рассмотрение военно-окружного суда.

В случае же утверждения приговора он считался окончательным и не подлежал пересмотру ни в апелляционном, ни в кассационном порядке.

Процесс судопроизводства в полковом суде исключал состязательность: обвиняемый не имел права приглашать защитника.

Таким образом, полковой суд находился по существу в полном подчинении командира части.

Военно-окружные суды создавались при каждом военном округе. Кроме того, для решения дел в местах, отдаленных от штаба военного округа, по приказу командующего войсками могли открываться и временные военные суды с правами военно-окружного суда.

Военно-окружной суд состоял из постоянных и временных членов. Постоянные члены (председатель суда и военные судьи) назначались военным министром по представлению главного военно-судного управления.

Как председатель, так и постоянные члены суда должны были обладать специальным юридическим образованием. Председателем военно-окружного суда должны были быть лица, находившиеся в штаб-офицерском звании, членами суда могли быть либо офицеры, либо чиновники военного ведомства.

Временные члены из числа строевых штаб- и обер-офицеров назначались командующим войсками в порядке очередности. Срок работы временных судей определялся в шесть месяцев.

Временные члены военно-окружного суда представляли собой своеобразных присяжных заседателей. При каждом военно-окружном суде учреждалась должность военного прокурора.

Временный военный суд состоял из одного постоянного члена, выполнявшего функции его председателя, назначаемого из числа судей военно-окружного суда, и нескольких временных членов. Как председатель, так и постоянные члены военно-окружных судов не пользовались по существу принципом несменяемости. Как перевод их, так и увольнение осуществлялись военным министром, в последнем случае по постановлению главного военного суда.

Военно-окружному суду были подведомственны все дела о генералах, штаб- и обер-офицерах, чиновниках военного ведомства, а также и «нижних чинах», независимо от прав по происхождению, влекущие для последних либо лишение или ограничение прав и преимуществ, либо от-

---

¹ Полное собрание законов, собрание 2-е, т. 42, № 44576, ст. 260.

дачу в военно-исправительные роты, а также более тяжкие наказания.

Кроме того, военно-окружному суду были подсудны дела о «нижних чинах», подлежавшие разбору по характеру их в полковых судах, если наряду с обвинением предъявлялся иск свыше ста рублей.

Наконец, военно-окружной суд рассматривал и дела, поступавшие из полкового суда в случае несогласия командира полка с приговором.

Возбуждение следствия зависело исключительно от военного начальства.

Отдача под суд решалась также военным начальником (командиром части). Если командир части считал целесообразным отдачу под суд, а военный прокурор не находил состава преступления, то прокурор не имел права возражать, и дело передавалось на рассмотрение суда. Если же, наоборот, командир части возражал против передачи дела в суд, а военный прокурор настаивал, то последний передавал этот вопрос на рассмотрение вышестоящего военного начальства вплоть до командующего войсками включительно. В случае несогласия командующего войсками вопрос о передаче дела в суд решался главным военным судом.

В судебном заседании военно-окружного суда должны были присутствовать не менее одного постоянного члена и шести временных. Процесс судопроизводства предполагал состязательность — выступления военного прокурора и защитника.

Обвиняемым было предоставлено право отвода судей. Как следствие, так и процесс суда осуществлялись в основном на принципах буржуазного судопроизводства.

В вынесении приговора участвовали на равных основаниях как постоянные, так и временные члены.

По окончании судебного заседания председатель суда составлял вопросный лист по отдельным пунктам обвинения. В судебном совещании члены суда выражали устно свое мнение по тому или иному вопросу, начиная с младшего по чину.

«При разделении голосов, — указывалось в военно-судебном уставе, — на два или более мнений за основание решения принимается то из них, которое соединяет в себе наиболее голосов. При равенстве их отдается предпочтение мнению, принятому председателем суда, а если мнения разделились так, что голос председателя не может дать перевеса, то тому из равносильных по числу голосов мнений, которое снисходительнее к участи подсудимого»¹.

Приговор военно-окружного суда считался окончательным и подлежал обжалованию лишь в кассационном порядке.

Третьей инстанцией военного суда являлись главный военный суд и его отделения. Главный военный суд создавался для «высшего заведования» военно-судной частью в качестве «верховного кассационного суда». Главный военный суд находился при Военном министерстве, в Петербурге.

Председатель и члены главного военного суда назначались непосредственно парем из числа генералов. Функции главного военного суда заключались в следующем: 1) обсуждение дел в связи с кассационными жалобами и протестами; 2) рассмотрение дел «по просьбам и представлениям о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам приговоров, вошедших в законную силу»², 3) решения о предании суду в опре-

¹ Полное собрание законов, собрание 2-е, т. 42, № 44575, ст. 827.

² Там же, ст. 942.

деленных законом случаях, т. е. лиц, находящихся в генеральском звании, по преступлениям по должности; 4) обсуждение законодательных вопросов военно-судебного ведомства, в том числе и законов о наказаниях и взысканиях; 5) наложение дисциплинарных взысканий на лиц военно-судебного ведомства. При главном военном суде состоял главный военный прокурор, являвшийся начальником главного военно-судебного управления. Главный военный прокурор подчинялся военному министру.

Помимо перечисленных выше судебных учреждений, в случае войны при полевом штабе армии учреждался полевой главный военный суд с правами главного военного суда.

Полевой главный военный суд должен был состоять из двух членов главного военного суда, назначаемых по «высочайшему соизволению», и трех членов из числа председателей военно-окружных судов, военных судей или военных прокуроров, назначаемых военным министром.

В случае необходимости при отдельных корпусах или отрядах могли создаваться временные полевые военные суды или присутствия полевого главного военного суда.

Полевой главный военный суд, как и его присутствия, а также временные полевые суды подчинялись главнокомандующему армией на тех же основаниях, как главное военно-судное управление подчинялось военному министру.

Подсудности полевого главного военного суда подлежали, помимо военнослужащих, и лица гражданского ведомства в местностях, объявленных на военном положении, а также население неприятельских областей, оккупированных войсками.

Необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о производстве суда по так называемым «государственным преступлениям», чему уделялось значительное место в уставе. Это было связано с ростом революционного движения в стране после отмены крепостного права. Военному суду по «государственным преступлениям» были подсудны лишь военнослужащие. Судопроизводство по этим «преступлениям» должно было осуществляться либо в обыкновенном военном суде, либо в особом военном суде или, наконец, при особой важности «преступления», в Верховном уголовном суде.

Предварительное следствие по «государственным преступлениям» должно было вестись непосредственно либо членом военно-окружного суда и военным прокурором, либо особой следственной комиссией, состоящей из одного генерала, двух штаб-офицеров и военного следователя.

Особый военный суд составлялся из председателя, назначаемого непосредственно царем, из членов главного военного суда, и четырех генералов и двух штаб-офицеров, назначаемых военным министром. Прокурорские обязанности должны были исполняться в суде лицом, назначаемым непосредственно военным министром из числа членов прокурорского надзора.

Таково основное содержание военно-судебного устава.

Введение в действие новых судебных учреждений производилось постепенно: в 1867 г. были открыты военно-окружные суды в Петербургском и Московском военных округах, в 1868 г. — в Харьковском и Одесском, в 1869 г. — в Виленском и Киевском, в 1870 г. — в Кавказском, в 1871 г. — в Казанском. В Варшавском округе военный окружной суд был открыт в 1874 г., в Оренбургском округе — в 1878 г., в Туркестанском — в 1886 г., в Омском, Иркутском и Приамурском — в 1889 г.

Одной из составных частей военно-судебной реформы являлся воинский устав о наказаниях, утвержденный 5 мая 1868 г.

Воинский устав о наказаниях подразделялся на следующие разделы: «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной», «О нарушениях обязанностей службы во время военных действий», «О преступлениях и проступках, общих военнослужащим с лицами гражданского звания независимо от службы» и «О наказаниях, содержащихся в военно-исправительных ротах».

Воинский устав о наказаниях устанавливал два вида наказаний — уголовные и исправительные. К уголовным наказаниям относились: смертная казнь с лишением всех прав состояния и без лишения таковых, ссылки на каторжные работы и поселение с лишением всех прав состояния, а также заключение в крепости.

Исправительные наказания определялись в зависимости от сословной принадлежности: «для офицеров, гражданских чиновников военного ведомства и нижних чинов, пользующихся особыми правами состояния и не состоящих на срочной службе»¹ и «для нижних чинов, состоящих на срочной службе, и всех прочих нижних чинов, не пользующихся особыми правами состояния»².

Для первой группы исправительные наказания составляли: 1) ссылку в Сибирь или другие отдаленные губернии с исключением со службы, лишением чинов и потерю сословных прав и преимуществ; 2) временное заключение в крепости или смиренном доме с увольнением со службы без лишения чинов и с потерей лишь некоторых прав и преимуществ; 3) временное заключение в крепости с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе; 4) временное заключение в тюрьме гражданского ведомства с увольнением от службы; 5) содержание на гауптвахте с ограничением некоторых прав и без ограничения их; 6) денежные взыскания. Кроме того, для этой группы предусматривались также и следующие наказания: увольнение от службы, разжалование в рядовые, отрешение от должности.

Для второй группы исправительные наказания состояли: 1) в направлении на определенный срок в военно-исправительные роты или заключении в военной тюрьме с лишением некоторых прав либо без ограничения в правах; 2) в денежных взысканиях; 3) в лишении нашивков за беспорочную службу и перевод в разряд штрафованных³.

Таким образом, в воинском уставе о наказаниях сохранялся феодальный принцип определения наказаний в зависимости от сословной принадлежности.

Во втором разделе устава определялись наказания за те или иные воинские преступления как в мирное, так и в военное время. Наиболее тяжелое наказание определялось за неповиновение, т. е. неисполнение приказаний командира. В мирное время виновные подлежали ссылке на каторжные работы сроком от 4 до 12 лет, в военное время — расстрелу. Отягчающим вину обстоятельством считалось «совершение преступления или проступка в строю или перед фронтом, или в присутствии нижних чинов, или собравшегося народа»⁴.

---

¹ Воинский устав о наказаниях. Полное собрание законов, собрание 2-е, т. 43, № 45813, ст. 4.

² Там же, ст. 5.

³ Находящиеся в разряде штрафованных подвергались телесным наказаниям.

⁴ Воинский устав о наказаниях, ст. 88.

Специальная глава была посвящена наказаниям за нарушение обязанностей в карауле.

За несоблюдение особых обязанностей караульной службы в мирное время офицеры подлежали разжалованию в рядовые и заключению в крепости, солдаты — заключению в военной тюрьме. В военное время «в виду неприятеля», т. е. на театре военных действий, это преступление каралось смертной казнью.

Серьезные наказания определялись за преступления по должности. Так, злоупотребление в корыстных целях при тех или иных интендантских заготовлениях каралось лишением всех прав и ссылкой на поселение в Сибирь.

Особенно тяжелые наказания определялись «за нарушение обязанностей службы во время военных действий». Так, «команда, нарушившая приказание начальника и оставившая назначенное ей место без боя, или положившая оружие перед неприятелем, или сдавшаяся в плен, не исполнив своей обязанности по долгу присяги, почитается явно восставшей против начальства, и все главные виновники или зачинщики и сообщники, а также старшие в звании или чине... приговариваются... к смертной казни с позорным лишением воинской чести»¹. Остальные же подвергались различным наказаниям. Смертной казни подлежали лица, потерявшие в бою знамя. Новый воинский устав о наказаниях исключал применение принципа децимации (наказания по жребию) при совершении преступления большой группой лиц, имевшее место в уставе 1839 года.

Такова вкратце характеристика воинского устава о наказаниях.

Военно-судебная реформа встретила отрицательное отношение со стороны реакционной части генералитета и офицерства. В качестве примера можно привести записку ген.-м. Черткова, написанную им за несколько месяцев до окончательного утверждения проекта военно-судного устава.

В своей записке он указывал, что «проводимые в проекте начала положительно опасны и могут потрясти дисциплину, субординацию и единство в войске»². Существенным и основным недостатком проекта, по мнению Черткова, было предоставление излишней самостоятельности военным судам.

В таком же духе выступала и реакционная газета «Русский мир», опубликовавшая в ноябре 1871 года ряд статей, в которых доказывалось, что рост преступности в армии явился прямым результатом военно-судебной реформы, приведшей к разделению командной власти и власти военно-судебной: «...судья ли военачальник своему подчиненному или только согладатель?»³, — вопрошала газета. «Русский мир» обвинял также военно-судебное ведомство в недопустимо мягком отношении к преступникам, что, по ее мнению, и приводило к упадку дисциплины в армии.

Анализ содержания военно-судебной реформы и воинского устава о наказаниях указывает, что основная задача военно-судебных преобразований заключалась в стремлении обеспечить беспрекословное повиновение армии царизму в новых исторических условиях.

Новая организация военных судов предусматривала введение ряда принципов буржуазного судопроизводства (гласность, состязательность

---

¹ Воинский устав о наказаниях, ст. 256.

² «Столетие Военного министерства», т. XII, кн. I, ч. II, СПб., 1914, стр. 317.

³ «Русский мир», 1871 г. № 70 от 11 ноября. Передовая статья.

процесса, отмена принципа «совершенных» и «несовершенных» доказательств и т. д.). Однако наряду с этим военно-судебная реформа в значительной степени содержала черты феодального права.

Военные суды сохраняли зависимость от военного начальства, что лишало их должной самостоятельности.

В наибольшей зависимости от командования находилась первая инстанция военных судов — полковой суд, состоявший в полном подчинении командира полка. Отсутствие права обжалования приговора полкового суда как в апелляционном, так и в кассационном порядке способствовало административному произволу при решении тех или иных судебных дел.

Военно-окружной суд также был лишен полной самостоятельности (роль командования в вопросе производства следствия, отдачи под суд, назначения временных членов суда и т. д.).

Наиболее полно зависимость военно-судебных органов от административной власти находила свое выражение в подчинении как главного военного прокурора, так и всего военно-судебного ведомства военному министру.

Если по военно-судебному уставу военный суд предназначался в мирное время лишь для суда над военными, то вскоре под влиянием страха перед растущим революционным движением ведению его были переданы дела по так называемым «государственным преступлениям», совершенным лицами гражданских сословий¹.

Первой жертвой явился народник Иван Мартынович Ковальский, казненный в 1878 г. по приговору Одесского военно-окружного суда.

* * *

Одновременно с реорганизацией Военного министерства разрабатывалось и новое Положение о полевом управлении войск в военное время. Впервые в истории русской армии эти вопросы в крайне общей форме нашли отражение в воинском уставе Петра I 1716 года, а наиболее полно — в Положении, разработанном в 1812 году Барклаем де-Толли под названием «Учреждение для управления большой действующей армией». Это «Учреждение» определяло права и обязанности главнокомандующего, структуру штаба и функции его отдельных частей, а также устанавливало отношение главнокомандующего с гражданскими властями. «Учреждение» 1812 года предусматривало создание в случае необходимости двух или нескольких больших действующих армий, во главе которых стояли главнокомандующие с одинаковыми правами, подчинявшиеся непосредственно верховной власти. По смыслу «Учреждения» император являлся по существу главнокомандующим действующей армией, так как «присутствие императора, — говорилось в «Учреждении», — снимает с главнокомандующего начальство над армией...»².

Это «Учреждение» действовало до середины 40-х годов, а в 1846 году был разработан и введен в действие «Устав для управления армиями в мирное и военное время». Отличие устава 1846 года от «Учреждения» 1812 года заключалось в том, что, во-первых, здесь определялось не только управление армией во время войны, но и в мирное время. Во-вторых, «Устав» предполагал создание одной действующей армии во главе с главнокомандующим, которому подчинялись бы создаваемые

¹ Закон 9 августа 1878 года.

² «Учреждение для управления большой действующей армией», СПб., 1816, часть первая, стр. 7.

в случае войны «частные армии», возглавляемые командующими. В связи с созданием военных округов и уничтожением постоянно существующей действующей армии, вполне понятно, возник вопрос о разработке нового Положения о полевом управлении войск в военное время. В мае 1865 года записка, содержащая «Главные основания» нового Положения, была разослана для обсуждения широкому кругу лиц (106 генералам и штаб-офицерам), а в мае 1867 года составлен был проект Положения, разработанный с учетом полученных замечаний.

Проект Положения был рассмотрен в особом комитете под председательством командующего войсками Варшавского военного округа фельдмаршала графа Берга.

После обсуждения Положения в военном совете министерства оно было утверждено Александром II 17 апреля 1868 года.

«Прототипом этого устройства, — писал Милютин, — послужила прежняя организация полевых управлений по уставу 1846 года. Новое Положение, не изменяя основных начал этой организации, стремилось только упростить ее...»¹.

Действительно, в основу нового Положения лег «Устав» 1846 года, однако, не говоря уже об изменениях, связанных с осуществлением военно-окружной реформы, оно решало по-иному ряд принципиальных вопросов.

По Положению 1868 года войска, «предназначенные к действию на театре войны, образуют одну или несколько армий»².

Во главе каждой из этих армий стоит лицо, именуемое главнокомандующим, с одинаковыми правами и обязанностями.

Полевое управление армии составляется из следующих частей и отделов: полевого штаба, полевого интендантского управления, полевого артиллерийского управления и полевого инженерного управления. Сверх этого, к составу полевого штаба причислялись следующие управления и лица, подчинявшиеся непосредственно начальнику штаба армии: комендантское управление, инспектор госпиталей, полевое военно-медицинское управление, инспектор военных сообщений, полевое почтовое управление и полевой главный священник. Наконец, при армии учреждался полевой главный военный суд.

Военные округа, входившие в район театра военных действий, подчинялись также главнокомандующему армии, сохраняя при этом по вопросам снабжения и отчетности «установленные для мирного времени постоянные сношения» с Военным министерством.

Таким образом, снабжение армии должно было осуществляться через военные округа, находившиеся на театре войны и представлявшие собой своеобразные управления тыла армии.

«В основание нового Положения, — писал Милютин, — было принято соображение, что на главнокомандующего армией и на непосредственные его органы управления следует возложить лишь главные распоряжения, общее направление действий; они не должны быть обременяемы подробностями исполнения административных мер; исполнительная эта работа должна быть возложена на тыловые учреждения. В таком именно смысле и установлены отношения «полевого» управления армии с военно-окружными управлениями...»³.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 28904, л. 44.

² Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. IV, стр. 203.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7849, стр. 136.

Однако отношения эти были определены далеко не четко.

Так, например, оставался открытым вопрос об отношении к главнокомандующему военно-окружного управления в том случае, если на его территории одновременно действуют две армии. В Положении лишь указывалось, что в этих условиях степень подчинения «устанавливается каждый раз особыми высочайшими повелениями»¹.

Однако чрезвычайно трудно представить себе возможность четкого снабжения армии в том случае, когда ее тыловые управления не находятся целиком в подчинении главнокомандующего.

Кроме того, недостаточно определенно очерчены были функции военных округов по отношению к полевым управлениям армии.

Если, несмотря на все это, устройство тыла армии в условиях войны на территории России представлялось более или менее ясным, то в случае перенесения театра военных действий за границу этот вопрос по существу оставался открытым.

«С удалением армии от границ империи, — говорилось в Положении, — когда полевому управлению неудобно будет распоряжения свои приводить в исполнение через пограничные военно-окружные управления, учреждаются в занятых армией областях, по мере надобности, местные интендантские, артиллерийские и инженерные управления, которым присваивается наименование того города или пункта, где они будут находиться. Состав и устройство упомянутых управлений, которые определяются применительно к составу и устройству отделов военно-окружных управлений, а также число и местопребывание их зависят исключительно от усмотрения и утверждения главнокомандующего, по представлению начальников отделов полевого управления. Вышеупомянутые заграничные местные военные управления, имея те же предметы ведения, какие определены для соответствующих отделов военно-окружных управлений внутри империи, руководствуются постановлениями для сих последних управлений и сверх того повелениями главнокомандующего и особыми инструкциями начальников отделов «Полевого управления по принадлежности»².

Вот и все, что было сказано об организации тыла армии в условиях военных действий за рубежом. Не говоря уже о трудности создания вновь органов управления тыла в ходе военных действий, вопрос о функциях их, взаимоотношениях с военно-окружными управлениями и органами Военного министерства по существу решен не был.

Главнокомандующий армией назначался царем и подчинялся непосредственно ему.

Права его были обширны, его приказы должны были выполняться «как высочайшие повеления».

«В направлении военных действий главнокомандующий распоряжается по своему непосредственному усмотрению, руководствуясь высочайше утвержденным общим планом войны»³. Таким образом, в отношении ведения военных действий ему предоставлялась полная свобода действий.

Главнокомандующему предоставлялось также право в случае крайней необходимости заключать самостоятельно перемирие. Ближайшим помощником и заместителем главнокомандующего являлся начальник полевого штаба армии, избираемый непосредственно самим главно-

---

¹ Свод военных постановлений, изд. 1869 г., ч. 1, кн. IV, стр. 204.

² Там же, стр. 204—205.

³ Там же, стр. 205.

командующим. Полевой штаб армии должен был состоять из следующих частей: трех отделений — строевого, инспекторского и хозяйственного, канцелярии, военно-топографического отдела, штаб-офицера над вожатыми и чинов для поручений.

Строевое отделение (оперативное в современном нам понятии) должно было вести дислокацией войск, составлением диспозиций, режаний, ведением журнала военных действий и т. д. Инспекторское — личным составом, укомплектованием частей, наградами и т. д. Наконец, в хозяйственном отделении должна была сосредоточиваться переписка по «внутреннему хозяйству войск и материальному благоустройству их вообще».

Функции штаб-офицера над вожатыми заключались в сборе сведений о неприятеле, опросе пленных и лазутчиков и «доставлении проводников войскам и офицерам, посылаемым для рекогносцировок и съемок».

Таким образом, штаб-офицер над вожатыми являлся начальником разведывательного отделения армии.

В военно-топографическом отделе штаба должны были сосредоточиваться топографические и статистические сведения о театре войны.

Наконец, чины для поручений, состоявшие в распоряжении начальника штаба армии, избираемые как из офицеров генерального штаба, так и строевых командиров, должны были производить рекогносцировки, осматривать и выбирать позиции, поверять караулы и аванпосты, а также выполнять различные поручения.

В полевом интендантском управлении, возглавляемом интендантом армии, избираемым главнокомандующим совместно с военным министром, должно было сосредоточиваться лишь общее наблюдение за снабжением армии продовольствием, вещевым и денежным снабжением. Непосредственно же исполнительными органами, осуществлявшими все распоряжения интенданта армии, как уже указывалось, должны были являться окружные интендантские управления, а за рубежом — местные интендантства.

Полевое артиллерийское управление, во главе которого стоял начальник артиллерии армии, избираемый главнокомандующим совместно с генерал-фельдцейхмейстером, должно было вести всей артиллерией армии, а также и снабжением ее предметами артиллерийского довольствия. В подчинении начальника артиллерии должны были находиться либо окружное артиллерийское управление, либо местное артиллерийское управление за рубежом, через которые и осуществлялось бы снабжение артиллерии. Аналогично артиллерийскому должно было быть организовано и полевое инженерное управление. Начальник инженеров армии назначался также главнокомандующим по согласованию с генерал-инспектором инженерных войск.

Таково в общих чертах Положение о полевом управлении армии 1868 года.

Положение 1868 года, бесспорно, обладало рядом достоинств. Значительно упрощена была структура полевого управления армии. Управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала были слиты в общем составе полевого штаба; вместо ряда управлений: генерал-полицеймейстера, генерал-гевальдигера, генерал-вагенмейстера было создано одно комендантское управление.

Провиантское и комиссариатское управления были также объединены в одно интендантское. Более четко были определены права и обязанности как главнокомандующего, так и чинов полевого штаба.

Наконец, уточнены были также и взаимоотношения главнокомандующего и военного министра. Однако вместе с тем Положение 1868 г. обладало серьезными недостатками. Наиболее существенным недостатком являлось наличие нескольких главнокомандующих, обладавших одинаковыми правами, что, вполне понятно, устраняло возможность четкого руководства военными действиями в целом. В этом отношении Положение 1868 года делало шаг назад по сравнению с уставом 1846 года. Более правильно решался этот вопрос в уставе 1846 года, где предполагалось наличие одного главнокомандующего, не исключая возможности при этом образования отдельных, частных армий, возглавляемых командующими. Опыт Крымской войны, подтвердивший необходимость наличия двух армий, действовавших независимо друг от друга, — Крымской и Кавказской, отнюдь, по нашему мнению, не являлся достаточным аргументом для этого. Наличие телеграфного сообщения, получившего в конце 60-х годов уже большое распространение, создавало возможность координации руководства военными действиями в руках одного лица — главнокомандующего.

Правда, верховное командование вооруженными силами принадлежало царю, однако Положение не предусматривало создания штаба верховного главнокомандующего, который фактически координировал бы действия отдельных армий.

Наконец, по Положению не предусматривалось создание отдела военных сообщений, ведавшего перевозкой войск по железным дорогам, хотя в Главном штабе имелся соответствующий орган.

Вторым существенным недостатком являлся вопрос о тыле армии.

Как указывалось выше, не только вопрос о функциях местных управлений за границей не был достаточно разработан, но и отсутствовала также необходимая ясность во взаимоотношениях полевых управлений с отделами военных округов.

Этот недостаток отмечал впоследствии и Милютин. «Не стану оспаривать, — писал он в своих «Воспоминаниях», — что в Положении 17 апреля 1868 года, быть может, не довольно ясно выражено, какую именно услугу военно-окружные управления должны приносить полковому управлению армии»¹.

Таким образом, несмотря на некоторые преимущества по сравнению с уставом 1846 года, Положение 1868 года содержало в себе серьезные недостатки. Из всех преобразований в области военного управления наименее удачным, на наш взгляд, являлось Положение 17 апреля 1868 года.

* * *

Развитие железных дорог имело огромное значение в деле укрепления обороноспособности страны. От наличия удобных путей сообщения зависела быстрота развертывания и сосредоточения армии во время войны, а следовательно и дислокация войск в мирное время. В силу этого Военное министерство уделяло этому вопросу большое внимание.

Еще в 1864 году в «Еженедельных прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» публикуется серия статей под заглавием «Сеть русских железных дорог. Участие в ней земства и войска». Эти статьи были инспирированы Военным министерством и принадлежали перу полковника Н. Н. Обручева.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7849, стр. 137.

В первой статье автор ее, рассматривая проект развития сети железных дорог, составленный Главным управлением путей сообщения, указывал, что этот проект не обеспечивает полностью интересов обороны страны. «При взгляде на карту, — писал Обручев, — не трудно убедиться, что проектированные пути значительно усилят нашу оборону, но далеко еще не вполне удовлетворяют ей. С проведением Московско-Севастопольской дороги обширная площадь центрально-западного пространства России... замкнется с трех сторон капитальными стратегическими линиями: от Варшавы к Петербургу, от Петербурга к Москве, от Москвы к Севастополю. Но четвертая сторона этого пространства от Черного моря до Варшавы остается не замкнутой»¹. Далее автор указывал, что наиболее вероятным плацдармом будущей войны могут явиться юго-западный район и черноморский бассейн, в силу чего и необходимо обратить внимание на его усиление.

Руководствуясь этим, Обручев настаивал на строительстве железной дороги между Киевом и Одессой, опровергая утверждения противников сооружения этой линии, а также указывал на необходимость проведения параллельной линии вдоль западной границы от Бердичева до Белостока. Кроме того, автор статьи считал целесообразным изменить направление отдельных железнодорожных линий, проектируемых Главным управлением путей сообщения.

В следующих статьях Обручев подробно останавливался на экономической стороне вопроса, приходя к выводу о необходимости более рациональной организации железнодорожного строительства. По мнению автора, нужно отказаться от системы частных концессий, а необходимый капитал для сооружения 5.000 верст железных дорог, определявшийся им в 200 миллионов рублей, изыскать частью из государственных средств, частью же путем распространения железнодорожных 5 % -ных акций через земские учреждения.

Далее Обручев указывал на целесообразность привлечения к строительству железных дорог войсковых частей, что облегчит выполнение плана по сооружению важнейших железнодорожных линий. «С точки зрения *права* употребление войск на такие работы, которые *усиливали бы оборону государства* и облегчали бы размер расходов, предстоящий государству в случае войны, — едва ли может быть оспариваемо. Внешняя опасность есть вещь не временная, а постоянная... Как в военное время, под выстрелами неприятеля, на войсках лежит обязанность бороться с ним штыком, пулей и лопатой или топором, так эта обязанность остается на войсках и во время мира, когда неприятель стоит далеко от границ и не грозит немедленно на нас броситься»².

Однако, как известно, соображения Военного министерства не были приняты во внимание, и развитие железнодорожной сети осуществлялось далеко не теми темпами и не в том направлении, как это было бы необходимо в интересах обороны страны.

В 1868 году Военное министерство под влиянием быстрого роста железнодорожной сети в пограничных с Россией районах — Пруссии и Австрии — поставило вопрос о развитии стратегических линий железных дорог, так как, по словам Милютина, существовавшая сеть железнодорожных линий «вовсе не удовлетворяла самым настоятельным требованиям военным»³.

¹ „Еженедельное прибавление“ к „Русскому Инвалиду“ № 22 за 1864 г., стр. 3.

² „Еженедельное прибавление“ к „Русскому Инвалиду“ № 24 за 1864 г., стр. 7.

³ Отд. рук. ГьЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7849, стр. 205.

В связи с этим в конце 1868 г. военным министром было поручено ген. Обручеву составить общий свод соображений Военного министерства в отношении сооружения важнейших стратегических линий.

В этой записке, озаглавленной «О железных дорогах, необходимых в военном отношении» и датированной 12 ноября 1868 г., подробно рассматривалось стратегическое положение государства и определялись предполагаемые плацдармы военных действий в будущей войне.

«Западные пределы наши, — говорилось в записке. — менее защищенные в географическом отношении, являются наиболее слабыми и в политическом. Здесь сплошной полосой идут земли, далеко еще не слившиеся с Центральной Россией... Очевидно, следовательно, что атакуя нас на западе и не мечтая даже о достижении сердца России, неприятель может много повредить нам на наших окраинах... Царство Польское составляет ключ нашей западной обороны. Но так как в случае войны против нас, по всей вероятности, будет действовать целая коалиция... то следует ожидать, что одновременно с Царством мы будем атакованы и на других пунктах. Легко может даже случиться, что по стечению различных политических обстоятельств первоначальное нападение будет сделано именно не на Царство, а на какую-нибудь другую часть наших владений, с целью привлечь туда наши силы и затем уже броситься на Привислинский край. Поэтому, — продолжал Обручев, — насколько нам важно прочно обеспечить себя в царстве, настолько же важно связать его оборону с обороной севера и юго-запада, дабы быть готовыми ко всем случайностям и иметь возможность свободно передвигать войска вдоль всех западных пределов...»¹.

Далее отмечалось, что Пруссия и Австрия обладают густой сетью железных дорог, расположенных как перпендикулярно, так и параллельно границам России. Это даст возможность, указывал Обручев, Пруссии и Австрии в случае войны чрезвычайно быстро сосредоточить армии у русских границ, а также изменить в случае необходимости первоначальную группировку сил путем переброски войск с севера на юг и с юга на север вдоль границ России.

Переходя к характеристике железнодорожной сети России, автор записки указывал, что эта сеть сооружалась применительно к экономическим потребностям страны, причем военные интересы оставались на втором плане. «Выстроенные пока дороги облегчают лишь передвижение войск из внутренней России к нашей базе (Двине и Днепру) и дают хотя одну линию быстрого сообщения от Двины к Варшаве. Но опаснейшие части нашей обороны остаются и до сих пор без прочной связи с центром государства, а в средствах к сосредоточению наших войск в пограничных районах, — к передвижению их из района в район, мы далеко уступаем неприятелю. Последнее обстоятельство тем более важно, что впереди нашей базы лежит обширная площадь болот Полесья, разъединяющая северо-западный театр от юго-западного»².

Для удовлетворения первоочередных стратегических потребностей государства указывалось на необходимость решения следующих задач:

1. Соединить центральные районы России с Крымом.

2. Обеспечить прочную связь центра России с Польшей таким образом, чтобы можно было перебрасывать в Привислинский район войска не только с северо-востока по Петербургско-Варшавской ж. д., но и с востока и с юго-востока.

¹ Стд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10532/11, стр. 1—3.

² Там же, стр. 6.

3. Установить жел.-дор. сообщение вдоль операционной базы по линии Днестра — Западной Двины.

4. Обеспечить быстрое передвижение войск из одного пограничного района в другой, для чего построить железную дорогу параллельно западным границам.

Все эти задачи, как говорилось в записке, могут быть достигнуты в результате сооружения следующих жел.-дор. линий: а) Крымской — от Лозовой к Севастополю и Феодосии с ветвью на Керчь; б) Брестско-Смоленской с направлением через Слоним, Минск, Могилев; в) Волынской, состоящей из двух ветвей: Киев—Ровны—Броды и Ровно—Брест; г) соединительных линий впереди и позади Полесья. Позади Полесья предполагалось соорудить линию от Киева или от одного из пунктов Киево-Курской ж. д. на Чернигов—Могилев, до соединения с Брестско-Смоленской жел. дор. и далее до Витебска, либо до Вильно. Строительство же дороги впереди Полесья разрешалось частью проектированной выше линией Ровно—Брест, которую предполагалось продолжить до Гродно.

«С устройством вышеуказанных дорог, — говорилось в записке, — общее стратегическое положение государства чрезвычайно усилится; но не следует думать, что оно уже было вполне обеспечено. Напротив... и после этих дорог весьма многие военные потребности останутся еще неудовлетворенными; названные же дороги дадут лишь то, что нам насущнейше, безотлагательно, необходимо, и без чего нам трудно было бы предотвратить различные неблагоприятные случайности. Отсюда следует, что и вопрос о том, какая именно из этих дорог должна бы быть построена ранее, какая позднее, не может быть решен соображениями Военного министерства. Они все до такой степени важны, что каждая из них может иметь первостепенное влияние на ход войны, и, не зная заранее политических обстоятельств, трудно предсказать, какая именно понадобится ранее, какая позднее»¹.

Далее в записке ставился вопрос о сооружении второй категории жел.-дор. линий, имевших если не первоочередное, то во всяком случае важное значение для укрепления обороны государства.

К этим жел.-дор. путям Военное министерство относило следующие: а) жел.-дор. линии вдоль Вислы от Новогеоргиевска до Ивангорода и перпендикулярно ей от Ивангорода до Лукова, а также линию, идущую параллельно русско-австрийской границе, примерно от Петрокова до Холма и далее до соединения с Волынской жел. дорогой. Кроме того, рекомендовалось соединить линией Люблин с Ивангородом;

б) на балтийском побережье соорудить линию от Либавы до Вильно через Шавли;

в) на Черноморском побережье соорудить жел.-дор. ветвь от Елизаветграда до Николаева и Херсона, а также построить соединительную линию от Николаева к Одессе и от Херсона к Крымской линии жел. дороги;

г) в районе нижнего Днепра соединить жел. дорогой Киев и Екатеринослав.

В заключение говорилось о необходимости развития железнодорожного строительства в восточных районах страны. «Очевидно, что наша сеть должна спешить перешагнуть за Волгу, развиться на восток и на юго-восток и усилить могущество государства всеми богатствами, кроющимися в его глубине. В этом случае все экономические цели будут без-

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10532/11, стр. 13.

условно совпадать с военными; но следует заметить, что нам особенно важны дороги юго-восточные, так как именно юго-восток занят многочисленными казачьими населенными пунктами, источником лучшей в свете легкой конницы, которая, при нынешнем ведении войны, приобретает особенное значение»¹.

В этих целях указывалось на желательность сооружения запроектированных Министерством путей сообщения следующих линий: Воронежско-Грушевской, Борисоглебско-Царицынской и Пензенско-Самарско-Оренбургской. Эта записка была представлена в Комитет министров и обсуждалась на его заседании 11 февраля 1869 года. Как рассказывает Милютин, «рассуждения и споры были весьма продолжительны. Только немногие из членов отнеслись сочувственно к заявлениям Военного министерства»².

В результате обсуждения этого вопроса было принято решение, в котором говорилось, что две линии из упомянутых Военным министерством — Брест—Смоленск и Брест—Киев — уже включены в проект сооружения железнодорожной сети, составленный Министерством путей сообщения. Все же остальные предложения Военного министерства были отклонены.

Несколько позднее, по настоянию наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича, была включена в число строящихся в первую очередь железных дорог закавказская линия, соединяющая Каспийское и Черное море. Хотя эта линия и не фигурировала в записке Военного министерства, однако сооружение ее имело большое стратегическое значение.

Таким образом, Комитет министров отклонил проект строительства железных дорог, предложенный Военным министерством. Этот проект имел исключительно важное значение как для развертывания армии, так и для быстрого сосредоточения ее в том или ином пункте театра военных действий.

В заключение надо сказать, что в 1868 году при Главном штабе под председательством его начальника был создан особый комитет «О передвижении войск железнодорожными и водными путями». Непосредственным руководителем этого комитета являлся ген.-майор Анненков.

Использование железных дорог для воинских перевозок впервые было начато еще в 1848 году, когда на строящейся железнодорожной линии С. Петербург—Москва были произведены опытные воинские перевозки на участке Петербург—Колпино.

24 ноября 1851 года Военным министерством была издана инструкция о регулярном использовании железных дорог для воинских перевозок. В этом же году были созданы военно-рабочие роты — прообраз будущих железнодорожных войск.

Таким образом, в вопросе использования железных дорог для воинских целей Россия оказалась впереди всех европейских стран и Америки³.

В 1870 году создаются железнодорожные войска в виде военных железнодорожных команд, на которые была возложена подготовка различных специалистов по эксплуатации железных дорог. По замыслу

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10532/11, стр. 16.

² Там же, М. 7849, стр. 206.

³ См. книгу ген.-майора Караева «Возникновение службы военных сообщений на железных дорогах России», М., 1949, и статью ген.-лейт. Дмитриева. «Столетие военных сообщений», «Красная звезда», 19 декабря 1951 г.

Военного министерства, назначением этих команд являлось обслужива-ние железных дорог, находящихся на территории противника в случае перенесения военных действий за границу.

* * *

Остановимся на преобразовании системы полкового хозяйства.

Вопрос об организации полкового хозяйства в течение длительного времени являлся предметом обсуждения в Военном министерстве.

Как говорилось уже выше¹, еще в конце 50-х годов в некоторых гвардейских частях в виде опыта был введен новый принцип организации полкового хозяйства.

С 1863 года этот опыт был распространен на все гвардейские части, а с 1864 года — новая система организации хозяйства была введена в двух армейских дивизиях. В полках, в которых вводилось новое хозяй-ственное управление, проектировалось значительно повысить оклады командирам полков и офицерам, входившим в состав этого управления.

Цель введения нового хозяйственного управления, говорилось в за-писке Военного министерства, «состояла главным образом в том, чтобы перейти от прежнего порядка управления хозяйственной частью на ком-мерческом почти праве, противоречащего и современному направлению Военного министерства и убеждению большинства командиров частей, и настоящему стремлению общества к новому порядку, основанному на других, более рациональных и современных началах»².

В течение 1862—1864 гг. при Военном министерстве был создан осо-бый комитет под председательством ген.-ад. фон-дер-Лауница, разраба-тывавший проект нового управления полковым хозяйством.

Сущность этого проекта заключалась в том, что ведение полкового хозяйства строилось на совершенно иных началах: расходование хозяй-ственных сумм должно было производиться не безотчетно, а согласно существующей смете. Непосредственное ведение хозяйства возлагалось на помощника командира полка по хозяйственной части, назначаемого командиром дивизии, квартирмейстера и казначея, избираемых обще-ством офицеров.

Этот проект был несколько видоизменен специальной комиссией под председательством ген. Липранди. Таким образом, возникло два проекта — ген.-ад. Лауница и Липранди. Эти проекты в свою очередь были направлены на обсуждение командующих военными округами, и в результате этого возник третий проект — Главного штаба.

Все эти проекты, лишь в частности отличаясь друг от друга, были одновременно введены в виде опыта с 1 января 1867 года. Проекты фон-дер-Лауница и Липранди — в двух дивизиях: 1-й гренадерской и 27-й пехотной, проект Главного штаба — во всех остальных частях войск³.

«С этого времени, — писал Милютин, — полковые командиры уже должны были отрешиться от прежней привычки смотреть на хозяйство полка как на собственное свое, личное хозяйство. Но с лишением полко-вого командира возможности пользоваться остатками от казенных от-пусков на полковое хозяйство, необходимо было вместе с тем обеспечить

---

¹ См. главу II, „План военных преобразований“.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 26198, л. 175.

³ Окончательно Положение о полковом хозяйстве было введено лишь с 1872 года. См. приказ по военному ведомству № 384 от 21 декабря 1871 года.

средства жизни командира увеличением крайне недостаточного штатного его содержания»¹.

Действительно, командирам полков было увеличено содержание на сумму от 720 до 1.200 рублей в год, командирам отдельных батальонов — на 360 рублей².

Не будучи в состоянии увеличить содержание командирам отдельных частей в больших размерах, Военное министерство решило этот вопрос довольно своеобразно: начальникам дивизий было предоставлено право выдавать полковым командирам ежегодно в виде пособия определенную часть экономии, полученной от хозяйственных расходов в их полку³. «Такое средство, — признавал сам Милютин, — было, очевидно, весьма нерационально и даже неблагоприятно, но оно было вынуждено совершенной невозможностью изыскать иной источник для покрытия неизбежного расхода»⁴.

Если новая система ведения полкового хозяйства и не могла ликвидировать казнокрадства, то все же положила ему известный предел. Как указывалось в «Колоколе», солдаты были избавлены «хоть отчасти от начальственного воровства»⁵.

* * *

Рассмотренные нами выше военные преобразования, объективный смысл которых отражал эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию, вызвал неодинаковое отношение со стороны различных слоев общества.

Революционные демократы — сторонники свержения самодержавно-дворянского строя, игнорировали военные реформы, рассчитанные на усиление царизма. Тем самым и отношение их к этим преобразованиям было отрицательным. Участие же Н. Г. Чернышевского в журнале «Военный сборник» в 1858 году отнюдь не означало его положительного отношения к намечавшимся военным преобразованиям. Нам представляется, что это участие обуславливалось стремлением Чернышевского сблизиться с армией, значение которой в деле борьбы с царизмом являлось решающим. Это прекрасно понималось великим революционным демократом, вся публицистическая деятельность которого заключалась в том, чтобы проводить «через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁶.

В целом ряде документов революционных демократов Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, а также их сподвижников М. И. Михайлова и Н. В. Шелгунова мы встречаем призыв к армии встать на защиту интересов народных масс.

Н. Г. Чернышевский в своей прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» уделяет этому вопросу большое внимание: «А еще вот кому, — писал Чернышевский — от нас поклонитесь: офице-

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7848, стр. 241.

² Приказ военного министра № 369 от 17/XII 1866 г.

³ Это было уничтожено в начале 70-х гг. в связи с общим увеличением содержания офицерскому составу.

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7848, стр. 242.

⁵ «Колокол» № 4, 1870.

⁶ В. И. Ленин. Соч. т. 17, стр. 97.

Нам представляется неверным утверждение полк. Макеева о том, что «Военный сборник» в период редактирования его Н. Г. Чернышевским «стремился обнаружить и указать существенные недостатки, выявленные боевым опытом, способствовал подготовке армии к проведению в жизнь военных реформ» (Н. Ма к е е в., Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника», М., 1950, стр. 74).

рам добрым, потому что есть и такие офицеры и не мало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, и таких офицеров пусть солдаты слушаются как волю добыть»¹.

Этому же вопросу посвящена прокламация Н. П. Огарева «Что надо делать войску». «Спаси Россию от кровавой напасти, не мешать народу спокойно получить землю и волю, то есть — твердо и мирно стоять, ничего не делать, не идти против народа»². Таковым должно было быть, по мнению Огарева, поведение войск.

Программа будущей военной организации свободной России предлагалась в более конкретной форме — в письме Огарева и Герцена Н. Н. Обручеву, являвшемуся в 1861—1862 гг. одним из руководителей «Земли и Воли»³.

В этом письме, обнаруженном жандармами у Н. Г. Чернышевского во время его ареста, Огарев писал: «Я рассчитываю так, что каждый холостой, 17 лет, должен выучиться военному ремеслу и в продолжении 6 мес., без всякой особой солдатской одежды, кроме дружинных значков; таким образом он будет одет на свой счет, а содержан на счет волости, где его *maestro* будет обучать строю и стрельбе в цель. Оружие от государства. А постоянная регулярная армия, 1000 чел. на милл. душ, сведет число постоянного войска на 50 или 60 тыс., откуда будут взяты учителя для дружин и артиллерии. Это войско наемное из охотников. Рассчитав, сколько это даст военных сил вообще и как мало будет стоить, очевидно будет превосходство и народность такого устройства против существующего»⁴. Таковы взгляды революционных демократов на организацию вооруженных сил демократической России.

Следовательно, революционные демократы ставили своей задачей разложение царской армии и переход солдат и офицеров этой армии на сторону восставшего народа. Создание же новой военной организации могло быть осуществлено, по их мнению, только после свержения царизма.

Борьба вокруг реформ между либералами и крепостниками являлась борьбой внутри господствующих классов, по-разному представлявших себе пути и средства укрепления царизма. Если либерально-дворянская общественность поддерживала военные преобразования, то реакционная часть дворянства, являвшаяся сторонником сохранения в неизменном виде господства класса помещиков, выступала против военных реформ. Эти настроения встретили сочувствие среди членов императорской фамилии и в первую очередь у наследника престола. К тому же и сам Александр II, хотя и понимавший необходимость преобразования русской армии, в силу чего он санкционировал проекты Военного министерства, вместе с тем в глубине души являлся сторонником старых армейских порядков и расставался с ними с большим сожалением.

Главой «антимилютинской партии» становится фельдмаршал кн. А. И. Барятинский, в свое время рекомендовавший Милютину на пост военного министра в надежде, что он явится послушным исполнителем его планов.

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, 1948, стр. 615.

² „Колокол“, л. 111.

³ Однако вскоре Обручев, порвав с революционно-демократическим лагерем, становится одним из ближайших помощников военного министра Д. А. Милютина, в период переустройства царской армии.

⁴ Процесс Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1939, стр. 53.

Рекомендуя на пост военного министра Милютину, кн. Барятинский руководствовался соображениями личного порядка. Являясь сторонником прусской феодальной военной системы, кн. Барятинский предполагал, что и реорганизация русской армии будет проведена по прусскому образцу, согласно которому руководство всей армией принадлежало бы императору, а фактически — начальнику Генерального штаба. Военное министерство же устранялось бы от непосредственного руководства войсками и ведало бы лишь административно-хозяйственными вопросами.

Кн. Барятинский, являвшийся одним из наиболее близких к царю лиц, претендовал на пост начальника Главного штаба е. и. в., который должен был являться, как и при Александре I, фактическим руководителем всех вооруженных сил. На должность же военного министра, являвшегося одним из помощников начальника Главного штаба, Барятинский и рекомендовал Милютину ¹.

В силу того что планы Барятинского рухнули и военные преобразования осуществились в ином духе, он и явился противником всех нововведений, осуществлявшихся Военным министерством.

Во второй половине 60-х годов кн. Барятинский повел атаку против Милютина и всех военных преобразований. Вполне естественно, что в этой борьбе кн. Барятинский имел немало сторонников среди представителей реакционного лагеря, начиная с шефа жандармов гр. П. А. Шувалова и кончая реакционно-аристократической газетой «Весть».

В 1868 году реакционная печать начала поход против военных реформ. Еще в 1867 году генерал Р. А. Фадеев, не лишенный публицистического таланта, выступил с серией статей под общим названием «Вооруженные силы России», которые были напечатаны в «Русском вестнике», издававшемся Катковым. В этих статьях Фадеев солидаризировался целиком с осуществлявшейся Военным министерством программой преобразований.

«Общее преобразование наших военных учреждений, — писал Фадеев, — начавшееся с 1862 года, справедливо может быть названо девятнадцатым февралем русской армии... Значение закладываемой военной системы так велико, что его нельзя судить в полном объеме с одной положительной точки зрения, по тому только, что уже совершено или будет совершено в ближайшее время. Главная черта его — установление правильного соотношения между потребностями и средствами, подведение к каждой потребности того именно источника, из которого она самым естественным образом удовлетворяется, одним словом, замещение искусственного, заимствованного устройства вооруженных сил устройством натуральным, соответствующим нашим особенностям и в этом смысле национальным русским... Главная заслуга совершаемого ныне преобразования состоит в том, что оно одинаково раскрывает дверь будущим, как и насущным потребностям, равно облегчая удовлетворение их...» ².

Таким образом, Фадеев заявил себя решительным сторонником проводимых военных преобразований.

Говоря о реформах военного управления, он писал: «Русскому обществу... достаточно известно значение децентрализации военного министерства, заменившей безличную и механическую работу бюрократии

---

¹ Об этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, племянник одного из близких Барятинскому лиц — ген. Фадеева (С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. III, Л., 1924).

² «Русский вестник», т. 67, стр. 753—754.

действительным надзором управления за нуждами и местными условиями...»¹.

Так же положительно отзывался он и о реформе военно-учебных заведений, «выпускающих теперь образованных офицеров вместо прежних кадет-ординарцев...»².

Наконец, Фадеев полностью разделял и точку зрения на принятую систему организации войск, подчеркивая особенное значение положенных в основу ее принципов: 1) не производить в случае войны новых формирований, увеличивая лишь состав существующих, и 2) пополнять войска как в мирное, так и в военное время лишь обученными рекрутами. Установление фактически 8-летнего срока действительной службы также находило у Фадеева горячую поддержку.

Резюмируя все сказанное, Фадеев указывал, что новое Положение по организации войск «сравнило Россию с Европой в относительном военном могуществе, возвратило ей в европейском равновесии место, подобающее государству с 80 миллионами населения... в нашем новом военном положении, — продолжал он, — заключается более, чем сколько оно дает непосредственно и немедленно; в нем заключается возможность неограниченной усовершенности, не сходя с принятых оснований»³.

Вместе со всем этим Фадеев указывал на необходимость дальнейшего роста вооруженных сил, в частности, создания ополчения, а также и увеличения контингента обученного запаса в связи с усилением военной мощи европейских стран.

Таково в общих чертах содержание статей Фадеева, достаточно полно характеризующих его отношение к преобразованиям, осуществлявшимся Военным министерством.

В 1868 году Фадеев выпустил книгу под тем же названием «Вооруженные силы России».

«Книга эта не составляет точного воспроизведения статей «Русского Вестника», — писал Фадеев в предисловии, — ...Я подверг свои убеждения оценке знаменитых военных людей, к которым имел право обратиться и мнением которых наиболее дорожил. Я должен был вследствие такого обсуждения изменить многие подробности»⁴.

Действительно, книга Фадеева существенно отличалась от статей, опубликованных в «Русском Вестнике».

Хотя и в ней Фадеев попрежнему называл военные преобразования «девятнадцатым февралем русской армии», однако целый ряд положительных оценок реформ, имевшихся в статьях, в книге отсутствовал. Кроме того, он подвергал здесь критике военно-окружную реформу, выражая сомнение в целесообразности ее проведения. «Ни одно европейское государство, — писал он, — не решилось еще принять французскую систему (понимая под ней военно-окружную. — П. З.), хотя нет ни одного из них, к которому бы эта система не была более применима, чем к нам»⁵. Вместе с тем, вопреки своим прежним утверждениям, Фадеев указывал, что армия не обладает никакими резервами.

Анализируя книгу в целом, нетрудно установить, что она проникнута, если еще не враждебным, то во всяком случае отрицательным отношением к ряду проведенных реформ.

---

¹ «Русский вестник», т. 67, стр. 754.

² Там же.

³ Там же, стр. 757—758.

⁴ Р. Фадеев. Вооруженные силы России, М., 1868, стр. III.

⁵ Там же, стр. 244.

Однако эта книга представила собой лишь начальный этап той эволюции, которую проделал вскоре Фадеев.

Что же послужило причиной этой эволюции? Человек без определенных моральных устоев, реакционер в душе, Фадеев, сблизившись с князем Барятинским, обещавшим ему различные блага в случае своей победы, превратился в послушное орудие фельдмаршала.

В конце 1868 года Фадеев в буквальном смысле слова определился на службу к Барятинскому. В своем письме к князю Святополк-Мирскому, датированном 1868 годом, Фадеев писал: «Чрезвычайно благодарен Вам за доставленное мне соизволение его высочества на переход в Министерство внутренних дел... По письму фельдмаршала государь согласился отпустить меня к нему редактором антимилитинской работы с зачислением в Министерство внутренних дел, чтобы изъять меня из-под военной власти... На-днях я уеду к князю Барятинскому и останусь у него всю зиму, занимаясь работой для опровержения нового Положения о действующей армии»¹.

В этом же письме Фадеев, изложив свою точку зрения на современное состояние армии, говоря о необходимости коренной реорганизации военного управления, указывал на целесообразность «разделить две функции власти, несходные между собою, требующие каждая совсем иных свойств и приемов: приготовление материалов, из которых слепается армия, и распоряжение готовым продуктом армии. Нужно разделение между Военным министерством и Главным штабом е. и. в. Такое разделение всегда соответствовало хорошему состоянию войска: в Пруссии — Военное министерство и военный кабинет короля; при Наполеоне — Клерк и Бертье; при Александре Павловиче — Татищев и Дибич и т. д. Военное министерство, — продолжал он, — имеет свое исключительное и важное дело: интендантство, материальную часть, артиллерию и инженеров, поселенные войска, военно-учебные заведения, рекрутские наборы, резервы и пр. — все это администрация. Начальник главного штаба е. и. в. — первый военный человек в государстве — должен управлять армией, воспитанием, распределением войск, командованием личным составом и контролировать учреждения в их зародыше с военной точки зрения, в отношении их пригодности для боевого назначения армии»².

Эта программа организации военного управления целиком совпадала с мнениями Барятинского, мечтавшего занять должность начальника Главного штаба е. и. в. и возглавить фактически командование всеми сухопутными вооруженными силами.

Таким образом, Фадеев выступал здесь сторонником прусской военной организации, диаметрально противоположной реформам Военного министерства, горячим сторонником которых он, Фадеев, заявлял себя год тому назад в своих статьях в «Русском Вестнике».

Осенью того же года реакционно-аристократическая газета «Весть», редактируемая Скарятиным, выступила в передовой статье с пропагандой книги Фадеева и вместе с тем решительно критиковала военные реформы в целом.

¹ Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Фадеева, 1100/34, копия письма к князю Святополк-Мирскому.

По словам кн. Барятинского, Фадеев был ему в этом деле очень полезен. «... Я об него, как об оселок, — говорил он, — проверял свои мысли». (Отд. рук. ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова 68/8. Письмо Райковского Воронцову-Дашкову от 26 июня 1869 г.).

² Там же.

Нетрудно обнаружить, что эта статья была инспирирована Барятинским и Фадеевым.

В начале ее «Весть» пыталась всячески подчеркнуть огромный авторитет Барятинского, а вместе с тем представить Милютину, правда, не называя его имени, человеком далеким от чисто военных вопросов. «Новое дело (т. е. преобразование армии. — П. З.), — говорилось в статье, — было бережно застраховано от всякого влияния старой рутины, так как в нем почти не принимали участия люди, хотя и одерживавшие победы, но при старых порядках, хотя и прибавившие не одну блестящую страницу в нашей военной истории, но при старой организации и при старых правах нашей армии; если верить молве, — продолжала «Весть», — то не только наши ветераны николаевских войн держались в стороне от этих преобразований, но, как говорят, сам фельдмаршал князь Барятинский узнавал о них только после окончательного принятия той или другой меры. Главными двигателями пересоздания нашей военной системы являлись новые люди, имена которых приобрели известность в науке и администрации»¹. Далее всячески восхвалялся Фадеев, прошедший «трудную школу военного опыта в рядах славной Кавказской армии... под предводительством князя Барятинского»², что и придает особый вес его мнениям.

По словам «Вести», Фадеев находит «настоящую нашу военную систему, так мало достигающую цели, что признает необходимым совершенно заменить ее новою...»³.

Борьба против военных реформ, инспирируемая Барятинским, находила полную поддержку у наследника престола великого князя Александра Александровича.

В его дневнике за 1868 год мы находим следующую запись: «Перед завтраком заезжал к фельдмаршалу Барятинскому для откланивания. Просидел у него целый час и говорили о теперешнем общественном направлении и много говорили о войсках и в особенности армии. Фельдмаршал очень здраво смотрит на все это и в особенности на войско, потому что эта часть ему очень близко знакома. Очень интересный разговор был вообще...»⁴.

К весне 1869 года Фадеев, проведя зиму у Барятинского, составил довольно подробную записку, подвергающую критике Положение 17 апреля 1868 года о полевом управлении армией в военное время. Эта записка была направлена не только против Положения 17 апреля 1868 года, но и против всей системы нового военного управления. В начале ее Барятинский выражал крайнюю обиду, что Положение 17 апреля не было согласовано с ним, фельдмаршалом русской армии, и далее переходил к детальному разбору Положения: «...при чтении Положения, — писал он, — я тотчас был поражен особенностями, противоречащими преданиям, до сих пор свято хранившимся в нашей славной армии. Прежде всего остановился я на вопросе: зачем учреждения военного времени истекают из учреждений мирных, тогда как армия существует для войны, и вывод должен быть обратный?»⁵.

Это обвинение Барятинский основывал на приказе военного министра от 17 апреля 1868 года, в котором указывалось, что издание но-

¹ «Весть», № 121 от 30 октября 1868 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГИАМ, ф. Александра III, № 667, д. № 83, стр. 362, запись 4 июня 1868 г.

⁵ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 28904, л. 122—123.

вого Положения о полевом управлении армией необходимо в связи с тем, что «в последнее время... в устройстве военных управлений мирного времени и в самой организации нашей армии устав 1846 года во многом уже не соответствует современным требованиям и не применим на практике»¹.

Второе, не менее демагогическое, обвинение заключалось в том, что в Положении роль императора как верховного руководителя русской армии умалялась.

«В первый раз с 1716 года, — говорилось в записке, — в русском военном уставе о государе не упоминается»². Этот маневр необходим был Барятинскому собственно для обвинения в умалении власти главнокомандующего, а попутно с этим и критики всей системы военного управления.

«Устав императора Николая Павловича для управления армиями»³, — писал кн. Барятинский, — составляет образцовое произведение... его основные положения устанавливали определенно коренные условия военного дела, выработанные вековым опытом. Этот опыт ясно доказывает, что успех войны зависит преимущественно от верности относительного расчета между распорядительными и исполнительными действиями, а как безусловная их нераздельность вполне олицетворяется только верховной властью, то для сохранения ее в армии непосредственным вождем считался у нас всегда сам государь.

Наши военные учреждения развивались из этой мысли и именно для ненарушимости ее главнокомандующий за отсутствием государя обладался его властью.

Самостоятельность боевого командования, — продолжал Барятинский, — была у нас всегда полная... Все отношения поставлены были таким образом, чтобы армия и каждый ее орган осуществляли быстро и точно мысль главнокомандующего»⁴. Анализируя новое Положение, Барятинский с «прискорбием» отмечал, что в нем обнаруживается: «...исключение дорогих для нас параграфов, означавших доселе присутствие государя на войне, и... унижение боевого начала перед военно-административным, ныне в первый раз основанным у нас на *двойственной полуподчиненности* и оскорбительном чувстве взаимного недоверия, не свойственных военному духу»⁵, т. е. в умалении власти главнокомандующего.

Это умаление прав главнокомандующего Барятинский усматривал в том, что первый, совместно с военным министром, устанавливает состав армии и назначает главного интенданта. Вместе с тем это умаление усматривалось и в некоторой зависимости военных округов от Военного министерства при условии их подчинения полевому управлению армии во время войны. Однако в действительности все это не имело какого-либо существенного значения и отнюдь не умаляло прерогатив главнокомандующего, которому в ведении военных операций предоставлялась полная самостоятельность.

Что же касается определения состава армии, то этот вопрос, вполне естественно, не мог решаться самим главнокомандующим, так как даже

¹ Приказ военного министра от 17 апреля 1868 г., № 109.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 28904, л. 173.

³ Имеется в виду устав 1846 г.

⁴ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 28904, л. 124—125.

⁵ Там же, л. 126.

при условии создания одной армии необходимо было оставление определенной части войск как внутри страны, так и для охраны границ с нейтральными государствами. Все это едва ли правильно могло быть решено таким заинтересованным лицом, каким являлся главнокомандующий армией.

То же надо сказать и в отношении сохранения связи военных округов по вопросам отчетности с Военным министерством.

Все это нужно было Барятинскому, чтобы доказать необходимость реорганизации военного управления по прусскому образцу, горячим сторонником чего он являлся.

«. . . Боевой дух армии, — писал Барятинский, — неминуемо исчезает, ежели административное начало, только содействующее, соделается преобладающим над началом, составляющим честь и славу военной службы. Во избежание этого, в некоторых государствах, где армии проникнуты примерным боевым духом, военный министр избирается из гражданских чинов, чтобы не допустить в нем желание играть роль в командовании. От военного министра нигде не требуется военных качеств: он должен быть хороший администратор. От того у нас он чаще и назначается из людей неизвестных армии, в военном деле мало или вовсе опыта не имеющих, а иногда не только в военное, но даже и в мирное время совсем солдатами не командовавших. Неудобства от этого быть не может, ежели военный министр строго ограничен установленным для него кругом действий.

Вождь армии, — продолжал Барятинский, — избирается по другому началу: он должен быть уже известен войску и отечеству своими доблестями и опытностью, дабы в военное время достойно и надежно исполнять должность начальника Главного штаба при своем государе, или в данном случае заменять высочайшее его присутствие. . . »¹.

Наряду с вопросом об умалении власти главнокомандующего Барятинский в своей записке подвергал критике устройство штаба армии, выражая сожаление по поводу уничтожения ряда архаических должностей, а также и ликвидации разделения функций штаба на дежурство и квартирмейстерскую часть.

Единственно серьезным замечанием в записке Барятинского являлась критика им пункта Положения, в котором говорилось о создании нескольких армий, во главе которых стоят наделенные одинаковой властью главнокомандующие.

«Устав 1846 года, — говорилось в записке, — не допускал несообразности предположения, что на одном и том же театре войны могут быть несколько равноправных главнокомандующих. . . »².

Таково содержание записки Барятинского, изготовленной Фадеевым.

Анализируя эту записку, мы видим, что основная цель ее заключалась в стремлении опорочить новую систему военного управления. За исключением пункта о создании нескольких действующих армий, возглавляемых отдельными главнокомандующими, все остальные замечания не имели под собой каких-либо оснований. Вместе с тем наиболее слабое место Положения — организация тыла армии — не вызвала со стороны Барятинского никакой критики.

Даже Александр II, крайне ревниво относившийся к прерогативам своей власти, при своей ограниченности, все же смог определить всю

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 28904, л. 133—134.

² Там же, л. 123.

необоснованность и нелогичность обвинений, выдвинутых Барятинским¹.

Положение о полевом управлении было направлено на вторичное рассмотрение ряда лиц, в том числе гр. Берга и великого князя Михаила Николаевича. Первый из них ответил, что у него нет оснований менять свою первоначальную положительную оценку, второй, хотя подвергал критике отдельные пункты Положения, но все же считал нецелесообразным его отменить.

Если на сей раз Барятинскому не удалось добиться своих целей, то далеко не всегда все же встречало Военное министерство сочувствие и поддержку у Александра II в проведении тех или иных преобразований.

Отношение царя к военным реформам было двояким: с одной стороны, под влиянием поражения в Крымской войне, обнаружившей все несовершенство николаевской армии, он являлся сторонником проводимых преобразований, направленных на усиление военной мощи его империи. С другой стороны, характер этих реформ был противен его идеалам, вследствие чего сторонники старых феодальных военных порядков находили у него нередко поддержку.

Примером этого может служить отношение Александра II к стремлениям Военного министерства ликвидировать в той мере, в какой это было возможно в условиях самодержавного строя, аристократическое преимущество офицеров гвардии.

В 1864 году на страницах «Военного сборника» и «Русского Инвалида» появился ряд статей, указывавших на необходимость уравнивать в чинах офицеров гвардии и армии, установив единообразие их.

Действительно, существовавшее в этом отношении положение было явно ненормальным. Во-первых, как уже говорилось, отсутствовало единообразие в чинах: в старой гвардии существовал лишь один штаб-офицерский чин полковника, в молодой гвардии и специальных войсках — два — полковника и подполковника, а в армейских частях три: полковника, подполковника и майора. Во-вторых, офицер, переходивший из гвардии в армию, переводился с повышением в одном чине, в результате чего гвардейские офицеры обгоняли по службе армейских.

Все это являлось результатом царивших в армии феодальных порядков.

Эти преимущества, говорилось в одной из статей «Военного сборника», «обратились теперь в анахронизм и приняли крайне обветшалый характер. Ведь дело не в корпоративных преимуществах, уже отживших свое время, а в личных достоинствах и заслугах военнослужащих»².

Как рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях», все эти статьи были инспирированы им лично для того, чтобы «подготовить общественное мнение в печати». «Хотя в статьях упомянутых изданий, — писал он, — и объяснялось, что преимущества гвардии останутся нетронутыми, так как сущность их заключается, собственно, в быстром ходе производства, — а не в различии наименования чинов... однако ж наши «консерваторы» начали кричать о радикализме и разрушительных замыслах военного министра, объясняя означенное предположение какими-

---

¹ На полях записки Барятинского имеются многочисленные замечания Александра II, опровергающие его обвинения.

² Необходимая реформа в градации чинов в нашей армии, «Военный сборник» № 2, 1864, стр. 265.

то тонкими целями — демократическими замыслами, подкапыванием основ престола и т. д. Кончилось тем, что государь однажды при докладе моем... выразил мне свое неудовольствие по поводу возбужденного вопроса о чинах и приказал прекратить печатание каких-либо статей по этому предмету»¹.

Таким образом, стремление уничтожить различие в чинах между офицерами гвардии и армии встретило непреодолимое препятствие со стороны Александра II.

* * *

Ознакомившись с преобразованиями, осуществленными в области организации войск и их управления, мы можем сделать ряд выводов.

На протяжении первых восьми лет Военному министерству удалось осуществить значительную часть намеченных им реформ в области организации армии и управления войсками.

В области организации армии была создана такая система, которая позволяла в случае войны увеличивать численность войск, не прибегая к новым формированиям.

Эта система являлась шагом вперед по сравнению с существовавшей ранее организацией войск.

Армия обладала определенным количеством находившихся в запасе обученных кадров, необходимых для ее развертывания во время войны. Однако и новая организация армии не обеспечивала должного развития вооруженных сил в свете быстрого роста армий главнейших европейских государств.

Основная причина этого заключалась в сохранении старых феодальных принципов комплектования войск. В подобных условиях невозможно было создание массовой армии, обладавшей значительными обученными резервами.

В силу этого и новая организация армии при сохранении старых принципов комплектования обладала лишь ограниченными возможностями.

Следовательно, основной вопрос, обеспечивавший должную организацию вооруженных сил, не был решен на протяжении 60-х годов.

К тому же новая организация армии страдала и помимо этого рядом недостатков. Уничтожение армейских корпусов имело отрицательное значение в смысле боевой подготовки войск. Организация пехоты, сохранявшая деление на линейные и стрелковые роты, не соответствовала новым тактическим принципам.

Преобразования центрального и местного военного управления имели положительное значение. Реорганизация Военного министерства обеспечивала относительное единство военного управления, ликвидировав бессистемность, которой характеризовалось оно в прошлом.

Однако единство это в условиях монархического образа правления не могло быть полным, так как верховное командование принадлежало царю, что обуславливало мелочное вмешательство его в дела военного управления.

В результате проведения военно-окружной реформы были созданы местные органы управления. Военно-окружная система устраняла излишнюю централизацию управления, обеспечивала оперативное руководство войсками, а также мобилизацию их.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 317—318.

Создание военных округов, помимо чисто военного значения, преследовало и определенные политические цели — борьбу с революционным движением.

Военно-судебная реформа, несмотря на объективно-буржуазный характер ее, сохранила в значительно большей степени, нежели другие преобразования, черты феодально-крепостнической организации суда.

Воинский устав о наказаниях сохранял основной принцип феодального права — определение наказаний в зависимости от сословной принадлежности.

Наименее удачной реформой в области управления войсками явилось Положение о полевом управлении армией.

Несмотря на то, что рассмотренные преобразования в области организации и управления войсками, отражая эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию, носили объективно-буржуазный характер, вооруженные силы России попрежнему сохраняли в значительной степени принципы феодального устройства.

Глава IV

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ АРМИИ

Одним из важнейших вопросов военных преобразований являлось перевооружение армии.

Развитие военной техники, обусловившее переход от гладкоствольных ружей к штуцерам и к нарезным артиллерийским орудиям влекло за собой изменение всей боевой подготовки войск, требовало иных тактических принципов.

«...вся организация и боевой метод армии, а вместе с ними победы и поражения, — писал Энгельс, — оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия...»¹.

Таким образом, дальнейшее усиление армии было невозможно без снабжения ее современным оружием, что в свою очередь обуславливало иную подготовку личного состава войск.

Вооружение русской армии обнаружило все свое несовершенство в период Крымской войны, однако в первые годы по ее окончании было сделано очень немного, что объяснялось в первую очередь общей отсталостью отечественной промышленности, базировавшейся на крепостном труде, а также крайне тяжелым состоянием государственного бюджета.

Вследствие этого Военное министерство смогло приступить вплотную к перевооружению армии лишь в начале 60-х годов.

Общие задачи в области перевооружения, как они формулировались в докладе 15 января 1862 года, сводились к приведению вооружения русской армии в соответствие с уровнем развития военной техники, причем одновременно предполагалось всемерно расширять отечественную военную промышленность.

Конкретный же план реализации этих общих задач претерпевал непрерывно всякого рода изменения, обуславливавшиеся быстрым развитием военной техники, вследствие чего одна система вооружения вытесняла другую.

Тем не менее, весь период перевооружения армии мы можем разделить на два этапа: первый, примерно, до 1866 года, когда происходила замена гладкоствольного вооружения нарезным, заряжающимся с дула, и второй этап — с 1866 года, характеризовавшийся введением нарезного, заряжающегося с казенной части, вооружения.

---

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1950, стр. 160.

В первые годы после окончания Крымской кампании наряду с нарезным стрелковым оружием войска попрежнему снабжались и гладкоствольным. С 1856 по 1862 г. включительно было отпущено для вооружения войск 286.331 ударное гладкоствольное ружье¹.

В 1856 году был разработан новый вид пехотного вооружения — 6-линейная, заряжающаяся с дула, нарезная винтовка.

Изменение калибра позволило увеличить начальную скорость полета пули при сохранении прежнего веса заряда. Винтовка образца 1856 года обладала двояким прицелом на 600 и 1.200 шагов. Первый предназначался для линейной пехоты, второй — для стрелковых рот. Винтовка этого образца обладала большей дальностью и настильностью полета, а также большей ударной силой.

В 1860 году был сконструирован новый образец казачьей винтовки того же калибра, мало отличавшийся от пехотной.

К 1862 году, т. е. к началу военных реформ, были вооружены шести-линейной винтовкой уже 260.106 человек².

Изготовление новых 6-линейных винтовок в значительной части было, по установившейся традиции, заказано немецким и бельгийским фабрикантам, несмотря на то что в России имелись реальные условия для выполнения этого заказа (по крайней мере большей его части).

В связи с этим не лишено интереса обращение тульских оружейников в 1857 г. к генералу-фельдцейхмейстеру вел. кн. Михаилу Николаевичу с просьбой предоставить им заказ на изготовление 25 тысяч ружей. «Мы... желали бы, — писали они, — послужить отечеству своему... желали бы показать, что мы не отстали в оружейной работе от иностранцев и можем исправно и тщательно работать; и вместе с тем желали бы употребить все свободное время наше для прокормления семейств наших на ту же самую работу, к которой привыкли мы с детства, не отвлекаясь от оной другими работами по недостатку заказов на оружейные части и потому осмеливаемся убедительно же испрашивать милостивого ходатайства вашего императорского высочества о доставлении нам заказа для вооружения... предлагая исполнить оный — по какому угодно будет правительству образцу, из самых лучших материалов, самой высокой и тщательной отделки, в особенности касательно верности стрельбы, с ореховыми ложами, с уступкой 50 коп. на каждое ружье с цены, за которую обязался иностранец Таннер изготовить первые 2.500 ружей и в срок гораздо кратчайший, нежели в который он может на себя принять изготовление заказа 25 т. ружей»³.

Вместо того, чтобы строить новые заводы по изготовлению ружей, обладая великолепными кадрами оружейников, царское правительство с присущими ему рабской приверженностью перед иностранщиной и игнорированием творческих сил русского народа предпочитало заказывать оружие за границей, субсидируя при этом иностранных предпринимателей.

В вооружении артиллерии с 1856 по 1862 г. также не произошло существенных изменений. Нововведения в этой области заключались

¹ «Исторический очерк деятельности военного управления в России...», т. II, СПб. 1879, стр. 246.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 1, л. 76.

³ Цитировано по книге В. Федорова «Вооружение русской армии в XIX столетии», 1911, стр. 120—121.

в усовершенствовании существующих орудий и в замене гладкоствольных орудий нарезными. К преобразованиям первого вида в полевой артиллерии относились: замена легких орудий 12-фунтовыми облегченными пушками, начатая еще в период войны, и изменение в конструкции единого, выразившееся в уничтожении камор, затруднявших как изготовление орудий, так и зарядов к ним.

Введение же нарезных, заряжающихся с дула, орудий было начато лишь в 1860 году, так как в течение длительного времени опыты с нарезными орудиями не давали положительных результатов; на вооружение полевой артиллерии были приняты 4-фунтовые нарезные пушки калибром в 3,42 дюйма. Эти орудия обладали значительным преимуществом в дальности и меткости стрельбы. Предельная прицельная стрельба из 4-фунтовой пушки производилась с расстояния в 1000 саж. При стрельбе с такой дистанции процент попадания равнялся 10; с 800 саж. — 25, а с 500 саж. — более 50; из гладкоствольных же на 400—500 саж. процент попадания не превышал 25¹. Нарезные пушки предназначались для вооружения легких батарей вместе 12-фунтовых облегченных пушек, которыми предполагалось вооружить батарейные батареи.

В вооружении осадной артиллерии за этот период не произошло никаких изменений. В крепостной артиллерии 60-фунтовые пушки системы ген. Баумгарта были заменены пушкой того же калибра системы профессора баллистики Михайловской артиллерийской академии, талантливого русского изобретателя, полковника Маиевского. Пушки Маиевского, крупнейшего исследователя в области внутренней баллистики, значительно превосходили как пушку Баумгарта, так и пушку подобного калибра, принятую в английской армии. Пушки, изготовленные по английскому образцу, разрывались на 546-м выстреле, пушки Баумгарта на 789-м, пушки же Маиевского выдерживали 1000 выстрелов.

* * *

В докладе по Военному министерству 15 января 1862 года, представлявшем собой план военных реформ, уделялось большое место вопросам перевооружения. В докладе указывалось на несовершенство вооружения как пехоты, так и артиллерии. «Война эта, — писал военный министр, — привела нас к сознанию необходимости в самых деятельных мерах к снабжению наших войск современным оружием... Мы должны теперь откровенно признаться, — продолжал он, — что в материальном состоянии артиллерии и вооружении войск мы отстали от других европейских государств»².

В докладе указывалось на необходимость принятия энергичных мер для быстрого перевооружения армии и развития в целях этого отечественной промышленности, производящей вооружение и боеприпасы³.

К началу 60-х гг. «как вооружение пехоты, так и устройство артиллерии полевой и крепостной находились в положении переходном»⁴.

Для обеспечения армии в кратчайший срок нарезным стрелковым оружием Военное министерство стремилось, во-первых, увеличить произ-

---

¹ «Исторический очерк деятельности военного управления в России...», т. II, СПб., 1879, стр. 252.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 1, л. 76.

³ См. гл. II, «План военных преобразований».

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7844, стр. 299.

водительность оружейных заводов и, во-вторых, продолжало заказывать ружья за границей.

К началу 1865 года, как указывалось в докладе 1 января 1865 года, в деле перевооружения армии были достигнуты большие успехи: «...вся пехота вооружена 6-ти линейными винтовками»¹. Подобное утверждение было не совсем точным: действительно, в области снабжения войск нарезным стрелковым оружием Военное министерство добилось значительных результатов, однако перевооружение пехоты все же было закончено лишь в основном. По данным отчета главного артиллерийского управления, к 1865 году ряд дивизий, входивших в состав кавказской армии, был попрежнему вооружен гладкоствольными ружьями², причем такое положение сохранялось и на протяжении 1865 и 1866 гг. Следовательно, даже к 1867 году перевооружение пехоты 6-линейными нарезными, заряжающимися с дула, винтовками полностью закончено все же не было.

Наряду с перевооружением армии этими винтовками артиллерийским ведомством производилось испытание различных систем ружей, заряжающихся с казенной части и принимавшихся на вооружение в ряде европейских армий. «Только что успели мы закончить перевооружение всей нашей армии 6-линейными нарезными винтовками, — писал Милютин, — как уже во всех государствах поднят был вопрос о ружьях, заряжаемых сзади с металлическим патроном. Дело это было еще так ново, что везде приступали только к испытанию первых, весьма несовершенных, изобретений, которые вскоре потом забывались с появлением новых механизмов»³. В силу именно этого Военное министерство и продолжало до 1867 года изготовление и снабжение армии 6-линейными, заряжающимися с дула винтовками.

Вооружение артиллерии к 1862 году также находилось в переходном состоянии. В полевой артиллерии незадолго до этого, как говорилось выше, было начато перевооружение легких батарей 4-фунтовыми нарезными, заряжающимися с дула, медными пушками, которыми предполагалось снабдить все легкие батареи.

Однако через три года, т. е. к 1865 году, в каждой артиллерийской бригаде (включая и вновь сформированные) лишь одна из легких батарей была вооружена 4-фунтовыми нарезными орудиями.

На вооружении же батарейных батарей попрежнему оставались гладкостенные 12-фунтовые пушки, которые предполагалось переделать в нарезные. Осуществить же это не удалось, так как вскоре возник вопрос о необходимости перехода к орудиям, заряжающимся с казенной части.

«Крепостная артиллерия, — писал Милютин, — находилась в положении еще более неудовлетворительном. Как сухопутные, так и приморские наши крепости были вооружены прежними гладкостенными орудиями на деревянных, большею частью подгнивших, лафетах и платформах»⁴. В начале 60-х годов было приступлено к переделке в Петербургском арсенале 12- и 24-фунтовых пушек из гладкостенных в нарезные для вооружения прибалтийских крепостей. Переделку же орудий для западных и юго-западных крепостей предполагалось производить в Брест-Литовске и Херсоне.

Наряду с этим в Петербургском и Брянском арсеналах начали изготавливаться новые нарезные медные и чугунные орудия этих калибров.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 5, л. 67.

² „Вспомогательный отчет о действиях Военного министерства за 1864 г.“, СПб., 1866. Отчет Главного артиллерийского управления, стр. 26.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 328.

⁴ Там же, М. 7841, стр. 176.

Военное министерство придавало большое значение делу перевооружения крепостей, в целях чего в 1863 году был создан особый комитет из представителей артиллерийского, морского и горного ведомств под председательством товарища генерал-фельдцейхмейстера ген. Баранцева.

Этот комитет наметил следующие первоочередные меры для обеспечения крепостей, а также и нужд морского ведомства: «1) приготовить в течение 4 лет 900 стальных нарезных орудий возможно большего калибра, из числа их 400 для сухопутного и 500 для морского ведомства; 2) для заказа орудий воспользоваться всеми средствами как заграничными, так и внутренними; 3) заказы в 1863 г. сделать в таком лишь размере, в каком они могут быть выполнены к весне 1864 года, и 4) усилить развитие наших заводов, дабы сколь возможно ранее прекратить заказы за границей»¹.

Однако вследствие того, что в этот период непрерывно разрабатывались все новые и новые системы орудий, в течение ближайших лет (то есть в первую половину 60-х годов), более или менее существенного в деле перевооружения крепостной артиллерии сделано не было. Определить систему орудий и приступить к серийному изготовлению их в этих условиях было крайне трудно. К тому же в эти годы было обращено главное внимание на развитие отечественных сталелитейных заводов, что являлось необходимым условием для перевооружения артиллерии.

Таковы итоги первых лет деятельности Военного министерства в области перевооружения армии.

* * *

Прежде чем переходить к дальнейшему изложению хода перевооружения, остановимся на характеристике состояния военной промышленности и тех мероприятий, которые осуществлялись для ее развития.

Военное министерство придавало важное значение развитию военной промышленности, о чем свидетельствует его забота об этом.

В одном из писем государственному контролеру Чевкину по поводу отпуска средств на строительство нового оружейного завода Милютин писал: «...Вы испугаетесь громадной цифры исчисленного общего расхода, но едва ли можно избежать этого пожертвования, если мы желаем, чтобы Россия на будущее время была обеспечена в отношении оружия и могла обходиться без иностранных заказов»². В другом месте военный министр выражал эту мысль в еще более категорической форме: «Россия не Египет и не папские владения, — писал он, — чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армию. Мы должны устроить свои заводы для изготовления в будущем наших ружей...»³.

Вопрос о развитии военной промышленности волновал и широкие круги русской общественности. На заседаниях Русского Технического общества в 1873 году в течение длительного времени обсуждался вопрос «об источниках снабжения армии оружием и предметами боевого довольствия...», причем все члены общества отмечали необходимость развития отечественной промышленности.

Важно отметить, что среди членов общества обнаружились разногласия по вопросу о характере этой промышленности. Если владельцы

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 4, л. 135.

² Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом), ф. Чевкина, 518/100, письмо Д. А. Милютина от 5 ноября 1868 г.

³ Резолюция Д. А. Милютина на рапорте ген.-майора Горлова. Цитировано по книге В. Г. Федорова. Вооружение русской армии в XIX столетии, 1911 г., стр. 237.

заводов настаивали на развитии частных предприятий с соответствующим кредитом от казны, то представители передовой технической мысли являлись сторонниками создания казенных заводов. Выразителями этой точки зрения выступали известный изобретатель в области артиллерии военный инженер Н. В. Калакуцкий и редактор «Оружейного Сборника» В. Л. Чебышев. В своем докладе в Русском техническом обществе Калакуцкий указывал, что «устройство казенных заводов для удовлетворения нужд армии необходимо и не зависит от степени развития частной промышленности... казенные должны существовать для изготовления всех боевых материалов без исключения»¹. В таком же духе выступал и Чебышев.

Как говорилось уже выше, к 1862 году, т. е. к началу военных реформ, артиллерийское ведомство располагало тремя оружейными заводами: Тульским, Ижевским и Сестрорецким, изготавливавшими в год около 90 тыс. ружей и пистолетов. Реформа 1861 года вызвала необходимость ликвидации обязательного труда на военных заводах, однако отмена его произошла не сразу. Одной из задач, поставленных Военным министерством в области развития военной промышленности, и являлся переход к вольнонаемному труду на этих заводах и арсеналах.

Обязательный труд был отменен в первую очередь на Тульском оружейном заводе в 1864 году.

Однако Военное министерство, точнее, главное артиллерийское управление, оказалось совершенно неспособным организовать работу завода на новых началах. Оно считало, что «Вольный труд при казенном хозяйственном управлении дело почти немыслимое и во всяком случае более вредное для казны, чем обязательный труд»².

Эта точка зрения чрезвычайно ярко характеризовала неспособность самодержавно-дворянского государства, сохранившего свою крепостническую природу, организовать производство на новых началах. Военное министерство решило этот вопрос по меньшей мере своеобразно. Тульский завод был сдан в арендно-коммерческое управление сроком на пять лет командиру завода генерал-майору Стандершельду. Условия этой коммерческой сделки довольно странны. Командир завода, продолжая оставаться на военной службе, становился арендатором завода, внося для обеспечения определенный залог в размере нескольких десятков тысяч рублей. Арендатор обязывался ежегодно производить 60 тыс. винтовок по установленной цене в 15 руб. 88 коп. за одну единицу. Доход арендатора определялся в 1 руб. 05 коп. с винтовки и, следовательно, составлял в год 61.800 руб. Военное министерство отпускало также ежегодно 62.385 рублей на текущий ремонт завода и оборудования, отопление, освещение, содержание пожарной команды, чернорабочих и т. д. Подобная коммерческая операция, как указывалось в цитированной выше записке, обуславливалась невозможностью сдачи в аренду «частным спекулянтам, и тем более иностранцам». В силу этого единственным выходом представлялась сдача в аренду завода лицу, компетентному в техническом отношении, находящемуся в определенной зависимости от правительства, т. е. состоящему на государственной службе.

«При столь важной реформе, — говорилось в записке главного артиллерийского управления, — предстояло прибегнуть к самым решитель-

---

¹ «Русский Инвалид», 1873, № 267.

² ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, № 504, опись 7-я, д. № 32, л. 123. Объяснительная записка Главного артиллерийского управления о причинах сдачи Тульского завода в арендно-коммерческое управление.

ным и энергическим мерам, чтобы не остановить снабжения войск оружием и не обременять бюджета Военного министерства, что при вольном труде становилось неизбежным»¹. Такими «энергическими мерами» и являлась сдача завода в аренду ген. Стандершельду, к тому же без торгов.

Подобная «коммерческая» сделка вызвала возмущение даже «Петербургских ведомостей». «...Артиллерийское управление, — говорилось в газете, — предпочло отдать завод без всяких торгов одному лицу, не имевшему таким образом даже и соперников. Ясно, что при таком способе передачи завода нет никаких прочных данных, чтобы судить, насколько настоящие условия контракта могли бы представить для казны более благоприятных данных, при более рациональном способе передачи казенного завода в частное заведывание на коммерческом праве»².

Надо сказать, что общество тульских оружейников³, вскоре после сдачи завода в аренду, в ноябре 1865 года, обратилось в Военное министерство от лица 3.400 человек, с прошением передать завод их товариществу на значительно более выгодных для казны началах.

«Цель предполагаемого товарищества тульских оружейных мастеров, собственно для выделки оружия, — писали они, — ясно заключается, во-первых, в том, чтобы не только поддержать производство оружия в том состоянии, в каком оно доселе находилось и находится, но развить его до возможно больших размеров, вывести на высшую степень совершенства и навсегда упрочить оное для государства и притом с возможно большими выгодами для государственной казны; во-вторых, в том, чтобы оружейники, при сознании всей пользы, важности и необходимости совершенно добровольно и свободно принятого ими труда, имели полную возможность улучшить собственный материальный быт...»⁴. Наряду с этим они достаточно убедительно доказывали нецелесообразность сдачи оружейного завода в арендно-коммерческое управление. «Главная цель лица, арендующего оружейный завод, — говорилось в прошении, — чтобы ни было, заключается в том, чтобы выполнить в условленный срок годовой наряд оружия. Что будет с заводом и с оружейным искусством в России, а также и с оружейными мастерами по миновании срока аренды, все это, понятно, не входит в круг его обязанностей. При таком положении дела рождается мысль, что с течением времени число тульских оружейных мастеров... может уменьшаться, и оружейное искусство на тульском заводе постепенно склоняться к упадку, так что на восстановление его, когда потребуют того обстоятельства, понадобятся снова чрезвычайные усилия правительства и большие издержки казны...»⁵.

Действительно, с момента сдачи завода в аренду известное число оружейников осталось без работы.

Условия, предлагаемые товариществом оружейников, были значительно выгоднее, нежели соглашение с ген. Стандершельдом. Вместо стоимости винтовки в 15 руб. 88 коп., как это было обусловлено договором со Стандершельдом, оружейники предлагали установить цену в 15 рублей, что при производстве 60 тысяч винтовок в год составило бы ежегодно экономию в 52.800 руб. Кроме того, они предлагали уменьшить

¹ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, № 504, опись 7-я, д. № 32, л. 123.

² «С.-Петербургские ведомости», 1865, № 303.

³ Это общество возглавлялось так называемыми «первостатейными мастерами», являвшимися по существу капиталистическими предпринимателями.

⁴ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, № 504, опись 7-я, д. № 32, л. 3.

⁵ Там же, л. 4.

расходы на содержание и ремонт зданий на 20 тыс. рублей в год. Вся экономия, считая и 4 тыс., отпускаемых на жалование арендатору — начальнику завода и его помощнику, составила бы 76.800 руб. Военное министерство отклонило предложение тульских оружейников, как несоответствующее «высочайше утвержденным» условиям сдачи завода в аренду¹.

На условиях, аналогичных сдаче в аренду Тульского оружейного завода, были отданы в аренду Сестрорецкий и Ижевский заводы.

Сестрорецкий завод был сдан в аренду на пять лет командующему им полковнику Лиlienфельду в сотовариществе с петербургским купцом Розе. Ижевский — 15 января 1867 года — командующему заводом полковнику Фролову и его помощнику полковнику Стандершельду, брату арендатора Тульского завода. В 1873 году Ижевский завод был сдан в аренду кап. Бильдерлингу, зятю начальника Главного артиллерийского управления ген. Баранцева.

Мы не располагаем материалами, которые дали бы нам ответ на вопрос, почему все оружейные заводы оказались в руках прибалтийских немцев. Однако, несомненно, что личные симпатии Александра II к немецким аристократам, состав дворцовой камарильи, в которой «Адлерберги» и им подобные играли далеко не последнюю роль, в значительной мере определили состав арендаторов оружейных заводов.

К тому же главное артиллерийское управление в лице товарища генерал-фельдцейхмейстера Баранцева сочувственно относилось к заключению подобных контрактов.

В связи с необходимостью более быстрого окончания перевооружения армии в 1870 году было принято решение о коренной реконструкции Тульского оружейного завода. С этой целью весной этого года завод перешел в казенное управление.

Для переоборудования завода было первоначально ассигновано 1.500.000 рублей². В результате произведенных работ производственная мощность завода значительно увеличилась: было приобретено до тысячи специальных оружейных станков, в результате чего изготовление ружей было механизировано. Завод мог функционировать в течение круглого года, в то время как ранее несколько месяцев в году работы не производились в виду того, что водяные двигатели, приводившие в движение станки, в период паводков на реке Упе бездействовали. Вместо этих примитивных двигателей были поставлены 3 турбины в 360 л. с. и, кроме того, 2 паровые машины в 200 л. с. Реконструкция завода обошлась в 2.900.000 рублей. В результате переустройства завода были созданы условия, обеспечивавшие массовое производство новых видов стрелкового оружия³.

Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы на протяжении 70-х годов продолжали оставаться «в арендно-коммерческом управлении»; однако и на этих заводах была проведена некоторая реконструкция, обеспечившая значительное увеличение выпуска продукции.

Остановимся на характеристике состояния пороховых заводов.

---

¹ Судя по записке, сохранившейся в деле, Милютин первоначально отнесся к предложению оружейников положительно, предложив Главному артиллерийскому управлению всесторонне изучить этот вопрос.

² ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, № 504, опись 7, дело 111, л. 21, 31.

³ Подробные сведения о реконструкции Тульского завода см. в статье «Исторический обзор Тульского оружейного завода и настоящее его положение», «Русский Инвалид», 1873, № 265—266, а также в книге В. Ашуркова «Кузница оружия», Тула, 1947.

Пороховые заводы на протяжении 60-х годов не претерпели особых изменений. Наиболее существенные из них коснулись лишь Охтенского порохового завода.

Еще в 1863 году в связи с внедрением призматического пороха для стрельбы из тяжелых орудий было предпринято оборудование завода механическими прессами для выработки этого сорта пороха. Произошедший же в 1864 году огромный взрыв повлек за собой коренную реконструкцию всего завода. В течение 1865—1868 гг. были осуществлены крупные строительные работы, предусматривавшие безопасность производственного процесса, созданы новые гидротехнические сооружения, а также установлены новые механизмы. Все это, естественно, оказало большое влияние на улучшение процесса производства, однако после реконструкции, в конце 60-х годов, количество выпускаемой продукции почти не увеличилось.

С 1 января 1868 года на заводе был введен «в виде опыта на два года» вольнонаемный труд, и так называемые мастерские роты были упразднены.

Замена солдат вольнонаемными рабочими дала экономию средств, снизив расходы по рабочей силе примерно на 15%.

На Казанском и Шостенском пороховых заводах вводились на протяжении указанного периода лишь частичные улучшения. Работа на них попрежнему производилась мастерскими-солдатами, и только в первой половине 70-х годов начал осуществляться постепенный переход к вольнонаемному труду. Общее количество изготавливаемого пороха на всех заводах на протяжении 60-х годов не претерпело существенных изменений, составляя от 60 до 100 тысяч пудов в год. Только с начала 70-х гг. производство значительно увеличилось. Так, в 1871 году все три завода изготовили 121.119 пуд., в 1872 году — 165 тыс. пуд., в 1873 — 170 тыс. пуд. и в 1874 — 180 тыс. пудов¹.

В 1869 году в Петербурге был создан патронный завод, состоящий из трех отделов: литейного гильзового, васьльеостровского гильзового и снаряжательного. Завод был снабжен десятью паровыми двигателями и двумя локомотивами общей мощностью 239 л. с. Завод был рассчитан на изготовление 140 млн. патронов в год, а при напряженной работе годовой выпуск мог быть доведен до 210 млн.

Серьезные улучшения были произведены в местных артиллерийских арсеналах. Петербургский арсенал был значительно реконструирован (переустройство литейной, установление новых паровых двигателей, мощностью в 204 л. с.). Все работы по реконструкции арсенала были кончены в 1870 году.

Значительные работы были произведены также и в Киевском и особенно в Брянском арсеналах (перестройка зданий, установка новых механизмов). Силовое хозяйство Брянского арсенала состояло из четырех паровых машин общей мощностью 110 л. с., Киевского — трех паровых двигателей и двух локомотивов общей мощностью 93 л. с.²

Комиссией для преобразования технических заведений артиллерийского ведомства был поставлен вопрос о переходе в арсеналах к вольнонаемному труду, что обеспечивало резкое сокращение числа рабочих (по трем арсеналам — с 1440 чел. до 870), а также и возможность привлече-

---

¹ «Исторический очерк деятельности военного управления в России ...», т. IV, прилож. № 69 и т. VI, прилож. № 107, СПб., 1880.

² Данные о силовом хозяйстве Патронного завода и арсеналов заимствованы из «Военно-статистического сборника», вып. IV, отд. 2, стр. 120—123, СПб., 1871.

ния высококвалифицированных мастеров. В 1866 году было решено перевести на вольнонаемный труд Петербургский арсенал опять-таки «в виде опыта на два года», и только в 1870 году этот «опыт» был распространен на другие арсеналы.

Уже во второй половине 60-х годов продукция арсеналов резко увеличилась. Если за 1862—1865 гг. в среднем изготовлялось 209 орудий, 85 лафетов и 131 зарядный ящик, то за 1867—1870 годы изготовлялось ежегодно в среднем 622 орудия, 316 лафетов и 350 зарядных ящиков¹. Примерно такое же количество изготовлялось и в начале 70-х годов.

В 1866 году была основана в Петербурге оружейная мастерская, предназначавшаяся для отделки орудий, заряжаемых с казенной части, изготовлявшихся на горных заводах, а также частично и в Петербургском арсенале. Оружейная мастерская была снабжена четырьмя паровыми двигателями и одним локомотивом общей мощностью в 128 л. с.

Мастерская отделявала ежегодно около 700 орудий разного калибра.

Помимо этого, заказы артиллерийского ведомства (на чугунные орудия, снаряды, железные лафеты, холодное оружие) выполнялись различными заводами как горного ведомства, так и частновладельческими — Александровским, Олонецким, Луганским, Нижне-Исетским, Верхне-Туринским, Нижне-Туринским, Юговским, Богословским и др. Стоимость годового наряда горным заводам в конце 60-х годов превышала полтора миллиона рублей². Однако перевооружение армии в первую очередь зависело от развития сталелитейного производства, в силу чего Военное министерство уделило большое внимание этому вопросу.

В своем докладе Александру II военный министр, говоря о необходимости заказывать орудия немецкому заводчику Круппу, указывал, что «подобные меры должны считаться временными, вызываемыми исключительными обстоятельствами. Самый же важный для будущности артиллерии вопрос заключается в развитии сталелитейного дела»³.

Россия была первой страной в мире, в которой еще в 30-х гг. XIX в. сталелитейное производство начало развиваться на научной основе. Огромная заслуга в этом отношении принадлежит начальнику Златоустовского горного округа ген.-майору П. П. Аносову. На основе тщательного изучения состава стали и ее свойств Аносову удалось постичь тайну восточного булата, изготовление которого было забыто несколько веков назад. Во второй половине 30-х годов Аносов изготовил целую серию булатов: куш-ганды, крупный хорасан, табан с крупными и мелкими узорами, кара-табан. Клинки из булатной стали, изготовленные Аносовым, сгибались под прямым углом и рубили кость и металл без всякого повреждения лезвия. Сталь Аносова по своим качествам не только не уступала, но превосходила лучшую для того времени английскую инструментальную сталь.

Большая заслуга Аносова заключается в том, что он впервые в мире применил микроанализ металлов, используя для этой цели микроскоп на 23 года ранее англичанина Сорби, которому приписывали приоритет в этой области. Вся работа Аносова по изготовлению булатной стали получила свое обобщение в его сочинении «О булатах», вышедшем в 1841 году в Петербурге, и в «Приложении к сочинению «О булатах», изданном в том же году в Златоусте.

¹ Исторический очерк военного управления..., том IV, прилож. 67, СПб., 1880.

² „Военно-статистический сборник“, вып. IV, СПб, 1871, отдел 2, стр. 125.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10507/1. „Всепоподаннейший доклад по Военному министерству 1 января 1863 г.“, л. 71.

Преемником Аносова в области развития сталелитейного производства явился горный инженер П. М. Обухов. В начале 50-х годов Обухов, работая в качестве горного инженера в Златоусте, изобрел способ получения литой стали путем обезуглероживания чугуна при помощи окиси железа. Выплавка стали производилась в тиглях. Сталь Обухова обладала чрезвычайно высокими качествами, превосходя европейскую, в том числе и английскую. Как сообщалось в «Артиллерийском журнале», «...шпажный клинок, приготовленный из этой стали, обладает упругостью высокой степени; доказательством может служить, что его можно обогнуть около себя и потом, если его отпустить, то он примет свой первоначальный вид; согнутый вдвое, как лист бумаги, не дает трещин. Кирасы выдерживали по два выстрела в одно и тоже место из штуцера на расстоянии 30 шагов. Стволы, приготовленные из этой стали, оказались по испытанию очень хорошими. Стволы эти, сгибаемые в кольцо, не обнаруживали ни малейшей трещины»¹. Таким образом, сталь Обухова обладала необыкновенными упругостью и вязкостью.

2 декабря 1855 года на Златоустовском заводе производились опыты над стволами, изготовленными из стали Обухова и стали Круппа. Опыты подтвердили преимущества стволов Обухова².

Производство ружейных стволов из литой стали было вовсе неизвестно за границей. В связи с этим вызывает большой интерес рассказ крупного специалиста в области ружейного дела В. Л. Чебышева о посещении им одного из ружейных заводов за границей. «Никогда не забуду, — говорит он, — как, приехав в один из заграничных городов, славящийся казенною ружейною фабрикою, я, разумеется, представился начальнику оной и просил позволения посещать работы. Директор завода принял меня с обычной любезностью и назначил одного из артиллерийских капитанов... показывать мне завод.

Разговаривая с этим капитаном, я между прочим спросил его: «Не делали ли у вас каких-либо опытов над стволами из литой стали?» Вдруг лицо капитана изменилось и он начал как-то двусмысленно смотреть на меня, это разумеется меня сконфузило, и я думал, что не сказал ли я... какого-нибудь вздора. Но, к счастью, молчание, водворившееся было между нами, было прервано полным удивления вопросом капитана: «Как — стволы из литой стали... да разве можно из литой стали делать стволы? Разве вы не знаете, что от металла стволов требуется тягучесть, мягкость и ковкость, а литая сталь ничего подобного не имеет, и ко всему этому она чрезвычайно хрупка?»³.

В 1855 году Обухов разработал проект производства орудий из литой стали. Однако проект этот был положен под сукно, и Златоустовская фабрика продолжала заниматься изготовлением ружейных стволов, кирас и клинков. Только в 1857 году Военное министерство заинтересовалось проектом Обухова, который в связи с этим поставил вопрос о сооружении в Златоусте для производства орудий из литой стали новой фабрики с 36 двухместными горнами для плавки стали. Вскоре после этого Обухов был направлен в командировку в Германию для ознакомления с сталелитейным производством. По его возвращении началось строительство сталепушечного завода в Златоусте, получившем название Князе-Михайловской фабрики. Фабрика была оборудована

¹ Родкевич. Способ выделки литой стали Г. Обухова на Златоустовском заводе. „Артиллерийский журнал“, № 1, 1857, стр. 30—31.

² Там же, стр. 31—37.

³ Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии поручиком Чебышевым. „Артиллерийский журнал“, № 4, 1861, стр. 234—235.

несколькими паровыми двигателями, приводившими в движение станки, а также тремя паровыми молотами мощностью в 550, 150 и 50 пудов. Стоимость зданий и оборудования фабрики, по исчислению Н. Калакуцкого, определялась в 1.034.035 рублей¹. В конце 1859 года Князе-Михайловской фабрике был дан первый заказ: отлить 4 стальных болванки; одну — для 12-фунтовой облегченной пушки и три — для 4-фунтовых. В конце 1860 года в Петербурге были произведены испытания 12-фунтовой пушки Обухова. Стрельба производилась 12-фунтовыми чугунными ядрами, причем 1060 выстрелов были сделаны 3-фунтовым зарядом пороха, а последующие 2940 — усиленным зарядом в 4 фунта². Таким образом, пушка Обухова выдержала 4000 выстрелов. Временный артиллерийский комитет, рассматривая результаты испытаний, в своем решении отметил: «Литая сталь Обухова превосходна... его орудие отлично выдерживает стрельбу даже сильнейшими зарядами, чем обыкновенный. Вязкость и упругость этой стали такова, что орудие выдержало без разрыва 4000 выстрелов и металл при этом нисколько не поддался... Доставленное г. Обуховым орудие ни в чем не уступает орудиям Круппа, и останется только желать, чтобы такие же точно орудия приготавливались им при производстве орудий из литой стали в большом числе»³. Химический анализ стали орудия Обухова дал следующие результаты: в 100 частях ее оказалось: железа 98,76, углерода 1,02, графита 0,15, кремния 0,04⁴.

Сталь Князе-Михайловской фабрики по своему качеству была выше, нежели сталь завода Круппа. На основе анализа, произведенного на Князе-Михайловской фабрике, оказалось, что сталь Обухова содержала в своем составе 99,81 железа, в то время как крупповская — 98,54; в обуховской стали сера отсутствовала, в стали же Круппа ее имелось 0,065⁵.

Большую роль в деле отливки стальных орудий на Князе-Михайловской фабрике сыграли известные ученые артиллеристы Н. В. Калакуцкий и А. С. Лавров, работавшие в течение ряда лет артиллерийскими приемщиками на фабрике.

В 1862 году 12-фунтовая пушка Обухова на Лондонской всемирной выставке получила золотую медаль, превзойдя по своим качествам все демонстрировавшиеся там орудия.

«... На всей Лондонской выставке, — писал известный горный инженер Полетика, — нет ни одного металлического изделия, которое по качеству металла могло бы сравниться с обуховской пушкой»⁶.

Пушки из обуховской стали обходились значительно дешевле, нежели крупповские. Пуд стали обуховской пушки стоил правительству 16 руб. 50 коп., а крупповских пушек — 45 руб. (несколько позднее Крупп снизил цены, однако и после этого стоимость крупповских пушек почти в два раза была выше обуховских). Возможность отливки стальных пушек на отечественных заводах имела огромное значение, освобождая военное ведомство от иностранной зависимости в столь важном вопросе.

¹ Н. Калакуцкий. Материалы для изучения сталелитейного дела в России, „Артиллерийский журнал“, № 9, 1869, стр. 295.

² Результаты испытания опубликованы в „Артиллерийском журнале“ № 7, 1861.

³ „Артиллерийский журнал“ № 7, 1861. Отдел официальный, стр. 499—500.

⁴ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления. № 503, опись 3-я, д. № 486. л. 91.

⁵ Кавадеров. Князе-Михайловская сталепушечная фабрика в г. Златоусте „Горный журнал“, № 3, 1868, стр. 339.

⁶ „Северная пчела“, № 160, 1862.

Таким образом, к началу 60-х годов в России имелись налицо все условия для развития отечественного сталепушечного производства.

Однако создание Князе-Михайловской фабрики в Златоусте, положившей начало серийному производству стальных орудий, естественно, не решало и не могло разрешить вопроса о производстве стальных орудий в нужном для армии и флота количестве.

Во-первых, завод не имел возможностей для производства орудий крупных калибров, во-вторых, местонахождение завода вдали от удобных средств сообщения также создавало серьезное затруднение для его развития.

Чтобы освободиться от иностранной зависимости в деле производства стальных орудий, в 1862 году был образован особый комитет из представителей трех ведомств: военного, морского и горного. Председателем этого комитета был назначен адмирал Путятин (вскоре после его снятия с поста министра народного просвещения в связи со студенческим движением в 1861 г.).

Комитет признал необходимым «...сколь возможно в больших размерах развить сталелитейное дело внутри империи, дабы поставить нас вне зависимости от заграничных заказов...»¹.

С этой целью комитет начал вести переговоры с контрагентом Обухова, ловким дельцом, любителем легкой наживы Путиловым (в прошлом морским офицером) о строительстве крупного сталелитейного завода в Петербурге. Однако предложения Путилова не были первоначально приняты, и ген.-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич поставил вопрос о расширении Князе-Михайловской фабрики. Вместе с этим предполагалось в случае необходимости приспособить еще один завод на Урале (Артинский) к выделке стальных пушек. На этом собственно работа комитета под председательством Путитина и закончилась. Наряду с деятельностью этого междоветовственного комитета Военное министерство в лице министра настоятельно ставило вопрос о развитии военной промышленности.

Указывая на необходимость увеличения числа заводов, принадлежавших горному ведомству, Милютин писал: «Дело это до такой степени важно и настоятельно, что несмотря на стесненное финансовое положение наше, считаю крайне необходимым не скупиться в этом случае на денежные затраты... Затрата на этот предмет неизбежна для того, чтобы новая война не застала нас неподготовленными к борьбе с неприятелем, владеющим всеми современными усовершенствованными способами»².

В марте 1863 года, как говорилось уже выше, по инициативе Военного и Морского министерств был создан особый комитет по перевооружению крепостей из представителей сухопутной и морской артиллерии, инженерного и горного ведомств под председательством товарища ген.-фельдцейхмейстера ген. Баранцева.

Одним из мероприятий комитета явилось заключение 4 мая 1863 г. контракта на постройку в С.-Петербурге крупного сталепушечного завода. Контракт был заключен с товариществом Обухова, Путилова и Кудрявцева (подрядчика, финансировавшего своих компаньонов). По условиям этого контракта, товарищество обязывалось в течение 3 лет изготовить для сухопутной артиллерии 240 шестидюймовых стальных пушек, с тем чтобы производство было организовано с января 1864 года.

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10507/1, л. 71.

² Там же, л. 74.

В этом же году было приступлено также и к строительству Мотовилихинского завода около Перми, на котором предполагалось изготовлять 6-дюймовые стальные пушки. Наконец, были приняты меры к отливке стальных пушек в Петрозаводске на Александровском заводе.

В начале 1864 года Обуховский завод начал первую отливку 4-фунтовых орудий, а несколько позднее 8-фунтовых. Испытания в 1865 г. 4-фунтовых, а в 1866 г. — 8-фунтовых и позднее 12-фунтовых орудий дали чрезвычайно хорошие результаты, характеризовавшие огромное значение изобретений русского инженера Обухова. Эти изобретения послужили залогом блестящей будущности первого крупного сталелитейного и орудийного завода в России.

Рост производства на заводе в 60-х, начале 70-х годов достаточно подробно характеризует следующая таблица:

Стоимость продукции, выпущенной
заводом¹ (в руб.)

1864 г.	4196
1865 г.	10316
1866 г.	19822
1867 г.	77889
1868 г.	93325
1869 г.	239936
1870 г.	273007
1871 г.	784838
1872 г.	549048
1873 г.	705574

К середине 70-х годов Обуховский завод занимал площадь в 75.000 кв. сажен. На нем имелось 240 сталеплавильных горнов по 4 тигля каждый. Силовое хозяйство завода состояло из 14 паровых двигателей в 550 л. с. и 4 локомотивов в 50 л. с. На заводе было установлено 10 паровых молотов, в том числе один мощностью в 50 тонн².

В начале 70-х годов на Обуховском заводе было изготовлено огромное, скрепленное кольцами, 12-дюймовое орудие весом в 2472 пуда. Снаряд этого орудия весил 820 фунтов, а заряд — 126 фунтов призматического пороха.

На Международной выставке в Вене в 1873 году это орудие оказалось самым крупным и вызвало огромный интерес у иностранных специалистов³.

В 1874 году на Обуховском заводе был изобретен способ вставки внутренних труб в канал ствола в холодном виде, известный под термином лейнерования орудий. В этом году начальник завода капитан 1-го ранга Колокольцев и главный механик завода Муселлиус представили на имя начальника главного артиллерийского управления ген.-ад. Баранцева записку, в которой, сообщая об этом изобретении, указывали, что стальные орудия, несмотря на их высокое качество, страдают одним существенным недостатком — выгоранием металла на стенках канала ствола после некоторого числа выстрелов. «Так как повреждения эти, — говорилось в записке, — начинают появляться на стенах канала орудия и затем при дальнейшей стрельбе все более и более углубляются в толщину стен орудийного ствола, то понятно, что для устранения влияния

¹ В. Колчак. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903, стр. 34.

² Там же, стр. 35.

³ „Русский Инвалид“, № 230, 235, 1873.

этого недостатка на прочность и срок службы орудий необходимо, чтобы известной толщины слой металла, окружающий стены канала орудия, представлял бы собою независимую часть от всего орудия, так чтобы по образованию в ней повреждений от выгораний легко было бы заменить ее новою, оставляя главную массу металла в орудии нетронутою. Часть эта представляет собою сравнительно весьма тонкий ствол, вставляемый в рассверленный до известных размеров канал орудия, должен быть соединен с последним таким образом, чтобы он не мог получить независимого от всего орудия продольного движения во время выстрела и вместе с тем служил бы скреплением орудия изнутри»¹.

Это изобретение являлось плодом коллективной работы группы инженеров завода.

Лейнерование было впервые изобретено в России и имело огромное преимущество по сравнению с практиковавшимися за границей способами вставки стальных труб в нагретые наружные железные цилиндры.

В 1874 году артиллерийский комитет принял предложение Колокольцева и Муселлиуса. Лейнерование орудий производилось на Обуховском заводе до 1885 года и затем было отменено.

Лишь после первой мировой войны в 20-х годах настоящего столетия лейнерование орудий было вновь «изобретено» за границей².

Огромная заслуга в области производства стальных орудий на Обуховском заводе наряду с П. М. Обуховым принадлежит крупнейшему русскому металлургу Д. К. Чернову, проработавшему на заводе 14 лет, начиная с 1866 года.

Наряду со строительством Обуховского завода, как говорилось уже выше, были предприняты меры для развития сталепушечного производства на Урале. Командированный летом 1863 года на Урал директор горного департамента ген.-м. Рашет отклонил первоначальное предложение о приспособлении Артинского завода к выпуску стальных пушек и предложил создать для этой цели завод около Перми в Мотовилихе. Выбор этого пункта определялся, во-первых, наличием солидной базы (богатые лесные дачи), близостью месторождений каменного угля и железных руд, а главное, великолепными транспортными связями (р. Кама). Строительство завода началось в 1863 году, а в 1865 году было закончено. На заводе было установлено 120 сталеплавильных горнов, 2 воздуходувные машины мощностью по 150 л. с., а также 5 паровых молотов, три мощностью по 150 пудов, один — 300 пудов и один — 900 пудов³.

В 1864 году были изготовлены первые 12-дюймовые пушки, результаты испытания которых были рассмотрены в Главном артиллерийском управлении, давшем следующую оценку изготовленной на заводе пушке: «... орудие это в своих качествах не уступает орудиям Круппа и Обухова. Поэтому артиллерийское управление полагает, что способ приготовления стали на Пермском заводе может быть признан удовлетворительным и остается только пожелать, чтобы Пермская фабрика приготавливала точно такие же орудия, как испытанное...»⁴.

¹ Архив Артиллерийского исторического музея Академии артиллерийских наук (АИМ), опись 39/4, д. № 92, л. 3—4.

² В. Швиннинг. Конструкция и материал стволов огнестрельного оружия. Л., 1937, стр. 77—78.

³ Цифры заимствованы из статьи Мельникова. Возникновение Мотовилихинского артиллерийского завода*, Ученые записки Молотовского Государственного Университета*, т. V, вып. 2, Молотов, 1947.

⁴ Там же, стр. 70.

Однако при переходе к серийному производству обнаружилось, что качество стали не удовлетворяло требованиям артиллерийского ведомства (крупнозернистость), в результате чего имели место разрывы стволов. Подобный факт имел место не только на Пермском, но и на других сталепушечных заводах.

В течение ряда лет производились опытные работы, и только в конце 60-х годов было налажено производство крупнокалиберных орудий.

Исключительно важное значение в деле освоения производства стали и изготовления крупнокалиберных орудий не только в России, но и за границей имели труды академика-металлурга Д. К. Чернова, явившегося основоположником металлографии, а также работы военных инженеров-артиллеристов Н. В. Калакуцкого и А. С. Лаврова.

На страницах Артиллерийского журнала во второй половине 60-х годов выступили со статьями А. С. Лавров и Н. В. Калакуцкий по вопросу об отливке стальных орудий на основе опыта Князе-Михайловской фабрики в Златоусте¹.

В этих статьях впервые в мировой литературе был поставлен вопрос о распределении пустот в стальных литых болванках, дан анализ происхождения в металле раковин и трещин.

Виднейший русский металлург Д. К. Чернов на заседаниях Русского Технического Общества в конце апреля и мае 1868 года выступил со специальным докладом по этому поводу: «...труды гг. Лаврова и Калакуцкого, — заявил Чернов, — не имея ничего себе подобного не только в русской, но и в иностранной литературе, заслуживают с нашей стороны полной признательности к их авторам»².

В этом же докладе Чернов изложил содержание своих собственных исследований в области свойств стали, производших переворот в металлургии. Открытие Чернова заключалось в установлении им закона, по которому свойства и строение стали изменяются в зависимости от температуры нагревания ее.

Это изобретение ставило на научную основу производство стали. Идеи Чернова были настолько новы и неожиданны, что вызвали к себе недоверие членов Русского Технического Общества, в силу чего он вынужден был закончить свой доклад следующими словами: «Что касается вообще до проводимых мною идей, то я уже получил упреки в том, что слишком смело высказываю свои выводы; но пусть же я покажусь еще смелее и выскажу окончательное заключение из своих наблюдений в следующих словах: вопрос о ковке стали, продвижение его вперед, не сойдет с того пути, на который мы его сегодня... поставили»³.

Открытие Чернова получило сразу же мировую известность и сыграло величайшую роль в развитии стального производства во всем мире.

В 1900 году на Парижской Всемирной выставке директор Общества французских металлургических заводов Шамон Монгольфье, обращаясь к экспертам-металлургам, заявил: «Считаю своим долгом открыто и публично, перед столькими знатоками и специалистами, заявить, что

¹ Статьи: А. С. Лаврова. О приготовлении стальных орудий. „Артиллерийский журнал“, № 10, 11, 1866 и Н. В. Калакуцкого. Материалы для изучения стальных орудий, там же, № 5, 7, 9, 10, 1867.

² Записки Русского Технического Общества и свод привилегий, вып. 7, 1868, стр. 400.

³ Там же, стр. 440.

наш завод и все сталелитейное дело своим настоящим развитием и успехами обязано в большей степени работам и исследованиям русского техника г. Чернова...»¹.

Исследования Чернова, Калакуцкого и Лаврова дали возможность поставить на научную основу изготовление стальных орудий не только в России, но и во всем мире. Именно благодаря этим исследованиям в конце 60-х годов в России было налажено производство крупнокалиберных стальных орудий.

В записке, составленной Главным артиллерийским управлением в конце 1868 года, отмечалось, что «... Пермский сталепушечный завод после многих усилий и неудач, наконец, успел приготовить прочную 8-дюймовую береговую пушку... достаточно сильную для пробивания броней обыкновенной толщины 4 $\frac{1}{2}$ д. и несколько больших. Пермское 8-дюймовое орудие выдержало более 1000 выстрелов установленным зарядом в 31 $\frac{1}{2}$ фунта... В течение 1869 г., — говорилось далее, — Пермский завод обязался поставить 28 береговых 8-дюймовых пушек, сзади заряжаемых, в окончательно отделанном виде. Затем необходимо выработать отчетливый и сознательный способ валового приготовления подобных орудий, основанный на строгом испытании и контролировании каждой отдельной части и каждого приема, входящих в фабрикацию. Наконец, для вполне успешного приготовления 8-дюймовых орудий и для перехода к пушкам 9- и 11-дюйм. калибров Пермскому заводу должны быть предоставлены материальные и технические средства... тогда только может прекратиться зависимость нашей артиллерии от иностранных заводов в деле вооружения»².

Однако во второй половине 60-х годов Пермский завод выпускал преимущественно крупнокалиберные чугунные пушки, скрепленные стальными кольцами, а стальные орудия в подавляющей части заказывались за границей.

В конце же 60-х годов Пермский завод успешно наладил производство стальных ружейных стволов. Подпоручик Буняковский, командированный Главным артиллерийским управлением на Пермский завод для проверки качества стали, выплавленной для ружейных стволов, в своей докладной записке писал: «Сталь... была подвержена, между прочим, следующим физическим испытаниям: ...проковывалась под паровыми молотами и ручными кузнечными молотками при ярко-красном и белом нагревах, при этом все три сорта стали ковались отлично, не давая трещин даже при сильных ударах пятитонного парового молота, тогда как Бергеровская литая сталь (отлитая за границей, в Германии. — П. З.) при менее высокой температуре и при проковке ее под хвостовыми молотами, весом всего около 20 пудов, совершенно рассыпалась»³.

В деле создания Пермского завода заслуга в значительной мере принадлежит Милютину, энергично стремившемуся к развитию отечественной промышленности. В 1867 году в отношении горному департаменту он писал: «...с введением во флоте броненосных судов, нарезные орудия больших калибров, способные с успехом действовать против подобных судов, стали необходимой принадлежностью хорошей береговой обороны. К удовлетворению этой потребности для наших примор-

¹ В. Данилевский. Русская техника, Л. 1947, стр. 104.

² ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, № 504, опись 2-я, д. № 130, л. 55—56.

³ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 44/1, дело № 17, л. 145—146.

ских крепостей до настоящего времени имеется одно средство: заказы за границей тяжеловесных стальных орудий. Между тем в видах государственной пользы было бы весьма желательным в возможно скорейшем времени выйти из зависимости в столь важном деле от заграничных заводов, зависимости весьма невыгодной в экономическом отношении и могущей притом, при известных политических обстоятельствах, прекратить снабжение приморских крепостей, необходимых для обороны государства»¹.

Таким образом, основанием Обуховского и Мотовилихинского заводов было положено начало развитию сталепушечного производства, причем качество оружейной стали не только не уступало, но даже и превосходило заграничную, в том числе и выплавлявшуюся на заводах Круппа.

Серьезные успехи были достигнуты еще в первой половине 60-х годов в области производства стальных снарядов, превосходивших по своим качествам заграничные. «Сравнительные опыты, — указывалось в сообщении артиллерийского управления Морского министерства военному министру, — произведенные в морском ведомстве над стальными снарядами, приготовленными на наших отечественных заводах и снарядами, представленными от иностранных фабрикантов, дали возможность сделать подробную оценку о достоинстве тех и других снарядов; ...выведенные результаты указывают, что если отечественным заводчикам представлены будут средства продолжать заниматься изготовлением стальных снарядов, то представится полная возможность избежать от заказов таковых за границей и столь важная военная потребность, как приготовление артиллерийских снарядов, будет вне всякой зависимости от иностранных заводчиков»².

Несмотря на огромные успехи, достигнутые русскими учеными в области развития сталепушечного производства, царское правительство оказалось не в состоянии организовать массовое производство стальных орудий.

В заключение остановимся на характеристике состояния сталепушечного производства за границей.

Единственной страной в Европе, изготавливавшей в рассматриваемый нами период стальные орудия и организовавшей их производство в больших размерах, являлась Германия. Изготовление их начинается в Эссене, на заводе Круппа, с середины 50-х годов. Производство стальных орудий на этом заводе характеризуется следующей таблицей:

1856—1862 гг.	1000 орудий
1862—1867 гг.	2500 " ³
1867—1875 гг.	9500 " ³

В конце 60-х годов завод Круппа представлял собой огромное предприятие, на котором работало до 10.000 человек.

Вследствие отсутствия должного контроля за качеством продукции на заводе имели место неоднократные случаи разрыва крупновских

¹ Молотовский областной исторический архив, ф. 24, св. 1, д. № 6, л. 30. Цитировано по статье Мельникова, Возникновение Мотовилихинского артиллерийского завода. „Ученые записки Молотовского Государственного университета“, т. V. вып. 2, стр. 58.

² ЦГВИА, ф. № 506, опись 1-я, д. № 19, л. 646. Отношение артиллерийского управления Морскому министерству от 31 октября 1864 г.

³ С. Керн. Очерк современного состояния пушечного дела за границей. „Морской сборник“ № 8, 1889, стр. 20.

орудий на службе¹. Подобные случаи имели место и в период австро-прусской войны и в германском флоте и, наконец, в России. Так, например, 29 сентября 1871 года в Кронштадте на форте «Константин» разорвало на куски дульную часть 11-дюймового стального орудия, изготовленного на заводе Круппа. Комиссия, производившая расследование этого происшествия, пришла к выводу, что причина разрыва заключалась отнюдь не в заклинивании снаряда, так как нарезы как в уцелевшей части ствола, так и в найденных кусках оказались неповрежденными. По данным Комиссии, «... вероятной причиной разрыва был местный порок в металле близ дульного среза»².

Как справедливо указывал в цитированной выше статье автор ее Н. В. Калакуцкий, «...Трещины в дульных частях орудий, которые приготовлены на наших русских сталепушечных заводах, совершенно невозможны, потому что орудия до их приема на службу проходят целый ряд весьма серьезных исследований... на наших заводах, — продолжал Калакуцкий, — давно уже принято за правило безусловно браковать те орудия, в которых открываются центровые трещины, хотя бы они и выходили при высверливании. Независимо от этого, по оси каждой кованой болванки для орудийного ствола вынимается цилиндр, который превращается в стволы, испытываемые гидравлическим давлением до разрыва; таким образом, исследуется металл на всем протяжении каналов. И, наконец, в последнее время каждый орудийный ствол предположено подвергать гидравлической пробе при давлении в 500 атмосфер, а затем, в случаях малейшего сомнения за благонадежность металла, — пороховой пробе в размере ста выстрелов и вторичному гидравлическому испытанию.

...При столь внимательном исследовании металла и строгом приеме, — заключал автор статьи, — стальные орудия, приготовленные для артиллерии на русских заводах, не могут возбуждать опасений за их прочность»³.

Таким образом, русские стальные орудия по своей прочности превосходили крупновские.

Наряду с заводом Круппа в Германии существовал еще ряд предприятий (Бергера в Виттене, Бохумское общество), производивших отливку стальных орудий в незначительных размерах.

Во Франции сталепушечное производство возникает лишь в середине 70-х годов, хотя в 1863 году завод фирмы «Петен и Года» начал изготавливать стальные орудия различных калибров, но качество их оказалось крайне низким, главным образом, из-за неудовлетворительнойковки стали. В период войны 1870—1871 гг. французская артиллерия имела на вооружении исключительно чугунные и бронзовые орудия. Только в 1873 году Военное министерство дало заказ на изготовление стальных орудий заводчику Шнейдеру, который начал производить на заводе Крезе исследования различных сортов стали, на основе чего артиллерийский комитет военного министерства Франции в апреле 1874 года вынес решение о принятии на вооружение стальных орудий⁴.

В Англии в течение 60-х и начала 70-х годов на вооружении находились орудия из кованого железа, изготавливавшиеся по системе Армстронга, являвшегося директором пушечной мастерской Вулвичского

¹ Записки Русского Технического Общества, вып. 4, 1867, стр. 225.

² «Русский Инвалид», № 229, 1871 год.

³ Там же.

⁴ Г. Забудский. Производство стальных орудий во Франции. СПб., 1887, стр. 17—18.

арсенала. Вполне естественно, что эти орудия уступали по своим качествам стальным. Развитие сталепушечного производства в Англии начинается лишь в конце 70-х годов.

Еще позднее был решен вопрос о переходе к стальным орудиям в Североамериканских Соединенных Штатах. Только в 1887 году конгрессом было принято решение о первых заказах стальных орудий.

На протяжении 60-х—70-х годов значительная часть заказов артиллерийского ведомства, главным образом, на крупнокалиберные орудия, попрежнему размещалась за границей, преимущественно на заводах Круппа.

Подобное положение объяснялось не только состоянием отечественной военной промышленности, для развития которой не отпускалось должных средств, но и тем предпочтением всему иностранному, особенно немецкому, которое было присуще господствующим классам вообще и Александру II и его германофильскому окружению, в частности.

В дневнике Милютина за 14 марта 1874 года мы находим по этому поводу следующую запись:

«... снова возбужден вопрос о замене штыков тесаками... по примеру пруссаков. Три раза уже был обсуждаем этот вопрос лицами компетентными: все единогласно отдавали преимущество нашим штыкам и опровергали предположения государя, чтобы штыки примыкались к ружьям только в то время, когда представится надобность действовать холодным оружием. И несмотря на все прежние доклады в таком смысле, вопрос снова поднимается в четвертый раз. С большей вероятностью, — заключает Милютин, — можно тут предполагать настояния герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, который не может допустить, чтобы у нас что-либо было лучше, чем в прусской армии»¹.

Этот вопрос был решен лишь в 1876 году. «При докладе моем государь объявил мне свое решение о штыках, — записывает Милютин в своем дневнике 14 апреля 1876 года. — Государь уже давно склонился к мнению герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, чтобы в пехоте нашей, по примеру прусской, был принят вместо нашего прекрасного трехгранного штыка немецкий тесак — штык... и чтобы стрельба производилась без примкнутого штыка... Все протоколы совещания, с приложением отдельных записок, были представлены мною государю, который, по рассмотрении их, принял среднее решение, приказав ввести новые штыки — тесаки и стрельбу без примкнутых штыков только в стрелковых батальонах и в гвардии; во всей же армии оставить попрежнему. Таким образом, является новое усложнение, новая пестрота; опять отсутствие единства и единообразия, столь важных в деле организации и образования войск. Тем не менее, — пишет Милютин, — решение это все-таки предпочитаю тому, которого опасался и на которое государь заметно склонялся до сего времени»². Таким образом, вопреки здравому смыслу, часть армии получила все же прусский тесак в угоду германофильским симпатиям императорского дома.

Вполне естественно, что в этих условиях как развитие отечественной военной промышленности, так и перевооружение армии было связано с огромными трудностями.

Наконец, эти трудности усугублялись также и отношением к выполнению военных заказов министерства финансов, в ведении которого находилось большинство металлургических заводов. Примером этому

¹ Дневник Д. А. Милютина, т. I, М., 1947, стр. 146—147.

² Там же, т. II, М., 1949, стр. 45.

может служить следующий факт. В августе 1862 года военный министр обратился к министру финансов с просьбой уравнивать на заводах в правах артиллерийских приемщиков с горными инженерами. Смысл этого заключался в том, чтобы предоставить военным специалистам право контролировать технологический процесс при выполнении тех или иных военных заказов. Однако министр финансов категорически отказал в просьбе, руководствуясь тем, что артиллерийские офицеры будут следить только за качеством и игнорировать дешевизну¹.

* * *

Перейдем к рассмотрению второго этапа перевооружения армии, характеризовавшегося переходом к новым видам вооружения, заряжавшегося с казенной части. «Из числа вопросов, получивших в последнее время особое значение в области артиллерийской техники, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1865 года, — наиболее обращает на себя внимание введение орудий, заряжающихся сзади. Важные выгоды их заключаются в большей меткости стрельбы, скорости ее производства и в большей прочности самих орудий... Опыт Шлезвигской кампании показал практически все значение этого вопроса и обратил на него внимание артиллеристов во всех европейских армиях»².

Действительно, в первой половине 60-х годов большое внимание уделялось вопросу изготовления артиллерийских орудий, заряжающихся с казенной части, а также и замене медных пушек стальными. В 1863 году было получено из-за границы с завода Круппа 100 полевых 4-фунтовых стальных орудий, заряжающихся с казенной части. Эти орудия являлись последним достижением артиллерийской техники в Европе. Однако они не послужили образцом для перевооружения русской артиллерии. В течение ряда лет группа ученых артиллеристов — Маиевский, Гадолин и др. разрабатывала улучшенные системы орудий, пытаясь избежать недостатков, присущих немецким пушкам. В целях устранения прорыва газов, имевшего место у пушек Круппа, было введено стальное, запирающее выход газам, кольцо. Для большей прочности орудий было применено изобретение профессора Артиллерийской академии Гадолина, заключавшееся в скреплении орудий специальными стальными кольцами. Статья Гадолина «Теория орудий, скрепленных обручами»³, в которой излагалась сущность этого изобретения, получила чрезвычайно высокую оценку русской научной общественности. Специальная комиссия под председательством известного ученого профессора Вышнеградского, рассмотрев содержание статьи Гадолина, констатировала, что это изобретение является «... одним из самых важнейших ученых изысканий, которые были сделаны в последний период времени». Изобретение Гадолина имело мировое значение, оно разрешало проблему, над которой безуспешно бился известный американский артиллерист Родман.

Огромное значение этого изобретения отмечается даже и самой фирмой Крупп. «В 1865 году началась значительная работа по улучшению конструкций стволов, что повело к изготовлению составных стволов, т. е. скрепленных кольцами. Эта идея была заимствована

---

¹ ЦГВИА, ф., Главного артиллерийского управления, № 503, опись 2-я, д. № 1071, л. 27—28.

² ЦГВИА, ф., канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 5, л. 68.

³ «Артиллерийский журнал» № 12, 1861.

Альфредом Круппом у русских офицеров-приемщиков, предложивших окольцевать изготавливавшееся для России 21-см. орудие, что значительно повышало качество ствола... Предложение русских имело для Круппа огромное значение и указывало ему пути для дальнейшего развития пушечного производства»¹.

Огромная заслуга в деле развития русской артиллерии принадлежит профессору Артиллерийской академии Маиевскому. Статья Маиевского по баллистике «О влиянии вращательного движения на полет продолговатых снарядов в воздухе»² и «О влиянии вращательного движения продолговатых снарядов на углубление их в твердые среды»³ произвели буквально переворот в области артиллерии и сразу же приобрели мировую известность. Вся научная работа Маиевского в области баллистики нашла свое выражение в «Курсе внешней баллистики», подготовленном автором в начале 70-х годов. Артиллерийский комитет, указывая на огромное значение этого труда, в своем решении отмечал, что «...рассматриваемое сочинение по полноте и обстоятельности исследования вопросов внешней баллистики далеко превосходит все имеющиеся по этому предмету изыскания, и, можно сказать, представляет в настоящее время последнее слово науки баллистической»⁴.

Наряду с работами в области баллистики Маиевский являлся выдающимся конструктором артиллерийских орудий. Начиная с конца 50-х годов, все основные типы орудий как полевой, так и крепостной артиллерии были сконструированы Маиевским. Эти орудия значительно превосходили по своим качествам иностранные.

В специальной статье «О ходе опытов, произведенных в нашей артиллерии для определения лучшей системы полевых нарезных орудий и о результатах, к коим привели эти опыты»⁵ на основе сравнительных данных указывалось, что русские нарезные стальные пушки (сконструированные Маиевским) по меткости равняются прусским, превосходя английские и французские.

Приведенные ниже данные стрельбы 4-фунтовой русской пушки и подобной же французской системы достаточно убедительно говорят о преимуществе русской артиллерии.

Наименование системы орудий	Процент попадания на 850 саж.		Процент попадания на 715 саж.	
	в бол. мишень	в мал. мишень	в бол. мишень	в мал. мишень
4-фунт. нарезная пушка	42,5	25	37,5	15
Пушка франц. системы	20	10	22,5	5

* „Артиллерийский журнал“ № 12, 1866.

По разрушительности же действий русские орудия равнялись французским, превосходя прусские, австрийские и английские.

Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, иностранцы

¹ Krupp. 1812—1912. Zum 100 Jährigen Bestehen der Firma Krupp und der Gussstahlabrik zu Essen — Ruhr, S. 151.

² „Артиллерийский журнал“, № 3, 1865.

³ Там же, № 5, 1866.

⁴ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/10, д. № 908, л. 19.

⁵ Статья „Испытание стальных 4-фунтовых нарезных пушек, заряжающихся с казенной части“, „Артиллерийский журнал“, № 6, 1866, стр. 202.

проявляли огромный интерес к изобретениям Маиевского. В 1863 году бельгийский военный министр ген. Шазаль приезжал специально в Эссен на свидание с ген. Баранцевым и просил у него чертежи орудий, проектированных Маиевским¹.

Наконец, большое значение имело изобретение профессора И. А. Вышнеградского. Им был изобретен неизвестный за границей способ изготовления призматического пороха, обладавшего лучшими баллистическими свойствами, что повышало начальную скорость снаряда.

Изобретение Вышнеградского получило сразу же мировую известность. «Результаты были так благоприятны, — отмечается в истории крупновского завода, — что у профессора Вышнеградского, в Петербурге, был приобретен пороховой пресс с механическим приводом, который в конце 1866 года прибыл в Эссен и был переслан пороховой фабрике Риттера в городе Гамм на реке Зиг»².

«По части изысканий и опытов, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1865 года, — мы в эти годы так далеко ушли вперед, что по некоторым вопросам даже оставили иностранцев за собою. Наши усовершенствованные стальные орудия больших калибров превосходят все, что сделано по этой части за границей»³.

Действительно, период 60-х — 70-х годов характеризуется рядом выдающихся успехов русских изобретателей и ученых в области военной техники, в большинстве своем однако не получивших должного применения.

Господствующие классы России, чуждые ее национальным интересам, не верили в творческие силы народа и, преклоняясь перед всем иностранным, игнорировали достижения отечественных ученых. Даже те изобретения, которые были признаны, не получили должного распространения, главным образом вследствие рутины и косности бюрократического аппарата царизма.

В 1866 году было окончательно утверждено вооружение для полевой артиллерии. По этому положению все батареи пехоты и конной артиллерии должны были иметь нарезные, заряжающиеся с казенной части орудия. Треть пехотных батарей должна была быть вооружена 9-фунтовыми пушками, а все остальные батареи пехоты, а также конной артиллерии — 4-фунтовыми.

«При этих орудиях, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1867 года, — полевая артиллерия наша будет иметь неоспоримое превосходство над артиллерией прочих европейских государств»⁴.

По сравнению с прежними находившимися на вооружении пушками нарезные, заряжающиеся с казенной части орудия обладали бесспорными преимуществами в прочности, меткости, а также дальности действия, не говоря уже об удобстве заряжания их.

Пушки, заряжающиеся с дула, приходили значительно скорее в негодность, вследствие прорыва газов между стенками снаряда и канала. При заряжании с казенной части прорыв газов был значительно меньше.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютнина, М. 7844, стр. 302.

² Krupp. 1812—1912. Zum 100 Jährigen Bestehen der Firma Krupp und der Gussstahlfabrik zu Essen — Ruhr, S. 152.

³ ЦГВИА, библиотека. „Всепоподаннейший доклад по Военному министерству 1 января 1865 года“, стр. 121.

⁴ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 7, стр. 71.

Дальность стрельбы из нарезных, заряжающихся с казенной части, 4- и 9-фунтовых орудий достигала до 2000 сажень (однако меткость стрельбы на этом расстоянии была ничтожной).

Для характеристики действительности стрельбы из этих орудий, а также меткости их может служить следующая таблица ¹:

	Вероятность попадания (в ‰)	
	4-фунт. орудия	9-фунт. орудия
До 300 сажень . . .	100	100
500 " . . .	92	98
800 " . . .	58	62
1000 " . . .	35	42
1200 " . . .	20	26
1500 " . . .	—	14

Практическая же стрельба по целям производилась обыкновенной гранатой с 800 саж., картечной гранатой — 600—700 саж., картечью — 100 саж.

Новые заряжающиеся с казенной части орудия обладали и большей разрушительной силой.

Для перевооружения полевой артиллерии этими типами вооружения требовалось 1200 орудий, в то время как в наличии имелось в 1866 году лишь около 100. Ставя своей задачей закончить перевооружение полевой артиллерии в кратчайший срок, Военное министерство испытывало большие затруднения, так как Пермский (Мотовилихинский) завод еще не освоил массового производства стальных орудий; размещать же заказы на изготовление всех орудий за границей представляло большие трудности: во-первых, изготовление орудий за границей не могло быть выполнено в желательный для военного ведомства срок; во-вторых, это требовало затраты огромных средств.

В силу этого решено было добиться возможности замены стальных орудий бронзовыми. Усилия эти после ряда опытов увенчались успехом, и в конце 1866 года был разработан и испытан образец 4-фунтовой заряжающейся с казенной части пушки, удовлетворявший основным требованиям артиллерийской техники.

На протяжении второй половины 60-х и начала 70-х годов А. С. Лавровым производились дальнейшие опыты по улучшению качества артиллерийской бронзы.

В 1869 году Лавров на заседании Русского Технического общества сообщил предварительные результаты своих исследований, опровергавшие основной вывод американского ученого Уэйда (Wade) будто бы медленное охлаждение жидкой бронзы повышает качество металла. На основе своих опытов Лавров доказывал, что «Быстрое охлаждение жидкой бронзы, до перехода ее в твердое состояние, бесспорно полезно и имеет сильное влияние на свойства бронзы» ². Лавров приходил также к выводу о необходимости изменить состав сплава бронзы, состоявшего из меди (около 90 %) и олова (10—11 %). «Введение в состав бронзы, —

¹ Исторический очерк деятельности Военного управления... т., IV, СПб, 1880 стр. 253.

² Записки Русского Технического Общества и свод привилегий, вып. IX, СПб, 1869, стр. 207.

указывал Лавров, — какого-либо третьего тела, которое, входя с одним или с другим из составляющих ее сплавов в возможно прочное устойчивое соединение, сблизило, бы вместе с тем температуру плавления обоих сплавов и, если возможно, и их удельный вес»¹.

В течение длительного времени Лавров производил опыты над сплавом бронзы, вводя в нее в качестве третьего компонента железо и фосфор. Наилучшим сплавом оказалась так называемая фосфористая бронза, содержащая в себе, помимо меди, 8% олова и небольшое количество фосфора (до 1%).

Наряду с изменением сплава Лавров изобрел и новый способ отливки бронзовых орудий, ослабив тем самым так называемую ликвацию металла, т. е. неоднородность его состава — наличие в отдельных частях металла большого скопления олова (оловянных пятен). В этих целях отливка бронзовых орудий по способу Лаврова производилась, во-первых, не в земляных формах, а в металлических чугунных изложницах, и, во-вторых, дулом вниз².

Эти изменения в способе отливки значительно улучшали качество металла. «Во всех отлитых мною пушечных болванках, — указывал Лавров, — раковины и оловянные пятна уничтожились вполне; испытание вырезанных из этих болванок брусков показало, что качество металла значительно улучшилось»³.

Работы Лаврова в области улучшения качества артиллерийской бронзы получили большую известность и послужили исходным пунктом для исследований австрийского генерала Ухациуса в области производства бронзовых орудий⁴.

В первой половине 70-х годов Лавров в целях дальнейшего увеличения прочности бронзовых орудий начал применять метод продавливания канала ствола орудия рядом стальных стержней или пуансонов с помощью гидравлического пресса. Сущность этого способа заключалась в следующем: канал ствола орудия при обработке недосверливался до нужных размеров, а затем с помощью указанных пуансонов продавливался до соответствующего диаметра. Подобный метод значительно увеличивал прочность орудия. Одновременно с Лавровым этот метод обработки бронзовых орудий был разработан и генералом Ухациусом, однако приоритет принадлежит Лаврову, так как мысль о дополнительной обработке металла в холодном состоянии в целях увеличения его прочности была высказана еще в 1869 году Д. К. Черновым на заседании Русского Технического Общества. Именно это обстоятельство натолкнуло Лаврова на мысль о необходимости продавливания канала ствола орудий.

В течение 1867—1869 годов перевооружение полевой артиллерии было закончено. К 1 января 1870 г. не только все батареи пешей и конной артиллерии были снабжены новыми видами орудий (как стальными, так и бронзовыми) по полному 8-орудийному составу, но было положено начало созданию запаса в количестве 830 орудий. К началу 1871 года в запасе имелось уже 448 орудий⁵.

---

¹ Записки Русского Технического Общества и свод привилегий, вып. IX, СПб., стр. 209.

² А. С. Лавров. О прессовании стен канала бронзовых орудий, СПб., 1875, стр. 4—5.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2, д. № 15, стр. 90.

Дальнейшее развитие техники артиллерийского дела поставило вопрос о введении на вооружение полевой артиллерии скорострельных орудий.

В начале 60-х годов американским техником Гатлингом было изобретено некоторое подобие скорострельной пушки, так называемой «картечницы», состоящей из 10 стволов, калибром в 4,2 линии, расположенных параллельно и скрепленных друг с другом таким образом, что они могли вращаться вокруг общей горизонтальной оси при помощи особого механизма.

Картечница Гатлинга давала до 200 выстрелов в минуту и была рассчитана на поражение в максимально короткий срок определенных площадей с дистанции винтовочного выстрела. В 1870 году картечница Гатлинга была принята на вооружении полевой артиллерии. В дальнейшем эта картечница была значительно реконструирована выдающимся русским изобретателем Владимиром Степановичем Барановским, который, сократив количество стволов до 6, добился большего количества выстрелов в минуту. В 1873 году картечница Барановского также была принята на вооружение.

К началу 1874 года картечницами Гатлинга и Барановского были снабжены все артиллерийские бригады, за исключением артиллерии Казанского и Кавказского военных округов. С этой целью в каждой артиллерийской бригаде были сформированы четвертые батареи, имевшие на вооружении по 8 картечниц.

Однако картечницы, явившиеся прообразом скорострельной артиллерии, не оправдывали своего назначения в силу недостаточной дальности действия, а также ряда других недостатков. В 1876 году картечницы были сняты с вооружения полевой артиллерии и переданы на вооружение крепостей.

Первым же изобретателем скорострельных орудий в полном смысле слова явился тот же Барановский — талантливый русский конструктор-самоучка, служивший на машиностроительном заводе Нобеля в Петербурге.

В 1872 году Барановский приступил к проектированию «... одноствольной скорострельной пушки, стреляющей разрывными снарядами и соединяющей в себе преимущества малокалиберных скорострельных пушек (картечниц. — П.З.) и обыкновенных полевых орудий, но превосходящей те и другие в поражаемости»¹.

В 1877 году сухопутным и морским артиллерийским ведомством была принята на вооружение 2,5-дюймовая скорострельная пушка Барановского. В этой пушке были осуществлены основные принципы современных скорострельных орудий, которые для того периода являлись настолько смелыми и новыми, что вызывали сомнение в возможности практического применения их. Пушки Барановского выдержали все испытания и были направлены в 1878 году на театр военных действий, однако практического применения там не получили из-за повреждения снарядов в пути. В 1879 году Барановский трагически погиб во время испытания снарядов.

Изобретение Барановского устанавливало приоритет русской технической мысли в области создания скорострельной артиллерии. За границей скорострельные орудия были изобретены значительно позднее: лишь в начале 90-х годов XIX века (пушки системы Шамон, Кане, Норденфельда, Гочкиса и др.).

---

¹ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/3, д. 146, л. 266.

Опыт франко-прусской войны 1870—1871 гг. привел к необходимости дальнейшего увеличения количества наличных батарей полевой артиллерии.

«Решительное влияние, которое оказывала артиллерия на успех сражений в последней прусско-французской войне, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1873 года, — вызвало повсеместное увеличение состава полевой артиллерии; у нас это увеличение тем более необходимо, что соразмерность нашей полевой артиллерии с другими родами оружия в настоящее время далеко ниже существующего отношения в армиях главных европейских государств»¹.

В связи с этим Военное министерство предлагало усилить состав полевых артиллерийских бригад до 6 батарей, т. е. сформировать в каждой бригаде дополнительно по две батареи, снабдив их 9-фунтовыми пушками. Это предложение, получив одобрение Александра II, было реализовано в июле 1873 года.

В течение 1873—1874 гг. формирование этих батарей и снабжение их орудиями было закончено.

Таким образом, на протяжении 12 лет перевооружения полевой артиллерии (с 1862 по 1874 г.) количество батарей и орудий в ней значительно увеличилось. Если в 1861 году количество батарей в пешей и конной полевой артиллерии равнялось 138, то в 1874 году оно составляло 300, количество орудий возросло с 1104 до 2400, т. е. более, чем вдвое.

К тому же к концу 1874 года состояло в запасе 851 орудие, что составляло несколько более 30% общего количества орудий, находившихся на вооружении². За этот же период был осуществлен переход от деревянных лафетов к железным.

К началу 1877 года запас артиллерийских орудий несколько уменьшился благодаря формированию новых артиллерийских частей и перевооружению шести батарей артиллерийских бригад 4-фунтовыми орудиями вместо снятых с вооружения скорострельных пушек. Как сообщал Милютин во «всеподданнейшем докладе» 19 февраля 1877 года, нехватало до полного комплекта запаса более 300 четырехфунтовых пушек, более 500 лафетов и до 900 зарядных ящиков³.

Если во второй половине 60-х годов 4- и 9-фунтовые пушки, принятые на вооружение полевой артиллерии, не только не уступали, но даже превосходили по своим качествам иностранные, то в начале 70-х годов, в связи с дальнейшим развитием техники, возник вопрос о необходимости новых усовершенствованных орудий.

В связи с этим в 1870 году начальником Главного артиллерийского управления ген. Баранцевым был представлен царю доклад, в котором давалась подробная характеристика задач, стоявших в области усовершенствования полевой артиллерии.

«Наша полевая артиллерия, — говорилось в докладе, — вооружена в настоящее время 4-фн. и 9-фн. заряжаемыми с казенной части нарезными пушками, которые как относительно и меткости выстрелов, так и наносимого их снарядами поражения, не только не уступают, но во многих отношениях превосходят нынешние полевые орудия иностранных

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 18, стр. 103.

² Цифры заимствованы из доклада по Военному министерству 1 января 1874 г. и 1 января 1875 г.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 24, стр. 149.

государств... Но наша система полевой артиллерии, как и все прочие ныне существующие системы, допуская возможность действовать с большим успехом на большие дистанции, когда расстояние до цели известно, теряют весьма много в меткости от неизбежных ошибок в определении расстояния, в особенности глазомером. Поэтому коренное усовершенствование полевой артиллерии должно заключаться в увеличении, насколько это возможно, настильности выстрелов. Это важное обстоятельство уже и прежде обращало на себя внимание артиллерийского начальства, по распоряжению которого еще в 1867 году было испытано несколько 4-фн., утяжеленных пушек, стреляющих зарядом в $3\frac{1}{2}$ фн. пороха, т. е. зарядом, значительно превосходящим принятый для орудий этого калибра на службе заряд.

Сделанные в 1867 году опыты не получили однако же в то время дальнейшего развития, главнейшим образом по той причине, что бронзовые орудия при таком усиленном заряде оказывались недостаточно прочными. Обращаться же к заказу стальных орудий не было настоятельной надобности, так как в то время наша полевая артиллерия могла даже и без этих усовершенствований доставить нам перевес при борьбе с артиллериями иностранных государств. Между тем, следя за развитием артиллерийского дела в Европе, нельзя оставить без внимания того обстоятельства, что прусская артиллерия также занимается вопросом увеличения настильности своих полевых орудий и ныне подвинула его уже значительно вперед...»¹.

Далее указывалось, что в настоящее время на заводе Круппа испытывается 4-фунтовая утяжеленная пушка, стреляющая с начальной скоростью 1650 футов в секунду². «...Таким образом, ввиду того, чтобы наша артиллерия не только не отставала от иностранных, но и продолжала сохранять над нею перевес, — говорилось далее, — необходимо испытать и у нас полевое орудие, обладающее не меньшей настильностью, чем ныне испытываемое в Пруссии с тем, чтобы в случае удачного исхода опытов можно было введением этого орудия, независимо от ныне существующих... усилить вооружение и состав нашей полевой артиллерии...»³.

С этой целью предполагалось в новом орудии сохранить 4-фунтовый калибр, увеличив лишь вес орудия до 38 пудов. Утяжеленная 4-фунтовая пушка должна была быть отлита из стали и скреплена одним рядом стальных колец. «...Проектированное на этих началах полевое орудие, — указывалось в докладе, — имея больший калибр и больший вес снаряда, чем испытываемая ныне в Пруссии 4-фунтовая утяжеленная пушка, несомненно будет иметь над нею и в отношении своей поражаемости перевес; будучи же орудием скрепленным, более обеспечит артиллерию в отношении безопасности действия из нее, чем прусская сплошная стальная пушка. Но для того, чтобы возможно было в наиболее короткий срок испытать эти орудия и в случае успеха этого испытания приступить к валовому изготовлению их у нас в России, было бы необходимым пробные 4-фн. утяжеленные пушки заказать заводу Круппа, который имеет наибольшую опытность в этом деле...»⁴.

Пушка, о которой шла речь в докладе, фактически была уже сконструирована проф. Маиевским еще в 1869 году. В связи с этим он и был

¹ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/5, д. № 28, л. 7—8.

² Начальная скорость при стрельбе из 4-фн. пушки, находившейся на вооружении русской армии, составляла 1000 футов.

³ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/5, д. № 28, л. 9.

⁴ Там же, л. 9—10.

направлен летом 1870 г. в Эссен на завод Круппа для заказа пробных образцов утяжеленной пушки.

Как сообщал Маиевский в своем письме на имя начальника главного артиллерийского управления, Крупп, отказываясь принять заказ на изготовление 6 пробных орудий, предложил изготовить их бесплатно «... и надеется, — писал Маиевский, — что правительство наше сделает ему честь принять их»¹. Вполне естественно, что этот акт «великодушия» объяснялся стремлением Круппа во чтобы то ни стало заполучить в свои руки сконструированное Маиевским орудие².

Насколько нецелесообразной являлась передача заказа Круппу, свидетельствует тот факт, что пробные 4-фунтовые утяжеленные пушки были отлиты на Пермском заводе в декабре того же 1870 г. и превосходили по своему качеству изготовленные Круппом только в 1872 году орудия³. Результаты испытания 4-фунтовой утяжеленной пушки, отлитой на Пермском заводе, показали, что начальная скорость полета снаряда составляла 1650—1700 фут. в сек., т. е. не только не уступала, но и несколько превосходила скорость сконструированной в Пруссии новой пушки.

Есть все основания полагать, что Крупп снабдил германское Военное министерство образцом изготовленного им орудия Маиевским, т. к. в 1873 году в Германии производились опыты над 4-фунтовой утяжеленной пушкой, скрепленной кольцами, сообщавшей начальную скорость снаряду 1700 фут. в сек.⁴. Сопоставляя данные об этой пушке с описанием орудия Маиевского, есть основания полагать, что она была сконструирована по образцу русского орудия.

На протяжении первой половины 70-х годов артиллерийское ведомство вело дальнейшую работу по усовершенствованию орудия Маиевского в смысле большей отлогости полета снаряда.

Несмотря на то, что 4-фунтовое утяжеленное орудие Маиевского удовлетворяло всем требованиям артиллерийской техники, до 1877 г., т. е. до начала войны с Турцией, оно не было принято на вооружение. Вследствие этого русская полевая артиллерия к началу войны не имела на вооружении новых образцов полевых орудий, принятых уже в иностранных армиях к середине 70-х годов. Причина этого заключалась в отсутствии финансовых средств для перевооружения полевой артиллерии. Несмотря на общее увеличение военного бюджета, в связи с новой организацией войск, Военное министерство не обладало должными средствами, необходимыми для перевооружения. Экономическая отсталость страны, тяжелое финансовое состояние самодержавно-дворянского государства являлись непреодолимым препятствием в деле перевооружения армии.

* * *

Наибольшие трудности вызвал вопрос о снабжении усовершенствованными орудиями новых систем крепостной и осадной артиллерии.

¹ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/5, д. № 28, л. 24.

² Подобные предложения о бесплатном изготовлении пробных орудий делались иностранными заводчиками не впервые. Еще в 1864 году завод Бергера и К^о в Виттенсе предложил изготовить бесплатно сконструированную Маиевским 8-дм. стальную пушку, на что было получено „высочайшее соизволение“ (ЦГВИА, ф. 506, опись 1-я, д. № 19, л. 850).

³ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/5, д. № 28, л. 262.

⁴ Там же, опись 39/3, д. № 99, л. 99.

6-дюймовый мортирный станок полк. Семенова был отмечен в 1873 г. на Международной выставке в Вене и удостоен почетной награды¹.

Артиллерийский комитет, отмечая огромное значение изобретений Семенова, указывал, что его заслуги «...делаются еще более, так сказать, рельефными, если обратить внимание на то обстоятельство, что, вырабатывая проекты своих лафетов, он не имел в иностранных артиллериях образцов для подражания, так как наша нарезная береговая артиллерия постоянно почти была впереди иностранной»².

Кап. Доппельмейер, командированный главным артиллерийским управлением в 1870 году на прусский театр военных действий, в одном из своих отчетов, отмечая огромную роль русских изобретений в отношении обеспечения иностранных армий орудиями тяжелого калибра, писал: «Без научных познаний нашей артиллерии, без энергического преследования вопроса о тяжелых орудиях Главным артиллерийским управлением, Завод (имеется в виду завод Круппа. — П. З.) не имел бы ни наших, ни прусских, бельгийских и австрийских заказов»³.

Огромных достижений добились русские артиллеристы и в области изобретения различных приборов, преимущественно для орудий крупных калибров.

В 1863 году талантливый изобретатель артиллерийский офицер В. Ф. Петрушевский изобрел горизонтально-базный дальномер, принятый в береговой артиллерии. В 1869 году им же был сконструирован оптический дальномер с базой внутри прибора, дававшей возможность производить измерения расстояний с одного и того же пункта. Это изобретение имело большое значение, однако изобретателю его не было предоставлено возможностей для дальнейшей работы в этой области. В середине же 70-х годов артиллерийский комитет выдал патент на изобретение дальномера полковнику австрийской службы Роскевичу, который заимствовал изобретение Петрушевского и выдал его за свое⁴.

Одним из крупнейших изобретателей в области артиллерийских приборов являлся также отставной артиллерийский офицер А. П. Давыдов. Первое изобретение Давыдова относится еще к середине 50-х годов.

В 1854 году, в период Крымской войны, Давыдов предложил новый способ усиления взрывной силы подводных мин путем воспламенения заряда мин одновременно в нескольких центрах.

Через несколько лет Давыдов, продолжая работать в области минного дела, изобрел новую магнитную пиротехническую мину. Это изобретение получило высокую оценку со стороны академика Чебышева и проф. Маиевского.

В 1871 году Давыдов впервые в мире изобрел прибор для автоматической стрельбы для орудий крупных калибров. Действие этого прибора было основано на электрическом токе. Испытание изобретения Давыдова обнаружило огромное превосходство его над прибором для прицельно-индикаторной стрельбы системы француза Леваля, принятого за границей. Приборы Давыдова были приняты Морским министерством для судовой артиллерии.

¹ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/5, д. № 101, л. 29.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления № 506, опись 1-я, д. № 807, л. 82.

⁴ М. Катханов. Из истории отечественного артиллерийского приборостроения. „Артиллерийский журнал“, № 8, 1949.

Сопоставляя прибор Давыдова с прибором Леваля, артиллерийский комитет указывал: «Система его (Леваля. — П. З.) была принята флотами почти всех морских государств. Но опыт показал, что успех дела тормозится несовершенством приборов, основанных вполне на приложении человеческих чувств, никогда не бывающих в нормальном состоянии во время нервных потрясений морского боя. Система же автоматической стрельбы, изобретенная нашим талантливым соотечественником Алексеем Павловичем Давыдовым, основана на совершенно новых началах и служит не для производства одних залпов, а удовлетворяет всем требованиям, всем родам судовой стрельбы. С 1865 года эта система испытывалась и совершенствовалась и много усилий и энергии потребовала от своего изобретателя, но наконец, преодолев все затруднения, была принята в нашем флоте и теперь входит в его штатное вооружение, доставляя нашим морским силам важный и могущественный перевес над иностранными флотами. . .»¹.

Только в конце 70-х годов главное артиллерийское управление решило снабдить приборами Давыдова береговую и крепостную артиллерию, после чего им был разработан прибор для автоматической стрельбы из береговых орудий по движущимся целям. Однако, несмотря на высокую оценку качества этого прибора, он все же не был принят на вооружение, и Давыдову было отказано в материальной поддержке для производства дальнейших опытов.

В течение 80-х годов, несмотря на это, Давыдов продолжал работать над своими изобретениями. В 1886 году, т. е. через 15 лет после первоначального предложения, была снова создана комиссия, которая признала, что «задача, которую поставил себе г. Давыдов..., им осуществлена вполне успешно в показанных им приборах»².

Однако военный министр Ванновский наложил на рапорте председателя комиссии следующую резолюцию: «... Нарядов ему... никаких не давалось и никто не принуждал его делать затраты, а если он нашел нужным делать эти затраты, то нечего пищать и жаловаться»³.

Подобное отношение к отечественным изобретениям было типично для господствующих классов царской России, не верившей в творческие силы русского народа.

Несмотря на ряд мер, принятых Военным министерством, дело перевооружения крепостной артиллерии производилось крайне медленно, к тому же в 1867 году, в связи с дальнейшим усилением роли артиллерии, было определено новое количество потребных крепостных орудий. Это количество лишь для сухопутных крепостей выражалось в 3170 орудий вместо 2400.

В результате работ арсеналов, заводов горного ведомства, с одной стороны, а также и выполнения заграничных заказов, с другой, удалось в 1870 году добиться в области перевооружения крепостной артиллерии лишь довольно скромных результатов. К этому году потребность в крепостных орудиях была удовлетворена только на 54 %, а считая количество орудий, которое надлежало иметь в запасе, всего на 43 %.

Опыт франко-прусской войны вызвал необходимость дальнейшего усиления крепостей, в силу чего был снова пересмотрен табель вооружения их, а также было решено заменить ряд устаревших систем новыми. Общее число крепостных орудий для восьми сухопутных крепостей

---

¹ АИМ, ф. канцелярии артиллерийского комитета, опись 39/2, д. № 110, л. 364.

² ЦГВИА, ф. 740, д. № 916, л. 79.

³ Там же.

и сухопутных батарей для шести приморских было определено в 3823 орудия¹. Все это создавало дополнительные трудности и задерживало завершение перевооружения.

К середине 70-х годов, несмотря на освоение отечественными заводами массового производства крупнокалиберных стальных орудий, дело перевооружения крепостной артиллерии все же не было закончено.

На 1 января 1875 года количество крепостных орудий составляло лишь 72% по отношению к штатной норме.

В связи с этим в конце 1876 года, когда возникла вероятность войны с Турцией, для укрепления черноморских крепостей пришлось снять значительное количество орудий в Кронштадте.

Переворужение осадной артиллерии производилось также на протяжении всего рассматриваемого периода.

К 1864 году общее количество орудий осадного парка, имевшихся в наличии, равнялось всего лишь 142 крупного калибра, составляя около 70% положенных по штату.

Большинство этих орудий представляло собой 24-фунтовые гладкостенные пушки.

В течение ряда лет производились изыскания образцов орудий для осадной артиллерии, так как принятые на вооружение крепостной артиллерии пушки признавались слишком тяжелыми для осадной.

В 1867 г. были приняты на вооружение 24- и 12-фунтовые нарезные бронзовые пушки. Вес первых равнялся 136 пудам, вторых — 57.

В следующем году взамен 12-фунтовой пушки была принята 8-фунтовая, вследствие того, что она, обладая почти одинаковыми качествами по сравнению с 12-фунтовой, значительно уступала ей в весе.

В 1870 году 24-фунтовые бронзовые пушки были заменены стальными: 24-фунтовой облегченной, весом около 100 пудов, имевшей длину каналов около 14½ калибров и 24-фунтовой скрепленной кольцами, с каналом в 19 калибров, весом в 200 пудов. Дальность стрельбы этих пушек при наибольшем угле возвышения достигала 6 верст.

Наконец, в 1868—1869 гг. была принята облегченная 8-дюймовая стальная мортира, весом около 240 пудов, а также 6-дюймовая, весом в 96 пудов. Дальность стрельбы из этих орудий достигала 2500 сажен.

Наряду с этим на вооружении осадной артиллерии оставались и отдельные системы гладкостенных орудий.

Таковы основные системы осадных орудий, находившихся на вооружении к началу 70-х годов.

Обеспечение армии тяжелыми осадными орудиями было связано с большими трудностями. К началу 70-х годов количество находившихся на вооружении осадных орудий было весьма незначительно.

Опыт войны 1870—1871 гг., развитие техники артиллерийского дела, а также ряд других причин поставили Военное министерство перед необходимостью организации осадной артиллерии. «Введение в состав вооружения крепостей нарезных орудий весьма сильного боя, увеличенные числа орудий, а также развитие железных дорог, — говорилось в докладе Военного министерства 1 января 1872 года, — до того изменили взгляд на осаду крепостей и на материальные способы, необходимые для этой операции, что пришлось совершенно заново установить основания для организации нашей осадной артиллерии»².

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 25, стр. 204.

² Там же, д. № 17, стр. 143—144.

В этих целях была создана особая комиссия из артиллерийских и инженерных офицеров под председательством товарища генерал-инспектора по инженерной части Тотлебена.

На основе заключений этой комиссии был определен состав осадного парка, необходимого для осады современной крепости. По мнению комиссии, осадный парк должен был состоять из 400 орудий, а именно: 200 нарезных 24-фунтовых пушек, 80 девятифунтовых, 20 восьмидюймовых и 20 шестидюймовых мортир, а также 80 гладкоствольных мортир¹.

Комиссия определила содержать в Европейской России два осадных парка и полупарк на Кавказе. В мае 1871 года решения комиссии были предварительно утверждены². Однако реализация их потребовала чрезвычайно много времени. К 1 января 1872 года было приступлено к формированию только одного осадного парка, причем общее количество имевшихся в наличии орудий составляло лишь 60%. В течение последующих лет количество орудий увеличивалось медленно. На 1 января 1877 года было создано два парка: первый в Брест-Литовске и Новогеоргиевске, второй — в Киеве, а также полупарк на Кавказе. Однако укомплектование их орудиями было далеко не закончено. В первом парке не доставало 24-фунтовых орудий дальнего боя, второй был снабжен орудиями лишь наполовину, причем не хватало орудий наиболее крупного калибра.

К тому же в связи с формированием в конце 1876 года особого осадного парка для действующей дунайской армии из первого парка было заимствовано 176 орудий, а из второго — 44.

Кавказский полупарк к началу 1877 года был укомплектован орудиями полностью³. Такова характеристика хода перевооружения крепостной и осадной артиллерии.

Несмотря на наличие в России крупнейших изобретений в области артиллерии, значительно опередивших в ряде важнейших вопросов заграничных ученых, состояние русской артиллерии к 1877 году не соответствовало в целом уровню развития военной техники. Если в качественном отношении новые образцы орудий тяжелой артиллерии были вполне совершенны, то количество их было явно недостаточным.

* * *

В начале 60-х годов в армиях Европы возник вопрос о переходе к стрелковому оружию, заряжающемуся с казенной части.

«Система заряжания с казенной части, — указывал Энгельс, — сама по себе имеющая преимущество над всеми остальными системами ружей в самом способе заряжания и стрельбы, в то же самое время дает наибольшую вероятность того, что пуля должным образом пойдет по нарезам, т. к. камера и сама пуля делаются несколько большего размера, чем остальная часть ствола, и, таким образом, пуля не может иначе войти в канал ствола, как будучи вдавлена в нарезы. Этой системе, —

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 17, стр. 145. Из числа 24-фунтовых орудий полагалось иметь 60 утяжеленных, скрепленных кольцами. Гладкоствольные пушки вскоре были сняты с вооружения и заменены нарезными орудиями.

² Окончательно положение об осадной артиллерии было утверждено в конце 1876 года.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 24, стр. 162.

продолжал Энгельс, — суждено, видимо, постепенно вытеснить все остальные»¹.

Действительно, переход к ружьям, заряжающимся с казенной части, имел ряд существенных преимуществ. Во-первых, достигалось удобство заряжания, благодаря чему значительно ускорялся процесс стрельбы. Во-вторых, улучшалась меткость стрельбы, в-третьих, пули получили простую форму: они изготавливались сплошными, без выемок, что обеспечивало удобство их производства. Наконец, устранялась и возможность повреждения канала ствола шомполом, а также обеспечивалась простота разборки и чистки механизма.

Большое влияние на переход к оружию, заряжающемуся с казны, оказала гражданская война в Североамериканских Соединенных Штатах, а также Датская кампания 1864 года.

Уже в 1864 году оружейная комиссия артиллерийского комитета указывала в своем решении, что «вопрос о введении в пехотных войсках оружия, заряжающегося сзади, вступает в совершенно новые условия»².

Наконец, серьезное значение в смысле ускорения вопроса о дальнейшем перевооружении армии стрелковым оружием имела австро-прусская война 1866 года.

В течение двух лет — с 1864 по 1866 год — в главном артиллерийском управлении обсуждался вопрос о выборе образца стрелкового оружия, заряжающегося с казенной части. В конце-концов были отвергнуты прусские игольчатые ружья, всячески рекламировавшиеся немцами. «...И после долгих колебаний, — как указывалось в докладе военного министра, — ...решили обратиться к американским ружьям с металлическим патроном»³. С этой целью были командированы в Америку крупные специалисты в области стрелкового оружия, полковник Горлов и капитан Гуниус, на которые и была возложена задача избрать наиболее совершенную систему ружья для русской армии.

«Но при настоящем политическом положении Европы, — указывалось в цитированном выше докладе, — было бы крайне опасно в ожидании результатов этой командировки оставить нашу армию на несколько еще лет при настоящем вооружении. Поэтому признано было необходимым *на первый раз* ограничиться переделкою 6-линейных винтовок по такой системе, которая могла бы составить по крайней мере как бы переходную ступень к будущему усовершенствованному вооружению»⁴.

Таким образом, к середине 60-х годов Военное министерство, едва закончив перевооружение армии нарезным оружием, заряжающимся с дула, принуждено было снова изыскивать новые системы стрелкового вооружения.

Изыскание системы, по которой необходимо было переделывать существующие заряжающиеся с дула 6-линейные винтовки, было возложено на оружейную комиссию артиллерийского комитета, председателем которой являлся инспектор стрелковых батальонов герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий. Наличие подобного председателя, человека крайне ограниченного ума, да к тому же чуждого национальным интересам России, значительно осложнило организацию переделки ружей.

¹ Ф. Э н г е л ь с. Избранные военные произведения, т. 1, М., 1941, стр. 358.

² Журнал оружейной комиссии артиллерийского комитета от 7 октября 1864 г., „Оружейный сборник“, № 4, 1864, стр. 21.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 7, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 82.

Первоначально переделку 6-линейных винтовок в заряжающиеся с казенной части решено было производить по системе, предложенной иностранцем Терри, с изменениями, внесенными тульским оружейным мастером Норманом. Вследствие этого указанная система и получила наименование Терри — Нормана. Винтовка по этой системе заряжалась с казенной части цельным бумажным патроном, огонь же сообщался заряду обыкновенным путем, посредством капсюля. Скорость стрельбы из винтовки Терри — Нормана составляла 5—6 выстрелов в минуту.

В ноябре 1866 года этот образец был утвержден «...на первое время, пока не утвердится другой образец более усовершенствованного ружья»¹.

Однако вскоре, в конце того же 1866 года, было отдано предпочтение системе иностранцев Карле и Зонса.

Патрон к винтовке Карле имел одинаковое устройство с патроном системы Терри — Нормана, но лишь с той разницей, что в основании его в бумажной чашечке был впрессован ударный капсюль, который воспламенялся при прокалывании и сообщал огонь заряду. Для этого на конце ударника помещалась небольшая игла, которая и прокалывала капсюль.

Эта система, не требовавшая специального капсюля, несколько увеличила скорость стрельбы до 8 выстрелов в минуту.

Во время испытания этой винтовки в Петербурге обнаружился ряд существенных дефектов (сложность механизма, большой процент недоleta пули и т. д.).

Вследствие того, что Карле и Зонс, вызванные в Петербург, не смогли исправить имевшиеся недостатки, это было поручено гвардии капитану Чагину, который путем длительной работы внес существенные изменения в конструкцию винтовки. В результате этих изменений были устранены имевшиеся недостатки, значительно упрощен механизм, а также увеличена скорость стрельбы (до 13 выстрелов в минуту). Таким образом была создана новая система винтовки, по отношению к которой система Карле явилась лишь прототипом. Вследствие этого по указанию военного министра эту систему предложено было именовать «скакорострельной игольчатой винтовкой» в виду того, что «...в первоначальном образце Карле сделаны... значительные изменения, так что настоящий образец принятых у нас игольчатых винтовок уже не может считаться одинаковым с первоначальным образцом Карле»².

Однако в официальной терминологии русская игольчатая винтовка, как она справедливо именовалась на страницах «Оружейного сборника», продолжала называться винтовкой системы Карле.

С 1867 года начала производиться переделка 6-линейных винтовок первоначально (до конца марта) по системе Терри — Нормана, а позже по так наз. системе Карле.

Изготовление новых винтовок, заряжающихся с казенной части, а также переделка существующих были поручены как оружейным заводам, так и частным фабрикантам-контрагентам: Нобелю и Шуфу в Петербурге, Шмальцеру — в Либаве и представителю тульских оружейников Виноградову в Киеве.

Передача заказов на переделку винтовок почти исключительно в

---

¹ Резолюция Военного министра Д. А. Милютин 12 ноября 1866 г. Цитировано по книге В. Г. Федорова. Вооружение русской армии в XIX столетии, 1911, стр. 158.

² Циркуляр Главного артиллерийского управления от 13 октября 1867 г. № 45. Цитировано по «Оружейному сборнику», № 1, 1868, стр. 13.

руки немцев являлась, повидимому, в значительной мере следствием влияния председателя оружейной комиссии герцога Мекленбург-Стрелицкого, являвшегося ярым поклонником всего немецкого.

Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и обусловило отказ Военного министерства от предложения тульских оружейников передать им для переделки значительное количество винтовок. Условия, предложенные тульскими оружейниками, представителем которых выступал упоминавшийся выше Виноградов, были следующие: за переделку нового, не бывшего в употреблении ружья — 6 руб. 40 коп., за переделку бывшего в употреблении — 6 руб. 90 коп. (На Тульском оружейном заводе за переделку нового ружья взималось 6 руб. 50 коп., бывшего в употреблении — 6 руб. 90 коп.).

Судя по материалам Главного артиллерийского управления, это предложение первоначально не встретило возражений. Однако вследствие категорического протеста арендатора Тульского оружейного завода ген. Стандершельда позднее оно было отклонено. Ген. Стандершельд, узнав о предложении тульских оружейников, телеграфировал в Главное артиллерийское управление следующее: «Отдача 56 тыс. винтовок для переделки по системе Карле в Туле Виноградову с товарищами под видом Общества оружейников произведет смятение, остановит заводские работы и принудит меня отказаться от переделки 70 тысяч и приготовления новых 110 т. винтовок...»¹.

После этого Главное артиллерийское управление предложило Виноградову заключить контракт на переделку винтовок в Киеве, на что тульские оружейники принуждены были согласиться. Однако и здесь они были поставлены далеко не в равные с немецкими фабрикантами условия. В то время как немцы получали непрерывно средства для организации производства на условиях длительного кредита, тульским оружейникам в этом отказывалось.

В конце 1867 года Виноградов, обращаясь с просьбой в Главное артиллерийское управление о получении кредитов, писал:

«Не желая между тем через свои труды и искусство в деле оружия доставить огромную пользу капиталистам, в особенности заграничным, имею истинное желание всю эту пользу (т. е. проценты на капитал — П. З.) посвятить... для блага труженического класса людей, а именно, в пользу голодающих. Таким образом, — продолжал он, — деньги, которые я должен буду переплатить в течение года... капиталистам в виде барышей, всего двадцать тысяч руб., имею истинное желание пожертвовать в Комитет, учрежденный для пользы голодающих»².

Вследствие отказа Виноградов принужден был передать контракт (первоначально на паях, а затем окончательно) американскому подданному, венскому заводчику Больману, который, в свою очередь, несмотря на получение кредитов, не выполнил условий поставки и передал контракт гамбургскому купцу Менке.

В течение 1867 года как на заводах, так и в мастерских контрагентов не было ни переделано, ни изготовлено вновь ни одной винтовки по системе Карле.

В течение же 1868 года изготовление новых ружей по системе Карле, а также и переделка существующих по этой же системе произво-

---

¹ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления № 504, опись 7-я, д. № 45, л. 173. Телеграмма от 15 июня 1867 года.

² Там же, л. 435.

дились крайне медленно, иллюстрацией чего может служить нижеследующая таблица, приведенная в докладе по Военному министерству 1 января 1869 года¹:

Кому заказано	Сколько заказано		Сдано	
	новых	переделать	новых	переделано
1. Тульскому зав.	110.000	81.700	18.139	4.254
2. Ижевскому	53.000	200.000	17.763	—
3. Сестрорецкому зав.	20.000	50.000	6.302	12.688
4. Заводчику Нобелю в Петербурге	—	80.000	—	2.054
5. Заводчику Больману и Виноградову в Киеве	—	70.000	—	759
6. Заводчику Мейенгардту в товариществе с иностранцами Шмельцером и Роненфельдом в Либаве	—	50.000	—	376
7. Бывш. тульским оружейн. . .	1.000	—	403	—
8. Ген. лейтенанту Стандершельду в Тифлисе ²	—	69.595	—	—
Итого . . .	184.000	601.295	42.607	20.131
Всего . . .	785.295		62.738	

Таким образом, за 1868 год было выполнено менее 10% запланированного заказа. Качество выпускаемой продукции было также невысоким.

Так, например, ружья, переделывавшиеся заводчиком Нобелем в Петербурге, вовсе не удовлетворяли требованиям приемки, причем Нобель в своем письме в Главное артиллерийское управление цинично и нагло объяснял это следующим образом: «...чрезвычайная скудность промышленности, в особенности механических сил в России, всем известна, почему нельзя было предвидеть требований на высокую отделку такого большого количества ружей за такую крайне дешевую цену в годовой срок и позволительно было думать, что требуется только то, что существенно важно и необходимо на практике»³.

В действительно же низкое качество переделанных ружей объяснялось заинтересованностью Нобеля лишь в получении больших прибылей, вследствие чего он и применил при изготовлении ружей неквалифицированный детский труд.

Вследствие этого при испытании образцов винтовок, переделанных Нобелем, из шести лишь одна «оказалась в отношении меткости удовлетворительною»⁴.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. № 11, стр. 166—167.

² Арендатор Тульского оружейного завода ген. Стандершельд обязался организовать в Тифлисе переделочную мастерскую.

³ ЦГВИА, ф. Главного артиллерийского управления, ф. 504, опись 7-я, д. № 90, л. 4.

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 8043, л. 60. Письмо ген.-лейт. Резвого Милютину.

Невыполнение оружейными заводами своих обязательств привело к тому, что в конце 1868 года была создана специальная комиссия для обследования деятельности их.

Обследование вскрыло всю невыгодность для казны условий аренды, а также обнаружило со стороны арендаторов исключительно стремление к получению больших прибылей.

Обследовавший Тульский оружейный завод ген.-м. Нотбек указывал, что контракт, заключенный с арендатором, предоставляя ему большие выгоды, не обязывал в свою очередь его материальной ответственностью за несвоевременную сдачу продукции.

Командующий войсками Казанского военного округа ген.-ад. Глинка-Маврин в рапорте от 20 ноября 1868 г. о результатах ревизии Ижевского завода также указывал, что «...по нашим контрактам Управляющему даются такие выгоды, какие не сыскать нигде за границей»¹.

Помимо перечисленных нами причин, известное влияние на ход как изготовления, так и переделки ружей по так называемой системе Карле имела и сложность изготовления этих ружей. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, положение дел с перевооружением в конце 1868 года осложнилось еще и в результате вмешательства в это дело «...под эгидою наследника цесаревича, людей не специальных, вовсе незнакомых с техникою оружейного дела и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то, случайной попавшей им в руки неиспытанной системе...»². Действительно, в конце 1868 года наследник престола вел. кн. Александр Александрович, подпав под влияние дельца-авантюриста Путилова, потребовал передачи ему определенного количества винтовок для переделки их по новой системе лейтенанта Баранова. Эта система, обладая рядом недостатков, имела все же одно большое преимущество — вместо бумажного патрона вводился металлический.

Однако переделка ружей по данной далеко не улучшенной системе, а главное передача этого дела невежественному наследнику престола и его нечестным приспешникам, — все это создавало большую угрозу перевооружению армии.

В течение нескольких месяцев наследник престола вместе с Путиловым домогались получить в свои руки переделку всех ружей, причем Путилов обязывался переделать в короткий срок до 200 тыс. ружей, что было абсолютно нереально.

В дневнике вел. кн. Александра Александровича за 1868—1869 г.г. неоднократно упоминается об этом вопросе.

Так, в записи за 18 января 1869 г. автор ее говорит: «...отправился к папѣ и были с Владимиром (братом. — П. З.) за докладом Военного министра, где опять сочинили самую нелепую историю на наше ружейное дело и где я объявил, что все, что говорят и сочиняют об нем, это вздор и что мне постоянно мешают вместо того, чтобы помогать. Я решил теперь идти напролом и не останавливаться ни перед кем потому, что все артиллерийское правление мошенники и подлецы, которые желают испортить наше дело... мне этого достаточно, чтобы действовать самым инергичным³ образом и довести мое дело до конца...»⁴.

---

¹ Цитировано по кн. В. Г. Федорова. Вооружение русской армии в XIX столетии, 1911, стр. 188.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7849, стр. 183—184.

³ Так в подлиннике.

⁴ ЦГИАМ, ф. Александра III, д. № 74, стр. 201.

Подобное положение заставило Милютина поставить вопрос о состоянии стрелкового вооружения и, надо думать, несколько ускорило решение по поводу новой системы ружей с металлическим патроном.

«Необходимо было, — писал Милютин, — во чтобы то ни стало вывести его (т. е. ружейное дело. — П. З.) из такого ненормального положения, и я придумывал средство, чтобы дать ему новое направление. Случайно представился к тому удобный повод: один гвардейский полковник... Ган, возвратившийся из заграничного отпуска, представил мне привезенное им из Вены ружье, предложенное тамошним оружейником Крка... привезенный Ганом образец Крка обратил на себя предпочтительно перед всеми другими внимание наше собственно простотою конструкции; нам пришло на мысль, что по этой системе быть может было бы удобнее производить переделку наших 6-линейных винтовок»¹.

Действительно, винтовка чеха Крка значительно превосходила как систему Карле, так и Баранова.

Обладая примерно теми же баллистическими данными, что и винтовки так называемой системы Карле, эта винтовка отличалась простотой конструкции, вследствие чего переделки по этой системе не вызвали особых трудностей.

В связи с этим в начале февраля 1869 г. военным министром был представлен царю «всепопданнейший доклад», в котором испрашивалось разрешение образовать особую комиссию из специалистов для решения вопроса о введении металлического патрона и выборе новой системы ружья, по образцу которого и следует в дальнейшем переделывать 6-линейные винтовки.

По получении положительного ответа при Главном артиллерийском управлении была организована с этой целью специальная комиссия под председательством ген.-лейтенанта Резвого.

После длительных и разносторонних испытаний преимущество оказалось на стороне системы Крка. К тому же и изготовление винтовок Крка оказывалось значительно проще, нежели системы Баранова. Так, входившие в состав комиссии представители оружейных заводов и частные заводчики обязывались изготовить к 1 марта 1870 года 469 тыс. ружей по системе Крка или 265 тыс. по системе Баранова. Наконец, и стоимость переделки по системе Баранова определилась на 25% выше. Для окончательного решения этого вопроса была создана новая комиссия из представителей высшей военной иерархии под председательством вел. кн. Николая Николаевича. На основе категорического заключения технической комиссии ген.-лейт. Резвого высшая комиссия принуждена была принять решения в пользу винтовки системы Крка². Вмешательство наследника престола в дело перевооружения на этом закончилось. В его дневнике за первое апреля 1869 г. мы находим следующую запись: «...был за докладом Военного министра и сильно спорили с ним из-за Путилова, но, конечно, мне не верят, а Милютин этим пользовался и врал страшнейшим образом и сегодня он в особенности был раздражен и поэтому беспощадно сочинял все, что ему приходило в голову. Конечно, папá находил все совершенно справедливым и я же получил вроде выговора, а именно, что папá желает, чтобы я больше не вмешивался».

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7849, стр. 185—186.

² Производившуюся переделку винтовок по системе Баранова решено было продолжить, причем изготовленные 10 тысяч этих винтовок были впоследствии переданы в морское ведомство.

вался в ружейное дело, потому что этим только мешаю артиллерийскому ведомству успешно действовать...»¹.

После принятия высшей комиссией указанного решения по предложению Милютина для дальнейшего руководства делом перевооружения 15 марта 1869 года было создано две комиссии при военном совете: первая, названная «Главной распорядительной» под председательством военного министра, вторая — «Исполнительная» — при главном артиллерийском управлении под руководством ген.-лейт. Резвого. Первоочередная задача этих комиссий заключалась в организации производства винтовок по системе Крнка с тем, чтобы в годичный срок, к 1 марта 1870 года, изготовить 500 тыс. ружей и 150 млн. металлических патронов. Для этого предстояло расторгнуть договоры на изготовление и переделку винтовок по так называемой системе Карле и помочь заводам перестроить свое производство. Помимо изготовленных к 1 марта 1869 года 106.707 игольчатых винтовок, Военное министерство принуждено было согласиться на прием находившихся в производстве винтовок этой системы в числе 108.793², а также уплатить 400 тыс. рублей арендаторам заводов и частным заводчикам компенсации за понесенные убытки.

* * *

Наряду с изготовлением с 1869 года новых ружей по системе Крнка и переделкой 6-линейных по этой же системе, в конце 1868 года была принята на вооружение малокалиберная винтовка в 4,2 линии, так называемой системы Бердана № 1. Уменьшение калибра стрелкового оружия имело чрезвычайно важное значение. «...вообще эффективность огня винтовки, — писал Энгельс, — по какой бы системе она ни была сконструирована, является обратно пропорциональной диаметру канала ствола. Чем меньше калибр ствола, тем лучше винтовка, и наоборот»³.

Винтовка так называемой системы Бердана была в значительной своей части сконструирована русскими офицерами — полковником Горловым и капитаном Гуниусом, командированными в Америку в 1866 году. Ознакомившись с системами американского стрелкового оружия, они остановились на винтовке Бердана, признав ее лучшей из всех имеющихся там систем оружия; вместе с тем в этой винтовке был обнаружен и ряд существенных недостатков, в результате чего она была коренным образом реконструирована. Вследствие этого винтовка в Америке и получила наименование «русской малокалиберной винтовки»⁴.

Один из современников, специалист стрелкового оружия шт.-капитан Буниковский, бывший в тот период в Америке, следующим образом описывает эту винтовку: «Система эта известна в Америке под названием «Russian musket» (русская винтовка), пользуется здесь огромной славой, которую не разлучают с именами главных виновников оной — русских офицеров»⁵.

¹ ЦГИАМ, ф. Александра III., д. № 74, стр. 283.

² ЦГВИА, ф. исполнительной комиссии по перевооружению армии № 516, д. № 2, л. 97.

³ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. 1, 1941, стр. 360.

⁴ Так она именовалась и в официальном документе, составленном в Америке на заводе Кольта. Наставление для русской малокалиберной винтовки, см. «Оружейный сборник», № 4, 1869.

⁵ «Несколько слов о свойствах русской 4,2-лин. винтовки, об испытании оной в Америке, об улучшениях, произведенных в ней, и о преимуществах оной над другими образцами оружия, заряжающегося с казны». «Оружейный сборник», № 4, отдел 1, 1869, стр. 1.

В другой своей статье он писал: «...Считаю себя обязанным высказать, как личный свидетель, что в Америке лучшим оружием и патроном считают русские, называемые у нас в России Бердановскими, лучшими заводами — ...Кольцовский, приготовлявший наши стрелковые скорострельные винтовки, Бриджпортский — приготовлявший наши малокалиберные патроны. Еще я должен высказать, что механики того и другого заводов скромно сознаются, что точностью их работы они обязаны русским офицерам...»¹.

Русская малокалиберная винтовка обладала рядом бесспорных преимуществ по сравнению с системами как Карле, так и Крнка. Наибольший прицел этой винтовки достигал 1500 шагов при очень большой ударной силе.

Помимо этого винтовка обладала и значительно большей меткостью: так, при сопоставлении ее с 6-линейной винтовкой мы будем иметь следующие данные:

Радиусы кругов, вмещающих лучшую половину пуль ²		
Дистанция в шагах	Малокалиб. винт.	6-линейн. винт.
200	2,1 дюйма	6,0
400	4,4 "	12,4
800	9,8 "	31,6

В конце 1868 года было заказано 30 тыс. этих винтовок, получивших в официальной терминологии наименование «Бердана № 1».

Однако через год, в конце 1869 года, изобретатель Бердан, явившись в Петербург, представил новый образец своей винтовки, в которой были учтены все усовершенствования, сделанные Горловым и Гуниусом, а также, кроме того, изменена система затвора (вместо откидного скользящий), что, в свою очередь, было связано и с иным устройством выбрасывания патрона. На основе всесторонних опытов, проведенных в Петербурге в 1870 году, было установлено превосходство этой системы, получившей наименование «Бердана № 2». Вследствие этого в 1870 году на вооружение была принята малокалиберная винтовка Бердана № 2.

Таким образом, на вооружении армии к началу 70-х годов находились: винтовка системы Карле, Крнка, Бердана № 2. Кроме того, имелось также и некоторое количество винтовок так называемой системы Бердана № 1.

Наконец, в 1870 году были приняты на вооружение образцы кавалерийского карабина, а также драгунского и казачьего ружей, представлявших собою несколько видоизмененную систему Бердана № 2, переделанную под наблюдением члена артиллерийского комитета и редактора «Оружейного сборника» полковника Чебышева.

Изготовление стрелкового оружия в первой половине 70-х годов можно проследить по следующей таблице³:

¹ „О металлических патронах к русским малокалиберным винтовкам“, „Оружейный сборник“, № 2, отдел 1, 1870, стр. 53—54.

² В. Федоров. Вооружение русской армии в XIX столетии, 1911, стр. 227.

³ Исторический очерк деятельности Военного Управления..., т. VI, прил. 105, СПб. 1881.

Годы	Карле	Количество винтовок				
		Системы				
		Крка нов.	Бердана № 2	Малокалиб. карабинов	Драгунских малокалиб. винтовок	Казачьих малокалиб. винтовок
1872	—	48199	4430	5210	—	—
1873	—	10000	10564	—	—	—
1874	—	—	91851	2000	—	5372
1875	—	—	123718	2000	—	36900
1876	—	—	145191	5155	15000	30000

Таким образом, лишь к 1874 году оружейные заводы освоили окончательно производство малокалиберных ружей. К 1 января 1877 года было изготовлено 375.754 малокалиберные пехотные винтовки, 14.365 кавалерийских карабинов; драгунских винтовок 15.000 и казачьих 72.272. Производство малокалиберных патронов в начале 70-х годов было также освоено Петербургским патронным заводом, однако завод все же далеко не выполнил нарядов главного артиллерийского управления (так, в 1872 году вместо следующих по наряду 31 млн. было изготовлено 5 млн., в 1873 году вместо 37 млн. — 18, в 1874 году вместо 60 млн. — 18, в 1875 вместо 60 млн. — 38¹/₂ и лишь в 1876 г. было изготовлено по плану 80 млн. патронов.

На 1 января 1877 года наличие стрелкового оружия выражалось в следующих цифрах¹:

	На воору- жении	В запасе
Пехотных винтовок Карле	150868	51096
" " Крка	372700	192866
Драгунских " (6-лин. сист. Крка)	40597	2658
Стрелковых винтовок образца 1868 года (т. наз. Бердана № 1)	17810	10104
Малокалиб. пехотн. винтовок (Бердана № 2)	253152	103616
Малокалиберных карабинов	12102	6388
" драгунских винтовок	2352	7648
" казачьих винтовок	60000	10000
Револьверов Смита и Вессона	70275	6490

Это стрелковое оружие распределилось следующим образом: из числа 48 пехотных дивизий 27 были вооружены винтовками системы Крка, 16 — новыми малокалиберными винтовками и 5 дивизий из числа расположенных на Кавказе — игольчатыми винтовками системы Карле. Стрелковые батальоны — скорострельными малокалиберными винтовками образца 1868 г. (так назыв. Бердана № 1). Войска отдаленных округов (Туркестанского и двух сибирских) были вооружены винтовками системы Карле. Драгунские полки имели на вооружении

¹ Цифры заимствованы из „Всеподданнейшего доклада по Военному министерству 19 февраля 1877 г.“. ЦГВИА, ф. канцелярии. Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 23, стр. 167.

винтовки системы Крнка и лишь несколько полков были вооружены малокалиберными драгунскими винтовками. Гусарские и уланские полки в 1875 г. получили малокалиберные кавалерийские карабины. Наконец, казачьи полки были вооружены также малокалиберными казачьими винтовками.

Следовательно, в 1877 году лишь третья часть всей пехоты была вооружена малокалиберными винтовками и основная часть ее продолжала иметь на вооружении ружья системы Крнка.

Таково было состояние вооружения армии стрелковым оружием к началу русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

* * *

Рассмотрев вопрос о перевооружении армии, считаем необходимым сделать следующие выводы.

Отсталость вооружения русской армии, обнаружившаяся со всей очевидностью в период Восточной войны 1853—1856 гг., а также дальнейшее развитие военной техники (в особенности массовое применение нарезного оружия) заставили правительство пойти по пути перевооружения войск.

Преобразования в области перевооружения, намеченные Военным министерством, ставили своей задачей обеспечить армию современным оружием и были рассчитаны на создание собственной отечественной военной промышленности. Строительство Обуховского и Пермского (Мотовилихинского) сталелитейных заводов, реконструкция Тульского оружейного завода являлись шагом по пути создания русской военной промышленности.

Изобретения и открытия русских ученых и инженеров Обухова, Гадолина, Маиевского, Вышнеградского, Чернова, Калакуцкого, Лаврова, артиллерийских офицеров Горлова и Гуниуса в значительной степени способствовали реализации программы перевооружения армии. Эти изобретения характеризовали приоритет русской науки в ряде важнейших вопросов вооружения.

Однако экономическая отсталость страны, являвшаяся следствием господства самодержавно-дворянского строя, являлась непреодолимым препятствием в деле перевооружения армии, в деле создания оборонной промышленности, а также и на пути реализации изобретений русских ученых.

Развитие военной промышленности встречало еще дополнительные трудности. В силу «казенного» характера значительной части военной промышленности, она находилась в непосредственном ведении правительственных органов, неспособных организовать производство на новых началах.

Все эти трудности усугублялись еще и преклонением Александра II и придворных кругов, состоявших в большинстве своем из прибалтийских немцев, перед всем иностранным, игнорированием ими творческих сил русского народа. «...во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, — писал В. И. Ленин, — существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства. Изнеженная, развращенная, выродившаяся —

эта общественная группа являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма»¹.

Именно эта придворная камарилья вмешивалась непрерывно в дело перевооружения и всячески затрудняла реализацию этого плана.

В данных условиях план перевооружения армии, рассчитанный на развитие собственной военной промышленности, естественно, не мог быть реализован.

Как сам Александр II, субъективно заинтересованный в успешном ходе перевооружения армии, так и Военное министерство, несмотря на наличие в составе его отдельных людей, энергично действовавших в этой области, не могли справиться с этим делом.

Эта задача не могла быть решена в условиях царизма.

В силу этого к середине 70-х гг. перевооружение армии далеко не было закончено. Многосистемность вооружения, отсутствие должного количества тяжелой и осадной артиллерии, а также дальнобойных орудий в полевой артиллерии, представляли серьезный недостаток, обнаружившийся со всей силой во время войны 1877—1878 гг.

Несмотря на ряд мер, осуществленных в деле развития отечественной военной промышленности, эта задача также не была решена господствующими классами самодержавно-дворянского государства.

«...ни один из старых классов, — указывает И. В. Сталин, — ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме»².

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 107.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 249.

Глава V

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЙСК

«Способы ведения войны, — говорит И. В. Сталин, — формы войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего в зависимости от развития производства»¹.

В свою очередь боевая подготовка войск находится в прямой зависимости от способов и форм ведения войны. Таким образом, развитие производительных сил, обуславливающее появление новых видов вооружения, неизбежно влечет за собой и новую систему боевой подготовки. В настоящей главе рассматриваются основные изменения, происшедшие в области как тактической подготовки, так и общей системы обучения войск в рассматриваемый нами период.

* * *

Неудачи Крымской войны вызвали среди господствующего класса впервые за долгие годы серьезную критику существующей системы боевой подготовки войск.

Главнокомандующий гвардейскими и гренадерским корпусами ген.-ад. Ридигер в записке от 4 июня 1855 г. (подробно разобранной нами выше)² указывал, что одной из основных причин неудач являлось полное забвение основ военного искусства. Увлечение изучением различных тонкостей устава и подготовкой войск к смотрам и парадам, по мнению Ридигера, и являлось основным злом, в результате которого войска не обучались тому, что было необходимо.

Во второй записке, представленной вслед за первой Александру II, Ридигер, наряду с другими вопросами, подробно указывал на необходимость изменения существующей системы обучения. Вскоре после этого было решено изменить и упростить строевые уставы, составить новую программу летних занятий войск, а также ввести особые упражнения для физического развития.

Для разработки всех этих вопросов была создана специальная «Комиссия для улучшений по военной части».

Практическая же деятельность комиссии была крайне незначительной, и большинство вопросов, поставленных перед нею, остались нерешенными.

Однако Крымская война настолько убедительно обнаружила всю несостоятельность прежней системы боевой подготовки, что руководствоваться ею было невозможно.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 168.

² См. главу II, «План военных преобразований».

Вследствие этого с конца 50-х годов в отдельных частях войск боевая подготовка принимает несколько иной характер.

В 1858 году были сформированы учебные батальоны для подготовки учителей «искусной стрельбы». С 1857 года вошло в практику прикомандирование к артиллерийским частям офицеров и солдат пехоты для обучения их стрельбе из орудий.

Обращено было внимание и на физическую подготовку солдата. В этих целях, как указывалось в отчете инспекторского департамента за 1858 год, были созданы специальные «учебные фехтовально-гимнастические кадры»: в Петербурге при гвардейском корпусе и учебном так называемом Образцовом полку, а также в Москве при расположенном там гренадерском корпусе. Эти «учебные фехтовально-гимнастические кадры» и должны были подготавливать для войск инструкторов гимнастики и фехтования.

Наконец, были приняты меры для распространения грамотности в войсках.

В 1858 году, как указывалось в упомянутом выше отчете, помимо войск гвардии, обучение чтению, письму и арифметике осуществлялось в отдельном гренадерском, 4-м, 5-м и 6-м армейских корпусах, а также в корпусе внутренней стражи.

В докладе 15 января 1862 г., представлявшем программу преобразований, военный министр уделял большое место боевой подготовке войск. «Совершенствование армии, — писал он, — основано преимущественно на образовании единиц, ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных...»¹.

В соответствии с этим предусматривалось обучение войск прицельной стрельбе, гимнастике, фехтованию.

В области тактического обучения предполагались полная отмена так называемых «нормальных боевых порядков» и составление соответственно этому новых строевых уставов. Указывалось на необходимость руководствоваться в обучении войск системой, «...исключительно имеющей в виду развитие боевых качеств войск и всегда готовой жертвовать для сего мелочами в отчетливом исполнении учения на ровной местности...»². Наконец, серьезное внимание уделялось в докладе развитию грамотности среди солдат, долженствующей, по его мнению, «...вести к сознательному исполнению ими воинских обязанностей, к искоренению в армии многих пороков и к уменьшению как количества, так и силы наказаний»³. Таким образом, в основу всей системы обучения и воспитания войск предлагалось положить метод индивидуальной подготовки солдата.

Этот метод, предполагавший воспитание инициативы у отдельного солдата, умение наиболее рационально использовать свое оружие, целиком соответствовал интересам развития массовых буржуазных армий, вооруженных новейшей военной техникой (введение нарезного оружия).

В соответствии с положениями, развитыми в докладе 15 января 1862 года, и осуществлялось обучение войск.

Так, в 1863 году военным министром был издан специальный приказ об обучении рекрут, предусматривавший следующее: «...Обучить

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 1, л. 24.

² Там же, л. 26.

³ Там же, л. 25.

рекрут: упражнению с ружьем, заряджанию и стрельбе, сигналам, правилам рассыпного действия и шереножного строя в той мере, чтобы все вышеизложенное делалось бы с достаточной твердостью и при непременном условии сознательного исполнения, т. е. чтобы рекруты хорошо понимали — для какой практической цели служит каждый прием или упражнение и почему он установлен именно в том виде, в каком преподается. Толковое объяснение этого в особенности должно сопровождать употребление в дело ружья и обучение рассыпному строю...»¹. В приказе подчеркивалось, что успешное обучение рекрут зависит главным образом от обращения с ними.

Таким образом, обучение рекрут подчинялось практическим целям — обучать тому, что нужно на войне, причем главный упор делался на осмысленное усвоение солдатами приобретаемых ими знаний. Новая система обучения войск состояла в том, чтобы научить солдата действовать в такой обстановке, в которой ему придется воевать. С этой целью большое внимание обращалось на умение солдата действовать в различных боевых условиях, а также на выработку в нем выносливости, стойкости и ловкости. Серьезное значение придавалось обучению солдат прицельной стрельбе, гимнастике, фехтованию и другим физическим упражнениям.

Определяя общий характер летних занятий войск, в инструкции по проведению занятий войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа на 1869 г. говорилось: «Если вообще при обучении войск надобно останавливаться только на том, что необходимо для *боевой* службы, то правило это строже чем где-либо должно быть положено в основание летних занятий войск. А потому при всех летних занятиях предписывается, насколько это возможно, сближать службу войск с действительным их положением в военное время, помогать, чтобы войска не усваивали себе приемов и привычек, неприменимых при действительной их службе, а, напротив, укореняли в себе все, что служит залогом успеха в военном деле»². В инструкции обращалось особое внимание на учение «с применением местности», т. е. на умение использовать местность для прикрытия, а также для поражения неприятеля.

«На ротных учениях каждой роте, — говорилось в инструкции, — должно быть показано, как она должна занимать для обороны деревню, лес, крутой овраг, высоту, укрепление и т. д. Затем должно быть показано, как усиливать цепь на занятой местности, как выдвигать сомкнутую часть для встречи противника залпами или штыками, как наступать и отступать с боем по местности неровной, пользуясь всеми ее прикрытиями и преодолевая все затруднения, какие она представляет...»³.

Сравнительно большое развитие получает новая отрасль военного образования — обучение всех родов войск саперному делу. Уже в докладе по Военному министерству 1 января 1864 года указывалось на необходимость ввести обучение «простейшим инженерным работам», необходимым для устройства «временных укрытий и преград».

Действительно, во второй половине 60-х годов, согласно указаниям главного штаба, в военных округах начали проводиться занятия в этой области. С этой целью к саперным бригадам прикомандировывались на месячный срок особые команды для обучения саперному делу с тем,

---

¹ Приказ военного министра № 394 от 26 ноября 1863 г.

² ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2-е отделение, 2-й стол, д. № 36, 1869, л. 79.

³ Там же, л. 77.

чтобы впоследствии их личный состав являлся инструкторами в своих частях¹.

«...Во время осенних маневров, — указывалось в инструкции Варшавского военного округа по обучению полевых войск саперным работам, — собираются в команды при каждом полку и стрелковом батальоне чины, обученные летом саперному делу, и при маневрах употребляются как особые саперные части, причем могут по усмотрению начальников частей разбиваться на части..., служа руководителями саперных работ при означенных двухсторонних маневрах...»².

Далее в инструкции указывалось, что «при составлении дивизиями предположений по выполнению маневра в диспозиции должно входить и производство саперных работ, как-то: возведение укрывающих насыпей, ровиков для стрелков, небольших укреплений и возведение батарей...»³.

Наиболее полно вопрос об обучении войск саперному делу был развит в «Наставлении для обучения полевых войск саперному делу», опубликованном в приказе по военному ведомству в 1871 г. В наставлении указывалось, что «Все части пехоты и пешей артиллерии в полном их составе во время летних сборов должны упражняться в земляных работах, имеющих целью устройство закрытий от неприятельских выстрелов»⁴. С этой целью подтверждалась необходимость и в дальнейшем командировать особые команды к саперным бригадам с целью обучения простейшим инженерным работам: постройке полевых укреплений, устройству преград для движения неприятеля, заготовлению туров, фашин и других материалов, необходимых для постройки укреплений. Отдельный раздел этого наставления был посвящен вопросу обучения офицеров саперному делу. Наставление требовало от офицеров пехоты и пешей артиллерии умения составлять проекты укрепленных позиций, руководить фортификационными работами, решать задачи по устройству переправ и т. д.

В конце 1862 г. при Военном министерстве был создан «Специальный комитет по устройству и образованию войск»⁵. На этот специальный комитет, наряду с вопросами хозяйственного устройства частей и несения внутренней службы, возлагались и задачи разработки вопросов обучения войск.

Функции этого комитета состояли:

- 1) в подготовке, составлении и окончательном редактировании различных воинских уставов для пехоты и кавалерии.
- 2) в решении вопросов, касающихся непосредственно всех видов боевой подготовки войск, и
- 3) в разработке мероприятий, направленных к «умственному развитию» солдат.

Комитет этот состоял из постоянных и временных членов. Постоянными членами являлись начальники главных управлений Военного министерства, временными — командиры строевых частей. Председателем Комитета был назначен вел. кн. Николай Николаевич. Вполне понятно, что

---

¹ Согласно проекту инструкции Варшавского военного округа («Проект обучения полевых войск саперным работам в 1870 г.»), от каждой пехотной дивизии к саперной бригаде прикомандировывалась команда в составе 1 штаб-офицера, 5 обер-офицеров, 13 унтер-офицеров и 128 рядовых.

² ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2-е отд., 2-й стол, д. № 26-а, часть 6, 1870, л. 10.

³ Там же.

⁴ Приказ по военному ведомству № 127 от 25 апреля 1871 г.

⁵ Позднее этот комитет именовался «Главным комитетом по устройству и образованию войск».

подобный председатель, не отличавшийся даже сколько-нибудь ординарными способностями, не был в состоянии возглавить это дело, и те или иные меры в области обучения войск либо подготавливались помимо комитета, либо вносились на обсуждение его непосредственно военным министром.

На протяжении 60-х годов были разработаны и изданы новые уставы. Основные положения боевой подготовки войск нашли свое наиболее полное выражение в учебнике тактики проф. Военной академии Драгомирова, изданном им в 1866 году¹.

Определяя предмет тактики, Драгомиров писал: «Теория дает общую формулу... Как воспользоваться этой формулой в *данном* случае, какие преобразования сделать, какие подставить цифры, — дело человека, а не общей формулы, ибо он один может принять в соображение случайности минуты, под влиянием которых приходится общую формулу обращать в частный случай»².

Таким образом, Драгомиров выступал решительным противником всякого шаблона, считая его бесспорно вредным в военном деле.

В соответствии с этим и «...уставные строи, — говорилось в предисловии ко 2-му изданию «Тактики», — суть только типы, которые должны быть применяемы (а следовательно, и видоизменяемы) к месту, *где* деремся, времени, *когда* деремся, неприятелю, *против которого* деремся»³.

Излагая систему «рационального» обучения войск, Драгомиров выдвигал следующие три условия: 1) «*Войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное*; всякое отступление от этой нормы вредно, потому что внушает и солдатам и начальникам превратное понятие о тсм, что можно и чего нельзя требовать в бою от человека. Люди, выученные лишнему, и перед неприятелем будут делать не то, что *нужно*, а то, что они *умеют* делать.

2) Учить солдат боевому делу нужно в такой последовательности, чтобы они из самого хода обучения получали сразу ясное понятие о назначении как всего того, что им дается, так и о своем собственном.

3) Учить преимущественно примером, т. е. показывать, что и как делать, прибегая к изустным объяснениям только в случае действительной необходимости»⁴.

Драгомиров придавал большое значение одиночному воспитанию солдата, выработке в нем определенных качеств, необходимых в бою: неустрашимости, стойкости, чувства долга, «доведенного до самоотвержения», беспрекословного подчинения командиру. Наряду с этим он придавал и большое значение развитию физических качеств солдата путем обучения гимнастике (не доводя ее до «акробатства, вредного и ненужного в военном деле»), фехтованию и т. д.

Ставя своей задачей сочетать действие огня с действием холодного оружия, Драгомиров устанавливал две основные боевые формы построения: рассыпной и сомкнутый строй. «... Метательное оружие требует рассыпного, холодное — сомкнутого строя»⁵, — писал он. Серьезное зна-

¹ В 1872 г. появилось 2-е, переработанное, издание под заглавием «Тактика» ч. 1-я. Курс, приуроченный к программам военных училищ⁴.

² М. Драгомиров. Записки тактики для военных училищ, СПб, 1866, стр. 7.

³ Тактика. Часть 1-я. Курс, приуроченный к программам военных училищ СПб, 1872, стр. II. Введение написано редакторами издания Левицким и Гудим-Левковичем.

⁴ М. Драгомиров. Записки тактики для военных училищ, стр. 34.

⁵ Там же, стр. 62.

чение придавал Драгомиров рассыпному строю, игравшему большую роль в новых условиях ведения войны и требовавшему от солдат значительно большей самостоятельности. Однако основным видом боевого порядка, по мнению Драгомирова, являлся сомкнутый строй. Вместе с тем в системе боевой подготовки он уделял большое место маневренности частей, совокупным действиям разных родов оружия (обучение сквозным атакам кавалерии и пехоты), проведению односторонних и двусторонних маневров. Существенное значение придавал Драгомиров и применению к местности, подразделяя его на «активное» и «пассивное». Под «активным» подразумевалось преодоление местных преград, под «пассивным» — использование местности для укрытия. Считая необходимым всячески развивать первое, он явно, однако, недооценивал второе, полагая, что оно развивает в солдате вредный военному человеку инстинкт самосохранения. Подобная точка зрения являлась следствием преувеличения Драгомировым роли холодного оружия и недооценки значения огня. Характеризуя значение стрелкового обучения, он писал: «Ясно, что увлекшись стрельбой, мы получим солдата более или менее развитого, может быть, и хорошо стреляющего издали, но не особенно расположенного сходить на штык. Следовательно, стрельба дает в конечном результате умственное развитие, но не дает никакой практики энергии, воле. Но раз став на этот путь, остановиться нельзя; стремление развить ум солдата при увлечении стрельбой рано или поздно приведет: 1) к преувеличенному взгляду на значение грамотности; 2) к созданию чуть ли не целых наук, в которых мысли нет никакого дела, а все приводится к задалбливанию (разборка и сборка ружья, теория стрельбы); 3) к чрезмерному развитию болтовни, находящей обширное поприще в желании *все* объяснять солдату. . .; 4) к приданию преувеличенного значения умению укрываться от неприятеля, т. е. пассивному применению к местности. . . Увлечение пассивным применением к местности составляет неизбежное следствие увлечения стрельбой, так как из-за укрытия человек стреляет более метко, потому что будет хладнокровнее и может опереть ружье. Но в основании этого отдела образования лежит цель, щекотливая для военного человека, — удовлетворение инстинкту самосохранения»¹.

Обучение саперному искусству — «землекопству» — должно было, по мнению Драгомирова, заключаться лишь в умении создавать искусственные преграды противнику.

Вся система боевой подготовки войск, разработанная Драгомировым, являлась, несомненно, шагом вперед, развивая в солдате качества, необходимые на войне. Однако нельзя не отметить весьма существенных недостатков этой системы. Рассматривая себя последователем суворовской военной доктрины, Драгомиров в действительности не понимал существа этой доктрины, извращая ее содержание, сводя его к выхваченной из контекста фразе «пуля дура, а штык молодец». Именно это обстоятельство обуславливало недооценку Драгомировым роли огня и переоценку значения холодного оружия. Игнорирование так называемого «пассивного» применения к местности также являлось существенным недостатком взгляда Драгомирова. Эти стороны системы Драгомирова, несомненно, имели отрицательное значение, не соответствуя принципам ведения боя в условиях массового применения огня. Отрицание Драгомировым необходимости «развивать ум солдата» достаточно убедительно характеризует реакционность его политических воззрений.

---

¹ М. Драгомиров. Записки тактики для военных училищ, стр. 44, 46.

Перейдем к характеристике состояния тактического обучения войск по отдельным родам оружия.

«Устав строевой пехотной службы» был разработан в период с 1855 по 1866 год (впоследствии он переиздавался с некоторыми изменениями). Этот устав существенно отличался от предшествовавшего устава 1831 г. (переиздававшегося в 40-х годах). Общий характер этого устава, как говорилось уже выше, определялся новыми тактическими принципами ведения боя. Этим и объяснялась основная задача устава, заключавшаяся в развитии огня пехоты и сочетании его с действием холодным оружием. В соответствии с этим некоторое развитие получил рассыпной строй, а также определенная гибкость построения рот и батальонов, позволявшая пехоте беспрепятственно изменять свой строй в соответствии с характером боевых действий. Все это и нашло отражение в новом уставе.

Прежде всего надо сказать об изменении метода обучения рекрут. Во вступлении к первой части устава «Школа рекрутская» указывалось, что «Успех обучения рекрут главнейше зависит от обращения с ними. Обучающие должны помнить, что если рекрут не исполняет чего-либо или исполняет дурно, то это происходит, за весьма редкими исключениями, не от нерадения, а от непонимания требований; помочь этому можно только терпеливым и кротким объяснением рекруту того, что он должен делать, а не взысканиями»¹.

Характер самого устава претерпевал также существенные изменения. Ненужные детали, важные лишь в смотровых условиях, а не на войне, которыми изобилдовал прежний устав, были исключены. Уничтожены были и так называемые «нормальные боевые порядки».

Состав полка определился тремя батальонами, состоящими из пяти рот, — четырех линейных и одной стрелковой.

Наиболее существенные положения устава заключались в следующем.

1. Вместо трехшереножного строя для пехоты был принят двухшереножный, имевший значительное превосходство в построении.

2. Тактической единицей попрежнему являлся батальон. Боевой порядок батальона состоял из одной или двух линий сомкнутых ротных колонн, впереди которых рассыпалась в цепь стрелковая рота на расстоянии 150—300 шагов.

«Атака сомкнутыми частями, — говорилось в уставе, — должна быть, сколько возможно подготовлена огнем цепи»². Когда сомкнутая часть, двигавшаяся в атаку, подходила к цепи, то последняя примыкала к ее флангам.

Таким образом, стрелковые роты вели огневой бой, а линейные, находившиеся в сомкнутом строю, предназначались главным образом для действия холодным оружием, а также для залповой стрельбы³. Следовательно, $\frac{4}{5}$ батальона сохраняли сомкнутый строй. Подобное назначение стрелковых и линейных рот определяло различные формы боевой подготовки их.

3. Известное внимание уделялось рассыпному строю и применению к местности. В первой части устава «Школа рекрутская» отводился спе-

¹ Воинский устав о строевой пехотной службе. Часть I, СПб, 1862, стр. 1.

² Воинский устав о строевой пехотной службе. Часть III. Батальонное учение. СПб, 1875, стр. 104.

³ В уставе указывалось на возможность действия в рассыпном строю и линейных рот, однако практически это почти не применялось.

циальный раздел учению «о применении к местности цепи и ее резервов». Однако, как уже говорилось, к действию в рассыпном строю предназначались лишь стрелковые роты.

Единицей в рассыпном строю являлось стрелковое звено, которое обладало сравнительно большей самостоятельностью (выбор цели, применение к местности, передвижение). «В каждом звене, — говорилось в уставе, — более сметливый и надежный назначается старшим»¹. Стрелковое звено состояло из 3—4 человек.

Порядок стрельбы, предусматривавшийся уставом, предполагал следующие два ее вида: залповую стрельбу сомкнутых ротных колонн с дистанции нахождения стрелковой цепи, т. е. с расстояния 300—400 шагов от противника, и одиночную стрельбу цепи в видимого противника «на дистанции действительного выстрела». Стрельбу на дальние расстояния устав игнорировал вовсе.

4) Совершенно новой частью устава являлся раздел «Совокупное учение нескольких батальонов без артиллерии», но эта часть устава не была рассчитана на подготовку войск к действию в боевых условиях.

В разделе «Цель и порядок производства учения» прямо указывалось, что «учение двух или нескольких батальонов... делаются на плацах или на ровных местах без всякого применения к местности. Учения эти имеют ближайшею целью приучить батальонных командиров к глазомеру и к ловкому управлению своими частями, а самые части ознакомить с правилами общих построений и дать им навык к соблюдению определенных дистанций и интервалов и к сохранению при этом должного порядка; по сему при производстве таких учений никакие тактические предположения места иметь не могут»². Новый пехотный устав в целом являлся, бесспорно, известным шагом вперед по сравнению с предшествующим.

Наряду с этим устав не был лишен и ряда существенных недостатков. Основным недостатком устава являлось несоответствие его новым видам вооружения. Введение заряжающихся с казенных частей ружей и орудий, естественно, изменило характер боя (массовое применение огня). В этих условиях сохранение сомкнутого строя не могло быть целесообразным. Также не соответствовало новым видам вооружения деление пехоты на стрелковые и линейные роты. Несмотря на значительное место, отведенное в новом уставе рассыпному строю, этому вопросу все же не уделялось того внимания, какого требовал этот вид строя. Далеко не полно определялись в уставе и действия цепи, особенно при наступлении под огнем противника. Каким путем должны осуществляться перебежки? Каким порядком занимают промежуточные позиции? Кто является командиром цепи при условии действия нескольких рот? На все это в уставе мы не находим ответа. Вместе с тем в уставе указывалось, что перебежки «должно делать живым и смелым шагом, *отнюдь не нагибаясь*»³. Подобное требование, естественно, не могло быть целесообразным в условиях боя.

Наконец, в уставе сохранялись черты плац-парадных традиций: некоторые построения, ненужные в боевых условиях, сохранялись в целях смотровых; большое место уделялось в уставе церемониальному маршу, сохранялось значительное количество сигналов, непригодных в боевых условиях.

---

¹ Воинский устав о строевой пехотной службе (проект), ч. I, СПб, 1869, стр. 78.

² Воинский устав о строевой пехотной службе, ч. IV, СПб, 1872, стр. 42—43.

³ Воинский устав о строевой пехотной службе (проект), ч. I, СПб, 1869, стр. 94.

Опыт франко-прусской войны наглядно обнаружил недостатки этого устава именно в части построения боевых порядков.

Массовое применение ружейного огня с дальних расстояний в период войны 1870 года (французское ружье Шаспо) настоятельно требовало существенных изменений в уставе. На страницах «Военного сборника» появляется ряд статей, указывавших на необходимость изменения как порядка стрельбы, так и уставных построений боевых порядков.

В этом отношении большой интерес представляют статьи ген. Зедделера, находившегося на театре военных действий в период франко-прусской войны.

В своей статье «Влияние оружия, заряжающегося с казны, на боевую подготовку пехоты» он на основе опыта войны делал следующие **выводы**:

«1) *одиночный огонь есть главный вид боевой стрельбы*; 3) залпы возможны в редких случаях, при расположении небольшой части за прикрытием; 3) огонь на расстоянии верного выстрела есть самый действительный, и ему должно быть отдано полное преимущество, тем не менее пальба в большие цели на дальних дистанциях, а также учащенная, с главной целью выпустить возможно большее число пуль, имеет весьма серьезное боевое значение»¹.

В связи с этим Зедделер полагал необходимым внести серьезные изменения в устав, считая совершенно недостаточным сохранение лишь двух существующих видов стрельбы; залповой и одиночной с коротких дистанций.

Наряду с этим Зедделер указывал, что новое, заряжающееся с казенной части оружие приводит к тому, что боевая линия дробится на мелкие части неправильной формы, и бой ведется «исключительно врассыпную». «Из этого видно, — писал он, — что стрелковая цепь перестала составлять лишь придаточную часть сомкнутого строя, а приобрела при современном вооружении полную самостоятельность»².

Зедделер ставил вопрос об отмене боевых построений сомкнутыми, ротными колоннами. «Рота, — писал он, — представляет слишком большую цель и недостаточно подвижна для того, чтобы служить первой поддержкою цепи»³.

Таким образом, сущность предложений Зедделера сводилась к тому, чтобы привести устав в соответствие с новыми видами вооружения. Все эти предложения Зедделера рассматривались в Главном комитете по устройству и образованию войск под председательством вел. кн. Николая Николаевича. С этой целью из числа членов Комитета была создана специальная комиссия, которая к концу 1875 года рассмотрела вопросы, касавшиеся огня пехоты и относившиеся «до строя, боев и боевой подготовки пехоты».

Комиссия, рассмотрев эти вопросы, признала, «...что употребление в действительном бою развернутого сомкнутого строя, даже не превосходящего одной роты, возможно лишь в исключительных случаях, а также, что развернутый строй всегда терпит от неприятельского огня гораздо более, чем рассыпной...»⁴. В связи с этим было решено «...отдать полное предпочтение стрельбе из рассыпного строя, употребляя стрельбу из сомкнутого лишь в исключительных случаях и только

¹ «Военный сборник», № 1, 1876, стр. 62.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 84.

⁴ Отчет главного комитета по устройству и образованию войск с октября 1874 г. по октябрь 1878 г. СПб., 1879, стр. 91—92.

для частей, не превышающих роту»¹. Однако все дальнейшие решения комиссии были направлены именно на рассмотрение вопроса о стрельбе из сомкнутого строя.

Признано было необходимым сохранить залповую стрельбу из сомкнутого строя на расстоянии прямого выстрела, руководствуясь тем, «...что хорошо направленные залпы производят в бою независимо от урона весьма сильное впечатление на неприятеля, а в мирное время могут служить средством для приучения людей к полному вниманию и подчинению их выстрелов воле начальника...»². Наряду с залповым огнем было решено ввести обучение в сомкнутом строю ведению беглого огня.

Комиссия отвергла предложение о стрельбе из сомкнутого строя далее прямого выстрела, а также об учащенной стрельбе на дальние расстояния, так как это приведет только «...к усиленной и бесполезной трате патронов и ободрению врага»³, хотя одновременно с этим и указывалось, что опыт франко-прусской войны показал, «...что выпуск огромного числа пуль по известному направлению, хотя и дурно прицеленных, может достигать весьма существенного поражения и быть употребляем даже против скрытого неприятеля, положение которого более или менее определено»⁴.

Несмотря на это, была отвергнута целесообразность «...удлинить... огонь нашей пехоты, которая, имея в руках оружие, действительное на 1200 шагов, может поражать неприятеля лишь на расстояниях, доходящих до половины этого предела»⁵. Аргументом для этого послужили соображения финансового порядка: «...удлинение огня и обучение стрельбе с больших расстояний всей пехоты, — указывалось в решении комиссии, — требуя значительного увеличения отпуска учебных припасов, могло бы повести к слишком большим новым расходам»⁶. В конце концов было сочтено возможным ввести обучение стрельбе на дальние расстояния для 1/3 лучших стрелков каждой роты. Однако в дальнейшем этот вопрос был передан «для подробного обсуждения» в Главное артиллерийское управление и там не получил положительного решения.

Комиссия полностью согласилась с Зедделером, что «...главное указание, добытое боевым опытом франко-прусской войны, состоит в том, что *стрелковая цепь* не только перестала быть *придаточной частью* сомкнутого порядка, но приобрела в пехотном боевом строе *первенствующее значение*»⁷. Было выражено мнение, «что главные изменения должны коснуться *рассыпного строя*, так как эта форма строя на будущее время представляется почти исключительно возможною для действия пехоты в бою»⁸.

Вместе с тем был решен и ряд частных вопросов: об уменьшении самостоятельности звена в цепи и увеличении его состава, о походных колоннах и т. д.

Все эти решения должны были найти отражение в уставах, вследствие чего предполагалось в 1877 году приступить к пересмотру всех строевых уставов. Однако вплоть до начала войны уставы пересмотрены

¹ Отчет главного комитета по устройству и образованию войск с октября 1874 г. по октябрь 1878 г., стр. 92.

² Там же.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 93—94.

⁵ Там же, стр. 97.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 98.

⁸ Там же.

не были, и никаких общих инструкций в связи с намеченными изменениями издано также не было. Таким образом, вся система боевой подготовки пехоты базировалась на уставах, не соответствовавших новым видам вооружения и далеко не полностью отражавших в себе новые принципы обучения войск.

Неудовлетворительность пехотных уставов приводила к необходимости издания отдельных инструкций по обучению войск, подчас противоречивших тем или иным уставным требованиям. В 1871 году полк. Левицким была составлена инструкция для полевых занятий войск, изданная в виде проекта. Инструкция эта подробно излагала систему полевых занятий войск, главным образом пехоты. «Все полевые занятия, — говорилось в инструкции, — должны быть проникнуты одной общей целью — подготовить войска к успешному действию против неприятеля, а потому все, что не может быть полезным и применимым для действия, должно быть исключено из полевых занятий, в особенности ввиду крайней ограниченности времени для их производства»¹.

Отдельные пункты этой инструкции находились в явном противоречии с уставом. Так, например, в разделе «Порядок производства односторонних маневров» указывалось, что «... чисто строевые учения пехоты должны ограничиваться батальонными учениями; обучения же двух или нескольких батальонов должны состоять в маневрировании с определенной тактической целью и применяясь к условиям местности»². В то же время, как уже говорилось выше, устав предусматривал обучение этого вида без каких-либо «тактических предположений».

В этом же 1871 году ген. Драгомировым была составлена инструкция: «Опыт руководства для подготовки частей в бою», в которой излагалась подробная программа боевой подготовки. В вводных замечаниях к этой инструкции ген. Драгомиров указывал, что основная задача военного образования заключается в том, чтобы оно было «... по возможности близкое к тому, что приходится делать в бою и на войне»³. Действительно, вся эта система обучения предполагала подготовку к действиям в боевых условиях. Большое значение придавалось гимнастике, фехтованию, т. е. развитию физических качеств солдата, а также и обучению прицельной стрельбе.

Говоря об обучении войск, Драгомиров указывал, что «Толковая подготовка роты для боя составляет основу всего военного образования пехоты. Если роты хороши, — продолжал он, — батальоны будут хороши. Затем в отряде из совокупности батальонов каждый батальон для выручки своих товарищей ничего другого не делает, кроме того, что должна уметь делать рота относительно своих товарищей по батальону»⁴.

Большой раздел в инструкции отводился сквозным атакам.

Однако издание отдельных инструкций по обучению войск все же не изменяло общего характера уставных положений, не соответствовавших новым видам вооружения, а отсюда и новым формам ведения боя.

* * *

Для выяснения вопроса о том, в какой мере осуществлялись указания Военного министерства в области обучения войск, необходимо обра-

¹ Проект инструкции для полевых занятий войск. СПб., 1871, стр. 1.

² Там же, стр. 25.

³ Опыт руководства для подготовки частей в бою, ч. 1-я, Киев, 1871, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 14—15.

таться к отчетам об инспектировании войск членами военного совета¹, с одной стороны, и материалом военных округов — с другой. На основе анализа этих документов рассмотрим последовательно состояние отдельных отраслей обучения пехоты.

Несмотря на известное изменение всей системы боевой подготовки, заключавшееся в обучении действиям в условиях, близких к боевым, особенно в первые годы, значительное внимание в строевом обучении по-прежнему обращалось на обучение сомкнутому строю, стройности движений и другим элементам «плац-парадной тактики».

Так, член военного совета ген. Врангель в своем отчете об осмотре ряда пехотных дивизий (16-й, 23-й, 25-й и 27-й) в 1866 году писал: «На произведенных мною учениях все движения и действия в сомкнутом строю были произведены во время смотра совершенно правильно и стройно, но в рассыпном строю встречались иногда ошибки. Заметно, — продолжал он, — что на сомкнутый строй было обращено более внимания, чем на одиночное развитие при обучении людей, и что в тех случаях, где от нижних чинов требовалось более самостоятельности в действиях, они оказались менее твердыми. . . Церемониальный марш во всех полках очень хорош»², — отмечал Врангель.

Об этом сообщает он и в другом отчете об инспектировании 26-й, 29-й, 30-й и 31-й пех. дивизий. «Стойка под ружьем, — писал он, — и равнение на месте правильны, церемониальный марш как шагом, так и бегом везде очень хорош»³. Однако наряду с этим Врангель указывал, что обучение солдат действиям «применительно к боевым условиям» проводится недостаточно, и «. . . попадались даже такие ротные командиры, которые имели весьма смутное понятие о применении к местности, старались не пользоваться какого-либо рода местными предметами, а обходить их. . .»⁴. Наконец, на это же указывал и командующий войсками Харьковского военного округа ген. Карцов в своем «всепопданнейшем отчете» за 1868 год. Отмечая весьма хорошую фронтовую подготовку, он вместе с тем писал: «. . . что касается до рассыпного строя, учения на пересеченной местности. . . то в этом отношении остается еще много желать, и занятия эти требуют. . . особенного внимания и усилий»⁵.

Таким образом, в 60-е годы «плац-парадные принципы» в системе боевой подготовки далеко еще не были изжиты. Причина этого заключалась в живучести «плац-парадных традиций» как среди генералитета, прошедшего значительную часть своей службы в условиях дореформенных порядков, так и офицерства, не получившего в значительной своей части никакого военного образования и воспитанного также в духе николаевской муштры. Наконец, эти «плац-парадные традиции» находили поддержку и у самого Александра II, что, вполне понятно, значительно тормозило внедрение новых методов боевой подготовки войск.

«К сожалению, государь, — рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях», — имея склонность к поддержанию прежних традиций, хотя и радовался успехам войск в настоящем тактическом образовании, в то же время, однако ж, требовал и строгого соблюдения стройности и равнения на церемониальном марше, точного соблюдения на разводах,

¹ Приказом военного министра за № 24 от 29 января 1864 г. из инспекторов — членов военного совета был образован специальный инспекторский отдел.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 27283, л. 91.

³ Там же, дело № 27282, л. 60.

⁴ Там же.

⁵ ЦГВИА, ф. Харьковского военного округа № 1827, опись 1-я, д. № 19, л. 50.

церковных парадах и других церемониях всей прежней мелочной формалистики. Одно какое-нибудь замечание государя за пустую ошибку уставную или за неровность шага, недостаточно «чистое» равнение парализовало все старания придать обучению войск новый характер, более соответственный истинной пользе и условиям войны»¹.

Только в начале 70-х годов «плац-парадные традиции» в системе боевой подготовки несколько утрачивают свое значение, и обучение войск постепенно приобретает иной характер.

Этому способствовало, во-первых, изменение состава младших офицеров, непосредственно осуществлявших обучение солдат. К этому времени в составе субалтерн-офицеров преобладало офицерство, пришедшее в армию после Крымской войны и получившее в значительной своей части военное образование либо в военных, либо в юнкерских училищах. Во-вторых, большое значение в деле обучения войск имели и летние сборы, занятия на которых проводились по специальной программе Главного штаба. Наконец, в начале 70-х годов, в связи с опытом франко-прусской войны, некоторое внимание было обращено на «маневрирование большими и малыми частями» войск, а также на взаимодействие отдельных родов оружия.

Надо отметить, что и на протяжении 70-х годов со стороны значительной части генералитета попрежнему оказывалось противодействие новым методам обучения войск. В 1871 г. Военным министерством была разработана специальная инструкция для полевых занятий войск, предусматривавшая обучение как полевым занятиям, так и стрельбе в течение всего года. Инструкция эта была встречена недоброжелательно со стороны ряда командующих военными округами. Так, например, командующий Московским военным округом ген. Гильденштубе и Казанским — ген. Бруннер, указывая на невозможность обучения стрельбе в течение зимнего периода, мотивировали это следующим образом: «...Даже при казарменном помещении это не всегда возможно, ибо места для стрельбы отводятся за 6 и за 10 верст от казарм. Посылать туда людей для стрельбы по климатическим условиям, например, в Московском округе, ранее половины апреля нельзя. Начало же курса стрельбы в это время вызвало бы необходимость излишнего расхода людей, потребовался бы наряд рабочих для беспрестанной расчистки и исправления валов, а также и караула для сбережения их, иначе пули будут вырываемы посторонними лицами. Люди же эти должны будут помещаться в палатках в такое время года, которое будет иметь неблагоприятное влияние на их здоровье»².

Таким образом, по мнению этих командующих войсками, обучение солдат стрельбе в зимнее время представлялось невозможным. Тем самым отрицалась и возможность ведения войны в зимних условиях. Командующий войсками Одесского военного округа ген. Коцебу также доказывал, что производство ротных и батальонных учений в течение зимы невозможно как по отсутствию казарменных помещений, так и в силу того, что это повредит делу одиночного обучения солдата. Ген. Коцебу полагал необходимым в течение зимы ограничиваться лишь строевыми упражнениями.

Все это говорило по меньшей мере о непонимании значительной частью генералитета необходимости обучения войск по-новому, применительно к боевым условиям.

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7850, стр. 296—297.

² ЦГВИА, ф. Главного штаба, № 400, 2-й отд., 2-й стол, д. № 25, 1873, л. 8—9.

Однако, несмотря на это, характер обучения войск в начале 70-х годов несколько изменился. Характеризуя состояние обучения войск, Милютин в докладе по Военному министерству 1 января 1873 г. писал:

«Строевое образование войск при современных сложных требованиях военного дела вызывает необходимость все более и более настойчивого внимания и энергических усилий для развития в войсках таких занятий, которые имеют в виду подготовку войск к деятельности чисто боевой, как, напр., маневрирование большими и малыми частями, походные движения с военными предосторожностями, развитие всех видов стрельбы, в особенности с неопределенных расстояний, служба сторожевая и разведочная и т. п. В последние годы во всех частях нашей полевой армии, — отмечал Милютин, — занятия эти принимают все большее развитие»¹.

Действительно, это находит свое подтверждение как при изучении отчетов членов военного совета, инспектировавших войска, так и приказов и инструкций об обучении войск в отдельных военных округах. Ген.-ад. Кознаков, инспектировавший в 1871 году ряд пехотных дивизий (4-ю, 6-ю, 7-ю, 8-ю и 10-ю), дислоцировавшихся в Варшавском военном округе, характеризуя состояние военного обучения, в своем отчете писал: «Находящиеся в цепи пользовались местными закрытиями, поддерживались взаимно и стреляли без торопливости»².

Характеризуя подготовленность войск к действиям в боевых условиях, ген. Кознаков указывал, что «Для испытания, насколько нижние чины приучены к продолжительному движению бегом в полной походной амуниции, я заставлял бегать целые роты в ранцах с полной укладкой. Роты бегали в разное время, и в знойное, и в дождливое, то по песчаной, то по топкой местности, даже по свежее паханному полю. Бег длился от 5 до 7 минут без отдыха, после чего я нередко заставлял роты бросаться в штыки. Испытания эти показали, что люди привыкли к таким движениям и достаточно в них втянулись»³.

Отмечая результаты тактических учений в 1-й гренадерской, 2-й, 3-й и 18-й пехотных дивизиях, проведенных в 1872 году, ген. Кознаков писал: «После учений, где позволяли время и местность, были произведены односторонние маневры с тактическим предположением. На маневрах этих вообще соблюдалось спокойствие, люди, находившиеся в цепи, пользовались местными закрытиями и стреляли без торопливости, части поддерживались взаимно и достаточно хорошо выдерживали залпы»⁴.

Результаты инспектирования ген.-ад. Паткулем 16-й, 25-й, 26-й, 27-й и 29-й пехотных дивизий и соответствующих им артиллерийских бригад также говорят об изменении характера боевой подготовки войск. «При производстве односторонних маневров с артиллериею... — писал ген. Паткуль, — было обращено преимущественное внимание на умение войск пользоваться местностью и на сохранение связи между маневрирующими частями. Применение к местности во всех частях и в особенности в стрелковых ротах исполняемо было довольно хорошо, и, повидимому, как офицеры, так и солдаты, успели приобрести достаточный навык в оценке значения различных местных предметов. Предположения маневров везде выполнены были довольно отчетливо и сознательно, при-

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 18, 1873, стр. 25.

² Там же, опись 1-я, д. № 30072, л. 112.

³ Там же, л. 109.

⁴ Там же, д. № 30484, л. 100—101.

чем части сохраняли связь как между собою, так и с артиллерией, никогда не оставляя ее без прикрытия и не закрывая собою ее огня»¹.

В ряде военных округов во время летних сборов производились маневры, а также осуществлялись совместные тактические учения различных родов войск. Наиболее крупные маневры производились в Петербургском военном округе, в Красносельских лагерях.

Отмечая известные успехи боевой подготовки войск к середине 70-х годов, было бы вместе с тем неверно представлять себе, что «плац-парадные традиции» в обучении войск были окончательно изжиты. Далеко не везде тактическая подготовка войск осуществлялась «применительно к боевым условиям». Подтверждением этого может служить «Наставление для производства строевых занятий в поле», изданное Киевским военным округом в 1874 году. В наставлении отмечалось, что «...нередко производятся совершенно бесцельные учения, или, что еще хуже, такие, которые могут поселить в обучаемых превратные понятия о действиях в бою»².

Вполне естественно, что новые принципы военной подготовки требовали в первую очередь развития физических качеств солдата, в силу чего этому вопросу уделялось должное внимание. Как указывалось выше, еще с начала 60-х годов было введено обучение гимнастике и фехтованию. К середине 60-х годов почти во всех воинских частях были построены гимнастические городки и регулярно проводились занятия по гимнастике. Однако вследствие недостатка кадров инструкторов сплошь и рядом обучение гимнастике носило кустарный характер и не было подчинено какой-либо определенной системе. Так, член военного совета ген.-ад. Врангель, инспектировавший в 1866 г. ряд пехотных дивизий, отмечал, что «гимнастические движения тела производились без всякой системы почти во всех осматриваемых частях»³. Об этом же сообщал в своем отчете ген. Паткуль, инспектировавший в 1873 г. 34-ю пехотную дивизию⁴. При всех этих недостатках занятия гимнастикой получили сравнительно большое развитие, о чем свидетельствуют многочисленные данные отчетов об инспектировании войск. В ряде воинских частей, помимо гимнастических городков, сооружались различные укрепления «временного профиля» со рвами и волчьими ямами, которые солдаты при обучении гимнастике обязаны были штурмовать в полной боевой амуниции. Вполне понятно, что все это развивало в солдатах силу и ловкость — качества, необходимые на войне. Уделялось серьезное внимание также и фехтованию, в ряде же частей, как, например, в Варшавском военном округе, проводились и специальные занятия по обучению плаванию и гребле.

Обучение войск саперному делу, как говорилось уже выше, получило распространение во второй половине 60-х годов. Однако этот вид боевой подготовки внедрялся далеко не равномерно. Впереди в этом отношении шел Варшавский военный округ, где с 1867 года проводилось обучение саперному делу.

Инспектировавший в 1870 году части Варшавского военного округа ген. Рамзай в своем отчете писал: «Результаты, достигнутые нижними чинами сводных батальонов, не взирая на короткий срок обучения и не

¹ Приказ по военному ведомству от 10 июля 1873 г., № 202.

² Приложение к приказу по Киевскому военному округу № 41, 1874, „Русский Инвалид“, № 105, 1874.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 27282, л. 64.

⁴ Там же, д. № 31141, л. 84.

вполне ответственный выбор людей в частях некоторых дивизий, дают уверенность в том, что эта часть образования войск, несмотря на недавнее ее применение, находится в отличном состоянии и может иметь в будущем весьма полезное влияние на поднятие уровня развития нижних чинов, в особенности если при обучении людей устранить увлечение собственно инженерным искусством и совершенно излишние термины иностранного происхождения заменятся более доступными пониманию солдата русскими терминами»¹.

Однако, помимо Варшавского и Петербургского военных округов, во второй половине 60-х годов эта область боевой подготовки не получила должного развития. Подтверждением этого может служить тот факт, что в большинстве отчетов об инспектировании войск в этот период мы не встречаем упоминаний об обучении саперному делу. Об этом, например, нет упоминаний во «всеподданнейших» отчетах по Харьковскому военному округу за ряд лет второй половины 60-х годов.

В начале 70-х годов обучение саперному делу получает несколько большее развитие. Об этом сообщает в своем рапорте командующий Одесским военным округом². Об этом говорят и отчеты членов военного совета. Ген.-ад. Паткуль, инспектировавший в 1872 г. 16-ю, 26-ю, 27-ю и 29-ю пехотные дивизии, расположенные в Виленском военном округе, в своем отчете подробно останавливается на подготовке войск округа саперному делу. «...я обратил также внимание, — писал ген.-ад. Паткуль, — на подготовку в саперном искусстве всех вообще войск. С этой целью в полках 61-м пехотном Владимирском и 62-м пехотном Суздальском мною вызвано было по одной линейной роте и приказано было им окопаться в возможно скорейшее время. Роты эти имели при себе шанцевый инструмент в количестве, положенном по штату, и каждая из них... в течение 10 минут разбила и построила для себя ложемент с линиею огня, равный длине развернутого фронта роты, и с профилею, вполне достаточною для прикрытия людей от выстрелов. Кроме того, в 25-й пехотной дивизии во время хода одностороннего маневра стрелковая рота 99-го пехотного Ивангородского полка, расположившись на позиции в течение нескольких минут, устроила ложементы для своих звеньев, вполне достаточные для их прикрытия. Примеры эти... могут свидетельствовать о том, что и на саперное дело... в осмотренных мною дивизиях обращено было вполне надлежащее внимание»³.

В «Русском Инвалиде» за первую половину 70-х годов мы встречаем немало сообщений о ходе обучения саперному делу в Киевском, Казанском, Виленском и Кавказском военных округах.

С 1875 года было предоставлено право командирам частей откомандировывать офицеров для изучения саперного дела на летнее время в саперные части⁴. При всем этом обучению наиболее элементарному виду саперных работ — самоокапыванию — не уделялось должного внимания, и оно не стало неотъемлемой частью боевой подготовки войск.

Анализируя инструкции о проведении тактических занятий в поле, отчеты и приказы о результатах инспекторских смотров, мы почти не находим упоминаний об этом виде подготовки. Вопрос о самоокапывании в целях предохранения от неприятельского огня не нашел своего отражения и в учебниках тактики.

¹ ЦГВИА, ф. Главного штаба № 400, 2-й отд., 2-й стол, д. № 26-а, 1870, л. 64.

² Там же, д. № 27, 1874.

³ Там же, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 30486, л. 182—183.

⁴ Приказ по военному ведомству № 339 за 1874 г.

Одной из основных причин слабой саперной подготовки войск являлось отсутствие должного количества шанцевого инструмента. По штатам в каждой роте полагалось иметь 10 лопат, 24 топора, 3 мотыги, 3 кирки и один лом¹. К тому же саперное имущество возилось в обозе и только в случае надобности выдавалось на руки. В силу всего этого саперная лопата не являлась для солдата неотъемлемой частью его снаряжения.

Общий характер обучения стрельбе определялся уставными принципами.

«Наставление для обучения стрельбе в цель пехоты и драгун» предусматривало обучение следующим видам стрельбы: одиночной, одиночной учащенной и залповой. При этом стрелковые роты обучались стрельбе на расстояние до 1200 шагов, линейные — до 600 шагов. В связи с этим шестилинейные, заряжающиеся с казны винтовки системы Крнка, обладавшие дальностью выстрела до 2000 шагов, в линейных ротах были снабжены прицелом на 600 шагов, а в стрелковых — на 1200.

Для характеристики взгляда некоторой части генералитета на значение стрельбы из новых, заряжающихся с казенной части ружей представляет интерес приказ ген.-лейт. Криднера по 27-й пехотной дивизии. «Назначение солдата, — говорилось в приказе, — состоит в том, чтобы бить врага. Чтобы его бить, нужно до него дойти; бьет он его штыком и прикладом. Итак, главное оружие солдата — штык и приклад. Пуля помогает ему только лучше, вернее дойти до врага с наименьшим уроном для себя и с наибольшим для него; но для того необходимо, чтобы выпущенная пуля попадала и чтобы патрон был сохранен». «Новое ружье, — говорилось далее, — называется скорострельным... Но если из него скоро стрелять можно, то из того еще не следует, что это делать всегда должно. Командное слово начальника определяет, когда производить частую стрельбу; она возможна только на самом близком расстоянии от неприятеля, после чего неминуемо должна последовать работа штыками...»². Эта точка зрения, недооценивающая значение огня вообще и нового вооружения в частности, целиком соответствовала взглядам ген. Драгомирова.

Главное внимание при обучении стрелковому делу уделялось так называемой цельной (прицельной) одиночной стрельбе из рассыпного строя.

Стрельба из сомкнутого строя, согласно наставлению производилась лишь залпами на расстояние, не превышавшее 300—400 шагов. На скорость стрельбы при этом не обращалось почти никакого внимания.

Приказы по военному ведомству по отдельным родам войск и военным округам, а также отчеты об инспектировании воинских частей дают достаточно ясную картину состояния стрелковой подготовки. Однако проследить более или менее точно качественные успехи этого вида боевой подготовки невозможно. В течение рассматриваемого периода происходило непрерывное перевооружение армии³, и вполне естественно, что этот процесс требовал непрерывного освоения новых видов оружия и не мог не отражаться на качественных результатах стрельб.

¹ Приказ по военному ведомству № 245 за 1874 г.

² «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—78 гг. на Балканском полуострове», вып. 21, ч. II, стр. 145.

³ Первоначально с 1857 г. вместо гладкоствольных семилинейных, а также и нарезных ружей вводится шестилинейная, заряжающаяся с дула винтовка. После 1866 г. происходит переделка этих винтовок в скорострельные, заряжающиеся с казенной части. При этом переделка осуществлялась по различным системам: Терри — Нормана, Карле и Крнка. Наконец, в начале 70-х годов вводится и малокалиберная винтовка системы Бердана.

Несмотря на это, анализируя результаты боевых стрельб, мы можем сделать все же некоторые выводы. Ген. Рамзай и Врангель, инспектировавшие в 1866 году ряд пехотных дивизий, приводят в своих отчетах следующие данные о результатах стрельб:

Одиночная стрельба на 300 шагов¹
(совместно стрелковых и линейных рот)

Наименование дивизии	Процент попадания
16-я пехотная дивизия	45
18-я " "	25
23-я " "	34,5
25-я " "	36
27-я " "	52
28-я " "	52
37-я " "	22

Одиночная стрельба на 300—500 шагов²
(отдельно линейные и стрелковые роты)

Наименование дивизии	300 шагов	400 шагов	500 шагов
	(процент попаданий)		
29-я пехотная дивизия			
Линейные роты	13,5	—	—
Стрелковые роты	—	37	—
30-я пехотная дивизия			
Линейные роты	24	—	—
Стрелковые роты	—	25	—
31-я пехотная дивизия			
Линейные роты	12	—	—
Стрелковые роты	—	—	37

Таким образом, уровень стрелковой подготовки в середине 60-х годов являлся низким, о чем свидетельствует и критерий оценки, принятый для определения результатов стрельб. Степень стрелковой подготовки в линейных и стрелковых ротах была далеко не одинакова. Стрелковые роты дают значительно лучшие показатели стрельбы, что объяснялось тем, что огневой подготовке отводилось в них значительно больше времени. Наконец, следует обратить внимание и на неоднородность результатов стрельб в отдельных дивизиях (учитывая даже возможность наличия различных систем оружия).

Данные за первую половину 70-х годов показывают известный рост качественных показателей по стрелковой подготовке.

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 27281, л. 114—117, и № 27283, л. 109—114.

² Там же, д. № 27282, л. 85—92. Критерий оценки, принятый для определения стрельб, был следующий: для одиночной стрельбы (так называемой первого рода) на 400 шагов: посредственно — 20% попадания, выше посредственного — 25%, хорошо — 30%, очень хорошо — 35%, отлично — 40%. ЦГВИА, ф. Главного штаба, № 400, 2-й отд., 2-й стол, д. № 36, 1869, л. 34—35.

Согласно отчетам ген. Паткуля и Кознакова, инспектировавших в 1872 г. 1-ю, 2-ю, 3-ю гренадерские и 4-ю, 16-ю, 18-ю, 25-ю, 26-ю, 27-ю и 29-ю пехотные дивизии, результаты стрельб представляются следующие:

Одиночная стрельба ¹

Наименование дивизии	200 шагов	280 шагов	400 шагов	600 шагов
	(процент попаданий)			
1-я гренадерская	—	—	—	58
2-я "	—	—	—	50
3-я ² "	—	—	—	43,5
4-я пехотная	—	—	24	—
16-я "	64	42,7	—	37
18-я "	—	—	—	70
25-я "	71	29	—	29
26-я "	47	20	—	19
27-я "	57	24	—	29
29-я "	72	39	—	36

Необходимо отметить при этом крайнюю пестроту результатов стрельб не только в отдельных дивизиях, но даже и в отдельных полках. Так, в отчете ген. Паткуля мы находим следующие данные по 26-й и 27-й пехотным дивизиям: в 104-м Устюжском полку во время одиночной стрельбы на 280 шагов процент попадания в 5-й линейной роте составлял 34, а в 8-й линейной роте того же полка — 13; в 27-й пехотной дивизии в 105-м Оренбургском полку при одиночной стрельбе на 600 шагов процент попадания в 3-й стрелковой роте составлял 61, а во 2-й стрелковой роте 106-го Уфимского полка — 30³. Неодинаковы также результаты стрельб даже и в гвардейских частях (где общий результат их был значительно выше). Так, например, в 1872 г. во время стрельб в Красносельском лагере в л.-гв. Преображенском полку при стрельбе на 250 шагов процент попаданий в 3-й роте равнялся 77, а в 4-й роте — 54; в л.-гв. Московском полку при стрельбе на 340 шагов процент попаданий во 2-й роте составлял 48 и в 3-й роте — 32⁴. Результаты инспекторских стрельб отдельных стрелковых батальонов (за исключением гвардейских и туркестанских) в 1871—1873 гг. представляют следующую картину:

Одиночная стрельба ⁵

	1871 г.	1872 г.	1873 г.
	(процент попаданий)		
С 300 шагов . .	55	58	56
С 500 шагов . .	70	62	77
С 700 шагов . .	46	55	53
С 900 шагов . .	34	45	36
С 1200 шагов . .	31	31	35

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 30484, л. 124—125 и д. № 30486, л. 238—247.

² Стрелял лишь один Фанагорийский полк.

³ Там же, д. № 30486, л. 238—247.

⁴ „Русский Инвалид“, № 155, 1872.

⁵ „Русский Инвалид“, № 33, 1873 и № 43, 1874.

Согласно приказам по стрелковым батальонам, эти результаты расценивались как отличные.

В 1876 году было проверено состояние стрелковой подготовки в 110 пехотных полках, расположенных в 9 военных округах. Средние результаты этих стрельб, производившихся 80 % списочного состава полков, представляли собой следующее ¹:

Стрельба одиночная в неопределенное время	В 1876 году		
	из малокалиберной винтовки	из винтовки Крнка	данные 1875 г. *
	Процент попаданий		
Стрелковые роты			
на 300 шагов . .	47	42	41
на 700 шагов . .	55	52	43
на 900 шагов . .	22	36	34
на 1000 шагов . .	35	30	28
на 1200 шагов . .	27	17	16
Лицейные роты			
на 400 шагов . .	47	37	34
на 600 шагов . .	32	42	27
на 800 шагов . .	41	—	—
Залповая			
на 100 шагов . .	—	85	—
на 200 шагов . .	87	65	50
на 280 шагов . .	98	54	40

* В 1875 году все полки стреляли из 6-линейных винтовок системы Крнка.

Результаты эти были оценены следующим образом: в 17 полках стрельба была признана отличной; в 55 — очень хорошей; в 33 — хорошей, в 3 — посредственной и в 2 — слабой.

Анализируя приведенные выше данные, необходимо отметить, что общий уровень стрелковой подготовки, несмотря на некоторые сдвиги, оставался низким. К тому же вся система ее не соответствовала новым видам вооружения. (Обучение производилось лишь с ближних дистанций, игнорировалась скорость стрельбы).

* * *

Перейдем к рассмотрению состояния боевой подготовки полевой артиллерии.

Строевые уставы пехоты и конно-артиллерийской служб были изданы в 1859 году, отличаясь друг от друга лишь отдельными деталями. Вполне естественно, что в этих уставах в большей мере, нежели в других, содержались дореформенные тактические принципы плац-парадного характера. Примером этого могут служить следующие положения устава:

1) При обучении приемам заряжания оно должно было производиться, согласно уставу, таким образом, чтобы целая батарея «заряжа-

¹ Приложение к приказу по военному ведомству № 84 от 8 марта 1877 г.

лась вместе как одно орудие». «Нет сомнения, — говорилось по этому поводу в статье «Взгляд на устав и мнение о пешем артиллерийском уставе издания 1859 года», — что при подобных требованиях становится недостаточным уметь заряжать; нужна необыкновенная равномерность в движениях, — добиться же от сотни людей движения, одинакового с часовым механизмом, дело весьма трудное, ибо люди не автоматы»¹. Вполне естественно, что подобное требование значительно затрудняло процесс обучения, подготавливая при этом солдат к смотрам и парадом, а не к действиям в боевых условиях. К тому же изучение приемов заряжания рекомендовалось уставом таким образом, что исключалась возможность осмысленного представления о процессе в целом.

По уставу устанавливалось «пять родов пальбы», из коих три рода предусматривали стрельбу очередную, далеко не всегда применимую в боевых условиях. Построение артиллерии в развернутом строю отличалось мелочной регламентацией. Так, например, в уставе указывалось, что когда орудие надето на передок, зарядные ящики должны находиться в трех шагах от дула орудия; когда же оно снято, — в сорока шагах. Вообще строевые построения артиллерии, рекомендованные в уставе, в значительной своей части были неприменимы в боевых условиях. Тактической единицей по уставу являлось орудие. Командир батареи лишь определял дистанцию для первого выстрела, а далее наводчик должен был самостоятельно вводить соответствующие поправки.

Этот принцип «самостоятельности наводчиков», господствовавший в гладкостенной артиллерии, явно не соответствовал новым видам орудий. Таким образом, артиллерийские уставы содержали в себе ряд явно непригодных положений.

Однако устарелость уставов не являлась серьезным препятствием для боевой подготовки артиллерии, так как в обучении руководствовались рядом инструкций, вносивших определенные коррективы в те или иные уставные положения.

Значительно более, нежели уставы, препятствовали нормальной подготовке артиллерии два обстоятельства: почти непрерывно происходившие изменения материальной части артиллерии, а также отсутствие должного количества снарядов, необходимых для обучения стрельбе.

Первое обстоятельство не давало возможности личному составу артиллерии в достаточной степени ознакомиться с особенностями той или иной системы орудий, освоиться со стрельбой из них. Отсутствие же снарядов, обуславливавшееся финансовым положением государства, влияло на тактическую подготовку еще более неблагоприятно.

В 1867 году в целях сокращения расходов было значительно уменьшено количество отпускаемых снарядов для артиллерийских батарей. По приказу по артиллерии № 142 от 2 декабря 1872 года устанавливалась следующая годовая норма отпуска снарядов: на батарею из 4 орудий — 200, на батарею, состоящую из 8 орудий, — 128². Не говоря уже о недостаточном количестве отпускавшихся снарядов, лишь 8 из них — по одному на каждое орудие — были боевыми. Все же остальные в целях экономии вместо ударных трубок были снабжены особыми вышибными трубками и не содержали в себе разрывного заряда.

Наряду с этим на подготовку артиллерии оказывало неблагоприятное

---

¹ Взгляд на устав и мнение о пешем артиллерийском уставе, 1859, „Артиллерийский журнал“, № 10, 1863, стр. 584.

² 4-орудийная батарея имела прислугу на 8 орудий, вследствие чего ей и выдавалось большее количество снарядов.

влияние и отсутствие разработанной теории стрельбы из нарезных орудий. Значительная меткость нарезных орудий по сравнению с гладкостенными породила первоначально стремление добиваться почти идеальной точности попадания. С этой целью корректирование стрельбы производилось путем предельно точного определения на глаз расстояний точек падения снарядов от цели. Лишь в 1873 году был принят способ пристрелки путем захвата цели «в вилку» (между перелетом и недолетом). Большое значение в этом отношении имело «Руководство к стрельбе из артиллерийских орудий», составленное в 1874 году полковником В. Шкляревичем. Однако практически этот способ не был освоен к 1877 году. Такова характеристика общих условий, в которых осуществлялась боевая подготовка артиллерийских частей.

В 60-е годы в деле обучения артиллерийской прислуги действиям при орудиях преобладало стремление добиваться, согласно уставу, одновременного исполнения всей батареей заряжания орудия, т. е. обучение было направлено к достижению показного эффекта, так как в действительности стрельба производилась поорудийно. К действиям в боевых условиях артиллерийская прислуга также не подготавливалась, и стрельбы носили смотровой характер. В обучении наводчиков преследовалось стремление достичь идеальной точности наводки в хорошо видимую цель, что, естественно, не соответствовало стрельбе в боевых условиях. К тому же, как указывалось выше, наводчик обязан был после первого выстрела вести стрельбу почти самостоятельно. Все это, естественно, оказывало влияние на качество стрельб.

На протяжении 60-х годов данные о стрельбах в артиллерии характеризуются невысокими результатами. Инспектировавший в 1866 году артиллерию Варшавского, Московского и Виленского военных округов ген.-ад. Лутковский в своем отчете сообщил следующие данные произведенных им стрельб:

		Расстоя- ние (в саж.)	В боль- шую мишень (проц. попаданий)	В малую мишень
Варшавский военный округ				
Батарейные батареи				
4-я арт. бригада		470	39	17
7-я " "		480	33	13
8-я " "		480	31	7
2-я гр. "		460	33	5
6-я арт. "		460	20	3
3-я гр. "		460	38	10
Облегченная батарея				
4-я арт. бригада		380	45	17
7-я " "		380	70	35
8-я " "		380	68	23
10-я " "		380	30	7
Виленский военный округ				
27-я арт. бригада (батар. батарей)		450/360	41	14

	Расстоя- ние (в саж.)	В боль- шую мишень	В малую мишень
(проц. попаданий)			
Московский военный округ			
Батарейные батареи			
1-я гр. бригада			
1-я батарея	500	55	20
2-я батарея	700	50	50
1-я арт. бригада	500	33	22
3-я " "	500	31	16
35-я " "	500	38	13
Облегченные батареи			
1-я арт. бригада	400	72	50
3-я " "	400	44	19
35-я " "	400	50	25 ¹

Анализируя данные этих стрельб, характеризовавшихся в целом невысокими показателями, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, как и в пехоте, стрельба производилась лишь на близкие расстояния. Во-вторых, результаты стрельб были крайне пестры, что свидетельствовало о различной подготовке оружейной прислуги, а также и командного состава.

В начале 70-х годов Военное министерство обратило внимание на необходимость проведения стрельб в условиях, близких к боевым.

«Стрельба полевой артиллерии в бою, — говорилось в приказе по артиллерии, — будет тем успешнее, чем ближе к условиям боя подходит практическая стрельба, производимая батареями в мирное время, и чем вообще практические занятия полевой артиллерии в мирное время более способствуют к приобретению офицерами и нижними чинами батарей навыка в производстве скорой и меткой стрельбы»². Далее указывалось, что «стрельба, производимая с точно отмеренных дистанций на ровном и твердом поле в мишени больших размеров, ярко выбеленные и с яблоком для прицеливания, совершенно не соответствует той обстановке, в которой приходится стрелять в бою, и может служить лишь для испытания меткости орудий, но не может сообщить строевым артиллеристам главного для их дела умения верно и скоро наводить орудия в предметы малых размеров, каковы неприятельские орудия и тонкий строй войск при расстояниях, вовсе неизвестных, и на всякого рода местности»³.

В связи с этим устанавливались правила практических стрельб, приближающиеся к боевой обстановке.

«Цель практической стрельбы полевых батарей должна состоять в том, чтобы в кратчайшее время и с наименьшим числом выстрелов научиться приискывать наилучшую высоту прицела для действия с меткостью против предметов, расстояние до которых неизвестно, на всякого рода местности и в образовании самостоятельных наводчиков,

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я. д. № 27284, л. 23, 99, 102, 104.

² Приказ по артиллерии № 117 от 23 сентября 1872 г. Приложение.

³ Там же.

т. е. таких наводчиков, которые без всякого постороннего указания могли бы выполнять эту задачу»¹.

В целях доведения искусства «цельной» стрельбы полевой артиллерии «до возможной степени совершенства» была установлена новая программа практических стрельб, увеличивались денежные поощрения — призы наводчикам за отличную стрельбу. Однако отпуск снарядов для стрельбы был попрежнему крайне незначителен.

С начала 70-х годов в боевой подготовке артиллерии наблюдается известное улучшение. Как тактические учения, так и стрельбы начинают проводиться в обстановке, применительно к боевым условиям.

Инспектировавший в 1872 году 16-ю, 25-ю, 26-ю, 27-ю и 29-ю артиллерийские бригады ген.-ад. Паткуль в своем отчете сообщал: «Артиллерия на маневрах действовала... очень хорошо; движения ее производились в порядке; снятие орудий с передков и надевание на передки, отъезды и подъезды делаемы были быстро и без суеты. По выезде на позицию батареи немедленно открывали огонь; позиции переменялись не часто, для чего выбирались такие позиции, с которых можно было бы действовать даже через пехоту, ежели она двинется вперед. Вообще, — отмечалось в приказе, — видно во всем, что артиллерия оставила многие привычки, которые были уместны при гладкостенных орудиях, и старалась согласовать свои действия с требованиями новейшей тактики»².

Об этом же писал и генерал Баумгартен, инспектировавший в 1872 году 5-ю артиллерийскую бригаду. Так, характеризуя проведение маневров, он сообщал, что артиллерийская бригада «...вызвана была из лагеря по тревоге и заняла указанную ей позицию... с замечательною быстротою и умением пользоваться местностью...»³.

Проведение практических стрельб осуществлялось обычно в обстановке, близкой к боевой, о чем свидетельствуют отчеты членов военного совета, инспектировавших артиллерийские части. Так, например, ген. Кознаков, проводивший в 1872 году стрельбы в 1-й гренадерской и 18-й артиллерийской бригадах, следующим образом характеризовал их: «Стрельба артиллерии, — писал он, — была осмотрена в 1-й гренадерской и 18-й артиллерийской бригадах; при этом была произведена стрельба боевая и учебная: первая производилась по возможности применительно ко всем случайностям, могущим быть в действительном бою, и для этого менялась прислуга и лафеты у орудий, вызывались запасные наводчики, менялись лошади в упряжках и т. п.; полученные результаты стрельбы были вообще хорошие»⁴.

Вообще данные в первой половине 70-х годов дают сравнительно лучшие результаты. В этом отношении представляют интерес практические стрельбы в Варшавском военном округе, проводившиеся в 1871 году. Стрельбы производились как «по моделям орудий и их прислуги», так и по внезапно появляющимся моделям стрелковых колонн. Не ставя своей задачей характеризовать результаты всех этих стрельб, достаточно подробно освещенных на страницах «Артиллерийского журнала» в статье ген.-м. Чебышева «Извлечения из отчета о практических занятиях на Варшавском полигоне в 1871 г.»⁵, приведем лишь ряд отдельных данных:

---

¹ Приказ по артиллерии № 117 от 23 сентября 1872 г.

² Приказ по военному ведомству № 202 от 10 июля 1873 г.

³ Приказ по военному ведомству № 192 от 27 июня 1873 г.

⁴ Приказ по военному ведомству № 161 от 25 мая 1873 г.

⁵ «Артиллерийский журнал», №№ 7, 8, 9, 10, 1873.

1. Стрельба двух батарей 4-й артиллерийской бригады по четырем моделям полевых орудий, «расположенным в наступном боевом порядке... с маскированными зарядными ящиками и передками», с расстояния 500 саж. В течение 22 минут выпущено из восьми 4-фунтовых пушек 400 картечных гранат, вмещавших 1440 пуль. Результаты: подбито 3 орудия, 2 передка, 2 зарядных ящика. Выведено из строя 30 номеров прислуги, 16 ездовых и 28 лошадей.

2. Стрельба двух батарей 7-й артиллерийской бригады по четырем моделям полевых орудий, «расположенным в наступном боевом порядке на совершенно открытой ровной местности», с дистанции 430 и 340 саж. Выпущено 80 картечных гранат, вмещавших 2.880 пуль. Результаты: подбито два орудия (2 остальных сбиты), 4 лафета, 3 передка, 3 зарядных ящика. Выведено из строя 23 человека прислуги, 11 ездовых и 25 лошадей.

3. Стрельба из четырех скорострельных орудий по внезапно появляющейся колонне «трех щитов вышиною в 6 футов, а длиною в 20 шагов» производилась 4-й скорострельной батареей 4-й артиллерийской бригады с дистанции в 350 саж. В течение 5½ минут выпущено 2064 пули. Результаты: в трех щитах оказалось 1.311 пуль, т. е. 63% общего количества.

Анализируя результаты артиллерийских стрельб в 1874 г., командующий войсками Варшавского военного округа писал: «Несмотря, однако, на все эти неблагоприятные условия (кратковременность срока стрельб. — П. З.) и на большое число молодых солдат, состоявших в частях, результаты как практической, так и смотровой стрельбы полевой артиллерии были очень хороши»¹.

Однако и в этот период уровень огневой подготовки артиллерии нельзя было признать высоким. Основной причиной этого являлось недостаточное количество снарядов, отпускаемых на практические стрельбы.

Так, автор статьи «О практической стрельбе в полевой артиллерии» А. Петраков прямо указывал, что плохая подготовка орудийных наводчиков являлась результатом «ограниченного отпуска учебных припасов...». По мнению Петракова, «за окончанием практики в редкой из батарей... можно было бы найти... хотя бы одного или двух таких наводчиков, которые бы в состоянии без посторонней помощи и указания сделать самую простую необходимую вещь: скоро, не теряя много снарядов, пристреляться на какое-нибудь данное неопределенное расстояние до неподвижной мишени; не говоря уже о стрельбе навесной или хотя и прицельной, но усложненной несколькими различными обстоятельствами, как-то: боковым ветром и т. п., а тем более о стрельбе по целямдвигающимся, остающейся и до сей поры искусством для солдат все еще неизвестным и для них совершенно чуждым»².

Второй причиной, влиявшей на качество огневой подготовки, являлось отсутствие разработанной теории стрельбы из нарезных орудий, а также недостаточная изученность офицерским составом этих орудий. Кроме того, отрицательно влияло на результаты стрельб устранение офицерского состава от корректирования стрельбы и передача этих функций непосредственно наводчикам.

---

¹ ЦГВИА, ф. Варшавского военного округа, № 1859, опись 1-я, д. № 34, л. 122. В ведомости, приложенной к отчету, результаты стрельб 3-й гвардейской, 2-й, 3-й гренадерских, 4-й, 7-й артиллерийских бригад оценивались как отличные.

² «Артиллерийский журнал», № 4, 1871, стр. 483—484.

Наконец, причиной невысокого уровня огневой подготовки являлся также огромный недостаток строевых артиллерийских офицеров (по данным отчета ген.-ад. Кознакова, в 1871 году в пяти артиллерийских бригадах Варшавского военного округа недоставало 72 проц. офицерского состава¹). Нельзя не отметить также и то обстоятельство, что стрельба производилась лишь на ближние дистанции, нарезные же, заряжающиеся с казенной части орудия могли стрелять значительно дальше. Опыт франко-прусской войны не оказал в этом отношении никакого влияния.

В заключение надо сказать, что серьезным недостатком огневой подготовки артиллерии являлось игнорирование стрельбы по закрытым целям.

Общая тактическая подготовка артиллерии на протяжении рассматриваемого периода значительно повысилась. Наиболее слабым ее местом являлось отсутствие должного взаимодействия с пехотой. Причина этого в значительной мере заключалась в том, что артиллерийские бригады не входили в состав дивизий и подчинялись непосредственно начальнику артиллерии округа.

* * *

Рассмотрим состояние боевой подготовки кавалерии.

«Устав о кавалерийской строевой службе» был издан в 1869 г. (часть 1-я — «Одиночное, шереножное и взводное учение», часть 2-я — «Эскадронное учение», часть 3-я — «Полковое учение»).

По этому уставу состав полка определялся 4 эскадронами и 5-м резервным. Основной тактической единицей являлся эскадрон. Эскадрон делился на четыре взвода, по 16 рядов в каждом. Два эскадрона составляли дивизион.

Главное внимание в уставе отводилось одиночному обучению всадника. Эскадронным и в особенности полковым учениям уделялось значительно меньше места.

Большое внимание в одиночной подготовке всадника уделялось гимнастике. «Обучение гимнастике, — говорилось в уставе, — имеет целью физически развить молодого солдата, т. е. укрепить его силы и выработать в нем ловкость и развязность»².

Во второй части устава «Эскадронное учение» по сравнению с предшествующим уставом 1845 г. значительно был расширен раздел «Об атаке». Основным видом атаки являлась атака сомкнутым строем. Атака должна была производиться с расстояния 1000—1200 шагов, рысью, затем фронтовым галопом и, наконец, карьером. Наряду с сомкнутой атакой уставом предусматривалась и атака в рассыпном двухшереножном строю «для преследования разбитого неприятеля и для атаки неприятельских батарей»³.

Движение полка в наступлении и отступлении рекомендовалось производить уступами, подивизионно и позэскадронно.

Уставные требования были рассчитаны на подготовку войск к действиям в боевых условиях. Так, например, в разделе об атаке сомкнутым строем указывалось: «Конечно, в эскадроне, пущенном в карьер, ряды не могут быть совершенно сомкнуты, и равнение также не может быть так хорошо, как на других аллюрах, чего и требовать не следует,

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 30072, л. 102.

² Воинский устав о строевой кавалерийской службе, ч. I, СПб., 1869, стр. 14.

³ Там же, ч. II, стр. 119.

дабы не лишиться быстроты»¹. Однако в уставе мы встречаем такие построения, которые вовсе не употреблялись и имели лишь значение на смотрах и парадах.

Значение ружейного огня для кавалерии попрежнему не только недооценивалось, но и отрицалось вовсе. «По малой действенности пальбы с коня, удар холодным оружием составляет главное и даже, можно сказать, единственное средство, которым располагает кавалерия для нанесения вреда противнику, так что все другие движения и перестроения кавалерии могут быть рассматриваемы как приуготовительные, а при обучении ее главное внимание и все усилия кавалерийских начальников должны быть обращены к доведению их частей до возможной степени совершенства в производстве атаки»². Вполне естественно, что действия кавалерии в спешенном порядке вовсе не предусматривались уставом.

В соответствии с уставными требованиями изменилась и вся система боевой подготовки. Вольтижировка, фехтование, рубка, преодоление препятствий явились основными элементами подготовки одиночного всадника. Большое влияние в последующем изменении всей системы военной подготовки кавалерии оказал опыт гражданской войны в Америке и франко-прусской войны 1870—1871 гг. Этот опыт указывал на возможность осуществления кавалерией глубоких рейдов в тылы противника, а также на необходимость широкого использования кавалерийских частей для несения разведывательной службы.

Новые задачи, поставленные перед кавалерией, требовали, с одной стороны, большой подвижности ее и выносливости как людского, так и конского состава, а также известной самостоятельности для ведения боя с пехотой не только в конном строю, но и в условиях, неблагоприятных для действия на коне.

В связи с этим возникала необходимость подготовить всадника и коня к продолжительному движению по местности, а также обучить кавалерию боевым действиям в пешем строю. С этой целью обращалось большое внимание на выработку в личном и конском составе тех качеств, которые необходимы для совершения переходов на длительные расстояния, в целях чего и производились пробеги на большие дистанции.

В соответствии с новыми задачами командирам частей указывалось, что «сбереженная лошадь, хотя менее правильно выезженная, предпочтается лошади, выученной всем правилам манежной езды, но лошади, расстроенной в силах»³. Для подготовки кавалерии к пробегам на большие расстояния предпринимались ускоренные марш-маневры на дальние дистанции.

В отношении обучения кавалерии действиям в пешем строю было сделано очень немного. В первой половине 70-х годов обучение действиям в пешем строю было распространено на гусар и улан (драгуны и казаки обучались этому ранее).

С этой целью вторые шеренги эскадронов гусарских и уланских полков были вооружены малокалиберными карабинами системы Бердана, однако осуществлено это было лишь накануне войны. Вследствие этого обучение действиям в пешем строю не могло получить большого развития.

---

¹ Воинский устав о строевой кавалерийской службе ч. I, СПб, 1869, стр. 114.

² Там же, стр. 112.

³ Приказ по кавалерии № 5 за 1866 г. Цитируется по книге «Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», т. I, СПб, 1901, стр. 176.

Такова, вкратце, характеристика новой системы боевой подготовки кавалерии, рассчитанной не на смотры и парады, а на действия в боевых условиях. Однако плац-парадные традиции, действовавшие в кавалерии сильнее, нежели в пехоте, являлись серьезным тормозом ко внедрению новой системы обучения.

Кавалерия в течение длительного периода своего существования рассматривалась царизмом как парадная часть войска, в силу чего в ней чрезвычайно сильно вкоренилась система обучения, рассчитанная на смотровые условия. К тому же и офицерский состав кавалерийских частей, состоявший в большинстве своем из наиболее привилегированной части дворянства, отнюдь не склонен был изменять условия своей легкой и «красивой» жизни.

В результате всего этого боевая подготовка кавалерии не всегда находилась на высоком уровне.

В отчетах о произведенных смотрах обычно сообщалось о достаточно хорошем состоянии строевой подготовки кавалерийских частей. Производивший смотр частям 1-й и 7-й кавалерийских дивизий летом 1871 года ген.-ад. Ланской в своем отчете писал: «Карьер справа по одному со стрельбой из пистолетов, фланкировкой и рубкой поэскадронно было очень хорош; свалившихся людей не было, а терявших стремена было самое небольшое число... существенное замечание, которое можно сделать, это неправильная стрельба из пистолетов... В сомкнутом строю полки представлялись хорошо, перемена и ломка фронта делались правильно, без суеты; равнение офицеров очень хорошо; атака производится весьма быстро и с большой лихостью. Большая часть построений производилась на карьере, причем оказалось, что лошади находятся в поводе...»¹.

Подобную же оценку строевой подготовки дает и ген.-ад. Волков, производивший в 1870 году инспектирование 2-й и 5-й кавалерийских дивизий и 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й резервных кавалерийских бригад.

Однако подготовке кавалерийских частей к действиям в боевых условиях не всегда уделялось должное внимание.

Иллюстрацией этого может служить приказ командующего Киевским военным округом об осмотре им частей округа.

Характеризуя результаты учений, командующий войсками указывал, что в большинстве случаев командиры частей, а также эскадронные командиры игнорируют обязанности разведывательной службы. «Если перед началом маневра, — писал он, — и были соблюдаемы все условия сторожевой и разведывательной службы, то с началом его все разъезды и части, назначенные для охранения флангов, понемногу присоединялись к своим эскадронам, и обыкновенно к концу маневра фланги оставались без всякого наблюдения. В уланских полках некоторые эскадроны даже весьма неохотно сходили с большой дороги в тех случаях, когда им предстояло движение по местности пересеченной»². Далее в приказе указывалось, что «Атаки кавалерия производила вообще лихо, но не всегда во-время и нередко без всякой надобности. Рассыпные атаки употребляются редко, и ими не пользуются для атаки на батареи... На всех маневрах, которых я был свидетелем, — говорилось в приказе, — кавалерия всегда располагалась в одну линию, сколько бы ее ни было, мне не дове-

¹ Приказ по военному ведомству № 192 от 27 ноября 1872 г.

² Приказ по войскам Киевского военного округа от 3 октября 1875 г. № 144. Цитируется по «Сборнику материалов русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 21, часть II, СПб, 1903, стр. 312—313.

лось видеть, чтобы какая-нибудь часть оставалась в резерве; не видел также и расположения уступами — самого выгодного для кавалерии»¹. О слабой подготовленности кавалерии в области несения «охранительно-сторожевой службы» сообщал вел. кн. Николай Николаевич в одном из своих отчетов Александру II накануне войны. Об этом говорят и свидетельства ряда современников.

Огневая подготовка в драгунских и казачьих полках была низкой. На это указывали в отчетах и ген.-ад. Ланской и ген.-ад. Волков. Одиночная стрельба в действующих драгунских полках «...вообще была посредственная»², указывал ген. Волков.

Если принять во внимание существовавший низкий критерий результатов стрельб, то эта посредственная оценка приобретает еще большее значение.

Даже в гвардии, в тех кавалерийских полках, которые были вооружены огнестрельным оружием, уровень огневой подготовки был значительно ниже, чем в пехоте. Так, например, данные стрельб л.-гв. Конногренадерского полка в 1872 г. были почти вдвое ниже, чем в 1-й гвардейской пехотной дивизии.

В казачьих полках стрелковой подготовке также не уделялось должного внимания. Примером этого могут служить данные стрельб, производившихся в 1874 г. в Финляндском военном округе. Если результаты стрельб 23-й пехотной дивизии определялись попаданием в мишень от 35 до 56 %, то данные казачьего полка составляли 9 %³.

Плац-парадные традиции служили непреодолимым препятствием в деле тренировки как лошади, так и всадника.

Интересы смотров и парадов требовали хорошего состояния конского состава — «округленных тел», а это обычно достигалось уменьшением работы лошади.

Таким образом, сбережение конского состава выдвигалось нередко на первый план. Необходимые же упражнения служили главным образом удовлетворению смотровых требований.

В результате этого, естественно, уменьшались и упражнения всадников. Если лошади, находившиеся в хорошем теле, хотя и невтянутые, могли совершить в случае необходимости разовый пробег на большое расстояние, то всадники отнюдь не были подготовлены к этому.

Кавалерийские маневры, производившиеся осенью 1876 года в Варшавском военном округе, полностью подтверждают высказанное нами положение. На этих маневрах тремя эскадронами (по одному от каждого полка дивизии) был совершен пробег на расстояние 160 верст от г. Петракова до переправы через р. Вислу у г. Гура-Кальвария, пройденный в течение 44 часов.

Один из участников пробега в своем отчете военному министру, подчеркивая выносливость лошадей, писал: «К сожалению, не такой оказалась выносливость людей, в особенности офицеров. Ослабление нервов

---

¹ Сборник материалов русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 21, часть II, стр. 313.

² Приказ по военному ведомству № 170 от 29 мая 1871 г.

³ Несмотря на приказ военного министра № 399 1864 г., предусматривавший отпуск 75 патронов в год для обучения стрельбе в драгунских и казачьих полках, это не выполнялось. В отчете Варшавского военного округа за 1869 г. отмечались неудовлетворительные результаты стрельб в казачьих частях и при этом указывалось, что «...стрельба казаков не может быть хорошей, так как им отпускается всего по 17 патронов на винтовку, тогда как драгуны получают 47» (ЦГВИА, ф. Варшавского военного округа № 1859, опись 1-я, д. № 13, л. 155).

и вообще утомление проявлялось у последних до того, что многие из них бессознательно подчинялись разного рода галлюцинациям; другие дошли до того, что не могли делать какие бы то ни было обыденные распоряжения. И, без преувеличения, — говорилось далее, — можно думать, что в действительности летучий отряд в 600 коней по окончании 160-верстного пробега был бы не в состоянии оказать какое-нибудь противодействие в случае нападения даже слабого противника; в особенности невыносимыми оказались регулярные офицеры»¹.

Вместе с тем в отчете указывалось, что в течение пробега «субалтерн-офицеры в пределах своих обязанностей в сфере той обстановки, в коей обыкновенно доводится им действовать, проявили себя с хорошей стороны. . . Они часто умели ориентироваться в положении и принимать самостоятельные решения в духе требований тактики. . .»².

Полковник генерального штаба Паренсов, являвшийся посредником при отряде, подводя общий итог пробега, впоследствии писал: «. . .Наша кавалерия того времени, хотя и обладала очень хорошо сохранившимися лошадьми, но, безусловно, не была втянута в продолжительное движение на большие расстояния»³.

Справедливость требует, однако, сказать, что подобное положение наблюдалось не во всех кавалерийских частях. Так, например, в этом же 1876 году были произведены маневры в Виленском военном округе, где 2-я кавалерийская дивизия, пройдя в течение немногим более суток сто верст, вступила в «бой». «Люди имели вид бодрый, лошади были свежи, отсталых и больных не было», — говорилось в приказе по Виленскому военному округу⁴. Об этом же свидетельствуют результаты пробного пробега 12 эскадронов в январе 1877 года, произведенного по приказанию вел. кн. Николая Николаевича. Пройдя в течение 2 суток 170 верст, эскадроны не имели отсталых и больных.

Итак, обучение кавалерии в рассматриваемый период в целом соответствовало задачам боевой подготовки войск. Однако существенным недостатком обучения являлось игнорирование стрельбы с коня и действий в пешем строю. Слабо была подготовлена кавалерия и к несению разведывательной службы.

Наконец, наличие плац-парадных традиций явилось серьезным препятствием в боевой подготовке кавалерии. Это обстоятельство и обуславливало слабую подготовленность отдельных частей кавалерии к действиям в боевых условиях.

* * *

Распространению грамотности, являвшейся «вспомогательной отраслью военного образования», также придавалось значение. Однако оно преследовало не заботу о повышении общего развития солдат, а было подчинено лишь задачам боевой подготовки и воспитания «нижних чинов» в духе преданности царизму. Именно вследствие этого одной из первых мер, осуществленных Милютиным в 1862 году, явилось закрытие воскресных школ, способствовавших всестороннему повышению культурного уровня солдат.

Уже к концу 60-х годов процент грамотных солдат увеличился, од-

---

¹ „Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“ т. 1, СПб, 1901, стр. 182.

² Там же, стр. 182—183.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 184.

нако незначительно. Член военного совета ген.-ад. Врангель, инспектировавший в 1866 г. 26-ю, 29-ю, 30-ю и 31-ю пехотные дивизии, в своем отчете отмечал, что «грамотность почти во всех осмотренных частях очень слаба. Отчеты, доставляемые полками, не дают никакого понятия о настоящем числе грамотных в войсках»¹. Действительно, данные, сообщаемые войсковыми частями о количестве грамотных, не всегда соответствовали действительности. Об этом говорит в своем отчете и ген.-ад. Рамзай, инспектировавший в том же 1866 году 18-ю и 37-ю пехотные дивизии. «На грамотность нижних чинов, — писал он, — судя по произведенной мною проверке, обращают в полках обеих дивизий чрезвычайно мало внимания. . . Несмотря на то, подаваемые от полков отчеты о состоянии грамотности показывают весьма большое число грамотных унтер-офицеров и рядовых и значительный успех, оказываемый ими в этом отношении. Для восстановления истины, — продолжал ген.-ад. Рамзай, — я считал совершенно справедливым сбавить по меньшей мере одну треть с приводимых отчетами цифр»². На основе подобного расчета ген. Рамзай определял количество грамотных в 18-й пехотной дивизии в 26,2%, а в 37-й — в 35,4%. Подобную характеристику состояния грамотности мы встречаем и в ряде других отчетов.

Причина этого заключалась, во-первых, в отношении к этой «вспомогательной отрасли обучения войск» командного состава, в значительной своей степени не получившего никакого образования и воспитанного в духе николаевской муштры. Во-вторых, в отсутствии людей, способных обучать грамоте. Однако успешное обучение войск, неразрывно связанное и с развитием «умственного кругозора» отдельного солдата, настоятельно требовало распространения грамотности. «. . . недостаточность личного развития в солдате, — писал во «всепопданнейшем отчете» за 1868 г. командующий войсками Харьковского военного округа, — служит главным препятствием к скорейшему достижению вполне благоприятных результатов в этом отношении (имеется в виду боевая подготовка. — П. З.), а потому, — указывалось далее, — умственное образование составляет ныне главнейшую заботу. . . Важнейшим пособием для этого представляется развитие грамотности между нижними чинами»³.

По данным П. Бобровского, приведенным в его статье «Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии»⁴, общее количество солдат, обученных грамоте, в рядах армии за 10 лет (с 1857 по 1867 г.) составляло от 160 до 180 тысяч человек, причем основная масса их была обучена в последние годы. По данным Главного штаба, за 1866—1868 гг. количество грамотных несколько увеличилось: с 24% в 1867 г. до 28% в 1868 году (наибольший процент грамотных имелся в специальных родах оружия: в саперных частях — 52%, в артиллерийских — 37%; наименьший в кавалерии — 20%). Однако, как указывалось уже выше, официальные данные были далеко не точны. Если уменьшить приводимые Главным штабом статистические сведения на одну треть (как это делал ген. Рамзай), то все же количество грамотных солдат будет составлять около 20%.

Приток в армию новых командных кадров, окончивших военные и юнкерские училища, с одной стороны, и подготовка значительного коли-

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 27282, л. 66.

² Там же, д. № 27281, л. 109—110.

³ Там же, ф. Харьковского военного округа, опись 1-я, д. № 12, л. 37—38.

⁴ „Военный сборник“, № 12, 1870, № 3—4, 1871.

чества грамотных унтер-офицеров, способных обучать солдат чтению и письму, — с другой, все это и обусловило в конце 60-х и в первой половине 70-х годов известные успехи в распространении грамотности в войсках. К тому же и Военное министерство выделяло определенные суммы на приобретение нужных учебных пособий¹. В отдельных округах, как, например, в Харьковском, в начале 70-х годов была создана в г. Чугуеве Центральная школа грамотности для подготовки унтер-офицеров — учителей в части войск округа.

Отчеты о результатах инспекторских смотров первой половины 70-х годов свидетельствуют о несомненных успехах в деле обучения грамотности. Ген.-ад. Кознаков, инспектировавший в 1872 г. 4-ю, 6-ю, 7-ю, 8-ю и 10-ю пехотные дивизии, расположенные в Варшавском военном округе, отмечал, что «В осмотренных частях грамотных нижних чинов состоит около половины наличного числа людей»², подчеркивая при этом, что успешному развитию грамотности значительно способствовало казарменное расположение этих частей. Ген. Кознаков отмечал также, что «...число разрядов по успехам грамотности почти во всех полках и батареях одинаково и зачисление в них людей сделано правильно...»³.

Отличавшийся осторожностью в своих выводах ген.-ад. Паткуль, производивший в 1872 г. осмотр 16-й, 25-й, 26-й, 27-й и 29-й пехотных дивизий, находившихся в Виленском военном округе, сообщал, что «В пехотных частях число грамотных нижних чинов составляет вообще около $\frac{2}{3}$ списочного состояния... В артиллерии грамотность развита гораздо сильнее, — во всех бригадах неграмотные составляют средним числом около 26% списочного состава людей... Зачисление людей в первый и второй разряд в большей части случаев делается весьма правильно, но к третьему разряду, в котором должны состоять люди, умеющие читать, почти везде причисляются начинающие только обучаться грамоте и потому читающие весьма нетвердо, не совсем даже понимая прочитанное. Ежели этих людей, — продолжал ген. Паткуль, — исключить из общего числа грамотных, то последние в пехоте составят уже не $\frac{2}{3}$ всего числа людей, а только около 36%...»⁴. Такую же оценку состояния грамотности давал ген.-ад. Паткуль при инспектировании им в 1873 г. 34-й пехотной дивизии.

Ген. Вейдемейер, производивший в 1873 г. осмотр 23-й пехотной дивизии, расположенной в Финляндском военном округе, указывал, что «Во всех осмотренных пехотных частях процент грамотных весьма значителен. Средним числом можно положить на дивизию 67% грамотных... не считая того, что в числе неграмотных показаны такие, которые умеют читать по складам... Испытывая в каждом полку по ротам по несколько показанных по спискам в различных разрядах грамотности, я убедился в правильности зачисления этих людей по познаниям в тот или другой разряд...»⁵.

Подобную характеристику состояния грамотности мы встречаем и в других отчетах.

Диссонансом звучит лишь отзыв ген.-ад. Баумгартена, инспектировавшего в 1872 г. 5-ю, 14-ю, 31-ю и 36-ю пехотные дивизии (Харьковский

¹ В «Вспомогательнейшем докладе по Военному министерству 1 января 1868 г.» указывалось, что на приобретение учебных пособий выделено 50 000 рублей.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 30072, л. 119.

³ Там же, л. 119—120.

⁴ Там же, д. № 30486, л. 175—176.

⁵ Там же, д. № 31140, л. 73—74.

военный округ), в котором он отмечал «весьма неудовлетворительное, состояние грамотности в осмотренных... войсках»¹.

Несомненно, не везде обучению грамотности уделялось должное внимание. Несомненно также и то, что к фактам, сообщаемым в отчетах, мы должны относиться критически, внося определенный поправочный коэффициент в цифры, в них приводимые, однако при всем этом очевидно, что распространение грамотности в первой половине 70-х годов сделало известные успехи.

В целях распространения грамотности, а также и общего развития солдат во всех полках, бригадах и батальонах были созданы ротные библиотеки.

Состав ротных библиотек определялся, естественно, книгами, воспитывавшими солдат в духе преданности престолу. Военное министерство строго следило, чтобы в библиотеки не проникали книги «крамольного» содержания. Вскоре после назначения Милютина военным министром он отдал распоряжение об изъятии из библиотек «Современника».

В ряде воинских частей были открыты специальные солдатские чайные. Открытие солдатских чайных именно в начале 70-х годов преследовало главным образом стремление предохранить солдат от революционной пропаганды.

Естественно, что вся система воспитания солдат осуществлялась в духе преданности самодержавному строю, однако обучение грамоте, а также развитие общего кругозора солдата неизбежно приводило к иному. «Правительство, — писал В. И. Ленин, — рассчитывает в этой школе (военной службе. — П. З.) обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции?»².

* * *

Характеризуя систему воинского воспитания, необходимо остановиться на дисциплинарном уставе, являвшемся одним из основных средств воздействия на военнослужащих.

Как указывалось выше³, в связи с отменой телесных наказаний по закону 17 апреля 1863 г. были отменены наказания в войсках шпицрутенами, прогнание через строй, но розги были сохранены лишь в качестве «временной» меры.

В связи с этим было введено в июле 1863 г. «Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных». Это Положение легло в основу дисциплинарного устава 1869 года.

«Воинская дисциплина, — говорилось в уставе, — состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами. Поэтому она обязывает строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказание начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания»⁴.

Далее указывалось, что если «польза службы» требует от начальника обеспечения в своей команде воинской дисциплины и порядка, то вместе

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 3048 5, л. 78.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 390.

³ См. главу II.

⁴ Дисциплинарный устав. Полное собрание законов, 2-е собрание, т. 44, № 47287, ст. I.

с тем «...она обязывает его в сношении с подчиненными быть справедливым, отечески пецшсь о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советником и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите престола и отечества от врагов внешних и внутренних»¹. Таким образом, в уставе достаточно ясно вскрывалось назначение армии, являвшейся одним из основных орудий государственной власти.

Нарастание революционного движения в стране обусловило помеще-ние в уставе специальных статей, говоривших об обязанностях командиров и всех лиц военного звания в деле борьбы с нарушениями «общественного спокойствия». «В случае нарушения общественного спокойствия или открытого неповиновения и возмущения, — говорилось в уставе, — начальник обязан не исполняющих свой долг принудить к повиновению силой и принять все зависящие от него меры для прекращения беспорядков. Всякий военный, несмотря на его звание и чин, должен содействовать начальнику в усмирении неповинующих»².

Устав подробно определял дисциплинарные взыскания, налагаемые тем или иным командиром.

Дисциплинарные взыскания, налагавшиеся на рядовых, заключались в следующем: 1) воспреещение отпусков; 2) назначение вне очереди на работы; 3) арест простой, строгий, усиленный, общим сроком не более месяца; 4) лишение ефрейторского звания.

Взыскания, налагавшиеся на унтер-офицеров и фельдфебелей, помимо перечисленных выше, заключались в: 1) выговорах и замечаниях; 2) назначении «на службу за рядового» на срок не свыше 3 месяцев; 3) «неудостоении» к производству в офицеры; 4) разжаловании в рядовые; 5) смещении на низшие должности.

Телесные наказания налагались лишь на рядовых, состоявших в разряде штрафованных, на основании решения полкового суда. Ротный командир имел право подвергать эти категории рядовых наказанию розгами до 15 ударов, командир батальона — до 25, командир полка — до 50.

В некоторых случаях при наложении дисциплинарных взысканий принималась во внимание сословная принадлежность. Так, например, унтер-офицеры из вольноопределяющихся не подлежали разжалованию в рядовые.

«Нижние чины», не состоявшие на срочной службе, а также пользовавшиеся «особыми правами состояния», не переводились в разряд штрафованных и не подвергались строгому и усиленному аресту. Вместо этого они увольнялись со службы. Таким образом, и в дисциплинарном уставе сохранились принципы феодального права.

Согласно дисциплинарному уставу, создавался в каждой части «суд общества офицеров»³. «Для охранения достоинства военной службы, — говорилось в Уставе, — офицеры, замеченные в неодобрительном поведении или поступках, хотя не подлежащих действию уголовных законов, но несовместимых с понятиями о воинской чести и доблести офицерского звания, или изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности

---

¹ Дисциплинарный устав. Полное собрание законов, 2-е собрание, т. 44, № 47287. ст. 4.

² Там же, ст. 5.

³ Суд общества офицеров был создан в 1863 г. на основе „Положения об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных“.

и благородства, подвергаются суду общества офицеров»¹. Суду общества офицеров подлежали лишь обер-офицеры. Суд общества офицеров избирался всеми офицерами части в составе 5—7 человек из числа штаб-офицеров, ротных командиров и прочих офицеров не ниже поручика. Вопрос о предании суду общества офицеров решался командиром части. Суд мог выносить следующие решения: 1) оправдание; 2) внушение; 3) предложение подать в отставку; 4) признание необходимости увольнения со службы. Таково содержание дисциплинарного устава, целью которого было обеспечение порядка в армии, являвшейся оплотом государственной власти.

Дисциплинарный устав ограничивал отчасти личный произвол командира, однако в условиях самодержавного государства этот произвол не мог быть ликвидирован. Бесправие солдата, а также грубость и рукоприкладство не были изжиты в армии.

«...казарма, — писал В. И. Ленин, — насквозь проникнута духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попираание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье»².

* * *

Вполне естественно, что успех обучения войск зависел в первую очередь от качества подготовки офицерского и унтер-офицерского состава; поэтому Военное министерство принимало в этом отношении различные меры.

В 1867 году приказом по военному ведомству³ были созданы учебные команды для подготовки унтер-офицеров в пехоте и в кавалерии. Учебная команда создавалась при штабе каждого полка и отдельного батальона; из каждой роты и эскадрона ежегодно выделялись в учебную команду 4—5 человек. Срок обучения устанавливался два года.

Помимо знания обязанностей унтер-офицера, обучающиеся должны были изучать теорию стрельбы и пристрелки нового оружия, иметь представление о дисциплинарном уставе, а также в общих чертах знать систему организации войск. Общеобразовательные занятия в учебных командах заключались в обучении русскому языку (умению писать переложение, а также составлять самостоятельно донесения), арифметике в пределах знания четырех действий над целыми числами и дробями.

Все члены военного совета, инспектировавшие войска, отзывались чрезвычайно положительно о постановке дела в учебных командах. «Учреждение этих команд, — писал ген. Кознаков, — начинает оказывать заметное влияние на уровень образования унтер-офицеров»⁴. Ген. Паткуль, инспектировавший в 1873 г. 34-ю пехотную дивизию, также указывал «на большую пользу» учебных команд в деле подготовки унтер-офицеров. Наконец, ген. Вейдемейер в своем отчете об осмотре им в том же 1873 году 23-й пехотной дивизии, писал: «Занятия в полковых учебных командах велись зимой весьма удовлетворительно, на произведенных испытаниях оказалось, что нижние чины, обучавшиеся в них, достаточно знакомы с требованиями программы. ... Кроме того, во всех полках обращено внимание на занятия в старших классах полковых учебных команд

¹ Дисциплинарный устав, ст. 132.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 390.

³ Приказ № 262 от 20 июля 1867 г.

⁴ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 30072, л. 121.

съемкою и на чтение карт, причем мне были представлены некоторые съемочные работы, произведенные нижними чинами»¹.

Наряду с подготовкой унтер-офицеров в учебных командах производились также и занятия с наличным унтер-офицерским составом. Об этом мы находим сведения и в инспекторских отчетах и в отдельных корреспонденциях «Русского Инвалида». Так, в № 63 «Русского Инвалида» за 1864 г. сообщалось, что в Беломорском пехотном полку (22-я пехотная дивизия) производились в течение последнего года регулярные занятия с унтер-офицерами по изучению ими карт, а также ознакомлению с правилами сторожевой службы и маневрирования.

Однако подобное систематическое обучение унтер-офицерского состава проводилось далеко не везде и носило скорее эпизодический характер. Подтверждением этого может служить тот факт, что сведения о систематических занятиях с унтер-офицерами встречаются довольно редко.

В 1872 году Военное министерство занялось вопросом реорганизации существовавших окружных артиллерийских и инженерных школ для подготовки фейерверкеров и унтер-офицеров инженерных войск. Эти школы, рассчитанные на 4—5-летний срок обучения, носили отвлеченно-теоретический характер и не обеспечивали практической подготовки унтер-офицерского состава, не говоря уже о том, что количество обучавшихся в них не могло удовлетворить потребности войск.

На основе работ специальных комиссий было принято решение о создании с 1874 года учебных команд в артиллерийских² и инженерных³ частях войск.

Учебные команды в артиллерии создавались двоякого вида: при батареях, парках и крепостных ротах — для подготовки бомбардиров, наводчиков и лаборатористов со сроком обучения один год; второй вид — учебные команды повышенного типа для подготовки фейерверкеров при отдельных артиллерийских бригадах и крепостях. Срок обучения в этих командах устанавливался в два года. В учебные команды при батареях, парках и крепостных ротах включались 10 % всего состава этих подразделений. Программа обучения состояла из строевого образования, знания внутренней караульной службы, гимнастики, а также грамоты, арифметики и артиллерии.

В учебные команды повышенного типа принимались солдаты, успешно окончившие батарейные команды (в размере 50 % от числа окончивших их). Преподавание в бригадных учебных командах заключалось в изучении следующих предметов: 1) русского языка; 2) арифметики; 3) геометрии; 4) артиллерии; 5) фортификации; 6) сведений о лошади, а также и ковке ее.

Учебные команды инженерных войск создавались трех видов: учебные команды при саперных и понтонных батальонах для подготовки рядовых к унтер-офицерскому званию со сроком обучения два года; гальванические учебные команды также при каждой саперной и понтонной части «для обучения нижних чинов производству взрывов помощью гальванизма» со сроком обучения один год. Наконец, третий вид учебных команд — при саперных бригадах «для приготовления учителей в батальонные команды и вообще для образования более сведующих в инженерном деле унтер-офицеров» со сроком обучения в один год.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), л. № 31140, л. 71—72.

² Приказ по военному ведомству № 266 от 23 августа 1873 г.

³ Приказ по военному ведомству № 278 от 9 сентября 1873 г.

Курс в батальонных учебных командах определялся изучением следующих предметов: русского языка, арифметики, геометрии, фортификации, артиллерии, топографии, черчения, основных данных о составе войск, а также плотничьего ремесла. В гальванических изучали электричество, магнетизм и гальванизм «с применением его к военным целям». В бригадных учебных командах — русский язык, арифметику, геометрию, фортификацию, артиллерию, топографию, черчение и «главные военные узаконения».

Нельзя не отметить значительной перегрузки программ учебных команд обилием предметов, что, естественно, не могло не отражаться на подготовке унтер-офицерского состава.

Наряду с улучшением подготовки унтер-офицеров Военное министерство принимало также неоднократно меры к обеспечению ими армии. На протяжении всего рассматриваемого периода ощущался значительный некомплект унтер-офицеров. Для ликвидации этого в 1871 г. было разработано и утверждено 9 мая того же года положение о приеме на сверхсрочную службу чинов унтер-офицерских званий с установлением дополнительного жалования в 21, 30 и 42 рубля в год. «Этот опыт, — писал Милютин в докладе по Военному министерству 1 января 1874 г., — дал результаты более благоприятные, чем все прежде бывшие, потому что в течение двух лет поступило на сверхсрочную службу 3.564 унтер-офицера... Однако ж в численном отношении эта мера не дала тех результатов, которые соответствовали бы действительной потребности в старослужащих унтер-офицерах...»¹. Действительно, некомплект унтер-офицеров не мог быть ликвидирован путем приема на службу такого числа сверхсрочных.

В 1874 г.² содержание сверхсрочных было существенно увеличено: фельдфебелям и старшим вахмистрам — 84 р., унтер-офицерам — 60 р. Кроме того, в этом же году были установлены и отличия для сверхсрочных в виде серебряных и золотых шевронов. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялся некомплект унтер-офицеров, причем последнее мероприятие несколько уменьшило его.

Если обучение войск в известной степени зависело от наличного состава унтер-офицеров, то еще в значительно большей мере оно определялось качеством офицерского корпуса. Не касаясь подготовки офицеров в системе военно-учебных заведений, мы остановимся лишь на вопросах, связанных с повышением уровня командного состава, находившегося в частях войск. В качественном отношении состав офицерского корпуса в середине 60-х гг. был чрезвычайно низок, что, вполне понятно, служило серьезным препятствием в деле реорганизации всей системы обучения войск. Большинство офицеров не имело никакого военного образования и производилось из вольноопределяющихся и «недорослей из дворян» без какого-либо серьезного экзамена. Так, например, в данных отчета по Харьковскому военному округу за 1868 г. указывалось, что процент офицеров, не получивших никакого образования, в 1867 году составлял 69,5³. Такое, примерно, положение наблюдалось и в других частях.

В силу этого занятия с офицерами по различным отраслям военных знаний имели чрезвычайно важное значение. На протяжении 60-х годов это мероприятие не получило большого распространения, и занятия

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 19, стр. 93.

² Приказ по военному ведомству 23 января 1874 г., № 41.

³ ЦГВИА, ф. Харьковского военного округа № 1827, опись 1-я, д. № 12, л. 43.

с офицерами производились лишь в отдельных полках. Ни в отчетах членов военного совета, инспектировавших войска, ни в сводных данных Главного штаба о результатах смотров войск на протяжении 60-х — начала 70-х годов мы почти не встречаем сведений о тактических занятиях офицеров. Правда, молодые офицеры на зимний период прикомандировывались к полковым штабам, однако занимались они, главным образом, изучением делопроизводства в полковых канцеляриях.

Лишь в отчете ген.-ад. Паткуля об инспектировании им в 1872 г. 16-й, 25-й, 26-й, 27-й и 29-й пехотных дивизий мы находим подробное упоминание о зимних занятиях офицеров в трех из пяти осмотренных им дивизий (25-й, 27-й и 29-й) ¹.

В 1872 г. Военным министерством был предпринят ряд мер к известному улучшению материального положения офицеров (значительное увеличение жалованья, установление квартирных окладов, выдача жалованья ежемесячно, а не три раза в год). Наряду с этим были выделены особые суммы на организацию офицерских собраний и библиотек.

Все эти меры привели, во-первых, к уменьшению некомплекта офицеров, имевшего место на протяжении всего рассматриваемого периода. Во-вторых, открытие офицерских собраний значительно способствовало распространению регулярных занятий с офицерами. Начиная с 1873 г., занятия с офицерами по различным отраслям военных знаний приобретают большое развитие. Так, в «Русском Инвалиде» за 1873 и 1874 гг. мы встречаем многочисленные корреспонденции о регулярных занятиях офицеров в зимнее время в ряде частей войск (2-й и 3-й гренадерских, 6-й, 15-й, 24-й, 27-й, 29-й, 31-й, 36-й, 40-й пехотных дивизиях и в 6-й кавалерийской).

Нельзя также не указать на большое влияние военных журналов — «Военного сборника», «Артиллерийского журнала», «Инженерного журнала» — на уровень военного образования офицеров. На страницах «Военного сборника» и других журналов систематически печатались статьи по различным отраслям военных знаний, изучался как опыт отдельных частей войск в деле боевой подготовки, так и опыт последних войн (Крымской кампании, военных действий в Средней Азии, австро-прусской и франко-прусской войн). Значительное место уделялось в этих журналах и вопросам состояния иностранных армий.

* * *

В заключение необходимо остановиться на причинах, затруднявших правильную организацию обучения войск. Основным препятствием, затруднявшим боевую подготовку войск, являлась боязнь господствующих классов пробудить инициативу и сознание солдатских масс.

Несмотря на декларативные заявления военного министра о необходимости «умственного развития» солдата, в действительности это осуществлялось далеко не в той мере, в какой требовалось для должной боевой подготовки.

Серьезным препятствием в деле боевой подготовки войск являлось также и финансовое положение Военного министерства. Наряду с огромными тратами на содержание двора и придворной камарильи, средства, отпускаемые на военные нужды, были явно недостаточны, что не могло не отражаться и на обучении войск.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я л. № 30486, л. 186.

Военное министерство принуждено было ограничивать организацию маневров и проведение лагерных сборов. Свидетельством этому может служить распоряжение начальника Главного штаба гр. Гейдена, в котором он писал: «В видах уменьшения сметы расходов по военному ведомству... высочайше, между прочим, повелено: избегать всяких передвижений войск, не перемещать дивизии из одного округа в другой, т. е. на несколько лет оставить без изменения теперешнюю дислокацию. Уменьшить лагерные сборы: в Красносельский лагерь не приводить более одной армейской дивизии; в Москве и Варшаве иметь в сборе только войска, постоянно там расположенные, во всех прочих местах ограничиться полковыми и бригадными сборами»¹.

Вполне понятно, что подобные меры не могли не отражаться на качестве обучения войск. Серьезным препятствием делу боевой подготовки являлись также так называемые «вольные работы пижних чинов», заключающиеся в направлении солдат в летнее время на частные сельскохозяйственные работы в целях увеличения хозяйственных сумм отдельных рот и батальонов. Вольные работы отнимали обычно полтора-два летних месяца, т. е. время, наиболее благоприятное для обучения войск².

«Деньги, отчисленные из числа заработанных в артельные суммы, при настоящей дороговизне и недостаточном отпуске приварочных денег от казны, составляют необходимое и весьма существенное подспорье для продовольствия людей, — писал во «всепоподданнейшем отчете» командующий Варшавским военным округом. — Но эта польза вольных работ, — продолжал он, — далеко не окупается тем вредным влиянием, которое они имеют на правильное ведение строевого образования войск, отвлекая людей в течение от одного месяца до шести недель от строевых занятий»³.

Следует также указать еще одну существенную причину, значительно влиявшую на боевую подготовку частей, — отсутствие казарменных помещений. К началу 70-х годов около половины воинских частей не имело казарм и размещалось обычно в тех или иных населенных пунктах, значительно удаленных друг от друга. В докладе по Военному министерству 1 января 1870 г. Милютин, характеризуя определенные успехи, достигнутые военным ведомством в деле казарменного размещения войск, писал: «...совокупными усилиями правительства, городов и земства достигнут тот результат, что в настоящее время имеет казарменное помещение только 56% всей армии (66% местных войск и 53% полевых), затем остальные 44% армии остаются большую часть года рассеянными по обывательским квартирам, без манежей, стрельбищ и других приспособлений, необходимых для успешного обучения войск»⁴.

Таким образом, все эти недостатки также существенно мешали правильной организации боевой подготовки войск.

---

¹ ЦГВИА, ф. Главного штаба № 400, 2-е отд., д. № 117, ч. I, 1867, л. 3, распоряжение от 14/X 1866 г.

² Часть денег, заработанных солдатами на вольных работах, зачислялась в хозяйственные суммы подразделений, часть же выдавалась им на руки. Иногда эти суммы расходовались и на другие цели. Так, например, по данным Варшавского военного округа, в 1869 г. штабом Алексопольского пех. полка было уплачено за перевозку полка по железной дороге на лагерный сбор и обратно 964 руб. из сумм, заработанных на вольных работах (ЦГВИА, ф. Варшавского военного округа № 1859, опись 1-я, д. № 13, л. 76).

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 35908, л. 37.

⁴ Там же, опись 2-я, д. № 13, стр. 30.

Анализируя изменения, произведенные в области боевой подготовки войск, сделаем ряд выводов.

Система обучения и воспитания войск, существовавшая в условиях разлагающегося феодально-крепостного режима, была рассчитана лишь на подготовку солдат, способных действовать на смотрах и парадах, а не в боевой обстановке. Эта система определяла собой тактические принципы дореформенной армии, в основе которых лежала линейная тактика, игнорировавшая личную инициативу солдата и офицера, канонизировавшая до абсурда уставные положения с их мелочной регламентацией.

Однако и в этот период подспудно продолжали сохраняться боевые традиции русской армии, традиции Суворова, Кутузова, находившие свое проявление в действиях Кавказского корпуса и в стойкости и в мужестве защитников Севастополя.

Под влиянием поражения в Крымской войне, обнаружившей всю порочность существовавшей военной системы, с одной стороны, а также развития военной техники (нарезное, заряжающееся с казенной части оружие) — с другой, весь характер обучения войск претерпел серьезные изменения.

Реформы в области обучения войск являлись следствием развития новых тактических принципов, присущих эпохе капитализма, характеризовавшейся определенным уровнем техники вооружения.

Эти тактические принципы требовали коренного изменения всей системы боевой подготовки войск. Развитие огнестрельного оружия придавало огромное значение рассыпному строю, что в свою очередь ставило во главу боевой подготовки одиночное обучение солдата, выработку в нем умения самостоятельно действовать в боевых условиях, т. е. развитие личной инициативы.

Реформы в области обучения армии ставили своей задачей подчинить боевую подготовку войск лишь тому, что необходимо на войне.

Однако последовательное осуществление новых принципов обучения войск было невозможно в условиях сохранения царизма, боявшегося пробудить инициативу и сознание солдат. Это создавало непреодолимую преграду в деле должной организации боевой подготовки войск.

Финансовое состояние государства также служило серьезным препятствием в обучении войск (отсутствие средств на проведение артиллерийских стрельб, лагерных сборов, маневров, наличие «вольных» работ, отсутствие казарменных помещений).

Основным недостатком подготовки войск являлось несоответствие тактических принципов уровню развития огнестрельного оружия, что находило свое выражение главным образом в сохранении сомкнутого строя в пехоте, а также в недостаточном использовании возможностей новых видов вооружения (игнорирование скорострельности оружия, а также стрельбы на дальние дистанции). Все это значительно снижало боевую подготовку армии.

Глава VI

РЕФОРМЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Проблема подготовки офицерских кадров занимала значительное место в общем плане военных преобразований.

Развитие военной техники и в первую очередь введение нарезного оружия влекли за собой изменение характера боя, а это, в свою очередь, требовало иной подготовки командного состава. В этих условиях обеспечение армии офицерами, обладающими твердыми знаниями военного дела, а также имевшими определенную общеобразовательную подготовку, было крайне необходимо.

Наряду с этим существовало еще важное обстоятельство, являвшееся одной из основных причин, вызвавших реорганизацию военно-учебных заведений, — рост революционных настроений среди офицерской молодежи. «Идя все вперед, революционное движение молодого поколения, — указывалось в статье, помещенной в «Народном деле», — охватывало собой все более и более элементов, находя себе поборников не только в университетах и семинариях, но и в военных училищах, корпусах и академиях. Молодое офицерство явилось многозначительным подспорьем надеждам революционной партии»¹.

Революционные настроения были широко распространены среди учащихся военно-учебных заведений. Как рассказывает в своих воспоминаниях народоволец М. Ю. Ашенбреннер, воспитывавшийся в конце 50-х годов в 1-м Московском кадетском корпусе, кадеты были знакомы с произведениями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, в частности читали «Колокол» и «Полярную звезду». «Добролюбова, — вспоминает Ашенбреннер, — мы читали и читали, но Чернышевский имел на нас более сильное и прямое влияние. Его мы знали наизусть, его именем клялись...»².

По словам того же Ашенбреннера, около 1860-го года во 2-м Московском кадетском корпусе существовало тайное общество кадет, обладавшее подпольной типографией и печатавшее нелегальную литературу. Революционные настроения получили распространение даже в Пажеском кадетском корпусе, где П. А. Кропоткин, будучи кадетом, в конце 50-х годов издавал подпольную рукописную газету «Отголоски из корпуса». «Главною моею целью, — сообщал он в одном из писем своему брату, — было пробудить в корпусе сознание ложного направле-

¹ «Народное дело» № 2—3. 1868 г., стр. 35. Автором этой статьи («Пропаганда и организация») является, по утверждению Б. П. Козьмина, Н. Утин.

² М. Ю. Ашенбреннер. Вся моя организация «Народной Воли» и др. воспоминания, М., 1924, стр. 5.

ния, которое царствует у нас, то есть того, что напрасно думают, что самодержавие есть лучшее правительство, что военная служба есть самый лучший род деятельности и что можно быть только порядочным человеком в Преображенском полку и в Конногвардейском»¹. Подобные настроения имели место также и в высших военно-учебных заведениях. Так, в 1862 году девять офицеров-слушателей Николаевской академии Генерального штаба, находясь на съемке в окрестностях Боровичей, отслужили демонстративно панихиду по казненным за участие в революционной деятельности офицерам Арнольде, Сливицком, унтер-офицере Ростовском и рядовом Шуре².

Помимо выступлений, имевших непосредственно революционный характер, в конце 50-х — начале 60-х годов наблюдались неоднократно «беспорядки», возникавшие по тем или иным частным случаям. Так, в 1860 году в Николаевской военно-инженерной академии в результате столкновения одного из слушателей подпоручика Никонова с преподавателем первый был уволен. В ответ на это в знак протеста 126 человек слушателей (из общего количества — 135) подали рапорты об увольнении из академии. Герцен посвятил в «Колоколе» этому событию специальную статью, озаглавленную «Сто пятнадцать благородных офицеров». — «Россия может радоваться, — писал Герцен, — и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось сто двадцать шесть офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения военного начальства, испортить свою карьеру, чем молчать перед нелепыми поступками начальства. Только одиннадцать раскаялись. Недаром мы с такой теплой надеждой, смотрим на молодое поколение военных. Честь им и слава!»³ В том же 1860 году происходили «беспорядки» в ряде кадетских корпусов.

Военный министр, обеспокоенный распространением в войсках революционных настроений, в своем секретном циркуляре, разосланном в июле 1862 года, писал по поводу военно-учебных заведений следующее: «Кадетские корпуса, стрелковая школа, а равно три академии в течение последних лет выпустили в войска молодых офицеров с таким ложным и вредным направлением, что дурное влияние их обнаруживается, по отзывам всех высших начальников, в войсках повсеместно, а в специальных родах оружия, кроме кавалерии, в особенности»⁴. Далее указывалось, что «преступные мысли» «не могли родиться в молодых людях без систематического приготовления их в тех заведениях, в коих они получили первоначальное и потом окончательное образование»⁵.

В силу этого Военное министерство, ставя вопрос о реформе всей системы военного образования, стремилось в первую очередь обеспечить этим путем подготовку верноподданного офицерства, способного противостоять революционной пропаганде.

В настоящей главе рассматриваются реформы военно-учебных заведений, ставившие своей задачей обеспечить армию преданными царизму офицерами, подготовленными к командованию в новых условиях ведения войны.

---

¹ Переписка П. и А. Кропоткиных, 1858—1862 гг., т. I, 1932, стр. 86.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7969.

³ „Колокол“, лист 92.

⁴ Отд. рук. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. Репнинского. К. З. В. 226, л. I.

⁵ Там же, лист 2.

* * *

Крымская война, обнаружившая неудовлетворительное состояние армии, поставила вопрос о необходимости военных преобразований, в том числе и системы военно-учебных заведений.

Однако в первые годы после ее окончания никаких существенных перемен проведено не было и даже больше того — изменения, коснувшиеся устройства ряда кадетских корпусов, были направлены на укрепление старой системы организации военно-учебных заведений.

Во главе военно-учебных заведений был поставлен ген. Я. И. Ростовцев, являвшийся фактическим руководителем их и в период царствования Николая I¹. Сторонник феодально-крепостнической военной организации, он, естественно, не стремился, да и не способен был осуществить какие-либо серьезные реформы. За период его деятельности были произведены лишь некоторые изменения.

На базе офицерских классов Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ были созданы две военные академии: артиллерийская и инженерная. Существовавшая военная академия была переименована в Николаевскую академию генерального штаба.

Дворянский полк и школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров также подверглись реорганизации. Первый был переименован первоначально в Константиновский кадетский корпус, а позднее в Константиновское военное училище, куда принимались лица, получившие законченное общее образование. Вторая — в Николаевское училище гвардейских юнкеров.

Более существенной реорганизации подверглись губернские кадетские корпуса, в которых были учреждены специальные классы.

Таким образом, принцип соединения общего и специального образования, характеризовавший кадетские корпуса николаевской эпохи, получил еще большее распространение.

В связи с упразднением сословия военных кантонистов в 1858 году были учреждены училища военного ведомства для подготовки аудиторов, топографов, артиллерийских и инженерных кондукторов, военных писарей и ряда других специальностей.

Таким образом, мероприятия Ростовцева в первые годы после Крымской войны не внесли ничего принципиально нового в организацию военно-учебных заведений. Наоборот, Ростовцев, повидимому, стремился сохранить существующий порядок вещей.

* * *

Потребность серьезной реорганизации всей системы военноучебных заведений была настолько велика, что неизбежно должна была быть поставлена на повестку дня.

Необходимость реформы всей системы образования в России на новых буржуазных началах являлась следствием подготовлявшейся отмены крепостного права, означавшей «...шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»². Под влиянием этого большое распро-

---

¹ В связи с этим вместо должности главного начальника военно-учебных заведений была учреждена должность начальника главного штаба е. и. в. по военно-учебным заведениям, причем последнему предоставлялись функции главного начальника. После смерти Ростовцева в 1860 году эта должность была уничтожена и восстановлена старая.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

странение получили новые педагогические идеи. Огромное значение в этом вопросе имела статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованная в «Морском сборнике» в 1856 году.

Выступая противником специализации средней школы, определявшей будущность детей независимо от их индивидуальных наклонностей. Пирогов писал: «Кто научил, кто открыл, что дети получили врожденные способности и врожденное призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами назначают? Уж давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован...»¹.

Эти мысли Пирогова были как бы специально направлены против существовавшей организации кадетских корпусов.

Таким образом, ряд причин, тесно переплетавшихся между собой: и необходимость улучшения подготовки офицеров, обнаруживавшаяся со всей очевидностью в ходе Крымской войны, и наличие революционных настроений среди офицерства, и, наконец, общее положение в стране, требовавшее буржуазных преобразований, все это обуславливало необходимость преобразования военно-учебных заведений.

После смерти Ростовцева главным начальником военно-учебных заведений был назначен вел. кн. Михаил Николаевич, который вскоре обратился к ряду компетентных лиц, в том числе к Д. А. Милютину и А. В. Головнину, с просьбой высказать свои суждения о системе военного образования.

10 февраля 1862 г. Милютин представил обстоятельную записку «Мнение о военно-учебных заведениях», в которой подробно излагал свою точку зрения на существующую систему военного образования, а также и на необходимые в этой области изменения.

В начале этой записки Милютин писал, что «В последние годы весьма сильно стало высказываться мнение, что военно-учебные заведения в настоящем их виде не соответствуют современным требованиям правильного распределения в государстве образования *общего и военного* и что они даже не удовлетворяют собственному своему специальному назначению»². Далее он подробно останавливался на финансовой стороне вопроса и приходил к выводу, что ежегодный расход на кадетские корпуса составляет 4 712 000 рублей серебром, в то время как среднее количество выпускаемых из корпусов офицеров составляет 494 человека: «Следовательно, — писал Милютин, — на каждого удовлетворительно обученного офицера издерживается по 9.538 рублей»³. Если учесть, что часть выпущенных из корпусов офицеров вскоре выходила в отставку, то расход на подготовку одного офицера, указывал он, должен увеличиться до 12—13 тыс. рублей.

«После столь невыгодного заключения в финансовом отношении, — продолжал военный министр, — естественно является другой вопрос, самое воспитание, даваемое юношам за столь дорогую цену, вполне ли удовлетворяет требованиям военной службы и пользам государства?»⁴.

На этот вопрос он отвечал отрицательно. Во-первых, общее количе-

¹ «Морской сборник», № 9, 1856, т. XXIII, стр. 574.

² Отд. рук. ГьЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 8004, л. 8. Подчеркнуто автором. Эта записка представлена писарской копией, датированной автором. Опубликована в книге «Столетие Военного министерства 1802—1903», кн. X, ч. III, СПб, 1914, стр. 188—195.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же, л. 12.

ство офицеров, выпускаемых из кадетских корпусов, было крайне незначительно, обеспечивая лишь потребность в них гвардии и специальных родов войск. Во-вторых, несмотря на то, что в сравнении с офицерами, произведенными из юнкеров, питомцы кадетских корпусов в отношении общего образования имеют несомненное преимущество, «... в последнее время отзывы об офицерах, выпускаемых из военно-учебных заведений, не столь уже выгодны для них. Если, с одной стороны, уровень их научного образования поднялся против прежнего, — продолжал он, — то, с другой стороны, собственно в служебном отношении они сделались менее полезными потому именно, что многие из них, получив образование разностороннее, но недостаточно основательное, выносят с ним лишь самонадеянность, верхоглядство, а иногда самый ложный взгляд на действительную жизнь и отношения общественные. Что же касается до службы, то о ней они большею частью вовсе не имеют понятия...»¹. Вместе с тем Милютин указывал, что в последнее время среди офицеров, выпущенных из кадетских корпусов, «... стало заметно даже весьма вредное направление нравственное, от которого можно опасаться пагубных последствий для самой армии»², подразумевая под этим распространение революционных настроений.

Анализируя причины неудовлетворительной подготовки офицеров в кадетских корпусах, Милютин считал, что едва ли их можно считать случайными. По его мнению, это объяснялось системой организации самих кадетских корпусов. «Правительство, — писал он, — основывая кадетские корпуса... имело постоянно две совершенно разносторонние цели, которые желало связать в одних и тех же учреждениях. Главное назначение их состояло, конечно, в том, чтобы *приготовить для армии образованных* офицеров; но в то же время была и другая цель — дать средство к *воспитанию* детям тех лиц, которые служили или служат государству на поприще военном или гражданском, — цель, очевидно, *благотворительная*»³.

Это смешение двух разнородных целей и являлось, по мнению военного министра, основной причиной низкого уровня офицеров, подготавливаемых кадетскими корпусами.

В результате того, что определение в корпус производилось в детском возрасте, устранялся выбор военной службы по призванию, так как родители, стремясь дать детям даровое воспитание, отнюдь не задавались вопросом, соответствует ли оно способностям их сыновей. «А между тем, — писал он, — ни для какого рода занятий не имеет такой важности определенное к нему призвание, как для военного ремесла, которое столь резко выделяет человека из обыкновенных условий общего гражданского быта»⁴.

По мнению Милютина, для того чтобы приобрести знания, необходимые для офицера, нужно не более 2—3 лет, в то время как кадетские корпуса подготавливают своих питомцев к офицерскому званию в течение 7—8 и более лет.

Главная причина неудовлетворительной организации кадетских корпусов, проистекавшая опять-таки «из того же слияния двух целей», заключалась, по его мнению, в том, что корпуса «суть заведения *воспитательные*, а не исключительно *образовательные*»⁵.

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004, л. 13.

² Там же.

³ Там же, л. 15.

⁴ Там же, л. 15—16.

⁵ Там же, л. 16.

Долголетнее воспитание в корпусе, по мнению Милютина, все же не могло основательно ознакомить будущего офицера с конкретными условиями его дальнейшей службы, которые нельзя изучить вне пребывания в армии. «Каким образом, — продолжал военный министр, — объяснить кадету его будущие обязанности, когда он не имеет еще понятия ни о солдате, ни о солдатской жизни»¹.

Таким образом, с этой стороны долговременное военное образование в корпусе, по его мнению, не достигает своей цели. «С другой стороны, — продолжал Милютин, — имеется ли в виду продолжительностью военного воспитания сформировать в молодых людях характер, соответственный военной службе, и приучить их с молодых лет подчинению дисциплине? . . . Дисциплина есть основа военной службы: она неизбежно должна быть и основой военного воспитания. Но чтобы вкоренить в ком-либо истинное понятие о дисциплине, необходимо уже выдержать условия ее со всей последовательностью и обстановкою. Всякое отступление от ее требований разрушило бы самый характер дисциплины и укоренило бы в воспитываемых совершенно превратное о ней понятие. Если бы воспитание, основанное на дисциплине, совершалось уже в зрелом возрасте, когда характер молодого человека успел самостоятельно развиться, то под ее влиянием он принял бы только новый отпечаток, не разрушающий его, а лишь укрепляющий. Но если военное воспитание начинается в возрасте детском и отроческом, когда характеру предстоит еще образовываться, то стеснение его развития дисциплиною наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши»².

В результате этого военный министр приходил к выводу, что система военного образования в кадетских корпусах явно неудовлетворительна и требует коренной реорганизации. «Воспитание отроков и юношей, — писал он, — должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно *военные* могут существовать только с одною целью — доставить *научное специальное образование* тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе.

Первоначальный материал для формирования офицеров должны составлять *юнкера*, принимаемые на службу *по окончании домашнего воспитания или в каком-либо гражданском заведении и выдержавшие экзамен из общих наук не ниже гимназического курса*. Затем самое приготовление к офицерскому званию должно состоять в практическом ознакомлении юнкеров со всеми требованиями и условиями военной службы *при самих войсках* и вместе с тем в приобретении необходимых для офицера научных военных сведений в особых *юнкерских училищах*»³. В этих целях Милютин указывал на необходимость открытия ряда юнкерских училищ (по числу проектировавшихся им военных округов — 15). Количество учащихся в них должно было составлять 3.000 человек. Таким образом, юнкерские училища при двухлетнем сроке обучения могли бы ежегодно выпускать до 1.500 офицеров.

По мнению военного министра, кадетские корпуса следовало преобразовать в гражданские учебные заведения — гимназии или реальные училища — и тем самым «... восстановить более нормальную соразмер-

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004, л. 17.

² Там же, л. 17—18.

³ Там же, л. 22—23.

ность в распределении средств государства на образование общее, сравнительно с образованием специально военным»¹. Такова была программа реорганизации военно-учебных заведений, развитая Милютиным.

Анализируя этот план преобразований, мы видим, что в основе его лежали педагогические идеи, изложенные Н. И. Пироговым в его статье «Вопросы жизни». Уничтожение профессиональной средней военной школы, соединявшей в себе как общее, так и специальное военное образование, с одной стороны, и создание общеобразовательных средне-учебных заведений гражданского характера, а также специальных военных училищ — с другой, таков основной лейтмотив проекта Милютина.

Записка либерально настроенного министра народного просвещения А. В. Головнина по существу ничем не отличалась от проекта Милютина. В ней он, прямо ссылаясь на педагогические воззрения Н. И. Пирогова, говорил о вредности сохранения общеобразовательных военно-учебных заведений, обрекавших детей к военной службе, независимо от их призвания. В заключение Головнин указывал на целесообразность ликвидации кадетских корпусов и передачи сумм, расходуемых на их содержание, Министерству народного просвещения. Головнин при этом подчеркивал, что на эти суммы вместо 20 кадетских корпусов можно было бы открыть либо 10 университетов, либо 150 гимназий, либо 10.000 народных училищ².

Сторонниками сохранения кадетских корпусов выступила часть генералитета, в том числе директор Павловского кадетского корпуса ген. П. С. Ванновский, ставший впоследствии, при Александре III, военным министром.

Наиболее откровенно высказался на сей счет профессор военной академии ген.-лейт. бар. Медем. Настаивая на сохранении кадетских корпусов, он писал: «Кадетские корпуса, везде, где они существуют, открыты преимущественно дворянству и другим высшим сословиям и потому весьма много содействуют к сохранению и распространению в армии того консервативно-монархического духа, которым проникнута большая часть дворянства. Требуя с особой настойчивостью уничтожения кадетских корпусов, западная журналистика имеет в виду открыть для всех классов народа одинаково свободный доступ к офицерским местам и со временем заменить нынешние дух и образ мыслей общества офицеров духом и образом мыслей, более соответствующим стремлениям среднего сословия...»³.

Таким образом, в вопросе о судьбе кадетских корпусов мы можем ясно обнаружить две точки зрения: либеральную, настаивавшую на уничтожении не только кадетских корпусов, но и всей системы общеобразовательных военно-учебных заведений, и реакционную, считавшую необходимым сохранить кадетские корпуса, руководствуясь при этом в первую очередь стремлением обеспечить дворянский состав офицерского корпуса.

12 октября 1862 года был учрежден особый комитет для обсуждения необходимых преобразований военно-учебных заведений под председа-

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004, л. 25. По данным, приводимым Милютиным в этой записке, соразмерность расходов на военное и общее образование составляла для Франции 1:9; для Пруссии 1:19; для России 1:1.

² Прочтя записку Головнина, Александр II наложил следующую резолюцию: «В этой записке есть много справедливого, но не все. Военно-учебные заведения должны быть преобразованы и во многом сокращены, но о совершенном их упразднении и речи быть не может, и я сего никогда не допущу». (Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8004).

³ «Столетие Военного министерства 1802—1902», т. X, ч. III, стр. 43.

тельством главного начальника их, вел. кн. Михаила Николаевича. Комитет был составлен из представителей Военного министерства, Министерства народного просвещения и военно-учебного ведомства. Вполне понятно, что большинство членов особого комитета, назначенных Милотиным и Головным, являлось сторонниками их взглядов¹.

В своем приказе по поводу создания этого комитета вел. кн. Михаил Николаевич указывал, что на основе мнений, высказанных «лицами высшего государственного управления, равно как и многими служащими при военно-учебных заведениях», реорганизацию военно-учебных заведений полезно было бы осуществить на следующих основаниях:

«Отделить общие классы от специальных, и устройство этих последних преобразовать таким образом, чтобы молодые люди, приготавливающие к военному поприщу, были точнее поставлены в условия военного воспитания и действительной военной службы; общие классы устроить на иных началах; наконец, изыскать способы к уменьшению расходов по военно-учебным заведениям вообще и сбережения, могущие вследствие этого открыться, обратить на восполнение средств Военного министерства и Министерства народного просвещения»².

Уже на первом заседании особого комитета единогласно было признано необходимым отделить общее образование от специального. Что касается целесообразности сохранения общеобразовательных учебных заведений в системе военного ведомства, то по этому вопросу комитет пришел к заключению, что в принципе было бы желательно передать их в ведение гражданского ведомства.

Однако, учитывая, что количество лиц, посвящающих себя военному поприщу, из числа оканчивающих гражданские учебные заведения, было крайне незначительно, было решено сохранить временно общеобразовательные классы в системе военного ведомства. «Упразднение этих классов, — говорилось в решении комитета, — может иметь место только со временем, когда вследствие развития реальных училищ и других благоприятных обстоятельств число молодых людей, поступающих в военную службу из гимназий, будет соответствовать потребностям армии»³.

Особый комитет пришел также к выводу, что, помимо организуемых при войсках юнкерских школ, необходимо создание военных училищ для исполнения армии «некоторым числом офицеров, достаточно образованных по предметам военных наук, так, чтобы в общей сложности могло быть выпускаемо ежегодно... от 400 до 500 человек»⁴.

Уже в конце ноября особый комитет закончил свою деятельность, разработав основные положения будущей реформы, которые были утверждены Александром II и сводились к следующему:

«1) Сохранить военно-учебные заведения с тем назначением, которое им ныне предначертано, чтобы доставить не только специальным оружием, но и армейским войскам, в особенности для замещения старших воинских должностей, офицеров, получивших достаточное общее и военное образование. 2) Число воспитанников в этих заведениях определить так, чтобы из них ежегодно поступало на службу от 400 до 500 офицеров.

---

¹ В состав особого комитета вошли генералы гр. Ф. Д. Гейден, К. П. Кауфман I, М. П. Кауфман II, А. А. Баранцев, П. С. Ванновский, представители Министерства народного просвещения А. С. Воронов, А. Ф. Постель и ряд других лиц.

² ЦГВИА, ф. штаба е. и. в. главного начальника военно-учебных заведений № 725, св. 686, д. № 5677, 1862, л. 73.

³ Там же, л. 86—87. Журнал комитета по преобразованию военно-учебных заведений № 1 от 23 октября 1862 года.

⁴ Там же, л. 101.

3) Специальные классы отделить от общих в особые заведения, устроив их таким образом, чтобы молодые люди, приготавливающиеся к военному поприщу, были точнее поставлены в условиях военного воспитания и действительной службы. 4) Изменить устройство заведений с общими классами по частям воспитательной и учебной, согласно современным требованиям педагогики, и прекратить в этих заведениях фронтные занятия, как несоответственные возрасту воспитанников. 5) Уменьшить число военно-учебных заведений, согласно с требованием меньшей цифры выпуска из них в офицеры, с тем, чтобы сбережение от этого уменьшения обратить на учреждение юнкерских школ при войсках, и, в случае возможности, часть из него уделить Министерству народного просвещения для усиления общественных реальных заведений»¹.

Дальнейшая разработка намеченных преобразований производилась уже непосредственно под руководством военного министра в связи с подчинением военно-учебных заведений Военному министерству.

* * *

В начале 1863 года штаб главного начальника военно-учебных заведений был упразднен, и с 21 января этого же года военно-учебные заведения были переданы в ведение Военного министерства, в составе которого было образовано главное управление военно-учебных заведений. Начальником военно-учебных заведений был назначен генерал-майор Исаков, бывший до этого времени попечителем Московского учебного округа.

Так как особый комитет наметил лишь основные контуры будущих преобразований, то Военному министерству пришлось сразу же вплотную заняться разработкой устройства и организации реформируемых военно-учебных заведений. «...мы с ним (Исаковым. — П. З.) дружно принялись за работу по переустройству кадетских корпусов и прочих заведений, — писал Милютин. — К счастью, наши взгляды на это дело совершенно совпадали»². Под председательством Исакова была создана организационная комиссия, приступившая к детальной разработке предполагаемой реформы.

Необходимость реорганизации всей системы военного образования, по мнению Исакова, заключалась в следующем:

«...С одной стороны, — писал он, — последняя война... выказав всю блестящую сторону духа нашей армии, привела вместе с тем к сознанию недостатков нашего приготовления к военной службе. С другой стороны, возникшие вопросы об улучшениях и преобразованиях почти по всем отраслям государственного строя вызвали натурально такое умственное напряжение во всех классах общества, которое не могло обойтись без значительного увлечения, проявившегося в особенности в молодых впечатлительных умах воспитывающегося юношества, и не указать всю несостоятельность воспитания и образования в наших учебных заведениях...»³.

Таким образом, с одной стороны, неудовлетворительная постановка военного образования, обнаружившаяся со всей очевидностью в период Крымской войны, с другой — рост революционных настроений среди воен-

¹ „Всеподданнейший отчет Военного министра за 1863 г.“ Отчет главного управления военно-учебными заведениями. СПб, 1865, стр. 3.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. М. 7844, стр. 322.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, т. VIII, л. № 26360, 1863, л. 355—356.

ной молодежи, — таковы причины, требовавшие, по словам Исакова, ко-
ренной реформы военно-учебных заведений.

В результате работы организационной комиссии в середине мая 1863 года Военным министерством был составлен доклад, утвержденный Александром II. В этом докладе, в соответствии с основными положениями, одобренными ранее царем, излагался детальный план организации военных училищ, создававшихся на базе специальных классов кадетских корпусов, а также в общих чертах определялся характер общеобразовательных военно-учебных заведений, которые должны были быть созданы вместо существующих кадетских корпусов. В докладе указывалось, что одной из первоочередных задач преобразования является создание военных училищ на базе специальных классов кадетских корпусов. Эту задачу Военное министерство предполагало осуществить в 1863 году.

Военным училищам предполагалось придать чисто военную организацию.

Для того, чтобы, помимо теоретических знаний, будущий офицер получил основательную военную подготовку, юнкера в течение целого года должны заниматься строевой подготовкой, стрельбой в цель, в летнее время отбывать лагерный сбор. Военные училища предполагалось выводить в войсковые лагеря для участия в учениях и маневрах совместно с войсковыми частями. Предполагалось, что воспитанники военных училищ должны будут изучать в лагерях инструментальную и глазомерную съемку, а также знакомиться с практической стрельбой из орудий.

Придавая большое значение воспитанию будущих офицеров, военный министр подробно останавливался на вопросах «религиозно-нравственного воспитания», которое, по его мнению, должно было предохранить воспитанников от «увлечений» и «заблуждений», свойственных молодежи.

Таким образом, вся система воспитания в военно-учебных заведениях должна была быть подчинена задаче подготовки преданных царизму офицеров.

В отношении кадетских корпусов в докладе лишь указывалось, что их необходимо переименовать в военные гимназии.

Создание военных гимназий расценивалось Милютиным как мера временного порядка. Если в рассматриваемом нами докладе по этому поводу ничего не говорилось, то в докладе по Военному министерству 1 января 1864 года Милютин, упоминая о преобразовании 2-го кадетского корпуса в военную гимназию, прямо указывал на это. «С упразднением строевого состава, — писал он, — заведение это получает характер строго воспитательных заведений и сохраняет свое особое назначение — готовить детей к поступлению в военные училища только до тех пор, когда прилив в сии последние молодых людей, окончивших полное гимназическое образование на свой счет, сделает возможным постепенное уменьшение таких подготовительных учебных заведений в военном ведомстве, постепенную же передачу их в Министерство народного просвещения»¹.

Тотчас же после утверждения царем этого доклада Военное министерство приступило к реорганизации всей системы военно-учебных заведений.

В целях более ясного представления о проведенных преобразованиях рассмотрим их в отдельности по каждому разряду заведений, начиная с военных академий.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1, опись 2-я, св. 1-я, д. № 4, л. 59—60.

Система высшего военного образования не подверглась серьезному переустройству, и реформы в этой области коснулись лишь отдельных сторон организации военных академий, а также и изменения учебных планов.

В 1862 году существовало три военных академии — Николаевская Генерального штаба, Артиллерийская и Инженерная. Кроме того, в системе Военного министерства находилась также и Медико-хирургическая академия, подготовлявшая для армии медицинских и ветеринарных врачей, а также и фармацевтов.

Рассмотрим изменения, происшедшие в жизни этих учебных заведений на протяжении изучаемого нами периода.

Приказом Военного министра в январе 1863 года Николаевская академия Генерального штаба была изъята из ведения главного управления военно-учебных заведений и подчинена генерал-квартирмейстеру главного штаба е. и. в., а позднее, после реорганизации центрального военного управления, — непосредственно Главному штабу.

Еще в бытность профессором военной академии Милютин в ряде своих проектов-записок ставил вопрос о необходимости существенно изменить как программу, так и метод преподавания. Так, в черновом наброске «Еще мысли о Военной академии», датированном 5 сентября 1851 года, он писал: «Ныне в курсе Военной академии слишком много школьного, теоретического, много педантизма; надобно сделать его более практическим, а для этого все предметы преподавания прямо и непосредственно связать с практическим применением их в самой службе...»¹.

Серьезные изменения в постановке академических курсов и их содержании произошли в 1865 году, когда в особых совещаниях под руководством военного министра подвергся обсуждению профиль академии и были разработаны основы программных требований, а также и постановка учебных занятий. Уже на первом совещании Милютин указал на необходимость серьезной перестройки курса, связав его с практическими задачами, стоящими перед офицерами Генерального штаба. «Офицер Генерального штаба, — говорил он, — признавал своей обязанностью водить, располагать батальоны, но видел в этих батальонах только тактические единицы; внутреннее же устройство войск, быт и потребности солдата едва были знакомы ему; в самом управлении войсками он почти не принимал участия. Подобный порядок не мог продолжаться ввиду реформ, предпринятых в последнее время... от офицеров Генерального штаба, — продолжал военный министр, — правительство требует основательного ознакомления со всем механизмом внутреннего войскового управления»².

Следовательно, задача заключалась в необходимости готовить не военных теоретиков, оторванных от жизни армии, а высокообразованных офицеров Генерального штаба, хорошо знакомых со всеми сторонами военной организации. В соответствии с этим было разработано новое положение об академии и учебный план подвергся существенным изменениям. Существовавшее наряду с общим геодезическое отделение получило своим назначением подготовку офицеров особого разряда — корпуса топографов. В связи с этим требования по военным предметам были уменьшены за счет увеличения физико-математических наук. Таким

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. М. 7928, л. 7.

² Н. Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба, СПб., 1882, стр. 219.

образом геодезическое отделение получило определенное назначение, и офицеры, оканчивавшие его, не зачислялись по Генеральному штабу, как это имело место ранее.

Оканчивавшие геодезическое отделение прикомандировывались для изучения дополнительных курсов высшей геодезии и практической астрономии на два года к Пулковской обсерватории, после чего получали звание геодезистов и зачислялись в корпус военных топографов.

В общем отделении академии произошли также большие перемены. Число слушателей, принимаемых ежегодно, было ограничено 50 офицерами, что признавалось вполне достаточным для нужд генерального штаба. Приему подлежали лишь офицеры, прослужившие в войсках не менее 4 лет, причем не менее двух на строевых должностях. Программные требования были также повышены. Однако усложнение условий приема привело к значительному уменьшению количества абитуриентов.

В конце 60-х годов конференция академии, обеспокоенная этим, обратилась за разъяснением причин подобного положения к начальникам всех войсковых частей и соединений, причем большинство из них указывало, что основной причиной является «...Увеличение срока предварительной службы до 4-х лет, так как 4 года эти служат преимущественно к тому, что офицеры отвыкают от занятий науками...»¹. Несмотря на это, указанный срок предварительной службы в войсках уменьшен не был.

В целях изучения постановки высшего военного образования за границей был командирован во Францию профессор военной статистики Обручев, ознакомившийся с преподаванием в «Апликационной школе» французского генерального штаба. Конференция академии, отметив за французской школой некоторые достоинства, пришла к заключению о превосходстве высшего военного образования в России и, признавая целесообразным придать академическому курсу практический характер, считала необходимым сочетать это с углубленным изучением теоретических вопросов.

В соответствии с этим и был разработан учебный план, подразделивший все изучаемые предметы на две группы: главные и вспомогательные. К числу первых относились: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия, картография и топография. Ко вторым — сведения из артиллерии и инженерной части, политическая история и языки.

Как программа, так и система преподавания были также существенно изменены. Большим изменениям подверглись особенно программы по стратегии и тактике. Так, например, было уничтожено деление на высшую и низшую тактику; серьезное значение в новых программах получил вопрос воспитания и образования войск. Курс тактики включал в себя большое количество часов, отводимых на практические занятия. С 1869 года получили большое развитие занятия военною игрою. Преподавание тактики в рассматриваемый нами период проводилось ген. Драгомировым и Леером.

С 1869 года ввиду увеличения требований к офицерам, оканчивающим академию, был введен дополнительный шестимесячный курс, следовательно, продолжительность обучения составляла 2½ года. Таким образом, в результате осуществленных изменений подготовка офицеров генерального штаба улучшилась. Однако количество слушателей, обу-

---

¹ ЦГВИА, ф. Николаевской академии Генерального штаба (544), опись 2-я, д. № 154, л. 16.

чавшихся в академии, не могло удовлетворить потребностей армии в офицерах, имеющих высшее военное образование.

Существенные изменения были произведены также и в Артиллерийской и Инженерной академиях.

В начале 1863 года обе академии были отчислены от Главного управления военно-учебных заведений и подчинены: первая — артиллерийскому ведомству, вторая — инженерному. В соответствии с указаниями военного министра они должны были приобрести более специальный и вместе с тем практический характер, перестав представляя собою своеобразные «университетские факультеты военного образования».

В этих целях и был осуществлен ряд изменений. Комплектование Артиллерийской академии, производившееся ранее из числа окончивавших артиллерийское училище и специальные классы кадетских корпусов, было в корне изменено. С 1863 года в академию начали принимать лишь офицеров, прослуживших не менее двух лет в строевых должностях, причем окончившие академию направлялись исключительно в артиллерию, в то время как ранее значительный процент окончивавших не попадал в артиллерийские части. Значительно изменен был учебный план, а также и программы. Незадолго до передачи академии артиллерийскому ведомству, в начале 1862 года, в целях подготовки высококвалифицированных специалистов произведено было разделение академии на два факультета: строевой — для подготовки офицеров к службе в артиллерийских частях на командных должностях с продолжительностью обучения в два года и технический, — дававший возможность слушателям его получить высшее техническое образование для дальнейшего использования их в качестве специалистов в области артиллерийской техники. Продолжительность обучения на техническом факультете была установлена в три года. Через несколько лет, в 1865 году, в связи с преобразованием Михайловского артиллерийского училища возник снова вопрос об изменениях и в академии.

По решению главного военно-учебного комитета разделение на строевой и технический факультеты было уничтожено, так как для службы строевой, по мнению комитета, нет надобности в высшем специальном образовании. Это решение основывалось также и на том, что в связи со значительным увеличением объема программы военного училища последнее включало в себя целиком курс строевого факультета. Таким образом, академия превращалась в учебное заведение, подготовлявшее высококвалифицированных специалистов в области артиллерийского дела, а отнюдь не строевых офицеров. Контингент слушателей академии не превышал 60 человек.

В докладе по Военному министерству указывалось, что назначение академии заключается в том, чтобы «...доставлять нашей артиллерии небольшой сравнительно со всею массою потребных для нее строевых офицеров процент хорошо подготовленных ученых техников»¹.

По предложению окончивавшие Михайловскую артиллерийскую академию предназначались «...преимущественно к занятию мест по технической и учебной частям в артиллерийских заведениях, в главном и окружных артиллерийских управлениях, в артиллерийском комитете главного артиллерийского управления и для приема артиллерийских изделий с различных заводов»².

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 5. л. 36.

² Свод военных постановлений издания 1869 г., т. XV, СПб., 1870, стр. 15—16.

В 60—70-х годах качество преподавания в академии значительно повысилось. Профессора ее Маиевский, Гадолин, Чебышев и другие превратили академию в подлинный центр русской военно-технической мысли.

Николаевская инженерная академия также подверглась некоторой реорганизации. Как и в Артиллерийскую академию, прием производился лишь из числа офицеров, прослуживших не менее двух лет в строю. Объем учебного курса был увеличен, введен в преподавание ряд новых предметов: стратегия, военная администрация и др. В связи с этим возникла потребность увеличить продолжительность курса, ограниченного ранее двумя годами. С 1869 г. был введен третий — дополнительный — курс, рассчитанный первоначально на шесть месяцев, а затем на восемь. На дополнительный курс переводились лишь «старшие по средним баллам» не свыше 20 человек, предназначавшиеся в военные инженеры, остальные же выпускались в строевые части инженерных войск. Оканчивавшие дополнительный курс в свою очередь делились на два разряда: к первому относились лучшие по знаниям (получившие в среднем по всем предметам не менее 10 баллов) ¹, ко второму — остальные. Окончившим по первому разряду присваивалось звание военного инженера; выходявшие же по второму разряду направлялись на строевые должности в инженерные войска.

Несмотря на значительное улучшение учебного процесса, происшедшее в результате реорганизации академии, принятая в ней система все же не обеспечивала должной подготовки военных инженеров. В течение 2½ лет нельзя было подготовить вполне квалифицированного военного инженера, знания которого должны были быть более разносторонними, нежели гражданского инженера. Курс же в гражданских технических учебных заведениях был рассчитан на 3—4 года. Кроме того, эта система не удовлетворяла нужд армии в военных инженерах, ежегодный выпуск которых составлял в среднем 10 человек.

В 1867 году была создана четвертая военная академия — Военно-юридическая.

В 1864 году программа аудиторского училища, готовившего гражданских чиновников-юристов для службы в военно-судебном ведомстве, была значительно увеличена, вследствие чего три старших его класса превратились по существу в высшее учебное заведение. В этот же период в связи с разработкой нового военно-судебного устава возник вопрос о необходимости ликвидировать двойственность в личном составе военного суда, состоявшем из судей-офицеров, лишенных какого-либо юридического образования, и чиновников-аудиторов, имевших таковое.

Комиссия, разрабатывавшая проект преобразований по военно-судебной части, пришла к заключению, что состав военно-судебных органов должен быть офицерским, так как специфика военных преступлений требует знакомства с «внутренним бытом войска и правилами войсковой службы». Только на первое время считалось возможным допустить к исполнению обязанностей по военно-судебному ведомству гражданских чиновников, в частности лишь на должности военных прокуроров и членов военных судов, однако «... председатель военного суда, — указывалось в решении комиссии, — должен быть всегда военный, как потому, что от него требуется полное знание обязанностей военной службы, так и потому, что назначение гражданского лица

---

¹ Во всех военно-учебных заведениях была принята 12-бальная система.

председателем военного суда не соответствует цели учреждения этого суда»¹.

В связи с этим был поставлен вопрос о создании высшего военно-юридического учебного заведения для офицеров.

В 1866 году были созданы офицерские классы при аудиторском училище «для приготовления штаб- и обер-офицеров к занятию должностей по военно-судебному ведомству». Однако через полгода офицерские классы были переименованы в Военно-юридическую академию, окончательное Положение о которой было утверждено в 1868 году. По Положению 1868 года в академию принимались штаб- и обер-офицеры. Курс обучения был рассчитан на два года. Ежегодный прием не должен был превышать 25 человек.

Вместе с тем и аудиторское училище подверглось реорганизации, будучи в 1869 году преобразовано в Военно-юридическое училище с трехлетним курсом обучения. В училище принимались лишь лица, имевшие законченное среднее образование. Таким образом, училище превратилось в полном смысле слова в высшее военно-юридическое учебное заведение, подготавливающее гражданских чиновников для службы по военно-судебному ведомству.

Следовательно, возникли два однородных высших военно-юридических учебных заведения: одно — для офицеров, другое — для гражданских лиц, причем второе как степень подготовки слушателей, так и продолжительностью курса выгодно отличалось от первого.

Вполне понятно, что параллельное существование двух однородных учебных заведений было нецелесообразно, не говоря уже о том, что это закрепляло двойственный состав военно-судебных органов. Вследствие этого возник вопрос о ликвидации одного из них. В течение шести лет — с 1873 по 1878 год — происходило обсуждение этого вопроса. В начале 1875 года главное военно-судебное управление представляло проект преобразования, заключавшийся в предложении упразднить академию и обеспечить дальнейшее развитие военно-юридического училища. Однако военный министр не утвердил указанного проекта, создав для обсуждения этого вопроса особое совещание под своим личным председательством. Только в 1878 году проект получил окончательное разрешение: академия была сохранена, подвергнута реорганизации, военно-юридическое же училище упразднено. Курс академии был увеличен до 3 лет. Программные требования для поступивших были значительно увеличены. Наряду с обер-офицерами в академию принималось также и некоторое количество чиновников — стипендиатов военно-судебного ведомства, получивших юридическое образование, — последние непосредственно на третий специальный курс.

В заключение необходимо остановиться на Медико-хирургической академии, подготавливавшей медицинских, ветеринарных врачей и фармацевтов, «преимущественно для военного и морского ведомств»². В течение 60—70-х годов в академии был осуществлен ряд крупных преобразований, превративших ее в центр передовой медицинской мысли в России. Эти преобразования связаны с именами президента академии профессора хирургии Дубовицкого и ученого секретаря ее знаменитого русского химика Зинина. При академии был создан ряд научных ин-

¹ «Сборник законодательных работ по составлению военно-судного устава» СПб., 1867, стр. 172—174.

² Свод военных постановлений издания 1869 г., кн. XV, СПб., 1870, стр. 164. Оканчивающие академию определялись на службу в военное ведомство лишь по собственному желанию.

ституты: анатомо-физиологический, естественно-исторический, а также большой клинический госпиталь. Значительно был улучшен и состав профессоров, среди которых мы встречаем имена крупнейших русских ученых Сеченова и Боткина.

Наконец, в 1872 году при академии были учреждены «курсы ученых акушеров», явившиеся родоначальником высшего женского медицинского образования в России.

Таковы преобразования, происшедшие в высших военно-учебных заведениях в рассматриваемый нами период.

* * *

На основе утвержденного Александром II доклада военного министра от 14 мая 1863 года в этом же году специальные классы кадетских корпусов, за исключением четырех — Пажеского, Финляндского, Сибирского и Оренбургского, были уничтожены, и на базе их созданы военные училища.

Из трех военных училищ, открытых в 1863 г., первому было присвоено название Павловского; второму, существовавшему с 1859 г., сохранено наименование Константиновского и третьему — Александровского. Первые два находились в Петербурге, третье — в Москве¹. Продолжительность обучения в военных училищах составляла два года. Контингент юнкеров в каждом училище равнялся 300 человек.

Таким образом, уже в первые годы после преобразования эти училища могли ежегодно выпускать свыше 400 офицеров. Оканчивавшие училища по первому разряду получали чин подпоручика, по второму же — прапорщика. В строевом отношении каждое из училищ составляло батальон, подразделявшийся на роты.

В 1864 году Николаевское училище гвардейских юнкеров было преобразовано на тех же основаниях в Николаевское кавалерийское училище с контингентом юнкеров в 240 человек.

Общеобразовательные классы училища гвардейских юнкеров были превращены в приготовительный пансион для подготовки молодых людей к поступлению в это же училище. Создание Николаевского кавалерийского училища обеспечивало в некоторой степени пополнение кавалерийских частей, в то время как до этого офицеры, поступавшие в кавалерию, рекрутировались из лиц, оканчивавших пехотные училища и не получивших вследствие этого никакого специального образования.

Военные училища сразу же приобрели чисто военную организацию, причем внутренний распорядок в них был основан на выполнении строжайшей воинской дисциплины, а не выполнявшие ее подвергались ответственности по дисциплинарному уставу.

«... в нашем училище, — рассказывает в своих воспоминаниях один из бывших юнкеров, Кривенко, — на юнкеров смотрели не так, как прежде на кадет специальных классов, а как на лиц, действительно состоящих на военной службе, и потому строгая дисциплина проводилась систематичной, сильной рукой»².

Все это резко отличало вновь созданные военные училища не только от специальных классов дореформенных кадетских корпусов, но и прежних военных училищ, в которых отсутствовала четкая военная организация. Так, например, в отчете по строевой и воспитательной части 2-го

¹ В 1867 г. было создано четвертое пехотное военное училище в Оренбурге, которое просуществовало лишь два года.

² В. С. Кривенко. Юнкерские годы. 25 лет назад, СПб, 1898, стр. 10.

Константиновского военного училища прямо говорилось, что «...большинство старых юнкеров... о военных порядках мало знало и о строе имело плохое понятие»...¹.

Согласно Положению о военных училищах, утвержденному в 1867 году, прием в них производился из лиц тех сословий, которые не были обязаны рекрутской повинностью, т. е. из среды привилегированных классов. Только после введения всесословной воинской повинности в 1876 году было разрешено принимать в училища лиц всех сословий. Однако и после этого большая часть юнкеров принадлежала к числу дворян. Так, в составе юнкеров пехотных, кавалерийских военных училищ и специальных классов кадетских корпусов (Пажееского и Финляндского) в 1877 году процент дворян потомственных и личных составлял 76, в 1879 — 71, в 1881 — 62².

Основной контингент поступающих в военные училища составляли воспитанники военных гимназий, остальная же часть рекрутировалась из числа окончивших средне-учебные заведения гражданского ведомства, а также и лиц, не имевших среднего образования и сдававших вступительные экзамены³. Число молодых людей, поступающих «извне», т. е. не из военных гимназий, составляло примерно 1/3.

Учебный курс военных училищ был рассчитан на два года и состоял из специальных военных предметов, а также частично из общеобразовательных, причем последние подвергались непрерывно сокращению по мере увеличения объема курса в военных гимназиях. Теоретический лекционный курс тесно увязывался с практическими занятиями, ставившими своей целью научить будущего офицера уметь применять на практике приобретенные им теоретические познания.

Вообще военный министр придавал большое значение именно этому вопросу, считая «...что недостаточная практичность и преобладание теоретического учения составляют слабую сторону нашего русского образования по всем специальностям; все наши специальные учебные заведения, — писал он, — именно тем грешат, что заботятся более о широком научном преподавании, чем о приготовлении умелых практиков»⁴.

Первоначально содержание курса военных училищ было сохранено прежним, т. е. то, которое существовало ранее в специальных классах кадетских корпусов, причем лишь постепенно изменился как объем, так и характер его. Надо отметить, что на первых порах Главное управление военно-учебных заведений предоставляло военным училищам широкую инициативу в определении объема курсов, методики преподавания и выбора учебных пособий.

Так, в 1865 году Главное управление военно-учебных заведений, сообщая училищам об издании ряда литографированных курсов, указывало при этом, что «...каждое заведение получит возможность избрать из составленных руководств лучшее для своего употребления и продолжать в будущем усовершенствовать его...», приходя натурально посте-

---

¹ ЦГВИА, ф. 2-го Константиновского военного училища, 320, опись 2-я, т. I, св. 312, л. № 460, 1867, л. 13.

² Цифры заимствованы из отчетов главного управления военно-учебных заведений за соответствующие годы.

³ Последние из числа поступающих со стороны составляли подавляющее большинство. Так, например, по данным отчета 2-го Константиновского военного училища, в 1870 г. из 59 чел., подавших прошения о приеме, 43 получили образование «в доме родителей».

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7845, стр. 342.

пенно к принятию одного и того же руководства, общего всем заведениям...»¹.

В 1865 году для разработки новых программ были созданы специальные комиссии по каждому военному предмету в отдельности, которым и надлежало на основе опыта первых лет существования училищ установить объем курса, а также и методику преподавания. Наряду с этим в конце 1866 года при Главном управлении военно-учебных заведений была создана особая педагогическая комиссия, имевшая своим назначением обсуждать общие вопросы, касавшиеся военно-учебных заведений в целом и военных училищ в частности.

Вполне понятно, что установление объема курса тех или иных предметов определялось теми требованиями, которые предъявлялись к лицам, оканчивающим военные училища. В этом отношении главное управление военно-учебных заведений пришло к выводу, что «Для определения, в чем должно заключаться специальное образование юнкеров, признано было более рациональным... остановиться на такой войсковой должности, которая представляясь, хотя и в несколько отдаленной будущности, выпускаемым из училищ офицерам, типически бы определяла и самые элементы специального военного образования, нужные для ее занятия. Таковою должностью признано командование полком»².

Этим и определялось содержание учебного курса военных училищ, включавшее в себя изучение следующих предметов: тактики, артиллерии, фортификации, военной топографии, военной администрации, военного законодательства, общеобразовательных предметов и, наконец, истории церкви.

В связи с тем, что в 1865 году было принято решение прекратить выпуск из пехотных и кавалерийских училищ офицеров в артиллерию и инженерные войска, курс артиллерии и фортификации был сокращен за счет увеличения объема изучения других военных наук.

Особо важное значение придавалось тактике, для изучения которой отводилось наибольшее количество часов.

Серьезное внимание уделялось главным управлением и методике преподавания. Как говорилось уже выше, большой удельный вес в учебном плане училищ имели практические занятия по военным предметам. Кроме того, форма изложения теоретической части курса подвергалась серьезным изменениям. Если первоначально была принята лекционная система, то позднее на основе опыта ряда лет пришлось дополнить ее репетициями, заключавшимися в том, что после каждой лекции проводились классные занятия в целях усвоения материала. Первоначально эта форма преподавания была введена в виде опыта в Константиновском военном училище и лишь после проверки ее на практике — в других. Большое внимание уделялось физической и строевой подготовке.

Строевым занятиям в период учебного года отводилось от 10 до 12 часов в неделю, в лагерный период — в среднем не менее 5 часов в день.

Серьезное значение придавалось делу воспитания юнкеров. В силу этого офицерский состав в училище подбирался особенно тщательно. В докладе по Военному министерству 1 января 1864 года Милютин по этому поводу писал: «Офицеры этих заведений, соединяя в лице своем

¹ ЦГВИА, ф. 2-го Константиновского военного училища, 320, опись 2-я, т. I, л. 310, д. № 447, 1865, л. 46.

² „Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1866 год.“ Отчет главного управления военно-учебных заведений. СПб., 1868, стр. 13.

обязанности строевых начальников и воспитателей, должны, кроме отличного знания фронта и порядка службы, стоять и по образованию своему выше уровня самих воспитанников, обладая в то же время умением руководить молодых людей в нравственном отношении. Вследствие этого офицерам военных училищ назначено соответствующее важности их призвания и ожидающим их трудам вознаграждение¹, а кроме того, они вполне гарантированы продолжать, по желанию, без всякого ущерба прежнюю свою войсковую карьеру в случае оставления ими училища. Таким образом, — указывалось в докладе, — положено начало, хотя еще далеко несовершенное привлечению лучших офицеров из войск на труднейшее из поприщ: приготовления будущего хорошо дисциплинированного воина и правильно понимающего свои обязанности гражданина»². Последнее предполагало подготовку офицеров в духе преданности самодержавной власти.

Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод, что подготовка офицеров в военных училищах значительно повысилась по сравнению с дореформенными кадетскими корпусами, что явилось результатом осуществления реформы — отделения специального военного образования от общего. Сохранение же части общеобразовательных предметов в военных училищах рассматривалось как явление временного порядка, причем количество их постепенно сокращалось по мере увеличения объема курса военных гимназий.

Однако подготовка офицеров в военных училищах страдала серьезными недостатками: объем требований, рассчитанных на двухлетний курс, особенно при наличии общеобразовательных предметов, был излишне широк. В течение двух лет пребывания в училище юнкер не мог овладеть знаниями в пределах, необходимых для командира полка. К тому же это и не являлось нужным, так как лишь ничтожная часть оканчивавших военные училища достигала этой должности. Этот недостаток объяснялся тем, что Военное министерство вовсе игнорировало усовершенствование офицерского состава путем создания специальных курсов или школ для переподготовки офицеров в связи с назначением их на те или иные командные должности.

Специальные классы кадетских корпусов — Пажеского, предназначенного для подготовки офицеров гвардии, и Финляндского, — для комплектования финляндских войск из местных уроженцев — также подверглись некоторой реорганизации, причем программа их была построена в соответствии с курсами военных училищ. Специальные классы Оренбургского и Сибирского кадетских корпусов, первоначально сохраненные, были позднее уничтожены.

Военные училища предназначались для комплектования офицеров пехоты и кавалерии, однако в первое время их существования лучшие из числа юнкеров выпускались в артиллерию и инженерные войска. В 1865 году последнее было отменено, причем Милютин аргументировал целесообразность этого следующим образом: «Если военные училища, — писал он, — будут выпускать всех наиболее способных своих воспитанников в специальные роды оружия, то кто же будет впоследствии командовать пехотными и кавалерийскими полками, дивизиями и корпусами?

---

¹ Содержание офицерам военных училищ было установлено вчетверо большее, нежели в армейских частях; позднее, в связи с повышением содержания офицерам войсковых частей, эта разница значительно уменьшилась.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 4, л. 58.

Примеры прошлых войн показывают, что и командование частями, состоящими из соединения всех родов войск, приводилось поручать чаще генералам пехотным и кавалерийским, нежели артиллерийским и инженерным»¹. Однако в начале 70-х годов выпуск из военных училищ в артиллерию и инженерные войска был снова возобновлен благодаря огромному некомплекту офицеров в специальных родах войск.

Ежегодный выпуск офицеров из училищ неуклонно возрастал, однако очень медленно. Если в 1864 году из военных училищ и специальных классов кадетских корпусов было выпущено 402 офицера, то в 1876 году выпуск составлял уже 486 человек². Из числа оканчивающих училища 36% выходило в артиллерийские и инженерные части, 14% переводилось в старшие классы специальных училищ, вследствие чего лишь 50% выпуска направлялись по своему прямому назначению в пехотные и кавалерийские части. Таким образом, военные училища далеко не обеспечивали необходимого контингента офицеров для пехоты и кавалерии, в среднем удовлетворяя лишь не более 15% потребного количества.

Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерные училища также подверглись серьезной реорганизации.

В начале 60-х годов, до передачи военно-учебных заведений в ведение Военного министерства, в Михайловском артиллерийском училище были произведены существенные изменения. Вместо 4 лет обучения, рассчитанного на изучение не только военных, но и общеобразовательных наук, был установлен одногодичный курс, причем в училище принимали лишь лиц, окончивших два специальных класса кадетских корпусов.

В связи с упразднением кадетских корпусов, вполне естественно, возник вопрос о необходимости увеличить срок обучения, так как в училище начали приниматься лица, не имевшие специального военного образования. С 1865 года³ в училище был введен трехгодичный срок обучения, причем общий контингент юнкеров составлял 160 человек. Прием в младший класс училища производился из лиц, окончивших военные гимназии и другие средние учебные заведения, либо сдавших экзамены по определенной программе. Однако в действительности в училище поступали почти исключительно оканчивавшие военные гимназии, а число лиц, поступавших со стороны, не превышало 5—7%.

Помимо младшего класса производился также и прием непосредственно в старший из числа лиц, окончивших военные училища.

В социальном отношении состав юнкеров был почти исключительно дворянским. Даже после 1876 года, когда прием в военные училища был открыт для всех сословий, состав его мало изменился. Так, в 1878 году из 157 юнкеров потомственных дворян было 130, детей офицеров и чиновников — 20, духовного звания — 1, потомственных почетных граждан — 1, детей унтер-офицеров — 1, детей мещан — 4⁴. Объем требований в училище был значительно увеличен, главным образом за счет математики и военных дисциплин. Достаточно сказать, что количество часов, отводимых на изучение средней и высшей математики, по сравнению с объемом этих курсов в конце 50-х годов увеличилось более чем на 50%, а по курсу артиллерии — почти на 100%. Вместе с тем резко сократилось число часов, отведенных на общеобразовательные предметы.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2, д. № 5, л. 34.

² Цифры заимствованы из „всеподданнейших докладов“ за соответствующие годы.

³ Точнее, с начала 1865/66 учебного года.

⁴ Цифры заимствованы из „Всеподданнейшего отчета Военного министерства за 1878 год.“ Отчет главного артиллерийского управления, стр. 42.

Качество преподавания значительно повысилось. Так, известный русский ученый-математик академик П. Л. Чебышев, приглашенный в 1867 году на экзамены, в своем отчете писал, что «мог убедиться по ответам на вопросы из теории и по решениям практических задач вообще, все пройденное из математики усвоено юнкерами надлежащим образом, и они в состоянии успешно пользоваться для приложений всем запасом сведений по математике, сообщенным им в училище»¹. Такую же высокую оценку качествам военной подготовки давал и ученый артиллерист ген. А. С. Ферсман.

Таким образом, Михайловское артиллерийское училище снабжало артиллерию достаточно квалифицированными специалистами. Однако количество их далеко не обеспечивало потребности в артиллерийских офицерах. Несмотря на то, что в целях обеспечения потребного комплекта артиллерийских офицеров допускался прием прямо в старший класс лиц, окончивших курс пехотных, либо кавалерийского военных училищ, все же и эта мера не могла удовлетворить потребностей армии. К 1870 году некомплект артиллерийских офицеров был настолько велик², что было снова разрешено в качестве временной меры выпускать прямо в артиллерию лиц, оканчивающих пехотные и кавалерийские училища, причем количество их значительно превышало число окончивших Михайловское училище. Так, за 11 лет — с 1870 по 1880 год — из общего количества 3.093 офицера, выпущенных в артиллерию, окончило Михайловское артиллерийское училище всего 744 человека.

Таким образом, более $\frac{3}{4}$ офицеров, выпускаемых в артиллерию, не получало никакого специального образования. Следовательно, вопрос об обеспечении армии артиллерийскими офицерами в целом решен не был.

Аналогичные преобразования были проведены и в Николаевском инженерном училище. С 1865 года оно было превращено в трехклассное со штатным составом в 126 юнкеров. Поступавшие в Николаевское инженерное училище в значительной части состояли из питомцев гражданских учебных заведений. Так, в 1868 году из числа поступивших в младший класс из военных гимназий было определено 18, а со стороны — 25. В 1874 году из военных училищ и гимназий — 22, со стороны — 35. В 1875 году — из военных училищ и гимназий — 28, со стороны — 22³.

Наряду с этим производился также и прием в старший класс лиц, окончивших военные училища, причем количество их с каждым годом уменьшалось. По социальному составу в училище было значительно меньше дворян по сравнению с Михайловским артиллерийским. Ежегодно из училища выпускалось в инженерные войска в среднем 45—50 человек, однако это количество также далеко не обеспечивало потребности в офицерах инженерных войск.

Оба эти училища — Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное — не подчинялись Главному управлению военно-учебных заведений, будучи подведомственными: первое — Главному артиллерийскому управлению, второе — Главному инженерному управлению.

Помимо рассмотренных выше специальных военных училищ, в ведении первоначально департамента генерального штаба, а позднее — Глав-

---

¹ Г. Гродский. Михайловское артиллерийское училище и академия в XIX веке, ч. I, СПб., 1905, стр. 232.

² Достигнув цифры в 460 человек.

³ Цифры заимствованы из „всеподданнейших отчетов“ Главного инженерного управления за соответствующие годы.

ного штаба, находилось военно-топографическое училище, переименованное в 1860 году из существовавшей прежде школы топографов.

Военно-топографическое училище было предназначено для подготовки руководителей топографических съемок и геодезических работ. Первоначально курс училища был рассчитан на два года, а позднее, в 1875 году, увеличен до трех лет. Общий состав юнкеров составлял 40 человек, причем ежегодно выпускалось в среднем по 12—15 человек частью офицерами, частью чиновниками военного ведомства.

Наконец, надо сказать также о специальных школах: военно-фельдшерских и артиллерийского ведомства — пиротехнической, оружейной и технической. Военно-фельдшерские школы, подчинявшиеся военно-медицинскому управлению, готовили медицинских фельдшеров и аптекарей, производившихся в классный чин после службы некоторого числа лет в армии. Срок обучения в этих школах равнялся 4 годам. Школа артиллерийского ведомства, рассчитанная на трехгодичный срок обучения, готовила оружейных мастеров, техников и пиротехников для военных заводов. Лица, окончившие эти школы, также через известный срок производились либо в офицерский чин, либо в гражданский.

* * *

Вследствие того, что военные училища не могли обеспечить потребности в офицерских кадрах, возник вопрос о создании юнкерских училищ.

Как говорилось уже выше, основной контингент офицеров в дореформенный период составляли юнкера и вольноопределяющиеся, производившиеся в офицеры, не имея почти никаких военных познаний, не говоря уже об уровне общего образования их. Начиная с 30-х годов, неоднократно поднимался вопрос об организации юнкерских школ для подготовки юнкеров и вольноопределяющихся к экзамену на офицерский чин, однако создававшиеся периодические юнкерские школы при тех или иных частях войск довольно скоро прекращали свое существование. После Крымской войны довольно длительное время существовало лишь несколько юнкерских школ: при 4-м пехотном корпусе в г. Воронеже, а также в Варшаве и Гельсингфоре.

В соответствии с основными положениями намеченной реорганизации системы военно-учебных заведений, утвержденными в конце 1862 года, было решено наряду с организацией военных училищ приступить к созданию также и юнкерских.

В докладе по Военному министерству 1 января 1864 года Милютин, говоря о предполагаемом учреждении юнкерских училищ при создаваемых военно-окружных управлениях, писал:

«Настоятельность учреждения юнкерских училищ обусловливается огромным числом тех молодых людей, которые, поступая прямо в полки, на различных правах с производством своим в офицеры, вносят в войска полное отсутствие общего, а тем более военного образования. Число этих лиц с упразднением некоторых кадетских корпусов и уменьшением нормальной цифры выпускаемых из них офицеров должно еще более возрасти, а потому в настоящее время настоятельнее еще, чем прежде, необходимо прийти к ним на помощь и доставить им средства к соответственному с требованиями службы подготовке»¹.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, св. 1, д. № 4, л. 62.

Таким образом, основной контингент офицеров должны были давать юнкерские училища. Осенью 1864 года на основе утвержденного Временного положения были созданы первые четыре училища: вновь — Московское и Виленское и реорганизованы существовавшие юнкерские школы — Гельсингфорсская и Варшавская. В последующие два года были открыты еще 8 училищ. Из них шесть пехотных — Киевское, Одесское, Рижское, Чугуевское, Казанское и Тифлисское и два кавалерийских — Тверское и Елизаветградское.

В 1868 году было утверждено Положение об юнкерских училищах, заменившее действовавшие до этого времени Краткие правила 1864 года, отличавшиеся от последних лишь небольшими изменениями.

По Положению 1868 года юнкерские училища учреждались «...для доставления нижним чинам регулярных войск и урядникам из дворян и обер-офицерских детей иррегулярных войск научного и строевого образования, необходимого для офицера»¹.

Первоначально юнкерские училища были созданы для подготовки к офицерскому званию войсковых юнкеров и вольноопределяющихся, поступавших в армию добровольно «по праву происхождения», а с 1869 года в них принимались также и унтер-офицеры общих сроков службы, т. е. призванные в войска по рекрутскому набору.

Поступление в училища лиц указанных категорий не являлось обязательным, но никто из них не мог быть произведен в офицеры, не окончив курса юнкерского училища или не выдержав при нем установленного программой экзамена. Следовательно, с учреждением юнкерских училищ производство в офицеры лиц, не имевших определенной общеобразовательной подготовки, а также необходимых военных познаний, было прекращено.

Военное министерство придавало исключительно важное значение созданию этого типа военно-учебных заведений. В докладе по Военному министерству 1 января 1865 года Милютин указывал, что «В юнкерских училищах заключается будущность нашей армии. Если учреждение их удастся на практике, — продолжал он, — то армия будет обеспечена строевыми офицерами со степенью развития, достаточною собственно для служебных целей. Прочие военно-учебные заведения имеют другие цели, но поднятие нравственного и умственного уровня в *массе* офицеров мы должны ожидать именно от юнкерских училищ»². Обучавшиеся в юнкерских училищах продолжали числиться в своих частях, куда и откомандировывались по окончании курса.

По социальному составу преобладающее количество юнкеров принадлежало также к дворянам. Так, с 1865 по 1872 год процент потомственных и личных дворян составлял около 86; даже во второй половине 70-х годов, когда по условиям приема были предоставлены широкие возможности поступать в училища представителям всех сословий, юнкерские училища все же сохранили преимущественно дворянский состав. В 1877 году процент дворян по 12 юнкерским училищам составлял 74.

Юнкерские училища подчинялись непосредственно военным округам и лишь в учебном отношении — главному управлению военно-учебных заведений.

Учебный курс юнкерских училищ был рассчитан на два года с разделением на два класса. В первом изучались общеобразовательные

¹ Свод военных постановлений издания 1869 г., кн. XV, СПб., 1870, стр. 82.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 5, л. 30.

предметы, во втором — специальные. Лица, окончившие высшие и средние учебные заведения, а также и выбывшие из военных гимназий до окончания курса, принимались непосредственно в старший класс. Объем программы по общеобразовательным предметам был очень невелик. По русскому языку требовалось научить будущего офицера правильно излагать мысли и грамотно писать; по математике — курс арифметики и элементарной геометрии; по географии — общие сведения из физической географии и географии России. В курс истории включалось краткое ознакомление с отечественной историей.

Чрезвычайно пестрый по общеобразовательному уровню состав юнкеров создавал большие трудности, особенно в преподавании неспециальных предметов.

По свидетельству генерала Бобровского, автора трехтомного труда «Юнкерские училища», большая часть поступавших в училище обладала крайне низким общеобразовательным уровнем. Так, например, на приемном экзамене в диктанте на сто слов делалось нередко до 60 ошибок, а по географии экзаменуемые иногда не могли найти на карте Россию.

Из специальных предметов в юнкерских училищах преподавались следующие: тактика, ручное оружие, некоторые сведения из артиллерии, полковая фортификация, топография, начальная военная администрация, военное судопроизводство и воинские уставы. Если в военных училищах подготовка будущего офицера производилась в объеме полка, то в юнкерских — в объеме роты. Наибольшее внимание уделялось изучению тактики, которой отводилось в старшем классе 6 часов в неделю, что составляло 162 годовых часа. Курс тактики предусматривал изучение боевого устройства и действий войск, причем особенное внимание обращалось «на способы атаки и обороны местных предметов малых размеров, на способы охранения войск и на малую войну»¹. Преподавание тактики имело практический характер: отдельные теоретические положения и выводы должны были закрепляться решением практических задач.

Вообще практическим занятиям, в частности практическим работам в поле, уделялось большое внимание. Так, на проведение последних выделялся целый месяц. Большое внимание, особенно после франко-прусской войны, обращено было на топографию и фортификацию. Юнкер обязан был свободно читать топографические планы и карты и основательно познакомиться с производством основных видов саперных работ.

Помимо перечисленных выше специальных предметов, юнкерам читался факультативный курс военной гигиены, а также и методики грамотности, имея в виду подготовить будущих офицеров к занятиям по ликвидации неграмотности среди солдат. Этот предмет был первоначально введен в виде опыта в отдельных училищах, а с 1871 года циркуляром Главного управления предлагалось включить в программы по русскому языку и математике методику обучения чтению, письму и арифметике.

Для того чтобы теоретический курс был тесно увязан с практическим изучением строевой службы в войсковых условиях, лагерный сбор юнкера проводили в своих частях, лишь осенью возвращаясь снова в училище.

Большие трудности вызывал вопрос о методе преподавания в связи с крайне пестрым общеобразовательным уровнем юнкеров и разнообразным возрастным составом. В этом отношении Главное управление предоставило широкую инициативу училищам. «...Методы обучения должны вырабатываться училищами и никем другим, как самим преподавате-

---

¹ П. О. Бобровский. Юнкерские училища, т. II, СПб., 1873, стр. 330.

лем, — писал в 1867 году ген. Исаков. — Навязывать преподавателю, чтобы он учил так, а не иначе — невозможно и бесполезно. Тем не менее необходимо, — продолжал он, — выработать из различных взглядов и противоположных мнений общие руководящие начала, составляющие в юнкерских училищах сущность обучения...»¹.

Таким образом, методика преподавания разрабатывалась постепенно, причем большую роль играл в этом «Педагогический сборник», на страницах которого систематически помещались отчеты отдельных преподавателей о методе преподавания.

Вполне понятно, что качество подготовки юнкеров в училищах в значительной степени зависело от состава преподавателей, и этому вопросу было уделено известное внимание.

По данным, приводимым Бобровским, в 1871—72 учебном году из общего количества преподавателей по десяти юнкерским училищам процент окончивших высшие учебные заведения составлял 53, средние — 37 и только 10% не имели среднего образования. Преподавание важнейшего предмета — тактики — осуществлялось, как правило, офицерами генерального штаба, окончившими военную академию.

В целях контроля за качеством преподавания в юнкерских училищах по распоряжению Военного министерства создавались специальные экзаменационные комиссии, составлявшиеся командующими военных округов из лиц, не принадлежавших к военно-учебному ведомству. По свидетельству этих комиссий система подготовки офицеров в юнкерских училищах себя оправдывала. «По отзывам войсковых комиссий, присутствовавших на экзаменах, — говорилось в отчете Главного управления военно-учебными заведениями, — из юнкерских училищ выходят в армию офицеры с научными сведениями, достаточными для предстоящей им служебной деятельности, с весьма хорошою строевою подготовкою и с ясным пониманием своего долга»². Такую же оценку подготовки офицеров в юнкерских училищах давало и Военное министерство.

По сравнению с офицерами, производившимися из войсковых юнкеров и вольноопределяющихся и не имевшими никакой подготовки, оканчивавшие юнкерские училища выгодно отличались, обладая минимумом необходимых для строевого офицера знаний.

Вместе с тем Военное министерство отдавало себе отчет в неудовлетворительности общеобразовательного уровня этих офицеров. Однако на первых порах оно не считало возможным увеличить объем требований для поступления в юнкерские училища, так как это «...значило бы оставить их пустыми и отказаться от пополнения существовавшего в армии значительного некомплекта офицеров. Юнкерские училища, — продолжал Милютин, — давали, что могли, — строевых офицеров исправных, надежных для службы, достаточно подготовленных к исполнению своих обязанностей»³.

По мере распространения образования Военное министерство считало необходимым повышать общеобразовательный уровень поступающих в юнкерские училища, с тем, чтобы впоследствии достигнуть уровня среднего учебного заведения, уничтожив тем самым разницу между юнкерскими и военными училищами.

---

¹ Ленинградский филиал ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, д. № 19, 1867, л. 76.

² «Всеподданнейший отчет по Военному министерству за 1868 год». Отчет Главного управления военно-учебных заведений, СПб., 1870, стр. 71.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7849, стр. 166.

После введения всесословной воинской повинности программные требования для поступающих в юнкерские училища были значительно повышены. Объем этих требований соответствовал уровню образования вольноопределяющегося 3-го разряда, т. е. курсу прогимназии или уездного училища. В соответствии с этим с 1876 года программы юнкерских училищ были также значительно увеличены.

Однако это в свою очередь вызвало трудности с обеспечением контингента поступающих, вследствие чего впоследствии во всех юнкерских училищах для лиц, не обладающих должной подготовкой, были открыты подготовительные общеобразовательные классы. Для этой цели служили также и военные прогимназии, созданные на базе училищ военного ведомства.

Оканчивавшие юнкерские училища делились на два разряда.

Окончившие как по первому, так и по второму разряду получали звание портупей-юнкеров и направлялись в свои части. Производство их в офицеры производилось по представлению их ближайшего начальства. Окончившие по первому разряду производились независимо от имевшихся вакансий; окончившие же по второму — по мере открытия вакансий.

К концу рассматриваемого периода количество юнкерских училищ достигло 17, из коих 11 — пехотных, 2 — кавалерийских и 4 — казачьих.

Первоначально контингент учащихся в юнкерских училищах составлял 200 человек, однако позднее в большинстве училищ он был увеличен до 300 и даже 400 человек. На 1 января 1877 года по штатам во всех 17 юнкерских училищах полагалось иметь 4.750 человек юнкеров. За весь рассматриваемый нами период — с момента организации юнкерских училищ до 1877 года — было выпущено из них офицерами 11.536 человек¹.

Юнкерские училища обеспечивали в значительной степени потребность армии в офицерах. Вместо лишенных всякой военной подготовки недорослей из дворян и вольноопределяющихся армия пополнялась офицерами, получившими элементарное военное образование, а также несколько повысившими свой общеобразовательный уровень.

Несмотря на большое значение юнкерских училищ в дела обеспечения армии офицерскими кадрами, они все же не решили этой проблемы целиком. Если к середине 70-х годов Военному министерству удалось ликвидировать некомплект офицеров по штатам мирного времени, то запаса офицеров на случай развертывания армии создано не было.

* * *

Преобразование общих классов кадетских корпусов в военные гимназии было начато в 1863 г. К августу этого года Главным управлением военно-учебных заведений уже были разработаны «основные начала» реформы. В виде опыта преобразование было начато со 2-го Петербургского кадетского корпуса, переименованного с начала 1863—64 учебного года в военную гимназию.

В следующем году были переименованы в военные гимназии пять кадетских корпусов: 1-й Петербургский, 1-й и 2-й Московский, Тульский и Орловский.

Наконец, в течение 1865 и 1866 гг. происходило преобразование Полтавского, Полоцкого, Воронежского, Новгородского, переведенного в Нижний-Новгород, Оренбургского и Сибирского — Омского кадетских корпусов. Таким образом, в течение трех лет было создано 12 военных

¹ Цифры заимствованы из „всепопданнейших отчетов“ Главного управления военно-учебных заведений.

гимназий¹. Остальные кадетские корпуса, кроме Пажеского и Финляндского, были упразднены вовсе.

Как говорилось уже выше, Военное министерство первоначально рассматривало существование военных гимназий как меру временного характера, полагая в дальнейшем передать их ведомству народного просвещения, однако вскоре ему пришлось отказаться от этой мысли. «Военное министерство убедилось в том, — писал Милютин, — что оно не может рассчитывать на пополнение своих специально военных учебных заведений юношами, получившими общее образование в гражданских гимназиях, что забота о подготовке необходимого контингента для военных училищ должна лежать на самом военном ведомстве»². Вследствие этого уже с 1865 года пришлось увеличивать контингент обучающихся в военных гимназиях, а также впоследствии открывать и новые.

Военным гимназиям был придан характер гражданских учебных заведений.

В конце 1866 года было разработано Положение о военных гимназиях. «Военные гимназии, — говорилось в этом Положении, — имеют целью доставить детям потомственных дворян, предназначенным к военной службе, приговорительное общее образование и воспитание. . .»³.

Таким образом, военные гимназии так же, как и дореформенные кадетские корпуса, сохраняли сословно-дворянский характер. Лишь в некоторых военных гимназиях производился прием детей недворянского происхождения. Так, прием приходящих учеников⁴ из числа лиц всех сословий, был допущен в Сибирской и Оренбургской военных гимназиях, создается ряд военных гимназий без интерната, куда принимались также лица всех сословий. Наконец, позднее в некоторые военные гимназии, как, например, Симбирскую, принимались лица всех сословий и в число интернов.

Однако, несмотря на это, состав военных гимназий оставался почти исключительно дворянским. Так, в 1874—1876 гг. в военных гимназиях и общих классах Пажеского и Финляндского кадетских корпусов было 95% детей потомственных и личных дворян⁵.

Преобразование кадетских корпусов в военные гимназии существенно изменило весь характер этих учебных заведений. «. . . С тех пор, как военным министром сделан был Милютин, — писал Плеханов, учившийся в тот период в военной гимназии, — началась поистине новая эра: шагистике почти совсем оставили. . . преподавание было осмысленно, программа учебных заведений значительно увеличена, телесные наказания почти совсем выведены из употребления. . .»⁶.

Военная организация, существовавшая в кадетских корпусах, была уничтожена. Вместо деления на роты все воспитанники были подразделены на группы, носившие название возрастов, делившиеся в свою очередь на воспитательные отделения численностью в 25—35 человек. Во главе отделения был поставлен воспитатель, избираемый из числа как военных, так и гражданских лиц, обладавший, как правило, определенным педагогическим опытом.

---

¹ Тульская военная гимназия была вскоре упразднена.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7846, стр. 258.

³ Свод военных постановлений издания 1869, кн. XV, СПб., 1870. стр. 99.

⁴ Без интерната.

⁵ Цифры заимствованы из «всеподданнейших отчетов» Главного управления военно-учебных заведений.

⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник № 1, М., 1934, стр. 93.

Учебный план военных гимназий равнялся несколько сокращенному курсу реальной гимназии и был рассчитан на 6 лет, однако еще в период реформы Главное управление военно-учебных заведений ставило уже вопрос о необходимости увеличения объема курса. «...Опыт еще яснее доказал, — говорилось в отчете Главного управления за 1864 год, — до какой степени необходимо общеобразовательный курс военных гимназий сделать полным реальным гимназическим курсом, без всякого искажения и ограничения, которые не только не требуются военною службою, но могут быть ей даже в ущерб. . .»¹.

Однако этот вопрос был решен лишь в 1870 году, а практически реализован в 1873 году, когда курс обучения был увеличен на один год, т. е. доведен до семи лет.

По сравнению с программой общих классов кадетских корпусов объем знаний в военных гимназиях был увеличен более чем вдвое. Так, например, на изучение русского языка вместо 15 недельных уроков отводилось 33; на математику вместо 22—42; на иностранные языки вместо 21—54.

Большое количество часов отводилось также и на преподавание так называемого «закона божия». Число отведенных на него часов даже несколько превышало время, отводимое на изучение этого предмета в реальных училищах.

Для обсуждения вопросов, связанных с преподаванием, а также и с воспитанием, в каждой военной гимназии создавался педагогический комитет из всех преподавателей и воспитателей под председательством директора.

С 1864 года начал осуществляться переход от предметного к классно-урочному методу преподавания в начальных классах военных гимназий. Инициаторами этого дела являлись лучшие педагоги того времени Сент-Илер, Евтушевский, Рашевский и др. Эта система давала возможность педагогу изучить каждого ученика и способствовала улучшению качества преподавания. Горячим сторонником этой системы являлся К. Д. Ушинский, указывавший, что «...предметная система, — это рак русского общественного воспитания, и пока вы не излечите этой болезни, то как ни перестраивайте ваши училища, — ничего не выйдет хорошего»².

Без преувеличения можно сказать, что к работе в военных гимназиях Главному управлению военно-учебных заведений удалось привлечь лучшие педагогические силы того времени. Среди преподавателей военных гимназий мы встречаем имена: Сент-Илера, Бунакова, Евтушевского. Близко стоял к военно-учебному ведомству и К. Д. Ушинский, печатавший свои статьи на страницах «Педагогического сборника» — органа Главного управления военно-учебных заведений. Так, например, в ряде номеров «Педагогического сборника» печаталась статья Ушинского «Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания».

Таким образом, все передовые педагогические взгляды того времени нашли свое отражение в учебно-воспитательной работе военных гимназий.

Интересно отметить, что Александр II, считавший кадетские корпуса своим любимым детищем и посещавший их очень часто, после преобразования их в военные гимназии совершенно изменил свое отношение к военно-учебным заведениям. «Сам государь, — писал Милютин, —

¹ «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1864 г.» Отчет Главного управления военно-учебными заведениями, СПб., 1866, стр. 23.

² К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения. Учпедгиз, 1945, стр. 247.

имел прежде привычку посещать военно-учебные заведения, хотя по одному разу в год; но постепенно эти посещения делались все реже, по недостатку ли времени или потому, что в заведениях вводились новые порядки, для него непривычные...»¹.

Если постановка учебного процесса в военных гимназиях была организована несравненно лучше, нежели в дореформенных кадетских корпусах, то вместе с тем она нуждалась еще в значительных улучшениях, показателем чего являлся большой процент неуспевающих.

Система воспитания в военных гимназиях значительно отличалась от порядков, существовавших в прежних кадетских корпусах. Воспитателями, как правило, были лица, получившие высшее университетское образование. Методы воспитания были основаны на передовых педагогических идеях того времени — взглядах Ушинского, Пирогова и ряда других крупнейших русских педагогов.

Но в первое время наказания играли большую роль, причем среди них наибольшее распространение имели различные виды ареста (карцер, пребывание в уединенной комнате и т. д.). Так, например, из 80 наказаний, наложенных на воспитанников 2-й Петербургской гимназии за 1½ месяца 1867 года, 50 приходилось на различные формы ареста. Телесные наказания применялись в исключительных случаях, лишь по постановлению педагогического совета. В указанной выше гимназии за 1867/68 учебный год было два случая наказания розгами за крайне тяжелые проступки².

Для подготовки учителей военных гимназий в 1865 г. были организованы 2-годовые педагогические курсы при 2-й Петербургской военной гимназии, куда принимались лица с университетским образованием. Это обеспечивало военные гимназии квалифицированными педагогами, в то время как ранее система подготовки учителей для кадетских корпусов заключалась в прикомандировании к последним строевых офицеров, не имевших часто и среднего образования. Эти офицеры подготавливались при корпусах к будущей своей педагогической деятельности, состоя в звании репетиторов.

Для подготовки учителей гимнастики для военных учебных заведений, в частности для военных гимназий, во второй половине 70-х годов при той же 2-й Петербургской гимназии были организованы особые курсы, возглавлявшиеся известным ученым профессором П. Ф. Лесгафтом, уволенным незадолго до этого Министерством народного просвещения из Казанского университета, где он занимал должность профессора анатомии.

В отношении Главного управления военно-учебных заведений на имя директора 2-й Петербургской военной гимназии по поводу организации этих курсов говорилось, что «...Доктор Лесгафт обязывается... преподавать слушателям учреждаемого курса по программе, представленной им в главное управление: а) антропологию, б) теорию телесных упражнений с историческим очерком развития гимнастического искусства и в) методику педагогической гимнастики; он же при содействии двух или трех помощников будет руководить всеми практическими занятиями слушателей по гимнастике, фехтованию и плаванию»³.

Таким образом, впервые в России научная постановка преподавания гимнастики была организована в системе военно-учебных заведений.

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7845, стр. 339.

² ЦГВИА, ф. 2-й СПб. военной гимназии, № 315 (Л), св. 400, д. № 10609.

³ Там же, д. № 10634, л. 4.

К концу рассматриваемого нами периода военные гимназии выпускали ежегодно около 600 человек, обеспечивая тем самым в значительной степени контингент приема в военные училища.

Ставя своей задачей дать учащимся широкое общее образование, военные гимназии выгодно отличались от средне-учебных заведений Министерства народного просвещения.

Если Военное министерство привлекало в военные гимназии лучшие силы русских педагогов, самостоятельно разрабатывавших новые методы преподавания и воспитания, то Министерство народного просвещения ставило своей задачей воспроизвести на русской почве западноевропейскую педагогическую систему, и в первую очередь прусскую.

Практическая реализация идей классиков русской педагогики Ушинского и Пирогова в системе военно-учебных заведений, создание Педагогического музея и «Педагогического сборника», значение которых выходило далеко за рамки военно-учебного ведомства, — все это превращало Главное управление военно-учебных заведений в своеобразный центр народного просвещения.

Министерство же народного просвещения не только стремилось следовать западноевропейским образцам, но и насаждать в классических гимназиях учителей иностранцев, с целью чего в 1873 году при Лейпцигском университете была открыта русская филологическая семинария.

Эти учителя, принадлежавшие в большинстве своем к искателям приключений и любителям легкой наживы, отнюдь, конечно, не являлись хорошими педагогами. Без серьезного знания русского языка, с большой долей самомнения, с презрением к стране и народу, которых они не знали, таковы были эти «специалисты», которым вверялось воспитание русского юношества.

Не случайно выдающийся русский педагог Ушинский предпочел дать своему сыну воспитание в военной гимназии.

Наряду с военными гимназиями в 1868 году были созданы и военные прогимназии на основе преобразования военно-начальных школ. Военно-начальные школы в свою очередь возникли в конце 1866 года из училищ военного ведомства, преобразованных в 1858 году из батальонов военных кантонистов.

В конце 1866 года часть училищ военного ведомства была упразднена, а другая переименована в военно-начальные школы, за исключением Петербургского, преобразованного в Военно-чертежную школу, и учительских классов Московского училища, превращенных в Учительскую семинарию военного ведомства.

Согласно положению 24 декабря 1866 года, военно-начальные школы должны были служить подготовительными заведениями для комплектования специальных военных школ: Технической, Пиротехнической, Военно-чертежной, Военно-фельдшерской и Учительской семинарий военного ведомства. Кроме того, часть воспитанников, оканчивавших школы, должна была выпускаться в части войск писарями 2-го разряда с обязательством прослужить в военном ведомстве не менее 6 лет.

Однако вскоре выяснилось, что «...назначение военно-начальных школ не согласуется уже с выяснившимися ныне потребностями военного ведомства, вследствие чего утилитарная цель сих заведений необходимо должна была измениться»¹.

---

¹ „Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1868 год“ Отчет Главного управления военно-учебных заведений, СПб., 1870, стр. 41.

Действительно, специальные военные школы имели возможность укомплектовываться «со стороны», помимо военно-начальных школ. Обеспечение армии писарями достигалось открытием специальных писарских классов при резервных батальонах. Таким образом, в соответствии с этим военно-начальные школы в 1868 году были преобразованы в военные прогимназии.

«Военные прогимназии, — говорилось в докладе по Военному министерству 1 января 1869 года, — заведения общеобразовательные низшего разряда, преимущественно назначенные для воспитания детей офицеров и чиновников военного ведомства. Курс учения так сообразен, чтобы воспитанники, желающие посвятить себя строевой службе, могли поступать в юнкерские училища, с лучшим подготовлением, чем большинство тех молодых людей, которыми ныне комплектуются эти училища. Воспитанники же, не чувствующие в себе призвания к строевой службе, могут доканчивать свое образование в специальных школах или определяться в нестроевые должности по военному же ведомству»¹.

Следовательно, основным назначением военных прогимназий являлась подготовка контингента поступающих в юнкерские училища.

В военные прогимназии принимались в первую очередь дети офицеров и чиновников военного ведомства, а также и лиц, пользующихся правами вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов. Таким образом, и военные прогимназии, хотя формально и не носили сословно-дворянского характера, но все же предназначались в основном для детей привилегированных классов.

Помимо указанного контингента, в военные прогимназии переводились также и воспитанники военных гимназий, оказавшиеся неспособными усваивать гимназический курс.

С другой стороны, успешно оканчивавшие курс военных прогимназий переводились в военные гимназии, при условии принадлежности их к потомственному дворянству.

Учебный курс прогимназий состоял из 4 классов, соответствуя по объему курсу уездных училищ.

В 1868 году было создано 8 военных прогимназий с общим контингентом в 2.300 человек. Следовательно, военные прогимназии могли ежегодно готовить для поступления в юнкерские училища 400—500 чел.

На особом положении находилась Вольская прогимназия, предназначенная для исправления нравственно испорченных детей, переводившихся туда из военных гимназий и прогимназий.

В этой прогимназии существовал специальный режим, причем особое внимание было обращено на внеклассные занятия различными ремеслами и особенно земледельческими работами.

* * *

Преобразование военно-учебных заведений являлось неразрывной частью военных реформ 60 — 70-х годов, отражавших эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию.

Наряду с общими причинами, требовавшими преобразования русской армии, наиболее ярко обнаружившимися в период Крымской войны, реорганизация военно-учебных заведений определялась в первую очередь политическими соображениями. Рост революционных

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 11, стр. 84—85.

настроений среди военной молодежи, по мнению Военного министерства, являлся в значительной степени результатом несовершенства военно-учебных заведений.

Реформы военно-учебных заведений ставили своей задачей подготовку преданных царизму офицеров, способных выполнять роль командиров в новых условиях ведения войны.

Разработанная и осуществленная Военным министерством система образования офицеров являлась значительным шагом вперед по сравнению с дореформенными порядками, обеспечивая в известной мере подготовку командных кадров.

Реорганизация военных академий, ставившая своей целью придать высшему военному образованию практический характер, способствовала лучшей подготовке офицерских кадров высшей квалификации. Однако количество слушателей военных академий было настолько ничтожно, что далеко не удовлетворяло потребностей армии в офицерах с высшим военным образованием.

Ликвидация кадетских корпусов, соединявших в себе как общее, так и специальное военное образование, имела большое значение.

Военные училища, созданные в результате реформы, выгодно отличались от специальных классов кадетских корпусов своей чисто военной организацией, лучшей постановкой преподавания, а также и значительно большим объемом требований.

Однако объем этих требований в размере, предъявляемом к командирам полков, был непомерно велик, что отрицательно сказывалось на подготовке офицеров, оканчивавших военные училища.

Серьезным недостатком всей системы военного образования являлось отсутствие краткосрочных школ или курсов для подготовки старших офицеров к занятию командных должностей.

Именно вследствие этого Военное министерство и строило курс военных училищ в соответствии со знаниями, необходимыми командирам полков.

Кроме того, надо отметить, что количество офицеров, выпускавшихся из военных училищ, далеко не удовлетворяло потребностей армии, даже по штатам мирного времени.

Если в пехоте и кавалерии это компенсировалось выпусками из юнкерских училищ, то проблема обеспечения офицерским составом артиллерии и инженерных войск оставалась нерешенной. Большая часть офицеров артиллерийских и инженерных частей не имела специального образования.

Создание юнкерских училищ вносило серьезные улучшения в дело подготовки офицеров. В результате открытия их производство в офицеры лиц, не имевших никакого военного образования, было прекращено. Несмотря на сравнительно небольшой объем учебного курса, юнкерские училища обеспечивали более или менее удовлетворительно подготовку младшего офицерского состава.

Благодаря организации юнкерских училищ вопрос об укомплектовании армии офицерами по штатам мирного времени в середине 70-х годов был в основном решен.

Военные гимназии, созданные в результате реорганизации кадетских корпусов, обеспечивали в значительной степени контингент поступивших в военные училища.

По своей организации военные гимназии носили гражданский характер, что объяснялось стремлением Военного министерства обеспечить более широкий кругозор командных кадров.

Реорганизация военно-начальных школ в военные прогимназии вносила некоторые улучшения в постановку начального военного образования, обеспечивая в известной мере контингент поступавших в юнкерские училища.

Реформа военно-учебных заведений ставила своей целью создание кадров достаточно образованных и подготовленных в военном отношении офицеров. Однако эта задача не могла быть решена в условиях самодержавно-дворянского государства.

Военное министерство во главе с Милютиным не способно было коренным образом изменить систему подготовки офицерских кадров.

К тому же, как сам Александр II, так и многочисленные представители реакционного лагеря всячески противодействовали реорганизации военно-учебных заведений.

Военно-учебные заведения сохраняли попрежнему дворянско-сословный характер, что в свою очередь определяло преобладание дворянства в составе офицерского корпуса.

Глава VII

РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК В 70-Е ГОДЫ

Первое десятилетие после отмены крепостного права характеризовалось серьезными социально-экономическими сдвигами, приведшими к дальнейшему развитию капитализма в России.

«После отмены крепостного права, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие это развитие»¹.

Если в первые годы после отмены крепостного права народное хозяйство довольно медленно перестраивалось на новый лад, то уже и в этот период наблюдался во всех его отраслях процесс относительно быстрого развития капиталистических отношений. Этот процесс находил свое выражение в первую очередь в дальнейшем развитии внутреннего рынка, а также и росте внешней торговли. Уже через два года после реформы — в 1863 году — ярмарочный оборот составлял 460 миллионов вместо 360 в 1861 г.².

Цифры баланса внешней торговли также дают значительное увеличение. Если за пятилетие с 1861 г. по 1865 год вывоз составил 225.852 тыс. руб., а ввоз — 206.703 тыс. руб., то в следующее пятилетие — с 1865 по 1870 год — вывоз равнялся 317.344 тыс. руб., а ввоз — 317.753 тыс. руб.³.

Большое значение в развитии внутреннего рынка имел рост железных дорог, а также и коммерческого кредита.

В 1861 г. общая протяженность железных дорог в России составляла 1.492 версты, а к 1871 г. она выражалась в 10.090 верст⁴. За период 60-х годов были построены важнейшие железнодорожные линии: Москва — Курск — Харьков — Ростов н/Д, Москва — Козлов — Воронеж, Орел — Рига, Москва — Нижний. Закончено строительство Петербургско-Варшавской железной дороги⁵. Значительно увеличились и перевозки грузов по железным дорогам. Если за пятилетие с 1865 по 1869 г. было перевезено 377 млн. пудов грузов, то за следующее пятилетие (1869—1874) перевозки грузов выразились в 978.601.000 пудов⁶.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

² П. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, стр. 121.

³ «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. Покровского, 1902, стр. XXXIV.

⁴ Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 год включительно, вып. 2, СПб., 1898. Приложение, табл. I.

⁵ Там же, табл. III.

⁶ А. Билимович. Товарное движение на русских железных дорогах, Киев, 1902, стр. 2.

Большое развитие получил в первом десятилетии после реформы и коммерческий кредит. К 1870 году была создана довольно развитая сеть кредитных учреждений. К этому времени существовало, помимо Государственного банка, 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного кредита, 163 городских банка и 16 ссудосберегательных товариществ.

Все это в значительной степени способствовало развитию как внутренней, так и внешней торговли.

В сельском хозяйстве процесс развития капитализма находил свое выражение в том, что оно все более и более втягивалось в товарно-денежные отношения.

«Основная черта пореформенной эволюции земледелия, — писал В. И. Ленин, — состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер»¹. Это в свою очередь обуславливало процесс капиталистической дифференциации деревни. «Крестьянство, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — самый многочисленный класс дореволюционной России, распадалось, расслаивалось. В деревне из наиболее зажиточных крестьян выделялась кулацкая верхушка, деревенская буржуазия, а, с другой стороны, многие крестьяне разорялись, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев»².

Однако наличие феодально-крепостнических пережитков тормозило процесс капиталистического развития деревни и вместе с тем обуславливало нищенский жизненный уровень крестьянства.

К началу 1870 года лишь 68% крестьян были переведены в разряд «крестьян-собственников», остальные 32% оставались «временно-обязанными»³.

В результате реформы, являвшейся «бессовестнейшим грабежом крестьян»⁴, значительно уменьшилось количество земли, находившейся в их пользовании. В отдельных губерниях, как, например, Саратовской, у крестьян было отрезано 37,9% фактически принадлежавших им земель. В Самарской губернии этот процент достигал 41,8. У значительной части крестьян земельный надел составлял менее одной десятины на душу. Так, например, в Тамбовской губернии процент таких крестьян составлял 12,19, а в отдельных уездах достигал 27,9. В Воронежской губернии этот процент составлял 17,46, а в Новохоперском уезде — 85,9⁵.

К тому же налоговая политика самодержавно-дворянского государства всей своей тяжестью ложилась на плечи крестьянства, что в значительной мере способствовало массовому обнищанию его.

«... в черноземной трехпольной полосе, — писал известный статистик Янсон, — платежи бывших государственных крестьян составляют от 30 до 148% доходности, повторяем, фиктивной, земли по земским оценкам, а у бывших помещичьих превосходят ее от 24% до 124% при среднем наделе и до 200% при низшем»⁶. В нечерноземных губерниях этот процент был еще выше.

В области промышленного развития первое десятилетие после реформы характеризовалось главным образом перестройкой промышленных

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 267.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 7—8.

³ «Военно-статистический сборник», вып. IV, отд. 1, СПб., 1871, стр. 194.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94.

⁵ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. I, СПб., 1880, стр. LXIII, LXV.

⁶ Ю. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, 1871, стр. 86.

предприятий, приспособлением их к новым экономическим условиям. В силу этого рассматриваемый период не характеризовался резким увеличением выпуска продукции. Однако и в этот начальный период пореформенного развития в ряде отдельных отраслей промышленности были заметны серьезные сдвиги. Значительно увеличивается добыча угля в Донском бассейне. Если в 1863 году добыча составляла 105 тыс. тонн, то в 1873 году — 616 тыс. тонн¹. Быстро развивается и нефтедобыча. Создание новых сталелитейных заводов (Мотовилихинского, Обуховского) несколько увеличивает производство стали. В 1860 году процент производства стали по отношению к железу составил 0,8, в 1870 году он достигает 3².

Если первое десятилетие после отмены крепостного права и не характеризовалось, как говорилось выше, существенными изменениями объема продукции, то именно в этот период были созданы условия для дальнейшего развития промышленности на капиталистических началах.

Развитие капитализма обусловило возникновение нового общественного класса — пролетариата.

С момента отмены крепостного права «...условия жизни массы народа, — писал В. И. Ленин, — подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих... Все большая и большая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства... образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы»³.

Таким образом, отмена крепостного права вызвала серьезные изменения в социальном составе населения.

* * *

Крестьянская реформа, сохранившая крепостнические пережитки, не могла ликвидировать противоречий феодального общества. Ограбление крестьянства в результате отмены крепостного права, налоговый гнет, бесправное положение крестьян, — все это обуславливало обострение классовых противоречий и рост крестьянского движения.

Выразителем интересов крестьянства в начале 70-х годов выступает революционное народничество со своей теорией «крестьянского социализма», реакционно-утопической по своему содержанию. Развитие капитализма обостряет противоречия между трудом и капиталом. Выражением этого являлось рабочее движение, получившее уже в самом начале 70-х годов сравнительно большое распространение. Уже в 1870 году происходит 17 стачек рабочих, в частности стачка на Невской бумагопрядильне, явившаяся определенной вехой в истории рабочего движения. В 1872 г. происходит крупная стачка на Кренгольмской мануфактуре, подавленная вооруженной силой. В 1875 году создается в Одессе первая рабочая организация «Южнороссийский союз рабочих».

Таким образом, начало 70-х годов характеризовалось, с одной стороны, обострением крестьянского движения, а с другой, — началом самостоятельной борьбы пролетариата.

---

¹ С. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР, 1935, стр. 77.

² Там же, стр. 270.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 83—84.

Политика правительства на протяжении 60-х годов характеризовалась все большим усилением реакционного курса.

Это определялось стремлением царизма упрочить свое господство в условиях нарастания классовых противоречий в пореформенный период.

Реакционный курс особенно усиливается в начале 70-х годов, с новым подъемом революционного движения.

Выражением этого являлось непрерывное усиление административно-полицейских репрессий, не встречавших каких-либо реальных проявлений недовольства со стороны либеральных слоев господствующего класса, напуганных ростом революционного движения в стране.

В области внешней политики конец 60-х и начало 70-х годов характеризовались продвижением в Средней Азии и оживлением интереса к балканским делам. Вместе с тем значительно усиливаются происки английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке.

Серьезным фактором, изменившим соотношение сил в Европе, явилось образование Германской империи, обнаружившей с самого начала своего существования агрессивные намерения.

Такова краткая характеристика экономической и социально-политической обстановки в России в начале 70-х годов.

Обострение классовых противоречий в стране, с одной стороны, внешнеполитические задачи царизма — с другой, а также военная угроза со стороны милитаристической Германии и Англии, — все это обуславливало дальнейшее усиление одного из основных орудий государственной власти — армии.

Экономические изменения, происшедшие в стране, — развитие промышленности, рост железнодорожной сети, создали для этого определенные условия.

* * *

Основной вопрос реорганизации русских вооруженных сил, обуславливавший быстрое развертывание их во время войны, не был решен реформами 60-х годов — комплектование войск попрежнему производилось путем рекрутских наборов.

Отбывание военной службы являлось уделом лишь податных сословий, и значительная часть населения, около одной пятой части, была освобождена от рекрутской повинности. Вследствие этого армия не была обеспечена людским запасом, необходимым для ее развертывания.

Международная обстановка конца 60-х годов, характеризовавшаяся значительным ростом вооружений в ряде европейских государств, дала возможность военному министру поставить вопрос о необходимости увеличить обученный людской запас.

Так, в докладе по Военному министерству 1 января 1869 года указывалось на необходимость увеличения штатов армии военного времени «ввиду колоссальных вооружений других европейских государств». В более конкретной форме эта мысль была выражена в следующем докладе — 1 января 1870 года: «...будет ли достаточна численность нашей армии, — указывалось в нем, — даже в полном ее составе по военному времени ввиду тех громадных вооруженных сил, которые образуются из массы вооруженного народа во всех европейских государствах, не исключая даже и Турцию? Вопрос этот уже был слегка затронут и в прошлогоднем всеподданнейшем докладе... Но вопрос этот столь важен и касается столь многих государственных интересов, что требует отдельного рассмотрения, и потому не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть, чтобы по этому предмету представлена была особая

записка, которая могла бы быть подвергнута всестороннему обсуждению в комиссии из некоторых лиц, наиболее пользующихся вашим доверием в важнейших делах государственных»¹.

Против этого пункта в докладе Александром II была сделана пометка: «Согласен».

В первой половине 1870 года в Военном министерстве была составлена обширная записка «Данные для оценки вооруженных сил России»².

В этой записке давался подробный обзор как состояния вооруженных сил России и главнейших европейских стран, так и политического положения Европы за последние 20 лет. Говоря об изменениях, происшедших за данный период, автор записки указывал на изменение отношений к России со стороны ряда европейских держав и возросшую в связи с этим военную опасность.

«...Помимо сильного государства, отделенного известною политическою границею, Европа увидела в России едва ли еще не более сильный русский народ... богатый всеми экономическими и нравственными дарами, а главное — с такими племенными связями, которые далеко переходят за политическую его границу, проникают до Эльбы и адриатических вод и обеспечивают за ним, как за главой всех славянских народов, неотразимое могущественное влияние не только на будущие судьбы Европы, но и всего света.

Выдвинувшееся значение русского народа вызвало в Европе новых для нас друзей и союзников, но еще более увеличило массу наших врагов...»³.

Таким образом, внешнеполитическая обстановка, по мнению автора, требовала проведения ряда мер, необходимых для укрепления обороны страны. Автор подробно останавливался на росте вооружений крупнейших европейских держав и в первую очередь Пруссии, характеризуя при этом изменения, происшедшие в организации армий этих государств.

Сопоставляя вооруженные силы России с состоянием армий ряда западноевропейских государств, автор приходил к выводу, «...что наша армия едва ли может быть признана вполне достаточной для обороны и едва ли еще не менее для наступления»⁴.

В соответствии со всем этим Военное министерство приступило к предварительной разработке новых принципов комплектования армии, а в августе того же года было «испрошено высочайшее повеление» возложить на комиссию по составлению рекрутского устава подготовку нового устава о личной воинской повинности.

«При этом имелось в виду, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях», — отменю множества устарелых положений прежнего рекрутского

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 1-я, д. № 13 л. 10.

² Записка эта, переписанная писарским почерком, сохранилась в материалах, секретного совещания 1873 г. (ЦГВИА, ф. ВУА 79038). Авторство ее, повидимому, принадлежит Н. Н. Обручеву; на полях этого документа имеются пометки и исправления, написанные его рукой.

³ Там же, л. 59 — 60.

⁴ Там же, л. 133. Небезынтересно отметить, что в этой записке автор, характеризуя систему всесословной воинской повинности, писал: „Возвысив привлечением к военной службе всех классов нравственное достоинство армии, общеобязательная личная повинность вместе с тем достигла и того условия, что в войсках стали сохраняться все нужные элементы, в том числе и наиболее консервативные (подчеркнуто автором. — И.З.), имеющие всегда преобладающее влияние на поддержание государственного духа войск“ (л. 118).

устава, носившего отпечаток отмененного крепостного права, разложить тягость воинской повинности по возможности на большую массу населения и тем облегчить бремя для той доли его, на которой оно лежало дотоле.

Задача была щекотливая. При наших сословных привилегиях и разнообразных, дарованных в разное время льготам тем или другим категориям населения, какой принять критерий в новой законодательной работе для проведения черты, до которой могла быть распространена обязательность воинской службы? Насколько современные понятия и дух времени допускали коснуться традиционных привилегий и льгот, без опасения возбудить крик в лагере наших консерваторов?»¹.

Действительно, преодолеть сопротивление реакционных кругов было бы нелегко, если бы внешнеполитические события не помогли в этом. Молниеносный разгром Франции осенью 1870 года произвел большое впечатление в России.

«Тогда поняли и у нас, — писал Милютин, — как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Забота о сокращениях и сбережениях отодвинулась... на задний план; заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»².

Необходимость радикальных изменений в составе вооруженных сил стала ясна многим.

Осенью 1870 года член Государственного Совета П. А. Валуев, вернувшись из-за границы, где он явился непосредственным свидетелем быстрой мобилизации прусской армии и последующих военных событий, в разговоре с Милютиным выразил ему не только полное сочувствие в вопросе об изменении рекрутского устава, но пошел даже далее, высказав мысль о необходимости введения всеобщей воинской повинности.

В ответ на слова Валуева о распространении воинской повинности на все сословия без исключения Милютин сказал: «...что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой»³.

Милютин убедил Валуева представить записку по этому поводу Александру II от своего имени.

Действительно, через несколько дней Валуев прислал Милютину записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах».

«Заглавие настоящей записки, — писал Валуев, — уже показывает, что я не имею притязания касаться вопросов специально военных. Но есть другая точка зрения, с которой и мирному гражданину может быть дозволено коснуться общего вопроса об устройстве отечественных военных сил. Это в особенности позволительно и естественно в настоящее время ввиду событий уже совершившихся и еще продолжающих совершаться на Западе Европы...»⁴.

Далее автор подробно останавливался на проведении мобилизации в Пруссии и анализе причин успеха германской армии. «Но успехи гер-

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7850, стр. 91—92.

² Там же, стр. 89—90.

³ Там же, стр. 94—95.

⁴ Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Валуева, опись-картотека, д. № 38, л. 3—4. Эта записка хранится также и в фонде Д. А. Милютина (отд. рук. ГБЛ, М. 8048).

манского оружия не могут быть исключительно приписаны быстроте вооружений, — писал Валуев. — Другие залогов этих успехов заключались в числительности германских армий и самом их составе... значительная часть населения страны проходит через школу военной службы. Это последнее обстоятельство имеет разнообразные и весьма важные последствия. Военная служба становится одной из форм элементарного народного образования...»¹.

Установив, что успехи германского оружия объясняются в конечном счете системой воинской повинности, автор указывал на необходимость изменения в России существующего порядка призыва в армию, подчеркивая, что частичные изменения рекрутской системы не разрешают полностью вопроса об обеспечении обороноспособности государства.

Если вопрос о создании необходимого обученного запаса людей, по мнению Валуева, и мог быть решен путем некоторых изменений рекрутской повинности, то они не смогут обеспечить нужного для армии комплекта офицеров не только для военного, но и для мирного времени.

«Достижение этой цели, — указывал в своей записке Валуев, — возможно только при распространении обязанностей военной службы, хотя бы с некоторыми ограничениями, на сословия, ныне по закону от этой обязанности изъятые. Ввиду событий нынешней войны и под свежим влиянием произведенного ими впечатления, едва ли к сему не представляется весьма удобный момент. Мотивы к развитию, на обновленных основаниях, военных сил государства так очевидны, что они всеми будут усмотрены. С одной стороны, безопасность России требует, чтобы ее военное устройство не отставало от уровня военных сил ее соседей. С другой, предстоит явная необходимость в бережливом производстве военных расходов. То и другое возможно в совокупности только при такой системе, которая допускала бы наивозможно меньшее наличие войск в мирное время, при наивозможно большем наличии во время войны»².

Наряду с этим введение всесословной воинской повинности имело, по мнению Валуева, и «другие выгоды». «В школе строевой службы, — писал он, — заключаются средства образования более надежные или по крайней мере более безопасные, чем те, которыми ныне могут пользоваться многие лица средних состояний»³.

5 октября Милютин по просьбе Валуева передал эту записку после своего очередного доклада Александру II, а через день получил ее обратно со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут проводиться в исполнение по мере возможности»⁴. Таким образом, первым поставившим прямо вопрос о введении всесословной воинской повинности, хотя и с некоторыми оговорками, был Валуев.

7 октября Милютин получил от Александра II разрешение представить ему письменный доклад по этому вопросу.

В течение октября в Главном штабе шла подготовительная работа: собирались необходимые данные, делались предварительные расчеты как по предполагаемому уставу о всесословной воинской повинности, так и по вопросу о развитии вооруженных сил.

В этой работе непосредственными помощниками Милютина являлись начальник Главного штаба гр. Гейден и генералы Обручев и Мещеринов.

¹ ЦГИАЛ, ф. Валуева, опись-картотека, д. № 38, л. 6—8.

² Там же, л. 9—10.

³ Там же, л. 10.

⁴ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7850, стр. 96.

В первых числах ноября Милютиным был представлен «всеподданнейший» доклад, в результате которого 4 ноября последовало «высочайшее повеление», опубликованное на другой день в «Правительственном вестнике».

В этом «повелении» указывалось на необходимость создания резервных и запасных войск, призываемых во время войны. Далее говорилось о сокращении сроков военной службы, что может быть достигнуто путем привлечения к военной службе всего населения.

В связи с этим предлагалось военному министру составить «...предположения об устройстве запасных частей армии и распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых условий, на все вообще сословия в государстве»¹.

Таким образом, была намечена обширная программа действий: не только введение всесословной воинской повинности, но и серьезная реорганизация вооруженных сил.

Для осуществления намеченных мероприятий было предложено создать две комиссии: одну — по уставу о воинской повинности, другую — по устройству вооруженных сил.

Через несколько дней, 7 ноября, Милютин представил Александру II две обширные записки: «О развитии наших вооруженных сил» и «О главных основаниях личной военной повинности».

Остановимся первоначально на вопросе о развитии вооруженных сил, т. е. реорганизации армии, а затем рассмотрим ход подготовки всесословной воинской повинности.

* * *

В записке «О развитии наших вооруженных сил» военный министр, характеризуя армию, составлявшую по штатам военного времени вместе с иррегулярными войсками 783.000 человек², писал: «Силы эти были бы вполне достаточны для обеспечения такого государства, которое не имело бы столь невыгодного, как Россия, географического положения, и если бы всю исчисленную массу войск можно было бы направить против угрожающего врага. Но, к сожалению, — продолжал он, — при растянутом очертании наших границ, при беззащитном положении морских берегов, наконец, при сомнительном расположении населения некоторых пограничных областей, мы должны при каждой войне оставлять в бездействии более или менее значительную часть наших полевых войск, независимо от расположенных на всем протяжении империи войск местных. Таким образом, для действий на Главном театре войны против неприятельской армии, — указывал Милютин, — оказывается возможным сосредоточить только от 500 до 600 тысяч человек, что, конечно, не может быть признано достаточным для ограждения государства от вторжения миллионной армии, которую может ныне выставить одна Германия, даже без других союзников»³.

Придя, таким образом, к заключению о недостаточности вооруженных сил, военный министр далее ставил вопрос о том, каким путем вы-

---

¹ „Правительственный вестник“ № 237, 5 ноября 1870 г.

² Не считая войск Кавказского, Оренбургского, Туркестанского и двух Сибирских округов.

³ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 2. По данным, приводимым в этой же записке, вооруженные силы Германии составляли до 1.150 тыс., Австрии — до 1 миллиона, Турции — до 700 тыс. человек.

годнее увеличить вооруженные силы: увеличением ли состава армии в мирное время, либо большим развитием ее численности в военное, или, наконец, — формированием в военное время новых частей, или нового разряда вооруженных сил, типа прусских резервов — ландвера — или ополчения.

Первый путь — увеличение постоянной армии — решительно отвергался им. Второй — увеличение состава существующих частей по штатам военного времени — также отвергался: установление слишком большой разницы между мирным и военным составом, по мнению военного министра, привело бы к тому, что «...армия наша увеличилась бы в численности своей в ущерб достоинству ее»¹, так как должных условий, необходимых для обеспечения этого увеличения, налицо нет.

К тому же, по мнению Милютин, это и не дало бы ощутимых результатов; так, например, формирование во всех полках в случае войны четвертых батальонов увеличило бы армию всего лишь на 188 тыс. человек.

Отвергнув таким образом эти пути, Милютин приходил к выводу, что «Новые силы должны быть созданы отдельно от полевой армии, вне зависимости от тактических ее единиц. Размер же всех сил должен быть, по крайней мере, настолько широк, чтобы с устройством их все наши полевые войска сделались вполне свободными для употребления на решительном театре действий; не были бы отвлекаемы уже никакими второстепенными военными операциями... и даже в случае значительных потерь обеспечивались бы безостановочным и вполне подготовленным пополнением.

В соседних государствах, — писал военный министр, — подобные вспомогательные силы довольно близко подходят к численности их *действующих* армий. Поэтому и нам, по размеру нашей европейской армии, следует иметь вспомогательную силу, не менее как в 600 тысяч человек.

Таким образом, — резюмировал он, — нам предстоит создавать не отдельные лишь батальоны и части, а целую резервную или запасную армию»².

Переходя к вопросу о том, что должна представлять собою резервная армия, Милютин указывал, что несмотря на огромное значение народного ополчения, оно все же далеко не соответствует задачам, возлагаемым на резервы.

Следовательно, резервная армия может быть создана лишь из лиц, проходивших срок службы в армии.

Далее в записке указывалось, что при существующей системе рекрутского набора 4 человек с 1000 душ, что составляло ежегодный рекрутский контингент в 106 тыс. человек, не только не удастся обеспечить обученными кадрами резервную армию, но даже полностью удовлетворить потребность в пополнении действующих войск по штатам военного времени.

Исходя из этого, говорилось о необходимости увеличить ежегодный контингент набора до 6 чел. с 1000 душ, что составило бы до 160 тыс. рекрут. При этих условиях в течение 15 лет образовался бы кадр людей, получивших военную подготовку, в количестве до 1.900 тыс. человек. Полагая, что действующие войска, флот и пограничная стража, вместе взятые, по штатам военного времени составят цифру 1.263 тыс. человек, остальные 600 с лишним тысяч будут являться кадрами для резервной

---

¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 4.

² Там же, стр. 7.

армии. При этом Милютин указывал, что увеличение контингента призываемых должно быть связано с известным облегчением для населения отбывания военной повинности, имея в виду как более равномерное распределение этой повинности на все сословия, так и сокращение сроков действительной службы. Далее автор записки переходил к вопросу об устройстве резервной армии, указывая на необходимость содержать в мирное время ее кадры.

Благодаря этому «...по первому же призыву резерв будет быстро собран, обмундирован, вооружен и двинут по назначению правильно устроенными тактическими единицами, готовыми к делу»¹.

По мнению военного министра, далеко не все роды войск должны быть одинаково представлены в резервной армии, а именно — наибольшее развитие должны получить резервы пехоты и пешей артиллерии. Для кавалерии и конной артиллерии в связи с наличием казачьих частей считалось нецелесообразным формировать новые резервные части. Также указывалось на отсутствие необходимости формировать резервные инженерные части.

Кадры резервной армии, по мнению Военного министерства, должны были быть созданы на базе местных войск, расположенных лишь в Европейской России, так как представлялось нецелесообразным развивать резервную систему в Сибири и других азиатских окраинах.

«При образовании кадров для новых резервов пехоты, — говорилось в записке, — можно признать достаточным иметь на каждую тысячу резервистов около 100, а вместе с хозяйственным и административным составом — около 150 кадровых. Поэтому, если бы мы могли из общего запаса отпускных уделить собственно для пехоты около 450 тысяч человек, то на них потребовался бы кадр, приблизительно в 70 тыс. человек. Эта цифра, — указывал Милютин, — вполне покрывается существующей численностью местных пехотных войск, и важнейшая часть задачи будет заключаться лишь в том, как достигнуть образования новых кадров без ущерба в отправлении настоящей службы означенных войск...»².

Руководствуясь этими соображениями, предполагалось из губернских и резервных батальонов, расположенных в Европейской России, а также и некоторых уездных команд создать 120 местных батальонов пятиротного состава. Численность местного батальона, по штатам мирного времени, должна составлять 500 человек. Состав же определялся четырьмя линейными ротами и одной стрелковой. В мирное время батальон должен нести местную караульную службу, силами же стрелковой роты обучать рекрут, а также производить периодические сборы отпускных.

В военное же время три роты местного батальона развертывают в три батальона пятиротного состава, образуя собою резервный полк численностью до 3.050 человек. Две же роты остаются на месте. Одна из них — стрелковая — образует новый местный батальон, который продолжает нести караульную службу, а также обучает рекрут, формируя из них маршевые части, предназначенные для пополнения убыли действующих или резервных войск; другая составляет кадр для формирования двух ополченских дружин³. Таким образом, 120 местных батальонов в случае войны образовывали 120 трехбатальонных полков или

¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 13.

² Там же, стр. 14—15.

³ Численность ополченской дружины должна была составлять 1000 человек.

30 дивизий подвижного резерва¹, 120 новых местных батальонов и 240 ополченских дружин. Численный состав всех этих частей равнялся бы 423 тыс. человек, а вместе с ополчением — 660 тыс. человек².

Наряду с созданием местных батальонов в записке указывалось также и на целесообразность реорганизации крепостных войск, добившись такого положения, чтобы эти войска в условиях военного времени полностью обеспечивали гарнизоны крепостей. В соответствии с этим предлагалось все существующие крепостные полки переформировать в местные батальоны пятиротного кадрового состава, численностью каждый в 500 человек, в военное же время каждую из 4 рот превращать в батальон, а пятую стрелковую роту направлять для усиления крепостной артиллерии.

В результате этого произошли бы следующие изменения: вместо существующих 23 крепостных батальонов общей численностью по штатам мирного времени в 8.170 человек, а военного — в 24.220 человек были бы сформированы 24 местных батальона для крепостей с численностью в мирное время до 12.000 человек, а в военное — до 100 тысяч человек.

Резервы полевой артиллерии также подлежали значительному увеличению.

В организации резервной артиллерии предполагалось применить тот же принцип, что и в пехоте. Существующие резервные бригады, как пешие, так и конные, намечалось привести в четырехбатарейный состав. Каждая батарея этих бригад должна была состоять из пяти взводов, причем имелось в виду, что каждый взвод будет в случае войны служить кадром для 8-орудийной батареи.

Численность этого кадрового взвода должна была равняться примерно 50 чел., а целой батареи — 265 чел.

В мирное время все эти местные батареи должны были бы заниматься подготовкой рекрут, а также периодическими сборами артиллеристов, находившихся в запасе. В военное же время, пополнившись отпускными, четыре взвода переформировывались в четыре полные батареи и выступали бы в поход в составе резервных войск, а на базе пятих взводов сформировывались бы новые местные батареи. На эти батареи возлагалась обязанность обучения рекрут и пополнения потерь действующей артиллерии. Руководствуясь этим, предполагалось вместо имевшихся 16 резервных батарей (12 пеших и 4 конных) со штатами по мирному времени в 3.500 чел. при 40 орудиях, а по военному — в 6.410 чел. при 64 орудиях сформировать 24 местных батареи численностью до 6.360 чел. при 96 орудиях. В военное время эти батареи образовали бы 96 батарей, или 24 резервных артиллерийских бригады численностью в 27.576 чел. при 768 орудиях и 24 местных батареи при 48 орудиях со штатным составом в 3.272 чел.

---

¹ В связи с необходимостью во время войны формировать штабы резервных дивизий в записке указывалось, что для обеспечения числа командиров этих соединений, а также чинов дивизионных штабов „... должно быть сделано в нынешних штатах окружных управлений соответственное добавление генералов, состоящих при командующих войсками, и чинов местных окружных штабов“ (ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 18). Таким образом, кадры штабов резервных дивизий в мирное время должны были находиться в составе военно-окружных управлений.

² В Польше не предполагалось формирование как местных батальонов, так и резервных полков. Отпускные же, призываемые в случае войны, должны были идти на пополнение ряда резервных полков, формируемых во внутренних губерниях.

Вместе с тем предполагалось соответствующим образом реорганизовать резерв артиллерийских парков, дабы обеспечить тем самым снабжение артиллерийских бригад.

«Подобное усиление артиллерии, — говорилось в записке, — хотя и не будет еще в строгой соразмерности с числом формируемых в военное время резервных пехотных полков и дивизий (по числу коих следовало бы иметь 30 артиллерийских бригад), но во всяком случае может считаться достаточным, так как не все резервные дивизии могут получить боевое назначение, и притом ни одна из европейских армий не будет уже нас превосходить числом полевых орудий»¹.

Организация кавалерийских и инженерных резервов не подвергалась никаким изменениям. Предполагалось лишь несколько увеличить как людской, так и конский состав резервных кавалерийских эскадронов, а также именовать их в целях единообразия не резервными, а местными.

Инженерные команды, в которых производилось обучение рекрут для этого рода войск, предлагалось называть местными саперными ротами.

В результате предложенной реорганизации численность войск в военное время через определенный срок значительно возросла бы и представляла бы собою в случае войны следующее: а) боевые подвижные войска (действующие и резервные) — 1.234.460 чел., гарнизоны крепостей — 136.920 чел.; местные войска — 100.720 чел.; государственное ополчение — 240.000 чел.; общие вспомогательные части — 49.330 чел., всего 1.761.430 чел. По расчетам Военного министерства, в течение 15 лет общее количество обученных людей должно было составить 1.910 тыс. человек, в то время как для укомплектования армии и ополчения по штатам военного времени (за исключением офицерского состава) потребовалось бы 1.708 тыс. Излишек в 202 тыс. человек, по мнению военного министра, являлся бы вполне достаточным для пополнения действующих частей на первый период, устраняя тем самым излишнюю торопливость в деле подготовки призываемых рекрут.

Далее намечались сроки реализации программы новой организации армии.

Указывая, что образование резервной армии может полностью осуществиться лишь через 15 лет, военный министр настаивал на необходимости немедленно приступить к реализации этой программы, так как с «...устройством кадров для будущей резервной армии... и обеспечением материальной ее части... даже и без полного комплекта отпусковых, наше положение тотчас же усилится...»².

В записке подробно рассматривался вопрос об обеспечении резервной армии офицерскими кадрами, вооружением и запасами обмундирования и снаряжения. Нецелесообразность в условиях мира содержать полное количество офицеров, потребных по штатам военного времени, с одной стороны, а также невозможность разрешить эту проблему в расчете на отставных офицеров, — с другой, приводили к мысли, что «Единственным исходом из этого вопроса представляется тот путь, которым следуют уже все западные государства. Обширный резерв офицеров, — говорилось в записке, — может быть получен только введением общеобязательной военной повинности и предоставлением образованным молодым людям таких при этом преимуществ, которые побуждали бы их в предвидении возможности службы *солдатом* искать звания офицеров

¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 23.

² Там же, стр. 35.

запасных войск, обязывающее их военной службою только в военное время и нисколько не нарушающее их гражданского положения»¹.

Касаясь вопросов вооружения, снаряжения и обмундирования, военный министр настаивал на скорейшем обеспечении резервной армии всем необходимым в ближайшие два года.

В заключение в записке указывалось, что выполнение намечаемой программы потребует значительных средств. «Но едва ли, — говорилось в ней, — есть возможность избежать их. Осторожность требует решиться на все эти пожертвования и притом с возможно меньшим промедлением... Нынешняя война², — говорилось далее, — еще разительнее, чем война 1866 г., убеждает, как опасно государству оставаться неприготовленным к защите. В несколько дней рушилась вся политическая роль Австрии; несколько недель было достаточно, чтобы и Франция пала с высоты своего могущества. Будем верить, что судьба нашей великой России прочна и незыблема; но можно ли подвергать случайности будущность нашего отечества, не приняв всех мер, какие только возможны, чтобы оградить его политическое достоинство и сохранить ему то перво-степенное место, которое занято им в истории»³.

Таково содержание записки «О развитии наших вооруженных сил», положенной в основу реорганизации армии.

Анализируя этот проект, при всей его кажущейся стройности, нетрудно обнаружить ряд недостатков.

Наиболее слабой стороной проекта являлся вопрос об обеспеченности действующих войск пополнением. Количество обученного запаса, предназначавшегося для пополнения армии в 202 тысячи человек, являлось крайне недостаточным. Не говоря уже о том, что реально цифра эта была бы значительно меньше, так как в записке не принималась во внимание естественная убыль людей запаса. Однако, если руководствоваться даже этой далеко не реальной цифрой, то и она составляла менее 15% от общего количества действующих войск, в то время как на основе опыта предшествующих войн потери действующих войск в первые месяцы войны составляли в среднем 25%.

В результате этого действующие части оказались бы обескровленными, и потребовалось бы частичное расформирование их, что привело бы к уменьшению количества тактических единиц. Обучению рекрут также не уделялось серьезного внимания. 120 рот, выделенных для этой цели, и развертывавшихся в 120 батальонов (путем призыва рекрут) не могли обеспечить должной подготовки пополнения, принимая во внимание и необходимость несения внутренней караульной службы.

Наконец, количество ополчения, проектировавшееся в записке, — 240 дружин в случае войны с европейской коалицией, не могло также обеспечить всю службу по охране тыла. Дальнейшее же формирование ополченских дружин вовсе не предусматривалось проектом.

В начале января 1871 г. организационная комиссия приступила к работе.

В целях более успешной подготовки подлежащих разработке вопросов комиссия подразделялась на девять отделов: 1) «Об организации пехотных частей, служащих кадрами для формирования в военное время резервных и запасных войск»; 2) «Об артиллерийских и инженерных частях»; 3) «О кадрах гвардейских частей»; 4) «О кадрах кавалерии»;

---

¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 36—37.

² Франко-прусская.

³ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, стр. 39—40.

5) «О порядке счисления и призыва чинов запаса»; 6) «Об интендантских и артиллерийских запасах и обозах»; 7) «О казачьих войсках»; 8) «Об иррегулярных милициях»; 9) «О государственном ополчении».

На первых же порах работы в комиссии возник ряд принципиальных возражений против основных положений, изложенных в записке Военного министерства «О развитии наших вооруженных сил».

Мнение свое по этому поводу комиссия резюмировала следующим образом:

«Проект 1870 года, создавая новую организацию подвижного резерва, в количестве 30 дивизий, ставит себе задачею посредством этой одной организации удовлетворить двоякой потребности — усилению состава и численности наших полевых войск и образованию таких вспомогательных частей, которые могли бы взять на себя все второстепенные операции в тылу действующих армий...»

Для удовлетворения первой из этих потребностей организацию резервных дивизий следует признать слишком слабою: во-первых, по незначительности их кадров, а, во-вторых, потому, что организация эта неполна и не имеет в мирное время ничего общего с организацией полевых войск; так что ввести в состав действующих армий резервные дивизии значило бы поставить рядом в боевых линиях войска разного качества, разной боевой подготовки и разной организации. К тому же при недостаточности наших полевых войск, по всей вероятности, понадобилось бы с самого начала войны участие резервных дивизий в перво-степенных боевых действиях, а рассчитывать на одновременную их готовность с полевыми дивизиями едва ли было бы основательно.

Напротив, для удовлетворения второй потребности резервные войска не нуждаются в прочных кадрах, которые могут быть им даны в мирное время не иначе, как в ущерб полноте организации полевых войск... Из всего вышеизложенного возникал вопрос: можем ли мы при предстоящем расширении наших вооруженных сил отступить от пути, уже пройденного всеми другими государствами, и обойтись без увеличения нынешней численности и состава полевых войск, усиливая их в военное время при помощи подвижного резерва, для которого содержались бы сравнительно недостаточные кадры? Или же, наоборот, не будет ли полезнее употребить всевозможные средства для увеличения полевых войск и взамен того ослабить прочность вновь формируемого подвижного резерва, на который и смотреть уже не как на добавку недостающей силы полевых войск, а как на вспомогательную часть армии, исполняющую второстепенные действия?..»¹. Таким образом, комиссия подвергла сомнению основные положения проекта Военного министерства.

Как рассказывал Милютин в своих «Воспоминаниях», у него самого «...запало сомнение в рациональности некоторых из этих начал, так что еще в августе 1871 г. предложены были мною на обсуждение комиссии совершенно новые соображения о выгоднейшем способе решения задачи — увеличивать наши силы в случае войны, не прибегая к формированию новых частей»².

Эти соображения были изложены Милютиным в его записке от 30 августа 1871 г.³, в которой, как он рассказывает, высказывались следующие

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79013. «Доклад о занятиях Комиссии, высочайше утвержденной для составления нового положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении», л. 360.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милюгина, М. 7851, стр. 160.

³ Записка эта не сохранилась ни в фондах ЦГВИА, ни в фонде Милютина.

мысли: вместо формирования в военное время новых резервных войск предполагалось значительно увеличить число пехотных дивизий в мирное время, доведя количество их (без гвардейских и гренадерских) до 64. Половину этих дивизий, расположенных в пограничных районах, содержать в усиленном мирном составе, половину же, дислоцирующуюся во внутренних губерниях, — в кадровом, т. е. в максимально сокращенном. Таким образом, эта записка предполагала развитие вооруженных сил в духе существовавшей организации армии, т. е. достигать увеличения численности войск в случае войны не за счет новых формирований, а главным образом путем усиления существующих частей.

В связи с этим Главному штабу было предложено составить новый проект организации вооруженных сил в Европейской России и на Кавказе. Проект был представлен для обсуждения комиссии в конце 1872 года.

Перейдем к рассмотрению этой записки, положенной в основу всей дальнейшей работы комиссии по организации войск.

«Образ ведения войны, — говорилось в записке, — представляется рядом военных действий, направленных к достижению определенных стратегических целей. Между этими действиями различаются *главные*, направляемые к непосредственному достижению главной стратегической задачи на театре войны, и *второстепенные* — по отношению к первым, имеющие характер *вспомогательный*. К *вспомогательным* действиям могут быть отнесены все военные действия в тылу театра войны, оборона и атака крепостей и других пунктов, охранительная служба в тылу армии, в занятых местностях, устройство и охрана военных путей сообщения и проч.»¹.

Руководствуясь этим, предполагалось все войска подразделить на действующие или полевые, составляющие главную боевую силу, и войска, предназначенные для вспомогательных действий, — вспомогательные или «тыльные». Третий род войск должны составлять запасные войска, на которые возлагалась задача обучения рекрут и формирования из них маршевых команд для пополнения убыли в действующих и вспомогательных войсках.

Наконец, четвертый род войск должны были составлять местные войска, подразделявшиеся на собственно местные, назначением которых являлось несение внутренней службы, и крепостные, составляющие гарнизон крепостей. Кроме того, «в случаях крайнего напряжения» должно было создаваться в помощь армии государственное ополчение.

Обращая внимание на непрерывный рост вооружений главнейших европейских государств, располагавших в случае войны силами свыше трех миллионов, составители записки определяли первую и главную задачу предстоящего преобразования армии в наибольшем развитии ее сил в период войны, не изменяя вместе с тем значительно численности войск, содержимых в мирное время. Второй не менее важной задачей, — указывалось в записке, — является обеспечение для армии постоянного, правильного и безостановочного пополнения убыли чинов ее во время войны, т. е. правильной организации запасных войск.

Указывая, что «Одна из главных особенностей современного образа ведения войны состоит в *быстром пополнении войск, находящихся в мирное время в уменьшенных составах, и в таком же сосредоточении боевых сил на театре действий в самом начале войны*»², определялась и третья.

¹ ЦГЕИА, ф. ВУА, 79013. Записка Главного штаба об устройстве войск 1872 г., л. 4.

² Там же, л. 6.

задача преобразования, заключающаяся в изыскании средств и способов к достижению этой цели. Наконец, четвертая, последняя задача, подлежащая разрешению, заключалась в организации ополчения. В записке далее излагались основные начала организации и устройства войск.

Полевые или действующие войска, в противоположность проекту 1870 г., подлежали некоторому увеличению. Так, количество пехотных дивизий предполагалось увеличить на 10, одновременно с этим уничтожив армейские стрелковые бригады и 4-е батальоны полков Кавказской армии. Вследствие этих изменений общая численность пехоты возрастала всего на 80 батальонов. Пехоте вместо существующих трех мирных составов: кадрового, обыкновенного и усиленного, устанавливалось два: обыкновенный для войск, расположенных во внутренних округах, — 22 ряда во взводе, что составляло 56% штатов военного времени, и усиленный для войск пограничных округов — по 32 ряда во взводе, 75% штатов военного времени. Состав полевой пешей артиллерии усиливался двояким путем — во-первых, формированием 10 артиллерийских бригад для вновь создаваемых дивизий и, во-вторых, усилением состава бригад путем увеличения количества батарей до шести.

Для артиллерии сохранялось три численных состава: военный, усиленный мирный и обыкновенный мирный.

Конно-артиллерийские бригады уничтожались, а батареи их по одной включались в состав кавалерийской дивизии.

Устройство и состав кавалерийских полков оставались без изменения, однако общее количество кавалерийских дивизий увеличивалось почти вдвое (вместо 10—19) путем изменения их состава. Предполагалось состав кавалерийских дивизий ограничить 4 полками: драгунским, уланским, гусарским и казацким.

Состав и устройство полевых инженерных войск не претерпевали никаких изменений.

В соответствии с проектируемыми штатами общее количество полевых действующих войск в мирное время должно было составлять 650.989 чел. (увеличение по сравнению с существующим штатом на 112.816 чел.), в военное же время — 1.095.045 чел. (увеличение на 119.132 чел.)¹. Проект организации запасных, резервных (вспомогательных) и местных войск в значительной степени обусловливался теми новыми принципами комплектования, которые развивались авторами записки Главного штаба, вследствие чего мы и остановимся на изложении этих положений.

«Комплектование войск, — говорилось в записке, — составляло всегда весьма важную задачу в организации армии. Быстрота, с которою при современном образе ведения войны войска должны сосредоточиваться на театре военных действий вполне уже устроенными, требует, чтобы переход их из сокращенных мирных составов в полные производился на местах обыкновенного расположения с возможною скоростью — в несколько дней; с другой стороны, *сплочение частей и нравственный дух их*, поддерживаемые и укрепляемые прежде продолжительною службою, при краткосрочности ее, заставляют в самом порядке комплектова-

---

¹ Цифры заимствованы из „Записки Главного штаба об устройстве войск 1872 г.“, ЦГВИА, ф. ВУА, 79013, л. 71, 72, табл. № 4 и 6.

Имеются в виду лишь войска, расположенные в Европейской России и на Кавказе, не считая также личного состава военных управлений, заведений и специальных комиссий.

ния войска искать средств к водворению в них этих качеств, посредством соединения в частях элементов однородных, сближенных между собою общими понятиями и местными интересами... Требования эти, — говорилось далее, — удовлетворяются, когда каждая часть войск пополняется, по крайней мере в мирное время и при приведении ее на военное положение, людьми тех местностей, где она расположена, и когда поэтому люди одних и тех же местностей постоянно поступают в одни и те же воинские части»¹. Далее отмечалось, что такой порядок комплектования может быть установлен лишь при условии «равного стратегического значения государственных границ, более или менее округленного очертания их, сравнительно небольших размеров территории и в особенности при однородности племенного, религиозного и политического состава населения с равной же густотой населяющего территорию»². Несмотря на то, что в России таких условий не имеется, по мнению авторов записки, это все же не исключает возможности частичного применения данного принципа.

Далее в записке указывалось на целесообразность установления таких принципов комплектования, при которых можно было бы принять за правило, чтобы воинские части комплектовались в мирное время рекрутами из тех местностей, где они расположены, причем этот принцип можно было бы распространить и на случай войны, т. е. пополнять войска запасными также из районов их дислокации. Войска, расположенные в пограничных районах, предполагалось комплектовать в мирное время исключительно рекрутами внутренних губерний, с тем чтобы при мобилизации дополнить их сравнительно небольшим числом отпускных пограничных местностей. Для сохранения во всех войсках такого соотношения между представителями «коренного населения и пограничного» предлагалось при комплектовании всех действующих и резервных войск руководствоваться следующим правилом: все войска должны пополняться рекрутами и отпускными так, чтобы 75% комплектования производить уроженцами внутренних губерний, т. е. русскими, а остальную четверть пополнять жителями пограничных местностей. Для того чтобы части войск имели «однородный сплоченный состав», рекомендовалось, чтобы каждая часть войск комплектовалась рекрутами, по возможности постоянно, из одних и тех же районов, а при мобилизации пополнялась запасными, которые уволены из этих же частей, так, чтобы «...с призывом в войска отпускные находили в них тех же начальников, которых оставили во время увольнения, и потому сами были бы известны этим начальникам и сохраняли бы дух и предания своей части. Но это правило, — говорилось далее, — как оно ни важно, должно применяться таким образом, чтобы соблюдение его не разрушало первых двух вышеизложенных и чтобы действующие части всегда могли в случае необходимости не только изменять свою дислокацию, сохраняя и в мирное время полную возможность перемещения, но чтобы по усмотрению правительства и самый состав их мог быть изменяем по указанию для каких бы то ни было надобностей»³.

В соответствии с этим предполагалось на территории Европейской России создать 250 батальонных участков комплектования, из них 200 внутренних и 50 пограничных, а также расположенных в отдаленных местностях.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79013, л. 13.

² Там же.

³ Там же, л. 14.

Количество внутренних участков должно было соответствовать количеству армейских пехотных полков и служить источником комплектования пехотных и артиллерийских частей. Специальные войска: кавалерия, инженерные части, гвардия и гренадеры комплектуются, как говорилось в записке, выбором соответственных людей из числа призывного контингента.

Остальные 50 участков комплектования должны были быть созданы в пограничных или отдаленных местностях, из населения которых нельзя составлять целые воинские части.

В непосредственной связи с участками комплектования предполагалась и организация запасных войск. В каждом участке комплектования должен быть создан пехотный запасный батальон.

Назначение запасных пехотных батальонов должно было заключаться в следующем: приеме, сборе, обучении и отправке в войска рекрут, а также запасных и ратников, назначенных для пополнения убыли в действующих войсках. Таким образом, запасный батальон являлся бы не только воинской частью, но и определенным военно-административным центром, ведающим комплектованием войск. Состав запасного батальона должен был определяться 5 ротами (4 линейными и одной стрелковой).

Запасные артиллерийские батареи должны были быть созданы также при участках комплектования общим количеством в 60 (из коих 57 пеших и 3 конных), образуя 9 запасных артиллерийских бригад.

Запасные части армейской кавалерии должны были создаваться путем переименования существующих резервных эскадронов в запасные, составив 4 запасные кавалерийские бригады. Гвардейская кавалерия и инженерные войска не должны были иметь запасных частей, в период же войны они оставляли бы на месте по одному эскадрону и саперной роте, которые и получали наименование запасных.

Штатный состав запасных частей для военного и мирного времени устанавливался различный.

Резервные или вспомогательные войска должны были формироваться только в военное время. При каждом из запасных батальонов, расположенных во внутренних участках комплектования, создавался отдельный резервный батальон. Таким образом, общее количество этих резервных частей должно было составлять 200.

Резервные артиллерийские части предполагалось формировать при запасных артиллерийских батареях.

Резервные саперные роты должны были быть созданы путем выделения определенного количества кадров из действующих инженерных частей.

В кавалерии же резервных частей создавать не предполагалось.

Непосредственно к резервным войскам примыкали так называемые местные, делившиеся по проекту на крепостные и собственно местные. Крепостные войска, состоявшие из пехоты и артиллерии, предполагалось содержать в мирное время в количестве 30 крепостных батальонов 5-ротного состава и 50 отдельных артиллерийских рот. В военное же время они разворачивались в 120 батальонов пехоты, составлявших 30 крепостных полков, 200 артиллерийских рот.

Наконец, собственно местные войска предполагалось иметь лишь в отдаленных местностях.

Таким образом, вспомогательные или «тыльные» войска, включая резервные, крепостные и местные, должны были составлять по штатам

военного времени 480.991 чел.¹, а вместе с действующими войсками — 1.576.046 чел.².

Запас армии, по исчислению авторов записки, через несколько лет должен был составить 1.470.000 человек. На укомплектование же всех частей до полного штатного состава и обеспечения убыли в них в раз- мере 25 % требовалось 1.338.000 чел.

Таково содержание записки Главного штаба, переданной на обсужде- ние комиссии по организации войск.

Анализируя эту записку, мы приходим к следующим выводам: един- ственным преимуществом ее по сравнению с проектом 1870 года явля- лось более удовлетворительное решение вопроса об обеспечении попол- нения действующих частей.

Все же остальные вопросы организации войск разрешались запиской Главного штаба менее удовлетворительно, нежели проектом 1870 года.

Во-первых, принцип комплектования армии, представлявший собой несколько видоизмененную прусскую территориальную систему, не соот- ветствовал условиям российской действительности. При обширности тер- ритории и ограниченности путей сообщения подобный принцип компле- ктования значительно замедлил бы развертывание армии, т. е. мобили- зацию ее.

Во-вторых, вопрос о резервных войсках разрешался явно неудовле- творительно. Нельзя признать правильным то резкое разграничение функций действующих и резервных войск, которое предусматривалось запиской. Резервным войскам по существу отводились функции ополче- ния. В условиях войны, особенно войны с коалицией, подобное разгра- ничение функций едва ли могло быть реальным. Опыт предшествующих кампаний (Отечественной войны 1812 г., Восточной 1853—1856 гг.) до- вольно убедительно опровергал подобную точку зрения.

Предусматривавшаяся запиской организация резервных войск (не имевших в мирное время никаких кадров) являлась неудовлетворитель- ной, не отличаясь по существу от организации ополченских дружин по проекту 1870 года. Наконец, общее количество действующих войск, по записке Главного штаба, было значительно ниже, чем это предусматри- валось первоначальным проектом.

Как же отнесся к записке Главного штаба военный министр? В ка- кой мере она отражала его точку зрения? На этот счет мы не имеем ни- каких упоминаний ни в его воспоминаниях, ни в официальных делах Военного министерства.

Мнение Милютина удастся установить путем рассмотрения возра- жений на проект Главного штаба, поступивших в организационную ко- миссию, часть из которых являлись анонимными. Сопоставляя один из этих проектов — записку «Основы для будущего устройства войск», под- писанную буквою «Z» с одним из черновых автографов Милютина, хра- нящихся в его фонде, нам удалось установить полное текстологическое совпадение этих документов.

Таким образом, автором записки, подписанной буквой «Z», являлся сам военный министр³.

Рассмотрим содержание этой записки. В начале ее Милютин оста-

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79713, л. 72, табл. № 9.

² Имеются в виду войска, расположенные в Европейской России и на Кавказе.

³ Черновой автограф содержит на полях следующую пометку: „28 октября 1872 г.“. Наряду с этим автографом, написанным карандашом, в фонде сохранилась и писарская копия его, в конце которой вместо подписи поставлена буква „Z“.

навливаются на характеристике прусской территориальной системы организации вооруженных сил, указывая при этом, что она представляет собой огромные выгоды в отношении быстроты развертывания армии. Однако, отмечал Милютин, несмотря на значительное развитие в Европейской России железных дорог, «...никакие человеческие усилия не в состоянии превозмочь невыгоды нашего географического положения и сделать Россию похожую на Германию. Та система, — продолжал он, — которая там дала блестящие результаты, наименее к нам применима. Положим, что предполагаемый новый порядок комплектования полевых войск и новая организация местных или запасных войск будут так тщательно обдуманы, так искусно соображены, что мобилизация каждой отдельной части в действительности совершится в весьма короткое время, но если части рассеяны по всему лицу Европейской России до Урала и низовий Волги, то какое громадное передвижение предстоит еще исполнить для сосредоточения всех этих сил на угрожаемом пункте наших границ? Если и предположить, что наша железнодорожная сеть еще разорвется, что подвижные средства еще усилятся, то все-таки можем ли мы тягаться с пруссаками и даже с австрийцами в скорости сосредоточения наших сил! Все дороги будут задавлены массами войск, людей, лошадей, грузов с продовольствием, оружием, военными запасами. Никакая человеческая предусмотрительность не предотвратит неминуемого хаоса, — а между тем враги наши уже ворвутся в огромных силах в наши пределы и быть может успеют нанести нам решительные удары или по крайней мере расстроить весь наш план обороны»¹.

Из этого Милютин делал следующие выводы: во-первых, необходимо вовсе отказаться от прусской территориальной системы организации войск и, во-вторых, в целях более быстрого сосредоточения армии изменить дислокацию ее, расположив большую часть войск на западных границах.

Развивая это положение, он считал необходимым распределить все действующие дивизии (40 пехотных, 3 гвардейских и 4 гренадерских) в шести пограничных округах: Петербургском, Варшавском, Киевском, Одесском, Виленском и Кавказском. При этом войска, расположенные в том или ином округе, должны были в случае войны составлять отдельную армию, полевое управление которой формировалось бы из окружного управления данного округа.

Для осуществления подобной передислокации военный министр настаивал на развитии строительства казарм. Далее указывалось на необходимость сведения войск в корпуса либо с началом войны, либо даже «заблаговременно в мирное время».

Переходя к организации резервных войск, Милютин полагал нужным содержать кадры их в мирное время, для чего во внутренних губерниях расположить резервные пехотные и артиллерийские части, развертывающиеся во время войны и выделяющие из себя кадры для формирования запасных войск. Общее количество резервных частей должно было составлять: 80 батальонов пехоты пятиротного состава и 4 артиллерийских бригады по 6 батарей в каждой. На все эти войска должно было быть возложено и обеспечение «внутреннего спокойствия».

Таким образом, проект организации резервных войск, как утверждал и сам автор, по существу являлся воспроизведением проекта 1870 г. Да и рассматривая всю записку Милютина в целом, мы не можем обнару-

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 8038, л. 65—73 (нумерация листов спутана). Печатная записка хранится в ЦГВИА, фонд ВУА, 79013.

жить никаких серьезных изменений по сравнению с указанным выше проектом.

В свете этого вызывает сомнение искренность цитированной нами выше записи Милютина в его «Воспоминаниях», где он утверждал, что у него самого «Запало сомнение в рациональности некоторых из этих начал» проекта 1870 г., вследствие чего и было поручено им главному штабу составить новый проект организации вооруженных сил.

Чем же объяснить, что записка Главного штаба, разработанная по поручению Милютина, находилась в явном противоречии с его собственными взглядами? К сожалению, никакими материалами, дающими возможность прямо ответить на этот вопрос, мы не располагаем. Однако нам представляется возможным выставить следующее предположение, объясняющее подобное противоречие. Повидимому, план реорганизации армии, представленный проектом 1870 г., вызвал недовольство самого Александра II, который и предложил разработать его на других началах, положив в основу прусскую территориальную систему.

Если учесть преклонение Александра II и придворной камарильи перед прусскими военными порядками, то подобное предположение вполне правдоподобно. Ведь ничем иным нельзя объяснить тот факт, что из недр Военного министерства выходит проект, противоречащий взглядам военного министра, а сам он выступает с критикой этого проекта, скрываясь под псевдонимом. Если бы оппозиция проекту Милютина исходила от организационной комиссии, то ему не было бы смысла молчаливо соглашаться с ней и выступать против анонимно. К тому же и состав комиссии исключал, пожалуй, эту возможность: председатель ее — начальник Главного штаба гр. Гейден отнюдь не отличался самостоятельностью и независимостью характера, будучи крайне бесцветной личностью.

Остается остановиться еще на одном вопросе: чем объясняется молчаливое согласие Милютина на разработку проекта, противоречившего его взглядам? Нам представляется, что объяснение этому надо искать в стремлении военного министра сохранить во что бы то ни стало основы созданной им военной системы, подвергавшейся нападкам со стороны группы Бялятинского, а также придворных кругов. Именно вследствие этого, повидимому, Милютин и решил пойти на компромисс в этом вопросе. Компромиссное же решение вопросов было далеко не чуждо его образу действий.

Перейдем к изложению содержания других записок, поступивших на рассмотрение Организационной комиссии.

Сущность «Записки об изменениях в организации нашей армии», составленной профессором Николаевской академии полковником Лобко, сводилась к следующему.

Во-первых, для восстановления соразмерности в силах русской армии и ее ближайших соседей необходимо увеличить численность полевых войск на 16 дивизий. Во-вторых, для пехоты полевых войск сохранить три существующих штатных состава: кадровый, обыкновенный и усиленный, несколько увеличив численные размеры их. В-третьих, в мирное время, помимо полевых войск, на которые возлагается несение как внутренней службы, так и обучения рекрут и отпускных, должна существовать лишь одна категория войск — войска запасные, крайне незначительные по своему составу. Запасные части распределяются по всей территории страны, где имеются источники комплектования. В-четвертых, в военное время кадры запасных войск формируют отдельные запасные батальоны семиротного состава непосредственно на месте ком-

плектования. С этой целью вся территория страны делится на определенное количество участков, достаточных для формирования одного запасного батальона. Однако формирование этих батальонов производится лишь во внутренних губерниях. В пограничных же районах запасные направляются либо на пополнение войск, либо в запасные батальоны внутренних губерний. Общее количество запасных батальонов устанавливалось автором проекта в 370.

В-пятых, в военное время, кроме полевых и запасных войск, формируются также и резервные. В этих целях каждый запасный батальон из своего состава выделяет 5 рот для образования резервного батальона, а оставшиеся две роты должны служить основанием для запасного батальона нового формирования.

И, наконец, в-шестых, никаких крепостных войск как в мирное, так и в военное время не создается.

Наряду с этим полковник Лобко выражал сомнение в возможности применить в России правильную территориальную систему комплектования, как это предусматривалось запиской Главного штаба. «...В законе этом, — писал он, — пришлось бы сделать столько оговорок и исключений, а при применении его допускать такой простор распоряжениям администрации, что подобное положение и нельзя было бы считать законом...»¹.

«Записка об устройстве войск», подписанная буквами *NN*, касалась предложения об особом способе формирования запасных и резервных войск. По мнению автора записки, способ, предложенный в проекте Главного штаба, страдает рядом недостатков, вследствие чего рекомендовались следующие изменения.

Во-первых, для организации набора и сбора запасных принять прежнюю территориальную единицу — уезд, что значительно облегчит и ускорит проведение наборов.

Во-вторых, запасные и резервные батальоны формировать в тех пунктах, где в мирное время расположены полевые войска и имеются вследствие этого соответствующие казарменные помещения. Кроме того, эти пункты расположены обычно удобно в отношении транспортировки войск на театр войны.

В этих целях автор записки и предлагал формирование запасных и резервных частей производить в 89 пунктах Центральной России, в которых в мирное время дислоцируется 120 пехотных полков.

Наконец, последняя записка, «Об организации действующих и резервных войск в России в связи с общеобязательною воинскою повинностью», подписанная буквою *N*, предлагала следующее:

а) сохранить существующее устройство полевых войск, содержа значительную часть их по штатам военного времени, в целях чего упразднить все местные войска и нестроевые команды;

б) резервные и запасные войска формируются лишь в военное время по территориальному принципу.

Таковы проекты, поступившие на рассмотрение Организационной комиссии.

В заключение следует остановиться на записке главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила Николаевича, относящейся к концу 1870, началу 1871 г. и посвященной вопросу военно-окружной системы. Хотя эта записка и не была, повидимому, передана на рассмотрение

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79013. Записка об изменениях в организации нашей армии, л. 132.

Организационной комиссии, однако мы полагаем необходимым рассмотреть ее содержание.

Отмечая положительные стороны военно-окружной системы, которая, по его мнению, «зарекомендовала себя с лучшей стороны» в хозяйственном отношении, автор записки все же настаивал на ее реорганизации. Руководствуясь опытом франко-прусской войны, вел. кн. Михаил Николаевич полагал необходимым в целях более быстрой подготовленности армии к началу военных действий восстановить деление войск на корпуса в мирное время, изъяв их из подчинения военным округам.

«С переходом главного начальствования над действующими войсками к их действительным строевым начальникам — корпусным командирам, — писал вел. кн. Михаил Николаевич, — военно-окружные управления, сохраняя в своем непосредственном ведении все местные войска, а также все хозяйственные управления, обратятся к той деятельности, которая, в сущности, имелась главнейшим образом в виду при введении военно-окружной системы...»¹.

Таким образом, вел. кн. Михаил Николаевич посягал на основы окружной системы, так как изъятие из подчинения военным округам полковых войск сводило бы на нет всю эту систему.

* * *

К концу 1872 г. Организационная комиссия была значительно усилена за счет введения в ее состав ряда командующих военными округами (Гильденштубе, Карцова, Дрентельна, Потапова, Хрущева, Чертова), а также ряда строевых командиров.

Заседания ее в новом усиленном составе начались 28 ноября 1872 г.

Как указывалось комиссией в ее докладе, она отнюдь не ставила своей целью рассмотрение всех деталей преобразования вооруженных сил, а лишь концентрировала свое внимание на разрешении важнейших принципиальных вопросов. При этом комиссия рассматривала не только проект Главного штаба 1872 г., но также записки разных лиц и проект организации войск 1870 г.

На первом же заседании комиссии был поставлен на обсуждение принципиальный вопрос о дальнейшем развитии вооруженных сил, заключавшийся в необходимости избрать путь либо в духе проекта 1870 г., либо записки Главного штаба 1872 г.

Однако прежде решения этой задачи членам комиссии был предложен следующий вопрос: «...Обеспечивает ли настоящий состав действующих войск возможность успешного ведения Европейской войны, и если число их признается недостаточным, то можно ли возместить недостаток главных боевых единиц на театре войны резервами, организованными соответственно тем средствам, на которые можно для этого рассчитывать...?»².

Отвечая на этот вопрос, комиссия пришла к следующему заключению: «...Положениями 1862 года боевая сила нашей армии доведена до существующей нормы, которая в то время была настолько достаточна, что мы имели возможность рассчитывать на успех борьбы с каким бы то

---

¹ ЦГИАМ, ф. Александра III, д. 291, л. 16. Записка эта, представленная писарской копией, без подписи, числится принадлежащей вел. кн. Николаю Николаевичу, однако текстологический анализ ее дает основание полагать, что автором ее является вел. кн. Михаил Николаевич.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 79013. «Журнал Комиссии, высочайше учрежденной для составления нового положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении», № 1, л. 162.

ни было европейским государством и не только с одним, но даже могли бы дать отпор и коалиции двух держав. С тех пор положение вещей изменилось в каждом из окружающих государств; боевые силы их возросли почти вдвое, вследствие чего отношение наших главных боевых войск к силам каждой из двух названных держав (Германии и Австрии. — П. 3. (порознь и в совокупности в течение последних десяти лет нарушилось для нас крайне невыгодно... равняясь по количеству населения с двумя ближайшими к нам соседними государствами — Германией и Австрией, мы имеем несравненно меньшее число боевых войск, нежели сколько содержат их упомянутые государства. Таким образом, — говорилось в заключение, — при самых скромных и даже наиболее выгодных для нас сравнительных расчетах недостаточность наших действующих войск в настоящем их составе не может подлежать сомнению»¹. Установив, таким образом, недостаточность вооруженных сил России, комиссия перешла к обсуждению качества резервных войск и их назначения.

Комиссия пришла к заключению, что резервные части в качественном отношении лишь тогда могут в какой-то мере соответствовать действующим войскам, когда в мирное время они будут существовать в значительном составе. Однако подобная организация резервных войск, требующая огромных денежных и материальных затрат, по мнению членов комиссии, осуществлена быть не могла. Вследствие этого она и пришла к выводу о возможности использования резервных войск лишь для второстепенных вспомогательных операций. «Такое назначение резервов, — говорилось в журнале заседания, — дает возможность в мирное время содержать кадры их в самом незначительном размере, почти не ощутительном для военного бюджета государства»².

В соответствии с этим большинством в 35 голосов против одного было принято решение об увеличении числа тактических единиц в составе действующих войск, назначением же резервных войск должно являться выполнение ими второстепенных операций на театре войны, а в тылу «удовлетворять всем тыльным потребностям действующей армии».

Второй принципиальный вопрос, обсуждавшийся на заседании комиссии, заключался в рассмотрении возможности применения в России территориальной системы.

Признав невозможность полного применения этой системы, комиссия единогласно пришла к следующему выводу:

*«В устройстве армии применить из начал территориальной системы только то, что по условиям нашего отечества может быть с пользою применено, сохраняя возможность перемещения и сосредоточения войск, но допуская постоянное, из определенных районов, комплектование каждой части армии в мирное время и пополнение ее до военного состава, при приведении на военное положение...»*³.

В соответствии с этим было решено, согласно проекту Главного штаба, разделить всю Европейскую Россию на участки комплектования, образуемые на территории одного или нескольких уездов, с таким расчетом, чтобы внутри империи населением каждого участка можно было бы обеспечить комплектование не менее одного пехотного полка, одного отдельного батальона, двух батарей артиллерии, одного эскадрона кавалерии.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79013. „Журнал Комиссии...“, № 1, л. 162.

² Там же, л. 163.

³ Там же, № 2, л. 173.

При этом указывалось, чтобы пополнение войсковых частей как призывниками, так и запасными производить «преимущественно» из какого-либо определенного участка внутренних губерний. Войска же гвардии, гренадерские и инженерные предполагалось комплектовать «выбором соответственных людей» из числа определяемых на военную службу по призыву.

В отношении формирования новых тактических единиц действующих войск комиссия согласилась с мнением, изложенным в записке Главного штаба. В решении однако не указывалось количество вновь формируемых дивизий. Предполагалось, что этот вопрос должен быть решен в зависимости от наличия финансовых средств.

Касаясь устройства действующей пехоты, комиссия не пришла к единогласному решению: двадцать членов вместе с председателем высказались за установление одного мирного состава в пехоте вместо трех существующих, определив величину взвода в 22 ряда, а 10 членов комиссии настаивали на сохранении двух мирных составов: обыкновенного — по 22 ряда во взводе и усиленного — по 32 ряда.

В отношении организации действующей артиллерии комиссия полностью одобрила проект Главного штаба. Единственный пункт, вызвавший разногласия, заключался в вопросе подчинения артиллерийских бригад. 13 членов комиссии (Обручев, Потапов, Дрентельн и др.) настаивали на включении в состав пехотных и кавалерийских дивизий принадлежащих им артиллерийских бригад и батарей в отношении дисциплинарном и служебном. В специальном же отношении они должны подчиняться попрежнему начальнику артиллерии округа. Однако большинство членов комиссии выдвигало необходимость сохранить старую систему подчинения лишь одному начальнику артиллерии.

По вопросу организации кавалерии комиссия полностью (большинством голосов против двух) утвердила предположения Главного штаба. Комиссия также единогласно утвердила запроектированное Главным штабом значительное увеличение жандармских конных команд для несения военно-полицейской службы в армии, что было связано с ростом революционного движения в стране.

Наконец, комиссия обсудила также и вопросы организации инженерных войск, рассмотрев как проект Главного штаба, так и предложения особой комиссии, учрежденной при главном инженерном управлении под председательством ген. Тотлебена. Оба эти проекта расходились только в деталях; так, проект Главного штаба предусматривал 4-ротный состав саперных батальонов, проект Тотлебена — пятиротный. Согласно решению комиссии, общее количество саперных батальонов должно было составлять 15, причем в мирное время в каждом из батальонов — 5 рот, в военное — 4¹. Помимо этого, в составе инженерных войск должны были находиться понтонные части, осадные парки, железнодорожные батальоны и, наконец, военно-телеграфные парки.

Обсуждая вопрос об организации других категорий войск, комиссия единогласно пришла к заключению о целесообразности разделения их на два разряда: войск резервных «... для тыльной службы, выполнения второстепенных военных действий и занятия крепостей»² и войск запасных «... для подготовки в военное время укомплектований прочим войскам и для исполнения внутренней и местной службы»³.

¹ В военное время пятая рота предназначалась для формирования запасных и резервных рот.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 79013, „Журнал Комиссии...“ № 6, л. 212.

³ Там же.

Резервные войска должны были подразделяться на две группы: имеющие кадры в мирное время, к которым относились крепостные, и полевые, формируемые лишь в случае войны.

В отношении первых было вынесено следующее решение: *«иметь в мирное время в крепостях особые резервные кадры, которые, при приведении войск на военное положение, развивались бы в составы, достаточные для исполнения в упомянутых пунктах службы, и освобождали бы, по возможности, от нее действующие войска, а в случае безопасного положения крепостей, могли бы быть выводимы в поле на усиление прочих резервных войск»*¹.

Для обеспечения командного состава резервных полевых пехотных батальонов, формируемых в случае войны в участках комплектования внутренних губерний, в мирное время в составе действующих войск должно было содержаться по одному штаб-офицеру и пяти обер-офицеров на один формируемый батальон.

Комиссия утвердила проект Главного штаба в отношении резервной артиллерии, полагая целесообразным формирование резервных батарей с таким расчетом, чтобы каждый резервный батальон мог располагать двумя орудиями.

Комиссия согласилась также с проектом Главного штаба, отрицавшим необходимость формирования резервной кавалерии в случае войны. Наконец, резервные саперные роты должны были создаваться лишь во время войны, причем кадром для них являлись бы саперные роты, выделяемые из состава действующих войск (каждая действующая рота формирует две резервные).

Организация запасных войск пехоты комиссией подвергалась некоторым изменениям.

Как указывалось в решении комиссии, запасные войска создавались: «1) для приготовления в военное время укомплектования для действующих и резервных войск и 2) для исполнения внутренней службы»². Вследствие этого количество и дислокация запасных войск в мирное время должны были обуславливаться в первую очередь соображениями внутренней службы. В военное время запасные войска (полки, батальоны, отдельные команды) должны были формировать маршевые части, отправляемые на пополнение убыли в действующих и резервных войсках.

Запасные пешие артиллерийские батареи должны были формироваться лишь в военное время из расчета: одна запасная батарея на одну действующую артиллерийскую бригаду. Конные запасные батареи должны были содержаться в мирное время в небольшом кадровом составе.

Запасные кавалерийские части, по мнению комиссии, должны были создаваться путем переформирования существующих резервных кавалерийских бригад в запасные.

Таким образом, запасные кавалерийские части должны были существовать и в мирное время. Наконец, запасные инженерные части предполагалось формировать лишь в военное время.

Таковы, вкратце, решения комиссии об организации войск, утвердившей в основном проект устройства вооруженных сил, составленный Главным штабом.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 79013, „Журнал Комиссии...“, № 3, л. 183.

² Там же, № 6, л. 227.

Наряду с работой комиссий (о воинской повинности и об организации войск) было поручено ген. Н. Н. Обручеву составить записку о стратегическом положении государства, необходимую для решения всей суммы вопросов, связанных с устройством вооруженных сил. С этой целью первоначально было предложено штабам пограничных округов составить частные обзоры театров войны, на основе чего и была разработана в начале 1873 года Обручевым стратегическая записка «Соображения об обороне России»¹.

В начале записки Обручев писал: «Все европейские державы одинаково проникнуты желанием мира, но в то же время все продолжают развивать свои вооружения: усиливают кадры и резервы армий, готовят быструю их мобилизацию, устраивают новые крепости и стратегические линии железных дорог. Сохраняя мир, все готовятся к войне. Поэтому и мы должны неотложно принять меры к ограждению безопасности империи, тем более, что ныне переход от мира к войне совершается, так сказать, мгновенно»². Указывая далее, что трудно предвидеть, с кем именно придется воевать, причем не исключена возможность одновременной борьбы с рядом стран, автор считал необходимым разобрать в своей записке следующие вопросы: «1. Насколько наши вооруженные силы достаточны для защиты империи? 2. Как скоро они могут быть мобилизованы? 3. Как скоро могут быть сосредоточены для встречи врага...? 4. Подготовлены ли наши пограничные театры для успеха обороны?»³.

Не останавливаясь подробно на первом разделе записки «Состав и численность вооруженных сил России», так как этот вопрос подробно освещен выше, мы считаем нужным привести лишь таблицу, характеризующую соотношение численности войск европейских стран, могущих явиться противниками России, с силами русской армии.

По данным, приводимым Обручевым, численность армий по штатам военного времени, без офицерского корпуса, составляла: Россия — 1 006 000, Германия — 1 270 000, Австрия — 1 020 000, Турция (без ополчения) — 230 000, Швеция — 168 000.

«Отсюда оказывается, — резюмировал автор, — что не только во всякой коалиционной войне противники могут иметь подавляющий перевес над Россией, но даже и в борьбе с отдельными державами, например, с Германией или Австрией, Россия не может безусловно рассчитывать на успех. Хотя количеством действующих войск Германия и Австрия уступают России, но за этими войсками у них имеются сильные резервы, запасы и ландверы, на счет которых могут быть подкрепляемы передовые армии, тогда как у нас за войсками действующими нет почти никакой поддержки. К тому же и самый перевес наш в действующей силе подвержен еще сомнению. Он был бы безусловно за нами обеспечен лишь в том случае, если бы мы могли *своевременно* сосредоточить наибольшую часть армии на одном театре войны»⁴.

Переходя к разделу «Мобилизация армии», автор указывал, что «это дело для нас совершенно новое».

Единственный опыт мобилизации, хотя и проведенный в небольших

¹ Стратегическая записка об обороне Кавказа составлялась в Тифлисе, в штабе Кавказской армии.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 78854. «Соображения об обороне России», л. 74.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 76.

размерах, имевший место в 1859 году в связи с франко-австрийской войной, дал результаты совершенно неудовлетворительные. На приведение в военное положение 4 армейских корпусов, т. е. мобилизацию их, потребовалось более 5½ месяцев. При этом оказалось, что только на канцелярскую работу, заключающуюся в составлении и печатании призывных списков, в инспекторском департаменте было затрачено около двух месяцев.

С начала 60-х годов предпринимались меры для ликвидации подобного положения. Уже в 1863 году в связи с восстанием в Польше вся армия была приведена в военный состав в течение 2½ месяцев.

«Но после событий 1866 года (австро-прусской войны. — П. З.) такая условная быстрота мобилизации, — писал Обручев, — сделалась уже недостаточною, и представилась новая, крайне трудная задача: достигнуть, не взирая ни на какие территориальные и экономические препятствия, боевой готовности нашей армии, по возможности одинаковой с остальной Европой»¹.

В 1866 году особая комиссия Главного штаба занялась разработкой этого вопроса, причем штабам военных округов было предложено составить мобилизационные планы каждой воинской части в отдельности.

Как указывалось в записке, на протяжении последних лет были достигнуты значительные результаты в деле сокращения сроков перевода армии на военное положение.

Так, например, укомплектование армии запасными по сравнению с 1867 годом могло быть осуществлено в более короткие сроки.

Время прибытия людей в войска округов²

Наименование военного округа	В 1867 г.	В 1872 г.
	(в днях)	
Петербургского	50	От 10 до 32
Финляндского	50	" 9 до 16
Виленского	37	" 10 до 19
Варшавского	30	" 10 до 20
Киевского	25	" 11 до 20
Одесского	45	" 8 до 16
Харьковского	42	" 10 до 15
Московского	45	" 10 до 25
Казанского	60	" 16 до 23
Кавказского	111	" 19 до 39

«Столь значительный успех против 1867 года, — писал автор, — достигнут тем, что ныне вся потеря времени на канцелярскую работу устранена; расписание призывов выработано до мельчайших подробностей и печатается заблаговременно; обязанности всех лиц, действующих по призыву, точно выяснены, так что сбор людей в уездах начинается, можно сказать, мгновенно за получением телеграммы; наконец, и самое передвижение людей ускорилось вследствие открытия новых железных дорог...»³.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854. „Соображения об обороне России“, л. 77.

² Там же, стр. 9.

³ Там же.

Действительно, за исключением Кавказского округа, почти все остальные войска должны были быть укомплектованы запасными не позднее 16—18 дней¹.

Снабжение войск вооружением и интендантскими запасами по штатам военного времени также должно было быть осуществлено в 16—18 дней против 45—90 по расписанию 1867 года. Самым трудным вопросом мобилизации, как утверждал Обручев, являлось обеспечение армии лошадьми, что могло быть достигнуто не ранее 30—60 дней, а для Кавказского округа — 3 месяцев.

Отмечая нетерпимость подобного положения, автор указывал на необходимость перейти к иным способам решения этого вопроса. Руководствуясь примером других государств, Обручев настаивал на введении либо военно-конной повинности, либо на переходе к системе реквизиций лошадей при объявлении мобилизации войск. Характеризуя мобилизационную готовность армии, автор в заключение приходил к выводу, что «...сравнительно с прежней нашей готовностью эти результаты представляются, конечно, весьма успешными... Но если взглянуть на остальную Европу, мы все еще окажемся далеко назади. Германия довела свою мобилизацию до такого совершенства, что через 9 дней от призыва все ее войска уже готовы к движению. Точно так же сделала в этом отношении огромные успехи и Австрия... Даже Турция... стала теперь приводить свои войска на военное положение гораздо быстрее, чем прежде...»².

Все это, по мнению Обручева, настоятельно требовало приложить все усилия для сокращения времени мобилизации войск. Однако реализация этого зависела не столько от Военного министерства, сколько от общегосударственных мер и, в первую очередь, обуславливалась развитием железнодорожных путей.

Переходя к следующему разделу стратегической записки — «Сосредоточение армии» — Обручев указывал, что быстрота сосредоточения в основном определяется двумя факторами: общей дислокацией войск и наличием подъездных путей, ведущих к театру войны.

Касаясь первого факта, автор отмечал, что после Крымской войны расквартирование войск «стало отодвигаться от пограничной полосы более вглубь государства и, наконец, перешло за Волгу»³. Хотя в результате этого, по мнению автора записки, и достигнуто большое удобство в размещении, содержании и пополнении войск, однако при той быстроте, с которой возможно неприятельское вторжение, все эти выгоды не компенсируются затратой значительного времени, необходимого на передвижение войск к театру войны.

Переходя к рассмотрению второго фактора — наличия подъездных путей, автор также приходил к заключению, что и в этом отношении дело обстоит явно неблагополучно.

«Несмотря на быстрое развитие в последние годы нашей железнодорожной сети, — писал Обручев, — она далеко еще не удовлетворяет потребностей быстрого сбора войск и движения их к границам. В то время как в Германии на 9.972 кв. м пространства готово уже до 22.000 верст железнодорожных путей, а в Австрии на 11.306 кв. метров — до 12.000 верст, у нас на всю площадь Европейской России, превосходя-

¹ Более длительные сроки укомплектования требовались лишь для гвардейских, гренадерских дивизий, 40-й пехотной дивизии и некоторых специальных частей, как, например, парковых бригад.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 80.

³ Там же, л. 81.

шую в десять раз каждое из этих государств, оказывается только 14.000 верст железных линий... Самое число путей, ведущих к границам, у нас крайне ограничено и не может идти в сравнение с средствами противников»¹. Действительно, для сосредоточения войск к пределам России Германия располагала 10 железнодорожными линиями, Австрия — 6 и Турция — одной (через Румынию). В случае войны с Германией сосредоточение русских войск к германским границам могло быть осуществлено по пяти железнодорожным линиям (Петербург — Варшава, Москва — Варшава, Курск — Вильно, Одесса — Белосток и Рига — Ковно), в то время как германская армия могла бы сосредоточиваться по 10 линиям железных дорог. Аналогичное положение наблюдалось бы и в случае войны с Австрией и Турцией. В этом случае имелось бы следующее соотношение: 4 русских железных дороги против семи противника.

На основе этого Обручев приходил к заключению, что в случае войны с Германией русская армия может быть отмобилизована и сосредоточена на 54—58-й день, а германская — на 20—23-й день; в случае же войны с Австрией — на 63—70-й день, в то время как австрийская армия закончит сосредоточение на 30—33-й день.

«Недостаток этот, — писал Обручев, — так важен, что безусловно ставит нас между двух крайностей: или начинать борьбу с недостаточными силами до сбора большей части армии и рисковать быть разбитым по частям, или, избегая частного поражения и ища прежде всего сосредоточения сил, начинать войну отступлением и потерей пограничных областей»².

Анализируя реальные возможности сосредоточения русской армии в первые недели войны с Германией, автор стратегической записки приходил к заключению, что к тридцатому дню со дня объявления мобилизации германцы смогут овладеть Польшей, а также значительной частью Литвы.

В случае же войны с Австрией она сможет в этот же срок овладеть северо-западной частью Вольни и значительной частью территории Польши.

«Из всего сказанного о сосредоточении войск, — писал Обручев, — видно, что если абсолютное сравнение численности действующих армий не давало нам ни над Германией, ни над Австрией большого перевеса, то недостаточность наших железных дорог может решительно склонить перевес на сторону *противников, даже и отдельно действующих*»³.

Анализируя состояние пограничных театров, Обручев приходил к заключению, что вся западная пограничная полоса, несмотря на ряд крепостей и укреплений, чрезвычайно уязвима как по своему естественно-географическому положению, так и вследствие отсутствия железных дорог.

Так, например, характеризуя состояние театра на реке Висле, Обручев указывал, что оборонительная линия на Висле, достаточно сильная с Запада, легко может быть обойдена неприятелем с севера и с юга. Крепости, расположенные на Висле в одну линию, не связаны железными дорогами и не защищают самого центра Польши — Варшавы вследствие отсутствия укреплений впереди города. Сам же город не сможет «служить выгодным убежищем» для армии. Все это приводит к тому, что крепости, изолированные друг от друга и блокированные не-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 81—82.

² Там же, л. 84.

³ Там же, л. 86.

приятелем, не будут иметь никакого значения, и все они вместе с Варшавой будут захвачены врагом. Аналогичную характеристику давал автор и другим оборонительным рубежам.

Более подготовленным к обороне являлся, по мнению Обручева, прибрежный Балтийско-Финляндский театр.

Переходя к общим выводам, автор писал:

«Из представленного обзора средств защиты империи по отношению к ее противникам нельзя не прийти к заключению, что вооруженные силы России в настоящем их положении недостаточны для ограждения ее безопасности; что мобилизация и сосредоточение нашей армии, вследствие дальних расстояний, неравномерного распределения лошадей и ограниченности путей сообщения, в особенности железных, совершаются медленнее, чем у противников; наконец, что подготовка в инженерном отношении пограничного пространства империи не соответствует современным требованиям»...¹.

Руководствуясь этим, Обручев выдвигал ряд вопросов, от решений которых будет зависеть в дальнейшем состояние обороноспособности государства.

Обручев полагал, что России в предстоящей войне придется столкнуться не с одной какой-либо страной, а с коалицией, а потому считал необходимым подготовить заблаговременно силы в размере 820—840 пехотных батальонов², указывая, что этим «мы сделаем лишь *необходимейшее и наименьшее* для ограждения безопасности России и непоколебимости ее исторического значения»³.

Развивая эту мысль, автор далее настаивал, что все эти батальоны должны быть укомплектованы полностью, а также обеспечены резервом для пополнения убыли, так как трудно заранее определить, как сложится обстановка в начале войны.

Таким образом, Обручев настаивал на значительном увеличении количества действующих войск в большей мере, чем это предусматривалось комиссией по организации войск.

По мнению Обручева, при условии войны на западе, основная стратегическая задача должна заключаться в сохранении плацдарма на Висле, имеющего ряд важнейших преимуществ в смысле обороны. К тому же этот плацдарм явился удобным пунктом для исходных наступательных операций в направлении жизненных центров противника. «Достаточно одного выигранного сражения, — писал он, — и мы через месяц можем уже быть в Берлине или в Вене, Пеште»⁴.

В силу всего этого указывалось на необходимость всемерного укрепления этого плацдарма.

По мнению Обручева, движение противника в глубь страны исключалось, так как это заранее было обречено на неизбежное поражение, в силу чего не требовалось сооружения каких-либо дополнительных укреплений восточнее этого района.

Для осуществления основной стратегической задачи, по мнению Обручева, необходимо было провести ряд мер, внести изменения в дислокацию войск, «заняв прочно промежутки исходящих углов Восточной Пруссии и Галиции», и тем самым парализовать попытку противника отрезать Польшу.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 91.

² Вместо существующих 516 батальонов, расположенных в Европейской России.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 93.

⁴ Там же, л. 94.

Кроме того, отмечалась насущная потребность обеспечить в западных пограничных районах строительство ряда железнодорожных линий, а также усиление Вислинского плацдарма укреплениями, особенно на флангах.

Касаясь предполагаемой передислокации войск, автор стратегической записки предполагал расположить кавалерию вдоль западных границ. Действия кавалерии в первые дни войны, по мнению Обручева, помешают сосредоточению сил противника, а также дадут возможность осуществить мобилизацию пехоты, расположенной в пограничных районах.

Переходя к вопросу об устройстве новых железнодорожных линий, необходимых с точки зрения стратегических требований, Обручев указывал, что это составляет наиболее действенное средство к усилению обороны государства.

В этих целях он считал необходимым постройку следующих железнодорожных линий в Польше: а) Луков—Ивангород — 60 верст; б) Новогеоргиевск—Ивангород, Замостье с веткой от Пяски через Холм на Ковель для соединения с Киево-Брестской железной дорогой общей протяженностью 395 верст; в) Ивангород—Радом—граница (в сторону Кракова) с веткой для подвоза каменного угля — 255 верст; г) Люблин — ст. Колюшки Лодзинской железной дороги — 235 верст.

Таким образом, общая протяженность потребных железных дорог в Польше достигала почти 1000 верст. В результате этого, писал Обручев, «Мы будем иметь к Висле три пути и три обеспеченные на ней переправы (Варшава, Ивангород, Иозефов); оборона Вислы и крепостей Царства получит общую связь; к стороне Австрии, кроме Ченстоховской дороги, откроется еще второй операционный путь, гораздо выгоднейший, так как по нем прямо к Кракову можно будет подвозить осадные парки и все тяжести; наконец, параллельно Галицийской границе, явится дорога, которая облегчит нам быстрое маневрирование по обоим сторонам Вислы и сосредоточение войск к центру или флангам австрийского фронта»¹. Однако, как бы не совершенствовалась железнодорожная сеть в Польше, указывал Обручев, судьба ее будет определяться, главным образом, наличием путей, связывающих ее с империей. И далее, развивая эту мысль, Обручев еще раз подчеркивал, что железнодорожные линии, ведущие в Польшу из Петербурга, Москвы и Киева, могут быть легко перерезаны неприятелем, в результате чего армия, имея в тылу Полесье, лишенное удобных средств сообщения, может оказаться в крайне тяжелом положении. Кроме того, отсутствие меридиальных железнодорожных линий в ближайшем тылу лишает всякой связи в случае оставления Польши войска, находящиеся в Литве и на Волыни.

Все эти недостатки, по мнению Обручева, могли бы быть устранены только одним путем: проведением линии от Брянска через Гомель, Мозырь, Пинск к Бресту протяжением в 670 верст и поперечных от нее ветвей: позади Щары к Гродно — 220 верст и позади Горыни к Ровно — 160 верст.

«В стратегическом отношении, — продолжал он, — эта дорога с ее ветвями ничем не заменима. Обеспечивая тыл и фланги Царства Польского, ускоряя сосредоточение войск к центру нашей обороны и ставя их движение в совершенную независимость от покушений неприятеля, она будет также служить отличным орудием для обеспечения продовольствия армии во весь период ее операций в Царстве Польском или между Бислой и Щарой. Из Полесья можно будет наносить неприятелю не

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78824, л. 95.

только партизанские, но и более сильные удары. Войска Северного и Волынского театров всегда будут иметь возможность оказывать друг другу своевременную помощь.

В случае же наступления этою дорогою можно с одинаковым удобством пользоваться как для сосредоточения войск к стороне Пруссии, так и к стороне Австрии...»¹.

Обручев считал необходимым провести также железную дорогу от Витебска до Гомеля — 290 верст, с тем, чтобы установить ближайшую связь на базе позади Днепра.

На Балтийском побережье рекомендовалось провести железнодорожную линию от Риги до Пскова и далее, до соединения с Рыбинско-Бологовской железной дорогой — 570 верст.

На Черноморском побережье Обручев полагал необходимым связать оборону Перекопа, Николаева, Херсона и Одессы и построить железнодорожную линию вдоль берега протяжением в 320 верст и, кроме того, соединительную ветку на Керчь — 170 верст.

Наконец, в Восточной части России, где, как указывал Обручев, развитие железных дорог хотя и должно быть подчинено экономическим интересам, однако «в видах стратегических» необходимо проложить поперечные ветви между Орлово-Таганрогской, Грязе-Ростовской и Грязе-Царицынской железной дорогой, а именно: от Курска до Воронежа, от Харькова до Борисоглебска, от Никитовки до Царицына длиной около 1000 верст.

В общей сложности все железнодорожные линии, предлагаемые в стратегической записке, по своей протяженности составляли 6780 верст.

«Подобное развитие сети, — писал Обручев, — рассчитываемое, примерно, на 5 лет вперед, при настоящих средствах России нисколько не представляется чрезмерным и может тем менее противоречить экономическим ее интересам, что, собственно, стратегических путей, определяемых в пространстве между Вислой и Двинско-Днепровской базой, требуется не более 1810 верст, остальные же 5000 верст составляют общую потребность промышленного, торгового, а вместе с тем и военного развития империи»².

Кроме строительства железных дорог, в стратегической записке указывалось на необходимость сооружения ряда шоссейных дорог, особенно в пределах Польши.

В отношении инженерных сооружений, необходимых для укрепления предполагаемого театра войны, Обручев в первую очередь указывал на крайнюю важность усиления флангов Привислинского района.

Считая, что наибольшее значение имеет правый фланг, автор стратегической записки полагал для укрепления его создать крепости и отдельные форты в Гродно, Осовце и особенно в Ковно. Что касается усиления левого фланга, то, по мнению Обручева, достаточно было бы в этих целях укрепить Дубно.

«С обеспечением флангов Царства Польского, — писал он, — положение наше на Висле значительно упрочится. Передовая армия наша получит возможность крепко держаться в пространстве между Наревом, Вислой и Вепржем и маневрировать против того или другого противника, смотря по обстоятельствам. Однако, — продолжал он, — надежность ее положения будет условная. От Новогеоргиевска до обеспеченной линии Бобра — 160 верст, от Ивангорода до Бреста — тоже около

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 96.

² Там же, л. 97.

160 верст. Если эти фронты придется защищать с недостаточно сильной армией против значительно превосходящих сил неприятеля, то положение ее в случае замедления подкреплений может сделаться опасным»¹.

Избежать этого, по мнению Обручева, можно двояким путем: либо укреплением Варшавы, либо созданием плацдарма между Бугом—Наревом и Вислой.

В первом случае требовалось укрепить Варшаву, обнести ее рядом фортов и полевых укреплений. Однако это будет стоить, указывал Обручев, десятки миллионов рублей, к тому же «...в этом случае армия вполне связала бы свою судьбу с судьбой города и в случае наших неудач была бы быстро приведена в совершенно безвыходное положение. Защита многолюдного центра даже с преданным населением, готовым на все пожертвования и на все услуги гарнизону, — задача чрезвычайно трудная. С населением же враждебным — она едва ли мыслима...»².

Таким образом, Обручев, отвергая этот путь, рекомендовал обеспечить укрепление центральной части Польши путем устройства плацдарма между Бугом—Наревом и Вислой позади Новогеоргиевска, а также усилением Бреста, Ивангорода и Новогеоргиевска.

По исчислениям Обручева, на усиление обороны в центре и на флангах Польши потребуется около 40 миллионов руб., не считая тех двух миллионов, которые тратились ежегодно на фортификационные работы в Кронштадте, Выборге, Свеаборге, Киеве, Бендерах и других пунктах.

В качестве дополнений к стратегической записке были приложены соображения об обороне Южного театра, а также отдельно Кавказа, составленные также, повидимому, Обручевым. Соображения об обороне юга России были составлены на основе стратегического обзора, представленного Одесским военным округом, и являлись, собственно, дополнениями положений, развитых в стратегической записке.

В отношении сооружений укрепленных пунктов командующий Одесским военным округом ген.-ад. Коцебу считал первоочередной неотложной задачей строительство инженерных сооружений в очаковских воротах для прикрытия Днепро-Бугского лимана, возведения передовых самостоятельных укреплений вокруг Бендер, для усиления этой крепости, а также укреплений у переправы через Днестр между Ямполем и Сороками.

В области строительства путей сообщения указывалось на необходимость сверх того, о чем говорилось в стратегической записке, построить железнодорожные ветки от Бендер к Галацу и от Вапнярки к Ямполю и далее к Черновицам. Кроме того, подчеркивалась целесообразность строительства ряда шоссейных дорог как в Бессарабии, так и Херсонской губернии.

Анализируя стратегическую записку со всеми дополнениями к ней, мы можем сделать следующие выводы.

Основную опасность для России Военное министерство усматривало со стороны Германии и возможного ее союзника Австро-Венгрии, в связи с чем главное внимание в стратегической записке уделялось укреплению Польши и прилегающих к ней районов.

В записке правильно намечалась основная идея обороны западных границ путем создания плацдарма на Висле и Немане. Меры для укрепления этого плацдарма, рекомендованные в записке, существенно исправляли естественные недостатки его, затрудняя противнику прорыв флангов путем значительного усиления их.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 99.

² Там же.

Проектируемая линия инженерных сооружений — крепостей — представляла собой стройную систему укреплений, значительно облегчавшую оборону главного театра военных действий. Эта система укреплений, прикрывая развертывание армии в районах Польши и Литвы, служила вместе с тем отправным плацдармом для перехода к активным операциям в сторону как Германии, так и Австро-Венгрии.

Таким образом, план войны, разработанный в стратегической записке, предусматривал не только оборонительные действия, но и возможность перехода к активным операциям, нанося удар в направлении наиболее жизненных центров противника.

Наконец, железнодорожные линии, проектируемые в записке, в достаточной степени обеспечили мобилизацию и сосредоточение армии на главном театре войны и создавали возможность для перегруппировки ее, а также и для бесперебойного снабжения войск в период военных действий.

Что касается укрепления Южного и Юго-западного театров, то этому вопросу не придавалось большого значения. Военное министерство, судя по стратегической записке, отнюдь не ориентировалось на активную политику России на Балканах.

Стратегическая записка страдала двумя существенными недостатками: во-первых, в ней категорически исключалась возможность движения противника в глубь страны на главном театре военных действий и в силу этого игнорировались какие-либо предположения для предотвращения такой возможности. Во-вторых, недооценивалась опасность нападения со стороны юга, что являлось вполне реальным, принимая во внимание активизацию английских происков на Ближнем Востоке.

* * *

Обширность намеченных преобразований в области реорганизации армии, а также и мер по укреплению обороны государства, далеко выходящих за пределы деятельности одного военного ведомства и, наконец, отрицательное отношение части генералитета, а также некоторых лиц императорской фамилии к намеченным мероприятиям, — все это и обусловило стремление Военного министерства разрешить все эти вопросы на особом ссещании под председательством самого Александра II.

Летом 1872 года Милютин, во время своего последнего доклада царю перед отъездом его в Крым, поставил перед ним этот вопрос. «Я счел своей обязанностью, — рассказывает он в своих «Воспоминаниях», — обратить заранее внимание государя на те новые жертвования, которые потребуются от государства для приведения в исполнение предположений, основанных на общем убеждении в необходимости увеличить военные силы России ввиду грозных вооружений всей Европы. Неизбежно должен был стать на первый план вопрос финансовый, в связи с высшими соображениями стратегии и политики, а затем уже выступали специальные задачи самой организации армии и ее резервов. Решение столь важного дела, по моему мнению, — писал он, — не могло быть возложено на ответственность одного военного министра; оно требовало совместного обсуждения с другими министрами и содействия их. Поэтому я предложил государю мысль — призвать на совещание некоторых им самим избранных лиц, пользующихся авторитетом в делах государственных и военных. Мысль эта была принята государем весьма сочувственно»¹.

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7851, стр. 163—164.

Первоначально было решено созвать секретные совещания в конце 1872 г., однако вследствие того, что Военное министерство не успело к этому сроку подготовить все материалы, они были отложены на начало 1873 года.

* * *

Подготовительные работы по реорганизации армии вызывали противодействие со стороны кн. Барятинского и его сторонников, пытавшихся снова поставить вопрос о целесообразности военных преобразований, осуществленных в 60-е годы. Как и ранее, основной фигурой в этой борьбе выступал ген. Р. А. Фадеев, являвшийся правой рукой кн. Барятинского. В придворных кругах группа Барятинского — Фадеева встречала полное сочувствие со стороны наследника престола вел. кн. Александра Александровича. Активную роль в борьбе против Милютина играл и шеф жандармов гр. П. А. Шувалов, через которого Фадеев передавал обычно свои проекты царю.

Ген. Н. Г. Залесов, находившийся в близких отношениях с гр. Павлом Шуваловым — братом шефа жандармов, — и хорошо знавший закулисную сторону борьбы против военных реформ, в своих воспоминаниях писал: «... Душою интриги был шеф (жандармов. — П. З.); не ограничиваясь Барятинским, Шуваловы находились тогда в самых дружеских отношениях и к германскому посланнику гр. Рейссу, как известно, имевшему значительное влияние на государя и действовавшему именем императора Вильгельма. В сущности же говоря, указывал Залесов, вся эта партия, сама, может быть, того не сознавая, работала по дудке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России и национального направления ее политики»¹.

Этот рассказ Залесова о роли Шувалова в борьбе против Милютина подтверждается и «Воспоминаниями» германского посла в России ген. Швейница, который по этому поводу писал: «Он (т. е. Шувалов. — П. З.) считал систему Милютина губительной для армии и опасной для династии, вследствие чего и всячески мешал ее осуществлению»². По словам Швейница, Шувалов считал Милютина «злым гением второго периода царствования Александра II».

В начале 1872 г. Фадеев направил гр. Шувалову для передачи Александру II свою записку «Сомнения в нашем военном устройстве», подвергавшую критике намечавшиеся Военным министерством преобразования³. В препроводительном письме к этой записке Фадеев указывал, что новая военная система неизбежно приведет русскую армию к Седану.

«Все учреждения Петра Великого, Екатерины, 1812 года, — писал он, — все предания, весь природный склад русской армии косят как старый бурьян; на куче сору, означающего могилу двухвекового военного опыта России, возвышается только профессорская голова г. Милютина с его илейками. А между тем у нас считают Парижскую коммуну революционной и русских нигилистов вредными людьми. Да что же значат нигилисты и коммуна вместе перед этой бездной нигилистского духа русского правительства, играющего шути разрушением всех исторических основ, о чем настоящие нигилисты только болтают, но чего они наверное не осмеливались бы сделать в такой же мере на практике...»⁴.

¹ Записки Н. Г. Залесова, „Русская старина“, июнь, 1905, стр. 517.

² *Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz*; 2 Band, Berlin, 1927, S. 385.

³ Аналогичная записка была представлена и наследнику престола.

⁴ ЦГИАМ, ф. Александра III, № 677, опись 1-я, д. 293, № 2, л. 2—3.

Записка Фадеева «Сомнения в нашем военном устройстве» представляла собою критику проекта Военного министерства в области реорганизации армии, изложенного в докладе Милютина от 7 ноября 1870 года.

Выступая против этого проекта, Фадеев полагал ненужным создавать специальные резервные части, находя более целесообразным включать резерв в действующие войска, увеличивая как численность рот и батальонов, так и их состав. Однако основной смысл записки заключался далеко не в этом. Содержание ее определялось стремлением доказать нецелесообразность и даже пагубность создания массовой армии. Фадеев решительно выступал против всей системы комплектования и организации вооруженных сил, предполагавшей довести в случае войны состав армии до 1.900.000 человек солдат. Считая, что численность армии определяется выше действительной, Фадеев вместе с тем указывал на недопустимость преобладания «служивой» силы над ополченской. Смысл этого возражения сводился к тому, чтобы вооруженные силы в случае войны состояли в своей основной массе не из действующих войск, а из ополчения. Целесообразность этого Фадеев обосновывал не только экономическими, но и «государственными» соображениями, основывающимися на «особенных началах» истории России.

По мнению Фадеева, призыв в армию значительной части населения на короткий срок службы приведет к резкому росту количества «бездомных людей», так как обычно солдаты, уволенные в запас, не возвращаются в деревню, а стремятся остаться в городе.

«Вековечный государственный порядок России, — писал он, — стоит на оседлом русском народе, как на скале, против которой затеи испорченной части фрачного пролетариата бессильны, как жало комара против камня. Но если на поверхности скалы образуется сыпучий пласт — многочисленное бездомное население — может случиться совсем иное... Рекрутский набор для пополнения действующей армии с немногими внутренними командами, как бы армия ни была многочисленна, не нарушит нынешнего отношения бездомных людей к оседлым, особенно с разумным, не через меру сокращенным сроком службы. Но рекрутский набор в таких размерах, чтобы пополнить все виды силы, необходимой империи в военное время, создаст, не далее как в следующем поколении, многочисленное бездомное население, несчастное само по себе и в то же время опасное государству»¹.

Тут же Фадеев утверждал, что все народные движения, начиная с XVII века, опирались именно на этих «бездомных» людей.

Таким образом, в основе критики Фадеевым проекта Военного министерства лежало стремление сохранить феодальный характер организации вооруженных сил, не допустить превращения их в массовую армию. Сохранение феодальных порядков армии, по мнению автора записки, предотвратит возможность революционных потрясений.

Некоторое время спустя Фадеев представил наследнику престола новую записку «О мерах для восстановления армии». В начале записки автор ее указывал, что основная причина «расстройства армии» заключается в «распадении» корпуса офицеров. Произошло же это, по мнению Фадеева, оттого, что русское дворянство, вследствие порядков, установленных в армии, вовсе отшатнулось от военной службы. Вместо него офицерский корпус стал пополняться разнообразными элементами — канцелярскими людьми, рекрутирующимися из среды «фрачного пролетариата». Это офицерство, утверждал Фадеев, не может обладать никаким

---

¹ ЦГИАМ, ф. Александра III, № 677, опись 1-я, д. 293, № 3, л. 42.

нравственным влиянием на солдат, которые привыкли видеть в своих командирах «господ», а не просто старших по званию. «Как только русские офицеры, — писал он, — перестали быть кастою и обратились из господ в военных чиновников, они утратили всякий определенный характер, вследствие чего между ними порвалась связь единомыслия и взаимной поддержки, обращавшая их в сомкнутое сословие, утверждавшая каждое лицо в сознании его прав и достоинства; она порвалась не только в армии вместе взятой, но в каждом полку и батальоне...»¹.

Вследствие этого Фадеев полагал необходимым для восстановления боеспособности армии обеспечить офицерский корпус дворянским составом. Для этого предлагалось зачислять дворян в армию не рядовыми, а юнкерами с соответствующим «их званию» содержанием и обеспечить за ними первоочередность производства в офицеры.

В приложении к этой записке, озаглавленном «Военное управление», Фадеев подробно развивал мысль, что сосредоточение в одних руках всех многообразных отраслей военного управления неизбежно приводит к тому, что все различные потребности армии приносятся в жертву той отрасли, к которой наиболее близко стоит лицо, возглавляющее все управление. Это и привело, по его мнению, к тому, что существующее ныне Военное министерство, сосредоточивающее в своих руках все нити военного руководства, принесло интересы армии в «жертву бюрократии».

Такая система военного управления, указывал Фадеев, терпима быть не может и требует коренной реорганизации в смысле разграничения функций между отдельными управлениями и лицами. (В виде исключения Фадеев считал возможным временное сосредоточение всей военной власти в одном лице на период коренных преобразований, при условии предоставления ее «известному полководцу», подразумевая, повидимому, кн. Барятинского).

В качестве образца военного управления автор рекомендовал прусскую организацию военных сил. «В современной Европе, — писал он, — лучшее деление военного управления без сомнения прусское: Министерство — как главный орган верховной власти по набору армии и хозяйственным учреждениям², Главный штаб, заведующий боевым распределением и устройством сил в мирное и военное время, т. е. квартирмейстерская часть, возведенная в полную самостоятельность, наконец, кабинет короля по движению личного военного состава. Такое устройство, — продолжал он, — правильное теоретически и оправданное опытом, — может служить образцом и для нас в самом существенном смысле слова, но форма его требует значительного изменения на русской почве...»³.

Руководствуясь «этим образцом», Фадеев рекомендовал следующую организацию военного управления: военный министр — главный начальник хозяйственной части, являющийся связующим звеном между военным и общегосударственным управлением; командующий Главной императорской квартирой, «необходимый для устранения вредного влияния прямых докладов Военного министерства» и являющийся докладчиком по всем вопросам военного управления (включая и вопросы личного состава как армии, так и Военного министерства).

Главнокомандующий большой действующей армии (расположенной на западных границах), являющийся в военное время начальником глав-

¹ ЦГИАМ, ф. Александра III, № 677, опись 1-я, д. 293, № 8, л. 9.

² Повидимому, описка.

³ ЦГИАМ, ф. Александра III, № 677, опись 1-я, д. 293. Приложение „Военное управление“, л. 1.

ного штаба е. и. в., а также командующие отдельными армиями (Южной, Балтийской и резервной с центром в Москве). Главное управление военно-учебных заведений Фадеев также рекомендовал выделить в качестве самостоятельного центра, чтобы уберечь «от модных поветрий, господствующих в канцеляриях министерства».

Наконец, для координации деятельности всех органов центрального военного управления рекомендовалось восстановить департамент военных дел Государственного совета, «как было при Николае I». Естественно, что военные округа должны были быть уничтожены, как «корень зла, растлившего русскую боевую силу». По мнению Фадеева, округа должны превратиться в военные канцелярии, ведающие учетом отпускных и ополченцев, а также заведующие госпиталями и хранящие военное имущество. Военные округа лишались даже хозяйственных функций, передаваемых снова комиссариатскому и провиантскому департаментам, которые должны были осуществлять снабжение армии в централизованном порядке.

В заключение Фадеев обрушивался на систему военных судов, проникнутых духом «фельетонного либерализма» и несовместимых, по его мнению, с понятием о военном долге.

Анализируя этот проект «восстановления армии», нетрудно обнаружить в нем стремление восстановить организацию вооруженных сил, соответствующую периоду Крымской войны. При этом даже те недостатки управления, которые были поняты и устранены Николаем I в начале его царствования (разделение функций высшего военного управления между Военным министерством и главным штабом е. и. в.), нашли свое место в проектах Фадеева. Основная мысль проекта — сохранить феодально-крепостнический характер организации армии, устранив всякую возможность ее преобразования.

Наряду с рассмотренными выше записками, представлявшимися Фадеевым как царю, так и наследнику престола, сторонники кн. Барятинского выступили также и в прессе. С этой целью в сентябре 1871 г. отставным полковником В. В. Комаровым, а также ген. М. Г. Черняевым, находившимся также в отставке, при ближайшем участии Фадеева начала издаваться газета «Русский мир».

На страницах «Русского мира» систематически печатались статьи, направленные против существовавшей системы организации армии. Статьи «Русского мира» мало чем отличались по содержанию от записок Фадеева. Те же демагогические обвинения «в засилии канцелярского элемента над строевым», та же идеализация дореформенной системы организации армии.

В своей беспринципности «Русский мир» доходил до восхваления даже системы интендантского снабжения времен Николая I, как известно, характеризовавшейся неслыханными злоупотреблениями и повальным казнокрадством. «Русский мир» утверждал даже, что в тот период «довольствие войск было близко к образцам». По поводу этих статей газета «Голос» писала: «Приемы, употребляемые... «Русским миром», доказывают, что газета эта имеет в виду, собственно, даже не «окружную» систему, а всю нашу военную систему целиком. Страстно желая ниспровергнуть одно, а взамен ничего другого предложить не может, как только ту систему, которая потерпела фиаско в Крымскую войну»¹.

В конце 1872 г., накануне открытия секретного совещания, «Русский

---

¹ «Голос», 1873, № 25,

мир» выступил с серией статей, подвергавших подробному разбору секретные проекты Военного министерства в области реорганизации армии¹.

Наряду с отдельными частными деловыми замечаниями, статьи в целом носили явно демагогический характер и основывались на сознательном стремлении дискредитировать все проекты Военного министерства по организации войск.

Автор статей обвинял, например, Военное министерство в игнорировании возможности войны с коалицией, утверждая, что оно «принимает меры только против одиночного противника».

Не чем иным, как желанием сорвать все мероприятия, направленные на усиление обороны, являлось утверждение, что намечаемые преобразования не должны вызывать никаких дополнительных расходов. «Оборонительные учреждения, — говорилось в одной из статей, — не требуют в России больших расходов, ни большой изобретательности. Текущая задача Военного управления состоит в том, чтобы уметь воспользоваться необъятными средствами России для создания могучей живой силы. . . для чего нынешний военный бюджет более нежели достаточен. . .»².

Подводя итог разбору проекта новой организации армии, газета пыталась доказать всю несостоятельность существующей военной системы и необходимость руководствоваться при ее переустройстве прусскими «образцами». Таким образом «Русский мир» подготавливал общественное мнение к предстоящему секретному совещанию.

Наряду с «Русским миром», точка зрения группы Барятинского разделялась, как указывалось выше, и наследником престола вел. кн. Александром Александровичем. В своем дневнике он говорит о представлении им проекта реорганизации армии «папá», т. е. Александру II, составленного при ближайшем участии гр. И. И. Воронцова-Дашкова³. В записи от 17 декабря 1870 г. он писал: «. . . Заехал ко мне И. И. Воронцов все по тому же делу, и теперь мы решили с ним, чтобы дело пошло хорошо, попросить фельдмаршала Барятинского приехать сюда и через него, если он согласится, вести все это дело об переформировании армии. Воронцов сам хочет ехать к фельдмаршалу, и я надеюсь, что Барятинский согласится приехать сюда. . .»⁴.

Смысл всей этой борьбы заключался в стремлении сохранить феодальную организацию армии. Это стремление находило всемерную поддержку со стороны Бисмарка и его агентуры, боявшихся усиления военной мощи России. Такова обстановка, в которой осуществлялась подготовка преобразований в области организации армии.

* * *

Секретное совещание открылось 28 февраля 1873 г. и закончилось 31 марта.

Председателем его являлся, как указывалось уже выше, сам Александр II, участниками — министры: иностранных дел, военный, морской, финансов, императорского двора, внутренних дел, члены Государствен-

¹ Подобный факт является яркой иллюстрацией отношения царского правительства к сохранению военной тайны. Не считалось, повидимому, предосудительным обсуждать в печати совершенно секретные материалы, раскрывающие не только состав и численность армии в мирное время, но план развертывания ее в период войны.

² «Русский мир», 1872, № 312.

³ Этот проект, к сожалению, не сохранился ни в фондах Александра II и Александра III, ни в официальном делопроизводстве Военного министерства.

⁴ ЦГИАМ, ф. Александра III, д. № 76, стр. 94.

ного совета: Чевкин, гр. Строганов и гр. Игнатьев; великие князья Александр Александрович — наследник престола, Владимир Александрович, Константин Николаевич, Михаил Николаевич, Николай Николаевич; фельдмаршалы: гр. Берг и кн. Барятинский; командующие военными округами, отдельные представители Военного министерства и ряд других лиц. На обсуждение секретного совещания был поставлен ряд вопросов, сформулированных заранее в «весьма секретной» записке, озаглавленной «Вопросы, подлежащие обсуждению». Материалы секретного совещания, сохранившиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, чрезвычайно незначительны. Хотя, как утверждает Милютин в своих «Воспоминаниях», и велись протоколы заседаний, им редактировавшиеся и утверждавшиеся Александром II, однако в делах они не сохранились.

Таким образом, официальные материалы по этому вопросу заключаются лишь в упомянутых выше «Вопросах, подлежащих обсуждению» и в «Заключениях Секретного совещания», представляющих собою решения по каждому из обсуждавшихся вопросов.

Таким образом, ход обсуждений вовсе не отражен в официальных источниках, и пробел этот восполняется до известной степени «Воспоминаниями» Милютина, дневниками вел. кн. Константина Николаевича, а также скупыми свидетельствами Александра II в его памятных книжках.

Первый вопрос, поставленный на обсуждение, касался количественного состава армии: «Достаточны ли те вооруженные силы, которыми Россия может ныне располагать в случае европейской войны...»¹. Если же этих сил недостаточно, то предлагалось решить вопрос об усилении их, указав при этом, в какой мере потребуется увеличение военного бюджета.

«Лишь только этот вопрос был прочитан, — рассказывает Д. А. Милютин, — первым поднял голос кн. Барятинский, к удивлению многих. ...Общее удивление еще усилилось, когда услышали из уст нашего полководца самую нескладную бестолковую выходку вообще против Военного министерства... Тут услышали мы опять те же пошлые жалобы... что чиновничество взяло верх над строевым элементом, что полковые командиры, хотя в прежнее время и пользовались от полков, были зато важнее, чем теперь, и что строевые начальники обременены отчетностью и формальностями, и что нет высшей власти, к которой они могли бы обращаться в своих нуждах и жалобах... Собственно по первому вопросу программы кн. Барятинский высказал только одно голословное и слишком смелое мнение, что для увеличения боевых сил России нет надобности увеличивать военный бюджет, а стоит только сократить лишние расходы...»².

Далее выступил министр финансов Рейтерн с изложением своей секретной записки по поводу военного бюджета, представленной им царю за месяц до открытия совещания³.

В этой записке Рейтерн отмечал непрерывный рост бюджета Военного министерства и указывал на невозможность дальнейшего увеличения военных расходов, ссылаясь на крайне напряженное финансовое положение государства.

¹ Ц. ВИА, ф. ВУА, 78854, л. 3.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7851, стр. 221—222.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, 79057. Записка министра финансов от 11 февраля 1873 г.

Считая, что расстройство финансов, только недавно окрепших, подорвет могущество России и приведет к результату «...диаметрально противоположному тому, к какому стремится военное ведомство», Рейтерн в качестве выводов указывал на невозможность удовлетворить требования Военного министерства, предусматривавшие увеличение сметных ассигнований свыше чем на 15 миллионов рублей (не считая расходов на строительство и эксплуатацию железных дорог, на сооружении которых настаивало военное ведомство).

Рейтерн считал возможным согласиться лишь на увеличение сметы Военного министерства на 10 миллионов рублей, начиная с 1875 года, с тем, чтобы в последующие годы бюджет Военного министерства оставался стабильным¹.

Таким образом, финансовое положение государства создавало непреодолимые препятствия для реорганизации армии.

После Рейтерна выступили министр иностранных дел Горчаков и член Государственного совета Чевкин, которые «...по своему обыкновению сочли нужным повторить урок Военному министерству о необходимости бережливости»². Наконец, гр. Строганов высказал мнение о том, что вовсе не следует увеличивать армию, так как мера может «...привлечь на нас вражду Европы».

В конце выступления Милютина, поддерживавшего, естественно, проекты Военного министерства, его перебил Александр II, и начал «...с гневом и горячностью осуждать образ действий тех, которые в своих нападках на все новые меры, принимаемые по военному ведомству, прибегают к газетной полемике и тем колеблют доверие к нашим военным силам в глазах Европы, так же, как и самой армии...»³.

Рассказ Милютина о первом заседании подтверждается также и записью в дневнике вел. кн. Константина Николаевича: «...в Зимнем внизу, в зале сестер первое заседание военной комиссии государя по организации армии, — говорит в своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — началось неприличными и недобросовестными нападениями Бяратинского на военного министра и всю его деятельность. Это даже государю очень не понравилось, и он ему очень жестоко высказал разные весьма неприятные правды»⁴.

В памятной книжке Александра II за 28 февраля имеется следующая лаконичная запись: «Бярат[инский] против воен[ного] мин[истра]»⁵.

В заключение обсуждения первого вопроса царь одобрил предложения военного министра, которые и были приняты без возражений. В решении по этому вопросу говорилось:

«Ввиду непрерывно развивающихся вооружений Европы признано необходимым, следуя, как и доньше, миролюбивой политике, увеличить, однако, те силы, которыми располагает Россия на случай внешней опасности»⁶. Далее указывалось, что «меру увеличения военных сил не предрешать какою-либо заранее определенной нормою, а сообразовать непосредственно с теми финансовыми средствами, которые могут быть уделены на этот предмет без вреда для прочих экономических и нравственных нужд государства»⁷. При этом за основу увеличения военного

¹ Таким образом, бюджет Военного министерства определен в 179.290 тыс. руб. Эта цифра была утверждена царем 4 июля 1873 года.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7851, стр. 224.

³ Там же, стр. 224.

⁴ ЦГИАМ. ф. 661 вел. кн. Константина Николаевича, опись 1-я, дело № 5, л. 20.

⁵ Там же, ф. Александра II, № 678, опись 1-я, д. 61. Запись 28 февраля 1873 г.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 6.

⁷ Там же.

бюджета были приняты те цифры, которые предусматривались в записке министра финансов. Но так как эти средства были далеко не значительны, то рекомендовалось восполнить их «более выгодным распределением расходов по отношению к самой организации войск, с тем, чтобы достигнуть возможно большего развития боевых сил без особенного превышения издержек на содержание их против нынешней сметы»¹. Если в принципе предложения Военного министерства по этому вопросу и были приняты, то практическая реализация их представлялась чрезвычайно трудной.

На этом же совещании был рассмотрен и второй вопрос — о сооружении крепостей и отдельных укреплений, предусмотренных стратегической запиской и дополнениями к ней. Совещание без особых споров, как рассказывает Милютин, утвердило намеченные в записке соображения, касавшиеся инженерных сооружений.

В отношении укрепления Варшавы совещание сочло необходимым ограничиться сооружением лишь передовых фортов впереди цитадели и, в дополнение к мерам по укреплению Вислинского плацдарма, укрепить Згерж и Сероцк.

Ввиду ограниченности средств предлагалось не начинать одновременно строительство всех запроектированных укреплений, а «В первую очередь... назначить те укрепления, которые упрочивают положение наше в Царстве Польском и обеспечивают фланги армии, занимающей линию Вислы (Осовец и Дубно), а также оборону Днепровско-Бугского лимана»². Таким образом, этот важнейший вопрос укрепления обороны государства, хотя и был решен в положительном смысле, однако практически реализация его растягивалась на чрезвычайно длительный срок.

После первого заседания Александр II, на основе высказываний кн. Барятинского и других лиц о непроизводительных расходах Военного министерства, предложил создать особую финансовую комиссию для изыскания путей к сокращению средств по разным статьям бюджета военного ведомства. Через несколько дней председателем этой комиссии был назначен кн. Барятинский.

В состав комиссии, образование которой говорило об определенном влиянии на Александра II кн. Барятинского и его сторонников, вошли государственный контролер Грейг, члены Государственного совета П. Н. Игнатьев, Чевкин, а также ряд лиц, в том числе и представители военного ведомства.

На втором заседании, 3 марта был поставлен на обсуждение вопрос о строительстве железных дорог, предусмотренных в стратегической записке. Как рассказывает Милютин, особых споров этот вопрос не вызвал, и члены совещания утвердили в целом предложения Военного министерства:

«Окончательное же определение направления сих дорог, равно как и последовательность их устройства в связи с общою высочайше утвержденною сетью, — говорилось в заключениях секретного совещания, — предоставлены³ Комитету железных дорог с тем, во-первых, чтобы неотлагательным рассмотрением сего вопроса Комитет, по возможности, устранил встречаемые Военным министерством затруднения относительно установления дислокации войск, распределения складов и возведения

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 7.

² Там же, л. 8.

³ Повидимому, предоставить.

помещений и, во-вторых, чтобы при назначении дорог в постройку имел в виду особенную важность скорейшего осуществления линий, предположенных через Полесье»¹. Необходимо при этом отметить, что никакого срока в отношении строительства стратегических железных дорог указано не было, что в значительной степени обесценивало это решение.

На третьем заседании 8 марта обсуждался один из важнейших вопросов совещания, заключающийся в изыскании мер, необходимых для ускорения мобилизации армии и сосредоточения ее на театре войны. В связи с этим требовалось определить дислокацию армии, разрешить вопрос о штатах войск в пограничных районах, а также наметить меры к снабжению армии конским составом. Наконец, требовалось решить вопрос о строительстве казарм. Расквартирование войск по частным квартирам снижало качество их боевой подготовки.

Все эти вопросы не вызывали особых споров. В решении совещания по вопросу дислокации войск указывалось на необходимость «...усилить расположение войск в западных округах и выдвинуть при этом кавалерию в первую линию. Что же касается настоящего содержания части армии в полной военной готовности, — говорилось в заключении совещания, — то таковое по причинам экономическим, а в особенности политическим, признано совершенно неудобным»².

Наряду с этим отмечалось, что частные отступления от этого принципа возможны в дальнейшем, дабы войска, расположенные в пограничных районах, могли быть быстрее приведены в боевую готовность. Для этого признавалось целесообразным укомплектовывать части, расположенные в пограничной полосе, за исключением дислоцированных в Польше, в случае мобилизации отпускными тех же местностей, «не стесняясь их национальностью», с тем лишь условием, чтобы это не имело влияния «на боевую их благонадежность».

В целях более быстрой мобилизации войск признавалось необходимым безотлагательно установить обязательную поставку лошадей населением, т. е. ввести военно-конскую повинность.

В решении также отмечалась и необходимость усиления строительства казарм, «...не только для ускорения мобилизации и сосредоточения войск, но и в особенности для успешного их образования...»³.

Совещание при этом приняло к сведению заявление министра финансов о том, что вопрос о замене натуральной постоянной повинности денежной разрешен в министерстве и в ближайшее время будет внесен на рассмотрение Государственного совета.

Таким образом, и эти вопросы решены были в духе проектов Военного министерства.

Вследствие того, что Совещание в целом протекало в духе предложений Военного министерства, кн. Барятинский и другие противники преобразований армии развивали бешеную деятельность, чтобы сорвать намечавшуюся реорганизацию войск и добиться введения прусской системы управления.

«...рядом с официальными заседаниями в «Готической» зале Зимнего дворца, — рассказывает Милютин, — в соседних же покоях продолжалась закулисная работа с помощью прежней подпольной клики. Фадеев попрежнему бывал ежедневно по вечерам у кн. Барятинского.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 9—2. (Нумерация листов спутана).

² Там же, л. 11.

³ Там же, л. 10.

В редакции «Русского мира» продолжалось сочинение пасквилей и клевет. Государю подсовывали разные записки, мнения, то рукописные, то печатные. Членам Совещания разослана была печатная записка ген. Свистунова, под фирмою великого князя Михаила Николаевича, о придуманной ими чудовищной организации пехотных дивизий (в составе 6 полков. — П. З.) и разделении всех военных сил России на четыре армии. В записках, печатавшихся под именем другого великого князя — Николая Николаевича, — также проводились разные неудобноисполнимые затеи»¹.

В записках вел. кн. Николая Николаевича ставился вопрос об изменениях существовавшей системы организации войск и военного управления в духе дореформенных порядков. В них указывалось на необходимость восстановления армейских корпусов и образования из них пяти армий — северной, южной, западной, центральной и кавказской. Эти войска не должны были входить в состав военных округов. Вел. кн. Николай Николаевич лицемерно отмечал при этом, что осуществление его предложений отнюдь не нарушит настоящей системы военного управления. «Я не могу убедиться, — писал он, — в чем именно и в каком смысле предполагаемое выделение действующих войск в особую строевую организацию может нарушить основание военно-окружной реформы? Это никогда не было моим намерением; напротив, я всегда полагал, что, освободив из своего состава одни только действующие войска и возвратив им прежнюю возможность твердо и систематически вести дело своей мирной подготовки, военно-окружная организация могла бы с удвоенной пользой выполнять естественную цель своего учреждения в виде местных административных и хозяйственных органов Военного министерства»². Осуществление этого, естественно, вело к превращению Военного министерства в хозяйственно-административный орган, т. е. к реорганизации военного управления в духе прусской военной системы.

Перед четвертым заседанием 10 марта, на котором должен был обсуждаться вопрос о контингенте ежегодно призываемых в армию, а также сроках действительной службы (т. е. 5-й пункт программы), Александр II предложил Милютину перейти на предстоящем заседании прямо к обсуждению следующего, шестого вопроса, касавшегося организации войск³.

«При этом, — пишет Милютин, — государь вынул из ящика своего письменного стола несколько листов, исписанных им собственноручно карандашом: «Вчера, на досуге, после охоты, — сказал он, — я набросал *свои* мысли о новой организации армии и, хотя я не читал записки Михаила Николаевича, но оказалось, что мы с ним сошлись в мнениях». Затем государь, — продолжает Милютин, — прочел мне свою записку. Действительно, она была совершенно сходна с предложением великого князя; но сверх того в ней заключалось еще многое, что было бы уже вовсе неудобноисполнимо... Государь объявил мне намерение предъявить прочитанную записку в заседании. Я позволил себе заметить, что в этой

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7851, стр. 232—233.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 79037, л. 112. В этой записке автор критиковал предполагавшееся назначение резервных войск, которые обрекались «... на второстепенную пассивную деятельность», а также указывал на необходимость включения частей полевой артиллерии в состав пехотных и кавалерийских дивизий.

³ Все остальные пункты программы, предложенной совещанию, начиная с шестого, касались вопросов как общей организации войск, так и организации отдельных родов оружия.

записке заключается уже полная, законченная организация и, следовательно, вместо предполагавшегося последовательного обсуждения отдельных вопросов, поставленных в программе, придется говорить обо всем разом, или, вернее, нечего будет и говорить, потому что с прочтением собственного его величества предположения всякое дальнейшее обсуждение предмета сделается излишним и невозможным. Доводы эти не подействовали...»¹.

Вскоре после начала заседания Александр II повторил, что находит нужным, обойдя пятый вопрос программы, перейти непосредственно к шестому и последующим вопросам, полагая, что рассматривать их по отдельности нельзя. После этого заявления начались выступления с предложениями различных проектов организации войск. Наиболее полно излагавшей точку зрения кн. Барятинского явилась записка ген. Хрущева, в которой предполагалось, уничтожив деление на военные округа, образовать из войск, расположенных в Европейской России, четыре армии: Петербургскую, Варшавскую, Киевскую, Московскую.

Эту же точку зрения по существу разделял и фельдмаршал гр. Берг, предлагавший сохранить в Европейской России лишь четыре укрупненных военных округа, которые в военное время должны были быть преобразованы в четыре отдельные армии.

«Подобные чудовищные проекты, — рассказывает Милютин, — выслушивались с выражением сочувствия... Сам государь, не выждав, чтобы высказались все мнения, поспешил прочесть и *свою* записку². Оба фельдмаршала и великие князья только поддакивали, и когда чтение кончилось, выразили приятное удивление такому *случайному* совпадению мнений... Тогда государь передал мне свою записку со словами: «Так прикажи на этих основаниях сделать все нужные расчеты», и затем завел речь о предположениях, высказанных перед тем относительно замены военных округов учреждением четырех больших армий... До этого времени, — продолжает Милютин, — я все молчал, но сознаюсь, в душе у меня кипело: слышать в продолжение трех часов столько неисполнимых и несообразных предположений, столько несправедливых порицаний всей существовавшей системы, выработанной двенадцатилетними трудами, и не иметь даже возможности вставить свое слово — было такою пыткой, что нехватило у меня сил сохранить до конца спокойствие и хладнокровие. В немногих словах я высказал, что прочитанные предположения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации; что уничтожение военных округов будет возвращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям и проч. и проч. Всё это было высказано горячо и резко и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах»³. Вскоре после выступления Милютина Александр II закрыл заседание.

Рассказ Милютина подтверждается записью Александра II в его памятной книжке: «...¹/₂ I воен[ный] Коми[тет] разн[ые] проект[ы] схо-

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7851, стр. 233—234.

² В этой записке предполагалось создание пехотных дивизий в составе шести полков, разделенных на две бригады. Каждый полк должен был состоять из четырех батальонов четырехротного состава. Артиллерийские бригады — в составе 12 батарей, разделенных на три отделения. Этот проект сохранился в д. № 79037 как в автографе Александра II, так и в записке, принадлежащей перу гр. Адлерберга, составленной им по указанию царя.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7851, стр. 235—236.

дится с моим. Сокращ[ение] округ[ов]. Обида Воен[ного] мини[стра]. Отлож[ил] до подроб[ных] расчет[ов]»¹.

В этот же день вечером Милютин присутствовал на парадном обеде во дворце, где, как он рассказывает, «Государь отыскал меня в толпе, взял за руку, отвел немного в сторону и, нагнувшись, на ухо сказал мне кротким и мягким тоном: «Как не стыдно было тебе рассердиться. Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом». В воскресенье, 11 марта, — пишет Милютин, — ...прихожу к государю. Он дает мне руку, обнимает меня и смущенным голосом говорит: «Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось. Мало ли какие приходится слушать несообразности...»². В памятной книжке за это число Александр II упоминает о «неприятном» разговоре с Милютиным.

Подобный факт является иллюстрацией бесхарактерности, граничащей с беспринципностью, присущей российскому самодержцу. С одной стороны, личные симпатии консервативно настроенного царя сближали его с кн. Барятинским и другими противниками преобразований в армии, с другой стороны, стремления к укреплению военной мощи своей империи заставляли его прислушиваться к голосу своего военного министра и выступать против своих единомышленников.

Однако примирение царя с Милютиным не означало еще крушения всех планов оппозиции, хотя Александр II и высказал военному министру свои соображения о сохранении военных округов.

Через несколько дней царь передал Милютину составленное им самим распределение полков по дивизиям в связи с вновь предполагаемой организацией их в составе шести полков. При этом по тону Александра II, как рассказывает Милютин, чувствовалось, что этот вопрос решен им окончательно. Через несколько дней в Главном штабе были составлены подробные расчеты по этим штатам, которые и были представлены царю. Эти расчеты, как утверждает Милютин, произвели на Александра II сильное впечатление. Во-первых, они указывали на невозможность правильно укомплектовать людским запасом все намеченные в проекте части войск. Во-вторых, намечаемая реорганизация вызвала дополнительный расход в 13 млн. руб. ежегодно. Но вместе с тем доводы Милютина, пытавшегося доказать нецелесообразность введения новой организации армии, не убедили царя. По его мнению, создание шестиполковых дивизий, разделенных на две бригады, имело большое значение в смысле развертывания вооруженных сил в период войны: дивизионные штабы превращались в корпусные, бригадные — в дивизионные. Однако расчеты представленные Главному штабом, все же заставили призадуматься как самого царя, так и подлинных авторов этого проекта.

24 марта, т. е. через две недели после последнего заседания, этот вопрос был окончательно решен на совещании в кабинете Александра II. «...К концу моего доклада, — рассказывает Милютин, — собрались в государевом кабинете, кроме наследника-цесаревича, и оба великие князя Николай и Михаил Николаевичи. Государь объявил, что пригласил их для того, чтобы еще раз переговорить о предположенной организации армии. Тут в первый раз я был *вызван* на объяснение моих возражений против системы, считавшейся уже решенной. Разумеется, я высказал все свои аргументы, чтобы объяснить существенную разницу в значении различных более или менее крупных единиц в организации

¹ ЦГИАМ, ф. Александра II, опись 1-я, д. № 61, запись 10 марта 1873 г.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М., 1851, стр. 238.

войск: корпусов, дивизий, бригад... в заключение я прибавил, — продолжает Милютин, — что в случае, если уже признать необходимость приготовления в мирное время инстанции корпусного командира, то лучше прямо ввести эту инстанцию в постоянную организацию армии, чем под другим именем, расстраивая для того основную военно-административную и строевую единицу — дивизию. Последние эти слова мои послужили как бы развязкой гордиева узла. Государь, видимо, обрадовался, открыв выход из запутанного положения. Заметно было, что он и вызвал меня на объяснение с тем именно, чтобы отступить от прежнего решения...

Дело приняло вдруг совершенно неожиданный для меня оборот. Решено было не изменять существовавшего числа и состава дивизий; только полкам дать четырехбатальонный состав, по четыре роты в батальоне с сохранением двухшереножного строя. Затем принята была сделанная мною уступка относительно восстановления бригадных командиров и образования корпусов. На этих основаниях поручено было мне составить новое предположение, для окончательного обсуждения которого собрать совещание «надеюсь в последний раз», прибавил государь¹.

Однако это соглашение еще далеко не решало вопроса о сохранении существующей системы военного управления. Все зависело от того, кому будут подчинены командиры корпусов: либо командующим военными округами, либо непосредственно военному министру, либо даже самому императору. Во втором и третьем случае военные округа потеряли бы свое значение, превратившись в административно-хозяйственные управления.

Великие князья Михаил и Николай Николаевичи настаивали на довольно своеобразном решении этого вопроса: подчинить командиров корпусов военным округам лишь там, где во главе их не стоят члены императорской фамилии, причем Александр II склонялся к подобному решению вопроса.

Окончательно же вопрос о военных округах был решен на пятом и последнем заседании секретного совещания, состоявшемся после трехнедельного перерыва — 31 марта.

Как рассказывает Милютин, Александр II, открывая заседание, дал понять всем присутствовавшим, что вопрос об организации армии окончательно решен им в духе проекта Военного министерства. Однако после этого выступил кн. Барятинский с речью, в которой пытался снова доказывать нецелесообразность подчинения строевых командиров, т. е. командиров корпусов, военным округам, в которых «преобладает бюрократия», неспособная проявлять заботу о нуждах войск.

Выступление кн. Барятинского не было никем поддержано, а великие князья Михаил и Николай Николаевичи отказались от своих прежних предложений.

Таким образом вопрос и был решен в основном в соответствии с предложениями Военного министерства.

В решениях совещания по вопросам организации армии указывалось, что увеличение состава действующих войск необходимо производить: «...прибавкою новых боевых частей. В военное же время сверх того формировать такие *резервные части*, которые могли бы выполнять преимущественно тыльную службу... Для пополнения в военное время убыли в войсках, действующих и резервных, формировать *войска запас*»

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 7851, стр. 251—253.

ные, не устанавливая, однако, никакой зависимости между сими последними действующими и резервными войсками... Для *резервных и запасных* войск в мирное время кадров не иметь, но обеспечить формирование их всем необходимым материальным имуществом и содержать в потребности сих частей в составе действующих и местных войск определенное число офицеров, а при складах имущества — необходимое число нижних чинов хозяйственного разряда... Для исполнения внутренней службы оставить попрежнему в необходимом числе *местные войска* с тем, чтобы они служили также средством и отчасти готовым материалом для усиления и более прочного устройства в военное время кадров резервных и запасных войск»¹.

Таким образом, основные принципиальные положения соответствовали решениям организационной комиссии, за исключением вопроса о запасных и местных войсках.

В отношении комплектования армии секретное совещание сочло нецелесообразным создавать постоянные территориальные участки, которые обеспечивали бы пополнение той или иной части войск, однако при этом указывалось на необходимость «по возможности» пополнять войска как в мирное, так и военное время из определенных районов.

По вопросу организации и состава действующих войск было принято следующее решение: количество действующих пехотных дивизий оставить без изменения, за исключением формирования вновь одной пехотной дивизии в Кавказской армии. Каждую пехотную дивизию разделить на две бригады, учредив для этого должность командира бригады с небольшим при нем управлением.

Организация пехотных дивизий должна была определяться четырьмя полками, полк — четырьмя батальонами, батальон — четырьмя ротами. Таким образом, численность действующих войск почти не изменилась. Если ранее полк состоял из трех батальонов пятиротного состава, то по новой организации — из четырех батальонов по четыре роты в каждом.

Действующей пехоте присваивалось два состава: военный по 54 ряда во взводе и мирный — по 24 ряда. Все дивизии, за исключением одной, расположенной на южной границе Кавказа, должны были содержаться в мирное время в мирном составе. «Что касается до содержания некоторого числа дивизий усиленного состава в западном пограничном пространстве, — говорилось в заключение, — то выяснить этот вопрос впоследствии по ближайшему соображению с теми финансовыми средствами, какие будут оставаться в распоряжении Военного министерства»².

Таким образом, даже такой важнейший вопрос, как обеспечение боевой готовности частей войск, расположенных непосредственно в пограничных районах, не мог быть решен из-за отсутствия денег.

В кавалерии предложено было существующие дивизии, состоящие из шести полков, разделить пополам, образовав таким образом 16 кавалерийских дивизий 4-полкового состава, для чего каждой из них придать по одному донскому казачьему полку. Кавалерийские дивизии, подобно пехотным, разделить также на две бригады, причем первой бригадой должен командовать начальник дивизии, второй — особый командир бригады.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 12—14.

² Там же, л. 15.

Состав артиллерийских частей должен был определяться восьми-батарейными артиллерийскими бригадами; общее же количество пешей артиллерии — таким соотношением к числу пехотных дивизий, при котором на одну дивизию должно иметься 8 батарей, количество же конной артиллерии — из расчета две конно-артиллерийских батареи на одну кавалерийскую дивизию.

Инженерные войска должны были составлять 5 саперных бригад (4 в Европейской России и одна на Кавказе). Состав саперной бригады определялся тремя саперными батальонами, состоящими из пяти рот, двумя двухротными понтонными батальонами, одним железнодорожным батальоном и двумя парками — военно-телеграфным и полевым инженерным. Состав саперной бригады, расположенной на Кавказе, должен был быть несколько меньшим.

Далее в решении совещания указывалось на необходимость создания в мирное время армейских корпусов в пограничных районах. Дивизии же, расположенные внутри страны, в мирное время в корпуса не сводить. «Корпусные командиры, — говорилось в решении, — во всех отношениях и по всем частям подчиняются главнокомандующим и командующим войсками в военных округах»¹.

Наконец, на последнем заседании был рассмотрен также вопрос о продолжительности действительной службы, причем срок ее был определен в шесть лет. При этом указывалось на возможность увольнения солдат в запас административным порядком и ранее шестилетнего срока. Таким образом, новая система организации вооруженных сил была сохранена.

Но и по окончании секретного совещания противники преобразований армии не отказались от дальнейшей борьбы. «...Я уверен, — записывает в день окончания совещания в своем дневнике наследник престола, — что будут еще перемены и что это решение все еще не окончательное»².

* * *

Анализируя как результаты деятельности Военного министерства в области дальнейшего развития вооруженных сил, так и итоги секретного совещания, мы можем сделать следующие выводы.

Постановка вопроса о реорганизации армии в смысле ее дальнейшего развития была вызвана увеличением вооружений главнейших европейских государств и, в первую очередь, образованием на границах России нового милитаристического государства — Германии, а также и ростом классовых противоречий в стране.

Проект Военного министерства по реорганизации вооруженных сил, предложенный на обсуждение секретного совещания, страдал рядом существенных недостатков (прусская территориальная система комплектования, крайне незначительное увеличение действующих войск, неудовлетворительное решение вопроса об организации резервных частей).

Стратегическая записка, составленная ген. Обручевым, более правильно решала вопросы, связанные с обороной государства, намечая в соответствии с этим и меры для укрепления государственных границ и возможных театров военных действий.

Решительные возражения по проекту организации войск и мерам по укреплению обороны границ (строительство крепостей, развитие же-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 78854, л. 25.

² ЦГИАМ, ф. Александра III, д. № 77. Запись 31 марта 1873 г., стр. 241.

лезных дорог) были высказаны министром финансов в силу категорического отрицания им возможности увеличения бюджетных ассигнований в соответствии с предполагавшимися расходами.

В связи с этим секретное совещание, хотя и приняло в целом проект Военного министерства, однако фактически вопросы увеличения армии и укрепления государственных границ были отклонены. Осуществление этих мер рекомендовалось сочетать «с наличными финансовыми средствами».

Решения секретного совещания в области организации армии сохраняли в целом существующую военную систему, несмотря на проiski Барятинского и сочувствовавшей ему дворцовой камарильи.

Наряду с сохранением новой военной системы секретное совещание приняло ряд решений, ухудшавших принцип организации армии (частичное осуществление прусской территориальной системы комплектования, неудовлетворительное решение вопроса о резервных войсках).

Восстановление армейских корпусов на новой основе было, бесспорно, положительной мерой, создававшей условия для более быстрого развертывания армии во время войны, а также и улучшавшей боевую подготовку войск.

Создание пехотных бригад отнюдь не являлось необходимым, так как не определялось вовсе потребностями организации армии.

Таким образом, в результате решений секретного совещания существующая военная система организации и управления армии была сохранена. Однако все дальнейшие мероприятия по усилению вооруженных сил и укреплению пограничных театров в силу финансовых соображений сводились на нет.

* * *

Переходя к рассмотрению вопроса о подготовке всесословной повинности, остановимся на записке «О главных основаниях личной военной повинности», представленной военным министром Александру II 7 ноября 1870 года.

В начале этой записки излагались причины, вызвавшие необходимость введения всесословной воинской повинности.

«Происшедшие в последние годы во всех почти европейских государствах изменения в организации вооруженных сил, — писал он, — представившие им возможность, не увеличивая числительности армий в мирное время, развивать их во время войны до огромных размеров, возбудили вопрос о соответственном усилении и наших войск»¹.

Развивая свою мысль, военный министр указывал, что, помимо определенной по штатам военного времени армии в 1.200 тыс., необходимо образовать из бессрочно-отпускных особый резерв в 500—600 тысяч человек, а для этого требуется увеличить ежегодно призываемый контингент до 160 тысяч, что составило бы при существующей системе набора около 6 рекрут с 1.000 ревизских душ.

Такое увеличение контингента призываемых в рамках действующего рекрутского устава, по его мнению, было бы весьма тягостным для податных сословий, на которые исключительно ложилась военная повинность, в то время как эта мера при условии распространения обязатель-

---

¹ ЦГИАЛ, ф. № 1275 Совета министров, опись 1-я, д. № 83, 1870, л. 25. Указанная записка хранится также в ф. Д. А. Милютин. Отд. рук. ГБЛ (М. 10499) и в ф. П. А. Валуева (ЦГИАЛ), д. № 38, с пометками на полях карандашом Валуева.

ной службы в армии на все народонаселение отнюдь не была бы обременительна. Кроме того, Милютин указывал, что при существующей системе набора невозможно обеспечить армию офицерскими кадрами, некомплект которых даже по штатам мирного времени достигал почти 3.000 человек.

Далее в записке ставился следующий вопрос: нужно ли привлечь к отбыванию воинской повинности все население государства на одинаковых основаниях или необходимы какие-либо отступления? По мнению военного министра, «при разнообразии населения Империи в отношении его гражданского развития и устройства некоторые местные особенности неизбежны»¹.

Во-первых, казачье сословие «должно быть оставлено при своих порядках отправления военной повинности»; во-вторых, устранены от призыва народы Кавказа и некоторых восточных областей вследствие «низкой степени их гражданского развития» и, в-третьих, освобождено от повинности население Финляндии в силу того, что эта область имеет особое государственное устройство.

Освобождение привилегированных сословий от рекрутской повинности «...более или менее оправдывалось крепостным правом и прежними тяжелыми условиями солдатского быта. Но теперь, — указывалось в записке, — с преобразованиями, совершившимися во всех отраслях гражданского и военного устройства, ...ничто, повидимому, не препятствует справедливому распространению военной повинности на все сословия, в чем ныне, более чем когда-либо, представляется необходимость, едва ли не всеми сознаваемая»². Однако Милютин считал, что с привлечением к воинской повинности всех сословий не может быть соблюдено полное единообразие в отбывании ее. «Необходимо допустить многие и существенные льготы, — писал он, — не столько в видах сохранения привилегированного положения высших классов населения, сколько в интересах самого государства и общества»³, имея в виду как льготы по образованию, так и по характеру государственной и общественной деятельности. Таким образом, Милютин стоял на точке зрения сохранения некоторых сословных преимуществ.

В конце записки излагался «Проект основных начал положения о личной военной повинности», который сводился к следующему: 1) Все лица от 21 до 41 года, независимо от сословной принадлежности, состоят в одном из четырех разрядов вооруженных сил: а) в регулярной армии или флоте, б) в войсках иррегулярных, в) в запасных войсках, г) в ополчении. 2) Зачисление на действительную службу в армию и во флот или же прямо в ополчение решается жребием. 3) Льготы по семейному положению — освобождение от жеребьевки предоставляются: а) единственному сыну отца или матери-вдовы, б) единственному внуку деда или бабки-вдовы, не имеющей сыновей, в) брату круглых сирот, г) единственному сыну, оставшемуся после смерти родителей, если он имеет семейство, хозяйство или дом. 4) Льготы по образованию — отсрочки предоставляются лицам, обучающимся к моменту призыва в средних и высших учебных заведениях. 5) «В мирное время, — указывалось в записке, — допускается *замещение* на особых основаниях со взносом определенной выкупной суммы и притом соответственно числу имеющих в распоряжении правительства выкупных прав. Освободившиеся

¹ ЦГИАЛ, ф. № 1275 Совета министров, опись 1-я, д. № 83, 1870, л. 27.

² Там же.

³ Там же.

от службы этим способом зачисляются в ополчение на общем основании»¹. 6) Общий срок службы в армии и во флоте устанавливается в 10 лет, «... но из этого срока в мирное время солдаты находятся на действительной службе только такое число лет, на какое признается нужным удерживать их в строю, соответственно наличной численности армии... на остальные же годы они увольняются во временный отпуск»². Окончившие срок действительной службы перечисляются в бессрочно-отпускные и состоят в запасных войсках в течение 5 лет, после чего перечисляются в ополчение, в котором и числятся до 41 года. 7) Лицам, окончившим средние и высшие учебные заведения, а также имеющим право поступать на государственную службу в гражданские ведомства, предоставляется право поступать в армию вольноопределяющимися на сокращенные сроки службы. По окончании срока службы вольноопределяющиеся могут либо зачисляться в запас нижними чинами, либо, выдержав экзамен на офицерский чин, быть зачисленными в запас офицерами, или же остаться в рядах армии в офицерском звании.

Таково вкратце содержание записки военного министра.

17 ноября было опубликовано «высочайшее повеление» о создании двух комиссий: одной — для разработки Положения о воинской повинности; другой — для составления Положения о запасных, местных и резервных войсках и Государственном ополчении. Общее руководство работой комиссий возлагалось на военного министра, непосредственным же председателем обеих комиссий назначался начальник главного штаба гр. Гейден.

Комиссия о воинской повинности была образована из представителей различных министерств и ведомств в следующем составе: от Военного министерства — ген.-майоры Клугин, Обручев, Аничков и Анненков; от Морского — контр-адмирал Стеценко и капитан I ранга Свешников; внутренних дел — действ. статск. сов. Семенов и Маков; финансов — тайный совет. Гирс и Демонтович; народного просвещения — тайн. совет. Воронов; государственных имуществ — тайн. совет. Протопопов; департамента уделов — тайн. совет. Кетчер; II отделения «собственной е. в.» канцелярии ст. совет. Калугин, «собственной е. в.» канцелярии по делам Царства Польского действ. статск. совет. Евреинов; делопроизводители комиссии: действ. статск. совет. Лебединцев, полк. Генерального штаба Шнитников, Максимовский и ст. советн. Розинг.

Несколько позднее в состав комиссии были введены тайный советник Гернгросс и несколько представителей от войск: ген.-ад. Дрентельн, князь Масальский, ген.-лейт. Суходольский и ген.-майор Зейме.

10 декабря 1870 года вопросы о введении всесословной воинской повинности и реорганизации армии обсуждались на заседании Совета министров. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, «В Совете министров не было возражений против основных идей проекта, высказаны были лишь частные замечания, вследствие которых были сделаны впоследствии некоторые изменения в первоначальных предположениях»³. Подобное утверждение министра не соответствует действительности. При обсуждении проекта Устава о воинской повинности в Совете министров были внесены серьезные изменения, а не частные исправления, как он утверждает в своих «Воспоминаниях». Этот вывод мы делаем на основе

¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. № 83, 1870, л. 30.

² Там же, л. 29.

³ Отд. рук. ГьЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7850, стр. 103.

сопоставления рассматривавшегося нами выше проекта устава с новым его вариантом, представленным военным министром 20 декабря в виде «Руководящих оснований» для разработки проекта устава о воинской повинности»¹.

Если в записке от 7 ноября считалось возможным сохранение откупов от военной службы, то в «Руководящих основаниях» указывалось, что «...замещения или откупа от военной службы не допускаются. Подлежит определению: на каких основаниях могут быть временно сохранены ныне существующие замещения как мера переходная»².

Вопрос о сроке службы в армии также решался несколько иначе. Вместо 10-летнего срока службы устанавливается 7-летний, причем так же, как и в первом случае, допускалось досрочное увольнение во временный отпуск, т. е. в запас.

Помимо этого, отдельные частные вопросы излагались в более конкретной форме, нежели в записке 7 ноября. Нам представляется, что эти изменения и явились результатом обсуждения указанной выше записки на заседании Совета министров.

В подтверждение этого мы располагаем еще одним, достаточно веским аргументом — запиской Валуева, представляющей собой его заметки к предстоящему заседанию Совета министров. В этой записке Валуев отмечал недопустимость сохранения права откупаться от военной службы.

«Считаю, — писал Валуев, — воспрещение замещений и выкупов краеугольным камнем новой системы. Думаю, на первый взгляд, что единственные возможные замещения у нас могут быть определены третьей степенью родства или свойства. Выкупные права, конечно, распоряжением правительства должны прекратиться. Следовательно, здесь вопрос только во временных мерах для постепенного перехода от нынешнего к будущему...»³.

В заключение Валуев указывал на необходимость распространения льгот по образованию не только на окончивших высшие и средние учебные заведения.

* * *

5 января 1871 года «Комиссия для составления нового Положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском» приступила к работе. Помимо перечисленного выше состава, на заседания комиссии приглашались представители тех или иных ведомств, а также сословий и отдельных групп населения. Так, например, на ряде заседаний присутствовали: череповской городской голова почетный гражданин Милютин, мануфактур-советники Сазиков и Морозов, московский купец 1-й гильдии Найденов, купец Четвериков, С.-петербургский городской голова Погребов, С.-петербургский предводитель дворянства гр. Бобринский, а также представители земств различных губерний. При обсуждении льгот по художественному образованию приглашался директор СПб консерватории Азанчевский, по вопросу об отбывании воинской повинности евреями — доктор философии Зейберлинг, профессор Хвольсон и барон Гинцбург. При обсуждении того или иного вопроса они принимали участие в голосовании наряду с членами комиссии.

¹ В фонде Совета министров не имеется ни одного журнала заседаний. Дело того или иного заседания состоит из представлений и относящейся к этому вопросу переписки.

² ЦГИАЛ, ф. Совета министров, дело № 83, 1870, л. 55.

³ ЦГИАЛ, ф. Валуева. Опись-картотека, д. № 38, л. 89.

Для подготовки тех или иных разделов проекта члены комиссии были разделены на 4 группы — отделы. Так, первому отделу была поручена разработка вопроса о сроках службы и льготах по отбыванию воинской повинности, второму — о возрасте призываемых на службу, о системе призывов и о способах их проведения; третьему — о денежных расходах по призыву; четвертому — о вольноопределяющихся и о военной замене.

По мере разработки того или иного вопроса в отделе составлялся доклад, который обсуждался в общем присутствии комиссии, где и выносилось окончательное решение. Отдельные вопросы решались на совместном заседании с комиссией для составления Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении.

Не ставя своей задачей последовательно излагать ход работы комиссии, остановимся на разработке ею важнейших разделов проекта устава.

Воинская повинность распространялась на все население Империи и Царства Польского, за исключением Закавказского края, Туркестанского военного округа, Приморской и Амурской областей, а также северных округов Енисейской, Тобольской и Томской губерний. Кроме того, казачье сословие, население Финляндии, Северного Кавказа, Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей, а также «бродячие и кочевые инородцы» Сибири должны были отбывать воинскую повинность на особых основаниях.

Общий срок службы для лиц, призванных в армию, устанавливался в сухопутных войсках в 15 лет; 6 лет действительной службы и 9 лет запаса; в отдаленных местностях и во флоте — 7 лет действительной службы и два года запаса¹. По истечении общего срока службы находившиеся в запасе перечислялись в ополчение, в рядах которого должны были состоять до 38-летнего возраста.

Призыву подлежали лица, которым к 1 января текущего года исполнилось 20 лет.

Ежегодный контингент призыва определялся в 27—30% от числа лиц призывного возраста, остальные же зачислялись прямо в ополчение. Вопрос о призыве на действительную службу определялся наличием льготы, а при отсутствии таковой — жеребьевкой.

В целях облегчения отбывания воинской повинности лицами, получившими образование, а также для обеспечения вооруженных сил достаточным количеством офицеров и военных специалистов, вводился институт вольноопределяющихся.

Устанавливая образовательный ценз, необходимый для вольноопределяющихся, комиссия пришла к заключению, что «... хотя и желательно принять за нормальную степень для приема вольноопределяющимся знание курса наук в средних учебных заведениях, но во внимание, с одной стороны, к большей потребности армии в офицерах, в особенности при будущем ее устройстве, а с другой — к малочисленности лиц, оканчивающих ныне курс в высших и средних учебных заведениях, комиссия предложила принимать также в войска на правах вольноопределяющихся лиц, окончивших курс учения в прогимназиях, уездных училищах и в других, соответствующих им, учебных заведениях, признавая это тем более возможным, что подобные лица могут дополнить свое образование

---

¹ Для «нижних чинов» пехоты, пешей артиллерии и инженерных войск срок действительной службы определялся фактически пятью лагерными сборами, после чего они увольнялись во временный отпуск.

в юнкерских училищах. . .»¹. В соответствии с этим для лиц, вступающих в ряды армии вольноопределяющимися, было установлено 3 разряда.

Первый — для лиц, окончивших высшие учебные заведения. Срок действительной службы — 3 месяца. Второй — для лиц со средним образованием со сроком службы 1 год и третий — для окончивших учебные заведения третьего разряда (прогимназии, уездные училища и др.) — 2 года. По окончании срока действительной службы вольноопределяющиеся зачисляются в запас на общих основаниях. При условии сдачи соответствующих экзаменов вольноопределяющиеся производятся в офицеры с оставлением их в кадрах армии, либо с зачислением в запас. Первые два разряда вольноопределяющихся производятся в офицерский чин по окончании срока их действительной службы при условии обязательного прохождения одного лагерного сбора; вольноопределяющиеся третьего разряда — после годичной службы в рядах войск и окончания 2-го-дичного курса юнкерских училищ, т. е. через три года. Право вступления в армию вольноопределяющимися было предоставлено лицам, начиная с 17-летнего возраста. Срок действительной службы для лиц с высшим образованием был явно недостаточен, что обуславливалось лишь интересами господствующих классов.

Серьезные разногласия вызвал вопрос о предоставлении евреям права поступать на службу вольноопределяющимися, а также о производстве их в офицеры. Если по первому вопросу большинство членов комиссии (30 против 20) пришло к заключению о необходимости предоставить евреям это право, то по второму комиссия не пришла к определенному решению, и вопрос остался открытым.

Председатель комиссии и двадцать четыре члена сочли, что «... право на офицерское звание... должно быть предоставлено евреям не прежде, как по уравнении их во всех прочих гражданских правах с коренным населением Империи... признавая пользу и необходимость скорейшего слияния евреев с прочим населением, полагают, однако, что в настоящее время до решения общего вопроса о евреях не может им быть предоставлено право на производство в офицеры...»².

Двадцать пять же других членов комиссии во главе с ген.-ад. Дрентельном считали возможным предоставить право производства в офицеры евреям, получившим высшее образование, причем двое из сторонников этого мнения (гласный Бессарабского областного земства Кристи и председатель СПБ губернской земской управы барон Корф) настаивали на предоставлении этого права и лицам, получившим среднее образование.

В «Особом мнении» по этому вопросу Кристи писал: «Я, как представитель той местности, которая наиболее населена евреями, могу больше всякого другого свидетельствовать и сознавать тот непомерный вред для нашего края, который проистекает от ненормального и исключительного положения евреев... от этого положения страдают прежде всего сами евреи, но также и все остальное население.

Я убежден, что только полная, всесторонняя реформа, полное уравнение их в правах с прочими гражданами может принести какие-нибудь благотворные результаты»³.

Далее автор, подробно аргументируя возражения своих противников, высказывавших мнение о том, что еврей-офицер не будет уважаем солдатами, указывал, что «русский народ, к чести его будь сказано, менее

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 42040, л. 105—106.

² Там же, л. 109.

³ Там же, л. 148.

всякого другого может заслужить упрек в фанатизме и ненависти к чужой национальности»¹.

Однако в конце-концов этот вопрос был решен отрицательно, так как при равенстве голосов мнение председателя оказало перевес.

Обсуждая вопрос об освобождении от военной службы путем внесения денежного выкупа либо замены, комиссия единогласно, за исключением приглашенных лиц: череповского городского головы Милютин, купца Найденова и мануфактур-советника Морозова, высказалась против, допустив лишь обмен жеребьевыми номерами между родными братьями, родившимися в одном и том же году. Вместе с тем комиссия сочла возможным сохранить существующие на руках зачетные квитанции², которые должны быть представлены к известному сроку и записаны на определенное лицо, дабы предотвратить возможность продажи их.

Сторонники же сохранения денежного выкупа основывали свое предложение на том основании, что «...большинство купеческого сословия, вследствие разных неблагоприятно сложившихся для него исторических условий, не получило до сего времени никакого образования, а потому с призывом на службу лиц этого сословия они обязаны будут продолжительным сроком службы в рядах войск. Установление же выкупа в виде переходной меры, по мнению городского головы Милютин, даст возможность купечеству подготовиться к реформе развитием в среде его образования»³. В целях этого он предлагал сохранить на некоторое время денежный выкуп, причем желающие воспользоваться им должны были вносить 1.000 рублей на улучшение устройства армии. Откупившиеся от военной службы обязаны прослужить в кадрах армии лишь шесть месяцев, после чего зачисляются в запас.

Комиссия аргументировала свой отказ тем, что «...допущение денежного выкупа, хотя и в виде временной меры, поколеблет все значение предстоящей реформы... и при всем том не принесет пользы купечеству... Лица от 16- до 19-летнего возраста, если они не получили образования, могут еще получить его, если они употребят на это те же 1000 рублей, которые потребовались бы на выкуп от военной повинности... Потребность в образовании еще мало развита в большинстве лиц торгового и промышленного классов, они большей частью не желают учиться, хотя имеют к тому все средства. Поэтому в видах интересов торговли и промышленности следует воспользоваться предстоящим введением новой военной повинности, чтобы дать толчок распространению образования в названных классах населения»⁴.

Льготы по отбыванию воинской повинности были установлены комиссией по следующим признакам: семейному положению, образованию, имущественному положению и роду занятий. Льготы по семейному положению большинством голосов были определены следующим образом: льгота I разряда — единственным сыновьям при неработоспособном отце или матери-вдове, либо в случае смерти отца при наличии нетрудоспособных членов семьи (малолетних и стариков — деда или бабушки). Льгота второго разряда — единственным сыновьям при работоспособном отце.

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 42040, л. 150.

² Зачетные квитанции продавались правительством по числу вступивших в ряды армии охотников, а также выдавались как отдельным семьям, так и обществам: 1) за ратников, которые остались на военной службе или умерли, находясь в ополчении; 2) за сданных в рекруты сверх набора, и т. д.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, 42047, л. 106.

⁴ Там же, л. 6—7.

Льгота третьего разряда — для лиц, непосредственно следующих за братьями, находящимися на действительной службе.

Льготы по образованию устанавливались двоякого рода: отсрочка от призыва до окончания полного курса средних и высших учебных заведений и сокращение срока действительной службы, сообразно полученному образованию. Для завершения образования устанавливались следующие сроки: для окончания гимназии до 22 лет; для окончания университета — 27, духовных академий — 28. Комиссия «сочла справедливым» время отсрочки засчитывать в общий срок службы, сокращая период пребывания в запасе.

Сроки действительной службы для лиц с высшим образованием определялись в 6 месяцев, со средним образованием — 1,5 года, причем время нахождения в запасе для лиц этих категорий устанавливалось до 36-летнего возраста. Для лиц, окончивших прогимназии и уездные училища — 3 года, в запасе — 12 лет. Наконец, для лиц, окончивших начальные училища, срок действительной службы — 4 года, в запасе — 11 лет.

Горячие споры развернулись в комиссии по вопросу применения льгот по образованию. При рассмотрении этого вопроса в отделе большинство его пришло к заключению о распространении сокращенных сроков службы лишь на лиц, вступающих в ряды армии добровольно вольноопределяющимися. На лиц, призываемых на действительную службу по жребию, эти льготы не должны были распространяться¹. Общее присутствие комиссии, однако, пришло к другому заключению: распространить сокращенные сроки службы на всех лиц, получивших соответствующее образование, мотивируя свое решение тем, что при условии предоставления этой льготы только вольноопределяющимся многие молодые люди, стремясь скорее отбыть воинскую повинность, будут вступать на военную службу, не окончив курса учебных заведений.

«В подтверждение основательности подобных опасений, — говорилось в решении комиссии, — можно указать на Пруссию, где оканчивающие курс в университетах и гимназиях составляют весьма незначительный процент общего числа учащихся в этих заведениях и даже меньший, нежели у нас, что приписывается именно прусской военной системе, не допускающей других льгот по образованию, кроме поступления на службу охотою и при том на одинаковый срок, т. е. на один год, как для прошедших курс высших или средних учебных заведений, так и для учеников, не окончивших полного гимназического курса»².

Указывая, что «недостаток в образованных и даже только грамотных людях чувствуется на всех поприщах общественной и частной деятельности»³, комиссия подчеркнула необходимость того, чтобы введение воинской повинности «не только не препятствовало, но, напротив того, содействовало достижению вышеозначенной цели»⁴.

При обсуждении вопроса о льготах по имущественному положению также развернулись оживленные прения. Отдел большинством голосов пришел к заключению о необходимости предоставить освобождение от военной службы бессемейным одиночкам, владеющим и непосредственно управляющим земельным участком с заведенным на нем хозяйством или

---

¹ Решительным противником этой точки зрения выступил в отделе представитель Министерства народного просвещения Воронов.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 42032, л. 75.

³ Там же, л. 74.

⁴ Там же.

торговыми, а также промышленными заведениями (с количеством рабочих не менее 5 человек).

Однако в общем присутствии комиссии лишь меньшинство во главе с тайным советником Гернгросом, а также купцами Найденовым, Четвериковым, Сазиковым и городским головой Милютиным поддерживало это предложение.

Комиссия, руководствуясь точкой зрения большинства (28 против 14) постановила предоставлять указанным лицам лишь годичную отсрочку, не зачитываемую в общий срок службы.

К журналу заседания приложено особое мнение купца Найденова, в котором он указывал, что «...принятие общих мер к охранению от расстройств всех более значительных торговых и промышленных предприятий»¹ требует вовсе освобождать от военной службы единственного или одного из сыновей владельцев этих заведений. К этому мнению присоединились Сазиков, Четвериков и Морозов.

Льготы по роду занятий предоставлялись лицам следующих категорий: полное освобождение от военной службы священнослужителям всех христианских вероисповеданий, а также псаломщикам, окончившим курс в духовных академиях и семинариях. Комиссия сочла излишним предоставлять освобождение от военной службы священнослужителям магометанского и иудейского вероисповеданий, мотивируя свое решение тем, что у евреев и магометан на духовные должности избираются лишь люди зрелого возраста, не нуждающиеся в льготе.

Освобождались от действительной службы с зачислением в запас: медицинские и ветеринарные врачи, фармацевты, пансионеры академии художеств и артисты императорских театров, преподаватели высших и средних учебных заведений, а также учителя народных училищ.

Представитель Министерства народного просвещения Воронов, указывая на необходимость освобождения от действительной военной службы учителей, писал: «Широкие льготы по исполнению военной повинности, несомненно, привлекут к преподавательским должностям значительное число новых способных лиц, избирающих теперь другие поприща, более выгодные, и через то дадут возможность учебному начальству не только замещать своевременно открывающуюся вакансию, но и, делая выбор между конкурентами, определять на места наиболее достойных»².

Помимо указанных выше льгот, были установлены также льготы «по условиям поселения».

Рассматривая этот вопрос, комиссия сочла нужным распространить воинскую повинность на колонистов, освобождавшихся ранее от рекрутской повинности, однако наряду с этим было решено сохранить некоторые из льгот, носящих временный характер (русским переселенцам в Польшу, меннонитам и евреям-земледельцам).

В связи с обсуждением вопроса об отбывании воинской повинности евреями, а также и магометанами снова возникли серьезные разногласия.

По действовавшему рекрутскому уставу евреи отбывали эту повинность отдельно от прочего населения, причем еврейские общества самостоятельно намечали лиц, подлежащих вступлению в ряды армии.

При рассмотрении этого вопроса в отделе большинством голосов было принято решение «о необходимости совместного отправления военной повинности евреев с христианами...», однако «...подобная система может быть допущена только тогда, когда будут сделаны соответствен-

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 42039, л. 103.

² Там же, л. 96.

ные изменения в гражданском устройстве еврейских общин... Это есть неперемненное условие, без которого отправление военной повинности евреями совместно с христианским населением не принесет других результатов, кроме положительного вреда для последнего...»¹.

Это решение аргументировалось тем, что «при известной всем внутренней связи, существующей в еврейском населении, последнее представляет у нас нечто совершенно особое, живущее своею собственной жизнью. Отдельность еврейского населения от христианского ведет у нас к тому, что евреи не признают себя как бы гражданами нашего государства; поэтому употребляют все возможные усилия, чтобы избегнуть общих государственных повинностей и податей и прежде всего военной...»².

В докладе отдела указывалось, что подобное положение является в значительной мере результатом той политики, которая проводится в отношении евреев, подтверждением чего может служить тот факт, что «евреи, проживающие за границей, вовсе не отличаются подобным направлением. Там они считаются и сами себя считают действительными гражданами того государства, в подданстве которого состоят...»³.

При обсуждении этого вопроса в Общем присутствии комиссии единогласно было принято решение, что «евреи отбывают воинскую повинность совместно с прочим населением... составляя в городах и волостях одно общество с прочими обывателями»⁴.

Однако на основании мнения большинства членов комиссии в целях борьбы с уклонением от внесения в призывные списки лиц, достигших 21 года, а также неявок в призывную комиссию было решено внести следующие ограничения: 1) в течение первых пяти наборов могут призываться евреи и старших возрастов до 30 лет включительно, в тех призывных участках, в которых «отношение числа внесенных в призывные списки евреев 21-летнего возраста к общему еврейского населения мужского пола окажется ниже такого же отношения в остальном населении участка»⁵. 2) «Призыв к жребью и вынудие жребья производятся евреями совместно с христианами. При этом укрывшиеся от жребья замещаются по порядку номеров жребьевого списка: евреи евреями же, а христиане христианами»⁶. (Подобное решение было принято также и в отношении мусульман).

Меньшинство же в составе 11 лиц (Обручев, Анненков, Гернгрос, Гирс, Гинцбург, Хвольсон, Зейберлинг и др.) решительно выступило против указанных выше ограничений, отмечая, что причины, вызывающие, по мнению большинства, необходимость призывать одновременно несколько возрастов евреев «не столько уважительны, чтобы на основании их можно было допустить отступление от одного из главнейших принципов будущей военной повинности и лишить все еврейское население, в предупреждение уклонений некоторой части весьма важного преимущества отбывать военную повинность одним возрастом... Можно предполагать на основании примера иностранных государств и Царства Польского, что с уравниванием прав евреев с христианами процент уклонившихся от военной службы евреев не будет превышать процента уклонившихся христиан. Следовательно, если является необходимость в установлении

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 42048, л. 28.

² Там же, л. 20.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 67—68.

⁵ Там же, л. 75 (мнение 25 лиц и председателя).

⁶ Там же (мнение 22 лиц и председателя), л. 77.

карательной меры. . . , то мера эта должна относиться одинаково ко всему населению. . . »¹.

Меньшинство также решительно протестовало против установления особых правил при жеребьевке.

Обсуждая вопрос об учреждениях, которые должны вести призывом, комиссия наметила создание уездных и городских (в столицах и крупных городах) по воинской повинности присутствий. На эти присутствия и возлагалась непосредственная работа по призыву. Для наблюдения за деятельностью этих присутствий и разрешения всех возникающих недоразумений проектировалось создание губернских по воинской повинности присутствий.

По вопросу о председателе уездного присутствия в Комиссии произошли разногласия. Большинство (10 лиц) настаивало на возложении этих обязанностей на председателя уездного земского собрания.

Меньшинство же (9 лиц) считало необходимым избирать председателя уездного присутствия на земском собрании, мотивируя это тем, что председатель уездного земского собрания, являвшийся одновременно с этим предводителем дворянства, есть лицо, избранное только одним сословием.

Председателем губернского присутствия должен был быть губернатор.

Таковы основные положения разработанного комиссией проекта устава о воинской повинности.

Комиссия о воинской повинности разработала также и проект Положения о призыве государственного ополчения.

В ополчение должны были зачисляться лица, не проходившие вовсе военной службы, а также и выслужившие положенное число лет (действительной службы и запаса). Предельный возраст пребывания в ополчении устанавливался в 38 лет. Ратники ополчения должны были делиться на два разряда: в первом — лица младших возрастов, предназначенные для пополнения регулярных войск; во втором — все остальные, предназначенные для формирования ополченских частей.

Призыв ополчения должен был производиться лишь в случае войны, причем последовательность призыва для каждого разряда определялась семейным положением. Офицерский состав в ополченских частях должен был избираться губернским земским собранием из числа лиц, обладавших образованием и военными знаниями.

* * *

По окончании работ комиссии о воинской повинности военный министр 19 января 1873 года представил в Государственный совет обширную записку, подробно освещавшую ход работы ее. К этой записке были приложены проекты Устава о воинской повинности и Положения о государственном ополчении.

Эта записка с соответствующими приложениями была разослана для обсуждения отдельным министрам и главноуправляющим ведомств, чьи интересы в той или иной мере соприкасались с предстоящей реформой, причем рядом этих лиц были сделаны обширные замечания на разработанный комиссией проект устава.

Так, товарищ министра иностранных дел Вестман, не возражая в принципе против введения воинской повинности, писал, что «. . . для при-

---

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 42048, л. 72.

ведения в исполнение такой громадной общественной реформы, мы уже упоминали о той *постепенности*, которую следовало бы соблюсти, с тем, чтобы каждый шаг вперед был освещен опытом и чтобы во всяком случае избежать итти вспять. Постепенность, о которой упоминается выше, могла бы заключаться в допущении *выкупа* и в *избавлении*, по крайней мере, воспитанников училищ первого разряда от воинской повинности хотя в виде опыта на 10 лет»¹.

Кроме того, Вестман полагал, что установление сокращенных сроков службы для вольноопределяющихся несправедливо, так как «человек достаточно образованный может быть плохим солдатом и офицером, если, кроме познаний, он не имеет еще личных свойств, необходимых для военного звания...»².

Таким образом, Вестман фактически выступал против основных положений разработанного проекта.

В записке московского биржевого комитета за подписью Морозова и Борисовского, поддержанной частично министром финансов Рейтерном, ставился вопрос о предоставлении освобождения от службы с зачислением в ополчение одному из сыновей владельцев торговых и промышленных заведений, а также о сохранении на 9 лет права выкупа, с тем, чтобы представители торгово-промышленного класса, поступаая в ряды армии, могли бы иметь среднее образование. «Для торгового класса, — говорилось в записке, — в интересах промышленности желательно приобрести облегчение образованием, по крайней мере в средних учебных заведениях, которых между тем у нас еще весьма недостаточно, и потому поступление в них, как известно, чрезвычайно затруднительно. Едва ли... есть возможность обвинять торговый класс, по замечанию комиссии, в нежелании учиться при имении к тому средств...»³.

Обширные замечания на проект устава были сделаны министром народного просвещения гр. Толстым. Все его замечания были в свою очередь рассмотрены Милютиным, составившим по этому поводу отдельную записку, озаглавленную им: «Мнение военного министра по замечаниям министра народного просвещения на проект Устава о воинской повинности».

Первый вопрос, на котором останавливается гр. Толстой, — это распределение учебных заведений на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности. По его мнению, этот вопрос решен комиссией «...на основании лишь заявлений чиновников подлежащих министерств, не в полном соответствии с нормами учебного дела, установленными законодательством и местами более во внимание к случайным признакам, нежели к существенным свойствам учебного плана различных училищ»⁴.

Ссылаясь на пример Пруссии, гр. Толстой считал, что распределение учебных заведений на разряды должно быть предоставлено министру народного просвещения.

Принцип же, которым необходимо руководствоваться при отнесении учебных заведений к тому или иному разряду, по его мнению, определяется следующими признаками: а) возрастом и степенью предварительных познаний, необходимых для поступления в учебное заведение; б) продолжительностью и характером установленного в нем учебного курса и в) ученой квалификацией большинства штатных преподавателей.

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, опись т. XVI, д. № 1, ч. II, л. 443—444.

² Там же, л. 445—446.

³ Там же, л. 170.

⁴ Там же, л. 612.

На это замечание Милютин, со своей стороны, указывал, что подобный принцип не выдерживает никакой критики. «Нельзя не согласиться, — писал Милютин, — ... что разделение учебных заведений на разряды по... признакам, предлагаемым министром народного просвещения, именно по свойству курса учебных заведений и по высоте научных требований от преподавателей повело бы к неопределительности в законе и к значительным неудобствам в практическом отношении. Таким образом, гимназии Министерства народного просвещения и реальные училища, представляя собою две различные системы общего образования — классическую и реальную, различаются между собою по свойству учебного курса; несмотря на то, министр народного просвещения справедливо относит их к одному разряду на основании продолжительности курса. Прогимназии Министерства народного просвещения и будущие городские училища имеют одинаковую продолжительность курса и принадлежат, подобно гимназиям и реальным училищам, к тем же двум различным по своему свойству системам образования, представляя в этих системах только низший разряд; но министр народного просвещения относит их уже к разным разрядам...»¹.

Таким образом, принцип, предлагавшийся гр. Толстым, грешил большой неопределенностью и давал возможность в будущем министру народного просвещения зачислять учебные заведения в тот разряд, в какой он найдет это нужным.

Второй вопрос, на котором останавливался гр. Толстой, относился к льготам по образованию. Признавая в принципе правильным предоставление льгот для окончания учебных заведений, министр народного просвещения указывал, что в той форме, в какой эта льгота предусматривается проектом, «она обратится не в пользу, а во вред образованию, ибо предполагается предоставлять ее не за известную высоту образования, а за нерадение родителей, которые не позаботились раньше и своевременно приготовить своих сыновей к поступлению в учебное заведение, и за собственное нерадение, леность или малоспособность учащихся, которые вследствие того засиживались года по два в нескольких классах или курсах, и, таким образом, вместо того, чтобы окончить курс, например, гимназии, 18 лет отроду, а университета — 22, окончили первый из них 22 лет отроду, а второй — 27. На их-то долю и достанется сокращение на два и на семь лет времени состояния в запасе армии и возможности призыва на войну, и те, которые благодаря заботливости родителей и собственному прилежанию и способностям своевременно поступали в учебные заведения и своевременно оканчивали в них курс, будут лишены этой льготы...»².

Считая, что поощрять «необходимо не леность и нерадение, а заботливость о своевременном окончании учебных курсов», Толстой настаивал на установлении одинакового срока состояния в запасе армии и для тех, кто оканчивает учебные заведения своевременно.

Признавая возможным сохранение отсрочек для лиц, оканчивающих средние учебные заведения, гр. Толстой решительно возражал против сохранения этой льготы для студентов, полагая, руководствуясь опять-таки примером Германии, что они могут легко и удобно сочетать свои занятия с отбыванием воинской повинности.

Решительно отвергая возможность подобного «соединения», Милютин, отмечая, что это было бы вредно как для армии, так и для высших

---

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, опись т. XVI, д. № 1, ч. II, л. 863.

² Там же, л. 617.

учебных заведений, настаивал на сохранении отсрочек для студентов. Касаясь выдвинутых гр. Толстым обвинений военного министра в покровительстве им «ленивых и неспособных», Милютин указывал, что:

«С точки зрения интересов нашего просвещения было бы несправедливо обвинять у нас родителей за то, что они поздно отдают детей в гимназии. Не нужно забывать, что у нас есть губернии, которые равны по пространству целой Пруссии и даже целой Германии, и в которых находится всего только одно среднее учебное заведение ведомства Министерства народного просвещения и каких-нибудь сотни две начальных училищ, притом большею частью плохих... У нас есть даже такие города, в которых нет ни одного уездного училища... Как же обвинять наших родителей, — продолжал Милютин, — в нерадении о воспитании детей, если им часто бывает нелегко их учить и неоткуда взять учителя»¹.

Далее Милютин отмечал, что по существующему законоположению допускается прием детей в первый класс гимназии в возрасте до 13 лет включительно, следовательно, поступив в этом возрасте в гимназию, ученик при самых благоприятных условиях может ее окончить лишь в 20—21 год.

Обширные замечания сделал гр. Толстой и по вопросу сокращения сроков службы по образованию. Он предлагал установить одинаковый годичный срок действительной службы для лиц, окончивших как высшие, так и средние учебные заведения, с той лишь разницей, что первые состояли в запасе 8 лет, а вторые — до 36-летнего возраста.

Лица же, окончившие 6 классов гимназии либо реального училища, должны причисляться ко второму разряду со сроком действительной службы в 1,5 года.

Наконец, для лиц, окончивших учебные заведения, причисленные к 3-му и 4-му разрядам, гр. Толстой требовал сокращения срока службы: для первых вместо трех лет — 2,5 года, для вторых — вместо 4 лет — 3,5 года.

Милютин также решительно отклонял эти предложения гр. Толстого, указывая, что тем самым стирается грань между высшими и средними учебными заведениями.

«Таким образом, — писал Милютин, — с принятием меры, предлагаемой министром народного просвещения, высшим учебным заведениям не было бы дано никаких действительных преимуществ перед средними. Весьма естественно, что неизбежным последствием такой меры будет уменьшение числа учащихся в университетах и других высших учебных заведениях... С другой стороны, окончившим полный курс в гимназиях дается слишком незначительное преимущество сравнительно с прошедшими только шестой класс и, следовательно, оставившими гимназию двумя годами раньше окончания курса, а именно сокращение срока действительной службы только на полгода, что не может не оказать влияния на уменьшение числа оканчивающих курс в гимназиях, тем более, что вышедшие из шестого класса могут получить офицерский чин в то время, когда их товарищи еще не достигнут окончания курса в гимназиях. То же самое, — продолжал Милютин, — ...можно сказать о сокращении до 2,5 лет срока действительной службы по 3 разряду. Такое сокращение может учеников 4 класса, имеющих средства и способности продолжать образование, вводить в соблазн к выходу из гимназии, чтобы отбыть воинскую повинность ранее своих товарищей, которые продолжают учение в гимназии еще два года и, прослужа в действительной

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, опись т. XVI, д. № 1, ч. II, л. 864.

военной службе 1,5 года, могли бы отбыть воинскую повинность лишь целым годом позже»¹.

Возражал также Милютин и против сокращения срока действительной службы для 4-го разряда, аргументируя тем, что это невыгодно для армии, уменьшая в ее рядах число грамотных лиц.

Касаясь вопроса о вольноопределяющихся, гр. Толстой, опять-таки ссылаясь на пример Пруссии, требовал для них «по меньшей мере» образовательного ценза не ниже 6 классов гимназии или реального училища. Он подробно мотивировал это необходимостью обеспечить должный культурный и общеобразовательный уровень для офицеров, считая, что лица, окончившие третьеразрядные учебные заведения, даже при условии прохождения ими курса юнкерских училищ, не смогут удовлетворить этим требованиям.

При анализе возражений гр. Толстого обнаруживается, что действительная причина заключалась не столько в заботе об уровне развития командных кадров, сколько в боязни демократизации офицерского корпуса. «...Корпус офицеров нашей армии, — говорил гр. Толстой, — до сих пор состоявший преимущественно из дворян, вскоре совершенно изменился бы в своем составе, а между тем при теперешнем состоянии нашего общества нет причины желать, чтоб армия наша очутилась в распоряжении лиц мещанского и купеческого происхождения»².

Соглашаясь в принципе с мнением министра народного просвещения о необходимости обеспечить должный уровень развития офицеров, Милютин вместе с тем указывал, что в настоящих условиях невозможно предоставить право поступления в вольноопределяющиеся лишь лицам, окончившим не менее 6 классов средних учебных заведений, так как это не сможет обеспечить необходимого контингента офицерских кадров, комплект которых даже по штатам мирного времени достигал больших размеров. По исчислению военного министра, максимальная цифра вольноопределяющихся из числа лиц, окончивших 6 классов средних учебных заведений и выше, может составить в течение одного года только 580 человек, в то время как недостаток офицеров ежегодно увеличивался на 600 человек.

Касаясь опасений министра народного просвещения в отношении состава офицерского корпуса, Милютин отмечал, что «...и в настоящее время, особенно в армии, находится немалое число офицеров не из дворян, а из детей духовного звания, чиновников, купцов и вообще разночинцев. Без сомнения, — говорил он, — лица купеческого и даже мещанского звания, достигшие известной степени образования, будут в составе офицеров и с введением всеобщей воинской повинности, но нет повода предполагать, чтобы они составили преобладающий элемент в армии»³.

Таким образом, точка зрения Милютина на состав офицерского корпуса мало чем отличалась от взгляда на этот вопрос гр. Толстого. Военный министр отнюдь не стремился к умалению роли дворянства.

Анализируя в целом замечания гр. Толстого, нетрудно усмотреть в них стремление обеспечить монополию привилегированным классам на получение высшего и среднего образования, с одной стороны, и заботу сохранить кастовый, дворянский состав офицерского корпуса — с другой.

Все это вполне соответствовало политическим взглядам гр. Д. А. Толстого.

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, опись т. XVI, д. № 1, ч. II, л. 866.

² Там же, л. 627.

³ Там же, л. 870.

6 марта 1873 года Милютин представил в Государственный совет измененный проект Устава о воинской повинности с учетом тех замечаний, с которыми он согласился. Однако все эти изменения сводились лишь к отдельным деталям и редакционным поправкам, не коснувшись основных положений разработанного комиссией проекта.

* * *

Проект Устава о воинской повинности вызвал также оживленное обсуждение и в прессе. «Отечественные записки» — орган передовой демократической печати, положительно отнеслись к подготовлявшейся реформе. В 1873 году в трех томах (№№ 3—4, 5—6, 7—8) печаталась статья «Общая воинская повинность». Автор ее, скрывавшийся под инициалами «П. С.», чрезвычайно сочувственно относился к проекту военной реформы, разработанному Военным министерством.

«Очевидно, что мотивы, побудившие к введению новой реформы, — писал он, — были чисто военного характера. Коренные специально экономические недостатки нашей рекрутской системы устранялись не потому, что они отзывались губительно на населении, а только «в видах нового устройства военных сил». Но результаты деятельности комиссии, — продолжает он, — не так далеко отличаются от тех, которые получились бы, если бы реформа исходила из желания удовлетворить потребности населения, как того можно было бы ожидать. Основания новой реформы более или менее отвечают желаниям общества, насколько его можно наблюдать»¹. Автор статьи одобрял уничтожение сословных привилегий и права откупов, а также приветствовал предоставление льгот по образованию.

С другой стороны, наибольшее внимание к рассмотрению проекта было проявлено либеральной газетой «Голос», посвятившей этому вопросу целый ряд передовых статей.

«После самого сурового рассмотрения вышеприведенных правил, — говорилось в передовой статье от 5 апреля 1873 года, — нельзя не сказать, что «Положение» вполне обеспечивает судьбы русского просвещения: не соглашаться с ним, протестуя против установленных льгот, значит не понимать ни нужд специально военных, ни требований общегосударственных, значит противодействовать успехам просвещения в пользу успехов невежества и всех губительных его последствий»².

Газета также вполне одобряла и запрещение выкупов и замещений, отмечая, что «...государство не может торговать жизнью своих граждан»³. Одновременно с этим она полагала, что предоставление годичных отсрочек лицам, непосредственно владеющим и управляющим торгово-промышленными заведениями и недвижимым имуществом, вполне обеспечивает их интересы. «Голос» подвергал также критике отдельные пункты проекта, указывая на необходимость освобождения от военной службы не только представителей духовенства христианских вероисповеданий, но и вообще всех лиц духовного звания, независимо от религиозной принадлежности. Кроме того, газета настаивала на целесообразности освобождения от военной службы художников и артистов в более широких размерах, чем это предусматривалось проектом. Касаясь вопроса об обеспечении армии офицерами, «Голос» выражал сомнение, что меры, предусмотренные проектом устава, могут привлечь в ряды кадрового

¹ «Отечественные записки», 1873, № 5—6, стр. 207.

² «Голос» № 95 от 5 апреля 1873 г.

³ «Голос», № 96 от 6 апреля 1873 г.

офицерства образованных людей, сделав для них военную службу привлекательной. Для этого «...необходимы не полумеры, действующие более или менее случайно, вроде различных льгот, как, например, льготы, предоставленные самим Положением вольноопределяющимся, но коренные изменения в условиях прохождения службы... в основание этих условий должно лечь самое широкое признание прав по образованию и выслуг при самом тщательном устранении всяких привилегий по происхождению и материальным средствам, которые не признанные открыто будут в действительности существовать до тех пор, пока не уничтожатся привилегированные войска»¹.

Иную позицию в отношении проекта устава занимали «Московские ведомости». Не возражая против проекта в целом, газета решительно выступала против ряда положений устава, в духе замечаний гр. Толстого.

«Нам кажется, — писали «Московские ведомости», — что в интересах как военного дела, так и народного просвещения, требуется допустить две главные льготы: одну для грамотных, поступающих в ряды армии по жребию; другую — для вольноопределяющихся из молодых людей, успешно окончивших шестилетний курс учения по программе гимназий или реальных училищ»².

Естественно, что установление подобных льгот нанесло бы существенный вред как делу народного образования, так и армии, уменьшая в рядах ее количество образованных людей. Льготы по образованию, рекомендованные «Московскими ведомостями», не стимулировали окончания не только высших и средних учебных заведений, но и начальных. «Московские ведомости» не стеснялись прибегать и к чисто демагогическим приемам, обвиняя в обскурантизме сторонников проекта Военного министерства, аргументируя это тем, что в проекте срок действительной службы для грамотных установлен в 4 года, в то время как, по их мнению, он должен быть ограничен тремя.

В заключение цитированной выше передовой статьи «Московские ведомости» писали: «...Нет, эти господа вовсе не опасаются опустения университетских аудиторий и сами очень хорошо понимают неосновательность такого опасения... они одушевлены иною целью. Они ратуют не за университеты, напротив, они надеются, что распределение военной льготы по предложениям проекта разрушит университетскую систему образования, основанную на гимназиях, и подорвет только что состоявшуюся учебную реформу, которая им не нравится...»³.

* * *

В середине апреля 1873 года проект Устава о воинской повинности поступил на обсуждение в Особое присутствие Государственного совета⁴.

¹ «Голос», № 97 от 7 апреля 1873 г.

² «Московские ведомости», № 106 от 1 мая 1873 г.

³ Там же.

⁴ Особое присутствие о воинской повинности состояло из председателя — вел. кн. Константина Николаевича и членов: председателй и членов департаментов законов и государственной экономии, а также отдельных членов Государственного совета наследника престола вел. кн. Александра Александровича, вел. кн. Владимира Александровича, Михаила и Николая Николаевичей принца Петра Георгиевича Ольденбургского; фельдмаршалов. кн. Барятинского и гр. Берга, генерал-адъютантов: Игнатьева, кн. Суворова, барона Ливена; статс-секретаря Валуева; министров: двора, военного, финансов, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, управляющего морскими министерствами, шефа жандармов и управляющего с. е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского. Помимо этого, в обсуждении основных положений проектов принимал участие министр иностранных дел канцлер кн. Горчаков.

Обсуждение проекта в Особом присутствии вызвало горячие споры по целому ряду вопросов, причем была даже сделана попытка поставить под сомнение целесообразность введения воинской повинности в ближайший период.

На первом же заседании 2 апреля, при обсуждении вопроса о реформе в целом, кн. Горчаков заявил, что: «...при всем сочувствии к основной мысли проекта, он, со своей стороны, считает, однако, необходимым, чтобы соблюдена была некоторая осторожность и постепенность в практическом его применении. По мнению князя Горчакова, — говорилось в мемории этого заседания, — осторожность и постепенность в настоящем деле представляются особенно желательными, как вследствие важности переворота, который совершится им во всем народном быту, так равно ввиду существующего ныне у нас весьма резкого различия в уровне образования отдельных слоев населения.

Когда в начале нынешнего века всесословная воинская повинность впервые введена была в Пруссии, в этом государстве различие в степени образования высших и низших классов было менее значительно, нежели у нас теперь, и несмотря на то, военная реформа была приведена в исполнение не вдруг, а постепенно в течение десяти лет»¹.

Этому примеру, по мысли кн. Горчакова, необходимо следовать в России. По его мнению, это является тем более необходимым, «...что с привлечением в ряды войск массы молодых людей, не свыкшихся с мыслью об обязанности нести военную повинность, нельзя не опасаться некоторого с их стороны недовольства новым своим положением; посему привлечение их в армию может оказаться не без вредного влияния на дисциплину и дух войск...»².

В ответ на это заявление канцлера Милютин указал, «...что отлагать полное применение предположенной реформы впредь до того времени, когда низшие классы нашего народа достигнут той степени образования, которая соответствовала бы уровню умственного развития высших слоев общества, было бы невозможно, потому что на это потребуются едва ли не менее нескольких десятков лет. Между тем преобразование системы отправления воинской повинности на правильных началах, и притом преобразование безотлагательное, вызывается соображениями высшей государственной важности»³.

Касаясь второго аргумента кн. Горчакова, Милютин заявил, что опасения канцлера «едва ли не преувеличены» и никакой опасности для дисциплины войск от введения всесословной воинской повинности он не видит. Точка зрения Милютина была поддержана Валуевым, Рейтерном, Тимашевым и другими членами Особого присутствия.

Предложение кн. Горчакова не получило никакой поддержки.

При обсуждении отдельных разделов проекта наиболее горячие споры происходили по вопросу о льготах по образованию, а также об отбывании воинской повинности вольноопределяющимися и евреями.

По первому вопросу гр. Толстым было снова выдвинуто требование о предоставлении наивысшей льготы лицам, окончившим 6 классов гимназии или реального училища, однако поддержку в этом он получил лишь от незначительного меньшинства (гр. Шувалова, Набокова, Рейтерна, гр. Палена и адм. Лесовского), все же остальные члены присутствия поддержали точку зрения Военного министерства.

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III, л. 1—3.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 4—5.

Также было отклонено и предложение гр. Толстого о нецелесообразности предоставления отсрочек для окончания образования¹.

Наконец, потерпели фиаско и предложения гр. Толстого о приеме вольноопределяющимися лишь лиц, окончивших не менее 6 классов средних учебных заведений, и о предоставлении права студентам отбывать воинскую повинность в период пребывания в университете.

Таким образом, все возражения гр. Толстого, развитые им в его записке от 20 февраля, были отклонены. Один из единомышленников гр. Толстого А. И. Георгиевский, член совета министра народного просвещения, писал в Москву Каткову об этом следующее: «Весь проект военного министра теперь уже рассмотрен в особом присутствии. Из замечаний графа Д. А. принято только то, что бы он к осени этого года представил новое распределение учебных заведений на разряды и, сверх того, для лиц, пользующихся отсрочками для окончания образования, назначено определенное время состояния в запасе армии, так что отсрочки уже не будут служить льготой для нерадивых и запаздывающих своим образованием... По всем прочим вопросам граф Д. А. остался в меньшинстве... и наконец, он остался в одиночестве (Шувалов был в это время с докладом у государя) по вопросу о том, чтобы вольноопределяющимися не могли быть окончившие курс в уездных и городских училищах, а только начиная с окончивших курс шести классов гимназий или реальных училищ. Неудачи эти объясняются тем, что в. кн. К. Н.² самым явным образом тянул сторону Милютина и, спеша покончить все дело..., не давал говорить графу и смущал его заявлениями своего неудовольствия. Валув и Тимашев изменили, а в вопросе о вольноопределяющихся и все прочие. Теперь надежды главным образом на Вас и на Ваши статьи, которые, как мне кажется, не могут не произвести впечатления... Нельзя ли было бы Вам, — продолжал Георгиевский, — воспользоваться проездом в. кн. К-а Н-ча через Москву, чтобы повидаться с ним и образумить его?..»³.

С особым предложением по вопросу об отбывании воинской повинности лицами, получившими среднее и высшее образование, выступил шеф жандармов гр. Шувалов. Остановившись первоначально подробно на тяготах и лишениях, связанных с отбыванием воинской повинности на общих основаниях лицами указанной категории, гр. Шувалов далее отметил, что тем самым не исчерпывается еще все зло, могущее произойти от этого. «При направлении, к сожалению, усвоенном нашим учащимся юношеством в последнее время, — говорил гр. Шувалов, — весьма многие молодые люди... в первые годы своей деятельности считают почти призванием проповедь народу зловредных теорий. Ввиду такого направления молодежи, нельзя не опасаться, что в полках она обратится с подобной проповедью к нижним чинам и тем не только испортит нетронутую натуру нашего солдата, но и внесет в самое настроение армии зачатки нравственного растления, ничем не искоренимые»⁴.

¹ По предложению Милютина был установлен одинаковый пятнадцатилетний общий срок службы и для лиц, получивших образование, независимо от времени призыва (таким образом, срок пребывания в запасе удлинялся соответственно сокращению времени пребывания на действительной службе). Тем самым отпадало и обвинение, выдвигавшееся гр. Толстым против Милютина, в предоставлении им преимуществ лицам, пользующимся отсрочками по образованию.

² Константин Николаевич.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Каткова. К. 20, л. 4—5. Письмо Георгиевского от 3 мая 1873 г. (Копия).

⁴ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III, л. 109.

По мнению гр. Шувалова, необходимо выделить лиц, получивших образование, в особые учебные части, расположив их в нескольких наиболее крупных городах, дабы обеспечить тем самым особый надзор за ними правительственных органов. К мнению гр. Шувалова присоединились Тимашев, гр. Пален, гр. Толстой и частично Валуев. Милютин, отвечая гр. Шувалову, заявил, что «...поводов к опасениям, возбуждаемым шефом жандармов, до сих пор не представлялось»¹, хотя и в настоящее время в рядах армии имеется немало образованных людей. Что же касается вопроса о непривлекательности условий армейской жизни для образованной молодежи, то об этом Милютин, согласившись с Шуваловым, сказал, «...что Военным министерством вполне признана необходимость зачисления образованных молодых людей исключительно в войска, расположенные в городах, где есть хорошо устроенные помещения, а равно содержания их отдельно от других нижних чинов»².

Предложение Милютина было поддержано большинством членов Особого присутствия и принято в соответствующем духе.

Вместе с тем гр. Шувалов поставил также вопрос об исключении из числа лиц, освобожденных от военной службы, учителей народных школ. Однако и это предложение было отклонено.

Рассказывая о первом заседании Особого присутствия, вел. кн. Константин Николаевич делает в своем дневнике следующую запись: «...Было ужасное тяжелое заседание и мы не подвинулись вперед ни на один параграф. Сперва Шувалов возбудил вопрос о незачислении учащейся молодежи служащей на сокращенных сроках в ряды войск, а об образовании из них отдельных полуучебных частей. При этом он обвинял огульно всю учащуюся молодежь в нигилистическом и революционном направлении. Разумеется, Милютин и мы сильно против этого отбивались, но на стороне Шувалова было все-таки сильно напуганное меньшинство и отчасти даже Миша (вел. кн. Михаил Николаевич. — П. З). На этом споре прошло 2 часа и ничем не кончилось, не дойдя до голосования... После того бесплодный спор с Толстым о расписании учебных заведений по разрядам для льгот службы. Ужасно всем Толстой надоел и тоже ничем не кончилось...»³.

На одном из следующих заседаний горячие споры развернулись по вопросу об отбывании воинской повинности евреями. Главноуправляющим вторым отделением кн. Урусовым был поставлен вопрос о нецелесообразности установления особых правил для евреев.

Председатель Особого присутствия вел. кн. Константин Николаевич, кн. Суворов, Рейтерн, Валуев и сенатор Гернгрос выразили мысль, что мотивы, которыми руководствовалась при рассмотрении этого вопроса комиссия о воинской повинности, не заслуживает внимания.

По мнению указанных лиц, стремление уклониться от военной службы свойственно также и представителям других национальностей и отнюдь не может объяснять необходимость установления для евреев особых правил отбывания воинской повинности.

Наконец, рассматривая мнение комиссии о нецелесообразности производить евреев в офицеры, названные выше члены присутствия, мотивируя свое несогласие с этим, отмечали, что «в сем отношении достаточно указать на предоставленное уже евреям в последнее время право в от-

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III, л. 115.

² Там же, л. 117—118.

³ ЦГИАМ, ф. вел. кн. Константина Николаевича № 661, опись 1-я, д. № 5, л. 44—45. Запись за 14 апреля 1873 г.

ношении службы гражданской. Если на поприще этом они могут достигать высших ступеней служебной иерархии, то едва ли представляется какое-либо основание стеснять их в получении офицерского чина. Такая мера была бы тем более несправедлива, что по дарованиям и умственному развитию, коими бесспорно обладают евреи, от привлечения их в армию можно ожидать только пользы...»¹.

Военный министр не возражал в принципе против уравнивания в правах евреев в отношении отбывания воинской повинности, но вместе с тем полагал невозможным осуществить это впредь до разрешения вопроса о гражданских правах евреев в целом.

Особое присутствие, не согласившись с возражениями Милютина, постановило привлекать евреев к отбыванию воинской повинности на общих основаниях, предоставив вместе с тем право военному министру установить те части войск, в которые евреи не могут допускаться офицерами.

По окончании работ Особого присутствия в проект Устава о воинской повинности был внесен ряд изменений, не коснувшихся, однако, основных принципиальных положений, за исключением вопроса об отбывании воинской повинности евреями.

Наиболее важные изменения, внесенные в проект, сводились к следующему: 1) общий срок службы во флоте и в отдаленных местностях вместо девятилетнего был установлен в десять лет, из коих семь лет действительной и три года в запасе; 2) для лиц, окончивших высшие учебные заведения, срок действительной службы устанавливался вместо шести — девять месяцев; 3) вольноопределяющимся 2 разряда, т. е. лицам, окончившим средние учебные заведения, срок действительной службы оставался попрежнему полтора года; 4) предельный возраст для призыва в ополчение вместо 38 лет устанавливался в 40 лет; 5) уничтожались особые правила об отбывании воинской повинности евреями.

Кроме того, как говорилось уже выше, для лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения, устанавливался общий пятнадцатилетний срок службы, вне зависимости от времени призыва.

* * *

Еще в период работы Особого присутствия Государственного совета гр. Толстой, потерпев поражение, начал подготовку к новой борьбе против Устава о воинской повинности на предстоящих заседаниях общего собрания Государственного совета. С этой целью он поручил Георгиевскому составить заметку — возражения на проект устава, принятый Особым присутствием.

В одном из своих писем к Каткову Георгиевский писал ему об этом следующее:

«...Акт 13 мая по делу о воинской повинности² мало подает надежды на успех, и я даже не знаю, как мне писать разногласие и доказывать, что проект в самых существенных частях своих не сообразен ни с интересами военного дела, ни с интересами образования, ни с интересами отдельных лиц...»³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III, л. 299.

² Имеется в виду рескрипт Александра II графу Гейдену, объявляющий „высочайшее благоволение“ как ему, так и членам комиссии по воинской повинности и об организации войск в связи с успешным окончанием работ.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Каткова, д. № 20. Письмо Георгиевского от 7 мая 1873 г., л. 7 (копия). (Письмо датировано неверно, повидимому, 17 мая. — П. З.)

В составленной Георгиевским записке гр. Толстой выдвигал ряд новых положений, не фигурировавших ранее ни в первой его записке от 20 февраля, ни в его выступлениях на заседаниях Особого присутствия.

По поводу этой новой записки барон Дельвиг в своих воспоминаниях «Полвека русской жизни» рассказывает, что «Новый устав составлен был Толстым под руководством Каткова, а так как составление 52 печатных страниц потребовало немало времени, — указывает Дельвиг, — то надо полагать, что Толстой по утрам в заседаниях Особого присутствия Государственного совета соглашался с принципами, изложенными в уставе, а по вечерам с Катковым составлял устав по тому же предмету на других началах...»¹.

В действительности же дело обстояло несколько иначе. Вначале гр. Толстой считал неудобным возражать по тем вопросам, с которыми он согласился в Особом присутствии, однако вскоре под давлением Каткова и Георгиевского занял совершенно беспринципную позицию.

Вся закулисная сторона этого дела становится ясной благодаря переписке Георгиевского с Катковым.

В цитированном нами выше письме Георгиевского от 3 мая 1873 года он писал:

«Граф Д. А. в сущности совершенно соглашается с Вашим взглядом об устранинии всех промежуточных льгот и об оставлении льготы грамотных и льготы вольноопределяющихся по окончании курса первых шести классов; но так как ни он, ни кто-либо другой ничего подобного не заявляли в Особом Присутствии, то в том разногласии, которое я должен теперь написать, граф не допускает проведения этого взгляда даже в виде альтернативы; но я все-таки при обсуждении разногласия по вопросу о вольноопределяющихся думаю ввести и эту альтернативу... Пускай граф, если хочет, сам вычеркивает эту часть моего изложения...»².

Однако в конце концов гр. Толстой сдался, решив ничего не вычеркивать.

Перейдем к рассмотрению записки гр. Толстого.

В начале этой записки гр. Толстой, пытаясь оправдать свою беспринципность, говорил, что после нового изучения предмета «...счел за должное... несколько видоизменить мои прежние заключения»³.

Возражения, выдвинутые гр. Толстым в его записке, сводились в основном к двум вопросам: льготам по образованию и условиям поступления на службу вольноопределяющимися. Касаясь первого вопроса, гр. Толстой настаивал на установлении двух льгот по образованию: для лиц, окончивших начальную школу, 3—4 года действительной службы и для лиц, окончивших не ниже 6 классов среднего учебного заведения, — 1 год. — «Внимательное изучение условий, на коих следует ввести всеобщую воинскую повинность в России, — писал гр. Толстой, — и на коих она была вводимась в свое время в иностранных государствах, в особенности же в Пруссии, где она дала наилучшие результаты, вполне оправданные опытом, совершенно убеждает в том, что в интересах как армии,

¹ Дельвиг. Полвека русской жизни. Academia, т. II, 1930, стр. 503.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Каткова, д. № 20, л. 5. Письмо Георгиевского от 3 мая 1873 г. (Копия).

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10502, стр. 1. Записки министра народного просвещения о разъяснении спорных пунктов по делу о всеобщей воинской повинности (печатный оттиск). На полях записки пометки Д. А. Милютин. Эта записка хранится также и в ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. II.

так и образования, а равно и отдельных лиц необходимы лишь две льготы по образованию... одна... необходимая как для распространения начального образования в народе, так и для пополнения армии более развитыми и грамотными солдатами, и другая... для доставления армии и ее запасу достаточно образованных офицеров, а также для побуждения лиц более или менее достаточных к приобретению сравнительно высшего образования успешным прохождением курса по меньшей мере шести низших классов гимназий или реальных училищ...»¹.

Гр. Толстой, руководствуясь примером Пруссии, в которой была принята предлагаемая им система льгот по образованию, доказывал, что «...этого одного поощрения оказалось вполне достаточно как для ограждения интересов армии, так и для действительного и существенного возвышения уровня образования в целой стране, чего, несомненно, следует ожидать и у нас, если мы последуем в этом случае примеру Пруссии»². Не все поощрения, — указывал гр. Толстой, — бывают полезны; некоторые из них могут причинить существенный вред образованию, и к числу таких вредных поощрений принадлежит рассматриваемая здесь особая льгота за окончание полного курса высших учебных заведений, ибо она наклоняла бы весы в пользу более легких и менее продолжительных учебных курсов...»³.

Такова, как мы видим, далеко не убедительная аргументация гр. Толстого.

Это положение являлось по существу повторением того, что говорилось им в первой записке от 20 февраля, однако здесь гр. Толстой шел значительно дальше, отрицая необходимость каких-либо промежуточных льгот.

Естественно, что подобная точка зрения имела в виду отнюдь не стимулирование развития народного образования, а наоборот, стремление ограничить его для широких масс лишь объемом начальной школы.

Далее гр. Толстой выдвигал совершенно новое положение — предоставлять льготу по образованию лишь лицам, поступающим в ряды войск вольноопределяющимися. Что же касается лиц, хотя и обладающих достаточным уровнем образования, но поступающих на военную службу по жребию, то они, по мнению гр. Толстого, должны состоять на действительной службе три года и рассматриваться не как будущие офицеры, а как рядовые. Это положение аргументировалось им также довольно странно.

«Кто поступил в армию не по доброй воле, а по принуждению, по жеребью, в силу общеобязательной воинской повинности, тот, какого бы он ни был образования, должен предварительно более или менее продолжительною службою доказать на деле полную свою благонадежность»⁴ во всех отношениях, и только тогда может стать кандидатом в офицеры, ибо иначе и государство и армия подвергались бы крайнему риску очутиться в распоряжении лиц, не вполне благонадежных в каком бы то ни было отношении, которым, однако же, была бы обязана безусловным повиновением вверенная им военная команда⁵. Нет сомнения, что и между вольноопределяющимися, — продолжал гр. Толстой, — мо-

¹ Отдел рук. ГБЛ, ф. Милютин, М., 10502, стр. 3.

² Помета Милютин: „Что за аргумент: что сделала Пруссия, то и мы должны сделать“.

³ Там же, стр. 9. Помета Милютин: „Опять тоже непонятная фраза“.

⁴ Помета Милютин: „Какое же доказательство благонадежности всякого поступающего в качестве вольноопределяющегося“.

⁵ Помета Милютин: „Аргумент с точки зрения 3 отделения“.

гут оказаться лица, в каком-либо отношении не вполне благонадежные, но такие лица и не должны производиться в офицеры. Во всяком же случае, с точки зрения военной охраны государства, вольноопределяющиеся представляют по крайней мере то ручательство, что они не старались избежать военной службы¹, что они вступили в нее добровольно, а не по принуждению и что, следовательно, они не будут, по крайней мере, сознательно и умышленно действовать вопреки требованиям воинской присяги и долга чести»².

Это предложение гр. Толстого было направлено явно во вред делу народного образования.

Обязательное вступление в ряды войск в качестве вольноопределяющихся для лиц, получивших образование не ниже 6 классов средних учебных заведений, означало бы уменьшение количества оканчивающих не только университеты, но и средние учебные заведения, так как, независимо от окончания курса, указанные лица обязаны были бы отбывать воинскую повинность. Естественно, что годичный перерыв в результате пребывания в армии лишал бы многих возможности завершить свое образование.

Пример Пруссии, в которой была принята подобная система, достаточно убедительно иллюстрировал отрицательное значение этого.

Так, из числа 5 тысяч человек, ежегодно оканчивавших 6 классов прусских гимназий, только 46% заканчивали полный гимназический курс, что в значительной мере определялось существовавшим законом об отбывании воинской повинности.

Часть молодых людей принуждена была вследствие достижения ими призывного возраста прекращать образование и поступать вольноопределяющимися, другая же часть просто считала ненужным заканчивать полный курс гимназии, поскольку льгота предоставлялась по окончании 6 классов. Естественно, что подобный порядок вещей имел бы место и в России.

Кроме того, предоставление льгот по образованию лишь вольноопределяющимся повлекло бы за собой почти поголовное отбывание воинской повинности людьми, окончившими не менее 6 классов гимназии или реального училища, в то время как остальная часть призывного контингента отбывала бы воинскую повинность лишь в размере 27—30%.

В заключение гр. Толстой снова настаивал на необходимости предоставления отсрочек по образованию только учащимся средних учебных заведений, студенты же, по его мнению, должны отбывать воинскую повинность в период пребывания в университете.

Получив возражения Толстого, Милютин писал вел. кн. Константину Николаевичу, что «Записка, разосланная министром Народного просвещения... заключает в себе столько неверных данных и неосновательных доводов, что не было никакой возможности в короткое время приготовить опровержение. В Главном штабе составлена лишь краткая записка, которую считаю долгом при сем представить...»³.

По указанию вел. кн. Константина Николаевича она была также разослана всем членам Государственного совета.

---

¹ Помета Милютина: „Не старались потому только, что иначе прослужили бы вдвое более“.

² Там же, стр. 14.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М. 10502. Письмо Милютина вел. кн. Константину Николаевичу от 2 декабря 1873 г.

Гр. Толстой и его единомышленники решили дать окончательный бой на предстоящем обсуждении проекта устава в общем собрании Государственного совета.

За несколько дней до этого шеф жандармов гр. Шувалов созвал у себя совещание, на которое вызывался из Москвы Катков. 25 ноября ему об этом сообщал гр. Толстой.

«Граф Шувалов, — писал гр. Толстой, — просит сообщить М[ихаилу] Н[икифоровичу], что он сделает у себя собрание по воинской повинности не позже 30 ноября и просит его приехать к этому времени¹.

На этом же совещании, как рассказывает в своем «Дневнике» адъютант вел. кн. Константина Николаевича А. А. Киреев, присутствовал Победоносцев.

3 декабря началось обсуждение проекта устава в общем собрании Государственного совета. Утром того же дня, до начала работы общего собрания, Александром II был одобрен проект манифеста о введении всесословной воинской повинности.

Об обстоятельствах этого в «Дневнике» Милютина имеется интересная запись:

«Государь одобрил проект, но по поводу заключительной фразы, в которой сказано, что новый закон соответствует благим намерениям его величества и пользам государства, вырвалось у государя восклицание: «Дай бог, чтобы так было!» Такое выражение сомнения нас всех озадачило. Заметив наше недоумение, государь прибавил: «вот увидите сами; сегодня же вам выкажется, что не все так думают, как вы». Затем, отпустив Краббе и Сольского и удержав только великих князей и меня, государь продолжал: «Есть сильная оппозиция новому закону; многие пугаются, видят в нем демократизацию армии». — Когда мы стали выпрашивать: от кого и на каких основаниях идут такие толки, государь сказал: «Вы сами знаете, кто ваши противники; а более всех кричат бабы». Великий князь² и я воспользовались удобным случаем, чтобы разъяснить нашу точку зрения и предостеречь его величество от влияния тех кривотолков, о которых сам он заявлял. Со своей стороны, я высказал прямо и откровенно, что гр. Д. А. Толстой, главный наш оппонент в Государственном совете, действует под влиянием двух побуждений: с одной стороны, — влияние редакции «Московских Ведомостей», поддерживающей горячую агитацию в пользу классических гимназий и исключительности права одного привилегированного сословия на высшее образование; с другой стороны, — под влиянием петербургской аристократической партии, мечтающей о том, чтобы офицерское звание было исключительным достоянием дворянских родов»³.

Этот рассказ Милютина полностью подтверждается и записью в дневнике вел. кн. Константина Николаевича, который в тех же словах передает этот разговор с Александром II.

Действительно, уже на первом заседании гр. Толстой при поддержке гр. Шувалова выступил против льгот по образованию, в духе его последней записки. Однако, не получив должной поддержки, чувствуя шаткость своей позиции, принужден был уступить.

По поводу этого заседания, в котором Милютин выступал защитником народного образования от посягательств министра народного просвещения, он рассказывает в своем «Дневнике» следующее:

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Каткова 19, письмо Д. А. Толстого от 25 ноября 1873 г. (копия), стр. 150.

² Константин Николаевич.

³ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М., 7852, стр. 66—68.

«...Многие из членов (Государственного совета — П. З.) громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр — защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того: шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы в случае войны легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей, — продолжает Милютин, — могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого непосвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших ториев»¹.

Второй вопрос, особенно волновавший представителей реакционно-аристократического лагеря, сводился к стремлению сохранить исключительно дворянский состав офицерского корпуса, всячески затруднив вступление в ряды вольноопределяющихся представителей других слоев общества.

Не рассчитывая отстоять своих требований — добиться приема в вольноопределяющиеся лишь лиц, имевших образование не ниже 6 классов среднего учебного заведения, гр. Толстой и К^о решили вступить с Милютиным в предварительные переговоры. В роли посредника выступал Валуев, который совместно с гр. Шуваловым вел переговоры с Милютиным.

«Заручившись заранее соглашением с Валуевым и гр. Шуваловым, — рассказывает Милютин, — я шел спокойно в заседание и не ожидал больших прений. И действительно, главные матадоры гр. Толстой и гр. Шувалов открыли заседание в явно примирительном настроении. Мы сошлись на первых же словах относительно допущения в число вольноопределяющихся и таких молодых людей, которые не дошли до 6 класса гимназии... Гр. Толстой удовольствовался сделанною с нашей стороны уступкой в том, что из этой категории молодых людей будут допускаться в вольноопределяющиеся не все, а только выдержавшие некоторый экзамен, уровень которого будет постепенно повышаться, смотря по общему уровню образования в массе нашего юношества»². Помимо этого, Милютин сделал еще одну незначительную уступку, заключавшуюся в том, что вольноопределяющиеся 3-го разряда (т. е. лица, не получившие образования в объеме 6 классов среднего учебного заведения) в случае производства их в офицеры получают права на личное дворянство лишь по истечении трех лет службы в офицерском звании.

Однако в конце заседания была предпринята все же еще одна попытка пересмотреть этот вопрос. Знаменосцем дворянских привилегий на этот раз выступил Победоносцев, поставивший вопрос о производстве в офицеры вольноопределяющихся 3-го разряда лишь при условии принадлежности их к дворянскому сословию. «Итак, — пишет в своем «Дневнике» Милютин, — вопрос решает уже не уровень образования, а дворянская порода... К счастью, такое чудовищное предложение никем не было поддержано. Многие, без сомнения, тайно сочувствовали принципам, развитым в риторической речи Победоносцева, но все деятельные

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, М. 7852, стр. 69 — 70.

² Там же, стр. 73—74.

члены этой партии с большим тактом, чем ее адвокат, нашли, что он зашел слишком далеко, что на избранной им почве трудно вести борьбу»¹.

Врачавшийся в аристократических кругах А. А. Киреев, рассказывая о впечатлении, которое произвела речь Победоносцева на великосветское общество, делает в своем «Дневнике» следующую запись:

«...Победоносцев, очень довольный, пришел к Э. Ф. Раден. «Я сегодня дело поставил «ребром». Дело было так. При обсуждении прав вольноопределяющихся Поб[едоносцев] произнес очень красноречивую речь, в которой он доказывал, что дух армии зависит от преобладания в ней «юнкерского элемента» (имелся в виду дворянский элемент. — Л. З.) и что этот элемент необходимо привлечь в армию; для сего нужно дать дворянству исключительное право поступления вольноопределяющимися. Требования свои, впрочем, Победоносцев не формулировал, и собственно голосования не было, но речь произвела впечатление, несмотря на то, что она была скорее «речь академическая». C'est le premier discours parlementaire, — повторяли все в pond'e. Этой речи вообще не ожидали. У Шувалова была по этому вопросу сходка, но Поб[едоносцев] ничего не обещал. Шув[алов] et С^о были довольны. Профессорский элемент был высочайше апробован... Милютин сказал, что он не удивлен этой речью. «Я удивлен тому, что ее произнес К[онстантин] Петр[ович] П[обедоносцев], — говорил он Горчакову. Ее бы следовало сказать Вам, князь»².

Победоносцев попытался также при обсуждении устава добиться пересмотра вопроса об отбывании воинской повинности евреями.

«...Победоносцев говорил длинную тираду против равноправия евреев, — записывает в своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Я ему отвечал, и меня хорошо поддержали Милютин и Шувалов, и наше мнение прошло единогласно»³.

Одобрив в целом проект устава, общее собрание остановилось лишь на обсуждении отдельных статей, по которым в Особом присутствии не пришли к единогласному решению. (О сроках призыва, о распределении учебных заведений на разряды, о поступлении на службу вольноопределяющимися и порядке испытаний их при производстве в офицеры и ряду других второстепенных вопросов).

По всем этим спорным пунктам восторжествовала точка зрения Военного министерства, причем в отмену решения Особого присутствия об установлении девятимесячного срока службы для лиц, получивших высшее образование, общее собрание утвердило первоначальное предположение комиссии о воинской повинности, определившей срок службы для лиц этой категории в шесть месяцев⁴.

Таким образом, проект Положения был утвержден в основном в том же виде, в каком он был составлен комиссией о воинской повинности.

Однако и после утверждения устава возникало опасение, что практическая реализация его будет всячески затруднена в результате противодействия реакционных кругов.

---

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, стр. 74—75.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Киреевых, К. 6, л. 76.

³ ЦГИАМ, ф. вел. кн. Константина Николаевича, дело № 6, л. 70, запись 17 декабря 1873 г.

⁴ Необходимо отметить, что журналов общего собрания за 1873 год в фонде Государственного совета не сохранилось, вследствие чего мы вынуждены были освещать ход прений лишь по мемуарным источникам.

Через несколько дней после заключительного заседания Государственного совета по обсуждению устава великий князь Константин Николаевич делает в своем дневнике следующую запись: «...у Абазы то же тягостное впечатление, как и у меня, и он тоже видит страшно растущую силу Шувалова и всей его шайки. Тоже приходил Милютин под тем же тягостным впечатлением. Он мне говорил про мысль Оболенского о постоянном комитете по воинской повинности. Ввиду страшно растущей силы шайки, он теперь хватается за эту мысль как за спасение...»¹.

Об этом разговоре говорит в своем дневнике и Милютин, указывая на необходимость создания особого высшего комитета по вопросам введения всесословной воинской повинности «наподобие главного комитета по крестьянским делам».

Действительно, такой орган вскоре был создан в виде Особого о воинской повинности присутствия при Государственном совете.

* * *

1 января 1874 г. рассмотренный общим собранием Государственного совета Устав о воинской повинности был утвержден Александром II, а также подписан «специальный по этому поводу манифест».

В «высочайшем» именном указе Сенату по поводу введения в действие Устава о воинской повинности предоставлялся ряд дополнительных льгот отдельным категориям населения. Освобождались вовсе от призыва служащие на ряде железных дорог, частично — семейства, в которых глава был убит во время подавления польского восстания 1863 г. Наконец, лицам, принадлежавшим к семействам, «содержащим по гильдейскому или промысловому свидетельству торговые, фабричные или промышленные заведения»², предоставлялась отсрочка от призыва в течение пяти лет.

Кроме того, в этом указе устанавливались новые правила, касавшиеся зачетных рекрутских квитанций. Все старые зачетные квитанции подлежали обмену в присутствиях по воинской повинности на новые, закрепляемые за определенными лицами, дабы избежать в дальнейшем перепродажи их.

Опубликование закона о всесословной воинской повинности вызвало обширные отклики в зарубежной прессе.

Немецкая печать уделила большое внимание введению воинской повинности. Во всех как германских, так и австрийских газетах был напечатан текст манифеста и помещены обширные статьи, комментировавшие это событие.

Анализируя эти статьи, необходимо отметить, что все они буквально в один голос указывали на огромное значение закона о воинской повинности. Наряду с этим нетрудно обнаружить большое беспокойство, вызванное этой реформой, в серьезной степени изменявшей принцип комплектования армии.

Так, например, берлинская газета «Börsenzeitung» указывала, что введение воинской повинности может «причинить нам немало бессонных ночей, но при царствующем у нас императоре нам нечего бояться завоевательных поползновений русских»³.

---

¹ ЦГИАМ, ф. вел. кн. Константина Николаевича, д. № 6, л. 74, запись 22 декабря 1873 г.

² «Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности», т. I, СПб, 1874, стр. 7.

³ «Börsenzeitung», Morgenausgabe, 25 января 1874 г., № 41.

Наряду с указанием на опасность, которую якобы представляло, по мнению газет, введение всеобщей воинской повинности в России, высказывалась и другая мысль: практическая реализация реформы связана с рядом больших трудностей и если и увенчается успехом, то во всяком случае в отдаленном будущем.

Так, берлинская газета «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» указывала, что полная реализация воинской повинности возможна лишь через несколько лет, пока же это лишь попытка, успех которой неясен.

В венской газете «*Neue Freie Presse*» высказывалось сомнение в возможности осуществления этой реформы, «и если это и произойдет, — писала газета, — то для того, чтобы были ощутимы первые результаты ее, потребуются срок, равный продолжительности человеческой жизни»¹.

Не меньшее внимание проявила и английская пресса к введению всеобщей воинской повинности в России.

На страницах английского официоза «*The Times*» приводились сообщения об издании закона, полностью публиковался текст манифеста, а также в ряде номеров была помещена статья «*The New Russian Military Law*», принадлежащая перу прусского корреспондента газеты. Автор статьи, подчеркивая большое значение закона о воинской повинности в смысле увеличения русских вооруженных сил, указывал, что в ближайшие 15 лет русская армия в случае войны сможет достигнуть колоссальной цифры в 2 миллиона человек. «...можно считать несомненным, — продолжал автор, — что Россия... в будущем будет располагать, по крайней мере, пятьюстами тысяч для войны за пределами страны»².

Вместе с тем автор пытался выяснить причины, заставившие Россию ввести всеобщую воинскую повинность. По его мнению, никакой опасности России не только в настоящее время, но и в отдаленном будущем не угрожает. Особенно аргументировал автор всю «абсурдность» предположения об угрозе России со стороны Германии и Австрии. Увеличение вооруженных сил России угрожает делу мира — таков вывод, к которому автор подводил читателя. «Теперешнее мероприятие, — писал он, — приобретает такое значение, в котором Европа должна дать себе отчет рано или поздно, и чем раньше, тем лучше»³.

Таким образом, точка зрения «*The Times*» была идентична мнению немецких газет.

Французская газета «*Le Temps*» также подробно освещала вопрос о введении воинской повинности.

Указывая на огромное значение распространения воинской повинности на все сословия без права откупаться от военной службы, газета вместе с тем подчеркивает, что установление сокращенного срока действительной службы «...позволит России иметь впредь многочисленные обученные резервы, которых ей не доставало при прежней системе долгосрочной службы»⁴.

В реакционных кругах Устав о всеобщей воинской повинности был встречен неодобрительно, хотя пресса этого направления открытого недовольства не выражала, ограничиваясь молчанием.

Отношение этих кругов к реформе ярко выражено в «Записках» сенатора М. П. Веселовского, который указывал, что Устав о воинской

¹ „Neue freie Presse“, Morgenblatt, 18 января 1874 г.

² „The Times“, 19 января 1874 г.

³ Там же, 26 января 1874 г.

⁴ „Le Temps“, 21 января 1874 г.

повинности оторвет большинство сельского населения от производительного труда. «Отнимая от сохи настоящих пахарей, — писал Веселовский, — оно (т. е. Положение о воинской повинности. — П. 3.) возвращает в деревни так называемых «порченных мужиков», т. е. таких грамотных (скорее полуграмотных людей), которые уже успели отвыкнуть от земледельческого труда, тяготятся им, стремятся в города на места дворников, швейцаров, лакеев и т. п., а при неудаче увеличивают собою бездомный городской пролетариат»¹.

Наряду с этим Веселовский усматривал вред реформы и в политическом отношении. «Эта разношерстная среда (имеются в виду чины запаса. — П. 3.), конечно, менее устойчива, чем настоящее земледельческое население или вполне дисциплинированное войско. В случае злонамеренной пропаганды и сопровождающих ее народных волнений, — писал Веселовский, — чины запаса при коротких сроках службы окажутся более податливы к соращению с законного пути, чем старослуживые, и вместе с тем явятся элементом более сплоченным, нежели, например, крестьяне и, следовательно, более опасным»².

Надо отдать справедливость Веселовскому, что в этом отношении он был прав. Действительно, введение всесословной воинской повинности содействовало в известной степени политическому просвещению основных масс населения — крестьянства. В результате призыва крестьянин вырывался на некоторое время из условий патриархальной замкнутости — «идиотизма деревенской жизни». Находясь на военной службе, крестьяне приобретали известный жизненный опыт (к тому же становились грамотными), а это содействовало выработке в них критического отношения к существовавшей действительности и делало их более подготовленными к восприятию революционных идей. В этом и заключалось большое положительное значение всесословной воинской повинности.

В заключение следует привести данные призывов в течение первых семи лет³.

Годы	Внесено в призывные списки	Освобождено по семейному положению	Освобождено по предъявлению зачетной квитанции	Предоставлена отсрочка по образованию	Предоставлена отсрочка по имущественному положению	Призвано в ряды армии
1874	724648	369570	935	1752	310	150000
1875	693367	353990	747	1904	276	180000
1876	677096	348298	842	2239	291	196000
1877	689825	349975	756	2545	277	218000
1878	758750	399492	750	2616	311	218000
1879	774661	401962	556	2626	214	218000
1880	808683	422136	516	2780	195	235000

Анализируя эти цифры, мы видим, что процент призываемых, получавших льготы по семейному положению, составлял в среднем 51,5,

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Записки М. П. Веселовского, F. IV, № 861, л. 706.

² Там же, л. 707.

³ Таблица составлена на основе данных, помещенных в «Столетии Военного министерства», т. IV, ч. III, кн. I, отд. II, стр. 152 — 168.

число лиц, освобожденных от службы по зачетным квитанциям, было настолько незначительно, что не достигало даже 0,01%. Важно также отметить, что количество лиц, получающих отсрочки по образованию, из года в год увеличивалось, дав прирост в течение 7 лет свыше чем на 50%.

Таким образом, предоставление отсрочек для окончания высших и средних учебных заведений, бесспорно, способствовало увеличению числа лиц, получивших высшее и среднее образование. В связи с законом о всеобщей воинской повинности «... чуть ли не все земства и городские общества, — писали «Отечественные записки», — принялись жертвовать значительные суммы на открытие реальных и ремесленных школ»...¹.

«Новая воинская повинность, — писал в своих воспоминаниях московский купец Найденов, — дала сильный толчок делу распространения образования; купечеству, до того времени относившемуся во многих случаях безразлично к приобретению образовательных прав, пришлось обратиться неотлагательно к принятию мер для достижения этого»².

Контингент ежегодно призываемых на действительную службу также возрастал, что было связано с проводимой реорганизацией армии — учреждением новой системы резервных войск, для чего необходимо было значительно увеличить численный состав армии по штатам военного времени, а это, в свою очередь, требовало увеличения обученного людского запаса.

Действительно, численность людского запаса ежегодно возрастала, что и создавало условия для наибольшего развертывания армии в военное время.

* * *

Экономическое развитие страны — рост железных дорог — создавало благоприятные условия для введения всеобщей воинской повинности. Рост численности европейских армий, молниеносный разгром Франции и образование милитаристической Германии, — все это дало возможность Военному министерству поставить вопрос о введении всеобщей воинской повинности.

Устав о воинской повинности распространял обязательную военную службу на все сословия и вместе с тем уничтожил право откупаться от военной службы.

Устав о воинской повинности обеспечивал рост обученных людских резервов и создавал тем самым условия для превращения вооруженных сил России в современную массовую армию буржуазного типа.

Вместе с тем закон о всеобщей воинской повинности, предоставляя широкие льготы по образованию, стимулировал развитие начального обучения, а также способствовал увеличению числа лиц, оканчивавших средние и высшие учебные заведения. Все это соответствовало интересам буржуазного развития страны.

Однако устав не обеспечивал принципа всеобщности в отношении отбывания воинской повинности.

Не говоря уже о многочисленных отступлениях от этого принципа в самом уставе, практическая реализация его в условиях самодержав-

¹ «Отечественные записки», том 212, «Современное Обозрение», февраль 1874 г., стр. 315.

² Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, т. II, СПб, 1905, стр. 143.

ного дворянского строя в еще большей степени ограничивала последовательность этой реформы.

Освобождение от военной службы в течение пяти лет лиц, владеющих торгово-промышленными предприятиями, установленное Александром II, вопреки утвержденному им уставу, являлась яркой иллюстрацией отношения самодержавной власти к этому закону.

Все это говорило о невозможности последовательного осуществления этого закона в условиях существования самодержавно-дворянского государства.

«В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, — писал В. И. Ленин, — потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений...»¹.

Однако при всем этом введение всеобщей воинской повинности имело все же большое значение. В результате введения ее господствующие классы вынуждены были «... обучать в конце концов весь народ владеть оружием, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству»².

* * *

В заключение рассмотрим мероприятия, осуществленные в области организации армии в период с 1874 по 1876 год.

Обширная программа преобразований армии, утвержденная секретным совещанием 1873 года, в течение ближайших 3—4 лет реализована почти не была. Причины этого заключались в отсутствии средств, необходимых для осуществления намеченных мероприятий. «Военное министерство, — писал Милютин в докладе 1 января 1876 г., — имея в виду, с одной стороны, эту громадную цифру предстоящих расходов, а с другой, — определенный размер денежных ресурсов, предоставленных в его распоряжение нормальным бюджетом, сознавало, что средства не соответствуют цели и что, несмотря на настоятельность многих преобразований, необходимо рассрочить их на довольно продолжительный период времени»³. Вследствие этого реализация важнейших мероприятий, как-то: создание кадров запасных и резервных войск, укрепление предполагаемых театров войны, проведение ряда новых железных дорог, отлагалась на довольно неопределенный срок.

К 1 января 1877 года, т. е. к началу войны, лишь десять из общего количества 48 пехотных дивизий получили 4-батальонный полный состав в соответствии с утвержденной «нормальной» организацией армии, принятой в секретном совещании.

В деле формирования резервных частей, которые должны были быть созданы в случае войны, также ничего предпринято не было. «В настоящее время, — писал военный министр в докладе 19 февраля 1877 г., — мы совсем не имеем еще никаких составных элементов для формирования этих войск — ни запаса отпускных офицеров и нижних чинов, ни материальных средств для снабжения этих войск разными потребностями»⁴. Только в связи с осложнившейся политической обстановкой к концу 1876 г. было сформировано 83 запасных батальона (около 30% предусмотренного количества их), 12 пеших запасных ба-

¹ В. И. Ленин, т. 4, стр. 390.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 160.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), опись 2-я, д. № 21, л. 2.

⁴ Там же, д. № 23, стр. 17.

тарей и 22 маршевых эскадрона. Новая система комплектования войск, принятая секретным совещанием, проведена в жизнь также не была.

Решение секретного совещания в отношении восстановления армейских корпусов вплоть до начала войны реализовано также не было. Это объяснялось отнюдь не финансовыми соображениями, а упорным противодействием военного министра, являвшегося принципиальным противником существования армейских корпусов. Создание же бригад как в пехотных, так и в кавалерийских дивизиях было закончено к 1 января 1877 г. Кроме того, было произведено переформирование кавалерии в соответствии с решениями секретного совещания. В 1875 году из 7 кавалерийских дивизий 6-полкового состава было сформировано 14 дивизий путем включения в состав кавалерийских дивизий донских казачьих полков. Каждая кавалерийская дивизия состояла из 4 полков: гусарского, уланского, драгунского и казачьего.

Таким образом, к началу войны организация армии оставалась почти прежней, и Военное министерство не в силах было из-за финансовых затруднений реализовать намеченную программу усиления вооруженных сил.

В области обеспечения армии офицерским составом Военному министерству удалось добиться известных результатов. Некомплект офицеров значительно снизился, однако попрежнему имел место.

Если в отношении организации армии программа секретного совещания почти не была реализована, то в деле разработки мобилизационного плана был предпринят ряд серьезных мер.

В конце 1875 года был создан особый мобилизационный комитет под председательством начальника Главного штаба гр. Гейдена и помощников начальников всех главных управлений Военного министерства.

Перед комитетом были поставлены следующие задачи: «Во-первых, выяснить и привести в надлежащую систему все данные и сведения о действительной военной готовности армии по всем отраслям ее личного и материального снабжения; во-вторых, обсудить и указать те меры, которые должны быть приняты различными управлениями для наилучшего распределения имеющихся средств и для пополнения недостающих предметов и, в-третьих, по исполнении этого составить общий мобилизационный план, т. е. подробные расписания и расчеты о порядке исполнения мобилизации и о времени и о денежных средствах для сего потребных»¹.

В период конца 1875 по 1877 год мобилизационный комитет выполнил первые две задачи и должен был приступить в мае 1876 года к составлению общего мобилизационного плана. Однако осложнение политической обстановки весной 1876 года заставило отказаться от этой работы и приступить к подготовке ряда неотложных мер, связанных с угрозой войны.

В течение лета этого года было закончено составление мобилизационного расписания № 6 призыва запасных и комплектования армии лошадьми, разработан план передвижения людей и лошадей по железным дорогам. Наконец, были составлены данные по 10 военным округам о потребных материальных ценностях с расчетом времени, необходимого для изготовления недостающего.

Большое значение для успешной подготовки к войне, т. е. приведения войск в мобилизационную готовность, имел закон о военно-кон-

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. № 23, стр. 26—27.

ской повинности, изданный 16 октября 1876 года¹. По этому закону все годные к военной службе лошади подлежали в случае войны мобилизации с соответствующей компенсацией их владельцам. Таким образом, устранялась необходимость спешной закупки лошадей в случае перехода армии на военное положение, что, вполне понятно, требовало длительного периода времени.

В целях ускорения мобилизации войск в 1875 году было издано распоряжение о хранении неприкосновенного запаса, необходимого для перевода армии на военное положение, непосредственно в частях в готовом виде.

Наконец, в 1876 году было издано новое «Положение о полевом управлении армиями». Однако это новое Положение мало чем отличалось от предшествующего. Единственным новшеством являлся раздел «О начальнике военных сообщений». Вопросы же организации тыла армии попрежнему оставались неразрешенными.

---

¹ Полное собрание законов, собр. II, № 56453.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лучшей проверкой военных преобразований явилась, естественно, война. В этом отношении огромное значение имела война 1877—1878 гг., приведшая к освобождению балканских народов от многовекового гнета турецких феодалов.

Руководствуясь анализом состояния русской армии в период этой войны, можно сделать известные выводы о результатах военных реформ 60—70-х годов. Однако выводы эти не могут быть абсолютно точны. С одной стороны, ряд реформ либо не был еще полностью реализован, либо не мог еще принести своих результатов. Действительно, новая организация армии, принятая секретным совещанием 1873 года, почти вовсе не была осуществлена; перевооружение пехоты не было закончено. Наконец, введение всеобщей воинской повинности, имевшее огромное значение в деле создания обученного людского запаса, не могло принести еще никаких результатов, так как ни один возраст, призванный на военную службу по новому закону, не выслужил к 1877 году своего срока. С другой стороны, русско-турецкая война не потребовала напряжения всей военной системы: не было проведено всеобщей мобилизации, не все войска принимали участие в военных действиях.

В силу всего этого и оценка результатов военных преобразований на основе опыта русско-турецкой войны не может быть исчерпывающей.

Однако при всем этом война 1877—1878 гг. все же может в значительной мере служить критерием оценки ряда военных реформ.

* * *

Рассмотрим последовательно состояние армии в период войны.

1 ноября 1876 года была впервые в России объявлена мобилизация, причем первым ее днем считалось 2 ноября.

Проведение мобилизации можно подразделить на три периода: 1) сбор людей и поставка лошадей на призывных и сдаточных пунктах; 2) укомплектование запасными и лошадьми мобилизуемых частей; 3) сосредоточение этих частей войск на исходных рубежах у предполагаемого плацдарма войны. Несмотря на крайне неблагоприятные климатические условия (распутица, разливы рек и ледоход), первый период мобилизации был осуществлен относительно быстро.

Согласно плану мобилизации, на призывные пункты в 44 губерниях должны были явиться 224.312 запасных, а вместе с казаками, призываемыми с льготы, — 257.478; кроме того, было назначено сдать на основании военно-конской повинности 62.996 лошадей. На четвертый день мобилизации был закончен призыв людей в 10 губерниях; на

пятый — еще в семи. При этом число явившихся запасных составило более 75% общего количества подлежащих призыву по всей стране. В других губерниях Европейской России сбор запасных был закончен на 15-й день, и только в Закавказье, где общее количество запасных было незначительно, — на 26-й день.

Мобилизация лошадей во всех губерниях, за исключением нескольких отдаленных уездов, была закончена на 11-й день, а полностью — на 16-й день.

Второй период мобилизации — укомплектование частей запасными и лошадьми — начался с третьего дня мобилизации и был полностью завершен на 28-й день.

Третий период — сосредоточение войск на исходных рубежах — в Бессарабии — по плану должен был быть закончен на 34-й день, т. е. 5 декабря. Однако вследствие задержки в подаче порожняка, по вине железных дорог, окончательное сосредоточение войск, включая и движение походным порядком по Бессарабии, было закончено 14 декабря, т. е. на 42-й день мобилизации¹.

Мобилизации была подвергнута значительная часть войск: 20 пехотных дивизий, 20 артиллерийских бригад и 4 казачьих батареи, 7 кавалерийских дивизий, 1 казачья дивизия и 10 казачьих полков, 3 стрелковых и 2 саперных бригады. Кроме того, было сформировано 83 запасных батальона, 22 запасных эскадрона, 12 запасных батарей, 4 крепостных полка, 26 местных батальонов и ряд других мелких подразделений. Численность всех этих войск по мирному времени составляла 272.867 человек, а после мобилизации достигла 546.607 человек².

Все призванные были обеспечены обмундированием, снаряжением и вооружением из неприкосновенных запасов, имевшихся в частях войск.

В 1877 году одновременно было проведено несколько мобилизаций, причем наиболее крупная из них — 3 апреля — была осуществлена в еще более сжатые сроки. Призыв 119.015 чел. в ряды армии был закончен во всех губерниях, за исключением Астраханской и Дагестанской области, на 9-й день. Мобилизация лошадей была полностью закончена на 14-й день³.

В течение 1877 года были одновременно приведены в военный состав еще 16 пехотных дивизий, 16 артиллерийских бригад, 5 кавалерийских дивизий и 2 саперных бригады, а также несколько казачьих полков.

Кроме того, было сформировано 52 резервных пехотных батальона, 12 резервных пеших батарей для несения «тыльной службы», из которых было образовано четыре резервных дивизии. Для пополнения находившихся на театре военных действий частей были сформированы 66 запасных батальонов, 15 запасных пеших и конных батарей, 48 маршевых эскадронов и 2 саперных батальона⁴.

Наибольших размеров достигла армия после заключения мира, в первой половине 1878 года, когда возникла угроза европейской войны. В начале этого года было сформировано еще 14 резервных дивизий на базе местных и крепостных батальонов, а также вновь 7 линейных и 24 местных батальона и ряд других частей. Кроме того, значительно

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), т. опись 2-я, д. № 23, стр. 39—44.

² Там же, стр. 44—45.

³ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 11—12, СПб., 1898, стр. 223—224.

⁴ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. № 25, стр. 11—12.

увеличено количество иррегулярных войск путем вызова казаков со льготы¹.

Все это привело к тому, что в июне 1878 года общее количество регулярных войск достигло цифры в 1.700.834 человека, а вместе с иррегулярными составляло 1.845.647 чел.².

В это время было осуществлено решение секретного совещания, о создании армейских корпусов. В конце 1876 года сформированы 6 армейских корпусов и в течение 1877 года еще девять. Состав армейского корпуса определялся двумя-тремя пехотными дивизиями с приданной им артиллерией и одной кавалерийской дивизией.

Обеспечение армии, переведенной на военное положение, офицерским составом встретило большие трудности.

К концу 1875 года благодаря созданию большого числа юнкерских училищ удалось почти совершенно ликвидировать некомплект офицерского корпуса, однако запаса офицеров вовсе не существовало, за исключением лиц, находившихся в отставке.

Потребность в офицерах была частично удовлетворена следующим образом: 1) призывом офицеров, находившихся в отставке; 2) досрочным выпуском юнкеров из военных и юнкерских училищ и 3) производством в прапорщики на льготных условиях, без экзаменов вольноопределяющихся всех трех разрядов, а также унтер-офицеров, отличившихся по службе³.

В результате всех этих мер армия получила 5.805 офицеров (2.555 — призванных из отставки⁴, 2.515 — окончивших училища и до 700 произведенных в офицерский чин без экзаменов)⁵.

Все это лишь несколько ослабило некомплект офицеров, но не смогло возместить убыли на театре военных действий. Таким образом, в течение войны ощущался значительный некомплект офицерского состава, особенно в пехоте.

Благодаря призыву из запаса значительного числа унтер-офицеров и производству в это звание отличившихся рядовых, недостатка унтер-офицерского состава на протяжении войны не было.

Если учесть объективные факторы, не зависевшие от существовавшей военной организации (протяженность территории, слабое развитие железных дорог, отсутствие телеграфной связи в большинстве уездных городов и во всех волостных центрах), то надо признать, что приведение в боевую готовность значительной части войск было осуществлено в относительно короткие сроки.

Однако по сравнению с планами развертывания западноевропейских армий эти сроки нельзя признать быстрыми, имея в виду, что германская армия могла быть отмобилизована в течение 9 дней.

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. № 27, стр. 12—15.

² Там же, стр. 16.

³ Эта категория офицеров при производстве в следующий чин обязана была сдать положенные экзамены в объеме курса юнкерского училища.

⁴ По данным Полевого штаба Дунайской армии, "... отставные офицеры, принятые на службу во время войны, за весьма малым исключением, оказались, по отзывам командиров корпусов и начальников дивизий, не только бесполезными для войск вследствие незнания службы, но даже положительно вредными по дурной их нравственности".

(„Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 1, СПб., 1900, стр. 60.)

⁵ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. № 25, стр. 40—42.

Подобный результат являлся, бесспорно, следствием организации военных округов. Наличие местных военно-административных управлений позволило провести мобилизацию в относительно короткие сроки. Большое значение в этом отношении имело создание в 1874 году института уездных воинских начальников, сконцентрировавших в своих руках весь учет как лиц, подлежащих призыву, так и находившихся в запасе.

Мобилизация армии оправдала также систему развертывания ее, принятую в начале 60-х годов, по которой увеличение численности войск в случае войны достигалось путем перевода существующих частей из кадрового в усиленный состав, не прибегая к новым формированиям. Однако необходимость увеличения количества войск в дальнейшем обнаружила ограниченные возможности этой системы.

Мобилизация армии и дальнейший ход войны с достаточной наглядностью продемонстрировали необходимость введения всесословной воинской повинности, создававшей единственную возможность накопления кадров обученного запаса. Несмотря на значительное увеличение числа запасных на основе широкой практики «временных отпусков», проводившейся Военным министерством до введения всесословной воинской повинности, эта мера не смогла полностью обеспечить развертывание армии. Вследствие этого для перевода армии на военное положение было призвано 110.580 чел. ратников ополчения 1-го разряда, вовсе не служивших ранее в войсках.

Таким образом, армия не была обеспечена кадрами обученного запаса, достаточными даже для пополнения убыли во время войны, не говоря уже о новых формированиях.

Наконец, война обнаружила также невозможность обеспечения армии командным составом лишь путем увеличения числа офицеров, находившихся на действительной службе.

Если в результате создания широкой сети юнкерских училищ удалось ликвидировать некомплект офицеров в мирное время, то эта мера не могла обеспечить ими армию во время войны.

Предположения Военного министерства о создании офицерского резерва, проектировавшиеся в докладе 15 января 1862 г., осуществлены не были. Вместе с тем не были приняты меры в деле создания офицеров запаса и на основе закона о всесословной воинской повинности. Устав не обязывал лиц, имевших образование и поступавших в ряды армии на сокращенные сроки службы, сдавать экзамен на офицерский чин. Только путем установления обязательной сдачи экзамена можно было создать необходимый контингент офицеров запаса.

Таковы выводы по вопросам организации армии, которые можно сделать на основе опыта мобилизации.

* * *

Рассмотрим отдельные стороны организации армии, ее вооружения и боевой подготовки войск в период военных действий.

Перевооружение пехоты, как уже говорилось, не было закончено к началу войны, вследствие чего отдельные дивизии имели на вооружении разнообразное оружие.

В начале военных действий все пехотные дивизии на Балканском театре войны были вооружены винтовками системы Крнка, стрелковые батальоны — винтовками системы Бердана № 2. Вступившие позднее в состав действующей армии 7 пехотных дивизий (1-я, 2-я, 3-я гвар-

дейские, 2-я, 3-я гренадерские, 24-я и 26-я пехотные) были вооружены также винтовками системы Бердана № 2¹.

На Кавказском театре войны 5 дивизий имели на вооружении винтовки системы Карле, одна дивизия — винтовки Крнка и 2 дивизии — винтовки системы Бердана № 2.

Кавалерия, за исключением двух драгунских полков 11-й и 12-й кавалерийских дивизий, вооруженных драгунскими винтовками системы Крнка, имела на вооружении винтовки и карабины системы Бердана².

Многосистемность стрелкового вооружения создавала большие неудобства во время боевых действий.

Ген. Скобелев в своем рапорте о сражении 30 и 31 августа под Плевной писал:

«Бой с 8 часов утра до 8 часов вечера вынудил многие части израсходовать свои патроны; в особенности терпели нужду в патронах стрелки 3-й бригады, и своевременное удовлетворение их *вследствие разности оружия было чрезвычайно затруднительно*. Посылая за патронными ящиками, — продолжал он, — ... трудно ... втолковать различие между ящиками стрелковыми и линейными»³.

Об этом же говорит в своих «Воспоминаниях» находившийся на театре войны офицер генерального штаба Паренсов: «... от существования двух систем, — пишет он, — происходила большая путаница в доставке соответствующих патронов, что особенно усиливалось благодаря перемешиванию частей — линейных и стрелковых»⁴ (т. е. полков пехотных дивизий и стрелковых батальонов).

Качество малокалиберных винтовок Бердана № 2 не вызывало никаких нареканий. Наоборот, по многочисленным свидетельствам участников войны, они действовали очень хорошо. «Берданки действовали отлично...»⁵, — отметил Паренсов. «С введением ружей Бердана, — писал участник войны Пузыревский, — мы имеем превосходное ручное оружие. Желательно было бы только: а) дать всей пехоте прицел до 1.800 шагов; б) *улучшить фабрикацию пороха* и гарантировать однообразие, точность и правильность снаряжения патронов»⁶.

По авторитетному утверждению крупнейшего специалиста в области стрелкового оружия В. Л. Чебышева, турецкие ружья Пибоци — Мартини, приносившие русским войскам существенный урон с дистанции в 3.000 шагов, не обладали большей дальностью, нежели винтовки Бердана⁷.

Существенные нарекания вызывали ружья системы Крнка. Основным их недостатком, по общему признанию, была плохая экстракция. Вследствие этого довольно часто во время боя ружья отказывали, и солдаты принуждены были шомполом выбивать застрявшую гильзу. Кроме того, ружья системы Крнка уступали в дальности стрельбы турецким системы Пибоци — Мартини. Однако основной недостаток за-

¹ «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 88, СПб., 1910, стр. 100—113.

² Там же, стр. 114—129.

³ «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 41, СПб., 1903, стр. 215.

⁴ П. Паренсов. Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба, т. II, СПб., 1904, стр. 346.

⁵ Там же.

⁶ Пузыревский. Отрывочные записки из опыта минувшей кампании. «Военный сборник», № 7, 1878, стр. 66.

⁷ В. Чебышев. О средствах к уменьшению потерь от огня при атаке пехоты с точки зрения свойств ружейного огня. «Военный сборник», № 10, 1878.

ключался не в самом ружье, а в прицеле, дававшем возможность стрелять только на 600 шагов.

«Существенные обвинения против нашего ружья Крка, — писал А. Куропаткин, — заключаются в *недостаточности нарезки прицела только на 600 шагов и в дурной экстракции*»¹...

В течение войны не ощущался недостаток в стрелковом оружии, однако запасы его были исчерпаны почти полностью, и дальнейшее увеличение количества вооруженных сил было вследствие этого почти невозможно.

По данным Главного артиллерийского управления, к 1 января 1878 года оставалось в запасе всего 75 тыс. винтовок системы Крка. Таким образом, для ополчения, формирование которого было намечено, не имелось в наличии новых образцов оружия, и предполагалось вооружить его заряжающимися с дула 6-линейными винтовками².

К началу военных действий в Дунайской армии обеспеченность патронами выражалась следующими цифрами: на каждую винтовку Крка — 324 патрона, на каждую стрелковую винтовку Бердана образца 1868 года — 404 патрона³. Из этого количества от 48 до 60 патронов имелось у солдата, остальные — в парках и складах.

В течение войны, как утверждал отчет Полевого артиллерийского управления Дунайской армии, недостатка в патронах не было, и к концу военных действий запас их (на 16 апреля 1878 г.) представлял значительное количество. Так, патронов для винтовок системы Крка имелось 38.124.680, системы Бердана пехотных — 24.153.554. Бердана кавалерийских — 3.419.432⁴.

Наличие этих запасов объяснялось главным образом крайне незначительным расходом патронов во время военных действий. По данным отчета Полевого артиллерийского управления, общее количество патронов, израсходованных в Дунайской армии за весь период войны, составляло: системы Крка — 5.700.000, Бердана пехотных 3.025.000, Бердана кавалерийских — 1.200.000⁵. Так, 63-й Углицкий и 64-й Казанский полки 16 пехотной дивизии, штурмовавшие 30 августа плевнинские укрепления, израсходовали: первый — около 13 патронов, второй — около 9 на активный штык. 54-й Минский пехотный полк 14-й пехотной дивизии, занимая оборону на Шипкинском перевале, израсходовал с 13 августа по 11 сентября в среднем по 5 патронов на активный штык⁶. Максимальный расход патронов в день в крайне редких случаях превышал 50—60. Так, например, Севский пехотный полк в бою под Еленой 22 ноября израсходовал на 2.655 активных штыков 170.105 патронов, т. е. в среднем около 65 патронов, 19-й Костромской пехотный полк 8 июля под Плевной на 2.481 винтовку израсходовал 140.024 патрона, т. е. по 56 патронов⁷.

Подобное положение обуславливалось режимом огня, признававшим лишь прицельную стрельбу на близких расстояниях, а также привычкой максимально экономить патроны, воспитываемой в течение долгих лет.

¹ А. Куропаткин. Под Плевной (практика траншейной войны) „Военный сборник“, № 9, 1878, стр. 65.

² ЦГВИА, ф. мобилизационного комитета, 402, № 4, 1877, л. 116—117.

³ „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 1, СПб, 1898, стр. 114.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 88, СПб., 1910, стр. 107—108.

⁷ Там же, стр. 105.

Так, например, в 14-й пехотной дивизии в конце 1876 года был издан ген. Драгомировым приказ, согласно которому предписывалось фельдфебелям после каждой переклички говорить роте: «Береги пулю: выпустишь издалека, вблизи стрелять нечем будет...»¹.

В полевой артиллерии еще за несколько лет до войны было закончено перевооружение всех батарей 4- и 9-фунтовыми пушками, заряжающимися с казны. Формирование же, согласно решениям секретного совещания 1873 года, 7-х и 8-х батарей артиллерийских бригад осуществлено не было.

По данным на 1 ноября 1877 г., на главном, Балканском, театре войны имелись 202 полевые батареи (пешей и конной артиллерии), в то время как в турецкой армии на Балканах на 26 октября того же года было всего лишь 72 батареи².

Таким образом, в количественном отношении русская артиллерия значительно превосходила турецкую. Однако серьезным недостатком русской полевой артиллерии, обнаружившимся в самом начале войны, явилось отсутствие дальнобойных орудий. Правда, опыт войны показал, что 4- и 9-фунтовые пушки стреляли значительно дальше, чем это предполагала практика стрельб мирного времени, однако турецкие пушки германского образца 70-х годов все же обладали несравненными преимуществами в отношении дальности стрельбы. В силу этого уже во второй половине июля 1877 года был решен вопрос о принятии на вооружение новой системы дальнобойных орудий, сконструированных в артиллерийском комитете в начале 70-х годов. С этой целью 1 августа того же года была создана специальная комиссия по перевооружению полевой артиллерии под председательством начальника Главного артиллерийского управления ген. Баранцева. Качество же орудий полевой артиллерии, действовавших на театре войны, а также и снарядов не вызывало каких-либо серьезных нареканий.

«Артиллерийские наши снаряды, — писал Пузыревский, — превосходны, особенно *шрапнель*, завоевавшая себе такую громкую репутацию в течение войны. К сожалению, дистанционная трубка позволяла пользоваться этим превосходным снарядом только до 1.100 сажень (из 9-фунтового орудия). При всех отличных качествах 9-фунтовые орудия, — продолжал Пузыревский, — слишком тяжелы и недостаточно дальнобойны...»³.

В связи с формированием ряда запасных и резервных батарей запас орудий полевой артиллерии значительно уменьшился к маю 1877 года, составляя всего 400 девятифунтовых орудий и 40 четырехфунтовых⁴. Общий запас артиллерийских снарядов накануне войны в 1876 году характеризовался следующими цифрами: на каждую 9-фунтовую пушку имелось 882 снаряда, на 4-фунтовую — 807⁵. Во время войны недостатка в артиллерийских снарядах не ощущалось. К началу военных действий в действующей пешей артиллерии на каждое 4-фунтовое орудие имелось 493 снаряда, на 9-фунтовое — 456. В конной артиллерии на каждое орудие имелось 633 снаряда⁶.

¹ „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 5, СПб., 1898, стр. 53.

² Там же, вып. 12, СПб., 1899, стр. 5 и 63.

³ Пузыревский. Оtryвочные заметки из опыта минувшей кампании. „Военный сборник“, № 7, 1878, стр. 66—67.

⁴ ЦГВИА, ф. Мобилизационного комитета, № 402, д. № 4, 1877, л. 128.

⁵ Там же, д. № 2, 1876 л., 300.

⁶ „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 1, СПб., 1900, стр. 114.

Расход снарядов за время всего периода военных действий на Балканском полуострове равнялся 157 000¹, что составило, примерно, сто на одно орудие.

Охарактеризовав состояние вооружения армии во время войны, можно сделать некоторые выводы.

1. Серьезным недостатком стрелкового вооружения являлась его многосистемность, что создавало большие трудности в боевых условиях.

2. Ружья системы Крика, которыми была вооружена значительная часть пехоты, имели существенный недостаток, обладая плохой экстракцией. Кроме того, в дальности стрельбы они уступали турецким ружьям новой системы.

3. Винтовки системы Бердана обнаружили высокие качества в боевых условиях. Единственный недостаток их заключался лишь в прицеле, рассчитанном на небольшое расстояние.

4. Качество орудий полевой артиллерии не вызывало каких-либо серьезных нареканий. Однако существенным недостатком вооружения артиллерии являлось отсутствие дальнобойных орудий.

Война послужила также серьезным экзаменом и для боевой подготовки войск.

Многочисленные свидетельства участников войны говорят о достаточно хорошей подготовке войск к боевым действиям. Изменение системы боевой подготовки, бесспорно, принесло свои плоды.

«С изменением сроков службы в нашей армии, — писал Пузыревский, — многие задавались вопросом, достаточно ли 4—5-летнее пребывание в рядах войск, чтобы образовать из новобранца солдата, обладающего всеми качествами хорошего воина... Известно, какой решительный ответ дала война на эти вопросы. Боевые доблести русского солдата приобрели ему всемирную славу. Что же касается призывных запасных нижних чинов, то они мало отличались от состоящих на действительной службе...»².

Такую же оценку дает и осторожный в своих выводах Газенкамф: «Бойска наши превосходны, но начальники оставляют слишком многого желать»³, — записывает он в своем «Дневнике».

Действительно, боевые действия на Шипке, зимний переход через Балканы — все это характеризовало не только национальные качества русского солдата, но и известную подготовку его к действиям в этих трудных боевых условиях.

Качество же командного состава было неоднородно.

Реформы военно-учебных заведений серьезным образом изменили подготовку офицерских кадров, однако отразилось это к моменту войны главным образом лишь на обер-офицерском составе. Значительное количество ротных командиров, а тем более батальонных, не говоря уже о полковых, принадлежало к офицерам николаевской школы⁴, в большинстве своем не получившим никакого специального образования. Так, по данным штаба 14-й пехотной дивизии, к моменту выступления в по-

---

¹ «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 1, СПб., 1900, стр. 116.

² Пузыревский. Отрывочные заметки из опыта минувшей кампании. «Военный сборник», № 7, 1878, стр. 62.

³ М. Газенкамф. Мой дневник, 1877—1878 гг., М., 1908, стр. 118.

⁴ По данным «всеподданнейшего отчета» командующего Варшавским военным округом генерала Альбединского за 1879 год, даже после войны число ротных командиров этой категории в войсках округа достигало 1/3. ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 1-я, д. 35908, л. 12.

ход 22% офицерского состава имели лишь домашнее образование. Вполне естественно, что основная масса этих лиц принадлежала к штаб-офицерскому составу.

К тому же Военное министерство, организуя тактические занятия для младших офицеров в полках, вовсе игнорировало переподготовку штаб-офицерского состава.

Качество высшего командного состава, за исключением лишь единиц, было еще более низким. Назначения на те или иные командные посты, начиная с начальников дивизий, определялись отнюдь не деловыми соображениями, а личными симпатиями царя и придворной камарилы. Все это, естественно, усугубляло промахи и ошибки главного командования, отличавшегося полнейшей бездарностью. Даже крайне ограниченный вел. кн. Александр Александрович отзывался далеко не лестно о главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче. «Дядя Низи был всегда глуп, — писал он в письме к своей жене от 26 сентября 1877 года, — откуда же должен явиться такой гений, чтобы из глупого человека преобразовать в умного, оно немислимо, и совершенно естественно, что ему не справиться с этим громадным и обширным делом»¹.

Перейдем к рассмотрению отдельных недостатков боевой подготовки войск, обнаружившихся в период военных действий.

Основная причина этих недостатков обуславливалась несоответствием тактических положений пехотного устава новым видам оружия. Несмотря на принятое Главным комитетом по устройству и образованию войск решение о переходе к рассыпному строю, никаких изменений в уставы внесено не было, и боевые порядки пехоты оставались прежними. Уже опыт первых боев доказал всю порочность этих тактических принципов.

Атака сомкнутыми ротными колоннами обуславливала огромные людские потери. Так, 63-й пехотный Углицкий полк во время штурма плевнинских позиций 30 августа потерял 1.218 человек, причем, как сообщал командир полка полковник Томяловский, полк нес огромную убыль, приближаясь к противнику².

Подобные примеры не единичны. 61-й Владимирский полк той же дивизии потерял 30 августа 1.210 чел., 117-й пехотный Ярославский полк — 1.048 чел. Исполнявший должность начальника штаба 4-го армейского корпуса полковник Тихиманов в связи с этим писал: «Противодействие этому способу обороны прямо противоположно нашей мирной практике производства атак»³.

Как сообщал с театра войны Куропаткин, «при наступлении 19 августа отряда генерала Скобелева для защиты позиций на высотах, окаймлявших Ловчу, выдвинутые вперед два батальона К-ого полка произвели наступление, имея цепь слишком густую и поддержку, следующую от цепи очень близко. Ошибка эта, — заключал он, — повторяется часто и стоит всегда лишних потерь»⁴.

Все это приводило к сильному поражению неприятельским огнем ротных колонн.

Вторым серьезным недостатком боевой подготовки являлось игнорирование ведения стрелкового огня на дальние расстояния уставами и

¹ ЦГИАМ, ф. Александра III, д. № 820, л. 125.

² „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 41, СПб., 1903, стр. 113.

³ Там же, стр. 126 и 296.

⁴ А. Куропаткин. С поля сражения. Сборник военных рассказов, т. II, СПб., 1879, стр. 216.

мирной практикой, обнаружившееся особенно наглядно в связи с противоположной тактикой турецких войск.

«В только что пережитой нами войне, — писал автор статьи «Заметки о действиях в стрелковой цепи», — заметна была громадная разница в действиях турок и русских относительно употребления огня пехотой. Турецкие войска... открывали огонь с весьма далеких расстояний; они вполне пользовались дальностью своей винтовки, а масса выпускаемых ими пуль увеличивала действительность дальнего огня... Русские войска мало пользовались дальним огнем, много терпели от огня турок и старались быстрым приближением к неприятелю парализовать выгоды его тактики. Тактика турок была основана на массе пуль, выпускаемых с дальних дистанций; тактика русских — на огне с верных дистанций. Мы игнорировали дальним огнем. Воспитанные на огне с близких и средних расстояний, мы не могли, частью не хотели, а может быть не умели воспользоваться выгодами нового оружия. Ружье Крка, кроме того, в большинстве приспособлено только к близкой стрельбе, а ружье Бердана не изменило наших взглядов в пользу дальнего огня. Словом, мы пренебрегали дальней стрельбой, хотя потребность в ней чувствовалась повсюду»¹.

Надо к тому же сказать, что русские войска проявили большую дисциплинированность в ведении ружейного огня, что в достаточной мере характеризовало их боевые качества. «Наши войска, — писал ген. Зедделер, — вообще выказали большую выдержку в огне: установившиеся в мирной практике правила редкой стрельбы и производства залпов лишь на расстояние прямого выстрела не забывались и в разгаре боя...»². Если практика мирного времени предусматривала стрельбу линейных рот на расстояние, не превышавшее обычно 600 шагов, то опыт войны указывал на возможность вести огонь с значительно более дальних расстояний.

«31 августа, — рассказывает Куропаткин, — наши линейные роты с третьего гребня «Зеленых гор» стреляли во фланг туркам, наступавшим со стороны Кришинского редута на занятый нами редут № 1. Наши стреляли на расстояние до 1.200—1.400 шагов, не без успеха, особенно по турецким колоннам»³.

Подобное же положение наблюдалось и в артиллерии, которая вела также успешный огонь на более дальние расстояния, чем это предусматривалось практикой мирного времени. «...в большинстве случаев в начале боя, — рассказывает в своих воспоминаниях один артиллерийский офицер, — артиллерия открывала огонь с дистанции больше тысячи двухсот сажень»⁴. Об этом же упоминается в журналах военных действий артиллерийских бригад.

Об успешной стрельбе 9-фунтовых батарей с дистанции в 1.200—2.000 саж. сообщали в рапортах командиры 5-й, 16-й и 30-й артиллерийских бригад⁵.

О возможностях стрельбы на дальние дистанции сообщает также и автор «Дневника артиллерииста». «Стреляли мы вообще удачно, — пишет он, — но, к сожалению, наши одноярусные дистанционные трубки не по-

¹ Э. С в и д з и н с к и й. Заметки о действиях в стрелковой цепи. „Военный сборник“ № 12, 1878, стр. 204.

² Л. З е д д е л е р. Несколько практических выводов из нашей последней войны. „Военный сборник“, № 5, стр. 73.

³ А. К у р о п а т к и н. С поля сражения. Сборник военных рассказов, т. II, СПб., 1879, стр. 225. Речь идет о стрельбе из винтовок системы Крка.

⁴ В. С — а. На войне. Сборник военных рассказов, т. II, 1879, стр. 107.

⁵ „Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове“, вып. 41, СПб., 1903, стр. 253—271, 273.

зволюли нам действовать шрапнелью далее 840 сажень, а можно было бы иначе принести огромную пользу нашей пехоте, если бы представлялась возможность действовать шрапнелью на большие дистанции и поражать турецких стрелков в их траншеях, откуда они встречали нашу пехоту»¹.

Опыт войны таким образом, доказал, что русская армия далеко не полностью использовала новые виды вооружения, как стрелкового, так и артиллерийского.

Касаясь тактической подготовки артиллерии, нельзя не отметить, что при общем удовлетворительном состоянии ее она обнаружила слабое взаимодействие с другими родами войск.

«...Можно уже теперь сказать, — писал ген. Зедделер, — ...что тактика нашей артиллерии требует переработки; надежнейшим для этого средством надобно признать возможное сближение ее с другими войсками»².

Война обнаружила также серьезный недостаток и в организации инженерных работ.

Было бы неверным утверждать, что войска были вовсе не подготовлены в этом отношении. При обучении войск в мирное время уделялось некоторое внимание производству саперных работ. И офицеры и солдаты были знакомы с элементарными видами инженерных сооружений. «Офицеры из военных училищ, — писал с театра войны Куропаткин, — могут быть хорошими руководителями саперных работ»³. Офицеры, окончившие юнкерские училища, также были более или менее подготовлены в этой области. Однако ограниченное число шанцевого инструмента (10 лопат на роту) обуславливало то обстоятельство, что не всегда самоокапывание становилось неотъемлемой частью боевой подготовки. На войне же это приводило к тому, что солдат в бою не имел средств для самоокапывания.

«Заняв второй гребень (Зеленой горы — П. 3.), — писал в своем донесении о действиях под Плевной генерал кн. Имеретинский, — войска быстро приступили к устройству ложементов для стрелков и для помещения орудий. При этом оказался сильный недостаток в шанцевом инструменте. Люди рыли себе ровики частью крышками от манерок, частью руками»⁴. Подобные факты были отнюдь не единичны. Об этом же в своих донесениях говорит и ген. Скобелев. Шанцевый инструмент возылся в полковом обозе, а не являлся неотъемлемой частью снаряжения солдата. Когда же во время боя шанцевый инструмент выдавался на руки, то вследствие тяжести его сплошь и рядом бросали. «По поводу недостатка шанцевого инструмента, — писал тот же Имеретинский, — ввиду чрезвычайной важности в настоящей борьбе фортификационной подготовки поля я позволяю себе высказать несколько замечаний. Пехотная часть, бывшая в горячем деле, большей частью лишается своего шанцевого инструмента. Наш солдат, — продолжал он, — наступая по трудно проходимой закрытой местности, особенно в жар, первое, чем облегчает себя, это бросает свой инструмент...»⁵. Это объяснялось тем,

¹ Сборник военных рассказов, т. II, СПб., 1878, стр. 29.

² Л. Зедделер. Несколько практических выводов из нашей последней войны, «Военный сборник», № 6, 1878, стр. 241.

³ А. Куропаткин. С поля сражения. Сборник военных рассказов, т. II, 1879, стр. 217.

⁴ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 41, СПб., 1903, стр. 198.

⁵ Там же.

что конструкция лопат была явно непригодна для ношения их в боевой обстановке.

Характеризуя применение инженерного инструмента в период войны, полковник Плюцинский в своей статье в «Военном сборнике» указывал, что «...наша армия не нашла в военно-инженерном искусстве того важного вспомогательного средства, какое она могла бы найти, не воспользовалась им в той степени, в какой должна была бы воспользоваться»¹.

Основную причину этого Плюцинский видел в недостатке шанцевого инструмента. «...Прежде чем судить о том, насколько они (войска — П. З.) пользовались в минувшую войну пособием военно-инженерного искусства, нужно признать, что ...с 10 лопатами на роту нельзя было много сделать. О каких закрытиях для стрелков могла идти речь, когда, рассыпав из роты один только взвод, в каждом звене стрелков едва ли могла быть одна лопата, а на деле при равномерном распределении лопат во взводах одна лопата приходилась на 3—4 звена, если только лопаты не оставались в обозе... Нельзя не признать также, — заключал Плюцинский, — что обучение наших полевых войск «саперным работам в поле» оставляет желать некоторых улучшений»².

Кавалерия в кампании 1877—1878 гг. не играла самостоятельной роли, будучи размещена по отдельным армейским корпусам.

Война все же вскрыла ряд слабых мест и в подготовке кавалерийских частей. К числу наиболее существенных недостатков нужно отнести неудовлетворительное выполнение ими разведывательной службы, а также слабую стрелковую подготовку, в частности неумение стрелять с коня.

Полковник Каульбарс в своей статье «По вопросам, касающимся кавалерии», указывал, что «...в ежедневных стычках с неприятельскими аванпостами мы терпели часто урон благодаря искусной стрельбе противника с лошади»³.

Надо отметить также недостаточную выносливость как всадников, так и лошадей. Последнее являлось следствием плац-парадных традиций, сохранявшихся в значительной степени в кавалерии. Таким образом, боевая подготовка кавалерии страдала рядом серьезных недостатков. «Во многих случаях, — писал автор статьи «Подготовка конницы», — кавалерия наша должна была показать себя более предприимчивой и решительной...»⁴. Война обнаружила также недостатки в вооружении кавалерии — отсутствие у значительной части ее огнестрельного оружия.

Следует сказать, что слабое взаимодействие отдельных родов оружия, обнаружившееся в период военных действий, в значительной мере определялось отсутствием армейских корпусов, которые и должны были координировать боевую подготовку различных родов войск в мирное время.

Созданные в начале войны армейские корпуса не смогли занять определенного места в системе организации войск действующей армии. Вследствие этого крупной тактической единицей являлись так называемые отряды, составлявшиеся не только из частей войск различных корпусов, но и различных дивизий и даже полков.

---

¹ Плюцинский. К вопросу о состоянии инженерного искусства в кампанию 1877—1878 гг., «Военный сборник» № 10, 1878, стр. 260.

² Там же, стр. 270—271.

³ А. Каульбарс. По вопросам, касающимся кавалерии, «Военный сборник» № 3, 1879, стр. 65.

⁴ Скобелев. Подготовка конницы, «Военный сборник» № 1, 1880, стр. 117.

Таким образом, на основе опыта войны можно сделать ряд выводов в отношении боевой подготовки войск:

1) Изменения, произведенные в области обучения войск на протяжении 60—70-х годов, имели серьезное значение в смысле подготовки их к действиям в боевых условиях, что и получило свое подтверждение в ходе войны.

2) Однако война вскрыла и существенные недостатки в боевой подготовке войск. Основным пороком ее являлось несоответствие уставных тактических принципов уровню развития вооружения. Это влекло за собой и недостаточное использование новых видов вооружения как в пехоте, так и в артиллерии.

Война вскрыла и слабую организацию инженерных работ, вследствие чего инженерные средства далеко не всегда использовались в должной мере. Наконец, военные действия обнаружили также недостаточное взаимодействие отдельных родов оружия.

В заключение необходимо остановиться на «Положении о полевом управлении армии», для которого война послужила также серьезной проверкой. Если в целом Положение о полевом управлении армии соответствовало задачам организации полевого штаба главнокомандующего, то один из важнейших разделов его — организация тыла армии — обнаружил свою полную несостоятельность.

На основе Положения о полевом управлении снабжение армии должно было осуществляться через пограничные округа. «С удалением армии от границ империи, — говорилось в Положении, — когда полевому управлению неудобно будет распоряжения свои приводить в исполнение через пограничные военно-окружные управления, учреждаются в занятых армией областях по мере надобности местные интендантские, артиллерийские и инженерные управления, которым присваивается наименование того города или пункта, где они находятся»¹. Как должны быть созданы эти управления, кому подчиняться, как осуществлять связь с военными округами и Военным министерством, — об этом в Положении ничего не говорилось.

Все это привело к тому, что в первый период войны никаких местных управлений не было создано, и полевое управление армии не имело базы снабжения. В ходе войны было поручено разработать ген. Дрентельну проект управления тыла армии, который и был наспех составлен в конце сентября 1877 года.

Лишь в ноябре в Бухаресте были открыты местные управления, а в декабре — в северной Болгарии.

Отсутствие правильно организованного тыла армии усугубило неразбериху и хаос, царившие в деле снабжения, и способствовало массовым злоупотреблениям в этой области.

Однако было бы совершенно неверным искать причину массового казнокрадства и всякого рода злоупотреблений в недостатках Положения о полевом управлении армии. Причина этого заключалась прежде всего в самой природе самодержавно-дворянского государства, неспособного преодолевать все эти пороки.

* * *

«Всякая война, — говорилось в докладе Военного министерства 1 января 1879 года, — естественно, вызывает стремление к преобразованиям и улучшениям в устройстве и содержании вооруженных сил: она

---

¹ Свод военных постановлений издания 1869 года, ч. 1, кн. IV, стр. 204—205.

представляет наилучший способ для проверки уже сделанного и наилучшие указания для того, что предстоит еще сделать. В этом отношении, — указывалось там, — опыт минувшей войны не должен пройти бесследно для нашей армии...»¹.

Вследствие этого в первые годы после войны были осуществлены серьезные изменения в различных областях организации армии.

Опыт войны показал, что существовавшая организация войск не обеспечивала потребностей армии в случае «большой войны» с несколькими государствами.

Не говоря уже о том, что организация войск, принятая в 60-х годах, в условиях быстрого роста вооружений главнейших европейских стран не могла удовлетворить потребностей государства, новая организация армии 1873 года также требовала существенных изменений.

Наиболее серьезные изменения коснулись организации резервных войск. Согласно решениям секретного совещания, резервные войска должны были создаваться лишь в военное время для выполнения вспомогательных функций — несения «тыльной службы».

Опыт войны показал, что подобное назначение резервных войск не является целесообразным и что эти войска правильнее использовать для усиления действующих частей.

Кроме того, в целях скорейшего приведения резервных войск в боевую готовность было решено сохранить кадры этих войск в мирное время.

В связи с этим 15 августа 1878 года было утверждено новое «Положение о резервных пехотных войсках». «Резервные пехотные войска, — говорилось в Положении, — имеют назначением: усиление действующей пехоты, содержание гарнизонов в крепостных и других укрепленных пунктах и исполнение местной внутренней службы»². Крепостные и местные войска уничтожались, а на базе их создавались резервные.

В мирное время резервные войска должны были состоять из 96 отдельных батальонов пятиротного состава по 80 рядовых в роте. В случае войны каждая рота развертывалась в батальон; таким образом число батальонов достигало 480. Из этого количества 384 батальона образовывали 96 пехотных полков, сводившихся по заранее составленному расписанию в 24 резервные пехотные дивизии. Остальные же 96 батальонов оставались на месте. В случае замены их в ходе войны ополчением, они могли образовать также 6 пехотных дивизий. Благодаря такой организации общее количество пехотных дивизий увеличивалось с 48 до 72.

Обеспечение резервных дивизий артиллерией достигалось путем увеличения числа запасных артиллерийских бригад и дальнейшим развертыванием их во время войны. В результате этого в состав каждой резервной дивизии включалась 4-батарейная артиллерийская бригада. «С принятием этой организации, — указывалось в докладе Военного министерства, — боевые силы наши, способные выступить в поле, по штатам военного времени усиливаются слишком на 500 тыс. чел., а в мирное время численность содержащихся налицо вооруженных сил увеличивается на 2.000 офицеров и 32.000 нижних чинов»³. Новое устройство резервных войск было более целесообразным, нежели принятое

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 27, стр. 4—5.

² Полное собрание законов, 2-е собрание, 1878, № 58805.

³ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 27, стр. 46.

в 1873 году, создавая условия для быстрого развертывания в случае войны, а также устраняя неверное ограничение этих частей лишь функциями «тыльной службы».

В течение 1878—1880 гг. все пехотные полки в соответствии с решением секретного совещания 1873 года были приведены в 4-батальонный состав.

Состав же полевой артиллерии оставался прежним — 7-е и 8-е батареи в артиллерийских бригадах сформированы не были.

Опыт войны поставил вопрос о значительном увеличении кавалерии в целях выполнения ею самостоятельных тактических задач (создание отдельных кавалерийских корпусов). Однако эта задача не была решена вследствие отсутствия финансовых возможностей.

Основным вопросом, обеспечивающим реальные возможности развертывания армии в случае войны, являлось накопление обученного людского запаса. Если решениями секретного совещания 1873 года этот запас был определен в 1.500 тыс. человек, то в связи с новой организацией резервных войск он становился недостаточным. «При новой расширенной организации, — говорилось в докладе 1 января 1879 года, — необходим запас нижних чинов до 2.100.000 чел. Такое увеличение запаса приводит к необходимости увеличения ежегодного контингента новобранцев, а это последнее, в свою очередь, требует большего сокращения сроков действительной службы. По сделанным расчетам выяснилось, — говорилось далее, — что для образования запаса в 2.100.000 человек придется производить увольнение людей: а) в пехоте, в пешей и крепостной артиллерии и в разных вспомогательных войсках через три года; б) в кавалерии, конной артиллерии и инженерных войсках через четыре года и в) в отдаленных краях через шесть лет»¹. При этих условиях необходимый запас в 2.100.000 человек мог быть образован в течение 6—8 лет.

Проект этот вызвал сопротивление со стороны Государственного совета, возражавшего против увеличения ежегодного контингента призываемых, а также и со стороны значительной части генералитета, полагавшего, что переход к трехлетней службе не может быть осуществлен «без совершенного расстройств кадров армии»². Вследствие этого было решено снизить цифру необходимого запаса до 1.700.000 чел.³

В конце 1880 года было составлено новое мобилизационное расписание № 8, по которому устанавливался порядок мобилизации всех частей войск. Для приведения всей армии в военное положение требовалась мобилизация 1.425.000 человек. В связи с тем, что цифра обученного запаса к этому периоду составляла лишь 825 тыс. чел., недостающее количество предполагалось укомплектовать ратниками ополчения 1-го разряда.

Мобилизационный план предусматривал доведение численности регулярных войск в случае войны до 2.350.000 чел.

План мобилизации армии 1880 года страдал двумя существенными

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 27, стр. 59. В 2.100.000 человек запаса включалась цифра необходимого пополнения убыли во всех полевых и резервных войсках в первые месяцы войны в размере 25 % их общей численности.

² Там же, д. № 31, стр. 16.

³ В связи с этим была снижена цифра контингента, необходимого для пополнения убыли в полевых и резервных войсках, вместо 25% от их общей численности до 15%.

недостатками. Во-первых, он не предусматривал необходимости переподготовки запасных, а также хотя бы элементарного обучения ратников 1-го разряда, предназначенных для укомплектования мобилизуемых частей.

Все это неизбежно привело бы к снижению качества войск, имея в виду, что около $\frac{2}{3}$ их составляли бы запасные и ратники 1-го разряда.

Вторым серьезным недостатком этого плана являлось отсутствие должного количества офицеров запаса, необходимого для перевода армии на военное положение.

К концу 1880 года количество офицеров и генералов, состоявших в армии сверх комплекта, составляло цифру в 1.712 человек, в то время как для укомплектования армии по штатам военного времени требовалось около 19.000 офицеров¹.

Изданное в начале 1880 года «Положение об офицерах запаса» не решало этого вопроса. Согласно Положению, офицерский запас составлялся из лиц, призывавшихся в армию на сокращенные сроки службы и выдержавших экзамен на офицерский чин. Однако сдача этого экзамена не являлась обязательной, вследствие чего лишь незначительная часть призываемых сдавала таковой.

Анализируя изменения, проведенные после войны в области организации армии, надо отметить, что значительная часть мероприятий, намеченных секретным совещанием 1873 года, была реализована.

Однако бюджетные ассигнования Военного министерства ограничивали возможность осуществления полностью этой программы. В результате этого не были увеличены количество батарей в бригадах полевой артиллерии, а также и численность кавалерии.

План строительства стратегических железных дорог и укрепления предполагаемых плацдармов войны, принятый секретным совещанием 1873 года, в течение 7 лет почти не был реализован. К 1881 году, за исключением отдельных соединительных ветвей, не было построено ни одной железнодорожной линии из числа намечавшихся ген. Обручевым.

Такое же положение наблюдалось и в области строительства крепостных сооружений в пограничных районах. К концу рассматриваемого периода, за исключением семи передовых укреплений вокруг Брест-Литовска и шести вокруг Ивангорода, ничего сделано не было.

* * *

В области перевооружения армии еще в период войны был поставлен вопрос о необходимости обеспечения полевой артиллерии дальнобойными орудиями.

С этой целью 24 июля 1877 года и была образована особая комиссия по перевооружению под председательством ген. Баранцева.

Комиссия решила принять на вооружение образцы стальных орудий, сконструированных Н. В. Маиевским еще за несколько лет до войны.

Новые пушки по дальности, меткости и настильности огня значительно превосходили прежние.

Орудия, принятые на вооружение, характеризовались следующими данными².

---

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 31, стр. 13—14.

² Там же, д. 25, стр. 178.

	Нового образца Ø				Старого образца			
	вес орудия	вес снаряда	вес заряда	начальная скорость	вес орудия	вес снаряда	вес заряда	начальная скорость
Для пехотной артиллерии								
1. Пушка малого калибра, соответствующая прежней 4-фунтовой пушке	28 п.	16,5 ф.	3,7 ф.	1.500 фут.	19 п. 18 ф.	14 ф.	1,5 ф.	1.500 фут.
2. Пушка большого калибра, соответствующая прежней 9-фунтовой пушке	38 п.	30,5 ф.	4,9 ф.	1.300 фут.	38 п.	27 ф.	3 ф.	1.050 фут.
Для конной артиллерии								
1. Конная пушка малого калибра, соответствующая прежней 4-фунтовой пушке	22 п.	16,5 ф.	3,7 ф.	1.300 фут.	19 п. 18 ф.	14 ф.	1,5 ф.	1.000 фут.

Предельная дальность стрельбы из этих орудий достигала почти 6 верст. Меткость стрельбы из пушки малого калибра нового образца определялась следующими средними квадратическими отклонениями снарядов по вертикальному направлению ¹:

	Для пушки нового образца	Для прежней 4-фунтовой	Для прежней 9-фунтовой
На 1.000 сажень	5,5 фут.	16 фут.	12,25 фут.
На 1.500 сажень	12,5 "	67 "	40 "
На 2.000 сажень	27,5 "	—	144 "

Таким образом, новая пушка при хорошей пристрелке превосходила по меткости прежнюю 4-фунтовую пушку на расстоянии в 1.000 сажень в три раза, на расстоянии 1.500 сажень — в пять раз.

По настильности полета снаряда новая пушка превосходила прежнюю 4-фунтовую в два раза, 9-фунтовую — в 1,5 раза.

Общий план перевооружения предполагал в трехгодичный срок осуществить вооружение всей полевой артиллерии новыми видами орудий. Замену 4-фунтовых орудий предполагалось осуществить в годичный срок.

Из общего количества 3.550 орудий, необходимых для перевооружения полевой артиллерии, 1.850 было заказано заводу Круппа, 1.700 — Обуховскому ².

Орудия, изготовленные на Обуховском заводе, значительно превос-

¹ О вновь вводимых орудиях. „Артиллерийский журнал“, № 9, 1878, стр. 4.

² ЦГВИА, ф. комиссии по перевооружению полевой артиллерии, № 514, д. № 1, л. 140 в — 150. Доклад начальника Главного артиллерийского управления военному министру от 2 октября 1877 г.

ходили по качеству крупновские. В орудиях, изготовленных на этом заводе, применялся принцип лейнерования.

Каждая артиллерийская бригада получила на вооружение: для двух батарей орудия большого калибра, для четырех — малого.

Однако план перевооружения не был выполнен в срок. К 1 января 1881 года из 358 батарей полевой артиллерии были вооружены новыми пушками 276 батарей¹. Части же запасной артиллерии, являвшейся кадром для резервных артиллерийских бригад, были вооружены орудиями прежних образцов.

Количество тяжелых орудий крепостной артиллерии значительно увеличилось, однако все же не достигало штатной нормы. Из 4.567 орудий, полагавшихся иметь по нормальному расписанию, к 1 января 1881 года имелось 3.838².

Только в 1880 году было принято решение о частичном перевооружении осадной артиллерии стальными орудиями взамен бронзовых. Естественно, что к 1881 году перевооружение ее не было закончено.

Рассмотрим состояние стрелкового вооружения.

К 1881 году все части действующей и резервной пехоты были снабжены малокалиберными винтовками по штатам военного времени. Драгунские полки также были полностью снабжены малокалиберными драгунскими винтовками. Общее количество стрелкового оружия, находившегося в войсках к концу 1880 года, характеризуется следующей таблицей³:

	В воинских частях	В запасе
Малокалиберных винтовок		
пехотные (Бердана № 2)	1.481.963	77.275
(Бердана № 1)	3.024	12.579
драгунских	51.755	19.525
казацких	127.276	10.000
карабинов	16.070	3.505
Винтовок Крнка		
пехотных	258.842	180.690
драгунских	—	16.524
Игольчатых винтовок		
	40.817	116.943

Таким образом, к 1881 году перевооружение малокалиберными винтовками все же не было еще закончено полностью, а запасы оружия не обеспечивали вовсе вооружения ополчения.

Сравнительно же быстрый ход перевооружения пехоты был достигнут благодаря резкому увеличению выпуска продукции оружейными заводами.

Во второй половине 70-х годов процесс производства на этих заводах был механизирован. Если в 1876 году всеми оружейными заводами было изготовлено 195.346 малокалиберных ружей, то в 1877 году —

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 31, стр. 133.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 126.

352.000, в 1878 году — 480.355, в 1879 году — 380.176 и в 1880 году — 410.000¹.

Опыт войны выдвинул также необходимость снабжения малокалиберных винтовок новым прицелом на более дальнее расстояние. Военное министерство было принуждено признать, что опыт как франко-прусской, так особенно русско-турецкой войны «указал, что в зависимости от условий боя, местности и размеров цели могут быть иногда случаи полезной стрельбы из ружей на большие расстояния. Кроме того, частое пользование в полевой войне земляными закрытиями дает особое значение дальней стрельбе по внутренности укреплений навесными или перекидными выстрелами»². В связи с этим был поставлен вопрос о снабжении малокалиберных ружей особым дополнительным прицелом от 1.500 до 3.900 шагов.

Помимо этого, в целях увеличения скорострельности предполагалось, не переходя к ружьям магазинной системы, снабдить малокалиберные винтовки особым прибором под названием «ускоритель стрельбы», содержащим в себе от 6 до 10 патронов. Однако это мероприятие до 1881 года реализовано не было.

Такова характеристика состояния перевооружения армии в первые годы после войны.

Несмотря на известные успехи как в области перевооружения артиллерии, так и пехоты, перевооружение в целом все же не было закончено.

Если в области изготовления стрелкового оружия зависимость от границы была ликвидирована, то в области производства артиллерийских орудий она сохранилась, что объяснялось неспособностью царского правительства организовать в должных размерах массовое производство стальных орудий.

* * *

Опыт войны, обнаружив серьезные недостатки боевой подготовки войск в целом, вызвал необходимость серьезных изменений в этой области.

В докладе 1 января 1878 г. военный министр принужден был сказать, что «...настоящая кампания указала также на некоторые несовершенства тактического образования наших войск»³.

В другом докладе он писал: «...Нельзя не сознаться, что наша пехота, хотя и со славой окончившая кампанию, но обученная по уставам, изданным до франко-прусской войны, проявила в первых делах привычки, не отвечающие тактике скорострельного оружия»⁴.

В соответствии с этим первые годы после войны производилась подготовка новых изданий строевых уставов, а также издавались различные инструкции по обучению войск.

В течение 1879—1880 гг. в главном комитете по устройству и образованию войск подготавливались новые строевые уставы пехоты и кавалерии.

Существенным отличием нового пехотного устава являлось то, что все касающееся тактического применения уставных форм в боевой обста-

---

¹ Цифры заимствованы из отчетов главного артиллерийского управления за указанные годы. См. приложения к „вспомогательным отчетам“ за соответствующие годы.

² ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 27 стр. 167—168.

³ Там же, д. 25, стр. 70.

⁴ Там же, д. 27, стр. 80.

новке было выделено в особое приложение к уставу, озаглавленное «Инструкция для действия роты и батальона в бою». Эта инструкция обсуждалась в 1879 году на страницах «Военного сборника».

По проекту нового устава основной тактической единицей становилась рота. Значительно большее место отводилось рассыпному строю. Так, боевой порядок роты должен был состоять из цепи и ротного резерва. Цепь, в свою очередь, должна была состоять из 1—3 взводов. Деление на звенья в цепи уничтожалось. Уничтожалось также деление рот на стрелковые и линейные. Боевой порядок роты при атаке должен был состоять из цепи и ротного резерва, следующего за ней в разомкнутом строю. В момент атаки резерв перестраивался из разомкнутого в сомкнутый строй. Таким образом, устав определял три формы строя: сомкнутый, разомкнутый и рассыпной.

Проект инструкции для действий роты и батальона в бою конкретизировал применение уставных форм. Определялись принципы ведения огня в боевых условиях. Так, например, в этом проекте указывалось на целесообразность стрельбы на дальние расстояния, но вместе с тем не рекомендовалось вести одиночный огонь с дистанции, превышавшей 800 шагов.

Проект инструкции вызвал оживленное обсуждение ее на страницах «Военного сборника». Ввиду того, что проект нового устава опубликован не был, критика инструкции являлась вместе с тем и критикой проекта устава.

Большие споры вызывал вопрос о сохранении сомкнутого строя, а также и стрельбы на дальние расстояния.

По мнению Драгомирова, «...проявление нашими войсками в последнюю войну привычек, не вполне отвечающих тактике скорострельного оружия, несправедливо приписано уставу... Нельзя не заметить, — продолжал он, — что дело не в уставе, а в том, как его применяют при мирных занятиях войск»¹. Таким образом, Драгомиров выступал за сохранение существовавших в уставе форм построения боевых порядков, т. е. сомкнутого строя.

Другие авторы, наоборот, упрекали инструкцию за то, что в ней недостаточно полно указаны способы применения рассыпного строя².

Наконец, третьи замечали, что «рассыпная атака... будет единственно возможною формою в настоящее время»³.

В отношении стрельбы на дальние расстояния все критиковавшие инструкцию отмечали недопустимость ограничения одиночной стрельбы с дистанций, не превышавших 800 шагов.

Наряду с пехотным уставом с 1879 года разрабатывался новый строевой устав кавалерийской службы. Большое место в этом уставе отводилось действию кавалерии в спешном строю.

Как устав о строевой пехотной службе, так и устав о строевой кавалерийской службе не были утверждены к началу 1881 г.

Несмотря на ряд изменений, осуществленных в системе обучения войск, боевая подготовка их попрежнему имела ряд существенных недостатков. Примером этого могут служить маневры войск в Варшавском и Виленском военных округах в 1880 г. Оценивая состояние боевой под-

¹ М. Драгомиров. Разбор инструкции для действия роты и батальона в бою. «Военный сборник» № 3, 1879, стр. 97.

² «Военный сборник» № 3, 1879. Статья начальника 28-й пехотной дивизии ген.-лейт. Бранда. По поводу инструкции для действия роты и батальона в бою.

³ Рудзинский. Под впечатлением дел последней войны. «Военный сборник», № 1, 1879, стр. 87.

готовки войск на основе анализа этих маневров, Военное министерство отмечало: «...по наружному виду, строевому образованию, материальному снабжению и общей технической подготовке войска в обоих округах находятся в отличном состоянии; относительно же маневрирования большинство старших начальников до полковых командиров включительно обнаружило непривычку к этого рода упражнениям, неумение пользоваться местными предметами, свойствами специальных родов оружия, в особенности кавалериею, и поддерживать постоянную связь в действиях»¹.

Там же указывалось, что кавалерия плохо подготовлена «к действиям в поле».

«Во всем, что касается материальной части, выносливости, съезженности эскадронов и строевого образования, до полкового учения включительно, достигнуты самые лучшие результаты, но как только коснется дело прикладной части, — говорилось в докладе по Военному министерству, — обнаруживается непривычка к совокупным действиям и неумение выполнить основные требования: освещать театр действий, охранять и прикрывать свои силы...»².

* * *

Преобразования русской армии составляли неразрывную часть буржуазных реформ, осуществленных царизмом в период 60 — 70-х годов.

Развитие капитализма в недрах феодально-крепостнического строя явилось основной причиной этих реформ.

В результате Крымской войны 1853—1856 гг. «...правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение»³.

В 1861 году царское правительство под непосредственным влиянием революционной ситуации вынуждено было отменить крепостное право. Это же явилось причиной, заставившей его осуществить ряд буржуазных преобразований.

Все эти реформы, означавшие эволюцию самодержавно-дворянского государства по пути превращения его в буржуазную монархию, не изменили однако феодальной сущности политической надстройки. Военные реформы являлись неразрывной частью буржуазных преобразований того периода. Непосредственной причиной их, с одной стороны, являлось стремление царизма укрепить в условиях роста революционного движения, и в частности распространения революционных идей в войсках, одно из основных орудий своей власти — армию. С другой стороны, военные преобразования определялись внешнеполитической обстановкой, требовавшей реорганизации армии, обнаружившей в период Крымской войны полнейшую несостоятельность всей системы.

Объективный смысл военных преобразований отражал эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию.

Организация войск, принятая в 60-е годы, ставила своей задачей сокращение до минимума состава армии в мирное время и максимальное увеличение ее в период войны, не прибегая при этом к формированию новых тактических единиц. Однако эта организация при сохранении прежних принципов комплектования — рекрутской повинности — не

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства № 1 (Л), опись 2-я, д. 31, стр. 45.

² Там же, стр. 46—47.

³ И. В. Сталин. Соч., т. I, стр. 206.

обеспечивала развертывания армии соответствующим людским запасом, вследствие чего и имела ограниченные возможности.

Реорганизация Военного министерства, а также введение военной системы создавали относительное единство военного управления, ликвидировали излишнюю централизацию отдельных отраслей управления и обеспечивали в известной мере оперативность руководства. Наряду с чисто военными задачами создание военных округов преследовало также и политическую цель — борьбу с революционным движением.

Мероприятия в области перевооружения армии сводились к обеспечению ее новыми видами вооружения. Однако эта задача осуществлялась крайне медленно и к началу 80-х годов еще не была полностью завершена. В деле решения второй задачи — создания отечественной военной промышленности — были сделаны лишь первые шаги (постройка Обуховского и Мотовилихинского заводов, реконструкция Тульского ружейного завода).

Огромную роль в деле развития военной техники сыграли выдающиеся русские ученые-изобретатели: Маиевский, Гадолин, Чернов, Калауцкий, Лавров и др.

Преобразования в области боевой подготовки были направлены к изменению всей системы обучения войск, причем в основу этой новой системы был положен принцип — обучать лишь тому, что необходимо на войне. Новые формы ведения боев, связанные с ростом военной техники и изменением вооружения войск, требовали развития личной инициативы солдата.

Реформы военно-учебных заведений ставили своей целью подготовку верноподданного офицерства, способного осуществлять командование в новых условиях ведения войны. Эти реформы существенным образом изменили всю систему подготовки офицерских кадров. Создание военных и юнкерских училищ разрешило вопрос об обеспечении командным составом пехоты и кавалерии по штатам мирного времени.

Реорганизация кадетских корпусов в военные гимназии значительно повысила общеобразовательный уровень будущих офицеров.

Политическая обстановка начала 70-х годов вызвала к жизни новые преобразования в области организации и комплектования армии.

Рост крестьянского движения и начало самостоятельной борьбы пролетариата, новые задачи в области внешней политики, образование милитаристической Германии, а также захватнические происки Англии на Ближнем и Среднем Востоке, представлявшие серьезную угрозу европейскому миру, — все это в еще большей степени определяло стремление царизма увеличить и усилить вооруженные силы государства. С этой целью была принята новая организация армии, а также введена всеобщая воинская повинность.

В результате введения всеобщей воинской повинности господствующие классы вынуждены были «...обучать в конце концов весь народ владеть оружием, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству»¹. А это имело, несомненно, большое положительное значение.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов явилась серьезной про-

---

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 160.

веркой военных реформ, обнаружив ряд существенных недостатков как в организации армии, так в вооружении и обучении войск.

В послевоенные годы были осуществлены некоторые изменения в области организации армии и ее боевой подготовки. Однако опыт войны полностью учтен не был.

Преобразования вооруженных сил России, носившие объективно буржуазный характер, встречали противодействие со стороны реакционных кругов, пытавшихся сохранить в неизменном виде феодальные порядки в армии.

Борьба сторонников и противников военных преобразований явилась борьбой отдельных групп внутри господствующего класса, по-разному представлявших себе пути укрепления самодержавно-дворянского государства.

Вполне естественно, что в условиях существования царизма преобразования армии не могли быть осуществлены последовательно.

Ни сам Александр II, ни Военное министерство во главе с Милютиним, стремившееся к преобразованию вооруженных сил на новых началах, не способны были осуществить полностью эти задачи.

Как организация армии, так и система боевой подготовки ее, несмотря на произведенные изменения, сохраняла в значительной степени черты феодального военного устройства.

Экономическая отсталость самодержавно-дворянского государства и неспособность господствующих классов преодолеть эту отсталость определяли техническое несовершенство вооружения русской армии. Преклонение царизма перед иностранщиной создавало дополнительные трудности в деле развития военной промышленности. В результате всего этого не была ликвидирована и зависимость от заграницы в области обеспечения армии важнейшими видами вооружения. Изобретения русских ученых, утверждавшие приоритет отечественной науки в ряде важнейших отраслей военной техники, не были претворены в жизнь.

Стремление к сохранению плац-парадных традиций, а также боязнь развития самостоятельной инициативы солдат, — все это мешало боевой подготовке войск и приводило к сохранению устарелых тактических принципов, не соответствовавших новым видам вооружения.

Состав офицерского корпуса оставался попрежнему дворянским. В подготовке офицерских кадров имелся ряд существенных недостатков. Вопрос об обеспечении подготовленным офицерским составом специальных родов войск решен не был.

Тяжелое финансовое положение страны обуславливало ограниченность бюджетных возможностей, благодаря чему решения секретного совещания 1873 г. были реализованы в крайне незначительной степени. В течение последующих семи лет почти ничего не было сделано в области укрепления западных пограничных районов, а также проведения стратегических линий железных дорог.

«Царизм, — писал В. И. Ленин, — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности»¹.

Наличие феодальной политической надстройки обуславливало сохра-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 35.

нение феодальных черт организации армии, являвшейся одной из составных частей этой надстройки.

Вследствие всего этого военные реформы 1860—1870-х годов не смогли обеспечить создания прочных основ обороноспособности государства.

Дальнейший период развития вооруженных сил России, начиная с 80-х годов, характеризовался стремлением царизма ослабить значение проведенных реформ, не только сохранить, но и всемерно усилить феодальные пережитки в армии.

Все это соответствовало общей линии политического курса самодержавия, безуспешно стремившегося повернуть колесо истории вспять.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Исторические источники, положенные в основу исследования, можно подразделить на три основных группы.

Первую группу составляет официальное делопроизводство, включающее в себя материалы различных комиссий по подготовке тех или иных преобразований, журналы и мемории официальных заседаний и совещаний, в том числе заседаний Государственного совета. К этой группе источников относятся различные доклады и отчеты Военного министерства, его главных управлений, военных округов, а также приказы по военному ведомству, циркуляры Главного штаба и т. д.

Вторая группа источников включает в себя дневники, воспоминания разных лиц и вместе с этим частную и полуофициальную переписку современников.

Наконец, третью группу источников составляет публицистика — газеты, журналы, общественные и иностранные, а также отдельные сочинения современников, носящие публицистический характер.

Особое место занимают материалы революционно-демократического лагеря, характеризующие развитие революционного движения в войсках. К ним, во-первых, относятся материалы Н. П. Огарева, находящиеся в так называемой заграничной коллекции Герцена—Огарева (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства). Среди этих материалов наибольший интерес представляет записная книжка Огарева, в которой содержится его запись о революционных организациях в войсках. Во-вторых, к этой группе источников необходимо отнести «Колокол» и «Народное дело», в которых содержатся сообщения о революционном движении в армии, а также освещается отношение революционных демократов к военным преобразованиям.

Материалы официального делопроизводства, касающиеся как состояния, так и преобразования русской армии, в значительной своей части хранятся в Центральном Военно-историческом архиве в г. Москве, в целом ряде его фондов.

Наибольшее количество дел, освещающих важнейшие проблемы темы, сосредоточены в фонде канцелярии Военного министерства, а также в фонде Военно-ученого архива (ВУА).

Фонд канцелярии Военного министерства состоит из 100 241 единицы хранения и включает в себя материалы с 1710 по 1917 г. Одним из наиболее ценных источников, хранящихся в данном фонде, являются по-годные «всеподданнейшие» доклады по Военному министерству, составлявшиеся с 1862 года, а также материалы отдельных управлений министерства, представлявшиеся для составления «всеподданнейших» докладов.

«Всеподданнейшие» доклады, издававшиеся литографированным способом, в количестве нескольких десятков экземпляров, представляют собою краткую, но вместе с тем полную характеристику состояния как армии (организация, комплектование, вооружение, система тактической подготовки), так и системы ее управления.

Эти доклады, предназначенные для ознакомления царя и узкого круга лиц — представителей высшей правительственной иерархии с состоянием армии более правильно, нежели другие официальные документы, отображали действительное положение вещей. В них, в отличие от «всеподданнейших» отчетов Военного министерства (характеристика которых будет дана ниже), содержится некоторый анализ и высказываются отдельные предположения в отношении тех или иных преобразований в будущем.

Однако было бы неверным предполагать, что «всеподданнейшие» доклады отражали в полном смысле слова истинное состояние армии. Представляя собою по существу отчет о деятельности Военного министерства, эти доклады носили, естественно, апологетический характер. В силу этого нередко те или иные недостатки, промахи

Военного министерства сглаживались, значение и объем осуществленных мероприятий преувеличивались.

В качестве примера можно привести следующий факт. Во «всепопданнейшем» докладе 1 января 1865 года сообщается, что вся пехота вооружена 6-линейными винтовками, в действительности же на протяжении и 1865 и 1866 годов часть войск была еще вооружена гладкоствольным оружием. Таким образом, «всепопданнейшие» доклады, при всей их ценности, как источника требуют к себе сугубо критического отношения.

Материалы по составлению «всепопданнейших» докладов представляют собою более или менее подробные сведения о деятельности тех или иных главных управлений.

Большое значение при изучении истории подготовки отдельных реформ имеют материалы различных комиссий, разрабатывавших вопросы преобразования тех или иных отраслей организации армии и военного управления.

К этому роду дел относятся материалы «Об учреждении комитета для обсуждения предположений по изменению организации войск в 8-ми частях»¹. «По письмам военного министра к разным лицам с препровождением печатной записки о главных основаниях предполагаемого устройства военного управления по округам», в 4 частях², «Об учреждении редакционных комиссий для начертания положения по учреждению военных округов»³ в семи частях, «По представлению Главного штаба о введении в армейских войсках в виде опыта нового порядка управления хозяйственной частью»⁴, в четырех частях. Все эти материалы представлены различными записками-проектами, сохранившимися большей частью в писарских списках, замечаниями разных лиц на проекты преобразований в автографах и списках, а также журналами заседаний различных комитетов и комиссий.

Большое значение для изучения состояния боевой подготовки войск имеют донесения военному министру членов военного совета о результатах производимых ими инспекторских смотров. Эти данные, в большом количестве имеющиеся в фонде, дают возможность составить более или менее верное представление о состоянии войск, внося тем самым серьезные коррективы в отчеты командующих военными округами.

Особенность фонда канцелярии Военного министерства заключается в том, что в нем сосредоточены все наиболее важные материалы ряда других фондов. Это обстоятельство объясняется тем, что все более или менее значительные вопросы, касавшиеся тех или иных сторон организации армии и ее управления, направлялись на рассмотрение военного министра через канцелярию министерства.

Вследствие этого мы находим в этом фонде и материалы по перевооружению армии, по реорганизации военно-учебных заведений, а также и сведения по другим различным вопросам. Таким образом, фонд канцелярии Военного министерства представляет исключительное значение для изучения ряда основных проблем темы.

Однако из этого фонда совершенно произвольно был изъят ряд важнейших материалов, связанных с подготовкой реформы о всеобщей воинской повинности 1874 г. и секретными совещаниями 1873 г. Все эти материалы были включены в фонд Военно-ученого архива (ВУА), представлявшего собою до 1925 года самостоятельное учреждение, совершенно не зависимое от Центрального военно-исторического архива.

В 1867 г. Военно-топографическое депо, хранившее значительное количество важных рукописных материалов, было переименовано в Военно-ученый архив. Назначение Военно-ученого архива заключалось в концентрации в его стенах наиболее интересных документов, касающихся военной истории России. Таким образом, Военно-ученый архив совершенно произвольно изымал из различных фондов представлявшие наибольшую ценность документы и концентрировал их в своей коллекции. Поэтому в коллекцию оказались включенными материалы, касающиеся подготовки всеобщей воинской повинности, а также материалы секретных совещаний. Материалы по подготовке реформы 1874 года представлены журналами заседаний комиссии о воинской повинности, созданной в начале 1871 года. Наряду с этим в них содержатся записки-проекты тех или иных членов комиссии и отдельных лиц по различным вопросам подготовляемой реформы. Все эти материалы представлены печатными оттисками⁵.

Весь комплекс вопросов, связанных с секретными совещаниями февраля—марта 1873 года, представлен в фонде ВУА отдельными материалами так называемой организационной комиссии⁶, созданной также в начале 1871 года и призванной разработать новую организацию армии. Среди этих материалов имеются: «Записка Главного

¹ ЦГВИА, ф. № 1 (Л), д. № 25455—25462.

² Там же, д. № 25447—25450.

³ Там же, д. № 26115, 26115а, 26120.

⁴ Там же, д. № 26195—26198.

⁵ Ф. ВУА, № 42037—42045, 42060, 42062, 42064. Некоторые журналы заседаний не сохранились.

⁶ Ф. ВУА, № 79013. В деле сохранились журналы заседаний этой комиссии.

штаба об устройстве войск» 1872 года. «Общий свод предположений об устройстве войск» 1873 года, 11 журналов заседаний организационной комиссии или, как она именовалась официально: «Комиссии, высочайше утвержденной для составления нового положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении», а также проекты отдельных лиц по тем или иным вопросам организации армии. Все эти материалы представлены также печатными оттисками. Кроме того, в этом же фонде ВУА сохранилось дело в пяти частях, озаглавленное «Материалы секретных совещаний, происходивших в феврале и марте 1873 года под личным председательством государя императора»¹.

Эти материалы представлены главным образом различными записками-проектами по организации войск, принадлежащими перу лиц высшей военной администрации, а также членов царской фамилии (ген. Тотлебена, Хрущева, гр. Берга, Черткова, Непокойчицкого, гр. Шувалова, вел. кн. Михаила и Николая Николаевичей, Александра II и др.). Записки эти подробно освещают разногласия в высших военных кругах по вопросам организации войск и системы военного управления.

В делах секретных совещаний находят «заключения», состоящие из постановлений, принятых по тем или иным обсуждавшимся там вопросам.

Большой интерес представляют различные стратегические обзоры. К ним относится записка «Соображения об обороне России». Эта анонимная записка представляет собою подробную характеристику предполагаемых театров войны, а также мероприятий по их укреплению. Она принадлежит перу Н. Н. Обручева, как об этом утверждает Милютин в своих «Воспоминаниях».

Следует также остановиться на обширной записке «Данные для оценки вооруженных сил России», представляющей собою подробную характеристику вооруженных сил европейских государств в сопоставлении их с численностью русской армии. Эта записка, представленная писарским списком с карандашными пометками на полях Н. Н. Обручева, принадлежит также ему. На основе анализа текста мы можем ее датировать осенью 1870 года. В этом же деле имеется также копия записки П. А. Валуева «Мысли невоенного о наших военных силах». Записка Валуева была представлена им через Милютину Александру II в октябре 1870 года; в ней впервые был поставлен вопрос о введении всеобщей воинской повинности.

Наконец, одна из частей дела секретных совещаний содержит в себе записки, рассматривающие финансовую сторону намеченных преобразований в области организации вооруженных сил. Среди этих материалов большой интерес вызывает печатная записка министра финансов М. Х. Рейтерна от 16 февраля 1873 года, содержащая в себе характеристику финансового положения России. В ней указывается на невозможность увеличения военного бюджета в размерах, потребных для осуществления намеченных Военным министерством преобразований.

Таковы материалы секретных совещаний, сохранившиеся в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА.

Помимо рассмотренных выше основных фондов, использованы также следующие фонды, хранящиеся как в Центральном Государственном Военно-историческом архиве, так и в его ленинградском филиале: 1) Главного штаба, 2) инспекторского департамента, 3) департамента Генерального штаба, 4) штаба е. и. в. главного начальника военно-учебных заведений, 5) главного артиллерийского управления, 6) главного управления военно-учебных заведений (ленинградский филиал), 7) исполнительной комиссии по перевооружению артиллерии, 8) комиссии по перевооружению полевой артиллерии, 9) Николаевской академии генерального штаба, 10) Константиновского военного училища, 11) 1-й с.-петербургской военной гимназии, 12) 2-й с.-петербургской военной гимназии, 13) Харьковского военного округа, 14) Варшавского военного округа, 15) мобилизационного комитета Главного штаба.

Большую ценность для изучения вопросов перевооружения армии и развития русской военно-технической мысли представляют собою материалы фонда главного артиллерийского управления, хранящиеся в архиве Артиллерийского исторического музея Академии артиллерийских наук в Ленинграде. Эти материалы представлены журналами артиллерийского технического комитета, перепиской по вопросам тех или иных изобретений, а также данными об испытаниях различных систем артиллерийских орудий.

Все эти материалы имеют огромное значение для установления приоритета русской науки в области артиллерии, а также и развития сталепушечного производства.

Материалы по подготовке закона о всеобщей воинской повинности хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), в фонде «Особого присутствия о воинской повинности»², а также частично в фонде Совета министров³.

¹ №№ 78854, 79025, 79037, 79038 и 79057.

² Дело № 1, ч. I — IV.

³ Дело № 83.

Эти материалы состоят из ряда печатных записок. В числе их имеется записка военного министра от 19 января 1873 года, излагающая подробно ход работы комиссии о воинской повинности, а также освещающая основные положения подготовленной реформы. К записке приложен и проект Устава о воинской повинности.

Далее следует назвать многочисленные записки-замечания на проект устава, поступившие в Государственный совет от разных лиц. В числе этих записок имеются замечания гр. Д. А. Толстого (две записки), тов. министра иностранных дел Вестмана, главного управляющего II отделением «с. е. и. в. канцелярии» кн. Урусова, Московского биржевого комитета и ряда лиц.

Помимо указанных записок, в деле содержатся также подлинные журналы заседаний «Особого о воинской повинности присутствия» и мемории общего собрания Государственного совета. Мемория общего собрания крайне скупко характеризуют ход прений, происходивших при окончательном обсуждении проекта закона в декабре 1873 года.

В фонде Совета министров хранится ряд важнейших документов, освещающих начальный период подготовки всеобщей воинской повинности. Наибольший интерес представляют записка военного министра «О главных основаниях личной военной повинности», поданная Александру II 7 ноября 1870 года, и «всеподданнейший» доклад военного министра 20 декабря 1870 года, содержащий также основные положения подготовляемой реформы, несколько измененные по сравнению с «Главными основаниями» на основе обсуждения этого вопроса на заседании Совета министров 10 декабря 1870 года.

В фонде Д. А. Милютин, хранящемся в отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, имеется значительное количество официальных материалов, связанных с реформами армии¹. Среди них находятся доклады по Военному министерству за все годы деятельности Милютин как военного министра, многочисленные записки-проекты по реорганизации тех или иных отраслей военного устройства и т. д.

Наряду с этими материалами (представленными в большинстве своем печатными, либо литографированными оттисками) в фонде содержатся различные черновые проекты и расчеты самого Милютин. Важно отметить, что среди многочисленных черновых проектов Милютин мы не находим ни одного, касающегося системы боевой подготовки войск.

Эти проекты, представляющие собой в большинстве своем автографы, имеют большую ценность для понимания ряда вопросов нашей темы. Так, например, на основе текстологического сопоставления одного из черновых автографов Милютин удалось установить, что записка неизвестного лица под инициалами «Z», представляющая собой критику проекта Главного штаба в области организации армии (1872 г.), принадлежит перу самого Милютин.

Черновой проект Милютин, полностью совпадающий с указанной выше запиской, представляет собой автограф, написанный карандашом со многими исправлениями и зачеркиваниями². Написан он на 8 листах in folio и имеет вкладку в 4° листа. На первом листе рукою Милютин же написано: «28 октября 1874». В этом же деле сохраняется также писарская копия этой записки, в конце которой вместо подписи поставлена буква «Z».

Наконец, большой интерес представляет собой имеющийся в фонде экземпляр печатной записки гр. Д. А. Толстого, представленной им в Государственный совет, с возражениями на проект устава о всеобщей воинской повинности. Этот экземпляр испещрен замечаниями Милютин, сделанными им на полях. Таковы официальные источники, извлеченные из архивов.

Из опубликованных источников этой группы надо назвать «всеподданнейшие» отчеты по Военному министерству, приказы Военного министерства, циркуляры Главного штаба, своды военных постановлений.

«Всеподданнейшие отчеты Военного министерства» составлялись ежегодно и издавались с опозданием в 1—2 года. Они состоят из собственно отчета Военного министерства, представляющего собой сухое изложение цифрового материала, а также из аналогичных отчетов всех главных управлений министерства, освещающих, естественно, более подробно состояние тех или иных отраслей военного управления. В отличие от «всеподданнейших» докладов, «всеподданнейшие» отчеты лишены какого-либо анализа и выводов.

Приказы Военного Министерства представляют собою ценный источник для изучения различных проблем нашей темы. Здесь мы находим данные об изменении органи-

¹ Общую характеристику фонда см. в нашей статье „Архив Д. А. Милютин“, „Вопросы истории“, № 5—6, 1946.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М., 8068, л. 65—73. (Нумерация листов спутана.)

зации войск, их вооружения и снаряжения, системе обучения и ряда других вопросов.

Первоначально приказы Военного министерства официально именовались «Приказами Военного министра», а после 1868 года — «Приказами по военному ведомству».

Циркуляры Главного штаба вызывают интерес с точки зрения директив в области обучения войск, разрабатывавшихся Главным штабом.

Сводь военных постановлений представляют собою собрание узаконений и распоряжений, касающихся военного ведомства. Нами использованы своды 1859 и 1869 годов.

В заключение следует назвать многотомные издания (97 томов) «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вышедшие в свет в период с 1898 по 1911 годы, представляющие собой собрание различных официальных документов (рапорты, донесения, реляции), характеризующих как ход военных действий, так и состояние войск в период войны. В это издание включены все более или менее значительные архивные документы.

* * *

Наиболее значимой частью второй группы источников являются воспоминания и дневники Д. А. Милютин. Свои воспоминания за период 60—70 годов, он написал в Симеизе в период с 1882 по 1887 год. «Воспоминания» носят откровенно апологетический характер. О многом Милютин вовсе умалчивает, кое о чем говорит не совсем точно. Так, например, в «Воспоминаниях» за 1870 год Милютин, рассказывая об обсуждении 10 декабря в Совете министров первоначального проекта закона о всеобщей воинской повинности, пишет: «В Совете министров не было возражений против основных идей проекта, высказаны были лишь частные замечания, вследствие которых были сделаны впоследствии некоторые изменения в первоначальных предположениях»¹. В действительности это было не так. Едва ли можно считать частным вопрос о праве откупа от военной службы. В первоначальном проекте Милютин считал возможным сохранение откупов. После же заседания Совета министров, в последующем документе — «всеобщей повинности» докладе 20 декабря — категорически указывалось, что «заменители и откупы не допускаются». Это изменение было внесено в результате обсуждения проекта в Совете министров.

В каждом томе «Воспоминаний» содержится специальная глава «Дела Военного министерства», подробно освещающая состояние армии и ее управления за истекший год. Эти главы, за исключением отдельных, подчас не лишенных интереса подробностей, представляют собой изложение содержания «всеобщей повинности докладов» за соответствующие годы. Наряду с этим в других главах, не относящихся специально к военным вопросам, содержатся любопытные рассказы Милютин об отношении к реформам как членов царствующего дома, так и отдельных представителей генералитета, в частности, группы Барятинского—Фадеева, выступавшей против преобразований в армии.

Особый интерес в «Воспоминаниях» за 1873 год представляет собою глава «Первые месяцы года», в которой Милютин подробно рассказывает о секретных совещаниях, происходивших в феврале—марте того же года.

Как по живости, так и по подробности изложения этот рассказ резко отличается от всего предшествующего. Нам представляется, что рассказ этот был написан Милютиным тотчас же, а затем впоследствии включен в «Воспоминания».

Подтверждением этой гипотезы является запись в дневнике Милютин за 8 апреля 1873 года.

«Принимаюсь вести свой дневник, — писал он, — только теперь, на 57-ом году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями. Все происходившее в этот тяжелый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно, в особой записке, совершенно объективно, никого не щадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности перед судом истории»². Повидимому, эта записка была включена позднее в «Воспоминания».

По своему содержанию рассказ Милютин о секретных совещаниях представляет исключительный интерес, тем более, что он является единственным источником, подробно освещающим этот вопрос. К тому же этот рассказ более или менее точно воспроизводит ход секретных совещаний. Подтверждением этого в значительной мере

¹ Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, М., 7850, стр. 103.

² Дневники Д. А. Милютин, т. I, М., 1947, стр. 77.

могут служить памятные книжки Александра II и дневники вел. кн. Константина Николаевича.

Дневники Милютина не излагают систематически и последовательно хода военных преобразований, как это сделано в «Воспоминаниях», однако они все же содержат ряд ценных сведений по этому вопросу. К тому же записи дневника по своему характеру более содержательны и ярки.

Значительную ценность представляет также «Дневник» для характеристики командования Дунайской армии в период 1877—1878 гг., в частности вел. кн. Николая Николаевича.

Дневники наследника престола вел. кн. Александра Александровича, хранящиеся в его фонде в Центральном Государственном Историческом архиве в Москве, представляют также некоторый интерес для изучаемого нами вопроса. Дневники эти велись с 1862 по 1881 год¹.

Для изучения подготовки закона о всеобщей воинской повинности, а также хода секретных совещаний 1873 года нами использованы дневники вел. кн. Константина Николаевича, хранящиеся в его фонде в Центральном Государственном Историческом архиве в Москве. Они охватывают большой период — с 1836 (т. е. с девятилетнего возраста его автора) по 1889 год. Дневники эти сообщают ряд новых интересных фактов из области внутренней политики и, в частности, деятельности Государственного совета.

Дневники вел. кн. Константина Николаевича известным образом дополняют воспоминания Милютина, а главное — дают возможность проверить правильность его рассказа как о ходе секретных совещаний, так и о прениях в Государственном совете по вопросу о всеобщей воинской повинности.

Этим же целям служат «памятные книжки» Александра II, представляющие собою крайне сухие и лапидарные записи в книжке-календаре. Памятные книжки Александра II хранятся в его фонде в Центральном Государственном Историческом архиве в Москве.

Помимо перечисленных дневников, нами использован рукописный дневник А. А. Киреева (адъютанта вел. кн. Константина Николаевича), хранящийся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а также записки сенатора Веселовского, находящиеся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Из опубликованных дневников и мемуаров следует назвать воспоминания генерала Залесова², Записки ген. Кренке³, генерала Менькова⁴, редактора газеты «Русский Инвалид» Феофтистова⁵, освещающих различные стороны военных преобразований, дневник Газенкампа⁶, воспоминания Паренсова⁷, посвященные русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и состоянию русской армии.

Эпистолярные источники составляют отдельные письма из фондов Милютина, Каткова, Фадеева, Чевкина, Воронцова-Дашкова, Александра III.

Большой интерес представляют также письма разных лиц к М. Н. Каткову, сохранившиеся в копиях в его фонде (отд. рукописей ГБЛ). Эти письма дают представление о закулисной борьбе реакционного лагеря против военных реформ, в частности, против введения всеобщей воинской повинности. Характеризуя третью группу исторических источников — публицистику, необходимо в первую очередь остановиться на военной периодической печати: «Русском Инвалиде», «Военном сборнике» и «Педагогическом сборнике», «Артиллерийском журнале» и «Оружейном сборнике».

Наряду с военной периодической печатью нами использован широкий круг газет и журналов: «Отечественные записки», «Голос», «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Русский мир», «Русский вестник».

В исследовании использованы также и иностранные газеты (английские, французские, германские и австро-венгерские), в частности оценки ими основной военной реформы — всеобщей воинской повинности.

* * *

Вопрос о реформах русской армии в 60—70-е годы XIX столетия не являлся предметом специального научного исследования ни дворянско-буржуазной, ни нашей

¹ С перерывом за 1877 год — время пребывания в Дунайской армии.

² Записки Н. Г. Залесова. «Русская старина», 1903—1905.

³ В. Кренке. — «Русская старина», 1882.

⁴ Записка Петра Кононовича Менькова, тт. I — III, СПб., 1898.

⁵ Е. Феофтистов. За кулисами политики и литературы, 1929.

⁶ М. Газенкампа. Мой дневник 1877—1878 гг., СПб., 1908.

⁷ П. Паренсов. Из прошлого. Воспоминания офицера ген. штаба, т. I — II, СПб., 1904.

советской исторической науки, вследствие чего и историография этой проблемы почти отсутствует. Работы, посвященные этому вопросу, принадлежащие перу военных историков прошлого, представляют собой перечень фактов, лишенных в большинстве своем какого-либо анализа.

К числу этих работ надо отнести опубликованный в 1879—1881 гг. «Исторический очерк деятельности Военного Управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880)», т. I—VI, принадлежащий перу ген.-м. Максимовского и полковника Хорошихина, под общей редакцией военного историка ген. Богдановича. Рассматриваемая работа написана, а точнее — составлена (как и указано на титульном листе) на основе «всеподданнейших» отчетов Военного министерства, а также его отдельных управлений. Однако никакого анализа в работе не дается, и никаких обобщений и выводов не делается.

В 1900 году, в связи с приближающимся столетним юбилеем Военного министерства, было приступлено к подготовке многотомного издания «Столетие Военного министерства» под общей редакцией генерала Д. А. Скалона.

С 1902 по 1914 год вышло в свет 13 томов этого справочно-официального издания, содержащего вместе с указателями и приложениями 52 книги. Это издание состоит из общего исторического очерка «Развитие военного управления в России», принадлежащего перу П. А. Данилова, а также из отдельных очерков истории тех или иных управлений Военного министерства (главного штаба, главного артиллерийского управления, главного управления военного-учебных заведений, главного управления ирегулярных войск и т. д.).

Большой интерес представляет очерк «Развитие военного управления в России». Исследуемому нами вопросу Данилов посвящает свыше ста страниц, подробно освещая важнейшие преобразования, осуществленные Военным министерством в 60—70-х годах. Более подробно освещаются все эти вопросы в специальных очерках. Однако изложение этого большого фактического материала дается в повествовательном духе, почти без какого бы то ни было анализа, как это было принято в юбилейных, к тому же официальных изданиях.

Помимо упомянутых нами многотомных изданий, освещающих военные реформы в целом, необходимо остановиться на некоторых работах, рассматривающих отдельные стороны исследуемой проблемы.

В 1888 г профессором Николаевской академии Генерального штаба А. Ридигером были изданы «Учебные записки по военной администрации», получившие в последующих изданиях наименование «Комплектование и устройство вооруженной силы» (ч. I и 2). Книга А. Ридигера, бесспорно, ценна по богатству фактических сведений, приводимых автором. Однако она содержит все пороки, присущие дореволюционной историографии. Армия рассматривается вне связи с политическим и экономическим состоянием страны. В силу этого выводы автора ошибочны.

Известный интерес для характеристики состояния русской армии в семидесятые годы представляет собой I том «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», изданный военно-исторической комиссией главного штаба в 1901 году. Этому вопросу посвящены в этом томе две главы: гл. IV — «Вооруженные силы России» (стр. 62—138) и гл. V — «Тактическая подготовка русской армии» (стр. 139—208).

В первой главе дается подробная характеристика организации и вооружения армии; во второй — система обучения войск. Особенный интерес вызывает вторая глава, в которой подробно освещается боевая подготовка различных родов оружия.

Автор верно отмечает недостатки как тактических принципов, так и системы боевой подготовки войск. Однако он не смог при этом вскрыть основные причины этих недостатков, коренившихся в самой природе самодержавно-дворянского государства.

Подробная характеристика состояния дореформенной армии в период Крымской войны дается в известном исследовании А. М. Зайончковского «Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой», т. I—II (СПб, 1908 г.). Эта монография, не касающаяся непосредственно нашей темы, вызывает интерес обстоятельной и подробной характеристикой состояния русской армии накануне Крымской кампании. Являясь крупным военным специалистом, автор всесторонне освещает состояние дореформенной армии. Давая правильную характеристику вооруженных сил России, автор вместе с тем не видит причин, обусловивших отсталость всей военной организации, сводя это в конечном счете лишь к частным недостаткам. «Но могут ли все эти временные недостатки нашей армии, — указывает он, — бросить на нее какую-нибудь тень? Такие недостатки в большей или меньшей степени свойственны армиям всего света, периодически увеличиваясь и уменьшаясь»¹.

¹ А. М. Зайончковский «Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой», т. I, стр. 592.

Таким образом, общая концепция автора страдает пороками, присущими дворянско-буржуазной историографии.

Наконец, важнейшей проблеме нашего исследования — введение всеобщей воинской повинности — посвящен очерк известного либерального публициста Г. Джаншиева «Воинский устав 1 января 1874 года (по поводу двадцатипятилетия)», включенный в его книгу «Эпоха великих реформ».

Этот очерк, написанный на основе ознакомления автора с архивными материалами Государственного совета, более или менее подробно освещает ход подготовки закона о всеобщей воинской повинности. Однако начальному периоду подготовки реформы автор не уделяет никакого внимания. По видимому, ему осталась неизвестной записка П. А. Валуева «Мысли невоенного о наших военных силах», положившая начало реформе. Ничего не говорится в очерке и о деятельности комиссии о воинской повинности, созданной Военным министерством в начале 1871 года.

Основным же недостатком указанной работы является методологически порочная трактовка закона о всеобщей воинской повинности.

Военная реформа 1874 года, по мнению Джаншиева, как и другие буржуазные преобразования, явилась результатом влияния «гуманно-прогрессивных идей», сторонником которых якобы был Александр II.

В советской историографии военные реформы 60—70-х гг. не являлись предметом научного исследования. Этому вопросу посвящен лишь ряд статей обзорного характера, не лишенных к тому же существенных недостатков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение	3
2. Глава I. Русская армия накануне реформ	7
3. Глава II. План военных преобразований	41
4. Глава III. Реформы в области организации комплектования армии и управления войсками в 60-е годы	68
5. Глава IV. Перевооружение армии	136
6. Глава V. Изменения в области боевой подготовки войск	181
7. Глава VI. Реформы военно-учебных заведений	227
8. Глава VII. Реформы в области организации армии и комплектования войск в 70-е годы	254
9. Заключение	338
10. Обзор источников и литературы	362

Технич. редактор *Т. А. Михайлова*

Подписано к печати 7/X 1952 г.
Т 07719 Тираж 5000
Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{10}$ Печатн. л. 31,8
Бум. л. $11 \frac{5}{8}$ Уч.-изд. л. 33,1 Зак. 3645.
Цена 15 руб.
Номинал по прейскуранту
1952 г.

4-я типография им. Евг. Соколовой Главполи-
графиздата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
17	7 св.	грanaдерского	грanaдерского
26	16 сл.	мотиры	мортиры
123	10 св.	феврался	февраля
204	1 сл.	¹⁾ „Артиллерийский	⁵⁾ „Артиллерийский
345	4 сл.	По данным	4) По данным

П. ЗАЙОНЧОВСКИЙ.

ВОЕННЫЕ
РЕФОРМЫ
1860-1870 ГОДОВ
В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1952

